МЕРЕЦКОВ

Николай Великанов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

МЕРЕЦКОВ Н. Великанов

ЖЗЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Ему исполнилось девять лет, но о том, чтобы учиться грамоте, не было и речи». «Поезжай в Москву, глядишь, в видные люди удастся выбиться». «Салют, хенераль руссо Петрович!» «Если бы вы знали, как меня били…» «Дело, которое поручено вам, является историческим делом…» Это сказано об одном человеке — Герое Советского Союза, кавалере ордена «Победа», Маршале Советского Союза Кирилле Афанасьевиче Мерецкове, участнике пяти войн, сполна проявившем свой полководческий талант на полях сражений и в Советско-финляндскую войну, и в Великую Отечественную против фашистских захватчиков и японских милитаристов. Автор скрупулезно прослеживает трудный путь своего героя от простого деревенского паренька до крупного советского военачальника.

- Николай Великанов
  -
  - СТРАШНЫЙ «СОН» ДЛИНОЮ В 74 ДНЯ И НОЧИ
    - В застенках НКВД — НКГБ
    - «Антисоветский заговор»
    - Тайный перелет Ю-52
    - Письмо Сталину
  - РОДИНУ И СУДЬБУ НЕ ВЫБИРАЮТ
    - С Мереи-реки
    - Детство и отрочество
    - В Москве
  - ПРИОБЩЕНИЕ К ИДЕЯМ БОЛЬШЕВИКОВ
    - Первые «духовные» наставники
    - Судогодский уком РСДРП(б)
  - НАДЕЛ ШИНЕЛЬ И ПЕРЕТЯНУЛСЯ РЕМНЕМ
    - По иной стезе
    - Комиссар
    - Боевое крещение
    - Краском Говорков
    - На учебу в академию
  - БОРЬБА С БЕЛОЙ ГВАРДИЕЙ
    - 14-я стрелковая дивизия
    - В степях Придонья
  - СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ
    - Поход Пилсудского
    - Встреча с будущим генсеком
    - Конармия

- В БОЛЬШУЮ ВОЕННУЮ ЖИЗНЬ
  - Женитьба
  - За два года — семь ступеней
  - Реорганизация вооруженных сил
  - В окружном аппарате
- ШАПОШНИКОВ, УБОРЕВИЧ, КОРК
  - «Хороший человек»
  - Оригинальная школа
  - Несовместимость
- ЗАПАД — ДАЛЬНИЙ ВОСТОК
  - Форпост перед Европой
  - ОКДВА
- ИСПАНИЯ ВЗЫВАЕТ О ПОМОЩИ
  - Мятеж националистов
  - «Гренада, Гренада, Гренада моя!»
  - Осажденный Мадрид
  - Защитить красную столицу
- «НО ПАСАРАН!» НО ОНИ ПРОШЛИ
  - Хенераль руссо Петрович
  - Мария Хулия Фортус
  - Сражения у Харамы
  - Гвадалахара
  - Генералиссимус Франко взял верх
- ОСОБЫЙ ЭТАП СЛУЖБЫ
  - Возвращение на родную землю
  - Пора пройти через должность командующего
- ФИНСКАЯ ВОЙНА
  - Путь переговоров либо силовой вариант
  - Дипломатические препирательства
  - Приказ: «Отбросить противника!»
  - Штурм линии Маннергейма
- ИТОГИ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ
  - Успех или провал?
  - Опыт
  - Пошли бы уроки впрок
- НАЧАЛЬНИК ГЕНШТАБА, ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРКОМА
  - Обновление руководства РККА
  - На прежнюю должность
  - Совещание 21 июня 1941 года
- И ГРЯНУЛА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
  - Как она началась…
  - Хитрый ярославец
  - Представитель Ставки Верховного главнокомандования

        - Без вины обвиненные
    - ЛЕНИНГРАД В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ
        - Ответственное задание
        - Не допустить второго кольца окружения
        - Тихвин
        - Враг отступил
    - ДЕЛО, КОТОРОЕ ПОРУЧЕНО ВАМ…»
        - Поспешность и неподготовленность
        - Любанская операция
        - Трагедия 2-й ударной армии
    - ИЗМУЧЕННЫЙ ГОРОД СПАСЕН
        - Затрещала стена фашистской блокады
        - Операция «Искра»
        - Освобождение
    - МАРШАЛ СЕВЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ
        - Снова Карелия, снова финны
        - Заполярье
        - По достоинству — высшее звание
    - К БЕРЕГАМ ТИХОГО ОКЕАНА
        - «Куда мы едем?»
        - Приморская группа войск
        - Парад Победы
    - ВЫПОЛНЯЯ СОЮЗНИЧЕСКИЙ ДОЛГ
        - Против Квантунской армии
        - Разгром
        - Капитуляция Японии
    - ОТШУМЕЛИ, ПРОЛЕТЕЛИ ГОДЫ
        - На мирные рельсы
        - Время собирать камни
    - ПОСЛЕСЛОВИЕ
    - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.А. МЕРЕЦКОВА
    - ЛИТЕРАТУРА
    - ИЛЛЮСТРАЦИИ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97

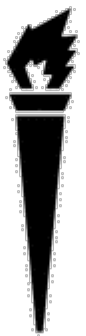
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115

Николай Великанов
МЕРЕЦКОВ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким



ВЫПУСК

1537

(1337)

«Молодая гвардия» , 2013

Автор сердечно благодарит всех, кто оказывал ему помощь в сборе материалов для книги, особенно — Владимира Кирилловича и Лидию Ефимовну Мерецковых за личные воспоминания о маршале К.А. Мерецкове, подбор исторических документов и фотоиллюстраций, а также выражает искреннюю признательность работникам Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, редакций газеты «Красная звезда» и Военно-исторического журнала.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012—2018 годы)».

СТРАШНЫЙ «СОН» ДЛИНОЮ В 74 ДНЯ И НОЧИ

В застенках НКВД — НКГБ

Он не мог себе представить даже в самом страшном сне, что произойдет с ним — заместителем наркома обороны, генералом армии, Героем Советского Союза — на второй день после начала Великой Отечественной войны…

Кирилл Афанасьевич Мерецков находился в Ленинграде. Под вечер 23 июня пришла срочная телеграмма от Тимошенко: «Немедленно вылететь Москву, прибытием явиться Кремль». У него не было ни малейшего сомнения, что экстренный вызов наркомом связан с предстоящим направлением на ответственный участок борьбы с вторгшимися на советскую территорию фашистскими войсками.

* * *

Самолет приземлился на московском аэродроме в 19 часов 10 минут. Едва подрулил к стоянке, как тут же к нему подкатил наркоматовский «паккард».

Шофер Григорий Широков быстро домчал Мерецкова до оборонного ведомства. Дежурный уведомил: у генерала есть еще тридцать минут. Кирилл Афанасьевич забежал в свой кабинет, побрился, переоделся в чистый мундир и снова — в машину.

— Давай, Гриша, быстрее, в Кремль, — бросил Широкову.

В Кремле в этот момент принималось решение о создании Ставки Главного командования Вооруженных Сил СССР. Формировалась группа постоянных советников из числа наиболее известных государственных и военных деятелей. В ее состав включался и Мерецков.

За час до приезда Мерецкова в Кремль прибыл комиссар государственной безопасности 1-го ранга В.Н. Меркулов, бывший 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР, а теперь глава нового наркомата — государственной безопасности (НКГБ). (При этом Меркулов не выходил из подчинения Л.П. Берии, так как тот являлся заместителем Председателя СНК, одновременно оставаясь наркомом внутренних дел.) О чем шеф НКГБ докладывал членам ЦК и правительства, неизвестно, но когда «паккард», проехав Спасские ворота, остановился в тупике возле Ивановской площади и Мерецков направился к подъезду здания Кремля, где на втором этаже располагался рабочий кабинет Сталина, у входа в приемную его остановили трое работников госбезопасности. Они попросили генерала проследовать с ними

вниз. Неподалеку от подъезда стоял черный ЗИС.

Мерецков попытался возразить, что он вызван на важное совещание, что они не имеют права его задерживать. Энкагэбисты, не обращая внимания на его возражения, предложили ему занять место на заднем сиденье, двое расположились рядом по бокам, третий сел за руль. В ту же минуту машина рванула с места к Спасским воротам и на большой скорости понеслась к Лубянке.

Всё это происходило на глазах Широкова. Он без раздумий устремился за ЗИСом. Перед въездом во двор здания НКВД — НКГБ охрана остановила «паккард». Широкову было рекомендовано вернуться в гараж Наркомата обороны…

* * *

Мерецкова поместили в одну из камер внутренней тюрьмы НКВД. За полночь его доставили в допросную комнату, где находились Меркулов и начальник Следственной части по особо важным делам майор госбезопасности Л.Е. Влодзимирский.

Это были опытные чекисты бериевской школы.

Бывший прапорщик царской армии Всеволод Меркулов с 1921 года пришелся по нраву органам ВЧК Закавказья. Его отличали решительность и жестокость. Он прочно вошел в так называемую «грузинскую мафию», возглавляемую Берией, и стал одним из лучших его учеников и особо доверенным лицом.

Лев Влодзимирский, поляк по национальности, с молодых лет посвятил свою жизнь борьбе с врагами советской власти. С приходом в НКВД Берии стал его верным подручным, прослыл мастером пыток подследственных. Не случайно был назначен начальником Следственной части по особо важным делам НКВД СССР.

Меркулов предъявил Мерецкову обвинение в принадлежности к антисоветской военно-заговорщической организации и сотрудничестве с германской разведкой — статья 58, пункты 1 «б», 7, 8, 11 УК РСФСР. На него было заведено следственное дело №981697.

Первый допрос — первый вопрос: признает предатель-генерал, что состоит в преступной организации врагов народа?

Мерецков задохнулся от негодования: его назвали предателем.

— Как вы смеете…

Меркулов не дал ему договорить, резко ударил кулаком в лицо. Да так, что генерал залился кровью.

— Признаешь?

— Ни в какой антисоветской военно-заговорщической организации не состою.

И новый удар. Теперь — Влодзимирский…

Попеременно они избивали его до утра, требуя признания.

После бессонной ночи Меркулов отправился отдохнуть, а Влодзимирскому поручил подобрать «мастеров» из числа лучших следователей, которые продолжили бы следственные «мероприятия».

Мастера были подобраны что надо: заместители начальника Следственной части по особо важным делам НКГБ Б.В. Родос и Л.Л. Шварцман.

Неуч Родос (в 1953 году в ходатайстве о помиловании он сам себя так назвал, поскольку имел всего четыре класса образования) был «профессором» по разработке арестованных. Он прославился этим еще в 30-е годы. Применяя разнообразные изощренные пытки, он «расколол» в свое время С.В. Косиора, П.П. Постышева, А.В. Косарева и других видных партийных деятелей, признавших себя врагами народа.

Заправским палачом был и неудавшийся журналист Шварцман. Его садизм и полное отсутствие чувства сострадания к людским мукам поражали даже его сообщников. Чудовищными издевательствами он мог добиться от арестованных любых показаний.

«Лучшие следователи» Родос и Шварцман под руководством Влодзимирского рьяно взялись за дело. Они работали сразу с несколькими арестантами высокого звания.

Однажды Кирилла Афанасьевича привели в допросную и он увидел там трех новых людей. Это были Шварцман и следователи Зименков и Сорокин. Допрос начался с беспричинного избиения.

В 1955 году Лев Шварцман даст показания, будучи подсудимым: «Физические методы воздействия применяли к Мерецкову сначала высокие должностные лица Меркулов и Влодзимирский, а затем и я со следователями Зименковым и Сорокиным. Его били резиновыми палками». На вопрос судьи: «Вы отдавали себе отчет в том, что избиваете крупнейшего военачальника, заслуженного человека?» Шварцман ответил: «Я имел такое высокое указание, которое не обсуждается».

В другой раз Мерецкову была устроена очная ставка с начальником управления ПВО РККА Г.М. Штерном и командующим войсками Прибалтийского особого военного округа А.Д. Локтионовым, наркомом вооружения Б.Л. Ванниковым. «Значит, схватили и их…» — мелькнула мысль.

Очную ставку проводили Влодзимирский и Родос. И снова —

избиения.

Впоследствии Мерецкова, Штерна, Локтионова, Ванникова неоднократно подвергали перекрестным допросам Влодзимирский, Шварцман и Родос или Шварцман, Зименков и Сорокин. В конце допросов от жестоких побоев арестованные теряли сознание, а следователи приводили их в чувство, мочась им на голову.

Вот свидетельство бывшего следователя НКВД Семенова: «Я лично видел, как зверски избивали на следствии Мерецкова и Локтионова. Они не то что стонали, а просто ревели от боли… особенно зверски поступали со Штерном. На нем не осталось живого места. На каждом допросе он несколько раз лишался сознания… Локтионов был жестоко избит, весь в крови, его вид действовал и на Мерецкова, который его изобличал. Локтионов отказывался, и Влодзимирский, Шварцман и Родос его продолжали избивать по очереди и вместе на глазах Мерецкова, который убеждал Локтионова подписать все, что от него хотели…»

После своего ареста в 1953 году Берия признал, что действительно «в отношении Мерецкова, Ванникова и других применялись беспощадные избиения»: «Это была настоящая мясорубка, и таким путем вымогались клеветнические показания. Нарком госбезопасности СССР Меркулов играл главную роль, и у меня нет сомнений, что он лично применял пытки… Mjie вспоминается, что, говоря со мной о деле Мерецкова, Ванникова и других, Меркулов преподносил это с позиций достижений, что он раскрыл подпольное правительство, организованное чуть ли не Гитлером».

Следствие торопилось завершить дело с «изменниками», и поэтому на арестованных оказывалось такое жесткое физическое воздействие. Зверски избитые жертвы «признали» в конце концов (кроме Локтионова) то, чего от них добивались. Оставалось уточнить некоторые детали и оформить материалы в суд.

18 августа заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Б.З. Кобулов утвердил постановление о продлении срока следствия по делу Мерецкова до 23 сентября 1941 года. В постановлении отмечалось, что по обвинению в принадлежности к антисоветской военно-заговорщической организации и сотрудничестве с германской разведкой Мерецков «виновным себя признал» и «изобличается» показаниями ряда заговорщиков, в связи с чем необходимо продолжить с ним следственные действия для выявления его «антисоветско-шпионских» связей. Кирилла Афанасьевича ожидало продолжение достаточно пристрастных (судя по уже

сделанному им «признанию») «следственных» действий и неминуемый расстрельный приговор.

«Антисоветский заговор»

До того как Мерецков попал на Лубянку, были арестованы: 7 июня — нарком вооружения Б.Л. Ванников, командующий ПВО РККА генерал-полковник Г.М. Штерн; 8 июня — помощник начальника Генштаба по авиации генерал-лейтенант Я.В. Смушкевич; 19 июня — командующий Прибалтийским Особым военным округом генерал-полковник А.Д. Локтионов. Подверглись арестам и другие военные руководители различных рангов. Большинство — известные в стране военачальники.

Например, Борис Львович Ванников, талантливый военный инженер, возглавлявший с 1939 года Народный комиссариат оборонной промышленности страны, затем вооружения СССР. С назначением Ванникова на эту должность в короткое время был создан и принят на вооружение целый ряд новых первоклассных образцов оружия и боевой техники. В будущем генерал-полковник инженерно-технической службы Ванников станет трижды Героем Социалистического Труда, лауреатом Сталинских премий.

Выделялся среди высших командиров Красной армии и Григорий Михайлович Штерн. Главный военный советник при республиканском правительстве во время национально-революционной войны в Испании… В 1938 году — начальник штаба Дальневосточного фронта, руководил боевыми действиями против японцев во время вооруженного конфликта в районе озера Хасан… После хасанских событий сменил опального маршала В.К. Блюхера на посту командующего 1-й Особой Дальневосточной армией… В 1939-м возглавлял фронтовую группу в районе реки Халхин-Гол. В 30-е годы «Правда» писала о нем: «Выдающийся военачальник, талантливый ученик тов. Ворошилова. Один из замечательных военных деятелей нашей партии — он являет собой образец мужественного большевика, боевого руководителя войск…» В апреле 1941 года Штерн был назначен начальником Управления ПВО РККА.

Яков Владимирович Смушкевич — первый в СССР дважды Герой Советского Союза. Первую звезду он получил в 1937 году за Испанию, вторую — в 1939-м за Халкин-Гол. Он командовал авиацией, действовавшей против японских войск. Это были небывалые по масштабам того времени и ожесточенности воздушные сражения. Летчики в боях с японскими асами неизменно одерживали блестящие победы. В 1939 году Смушкевич становится начальником ВВС Красной армии, в 1940-м — помощником начальника Генерального штаба РККА по авиации.

Локтионов Александр Дмитриевич с 1930-х годов на высоких командных должностях. В 1937-м был назначен командующим войсками Среднеазиатского военного округа и в том же году стал начальником ВВС РККА — заместителем наркома обороны СССР по авиации. С 1940 года возглавлял Прибалтийский Особый военный округ, проводил в предвоенные годы большую работу по повышению боевой готовности войск…

Кирилл Афанасьевич хорошо знал этих людей, они вместе воевали в Испании, потом он постоянно находился с ними в контакте по службе. Он близко к сердцу воспринял случившееся с ними, переживал за них, с тревогой вслушивался в сообщения о новых арестах.

В последние недели Мерецков жил в ожидании надвигающейся опасности. По ночам все чаще в памяти всплывали неприятные картины прошлого. Вот одна из них. В начале апреля 1941 года проходило заседание Главного военного совета РККА. В числе других вопросов обсуждалось положение в авиации, в частности речь шла о большой аварийности. Слово было предоставлено П.В. Рычагову. Кириллу Афанасьевичу запало в память тогда, как вышел к трибуне Павел Рычагов — бравый тридцатилетний генерал-лейтенант авиации, скуластый, с шевелюрой черных волос, в ладной гимнастерке. Заговорил четко, но было заметно, что волнуется. Разошелся. Обращаясь к членам Главного военного совета, выпалил:

— Аварийность и будет большая, потому что вы заставляе те нас летать на гробах!

Это заявление для всех было совершенно неожиданным. Рычагов сделал паузу. Наступила абсолютная тишина. Все ждали, как поведет себя Сталин.

Он некоторое время молчал, а затем сказал Рычагову медленно, тихо, с характерной интонацией:

— Вы не должны были так говорить. — И сразу же, не повышая голоса: — Заседание закрывается…

Выходя из зала, кто-то из генералов проронил, ни к кому не обращаясь: «Вынес себе приговор». Мерецков подумал: «Сталин не простит Павлу этих слов».

12 апреля 1941 года Рычагов был снят с занимаемой должности.

…Находившемуся уже в камере внутренней тюрьмы на Лубянке Мерецкову не было известно, что в ночь на 24 июня вслед за ним в тюремный застенок попал и Павел Рычагов.

* * *

В июне 1937 года в Советском Союзе прокатился первый вал репрессий в армии, под который попали Маршал Советского Союза М.Н. Тухачевский, командармы 1-го ранга И.П. Уборевич и И.Э. Якир, армейский комиссар 1-го ранга Я.Б. Гамарник, командармы 2-го ранга А.И. Корк, Р.П. Эй-деман, Б.М. Фельдман, В.М. Примаков, комкор В.К. Путна. За первым большим валом до самого конца 1939 года шли последующие волны репрессий, которые унесли жизни многих выдающихся, заслуженных военачальников. Среди них командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией В.К. Блюхер, 1-й заместитель наркома обороны СССР А.И. Егоров, заместитель наркома обороны Союза ССР И.Ф. Федько, заместитель наркома обороны СССР и начальник Военно-Морских Сил В.М. Орлов, заместитель начальника Генерального штаба РККА В.Н. Левичев, начальник Управления боевой подготовки РККА Н.Д. Каширин, начальник ВВС РККА Я.И. Алкснис, начальник Главного управления погранвойск Н.К. Кручинкин, начальник Разведывательного управления РККА Я.К. Берзин, начальник Управления ПВО страны А.И. Седякин, начальник Академии Генштаба РККА Д.А. Кучинский, начальник штаба ВВС РККА В.К. Лавров, командующий авиацией Особого назначения В.В. Хрипин; командующие войсками военных округов: Белорусским — И.П. Белов, Ленинградским — П.Е. Дыбенко, Уральским — Я.П. Гайлит, Северо-Кавказским — С.Е. Грибов, Среднеазиатским — И.К. Грязнов, Закавказским — Н.В. Куйбышев, Забайкальским — М.Д. Великанов; командир 4-го казачьего корпуса И.Д. Косогов, член Военного совета авиации Особого назначения И.М. Гринберг, член Военного совета Тихоокеанского флота Г.С. Окунев. Всех перечислить невозможно…

И вот наступил июнь 1941 года. Снова репрессии против военных. Теперь очередными «заговорщиками» объявлялись уцелевшие после массового уничтожения высших командных кадров Красной армии видные военачальники. Новыми «врагами народа» оказались: Ванников, Мерецков, Смушкевич, Штерн, Локтионов, Рычагов, Савченко, Склизков, Арженухин, Сакриер, Проскуров и другие.

Причем заместитель начальника Главного артиллерийского управления НКО СССР Г.К. Савченко, начальник отдела этого управления С.О. Склизков, начальник Военно-воздушной академии, генерал-лейтенант Ф.К. Арженухин, заместитель начальника управления вооружений Главного управления ВВС И.Ф. Сакриер, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации И.И. Проскуров были «влиты» в «антисоветскую военную организацию» спустя некоторое время после начала войны.

В первые дни войны в связи с катастрофическим разгромом и отступлением Красной армии под ударами фашистских войск были также арестованы командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г. Павлов, его генералы В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев и А.А. Коробков.

Государственный Комитет Обороны СССР 16 июля 1941 года по этому поводу принял специальное постановление:

«№ ГОКО-169сс, 16 июля 1941 г. Сов. секретно. Москва, Кремль.

Государственный Комитет Обороны устанавливает, что части Красной армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо геройски, отстаивая родную землю от фашистских грабителей. Однако наряду с этим Государственный Комитет Обороны должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Обороны считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты строжайшие меры против трусов, паникеров, дезертиров. Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной армии.

Исходя из этого, Государственный Комитет Обороны, по представлению Главнокомандующих и Командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду Военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;

2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;

3) бывшего начальника связи Западного фронта генерал-майора Григорьева;

4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова. <…>

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Обороны предупреждает вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной армии, помятуя, что железная дисциплина в Красной армии является важнейшим условием победы над врагом.

Государственный Комитет Обороны требует от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов на великие подвиги, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин».

* * *

В июле 1941 года Верховный суд СССР во исполнение этого постановления ГКО СССР судил Павлова и генералов его округа[1]. В ходе судебного следствия председатель суда В.В. Ульрих спрашивал Павлова:

«Ульрих. В показаниях от 21 июля 1941 года вы говорите: "Поддерживая все время с Мерецковым постоянную связь, последний в неоднократных беседах со мной систематически высказывал свои пораженческие настроения, указывая неизбежность поражения Красной армии в предстоящей войне с немцами. С момента начала военных действий Германии на Западе Мерецков говорил, что сейчас немцам не до нас, но в случае нападения их на Советский Союз и победы германской армии хуже нам от этого не будет". Такой разговор у вас с Мерецковым был?

Павлов. Да, такой разговор происходил у меня с ним в январе месяце 1940 года в Райволе.

Ульрих. Кому это "нам хуже не будет"?

Павлов. Я понял его, что мне и ему.

Ульрих. Вы соглашались с ним?

Павлов. Я не возражал ему, так как этот разговор происходил во время выпивки. В этом я виноват.

Ульрих. На предварительном следствии вы дали такие показания: "Для того чтобы обмануть партию и правительство,

мне известно точно, что генеральным штабом (в тот период начальником Генштаба РККА был К.А. Мерецков. — *Н. В.)* план заказов на военное время по танкам, автомобилям и тракторам был завышен раз в десять.

Генеральный штаб обосновывал это завышение наличием мощностей, в то время как фактически мощности, которые могла бы дать промышленность, были значительно ниже… Этим планом Мерецков имел намерение на военное время запутать все расчеты по поставкам в армию танков, тракторов и автомобилей". Эти показания вы подтверждаете?

Павлов. В основном, да. Такой план был. В нем была написана такая чушь. На основании этого я и пришел к выводу, что план заказов на военное время был составлен с целью обмана партии и правительства…»

В заключительном слове Павлов отказался от «признательных» показаний о своем участии в антисоветском военном заговоре, пояснив, что дал их, будучи в невменяемом состоянии[2].

«Заговорщиков» в ходе следствия жестокими избиениями нередко доводили до невменяемого состояния. Так, на допросе 27 июня 1941 года Штерн, не выдержав пыток, показал, что с 1931 года являлся участником военно-заговорщической организации и агентом немецкой разведки, однако в конце протокола допроса, куда были занесены эти показания, собственноручно дописал: «Все вышеизложенное я действительно показывал на допросе, но все это не соответствует действительности и мною надумано, т. к. никогда в действительности врагом, шпионом и заговорщиком я не был».

Мучительные пытки применялись в ходе следствия к Локтионову. Он обращался к руководству страны:

«…Я подвергаюсь огромным физическим и моральным испытаниям… У меня стынет кровь в жилах. Умереть, зная, что ты не был врагом, меня приводит в отчаяние… Я пишу последние слова — крик моей души; дайте умереть честной смертью в труде за интересы моей Родины — Советского Союза. Умоляю свое правительство — спасите жизнь. Я не виновен в измене Родине. Бывший ген[ерал]-полковник Локтионов».

«Преступная антисоветская группа» военных была выявлена за несколько дней до начала Великой Отечественной войны. Но руководство НКВД — НКГБ выдавало ее за давно созданную и глубоко законспирированную организацию. Нити к ней, убеждал Берия Сталина, тянутся с 1937—1938 годов.

Мерецкову в качестве причины ареста прямо инкриминировалась «преступная связь» с бывшим командующим

Белорусским военным округом Уборевичем. На него до ареста имелись показания свыше сорока свидетелей, что он является участником военного заговора. В качестве свидетелей фигурировало несколько военнослужащих, чьи заявления датированы 1937—1938 годами.

В 1937 году был необоснованно арестован редактор газеты «Красная звезда» армейский комиссар 2-го ранга М.М. Ланда. На допросах в НКВД в результате истязаний он оговорил себя и еще 90 руководящих работников Красной армии, которые якобы были участниками военного заговора. В числе заговорщиков Ланда назвал и заместителя начальника Генштаба РККА Мерецкова.

Сталин, ознакомившись с протоколом допроса Ланды от 11 ноября 1937 года, написал на нем следующее:

«т. Смирнову (ПУР) и Щаденко[3].

Обратите внимание на показание Ланды. Видимо, все отмеченные (названные) в показании лица, пожалуй, за исключением Мерецкова и некоторых других, — являются мерзавцами».

Против Мерецкова также дал показания Смушкевич: о якобы имевшейся «связи по заговору» между Штерном и Мерецковым еще в 1937 году, когда они воевали в Испании.

Тайный перелет Ю-52

Это произошло 15 мая 1941 года. В середине дня в небе Москвы неожиданно появился немецкий самолет «Юнкерс-52»[4] и вскоре совершил самовольную посадку на Ходынском поле.

Случай неприятный. Как могли допустить перелет границы СССР Ю-52 командование и службы воздушного наблюдения ВВС и ПВО? Советское руководство решило скрыть от народа этот позорный факт.

Внутри высших политических и военных кругов страны несанкционированный прилет в Москву Ю-52 особого всплеска эмоций не вызвал. Мерецков видел, что нарком Тимошенко, начальник Генштаба Жуков злополучный перелет Ю-52 не считали таким уж ЧП. Самолеты Германии часто нарушали границы Советского Союза, нередко садились на нашей территории, иногда даже группами. С октября 1939-го по май 1941 года таких нарушений было свыше пятисот, причем наибольшее число из них приходилось на первое полугодие 1941 года. Сбивать самолеты-нарушители категорически запрещалось. Наркомат иностранных дел СССР подавал официальные протесты Германии, на которые она не реагировала.

Реакция на вторжение «юнкерса» в советское воздушное пространство и наглое приземление в Москве последовала не сразу. Только 10 июня был издан приказ наркома обороны № 0035 «О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52», в котором говорилось:

«15 мая 1941 г. германский внерейсовый самолет Ю-52 совершенно беспрепятственно был пропущен через государственную границу и совершил перелет по советской территории через Белосток, Минск, Смоленск в Москву. Никаких мер к прекращению его полета со стороны органов ПВО принято не было. Посты ВНОС[5] 4-й отд. бригады ПВО Западного особого военного округа, вследствие плохой организации службы ВНОС, обнаружили нарушивший границу самолет лишь тогда, когда он углубился на советскую территорию на 29 км, но, не зная силуэтов германских самолетов, приняли его за рейсовый самолет ДС-3 и никого о появлении внерейсового Ю-52 не оповестили. Белостокский аэропорт, имея телеграмму о вылете самолета Ю-52, также не поставил в известность командиров 4-й бригады ПВО и 9-й смешанной авиадивизии, так как связь с ними с 9 мая была порвана военнослужащими. Командование 9-й смешанной авиадивизии никаких мер к немедленному восстановлению связи не приняло, а вместо этого сутяжничало с

Белостокским аэропортом о том, кому надлежит восстановить нарушенную связь.

В результате командир западной зоны ПВО генерал-майор артиллерии Сазонов и начальник штаба 4-й отд. бригады ПВО майор Автономов никаких данных о полете Ю-52 до извещения из Москвы не имели. В свою очередь вследствие плохой организации службы в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москвы командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Тихонов и зам. начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 1-го корпуса ПВО 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерейсовый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета внерейсового самолета Ю-52 не было принято и по линии Главного управления ВВС К.А. Более того, начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет.

Все эти факты говорят о неблагополучном состоянии службы ПВО Западного особого военного округа, о плохой ее организации, слабой подготовленности личного состава ВНОС ПВО, потере бдительности в 4-й отд. бригаде ПВО и отсутствии должной требовательности со стороны командующих военными округами и высшего начсостава ПВО и ВВС к четкости несения службы ПВО.

Приказываю:

1. Военному совету Западного особого военного округа тщательно расследовать факт самовольного пролета самолета Ю-52 через территорию округа, выявить всех виновных лиц и наложить на них взыскания своею властью. Немедленно восстановить телефонную связь Белостокского аэропорта с 9-й смешанной авиадивизией и штабом 4-й бригады ПВО и в пятидневный срок проверить состояние связи аэропортов со штабами ПВО. Исполнение донести к 20.6.41 г.

2. Военным советам округов (ДВФ) назначить авторитетные комиссии, которые обязать к 1.7.41 г. обследовать всю систему ПВО на территории округов, обратив особое внимание на ее боеготовность, состояние службы наблюдения, оповещения, связи и подготовку постов ВНОС. Все недочеты, вскрытые комиссиями, устранить на месте в процессе их работы. Результаты

обследования и о принятых мерах донести мне к 5.7.41 г.

3. Начальнику Главного управления ПВО до 1.7.41 г. обследовать состояние ПВО в Западном особом и Московском военных округах и результаты обследования доложить мне лично. Его же распоряжением обеспечить к 1.7.41 г. все посты ВНОС силуэтами самолетов и организовать проверку знаний постами ВНОС силуэтов и умения определять по ним принадлежность самолетов.

4. За плохую организацию службы ВНОС, отсутствие должного воинского порядка в частях ПВО и слабую подготовку личного состава постов ВНОС командующему Западной зоной ПВО генерал-майору артиллерии Сазонову, начальнику штаба 4-й бригады ПВО майору Автономову объявить выговор.

5. За самовольное разрешение пролета и посадки Ю-52 на московском аэродроме без поверки прав на полет в Москву начальнику штаба ВВС генерал-майору авиации Володину и заместителю начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майору авиации Грендалю объявить замечание.

6. Командиру 1-го корпуса ПВО генерал-майору артиллерии Тихонову и заместителю начальника Главного управления ПВО генерал-майору артиллерии Осипову обратить особое внимание на слабую организацию системы наблюдения и оповещения.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза *С. Тимошенко*
Начальник Генерального штаба Красной Армии
генерал армии *Г. Жуков».*

* * *

Мягкости наказания должностных лиц ВВС и ПВО за такие серьезные нарушения в организации охраны воздушных рубежей страны Мерецков не придал значения и, возможно, был согласен с ним: среди авиационных и пэвэошных начальников было немало его боевых товарищей по Испании.

Но Кирилла Афанасьевича насторожил несанкционированный перелет Ю-52. Цель его не была установлена (допросы арестованного экипажа «юнкерса» ничего не дали). Однако Мерецков считал, что Гитлер и его высшее военное окружение этим дерзким перелетом проверяли бдительность и боеготовность Красной армии…

Тайный прилет в середине мая 1941-го немецкого «юнкерса» в Москву был «забыт» на 53 года.

* * *

О странном инциденте с Ю-52 широкой общественности впервые стало известно из книги мемуаров П.А. Судоплатова «Разведка и Кремль», опубликованной в 1994 году на английском языке и в 1996-м — на русском. «В мае 1941 года, — поведал Судоплатов, — немецкий "Юнкерс-52" вторгся в советское воздушное пространство и, незамеченный, благополучно приземлился на центральном аэродроме в Москве возле стадиона "Динамо". Это… привело к волне репрессий в среде военного командования: началось с увольнений, затем последовали аресты и расстрел высшего командования ВВС».

Через год после выхода в свет мемуаров Судоплатова писатель И.Л. Бунич в своей книге «Лабиринты безумия» историю с тайным прилетом «Ю-52» развернул в сенсационное открытие. Он красочно описал динамику скандального прилета в Москву немецкого самолета. «Юнкере» появился в воздушном пространстве СССР 15 мая в 7 часов 30 минут в районе Белостока, в дальнейшем он беспрепятственно взял курс на Минск и Смоленск, а в 11 часов 30 минут вошел в зону московской ПВО и сел на Центральном аэродроме. Возле «юнкерса» появился неизвестный человек, который быстро вошел в самолет и, спустя минуту, вышел из него с портфелем. В портфеле содержалось совершенно секретное личное письмо Адольфа Гитлера Иосифу Сталину. Бунич приводит его текст:

«Уважаемый господин Сталин! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда я окончательно пришел к выводу, что невозможно добиться прочного мира в Европе ни для нас, ни для будущих поколений без окончательного сокрушения Англии и уничтожения ее как государства…

При формировании войск вторжения вдали от глаз и авиации противника, а также в связи с недавними операциями на Балканах вдоль границы с Советским Союзом скопилось большое количество моих войск, около 80 дивизий, что, возможно, и породило циркулирующие ныне слухи о вероятном военном конфликте между нами.

Уверяю Вас честью главы государства, что это не так.

Со своей стороны, я также с пониманием отношусь к тому, что Вы не можете полностью игнорировать эти слухи и также сосредоточили на границе достаточное количество своих войск.

В подобной обстановке я совсем не исключаю возможность случайного возникновения вооруженного конфликта, который в условиях такой концентрации войск может принять очень крупные размеры, когда трудно или просто невозможно будет

определить, что явилось его первопричиной. Не менее сложно будет этот конфликт и остановить.

Я опасаюсь, что кто-нибудь из моих генералов сознательно пойдет на подобный конфликт, чтобы спасти Англию от ее судьбы и сорвать мои планы.

Речь идет всего об одном месяце. Примерно 15—20 июня я планирую начать массированную переброску войск на запад с Вашей границы.

При этом убедительнейшим образом прошу Вас не поддаваться ни на какие провокации, которые могут иметь место со стороны моих забывших долг генералов. И, само собой разумеется, постараться не давать им никакого повода. Если же провокации со стороны какого-нибудь из моих генералов не удастся избежать, прошу Вас, проявите выдержку, не предпринимайте ответных действий и немедленно сообщите о случившемся мне по известному Вам каналу связи.

Прошу извинить меня за тот способ, который я выбрал для скорейшей доставки этого письма Вам.

Я продолжаю надеяться на нашу встречу в июле.

Искренне Ваш Адольф Гитлер

14 мая 1941 года».

Бунич утверждает, что чрезвычайная скрытность полета «юнкерса» в Москву была обусловлена строгой конфиденциальностью письма германского канцлера. Фюрер не мог доверить его пересылку ни дипкурьеру, ни шифровке в посольство, ни личному посланцу.

Однако утверждения эти весьма сомнительны. Тем не менее почти детективному рассказу Бунича о перелете самолета и письме Гитлера Сталину некоторые люди (довольно солидные) в нашей стране и на Западе поверили.

В 2003 году в Волгограде в газете «Южный Федеральный» был помещен отчет о состоявшейся научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы, на которой присутствовал бывший министр обороны Маршал Советского Союза Д.Т. Язов. «В своем выступлении, — сообщает газета, — он зачитал текст письма Гитлера Сталину от 14 мая 1941 года, в котором германский лидер уверял советского руководителя в том, что "упорно циркулирующие слухи" о предстоящем конфликте между Германией и СССР не соответствуют истине. По мнению Язова, Сталин в действительности мог быть введен Гитлером в заблуждение, чем отчасти и объясняется провал Красной армии в первые дни войны».

«Красная звезда» от 26 ноября 2003 года публикует статью Марины Елисеевой «Офицерский корпус в политической жизни

России». Это была рецензия на два тома (5-й и 6-й) сборников документов, подготовленных доктором политических наук А.И. Пановым. В публикации говорилось о перелете Ю-52 из Германии в Москву и о письме Гитлера Сталину.

Не прошло и года после публикации в «Красной звезде», как газета «Независимое военное обозрение» поместила статью на эту же тему, в которой обсуждались причина прилета в СССР немецкого самолета и отдельные места из письма Гитлера Сталину. «Независимому военному обозрению» вторит киевская газета «Секретные исследования»[7].

«Сенсацию» подхватили на Западе, и первыми здесь стали американские «историки». Письмо Гитлера заинтересовало бывшего разведчика США, ставшего историком, Дэвида Э. Мерфи[8], который в книге «Что знал Сталин: Загадка плана "Барбаросса"» добросовестно сослался на «исследование И.Л. Бунича» и честно добавил, что никаких других (архивных) документов на этот счет у него нет. Затем другой заокеанский историк Джон Лукакс в своей книге «Июнь 1941-го: Гитлер и Сталин» муссирует детище Бунича — «письмо Гитлера».

В «Российской газете» от 20 июня 2008 года фантазию о письме германского фюрера советскому вождю накануне фашистского вторжения в СССР увлеченно пересказал известный политолога. И. Уткин.

Историк В.П. Лебедев скрупулезно занимался поиском убедительных доказательств существования письма. В американском журнале на русском языке «Чайка»[9] в материале «Письмо Гитлера Сталину»[10] он пишет: «Ссылкой на источник письма я интересовался давно. Задал этот вопрос Буничу в далеком 1997 году, когда проводил передачу с ним на радио WMNB. Тот утверждал, что нам неизвестны документы, которые известны ему. На предложение назвать… источник письма Гитлера он отослал… к "Известиям ЦК КПСС", № 2 за 1990 год. Этот номер был открыт прямо в эфире и сказано, что ничего подобного в нем нет…»

И все же…

Одной из загадок кануна Великой Отечественной войны является сообщение ТАСС от 13 июня 1941 года, переданное советским радио вечером и опубликованное в газетах 14 июня. Ее попытался разгадать Лев Безыменский в своей книге «Гитлер и Сталин перед схваткой». Он рассказал о разговоре, состоявшемся в 1966 году с Г.К. Жуковым. Речь шла о битве под Москвой, но маршал не мог не коснуться предвоенного периода. Было упомянуто и заявление ТАСС. Вот его текст:

«Еще до приезда английского посла в СССР г-на Криппса в

Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще в иностранной печати стали муссироваться слухи о "близости войны между СССР и Германией". По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь места; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся от операций на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо»[11].

Безыменский пишет:

«Итак, советское правительство категорически опровергало спровоцированные "враждебными СССР и Германии силами" слухи о якобы готовящемся немецком нападении.

Это заявление привело тогда советских людей в полное

замешательство: с одной стороны, народ чувствовал, что в воздухе действительно "пахнет войной", с другой — привык верить сообщениям ТАСС как евангелию.

— Но я воспринял его по-своему, — сказал маршал.

— Почему?

Он объяснил это так:

— Где-то в начале июня я решил, что должен предпринять еще одну попытку убедить Сталина в правильности сообщений разведки о надвигающейся опасности. До сих пор Сталин отвергал подобные доклады начальника Генштаба. Как-то он говорил по их поводу: "Вот видите, нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и натравливают нас друг на друга". Вместе с наркомом обороны Семеном Константиновичем Тимошенко мы взяли подготовленные штабные карты с нанесенными на них данными о противнике и его сосредоточении. Докладывал я. Сталин слушал внимательно, но молча. После доклада он отправил нас, не сказав своего мнения. На строение у меня было тяжелое. Прошло несколько дней — и меня вызвал Сталин. Когда я вошел, он сидел за своим рабочим столом. Я подошел. Тогда он открыл средний ящик стола и вынул несколько листков бумаги. "Читайте", — сказал Сталин. Я стал читать. Это было письмо Сталина, адресованное Гитлеру, в котором он кратко излагал свое беспокойство по поводу немецкого сосредоточения, о котором я докладывал несколько дней назад. "А вот ответ, читайте", — сказал Сталин. Я стал читать. Боюсь, что не могу столько лет спустя точно воспроизвести ответ Гитлера. Но другое помню точно: раскрыв 14-го утром "Правду", я прочитал сообщение ТАСС и в нем с удивлением обнаружил те же самые слова, которые прочитал в кабинете Сталина. То есть в советском документе была точно воспроизведена аргументация самого Гитлера…

Жуков не оговорился, когда в беседе со мной рассказал о письме Сталина Гитлеру. Об этом упомянул он и во время своей встречи осенью 1968 года с писательницей Еленой Ржевской. Он ей прямо сказал, что перед началом войны Сталин писал Гитлеру. Говорил об этом маршал и Константину Симонову.

В архивах такой переписки не обнаружено. В "бумагах" Сталина письма Гитлера также нет. Не исключено, что оно могло быть уничтожено. Что же касается немецкой стороны, то из свидетельств очевидцев известно о существовании некоего личного секретного архива фюрера, который был доступен лишь ему».

Мог ли Жуков в течение семи дней перед началом войны поделиться с бывшим когда-то его начальником Мерецковым о

прочитанных у Сталина письмах? Трудно сказать.

Будучи в застенках Лубянки, Кирилл Афанасьевич не знал, что в «антисоветскую военную организацию», в которой он считался одним и главных фигурантов, НКВД — НКГБ вольет большую группу «заговорщиков-авиаторов», позволивших фашистскому «Ю-52» приземлиться в Москве. Тем, кому 10 июня в приказе наркома обороны были объявлены выговоры, замечания, предупреждения, теперь приклеивались ярлыки «врагов народа».

Видные авиационные командиры Смушкевич, Рычагов, Проскуров, Пумпур, Сакриер, Таубин, Арженухин, Володин, Грендаль и другие, которых Мерецков очень хорошо знал по Испании и потом по совместной службе, с которыми находился не только в служебных, но и в добрых товарищеских отношениях, были признаны причастными к «вражеской работе, направленной на снижение боевой подготовки ВВС Красной армии, и шпионаже». Их приговорят к высшей мере — расстрелу.

Письмо Сталину

Центральный архив Федеральной службы безопасности России не так давно рассекретил письмо Мерецкова Сталину. К сожалению, никаких других подлинных материалов об аресте, расследовании дела Мерецкова и его освобождении не имеется. В архиве ФСБ утверждают, что уголовные документы по Мерецкову были ликвидированы еще в 1960-е годы. По некоторым данным, следственное дело № 981697 в отношении К.А. Мерецкова уничтожено 25 января 1955 года на основании распоряжения председателя КГБ при СМ СССР.

* * *

Писатель А.А. Бушков в своей книге «Сталин. Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени», касаясь К.А. Мерецкова, свидетельствует, что на постановлении о его аресте была запись красным карандашом: «Освобожден на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка». Выходит, Бушков знаком со следственным делом К.А. Мерецкова за номером 981697 и лично видел постановление о его аресте примерно в 1980—1990-е годы. Получается, что уголовные документы по Мерецкову не были ликвидированы в 1955 году…

«Секретарю ЦК ВКП (б) Сталину И. В.

В напряженное время для нашей страны, когда от каждого гражданина требуется полностью отдать себя на защиту Родины, я, имеющий некоторую военную практику, нахожусь изолированным и не могу принять участие в освобождении нашей Родины от нашествия врага. Работая ранее на ответственных постах, я всегда выполнял Ваши поручения добросовестно и с полным напряжением сил.

Прошу Вас еще раз доверить мне, пустить на фронт и на любой работе, какую Вы найдете возможным дать мне, доказать мою преданность Вам и Родине.

К войне с немцами я давно готовился, драться с ними хочу, я их презираю за наглое нападение на нашу страну, дайте возможность подраться, буду мстить им до последней моей возможности, не буду щадить себя до последней капли крови, буду бороться до полного уничтожения врага. Приму все меры, чтобы быть полезным для Вас, для армии и для нашего великого народа.

28.VIII.-41 г.

К. МЕРЕЦКОВ».

* * *

В тот же день, 28 августа, это письмо было положено на стол Сталина.

В своих мемуарах «На службе народу» о черных 74 днях и ночах пребывания на Лубянке Мерецков ничего не поведает. Он лишь напишет: «В сентябре 1941 года я получил новое назначение. Помню, как в связи с этим был вызван в кабинет Верховного Главнокомандующего. И.В. Сталин стоял у карты и внимательно вглядывался в нее, затем повернулся в мою сторону, сделал несколько шагов навстречу и сказал:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете?

— Здравствуйте, товарищ Сталин! Чувствую себя хорошо. Прошу разъяснить боевое задание! И.В. Сталин не спеша раскурил свою трубку, подошел к карте и спокойно стал знакомить меня с положением на Северо-Западном фронте…»

Из Кремля Мерецков вышел с «боевым заданием» отправиться на Северо-Западный фронт в роли представителя Ставки.

За полтора месяца до освобождения Мерецкова вот таким же странным образом был выпущен на волю с Лубянки Б.Л. Ванников[12]. Как рассказывает сам Ванников, в одиночную камеру, где он находился, вошел следователь и, впервые обращаясь к нему по имени-отчеству, сказал:

— Борис Львович, если бы вдруг началась война с Германией и немцы на первых порах имели бы большой успех, куда бы мы смогли эвакуировать военные заводы?

После небольшой паузы Ванников произнес:

— Сразу я ответить не смогу, но отлично знаю каждый из военных заводов и дня за два мог бы написать, как все это сделать.

— Прекрасно. Я прошу вас все написать сюда. — Он протянул Ванникову довольно толстую тетрадь в сером переплете и несколько заточенных карандашей.

Вскоре с тщательно перевязанными ранами, переодетый в новый костюм, прямо из тюрьмы Ванников был доставлен к Сталину.

В кабинете находились Молотов и Маленков. Перед генсеком лежала записка Ванникова…

— Ваша записка — прекрасный документ, — заговорил Сталин. — Вы во многом были правы. Мы ошиблись… А подлецы вас оклеветали.

Он пристально посмотрел в глаза Ванникову, добавил:

— Этот план надо осуществить… вам, товарищ Ванников. Не теряйте времени, приступайте.

Ванников возразил:

— Я объявлен врагом народа. Кто будет выполнять мои распоряжения?

Генсек вызвал Поскребышева, и тот под его диктовку записал:

«Государственный Комитет Обороны. 20 июля 1941 года.

Удостоверение.

Государственный Комитет Обороны удостоверяет, что тов. Ванников Борис Львович был временно подвергнут аресту органами НКГБ, как это выяснено теперь, по недоразумению, и что тов. Ванников Б.Л. считается в настоящее время полностью реабилитированным.

Тов. Ванников Б.Л. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР назначен заместителем наркома вооружения и по распоряжению Государственного Комитета Обороны должен немедленно приступить к работе в качестве заместителя наркома Вооружения.

Председатель Государственного Комитета Обороны

И. Сталин».

Вручая Ванникову это удостоверение, Сталин говорил, как бы оправдываясь:

— Случаются недоразумения, к сожалению. Я ведь тоже си дел в тюрьме, товарищ Ванников.

Ванников потупил взгляд:

— Вы сидели у врагов, а я — у своих. Сталину реплика не понравилась.

— Сейчас не время держать обиды, надо работать…

* * *

О своем аресте и кошмарном пребывании в тюремных застенках Кирилл Афанасьевич Мерецков и в поздние годы распространяться не станет. И в официальной печати долгое время на эту тему было наложено табу. В Большой советской энциклопедии написано, что «в первые месяцы Великой Отечественной войны Мерецков в качестве представителя Ставки ВГК оказывал помощь командованию Северо-Западного фронта»…

Лишь три или четыре раза за 27 лет, прошедших со «страшного сна» июня — сентября 41-го, неугасающая боль вырвется из его души горькими фразами и слезами на глазах…

В 1965 году Мерецков в беседе с новгородским краеведом Н. И. Орловым на вопрос, как во время его ареста проходили его

допросы, ответит: «Если бы вы знали, как меня били», уронит голову на руки и заплачет…

РОДИНУ И СУДЬБУ НЕ ВЫБИРАЮТ

С Мереи-реки

— Мы, внучок, с Мереи-реки, — часто говорила Кириллу бабушка Луша. Это она о родине, о корнях Мерецковых. — Была в Зарайске речка Мерея. На ее берегах и жили испокон веков наши предки. Они не из именитых — простолюдины. Но ни воров, ни прощелыг в роду не было. Все землеробы: жито растили, хлеб насущный добывали. Для барина в первую очередь, но и на свое, конечно, пропитание.

Мальчишка смотрел на бабушку с удивлением.

— Почему в Зарайске? Почему на берегах Мереи-реки? Мы ведь живем в Назарьево. И никакой Мереи тут нет. Есть лишь пруд посередине деревни…

И бабушка начинала рассказывать Кирюше про старые времена: Зарайская земля древняя. Город Зарайск — один из старинных русских городов. Возник он в тревожные времена набегов кочевников на Русь…

О происхождения Зарайска существует много легенд и преданий. Исследователи полагают, что город возник в конце XII века. В Никоновской летописи за 1146 год говорится: «Князь же Святослав Ольгович иде в Рязань, и быв во Мценске, и в Туле… и прииде в Рязань на Оку, и поиде вверх по Оке, и пребыв во граде Осетре, и тамо отступи от него князь Иванко Берладник».

Город расположен в 165 километрах к юго-востоку от Москвы в месте слияния рек Мереи и Осётра, на горе, в окружении дремучих лесов. Звался он поначалу «Новград на Осётре» и удивлял всех своей красотой. Впоследствии он, по всей видимости, был сожжен кочевниками.

Следующее упоминание о вновь отстроенном городе относится к 1225 году: в «Повести о принесении иконы Николы Заразского из Корсуня» будущий Зарайск назван Красным. В том году из Корсуня (Херсонеса) в Красный был перенесен чудотворный образ Николая Корсунского. Вскоре выстроился и деревянный храм в честь этого святого. Известен (по Ипатьевской летописи) первый удельный князь Красного — Федор Юрьевич, сын Рязанского князя Юрия Ингваровича. При нем в городе был возведен деревянно-земляной Острог, обнесенный валами и рвами с водой.

Но в 1237 году Красный был разрушен надвигавшимся на Русь татаро-монгольским войском хана Батыя. Согласно описанию в «Повести о Николе Заразском», князь Федор Юрьевич был убит Батыем на реке Воронеже, а жена его, княгиня Евпраксия, не желая оказаться в татарском плену, вместе с

малолетним сыном Иваном выбросилась из своего терема, и умерли они «зараз», то есть убились одновременно. В летописи сказано, что после этого икону Николы Корсунского стали называть иконой Николы Заразского, а Красный — городом Святого Николы Корсунского и Заразском.

Затем вплоть до XIV века Заразск в исторических источниках не упоминается. Вновь возникший в XIV веке город стал носить название Новград-на-Осётре.

В 1521 году вместе с Рязанским княжеством Новград-на-Осётре был присоединен к Московскому княжеству. В 1528—1531 годах по велению великого князя Московского Василия III внутри города был построен каменный кремль. Город получил новые названия: Николо-Заразской-на-Осётре, Никола-на-Осётре. Позже Николе-на-Осётре вернули название Заразск, и со временем он окончательно утвердился Зарайском.

Историки выдвигают различные версии относительно названия «Зарайск». 1. От древнерусского слова «зараз», означающего «обрыв берега реки». 2. От слова «ряса» (болото): город относительно Рязани находился за болотами, или «за рясками». 3. От места в городе, где во время эпидемий холеры и чумы хоронили умерших. 4. От слова «зараза» (непроходимый, заповедный лес)…

Важную роль сыграл Зарайск для Московского государства в Смутное время. 8 февраля 1610 года царь Руси Василий Шуйский назначает сюда воеводой князя Дмитрия Пожарского. Князь Пожарский ясно представлял всю сложность своего нового назначения. Зарайский гарнизон хотя и отважен, но малочислен, а кругом кишмя кишат вражеские лазутчики. Вскоре, как и ожидалось, армия Лжедмитрия II подошла к стенам зарайского кремля. Но воевода умными действиями снял блокаду и принудил противника к отступлению.

Многие подмосковные города (в том числе Кашира и Коломна) признали власть самозванца; грамоту с требованием присягнуть Лжедмитрию направили и в Зарайск. Подстрекаемые «тушинцами», зарайские обыватели вызвали воеводу на площадь перед кремлем и потребовали сдать город Лжедмитрию без боя. Однако Пожарский был неумолим, он заперся с дружиной в крепости и вьщержал осаду мятежников. После чего вместе с раскаявшимися обывателями очистил город от незваных гостей. Затем отправил гонцов в Коломну: не с советом — с требованием! — восстать против завоевателей, что кол оменцы и сделали. Вскоре Зарайск стал местом формирования отрядов Первого и Второго ополчений[13]. Под рукой князя Пожарского они уходили отсюда сражаться с иноземными захватчиками.

В конце XVII века в связи с расширением границ Российского государства Зарайск, подобно Серпухову и Коломне, потерял свое оборонное значение. Став сугубо мирным городом, он быстро разросся. Расцвели ремесла, увеличилось население. Самым распространенным занятием зарайцев было кузнечное и кожевенное дело. Переселенные крестьяне брали в обработку пустующие в окрестностях города пашни. К концу столетия Зарайск превратился в крупный хлебный рынок, снабжавший Москву. Он все более превращался в центр торговли. В Зарайск везли соль и рыбу из Поволжья, а местные продукты сельского хозяйства привлекали купцов из Серпухова, Тулы, Рязани, Каширы, Коломны и даже Москвы.

В XVIII—XIX веках торговля в Зарайске бурно развивалась. Находясь на пересечении бойких дорог-путей, горожане научились извлекать из этого большую *для* себя выгоду. Они занимались перекупкой товара у транзитных купцов, нанимались перегонять гурты скота из южных районов в столицу России.

И все-таки Зарайск продолжал оставаться небольшим уездным городом. Из 900 домов лишь 76 были каменными и чуть более сотни «смешанными» — первый этаж каменный, второй деревянный. На начало XX века в Зарайске не появилось ни водопровода, ни телефона, ни телеграфа, тогда как в других городах они давно уже были.

* * *

Лукерья была крепостной девкой, дочерью холопа зарайского помещика Карханского, державшего три собственных сельца на берегу Мереи. Ей было двадцать лет; в таком возрасте девушке пора выходить замуж, но барин не торопился с выбором ей суженого. Наконец указал на такого же, как и она, подневольного, молодого парня Павла. Но станет она его женой только тогда, когда хозяин скажет свое слово.

Бабушка нелестно обрисовывала Кириллу зарайских помещиков. Особенно хозяина сельца Воронкова на Мерее Карханского. После ее рассказов он представлялся мальчику просто разбойником, который гоняется за мужчинами, насилует женщин и обижает детей.

Павел с Лукерьей поженились после реформы 1861 года. С отменой крепостного права все холопы зарайских бар вместо прозвищ и кличек обрели фамилии. Лукерья и Павел стали Мерецковыми[14]. Молодая чета ушла от своего хозяина в деревню Назарьево, располагавшуюся в пятнадцати верстах от города

Зарайска. Община выщелила им земельный надел; хотя и в неудобье[15], но они и этому были рады. Срубили избу, не покладая рук трудились на скудном, мало плодородном клину.

Вскоре у Мерецковых пошли дети: один за другим двое сыновей — Федор и Афанасий, потом дочери. Сыновья выросли, поженились, в избе собрались три семьи.

7 июня (26 мая по старому стилю) 1897 года у Афанасия и его жены Анны появился первенец, назвали Кириллом. В книге регистрации рождения граждан писарь отметил:

«26 мая 1897 года, в деревне Назарьево Зарайского уезда Рязанской губернии[16] родился:

Мерецков Кирилл Афанасьевич.

Отец: Афанасий Павлович Мерецков, крестьянин православного исповедания.

Мать: Анна Ивановна Добрякова, крестьянка православного исповедания».

Младенец был крещен в церкви Зарайска. Священник сказал, что ребенок может иметь второе имя Константин. Кирилл — это имя монаха; в миру, до монашества, он Константином звался[17].

Из воспоминаний К.А. Мерецкова: «Когда я родился, в Назарьеве было всего 52 крестьянских двора. Радости видели мои земляки на грош, а горя — предостаточно. Я не помню ни одного хорошего дома. Избы все ветхие, крытые соломой, надворные постройки убогие, замшелые.

Рядом с деревней, на пригорке, разместилось богатое имение помещика Мелыунова. Вокруг, куда ни глянь, простирались помещичьи поля. Мельгунов-старший во время реформы 1861 года, как и большинство других помещиков, схитрил. Себе он забрал земли, что лежали сразу у деревни, охватывая ее как петлей со всех сторон; бывшим же своим крепостным выделил крохотные, с суглинком, клинья на отшибе…

Как-то, уже после Октябрьской революции, попал мне в руки справочник по нашей губернии, и я узнал, что в 1905 году в нашем уезде 231 помещику принадлежало 93 процента всей земли, а десяткам тысяч крестьян — остальные 7 процентов».

Отец Кирилла, Афанасий Павлович, был человеком трудолюбивым, не боявшимся никакой работы, и поэтому он худо-бедно держал крестьянское хозяйство. Всецело поглощенный заботами о семье, он, обладая твердым характером, сумел самостоятельно освоить грамоту — научился читать и писать. За это соседи особо уважали его и при случае обращались за советом.

В 1904 году началась Русско-японская война и Афанасия призвали в армию. Пробыл он там недолго, тем не менее это

резко сказалось на благополучии семьи.

«В его (Афанасия Павловича. — *Н. В.)* отсутствие, — пишет Мерецков, — главную тяжесть забот несла на себе моя мать, Анна Ивановна, постоянно думавшая, где бы заработать на лишний кусок хлеба. Ведь детей в избе — ступить некуда, и все мал мала меньше. Помимо нас самих (Кирилла, Василия, Ивана, Григория и сестры Александры. — *Н. В.),* тут же находилось четверо младших ребят моего дяди Федора Павловича (с остальными, старшими, дядя Федор, ставший рабочим, жил в Москве, кое-как сводя концы с концами). Заскочишь, бывало, с морозного воздуха в избу погреться — присесть и то некуда. Изба-то вся — одна комната. Кто залез на полати, кто сидит на лавке, кто на полу. Возле печки притулились ягнята, а рядом, за перегородкой, скребет ногами теленок, водворенный туда месяца на два, чтоб не замерз. Потолкаешься, да и опять — скорее на улицу. А на улице мороз, полуголые ноги мгновенно стынут — бежишь назад. Так и мотаешься туда-сюда, пока мать не запряжет в работу. Легче было весной и осенью: все мы, дети, переселялись в сарай. Летом же спали прямо под открытым небом — в саду, на копне сена. Особенно ощущалась теснота, когда, собравшись вместе, семья садилась обедать. Однако порядок никогда не нарушался. Отец строго следил, чтобы никто не лез в чугунок ложкой вне очереди, не черпал прежде времени со дна гущу. А учить нас не ронять на пол хлебные крошки вообще было незачем: это мы сами умели с раннего детства».

Детство и отрочество

Назарьево считалось захолустьем. Такими же захолустными были и соседние деревни, раскинувшиеся на почти безлесной равнине, — Хлопово, Алферьево, Комово, Черемошня. Люди в здешних местах всегда влачили жалкое существование. Хлеба на год часто не хватало, и мужики, кроме землепашества, вынуждены были еще трудиться на отхожих промыслах: сплавляли лес, грузили баржи на Оке, рыбачили на мещерских озерах, а потом везли рыбу в Рязань, работали на тульских заводах. Но больше всего людей притягивала Москва. «Какую деревню нашего уезда ни возьми, — вспоминал Мерецков, — у каждой в Москве своя традиционная профессия. Одни шли в портные, другие — в сапожники, третьи — в маляры, четвертые столярничали, пятые служили "при банях". Приедет на побывку в родную деревню такой мастеровой, разоденется, конечно, похлеще и пускает пыль в глаза. Раскрыв рты, смотрят свояки на суконный армяк с косым отворотом и шнурками, на цветную жилетку с крупной цепочкой (правда, чаще всего без часов), на высокий картуз с коротким лаковым козырьком, на калоши, надетые поверх сапог из невыделанной телячьей кожи. Мастеровой рассказывает про московское житье-бытье да подмаргивает девушкам. А потом, когда возвращается в Москву, вместе с ним едут "чугункой" подростки, чтобы тоже пристроиться к делу. По дороге подсаживаются все новые и новые ребята из окрестных селений: и коломенские, и Воскресенские, и егорьевские, и бронницкие. Затем в вагон вваливается сразу целая толпа с мешками, от которых густо тянет березой. Это гжельские бородачи везут парильные веники… Многие мои сверстники проделали такой путь».

Мерецков часто ссылается в воспоминаниях о своем детстве на бабушку по отцу — Лукерью (дедушку Павла он никогда не видел, его не стало еще до рождения Кирилла).

С бабой Лушей у него многое связано. Она ему запомнилась сухонькой, часто болеющей старушкой. Но старость и болячки отступали перед ее энергией. Она успевала и с хлопотами по избе и постоянно держала под неусыпным приглядом внуков. Родители с головой были погружены в работу в поле, по двору, и вся забота о детях лежала на ней. Она их растила, учила уму-разуму. Отсюда и остались у Кирилла о ней самые яркие впечатления.

Бывало, Кирилл с сожалением говорил бабе Луше:

— И что это у нас за судьба такая — жить в захолустье? Вон

скольким людям посчастливилось родиться в городах. Живут там припеваючи…

Бабушка отвечала спокойно:

— Господу виднее, кому, где и как жить. Родину и судьбу не выбирают, они — от Бога.

В другой раз она осеняла себя и внука крестом:

— Прости нас грешных, Господи. Кириллу говорила:

— Не гневи Бога. Молись и проси у него, чтоб счастье дал. Бабушка была богомольная, подолгу стояла перед иконами, заставляла молиться и Кирилла. Он повиновался, хотя настоящей душевной веры в Бога в себе не ощущал. Вместе с тем, он видел, что отец никогда не читал молитвы, мать также не била истово поклоны святым образам.

Как-то Кирилл с обидой сказал бабушке:

— Ты все молишься-молишься, и я молюсь, а счастья нам Бог почему-то не дает. Вона, как жили мы бедно, так и поныне бедно живем…

Мерецковы перебивались с хлеба на воду Как ни рвали жилы в работе отец и мать — достатка все не было. В семье шло быстрое прибавление, она вдвое почти увеличилась: восемь душ, из них шесть нетрудоспособных — пять малых детей и бабушка, прикованная болезнью к постели.

Кирилл из детей был самым старшим и, как только подрос чуть-чуть, сразу включился в трудовую жизнь — помогал отцу при пахоте и бороновании, при уборке урожая. Хотя Кирилл подросток крепкий, однако работа в поле от зари до зари за лето здорово его изнуряла. Зимой было легче. Находилось даже время общаться со сверстниками. Кирилл через годы, обращаясь к своему детству, рассказывал, что как бы ни был ты плохо одет и обут, а дома все равно не усидишь. Обмотал онучами ноги, взял самодельные сани — и айда на горку! Играли в снежки, лепили бабу, долбили в озере проруби и таскали на мякиш карасей.

О детских годах Кирилл Мерецков во все последующее время будет достаточно часто вспоминать:

«Детство есть детство — были и у нас, деревенских ребятишек, свои радости. Допоздна самозабвенно играли мы в казаков-разбойников. Я был сильнее многих своих сверстников и, помню, чаще других назначался атаманом. Любили мы и забираться в помещичий сад за яблоками, хотя знали: если поймают — не миновать жестокой порки. Но от одного сознания этого помещичьи яблоки казались нам самыми вкусными.

Настоящей моей страстью была рыбалка. До реки Осётр — шесть верст, поэтому чаще всего я рыбачил, как и мои товарищи, на пруду. Пруд находился посередине нашей деревни, разделяя ее

на две части. Самым удобным местом для ловли считался обрыв с нашей стороны — за сараями, неподалеку от дома. Там меж дикой яблоней и развесистой ветлой росли кусты бузины. Накопав червей и выбрав свободную минуту, я брал самодельную удочку и пробирался к ветле, свисавшей прямо к воде. Иногда я делал вершу и ставил ее на ночь, а рано утром нырял и извлекал рыболовный снаряд, с восторгом доставая из него скромную добычу. Зато ночами мне порою снилось, что я огромной сетью вытаскиваю полупудовых рыб. Но дальше сновидений дело не шло: ни в одной семье не было сети, да если б и была — в ход ее не пустишь. Мельгунов считал рыбу в пруду своей собственностью. Его управляющий каждое лето предупреждал крестьян, что если он увидит бредень, то деревне придется иметь дело с земским начальником. По ложному обвинению в пользовании сетью мужики не раз и не два дополнительно отрабатывали на господском поле в самую страдную пору. Крестьяне злились, однако вступать в долгий спор не решались, памятуя о том, что после рождества к тому же управляющему придется идти на поклон, за хлебом»…

Однажды приехал в имение земский начальник, родной брат помещика. Собрали сход. Среди прочих вопросов затронули и ловлю рыбы. Поднялся невероятный шум. Крестьяне заговорили все одновременно, так что ничего нельзя было разобрать. Начальство зычно гаркнуло и предложило высказываться по очереди. Наступило полное молчание. Одно дело говорить царскому начальству всем миром, а другое — кому-то одному. Тогда брат помещика ткнул пальцем в близстоящего. Им оказался отец Кирилла Мерецкова. Афанасий Павлович не робкого десятка, и коли уж пришлось, то заговорил так, что у начальства глаза на лоб полезли.

Недвусмысленно высказавшись в адрес управляющего, он заявил, что рыба водится в воде, вода находится в пруду, а пруд — в деревне. Если Владимир Иванович (так звали помещика) считает, что рыба — его, пускай вытащит ее из воды и перенесет к себе в сад. А пока рыба живет в крестьянском пруду, она должна быть крестьянской. «Верно!» — закричали односельчане. Опешившее начальство невнятно промямлило, что будут приняты соответствующие меры, и уехало восвояси. Примерно с неделю назарьевцы ждали, что вот-вот прибудут стражники «наводить порядок», но все было тихо.

Прошел месяц, инцидент стал уже забываться, люди готовились к празднику, Троицыну дню, когда Афанасия Мерецкова и старосту деревни Григория Воробьева вызвали в Каширу, за сорок верст (в то время Назарьево числилось по

Каширскому уезду Тульской губернии). Уездные власти посадили обоих под замок — «на всякий случай». В кутузке сидели недолго. Мельгунов все же решил не обострять отношений с деревней, и через неделю арестованные вернулись домой, так и не дождавшись допроса. Радость Анны Ивановны при встрече с мужем трудно описать — живой кормилец, снова с семьей! Бабушка тихо плакала и несвязно шептала молитвы.

А деревенская ребятня после этого случая уже безбоязненно налегла на рыбалку с удвоенной силой…

Кириллу исполнилось девять лет, но о том, чтобы учиться грамоте, не было и речи. Ни в Назарьево, ни в ближайших деревнях школы не было. Земская школа находилась в дальнем селе, туда пешком не находишься, стало быть, на время учебы нужно там жить постоянно. Но за постой деньги немалые требуются, а где их взять? И кормежкой отдельно от семьи обеспечить надобно. Еще — одежонкой, обувкой приличной. Наконец, кто будет работать, помогать отцу?..

В том году Кириллу, как и некоторым другим назарьевским переросткам, повезло: фельдфебель Филипп Федорович Захаров, прошедший в царской армии положенный срок службы, вернулся в деревню и взялся на досуге учить чтению и письму всех, кто будет аккуратно к нему ходить. За каждого ученика он брал плату по два пуда муки в зиму Как ни накладно было ежегодно отрывать от семьи два пуда муки, Афанасий Мерецков отдал сына в ученье Филиппу Захарову. Вспоминая о первом «курсе науки» у фельдфебеля, Кирилл подчеркивал: он очень старался взять в ходе учебы все, что только возможно.

К Захарову на занятия ходили шестеро деревенских мальчиков. Все были из бедных семей и понимали, чего стоит родителям их обучение, поэтому прилежно впитывали грамоту, терпеливо отсиживая в маленькой душной комнате с девяти до трех часов без перерывов. Филипп Федорович с армейской точностью засекал время на своих часах фирмы «Буре», раскладывал перед собой тетрадки, привезенные с воинской службы, и, как умел, передавал своим питомцам то, что вдолбили раньше в него самого прапорщики и ротные писари. Будучи по природе человеком ума недалекого, Захаров не смог хотя бы мало-мальски построить занятия так, чтобы обеспечить себе авторитет в глазах учеников.

«При всей нашей тогдашней ограниченности, — вспоминает Кирилл, — мы, сельские ребятишки, все же поняли, что толку от дяденьки Филиппа немного. Целую зиму мы нараспев хором твердили буквы церковнославянской азбуки: аз, буки, веди, глаголь, добро, есть, живете, зело, иже, како, люди, мыслете и т.

д., за малейший проступок подолгу стояли голыми коленями на горохе. Нужно было очень хотеть выучиться грамоте, чтобы после такого учения наука не опротивела б на всю жизнь».

И все-таки «сидения» в душной комнате захаровской избы несли пользу ребятишкам и, самое главное, распалили страсть к знаниям.

Весной 1906 года в Назарьеве открылась земская начальная школа, и Кирилла одним из первых записали в нее. Преподавали в ней приехавшие из Москвы муж и жена Емельяновы — Иван Александрович и Ирина Васильевна, настоящие энтузиасты, посвятившие свою жизнь распространению знаний в русской деревне.

Кирилл, будучи уже зрелым человеком, говорил о них, что это были типичные сельские учителя — с привычкой к неприхотливому быту, с невысокими материальными запросами, умением делать все на свете, с тонкой и чуткой душой и горячим желанием облегчить просвещением тяжелую мужицкую долю. Они вели почти все предметы и давали своим ученикам намного больше положенного по программе. Их усилиями на мизерное учительское жалованье при школе была создана хорошая библиотека. Приоритетное место в ней занимали сочинения отечественных классиков: Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Чехова, Тютчева, Некрасова, Глеба Успенского, Льва Толстого.

Кириллу врезалось в память, как Ирина Васильевна читала чеховского «Ваньку». Грустно, но выразительно звучал ее голос: «А Москва город большой. Дома все господские и лошадей много, а овец нету, и собаки не злые».

Благодаря Ирине Васильевне именно в ту пору Кирилл особенно полюбил чтение. Библиотека была не маленькой, однако Кирилл за четыре года учебы в школе перечитал ее всю, а некоторые книги — по нескольку раз. Дома он пересказывал прочитанное. Его с упоением слушали младшие братья и сестра, нередко и родители. Мать светилась радостью за сына, а отец, скупой на ласку, легонько трепал его чуб, произносил похвально: «Ну, посмотрите-ка, какой он у нас голова!»…

Из всех предметов, которые преподавали Иван Александрович и Ирина Васильевна Емельяновы, выделялись уроки Закона Божьего. Они произвели на Кирилла особое впечатление, буквально перевернув его сознание. До этого он верил в бога по привычке, как верили в то время все крестьянские дети, и не очень-то размышлял о небесных тайнах. Теперь же крепко задумался: «Если бог всемогущ, то почему он не переделает мир по-новому? Чтобы не стало плохих людей; чтобы сытым был тот,

кто работает, а голодал бы лентяй; чтобы помещик не издевался над крестьянами. Почему нет справедливости? Почему вокруг столько горя? В наказание за грехи? Но ведь грешит один, а страдает другой: разве бог такой глупый?» Началось с простых вопросов, а кончилось более сложными, на которые уже и законоучитель не всегда мог ответить. Словом, уроки Закона Божьего чем дальше, тем сильнее оказывали на мальчишку обратное влияние, постепенно подрывая веру в бога — вместо того чтобы укреплять ее.

Все чаще Кирилл, придя домой из школы, высказывал сомнение в существовании бога. Бабушка плакала и обижалась, мать говорила: «Есть бог, нет бога — не нам судить. Верить в бога — исстари заведено». Отец хмурился и поучал сына: «Слушайся учителя Ивана Александровича, он человек хороший, и учись получше. А к попу не лезь со своими вопросами, не настраивай против себя».

Кирилл учился с желанием. Его постоянно выделяла и хвалила Ирина Васильевна, по всем предметам он получал одни «пятерки» и весьма редко «четверки».

Учебу Кирилл закончил с похвальным листом, когда ему было тринадцать лет. Первое время его очень тянуло к занятиям. Сначала он искал повода, чтобы побывать в школе и встретиться с Емельяновыми, затем стал заходить к ним просто так: брал читать книги, при случае помогал чем мог — носил воду, колол дрова, выполнял разные поручения.

А дома все шло по-прежнему. Наравне с отцом Кирилл работал в поле, чтобы иметь приработок, регулярно ходил батрачить в помещичью усадьбу. Когда ему пошел шестнадцатый год, отец сказал: «Ты, Кирюша, теперь взрослый. Пора тебе определиться в жизни. Нас тут много, а земля все та же. За лошадиную уздечку теперь другой подержится, мудрость невелика. А ты поезжай в Москву, глядишь, в видные люди удастся выбиться. Читать, писать, считать умеешь, работы не боишься. Устраивайся там да не забывай родную семью».

В то время немало Кирилловых ровесников уходило из деревень в города, чтобы овладеть рабочей профессией. Крестьян взбудоражила реформа председателя царского Совета министров Петра Столыпина: он хотел поддержать зажиточного земледельца. Бедняки усмотрели в реформе попытку развалить крестьянскую общину и обогатить за ее счет богатых. Маломочных мужиков, выходящих из общины, наделяли небольшими участками земли — отрубами, выселяли на хутора или отправляли за Урал, в Сибирь на «свободные» угодья. «Выходи из общины да ступай, куда хочешь! — роптали маломочные[18]. — Хутор тебе отрубят. А

если по миру пойдешь, за кого ухватишься?»

По деревням ездили земские чины, «успокаивали» народ и объясняли, что выход на отруба — дело верное и непременно принесет крестьянству выгоду. Мужики сомневались: «А чью землю нам дадут, от общества или барскую? Если от общества, то она и так наша, только мало ее». Попытки осуществить Столыпинскую реформу в Зарайском уезде успехом не увенчались: очень немногие крестьяне пожелали отделиться от соседей или, тем более, переселиться на уральские и сибирские «свободные земли».

Собирали Кирилла в Москву всей семьей. Мать сшила зипун, отец починил старые валенки, бабушка отдала любимому внуку хранившийся ею много лет серебряный рубль. Снабдили на первое время нехитрыми припасами.

Кирилл впервые уходил от родителей, из родного дома в люди, в самостоятельную жизнь в большой, один из самых больших городов России — в Москву. Кирилл больше уж никогда не вернется сюда (хотя тогда он этого не знал), на свою малую родину — в деревню Назарьево. Утечет много воды в реке времени, прежде чем на короткое время забежит он однажды в край своего несладкого детства и отрочества.

В Москве

Москва встретила Кирилла неласково. Огромная, шумная, она пугала собой всех приезжих. Город буквально обрушился на сельского юношу. Всё здесь — раньше для него не виданное: дома высокие, красно-желтые вагоны — трамваи — сами собой по рельсам едут. А сколько камней вколочено в землю! Мостовыми это прозывается. В Зарайске таких мостовых не было…

Первые дни он жил у дядьев: Федора, брата отца, затем Прокофия, брата матери, которые несколько лет назад перебрались в Москву. Но долго обитать у них возможности не представлялось; они сами едва теснились в однокомнатных клетушках рабочего общежития, да и лишнего куска хлеба у них не было, а тут племянник добавился. Кирилл почувствовал себя здесь лишним.

В городе немало было земляков, выходцев из Рязанской губернии. Они, как могли, помогали Кириллу. Порекомендовали несколько мест, куда можно устроиться на работу. Одно из таких мест — мануфактура Прохорова (известная как «Трехгорка»), где не менее половины рабочих — приехавшие из рязанских уездов. Другие места — в Замоскворечье, на механических и прядильно-ткацких предприятиях.

Но устроиться на мануфактуру Прохорова или на замоскворецкие предприятия оказалось не так-то просто: у ворот с раннего утра толпились сотни желающих. Выходил представитель управляющего и в лучшем случае оглашал, сколько нужно человек и на какую работу. Чаще же вместо него из-за ворот выглядывал конторский служка и кричал: «Не берем!», «Не нужно!» Люди расходились ни с чем, понуро опустив головы. Кирилл попытался попасть на мануфактуру «Циндель», потом на механический завод братьев Бромлей, но и там счастье ему не улыбнулось.

Жизнь в Москве была дорогая. Благо что на первых порах Кирилла поддержала родня. Затем пришлось тратить те скромные деньги, что дали ему родители. Тратил экономно, в основном на питание в дешевой Народной столовой Рябушинского, что в Голутвинском переулке. Ночевал то у земляков, то в Доме бесплатных квартир Бахрушиных на Болотной площади, то в таком же доме на Якиманке, принадлежавшем Московскому купеческому обществу. Там было грязно, тесно и тоскливо, зато денег не надо расходовать.

Уже который раз он с горечью упрекал себя: «И зачем я ушел из деревни?» Подумывал: «Не вернуться ли?» Останавливали

лишь стыд перед отцом и надежда, что завтра, может быть, день окажется удачнее.

Об этом московском периоде Кирилл позже вспоминал: «Идешь, бывало, по переулкам Замоскворечья, мимо двухэтажных купеческих флигелей с непременными садиками и со складами товаров во дворах и надеешься: а вдруг повезет?

На улицу смотрят толстые решетки, всюду висят огромные полупудовые замки. Спрашиваешь: "Нет ли какой работы?" Прислуга покрикивает: "Проходи!" От Болотной площади с ее рыбными и зеленными лавками бредешь в сторону Конной, где торгуют лошадьми. Там, на Скотопрогонном дворе, можно найти случайный небольшой заработок, помогая перетаскивать мешки с овсом…»

В конце концов упорные поиски увенчались успехом. Сначала Кирилл поступил в кузнечно-слесарные мастерские на Нижней Масловке, принадлежавшие братьям Петру и Якову Хаваевым. Там он обучился рубке железа и овладел простейшими приемами всех слесарных работ. Проработав у Хаваевых некоторое время, с помощью земляков перебрался на металлический завод торгового дома Э.Э. Бордорф. Здесь уже освоил более высокий класс опиловки, чеканки и пайки.

Приходилось нелегко: за работу получал гроши, очень уставал к концу дня. Трудиться ему не привыкать, вот только новый труд был для него непривычный. В деревне от пахоты и боронования спину не согнешь, а тут от долгого стояния за верстаком нестерпимо ноют плечи и ноги. В заводском цехе все не так, как в поле. Над головой вместо синего неба — низкий черный потолок. От постоянного грохота и скрежета гудит в ушах. Пальцы сплошь побиты и поцарапаны. Запорошенные металлической пылью руки постоянно пахнут железом. Ладони всегда в мозолях-водянках. У крестьянина руки землей отдают и мозоли другие — сухие.

Первые месяцы Кирилл сильно тосковал по дому, особенно вечерами. Представлялись видения: Назарьево — по улицам парни с девчонками хороводы водят; двор мерецковский — мать затапливает печь, отец с поля пришел, сестра скотину поит… И себя он видел — то ли в воображении, то ли во сне — в кругу семьи: рано утром встает, косу отбивает, торопится на косовицу… Видения кончались, проходила ночь, и наутро Кирилл спешит в цех. Он будет там не косу отбивать, а медную плиту шабрить или железную полосу керновать…

В свободное время Кирилл взял себе за правило ходить пешком по городу. Он изучал его, обходя один за другим районы. Чтобы не потеряться и не блуждать, шел всегда вдоль трамвайных

линий. Знал их наперечет: тридцать шесть номерных, паровую Петровско-Разумовскую линию и еще три кольцевых — А, Б и В.

Постепенно привыкал к московской жизни и к профессии слесаря-металлиста.

В Назарьеве, как ни обременяли крестьянские тяготы, Кирилл все равно любил заниматься хлеборобством; эта любовь прививалась чуть ли не с пеленок. А здесь, в Москве, казалось, труд рабочего никогда не станет ему по нраву. Но со временем, незаметно для него, менялось его отношение к слесарному делу — оно начинало нравиться. Может быть, это объяснялось характером новой работы и ее более осязаемыми результатами. В деревне вспахал, посеял и жди: уродит или нет, а тут все зависит от тебя самого. Дождь не нужен, солнце не обязательно, до лошади тебе нет дела. Как поработаешь у верстака, так и будет. И сразу видно, что ты сделал своими руками…

Кирилла увлек слесарный процесс. Сначала многое не получалось. Даже не мог держать толком зубило. Вперед наклонишь — вглубь залезешь; назад отклонишь — по поверхности скользнешь; посмотришь на соседский верстак — молотком по руке заедешь. Долго не давалась пайка. Сколько раз обжигался, нечаянно пятнал руки соляной кислотой, сколько раз капал на себя расплавленным припоем! Не сразу научился работать и напильником: сила, глазомер, постановка рук и даже ног — все это были уроки, которые он проходил месяцами, обретая опыт.

За ошибки, конечно, доставалось от мастера. Если увидит что-то не так, не только обругает, иной раз и подзатыльник даст. В большинстве случаев стычки с мастером оборачивались штрафами и даже увольнением. Ничего не спускалось: зазубришь крейцмейсель — штраф; неровно просверлишь отверстие — штраф; не уследишь и кто-то унесет метчик для нарезки — двойной штраф. Кирилл в этом случае вставал на дыбы и глядел волком.

Естественно, такая драконовская школа постижения мастерства была для юноши неприятна, если не сказать противна. Вместе с тем именно благодаря жестким мерам Кирилл приучился к организованности, порядку, вниманию, сосредоточенности, ловкости, точности. И еще эти неотвратимые штрафные меры требовали от него ответной реакции. Самой эффективной реакцией были сметка и находчивость, которые будут часто выручать Кирилла в трудные моменты жизни.

Кирилл выдержал, пережил мрачные периоды своего рабочего становления. За первые три года пребывания в Москве ему пришлось сменить пять производственных предприятий.

Накапливалось мастерство, пришло подлинное умение. Ему стали поручать сложную работу, и вот он уже не ученик, а настоящий слесарь.

После металлического завода Бордорфа Кирилл работал на художественной кузнечно-слесарной фабрике «Макс Леман», где изготовлялись железные решетки, навесы, металлические лестницы и фигурные изделия. Здесь порядки были мягче и больше свободы. Инженер Леман, владелец фабрики, имел в Марьиной Роще собственный дом. Туда, на Шереметевскую, Кириллу не раз приходилось носить с фабрики образцы новых изделий, и там он увидел, как живут богатые люди, увидел не с улицы через окно, а вблизи. И впервые у него зародилась мысль стать инженером…

Художественную кузнечно-слесарную фабрику Лемана спустя некоторое время пришлось оставить. Настоял дядя, Прокофий Иванович Добряков. Он работал в мастерских при «Промышленном училище в память 25-летия царствования императора Александра II»; туда и перетянул племянника слесарем-водопроводчиком.

Зарплата была не ахти какая, но мастерские прельстили Кирилла тем, что находились при училище, где размещались открывшиеся «Городские Миусские вечерние и воскресные классы для взрослых рабочих».

В газете «Наш путь» он прочитал объявление о начале занятий с 4 сентября. И твердо решил для себя: будет учиться. Зашел в училище узнать о порядке поступления и познакомиться с учебной программой. То, что узнал, обрадовало и одновременно испугало. Поступить было просто, но учеба не обещала быть легкой. Предстояло за три года пройти курс, соответствующий программе второй ступени реальных училищ, да еще с элементами дисциплин, изучаемых в преподавательских учебных заведениях.

Он не отступил и начал усиленно заниматься. Приходилось трудно, однако мечта стать учителем заставляла забывать после многочасовой работы об усталости, о недоедании и недосыпании. Кирилл не давал себе поблажки ни в чем и не пропускал занятий, даже если чувствовал недомогание.

Миусскими классами заведовала Юлия Павловна Назарова. Ее муж преподавал в Промышленном училище, что позволяло ей привлекать его коллег для обучения рабочих. Вела она себя очень официально, но при всей своей сухости, строгости и чопорности вкладывала в дело всю душу Располагая чрезвычайно скромными казенными средствами, Назарова сумела неплохо наладить учебный процесс. Невзирая на все трудности, учебу Кирилл

закончил успешно.

В начале 1915 года Кирилл вынужден был уволиться из мастерских и поступить на граммофонную фабрику Турубинера.

Дело в том, что Промышленное училище, при котором были мастерские, располагалось на Миусской площади, где было сосредоточено множество всяких производств, фабрик, учебных заведений. В округе кипела бурная жизнь, тон которой задавала революционно настроенная рабочая и студенческая молодежь. Часто проходили здесь просветительные сборы, антиправительственные сходки. В этих сборах и сходках нередко участвовал и Кирилл и потому примелькался в районе.

Однажды его чуть не арестовали. В один из субботних дней на площади, в сарае дровяного склада, проходил просветительный сбор, на котором ораторствовал студент-социалист, рассказывая революционную историю Миусского района. Он начал с соратника Степана Разина, Миуски, именем которого в народе когда-то назвали эту площадь, — лихого сподвижника казачьего атамана казнили как раз на этом месте, и закончил баррикадными боями 1905 года. О сборе донес провокатор, вызвавший полицию. Об этом сообщил парнишка, стоявший на страже шагах в пятидесяти от сарая: «Городовые!»

Все вскочили, надо было уносить ноги. Бежали по одному, по двое меж высоких поленниц дров и штабелей бревен, прыгали через заборы и ныряли в боковые проходы. Сзади верещали полицейские свистки, слышался топот подкованных сапог. Переулками и садами, задыхаясь от быстрого бега, Кирилл мчался в сторону железной дороги, рядом бежал еще кто-то. Остановились неподалеку от Александровского вокзала, прислушались. Тишина… И тут Кирилл разглядел, что это студент, который только что выступал.

Лишь в полночь они пробились на городскую окраину — на квартиру рабочего Микова, знакомого студента-оратора. Там заночевали. Утром студент ушел, а Миков усадил Кирилла за стол, и они долго беседовали.

Миков расспрашивал Мерецкова о его родине, близких. Кирилл охотно рассказывал о Назарьеве, о семье. В свою очередь Миков поведал о своей жизни, о том, что работает на граммофонной фабрике. Разговор постепенно перешел на напряженную обстановку в Москве, народное возмущение, вызываемое несправедливыми порядками в стране. Сколько можно терпеть: простые люди работают в поте лица, а богатые наживаются, жиреют день ото дня?.. Вот озлеет народ до крайности, несдобровать тогда ни фабрикантам, ни помещикам, ни полиции, ни царскому чиновничеству, ни самому царю

Николаю… Кирилл слушал Микова и думал: в самую точку метит. С того дня Кирилл подружился с Миковым и встречался с ним почти ежедневно, пока обстоятельства не разлучили их: Кирилл переехал в другой город, Микова забрали на Германскую войну…

После участия в сборе на Миусской площади всеми, кто там был, интересовался жандармский пристав, приходивший в контору мастерских. Кириллу оставаться на Нижней Масловке было опасно, тогда-то Миков и предложил перейти к нему в цех, заручившись поддержкой писаря фабричного правления. Фабрика Турубинера, частично переключившись в связи с войной на новую продукцию, выпускала детали для самолетов. Ее рабочие, поскольку выполняли военные заказы, получали освобождение от призыва в армию. Считалось, что они находятся на военной службе. Кирилл в то время был уже настроен так, что совсем не хотел класть живот за батюшку-царя. Ему исполнялось 18 лет, и его вполне могли забрать на фронт…

На граммофонной фабрике Турубинера Кириллу долго работать не довелось. Из-за тяжелых условий труда и низкой оплаты вспыхнула забастовка. Участников забастовки руководство фабрики собиралось отдать под суд по законам военного времени. И опять Кириллу грозил арест. И опять помог Миков.

Из воспоминаний Мерецкова: «Я думаю теперь, что он был большевиком. Во всяком случае, связи у него были подходящие, ибо направил он меня к Л.Я. Карпову… Кем был Карпов? Инженер и администратор в акционерном обществе "Гарпиус", которое ведало производством и сбытом канифоли. Вот все, что мне было известно. Позднее я узнал, что Лев Яковлевич — старейший революционер-большевик. В 1906—1907 годах он — секретарь Московского комитета РСДРП. Получив техническое образование, Карпов работал как инженер-химик. После Октября он руководил химическим отделом ВСНХ, налаживал работу первых социалистических предприятий и научно-исследовательскую деятельность».

ПРИОБЩЕНИЕ К ИДЕЯМ БОЛЬШЕВИКОВ

Первые «духовные» наставники

Второе десятилетие XX века для России было временем исторического перехода от старого строя, царизма, к новому — социализму. Недовольство народа существовавшим режимом нарастало как снежный ком. В обществе зрели революционные идеи социального переворота. Распространителями их были левые партии, из которых наибольшее влияние среди рабочих имела РСДРП(б) — Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)[19].

К идеям большевиков Кирилл впервые приобщился, когда работал в мастерских Хаваевых. И помог ему в этом Василий Лапшин, сосед по верстаку. Как-то он принес в цех листовку и сунул Кириллу: «Прочитай дома». Кирилл прочитал — в листовке говорилось о тяжелой жизни рабочих и об эксплуататорах-капиталистах, и призывала она к стачке.

Лапшин взял шефство над молодым рабочим: учил слесарному делу, поведению в коллективе, экономной трате заработанных денег. Он был пожилым человеком, поэтому Кирилл называл его дядей Васей. А Лапшин Кирилла — Константином.

Как вспоминал потом Кирилл, сначала он думал, что Лапшин забывает его имя, и, стесняясь поправлять его, молчал. Но потом понял, что дядя Вася делает это не случайно, и тогда спросил, в чем дело. Неожиданно для себя услышал в ответ, что его незачем звать вторым именем.

— Как это «вторым»? — не сообразил Кирилл.

— Да так. Все крещенные Кириллами есть от рождения Константины. Слышал в школе о монахе Кирилле и его брате Мефодии, что азбуку кириллицу изобрели? Так вот, Кирилл в миру, до монашества, Константином звался.

— Ну и что? — вступился вечно хмельной старичок Акинфыч. — Почему ты не хочешь звать парня христианским именем, как его поп нарек?

— Поповское имя, — объяснял Лапшин не то шутя, не то серьезно, говоря вроде бы Акинфычу, но повернувшись к Кириллу, — идет от Евангелия. А по Евангелию мы должны жить не так, как живем. Нужно, чтобы каждый работал, чтобы не было нахлебников. Какие люди — настоящие? Только труженики. Крестьянин всех хлебом кормит, рабочий приспособления разные делает, ученый человек грамоте учит, лекарь от болезней лечит… А все остальные — паразиты. Хочешь, приходи ко мне вечером, я тебе объясню поподробнее.

Кирилл внимательно смотрел на Лапшина, но так и не понял, говорит он всерьез или просто зубоскалит, как это принято у мастеровых. После работы он зашел к дяде Васе домой. Долго говорили. Вначале о том о сем, затем о политике. Дядя Вася, подбирая нужные слова и взвешивая каждую фразу, просто и доступно описывал юноше порядки «на небе» и на земле. Он старался, чтобы Кирилл сам дошел до мысли о том, что помещик мужику не товарищ и землю добром не отдаст. Потом перешли к жизни рабочего человека и выяснили, что фабрикант ничем не лучше помещика.

Кирилл все чаще стал приходить на чай в дом Лапшина, но не догадывался тогда, что с ним беседует опытный агитатор, член РСДРП(б). Понял он это гораздо позднее.

А тогда дядю Васю уволили из мастерских, полиция установила за ним слежку, и он вынужден был покинуть Москву.

Новым духовным наставником Кирилла стал Миков. Германская война (в России так называли Первую мировую войну) в тот период набрала уже полную силу. Начались поражения русской армии. По Москве тренькали звонки санитарных трамваев, перевозивших бесчисленных раненых. Плохо стало с продовольствием. С фронта поступали печальные известия: немцы заняли Привислинский край и наступают на Минск.

Мерецков пишет в воспоминаниях: «Беженцы забили все вокзалы и перроны. В церквах не успевали отпевать погибших. Люди шептались: "Немец-то тяжелыми снарядами крушит, а наши — с одной винтовочкой, да и та без патронов". Между тем в ресторанах по-прежнему обжирались богачи, с довольным видом похаживали купцы и заводчики, а русскому солдатику хлыщеватые офицерики все так же били морду.

— Ты понимаешь ли, Кирилл, за что идет война? — спрашивал меня Миков. — Русские и иностранные капиталисты не поладили между собой — каждый хочет урвать кусок пожирнее. Вот и воюют. Добро бы сами — стреляй друг в друга сколько влезет… Ан нет, они в этом деле большой, можно сказать, исторический опыт имеют — загребать жар чужими руками. В мирное время на них рабочий у верстака спину гнет, а в военное хозяин дает ему винтовку в руки и — иди стреляй в своего брата рабочего. Не верь хозяевам, будто сейчас все мучаются за общее дело. Не было и нет у нас с кровососами ничего общего».

Так Кирилл продолжал проходить большевистские университеты.

Микова призвали в действующую армию. За день до отъезда

на фронт Кирилл повидался с ним, уже одетым в солдатскую форму.

— Тебе нужно срочно перебраться подальше отсюда, в провинцию, — посоветовал ему Миков. — Я дам тебе адрес акционерного товарищества «Гарпиус». Там главным инженером Карпов. Скажешь, что ты от меня.

Лев Яковлевич Карпов был талантливым инженером и убежденным революционером. Разработав проект постройки канифольного завода нового типа, он, получив официальное разрешение, отправился в сосновые леса Владимирской губернии. Что повлекло его туда? Во-первых, старые связи с «Семеном Семеновичем». «Семеном Семеновичем» подпольщики в целях конспирации называли «Севернорусский социал-демократический рабочий союз», одним из видных деятелей которого был Карпов. Во-вторых, наличие в тех лесах красной сосны. Из сока ее изготовляли гарпиус, то есть канифоль. Российская химия тогда еще сильно хромала, продукции ее недоставало, а канифоль нужна была многим: и различным предприятиям — сургучным, писчебумажным, мыловаренным, лакокрасочным, и фотографам, и музыкантам. Раньше исходный продукт — живицу брали прямо из деревьев, делая так называемую подсочку, то есть собирая из надрезов сок. Дерево при этом гибло. Карпов же открыл способ извлекать гарпиус, не повреждая лес…

Направляя Кирилла к Карпову, Миков не предупредил, что тот — старый большевик-подпольщик; он назвал только его имя и должность.

— Приедешь, смело иди в контору общества «Гарпиус», — сказал он Кириллу. Объяснил: — Как зайдешь, сверни по коридору налево, постучи в отдельную комнату, там увидишь человека в пенсне и с усиками, а чтобы не ошибиться, спроси, его ли зовут Лев Яковлевич?

Кирилл последовал совету и вскоре прибыл в «Гарпиус». Несмотря на рекомендации Микова, он все же несколько смутился, попав в официальное учреждение и увидев перед собой чиновника. Глаза главного инженера лукаво щурились, а губы подергивала легкая улыбка. Позднее, узнав Карпова поближе, он подметил, что таково обычное выражение его лица, да и речи его была присуща теплая ирония.

Завязался разговор, в ходе которого Карпов как бы мимоходом обронил, что Миков рассказал ему о Кирилле. Он предложил Мерецкову поехать слесарем-механиком на канифольно-скипидарное производство. Это был завод, первоначально построенный Карповым во Владимирской губернии. Он находился вблизи уездного центра — города

Судогды. Зачислить Кирилла в списки рабочих завода должен был тамошний главный инженер Яков Вениаминович Снегирев, который по совместительству был еще управляющим местного отделения товарищества по химической обработке дерева.

Потом Карпов перешел к другой теме:

— Миков сообщил мне, что вам можно доверять. — Это был первый случай в жизни Кирилла, когда к нему обращались на «вы». — К вам будут приезжать люди. Если скажут, что от меня или что Миков приветствует вас, знайте по этой условной фразе: прибыли свои. Вам придется устраивать их на ночевки в надежном месте. Потом люди будут уезжать. Если ничего не спросят, значит, так и нужно. Если спросят, например, о том, куда им ехать, называйте один из двух адресов. Адреса не записывайте, выучите наизусть как Отче наш. По нечетным месяцам говорите: «Дворницкая частной мужской прогимназии П.В. Смирнова во Владимире». По четным месяцам: «Проходная химического завода братьев Паниных на улице Шуйского в Иваново-Вознесенске». Оба города лежат от Судогды неподалеку. В случае чего сами купите этим товарищам железнодорожные билеты или подыщите попутную подводу.

Направляя Кирилла в Судогду, Карпов на прощание сказал: — Товарищество находится на одном берегу реки Судогды, город — на другом. Прежде чем идти к Снегиреву, погуляйте по городу, проверьте, не тащится ли сзади «хвост»…

Так Кирилл получил первое поручение большевиков. Он был горд этим. Ему, 18-летнему парню, еще ничем себя не проявившему, доверили такое важное дело!

* * *

Пребыванию в Судогде Мерецков посвятит в будущем многие страницы своих воспоминаний, в деталях будет описывать, как ходил по улицам Судогды, в то время типичного уездного города владимирской глубинки в 36 верстах от губернского центра. Рассматривал вывески: «Податная инспекция», «Городская управа», «Воинское повинное присутствие», «Казначейство», «Аптека», гостиница «Голубев с сыновьями», «Магазин готового платья», «Уездное полицейское управление»…

Приезд в Судогду описал так. Убедившись, что на него никто не обращает внимания, он перебрался на другой берег реки, в имение Храповицкого. Местный богатей Храповицкий владел угодьями и домами. Имелись даже железнодорожные станции Храповицкая-I и Храповицкая-II. От них к складу бакалейных

товаров Храповицкого вели собственные подъездные пути. В имении же находился и скипидарный завод.

В то время Кирилл полагал, что поездка в Судогду — лишь эпизод в его жизни. Но пробыл там почти три года, где позднее нашел и свое личное счастье.

Начал же с того, что по совету Карпова постарался установить хорошие отношения со Снегиревым. Яков Вениаминович принял его дружелюбно, поставил на должность слесаря по ремонту оборудования, поселил недалеко от себя. Часто Кирилл ночевал в его доме. Снегирев рассказывал о себе, о том, как было трудно ему получить образование и найти работу по специальности. Он никогда не расспрашивал Мерецкова, почему его, простого рабочего, прислал к нему видный инженер «Гарпиуса» и о чем Карпов беседовал с ним, приезжая в Судогду. Снегирев держался просто и демократично. Как начальник он не ограничивал свободу Кирилла. Когда тому было необходимо отправиться в город, тотчас отпускал его.

Новое дело увлекло Кирилла. В процессе работы он с удовольствием следил за исправностью аппаратуры, устранял повреждения и выполнял специальные слесарные работы. В детстве он мечтал стать народным учителем, теперь отдался другой мечте: быть инженером-химиком.

Льстило и занятие «политикой», постоянное общение с новыми, интересными и умными людьми.

Запомнилась встреча с приезжавшим на завод в служебную командировку представителем главной конторы товарищества Б.И. Збарским. Снегирев распорядился, чтобы Кирилл познакомил его с производством. Приезжий представился, назвал себя, что по отношению к рядовому рабочему выглядело необычно. Сказал, что слышал о Кирилле от Льва Яковлевича немало хорошего. Польщенный, Кирилл показал Збарскому все, что мог. Инженер пожелал выяснить у слесаря-механика, где труднее всего запаивать отверстия при повреждении аппаратуры. Кирилл указал в канифольном аппарате на висячие медные змеевики. Приезжий попросил научить его паять их. Но оказалось, он и сам все отлично знает, на что Кирилл рассердился. Борис Ильич заулыбался и сказал, что хотел поближе познакомиться и убедиться, что молодой рабочий действительно мастер своего дела.

* * *

Збарский был известным в стране специалистом. Он работал

биохимиком в Московском университете, а также изучал технологию производства метилового спирта и других продуктов сухой перегонки древесины. Как раз эти исследования и привели его в Судогду. (В 1924 году он вместе с профессором В.П. Воробьевым бальзамировал тело Ленина и длительное время затем возглавлял лабораторию при мавзолее.)

В 1916 году, во время одного из своих приездов, Карпов сообщил, что вскоре Кириллу придется покинуть Судогду и вернуться в Москву. «Нет ли у тебя возражений?» — спросил он. У Кирилла возражений не было. Сначала по вызову Карпова уехал Снегирев, а через некоторое время администрация предприятия вручила Мерецкову предписание, где указывалось: ему надлежит по делам службы отбыть в главную контору товарищества.

В Москве Кирилла встретил Снегирев и устроил временно на Ольгинский химический завод. Впервые они побеседовали тогда более откровенно, чем раньше. Яков Вениаминович сказал, что на химзаводе товарищи будут основательно его изучать. Спустя месяц объявил, что к Кириллу «окончательно присмотрелись и сделали вывод: вполне внушает доверие, и ему пора напрямую включаться в борьбу за лучшую участь рабочего класса». После этого Снегирев сообщил, что Карпов работает сейчас директором Бондюжского завода на Каме, возле пристани Тихие Горы, и хочет, чтобы Кирилл приехал туда.

Но осуществить поездку не удалось, над Мерецковым нависла угроза мобилизации в армию. На фронте дела шли неважно, немцы и австрийцы продвинулись далеко на восток. Бондюжский завод не давал отсрочки от призыва, и Кириллу пришлось возвратиться в Судогду. Канифольно-скипидарное производство к тому времени было переведено на военные рельсы, и рабочим полагалась «бронь».

Судогодский уком РСДРП(б)

В конце 1916 — начале 1917 года в столице происходили волнения. О них жители Судогды и близлежащих деревень узнавали из губернской газеты «Старый владимирец». Все с нетерпением ожидали свежих номеров, интересовались происходящими в Петрограде событиями. А события, судя по отрывочным сообщениям, надвигались грозные. Ходили всевозможные слухи о генералах-изменниках, о том, что царица продает Россию немцам, об убийстве Григория Распутина.

Кирилл Мерецков получал информацию от приезжавших на завод из Владимира товарищей, хотя она, как правило, была весьма скудной. И вдруг пришло известие — самодержавие пало, Николай II отрекся от престола, в столице сформирован какой-то Временный комитет, параллельно возникли Советы.

Кирилл срочно оставил завод. В городе кипели страсти, по улицам ходили люди с алыми бантами на груди и повязками на рукавах. На домах были расклеены листовки, которые гласили, что во Владимире образован городской исполнительный комитет, взявший власть в свои руки. Он признал созданное в Петрограде Временное буржуазное правительство. Председателем Комитета избран кадет Петров.

Из воспоминаний В.К. Мерецкова: «От непривычной атмосферы кружилась голова. Городовые исчезли! Свобода! Люди ходили открыто с красными флагами. Кое-кто скулил: "Как же мы теперь без царя будем?"

За что же браться, думал я, с чего начинать? Дома говорить об этом не с кем, а на заводе товарищи по работе сами ждут, что я им скажу. От Л.Я. Карпова давно уже нет известий. А с Миковым я не переписывался. Но вот на калитке одного из домов вижу листовку с подписью "РСДРП". Ага, есть, значит, социал-демократы и в Судогде. Кто же здесь, интересно, действует? Оказалось, что это большевики Смирнов, Трофимов и Ошмарин, а им помогают местные стекольщики и ткачи. Прихожу к ним. Не нуждаетесь ли в слесарях, друзья?..

Контакт был установлен, и мы образовали социал-демократическую большевистскую ячейку».

* * *

В стране существовало двоевластие. С одной стороны, Временное правительство, с другой — Советы рабочих,

крестьянских и солдатских депутатов.

Двоевластие чувствовалось и в Судогде. Правда, поначалу политическая борьба велась скрытно. Открытое столкновение рабочих и буржуазии проявилось здесь не столь быстро, как в Петрограде, Москве или даже во Владимире. Судогодцы еще покорно выполняли распоряжения местного Комитета общественной безопасности, в который вошли представители старого чиновничества, отставных офицеров, фабрикантов, лавочников и домовладельцев. Уездный Совет только складывался и лишь в мае 1917 года обозначил себя открыто. Первоначально по своей политической позиции он был эсеровским. Такая же картина наблюдалась и в других городах губернии. Только в Советах Орехово-Зуева, Иваново-Вознесенска и Коврова с самого начала преобладали большевики.

На заводе Кирилл бывал редко. Чаще находился в доме, где начала работать социал-демократическая ячейка. В ячейку входили несколько ткачей, стекольщиков, мастеровых, один учитель, один служащий. Партийным руководителем был Петр Ошмарин.

Члены ячейки считали себя большевиками, хотя как организация РСДРП(б) она официально еще не была признана. Не было связи ни с Владимиром, ни с Москвой, и поэтому ячейка нигде не была зарегистрирована, естественно, и представители ее не попали на состоявшуюся в апреле губернскую конференцию организаций РСДРП. Позднее связь с Владимирским губкомом (губернским комитетом) все же наладилась. Ячейка получила некоторые партийные установки, в том числе принятое конференцией постановление торжественно отметить Первое мая[20].

Судогодские большевики начали свою новую деятельность с проведения первомайской демонстрации. Они отправили в губ-ком письмо с просьбой прислать на торжество кого-нибудь из губернских партийцев. Вскоре приехал посланец владимирского комитета. Он покритиковал судогодцев за то, что в ячейке не ведутся записи партийной работы, нет протоколов собраний и, главное, что их организация до сих пор никак не оформлена.

Утром 1 мая 1917 года у дома, где размещалась партячейка, собралась группа из нескольких рабочих, солдат, они прошествовали по улицам города, неся плакаты «Вся власть Советам!». Не обошлось без инцидента: на центральной площади произошла стычка с представителями Комитета общественной безопасности и эсерами, закончившаяся небольшой потасовкой, в которой активно проявил себя Кирилл.

В тот же вечер члены ячейки и примкнувшие к ней участники

первомайской демонстрации собрались на организационное собрание. Собрание постановило создать Судогодский уездный комитет РСДРП(б). Его председателем был избран Ошмарин, секретарем — Мерецков. По всем правилам были составлены документы и отправлены во Владимир.

Уком (уездный комитет) с первых дней своего существования развернул борьбу за власть. Бороться предстояло одновременно с Комитетом общественной безопасности и с Советом, во главе которого стояли эсеры. Большую помощь укому в этой борьбе оказал М.П. Янышев, приезжавший в Судогду как представитель Московского областного бюро РСДРП(б). Он нацеливал на завоевание большевиками верховенства в Су-догодском Совете.

В конце мая в Судогде открывался уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Надо было как следует к нему подготовиться, чтобы дать решительный бой эсерам. Янышев предложил выступить на нем Петру Ошмарину, членам укома Михаилу Трофимову и Кириллу Мерецкову. Михаил Петрович сказал, что первым произнесет на съезде речь и задаст нужный тон товарищам.

Выступления укомовцев с их ясными лозунгами, четкой политической линией сыграли важную роль в размежевании группировок внутри местного Совета.

Кирилл очень волновался, ведь это было для него первой настоящей школой политической борьбы уже как члена РСДРП(б). Когда он сошел с трибуны, Янышев одобрительно похлопал его по плечу: «Молодец! Крепко говорил. Сказал всё, что надо».

Съезд принес успех судогодским большевикам. За них проголосовало солидное число делегатов. Эсерам пришлось подвинуться, уступая им места во вновь избранном Совете, хотя, как и прежде, они владели большинством голосов. Председателем уездного исполкома стал Ошмарин.

Но развить успех помешали дошедшие из Петрограда сообщения о вспыхнувшем остром политическом кризисе.

В начале июля в Петрограде произошли события, которые дали толчок мощному накату на большевиков по всей стране.

Как известно, после Февральской революции вместо царского правительства были созданы Временный комитет Государственной думы и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Позже Временный комитет сформировал Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым, которого сменил социалист А.Ф. Керенский. Образовалось двоевластие, которое никого не устраивало, особенно большевиков.

3 июня начал работу Первый Всероссийский съезд Советов

рабочих и солдатских депутатов. Большевики потребовали передачи всей власти Советам, но съезд проигнорировал их требования и принял резолюцию, поддерживающую Временное правительство и его линию вести войну до победы.

Почувствовав поддержку, Временное правительство решило показать свою силу. Оно взялось за выдворение с дачи, принадлежавшей бывшему царскому министру Дурново на окраине Петрограда, штаба анархистов, рабочих клубов и учреждений профсоюзов Выборгского района. В ответ на это резко возмутились матросы Кронштадта, забастовали 29 заводов Петрограда. Центральный и Петроградский комитеты РСДРП(б), чтобы предотвратить опасную неуправляемую конфронтацию матросов и заводских рабочих с правительством и придать их выступлению организованный характер, назначили протестные шествия. Однако съезд Советов запретил их и постановил провести демонстрацию с одобрением политики Временного правительства. Она состоялась 18 июня, в ней участвовали около 500 тысяч человек, в основном — сторонники большевиков. Над колоннами реяли лозунги не в поддержку правительства, а с требованиями: «Вся власть Советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Хлеба, мира, свободы!». Под такими же лозунгами прошли демонстрации в Москве, Иваново-Вознесенске, Твери, Нижнем Новгороде, Харькове и других городах.

На улицах Петрограда появились автомобили с солдатами с красными повязками на рукавах. Вечером этого дня к Таврическому дворцу, где заседал Петроградский совет, подошел 1-й пулеметный полк с транспарантами «Долой Временное правительство!», за ним — отряды вооруженных рабочих. Пятитысячная толпа собралась у особняка Кшесинской, где размещались Центральный и Петроградский комитеты.

4 июля к Таврическому дворцу продолжали подходить солдаты и рабочие, а также прибывшие из Кронштадта моряки. Начались вооруженные столкновения с верными Временному правительству войсками.

И вдруг 5 июля газета «Живое слово» опубликовала сообщение о финансировании большевиков немецкими властями. Это сразу переломило настроение солдат.

Правительство, во главе которого встал Керенский, приняло энергичные меры. В течение 6 июля особняк Кшесинской, дача Дурново и Петропавловская крепость были очищены от большевиков и революционно настроенных солдат и матросов. Была создана Особая следственная комиссия по расследованию антигосударственных действий В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского, А.М. Коллонтай, М.Ю. Козловского,

Ф.Ф. Раскольникова и других большевиков. Ленину, однако, удалось скрыться от ареста.

Австро-германские войска нанесли мощные удары по российской армии. Потери Юго-Западного фронта убитыми, ранеными и пленными составили около двух тысяч офицеров и более 55 тысяч солдат.

19 июля Керенский назначил нового Верховного главнокомандующего — генерала Л.Г. Корнилова.

* * *

В связи с июльскими событиями в Судогде развернулась ожесточенная политическая борьба. Кирилл полностью сосредоточился на работе в укоме. Те тяжелые условия, в которых оказалась партия большевиков после июльских событий, коснулись всех местных ячеек.

Мерецков вспоминает, как некоторые старые знакомые спрашивали тогда его с неприятными намеками:

— А правильно ли говорят, Кирилл, что ты большевик?

— Правильно говорят.

— С Лениным заодно, значит?

— Выходит, заодно.

— Да известно ли тебе, кто он есть? Шпион германский. Ихний царь повелел через свою землю пустить его в Россию народ смущать.

— Брехня! Германия войну ведет, губернии наши захватывает. А Ленин и большевики, наоборот, хотят войне конец положить. Тебе-то самому война нравится?

— Кому она нравится? Всем опротивела.

— Чего же ты с чужого голоса поешь? Разберись сначала.

Разъяснения и агитацию вести было трудно. Народ проявлял недоверие, а идейные враги воспрянули духом. Они срывали листовки большевиков, не давали проводить митинги, угрожали укомовцам расправой, громили помещения партячеек. Не было у большевиков и опоры на профсоюзы, так как в них состояли в большинстве служащие, относившиеся к большевикам с неприкрытой враждебностью.

В этой обстановке встал вопрос о создании вооруженных пролетарских отрядов. Уже возникла Красная гвардия на станции Черусти, в Муроме, где красногвардейцами были не только рабочие, но и солдаты.

В конце июля на заседании Судогодского укома этот вопрос был поставлен как первоочередной. После горячего обсуждения

было принято решение форсировать организацию красногвардейского отряда. Каждый укомовец получил конкретное задание: одни агитировали рабочих записываться в Красную гвардию, другие доставали оружие. Кириллу поручили научить красных добровольцев стрелять, хотя сам он был стрелком никудышним. Начал с самообучения. Вставал рано утром, брал наган и шел на пустырь или в лес тренироваться в стрельбе. А уже днем занимался с добровольцами. По истечении многих лет он скажет об этом: «Не знаю, что дали мои уроки товарищам, а мне они сильно пригодились в годы Гражданской войны».

В первой половине августа отряд добровольцев был сформирован. Кирилл Мерецков, как самый грамотный из укомовцев, был назначен начальником штаба Красной гвардии.

Обстановка в уезде продолжала оставаться сложной. По-прежнему с Московским облбюро РСДРП(б) не было никаких сношений. Владимирский губком мало уделял внимания Судогде, предпочитая иметь дело в первую очередь с крупными промышленными центрами. Судогодские большевики снова не получили приглашения (в апреле их не пригласили на губернскую конференцию организаций РСДРП) на межгородскую конференцию, где вырабатывалась тактика поведения партии в новых условиях. О ней они узнали из рассказов шуйских товарищей, навестивших Судогду в августе, после VI съезда партии. Знакомый Кириллу ткач Копнин тогда поделился с ним новостью:

— А у нас Арсений[21] объявился!

— Да ну!

— Верно тебе говорю. Брошюры привез и патроны. Ходили мы на речку Тезу, выставили караульных и провели собрание прядильщиков и ткачей, да еще из уезда кирпичники присоединились. Арсений выступал. Умный мужик. При каждом заводе решили иметь свой красногвардейский отряд. Так партийный съезд постановил. Скоро дадим бой буржуям. Пора объединяться!

Копнин посоветовал созвать фабрично-заводские комитеты и поставить перед ними вопрос о расширении рядов Красной гвардии и подготовке к вооруженной борьбе.

В третьей декаде августа собрался Судогодский съезд представителей фабзавкомов. Предложение о вооружении рабочих поддержали единогласно, но в целях конспирации решили на бумаге его не отражать. В протокол же записали другую резолюцию — об экономическом положении России и преступной войне.

Большевики пока еще оставались в меньшинстве. Однако уже чувствовалась перемена обстановки в лучшую сторону. Ведь проклятая и несправедливая война все продолжалась. А кто требовал ее прекращения? Большевики.

«Помог» и мятеж Корнилова. Главнокомандующий двинул воинские части на Петроград, предъявив Временному правительству ультиматум — уйти в отставку. Нависла угроза военной диктатуры.

По улицам Судогды бегали темные личности и раздавали листовки с переданным по телеграфу во все концы страны и отпечатанным в губернии на гектографе приказом мятежного генерала от 27 августа.

Уком постановил и впредь вести за контрреволюционерами неусыпное наблюдение. Красногвардейский штаб установил круглосуточное патрулирование на городских улицах. Такое же дежурство милиционеров ввел и эсеро-меньшевистский исполком.

Вскоре стало известно, что Корниловский мятеж провалился. Керенский сместил Корнилова с поста главнокомандующего.

Правители Судогды были в растерянности. Они объявили срочный сбор всех, кто пользовался хоть каким-то авторитетом в городе. Засуетился и Совет. Состоялось объединенное совещание, участие в котором приняли и большевики.

Кирилл Мерецков потом вспоминал: «И вот мы сидим в общем зале. Как изменилось настроение! Еще недавно здесь можно было услышать обычный эсеро-меньшевистский трезвон о "борьбе с опасностью справа и слева". Теперь же об "опасности слева" — полное молчание. Принесенные на заседание вчерашние экземпляры "Старого владимирца" стыдливо прячутся исполкомовцами под сиденья. В газете можно было найти всю ту грязь, которую лила реакция на партию большевиков после июльских событий в Петрограде, проповедь войны и приторные восхваления в адрес временного премьер-министра.

А теперь сидевшие справа и слева от меня горожане из числа тех, кто искренне верил в революцию, но заблуждался, сторонясь большевиков, в испуге переглядывались, слушая последние новости, о которых рассказывал с трибуны приехавший из Владимира Ошмарин, и растерянно говорили: "Как же мы дошли до этого? Ведь революция погибнет. Нужно спасать ее". Кто же спасет? Жизнь, как бы тыча этих людей носом в содеянное, наглядно учила: только тот может спасти, кто является самым стойким врагом банды реакционеров, проходимцев и авантюристов. И все больше горожан поворачивалось лицом к большевикам. Так постепенно начиналась большевизация Советов».

После Ошмарина слово было предоставлено Мерецкову. От имени штаба Красной гвардии он внес предложение официально возложить охрану города на красногвардейцев. Предложение приняли. А затем последовал поток выступлений всякого рода соглашателей. Под конец был учрежден «Соединенный комитет демократических организаций» с властными функциями во всем уезде. Заседание длилось до утра. Ночью в городе поработали люди Мерецкова. Когда участники заседания расходились по домам, то могли видеть, что возле фабрик, магазинов, винных складов и учреждений уже стояли по трое вооруженных добровольцев Красной гвардии.

Характерным результатом этого совещания стало заметное со временем «полевение» депутатов Совета. Одни сами стали поддерживать большевиков, других постепенно сменили на тех, кто имел более революционную ориентацию. Отныне предложения укома выслушивались на заседаниях исполкома с должным вниманием и, как правило, безоговорочно принимались. Уком установил прочную связь с Мособлбюро РСДРП(б) и теперь регулярно получал от него прямые указания и руководствовался ими при выработке политической линии.

14 сентября Судогодская большевистская организация и Совет рабочих и солдатских депутатов направили в Мособлбюро письмо, в котором говорилось: «Уважаемые товарищи!.. Посылаем вам 2036 руб. 07 коп., согласно постановлений Совета и партии — предназначается в фонд партии РСДРП большевиков, ЦК в Москве, главным образом на партийные нужды и типографию "Социал-демократ". Примите, дорогие товарищи, наши собранные гроши от души. Просим не оставить нас без ваших инструкций и сведений о работе партии. Вышлите нам несколько литературы поценнее, то есть посодержательнее. Просим зарегистрировать Судогодскую организацию партии. Сведения будут высланы дополнительно от партии, а лучше всего дайте анкету, по которой партийная организация и ответит».

Примечательно, что в этом письме опять поднимается проблема об официальной регистрации уездной большевистской организации. На этот раз вопрос был окончательно решен. Уже в середине сентября судогодские большевики честь по чести были представлены на губернской конференции в Иваново-Вознесенске. В качестве одного из делегатов на нее рассматривался Мерецков. Кирилл очень хотел поехать в Иваново-Вознесенск, но уком не отпустил его, причина — он отвечал за революционный порядок в городе, и перепоручать это дело кому-то другому уком опасался…

С каждым днем в массах росло недоверие Временному правительству, в середине октября оно дошло до высшей точки.

Это констатировал открывшийся в те дни губернский съезд Советов. На нем по вопросам о преступной войне и необходимости мира, о рабочем контроле на предприятиях, о форме власти были приняты большевистские резолюции. Правительство Керенского депутаты назвали предательским и антинародным, единственной законной властью официально провозгласили Советы.

В Судогде в учреждениях по-прежнему сидели правительственные чиновники. Однако фактически политическая и административная власть полностью переместилась в исполком Совета, штаб Красной гвардии и комитет РСДРП (б). В те дни уком большевиков и красногвардейский штаб почти по любому вопросу готовили проекты решений для исполкома городского Совета, а затем большевизированный состав его работников утверждал их. На звонки и телеграммы губернского правительственного комиссара меньшевика Братенши не обращали теперь никакого внимания.

Близилось открытие II Всероссийского съезда Советов. Ждали великого переворота. Судогодские красногвардейцы круглые сутки не уходили с городских улиц: нельзя было допустить кровавой агонии старой власти. Уком РСДРП(б) был наготове. Имелась договоренность, что если во Владимире офицерство попытается что-нибудь учинить, то с севера туда прибудет по железной дороге отряд шуйских рабочих, с востока — ковровских, с юга — гусевских, а с запада — ореховских. От Судогды непосредственно на Владимир вела только грунтовая дорога. Специально выделенная из красногвардейского отряда вооруженная группа в 28 человек была готова отправиться туда на телегах.

И вот свершилось! Из Питера по телеграфу прилетела «молния» о низложении антинародного правительства, об установлении в России советской власти как единственно законной и полномочной. На следующий день пришел специальный бюллетень Владимирского совета, содержавший изложение решений II Всероссийского съезда Советов. А еще днем позже новая губернская газета «Борьба и труд» напечатала принятые декреты о мире и о земле…

Судогодский уездный совет публично подтвердил полное принятие советской власти. На него свалилась масса забот по устройству новой жизни.

Мерецков был введен в Совет и возглавил свежеиспеченный военный отдел. Впервые в жизни Кирилл тогда, как напишет он в своих воспоминаниях, «надел шинель и перетянулся широким унтер-офицерским ремнем — подарком, привезенным с

солдатского митинга во Владимире».

НАДЕЛ ШИНЕЛЬ И ПЕРЕТЯНУЛСЯ РЕМНЕМ

По иной стезе

В течение всех своих двадцати прожитых лет Кирилл Мерецков никогда не думал, что станет военным. В детстве он хотел стать народным учителем, какими были в земской начальной школе Иван Александрович и Ирина Васильевна Емельяновы. В 18-летнем возрасте загорелся мечтой выучиться на инженера-химика; блестящим примером ему в этом служил Лев Яковлевич Карпов. Но жизнь определила ему совсем иную стезю.

С первых дней советской власти в Судогде на большевиков свалилась масса хлопот по налаживанию новой жизни. Главной заботой Мерецкова, начальника созданного военотдела, в те дни было формирование Красной гвардии. Но вначале следовало срочно заняться демобилизованными из старой армии.

Кирилл считал это поручение для себя временным. Он не терял надежды вернуться в ставшую для него родной заводскую среду, он ждал: вот-вот революционные страсти утихнут и Карпов позовет его к себе на Бондюжский завод, что на Каме, возле пристани Тихие Горы.

Однако страсти не только не утихали, а разгорались с новой силой. Что делать с прибывавшими с фронта солдатами, никто толком не знал. Исполком послал Мерецкова во Владимир получить в губвоенотделе инструкции по этому вопросу.

Губернский центр был заполонен фронтовиками. На вокзале, площадях и главных улицах города проходили стихийные митинги, братание военных с трудовым людом. Солдаты демонстрировали, что с войной покончено и дальше нести воинскую повинность они не намерены: срезали погоны с шинелей, снимали с фуражек царские кокарды. Один пожилой унтер подарил Кириллу свой ремень: «Бери, молодец, глядишь, пригодится».

В губвоенотделе Мерецкову разъяснили, как регистрировать демобилизованных. Начальник военотдела М.С. Лешко, оглядывая изрядно потрепанную рабочую робу Кирилла, сказал: «Надо бы тебе форму справить, чтобы настоящим военным выглядел».

Михаил Степанович Лешко был одним из тех, кто устанавливал советскую власть в Коврове и обладал немалым политическим опытом. Он вступил в большевистскую партию еще в 1910 году. Теперь Лешко энергично действовал на ниве строительства новых вооруженных сил, создавая базу кадров для будущей Красной армии. Он запомнит молодого рабочего Кирилла Мерецкова и будет всячески поддерживать его в период

становления и роста, как перспективного военного руководителя.

Кирилл последовал совету начальника губвоенотдела: приобрел на рынке шинель с ватной нагрудной подкладкой, юфтевые сапоги и солдатскую шапку-ушанку. Всё весьма кстати — приближалась зима, и в холода ходить в картузе и в брезентовой телогрейке было бы не очень уютно. Пригодился и ремень унтера — на него он повесил свой «смит-вессон»[22], который до этого носил за поясом брюк.

На следующий день он предстал перед Лешко в новой форме. Михаил Степанович удивленно развел руками:

— Так быстро переобмундировался! — Заулыбался, похвалил: — Совсем другое дело! — И, как бы оправдываясь, сказал: — Мы пока не можем обеспечить форменной одеждой сотрудников нашего отдела, а уж об уездных отделах и говорить нечего. Зато вот этим можем. — Он достал из ящика стола маузер[23] в деревянном футляре с тонким наплечным ремнем, протянул Кириллу: — Держи. Штука посерьезнее, чем твой «вессон».

Кирилл не сумел сдержать радости: глаза заблестели, как у мальчишки. Вынул из футляра маузер; он был не новый, повидавший виды, со стертым до серости воронением. Но все равно, это же — маузер! Автоматический десятизарядный пистолет!

— Вот это да! — Погладил ручку ладонью. — За такое благодарствуем!

— Ну-ну, — как-то странно отреагировал Михаил Степанович на благодарность Мерецкова.

Это отрезвило Кирилла. Он вытянулся перед начальником губвоенотдела.

— Большое спасибо, товарищ Лешко!..

Тогда впервые Кирилл скажет себе мысленно: «А тебе ведь нравится выглядеть военным»…

С заключением Брестского мира[24] закончилась Первая мировая война. Народ вздохнул облегченно. Однако немало нашлось и тех, кто не одобрял заключенный мир. На этот счет среди большевиков Владимира возникла болезненная дискуссия. Губернская парторганизация с давних времен вела свою работу в контакте с московской областной. А в Москве находился один из центров той группы членов РСДРП(б), которые не соглашались подписать с немцами мирный договор и настаивали на продолжении «революционной войны». Только после VII съезда партии и IV съезда Советов (уже весной 1918 года) споры о «правильности» или «неправильности» заключения Брестского мира прекратились.

Строительство социалистического уклада требовало все

большего внимания. Жизнь сама по себе не преобразовывалась. Надо было слить воедино Советы рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов. Был создан губернский совнархоз, а в Судогде открылось его отделение. Приступили к проведению земельной реформы. Но дело это оказалось не простым — деревня заволновалась. Уездный военный отдел получил указание из губвоенотдела еженедельно снаряжать небольшие отряды Красной гвардии в волости для обеспечения порядка при переделах земли.

У советской власти оказалось довольно много врагов. Вначале они затаились, но по прошествии некоторого времени, собравшись с силами, перешли в открытое наступление. В исполком поступали тревожные сигналы: то там, то здесь вспыхивали контрреволюционные мятежи. Для подавления их не хватало сил. Военотдел не мог выделить достаточное количество красногвардейских отрядов.

Уездный комитет на чрезвычайном заседании принял решение расширить ряды Красной гвардии. Нужны были сведения обо всех потенциально возможных призывниках.

До Октябрьского переворота заводские служащие очень неохотно шли навстречу требованиям красногвардейского штаба и скрывали штатную отчетность, не давали информацию о числе рабочих на предприятиях, об их возрасте и адресах. Приедет, бывало, представитель штаба на какой-нибудь завод, заходит в контору и видит неприязненный взгляд управляющего. Как правило, начиналась волокита:

— Какое вы имеете право смотреть в частные бумаги? — сопротивляется обычно управляющий. — У нас не государственное предприятие. И вообще я вас не знаю.

— Вот мой мандат от судогодского штаба Красной гвардии, — представляется уполномоченный штаба.

— Мы вам не подчиняемся. У нас другое начальство.

— Ладно, взгляните на направление от уездного исполкома.

— А где бумага от правительственного комиссара? Советы — это еще не вся власть. Не признаем!

Приходилось идти прямо к рабочим и у них получать все сведения. Кирилл рассказывал, как это происходило. Заглянет представитель красногвардейского штаба, к примеру, в плавильный цех: там старый, насквозь прожаренный мастер, оттирая стенки печи, советует ему: пройди пока к ребятам, поговори, а вечером будь у меня дома там-то и там-то, соберемся, потолкуем. И вот обходит он стеклодувов. Один прессует стеклянную массу, другой подбавляет извести в раствор для получения богемского стекла, третий дозирует свинец в растворе

будущего английского хрусталя, четвертый выдувает из горячего глинозема зеленые бутылки, пятый закаливает в каленице готовые изделия, шестой оттягивает размягченную паром стеклянную нить на мотовиле. Встречают приветливо, охотно беседуют, многие сразу же заявляют о готовности вступить в отряд. А с другого конца цеха злобно смотрит управляющий…

Теперь было всё по-другому. На предприятие уездный военотдел посылал директиву: в двухдневный срок представить под личную ответственность администрации полные списки работников завода. Точно в указанное время нужная бумага ложится на стол военного отдела.

Молодой начальник военотдела попытался составить полную отчетность о красногвардейском резерве. В Судогодском уезде было 272 промышленных предприятия с 8175 рабочими. Крупнейшими из них являлись: 56 льноткацких фабрик, 26 стеклозаводов, 1 льнопрядильня, 18 лесопилок, 11 смолокурен, 26 кирпичных заводов, 16 овчинных фабрик, 23 круподерки, 14 маслобоен, 58 машинных мельниц. Составив сетку распределения рабочей силы по уезду, военный отдел наметил сроки и места сбора кандидатов в красные воины.

Поначалу от записывающихся в Красную гвардию не было отбоя. Особенно активно вступали в нее молодые рабочие. Но отбор был жесткий, принимали далеко не всех желающих. В этой работе военотделу помогал уездный Союз молодежи, рекомендовавший самых сознательных ребят.

Первой настоящей проверкой на боеспособность Красной гвардии стала операция по пресечению восстания неподалеку от Судогды, в волостном центре, в селе Мошок. Тамошние зажиточные крестьяне (кулаки), которых новая власть обложила большим продналогом, не хотели отдавать излишки хлеба. Сначала они устроили саботаж, а затем подняли вооруженный мятеж. Получив известие о восстании, военный отдел собрал отряд в триста человек из стеклодувов Богословского хрустального завода Белтова, а также Благовещенского завода Гаврилова, заводов Горского и Голубятникова.

Через два дня отряд под командованием Мерецкова окружил волостной центр. На ультиматум красногвардейцев прекратить мятеж и сложить оружие восставшие ответили согласием сдаться. Обошлось без кровопролития, мятежников отпустили по домам под честное слово.

Возвращаясь из Мошка в Судогду, Кирилл решил заехать по пути в Ликино, к родителям своей девушки Дуси Беловой, чтобы снова просить у них ее руки. Год назад он пытался свататься, но из этого ничего не вышло.

С Дусей он познакомился в 1916 году, и произошло это так. Когда Кирилл работал в заводском товариществе по химической переработке дерева «Гарпиус», то нередко приезжал из Судогды в Муромцово, где находилось управление. В один из приездов за получением денег на артель Кирилла приметила кассирша Пелагея Петровна Белова. Завела с ним разговор: откуда он родом, кем работает на заводе. В другой раз пригласила в гости на чай в Лыково, что рядом с Муромцовом, она жила там с родителями, братьями и сестрами. Серьезный не по годам юноша, не очень-то разговорчивый, понравился ей своей мужской самостоятельностью. Сама она была замужем, так что не для себя приглядела юношу, а вот для ее младшей сестренки Евдокии он — в самый раз.

Кирилл принял приглашение и вечером появился в доме Беловых. Увидел с порога Дусю и сразу же влюбился в нее. Молодая, стройная, симпатичная. У нее был смелый открытый взгляд, в голубых глазах таилась лукавая смешинка, казалось, девушка только и ждет, чтобы брызнуть озорной веселостью. Кирилл смутился, запоздало смахнул картуз с головы, поздоровался, поперхнувшись: «Здравствуйте… вам». Дуся рассмеялась: «И вам — здравствуйте!» Глаза ее лучились доброй улыбкой. Она мягким, удивительно нежным голосом пригласила: «Не стесняйтесь, проходите». Эта солнечная улыбка и необыкновенный голос девушки окончательно покорили сердце Кирилла. Он понял: Дуся — его судьба.

Петр Андреевич Белов был из потомственных пролетариев. Человек он умом не обделенный, работящий, специалист своего дела. И еще очень строгий по жизни. Будучи главой большой семьи, он держал всех твердой рукой. Может, благодаря этому и привил своим детям послушание, трудолюбие, уважительное отношение к старшим. Под старость Петр Андреевич уже не мог занимать прежнее рабочее место на заводе. Поскольку руководство высоко ценило Белова на производстве, его не выставили на улицу, как делалось почти во всех подобных случаях, а перевели в контору.

С того памятного «гостевания» у Беловых Кирилл стал часто посещать эту семью. Больше года пытался ухаживать за Дусей, правда, без особого успеха. Ему казалось, что девушка была к нему благосклонна, но чувств своих не выказывала, боясь строгого отца.

На первых порах Петр Андреевич относился к Кириллу с нескрываемым безразличием, а подчас и с явным холодком. Хотя, если честно сказать, настойчивость в ухаживании молодого кавалера за Евдокией была по душе ему. Постепенно он все-таки

смягчился и стал принимать Мерецкова доброжелательнее. Воспользовавшись «потеплением», Кирилл осмелился однажды попросить у него руки дочери, на что получил бесцеремонный отказ.

… Входя в дом Беловых, Кирилл думал: «Уж теперь-то не откажут!» Он нарочито вел себя раскованно, даже несколько самоуверенно. Поздоровался шумно. Сел без приглашения на скамью. И с ходу:

— Вот приехал насчет Дуси. Приехал свататься… Решил жениться.

Петр Андреевич критически осмотрел Мерецкова (на нем была шинель и маузер на боку), произнес:

— Ты думаешь, что если стал начальством, то можешь жениться? Ишь, быстрый какой! Молод еще…

— Да я ведь люблю ее! — выдохнул в сердцах Кирилл.

— Любишь, говоришь? Пусть время докажет: настоящая твоя любовь или нет. Погодим пока.

И на этот раз «атака» Кирилла на сурового родителя закончилась неудачно.

Комиссар

В республике на базе отрядов Красной гвардии рождалась Красная армия. Военотделы преобразовывались в военные комиссариаты. Слово «комиссар», связанное с Октябрьской революцией, стало популярным.

Кирилл с гордостью носил это звание. Оно его захватывало, возвышало в собственных глазах. Он считал, что непосредственно олицетворяет собой самую справедливую на свете власть — советскую.

Комиссарами в Судогде тогда называли всех руководителей: председателя уездного исполнительного комитета Советов П.В. Ошмарина, секретаря исполкома Г.М. Журавлева, председателя городского совета Ф.В. Бякова, главу комитета по промышленным предприятиям Ф.И. Костомарова, финансиста П.Н. Васильева, координатора по трудовым вопросам М.С. Трофимова. К сожалению, в то стремительное, бескомпромиссное время почти никто из них в борьбе за светлое будущее в живых не останется.

* * *

Стоял февраль 1918 года. Во Владимире только что созданный губернский штаб Красной армии объявил о записи добровольцев, в уезды полетели соответствующие воззвания. Теперь перед военкоматами вставали новые неотложные задачи. Чтобы лучше уяснить их, Кирилл выехал в губернский центр. Михаил Степанович Лешко тепло встретил старого знакомого. Долго беседовали. Обсуждали политическую ситуацию, прикидывали, как лучше работать в складывавшихся условиях. Набор в регулярные части армии — задача намного серьезнее, чем в добровольческие, создаваемые на общественных началах отряды Красной гвардии. Сошлись на том, что привлечение в Красную армию необходимо начать с агитации среди населения. Наряду с агитацией важно честно рассказывать о всех армейских тяготах и лишениях. Будущие красноармейцы должны знать, что свобода их будет ограничена воинскими законами и приказами командиров, что придется строго соблюдать дисциплину.

Установки губвоенкомата по призыву в Красную армию Кирилл доложил на состоявшемся по его приезде из Владимира совместном заседании членов уездного исполнительного комитета Советов, укома РСДРП(б) и городского Совета Судогды. Собравшиеся понимали: на дворе не октябрь 17-го года,

желающих поступить на службу в армию, которая в самом ближайшем будущем станет действующей, найдется не много. На заседании было решено: в городе агитационную и разъяснительную работу поведут специальные посланцы военкомата, на предприятиях — представители большевистских ячеек. В деревнях же таких ячеек насчитывалось еще мало, да и деревенские большевики не ахти какие агитаторы, поэтому надо, чтобы на сельских сходах выступали хорошо подготовленные работники уездных органов власти. Одним из первых вызвался отправиться по селениям сам военный комиссар Мерецков.

И вот Кирилл выехал в волости. В деревнях собирались сходы, на которых под красным полотнищем с длинным лозунгом «Враги Советов хотят отобрать у крестьян землю и посадить старую власть. Спасение Советов — в Красной армии трудового народа!» он произносил зажигательную речь. Сходы после горячего выступления комиссара превращались в шумные митинги. Мерецков вспоминает: чтобы митинг не уходил от главной темы в «говорильню обо всём», он вновь громко зачитывал текст лозунга, потом пересказывал своими словами обращение губвоенкомата, пояснял, чем оно вызвано, ссылаясь на правительственный декрет о создании РККА. Далее касался последних событий в стране: борьба с атаманом Калединым на Дону и с Кубанской радой; подавление восстания атамана Дутова у Оренбурга и юнкерского мятежа в Иркутске; турецкое наступление в Закавказье и интервенция Антанты в Мурманске. Затем следовали бесконечные вопросы…

Обычно несколько бедняков, в основном из бывших солдат, сразу же записывались в Красную армию. Но подавляющая часть крестьян не торопилась: люди расходились по избам, чтобы все обстоятельно продумать, обсудить с домашними, с соседями, прикинуть, как обойтись весной и летом с хозяйством.

Не спешил и Кирилл. Он шел ночевать к кому-нибудь из активистов, а на следующий день обходил дом за домом, благо полевые работы еще не начались, и беседовал с хозяевами уже отдельно. Собеседники интересовались, откуда он родом, где и кем работал. Им нравилось, что военком — из крестьян. А узнав, что умеет слесарничать, нередко просили помочь отремонтировать сельскохозяйственный инвентарь. Кирилл не отказывал. В нескольких селах пришлось иметь дело даже с неисправными машинами, отобранными у помещиков. Тогда он брал себе в подмогу местных кузнецов. Совместными усилиями исправляли поломанные кочкорезки, культиваторы, сноповязалки, сортировки, льномялки и многое другое.

Конкретная помощь военного комиссара крестьянскому

хозяйству давала значительно больший результат, чем словесная агитация. Казалось бы, какая связь существует между записью в ряды Красной армии и тем, что комиссар починил сенометалку или наладил веялку? А вот поди ж ты! Крестьяне охотнее верили человеку, который сам умеет работать и знает, какой ценой достается землеробу хлеб. После трех-четырех дней такой деятельности Мерецкова число деревенских новобранцев заметно возросло.

Кирилл успел объехать сравнительно немного сел, так как вынужден был несколько раз возвращаться по служебным делам в Судогду. К тому же вскоре началась весенняя пахота, и крестьяне почти прекратили записываться. Но и тех, кто уже вступил в Красную армию, оказалось значительно больше, чем рассчитывал военкомат.

На заводах запись шла успешнее. Рабочие дали в те месяцы основную массу призывников в Красную армию.

В апреле губвоенкомат прислал в Судогду распоряжение о подготовке специального вооруженного отряда Красной армии для отправки на запад — нести охранную службу у демаркационной линии, установленной в результате Брестского мира. Отряд быстро укомплектовали людьми, началось их обучение. Но шло оно трудно: командиров, специалистов военного дела было мало, с оружием плохо — негде его взять. Однако в установленный срок Судогда доложила в губернский военкомат, что отряд готов к отправке на западную границу. И вскоре он отбыл к месту назначения.

* * *

Перед судогодским военным комиссариатом вставали новые, более серьезные задачи. В стране разгоралась гражданская война. Газета «Известия Владимирского губернского Совета Р., С. и К. Д. [25]» сообщала вслед за столичными газетами о белогвардейско-чехословацком мятеже в Поволжье, на Урале и в Сибири. Шли распоряжения о срочной подготовке боевых групп против чехословаков. Добровольцами уже обойтись было нельзя. Правительство ввело в стране обязательную воинскую повинность. Военкоматы объявили всеобщий призыв для создания регулярной армии.

Работа проходила лихорадочно. Призванных военнообязанных сводили в подразделения, снабжали необходимым имуществом, вооружали, наспех обучали. О созданных боевых отрядах доносили в мобилизационный отдел

Всероссийского главного штаба…

Однако с мобилизацией призывников возникли проблемы. Оказалось довольно много уклонявшихся от службы в армии. Деревенская молодежь, особенно из зажиточных крестьян, пряталась от военкоматчиков в лесах. Наиболее отчаянные дезертировали со сборных пунктов, откапывали принесенные с германского фронта наганы, карабины, винтовки, а иногда даже пулеметы и создавали мелкие банды. Они пытались дезорганизовать работу сельских учреждений, терроризировали движение на проселочных дорогах. Особенно разгорелся бандитизм в связи с введением государственной хлебной монополии и организацией комитетов бедноты.

Военкомату приходилось устраивать облавы, прочесывать леса, ставить патрули и посылать по округе конные разъезды. Мобилизационные группы неделями, месяцами отлавливали призывников. Приедут военкоматчики в село, а молодых мужчин там нет. Старики посмеиваются: «Ищи ветра в поле!» Где призывники? Одни ушли на отхожий промысел: лес заготавливать, смолу варить, другие — на охоту, третьи подались в офени[26]. Розыск превращался в целые операции. Беглецов-охотников, смоловаров находили на речных островках, заросших камышом, за болотами. А «уклонистов»-офеней — в Орловской, Воронежской, Самарской и Симбирской губерниях…

Обстановка в стране накалялась. На Дону создавалась белая Добровольческая армия, которой вначале руководил генерал Корнилов, а когда его убили, — Деникин. Одновременно формировалась так называемая северная Добровольческая армия, одним из лидеров которой выступил эсер Савинков. В городах Поволжья и Прикамья белогвардейцы и савинковцы сплотились в так называемый Восточный отряд под командованием бывшего полковника Сахарова и члена контрреволюционного «Союза защиты родины и свободы» Григорьева.

Тревожные события накатывали одно за другим. 6 июля, во время работы V Всероссийского съезда Советов, в столице вспыхнул мятеж левых эсеров.

Боевое крещение

В Судогодском укоме проходило заседание, на котором обсуждалось положение в российской столице в связи с мятежом левых эсеров. И в это время телеграф принес известие о контрреволюционном выступлении в Муромском уезде. Эсеры в сговоре с вооруженными белогвардейцами неожиданно напали на Муромский совет, милицию и гарнизон. Красноармейцы и милиционеры не сумели оказать им должное сопротивление, многие были арестованы и заключены в тюрьму, а несколько человек убито. Отстреливавшаяся до утра группа служащих горсовета отступила к Селиванову. Успел уйти из города в сторону Коврова поезд с М.Д. Бонч-Бруевичем. Уже через короткое время Ковров известил, что поезд прошел благополучно.

Бывший генерал Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич, родной брат управляющего делами Совнаркома, вставший на сторону советской власти с первых дней ее существования, возглавлял в то время ВВСР — Высший военный совет республики. ВВСР с марта 1918 года организовывал так называемую «завесу» — систему отрядов от Онежского озера до Курска, противостоявших на территории РСФСР немецким войскам, впоследствии руководил Красной армией. Опасность германской интервенции еще не была снята, и многие учреждения перевели из центра в глубокий тыл. Так, материальную часть Военной академии эвакуировали в Екатеринбург, ВВСР попал в Муром, государственный золотой запас оказался в Казани и т. д. Кто мог предположить, что как раз эта территория вскоре окажется охваченной огнем Гражданской войны?..

10 июля 1918 года муромский контрреволюционный повстанческий центр объявил запись населения в Белую гвардию. За мятежом стояли полковник Сахаров и эсер Григорьев. Они намеревались начать с освобождения от большевиков Поволжья и Прикамья. Если удастся создать здесь плацдарм борьбы с Советами, то, кто знает, может, именно отсюда пойдет великий поход за реставрацию прежней России. Сахаровские курьеры рыскали по окрестным деревням, собирая разрозненные группы борцов против Советов. Формировались дружины под лозунгом «За Советы без коммунистов». Но создать хотя бы мало-мальское подобие армии эмиссары Сахарова не смогли.

Несмотря на то что мятежники развернули антисоветский террор, вели в отношении простых людей активную политику кнута и пряника, муромцы не поддержали контрреволюционеров. Согнав на митинг рабочих железнодорожной станции, они стали

раздавать мешки с мукой, похищенные со склада, чтобы показать свою «заботу о народе». Потом «нашли» двух железнодорожников, которые «приветствовали» от имени рабочего класса белогвардейского вожака Сахарова как «спасителя» граждан от власти большевиков…

Из Владимира в Судогодский военкомат позвонил губвоенкомиссар Лешко:

— Мерецков, готовь отряд для наступления на Муром.

— Есть! — по-военному ответил Кирилл. — Завтра же отправляемся. Кто еще пойдет на Муром?

— Мы пошлем свое особое подразделение. Помнишь муромчанина Тагунова? Он будет политическим комиссаром. Вместе с нами выступят рабочие Гусь-Веркуца. Мы ударим с запада. С юга подойдут к Мурому отряды из селений Выкса, Меленки и Кулебаки. С северной стороны должны замкнуть кольцо твои ребята и ковровцы.

— Ладно придумано. — И повторил: — Завтра отправляемся.

Как могло случиться, что контрреволюционное выступление в Муроме застало местные власти врасплох? Всё дело в том, что оно готовилось в полной тайне, эсеровские и белогвардейские подпольщики отрабатывали план захвата города на островах посреди Оки, соблюдая строжайшую конспирацию…

На подавление мятежа к Мурому двинулись отряды с нескольких направлений: из Владимира, Судогды, Меленков, Выксы, Кулебак, Гуся и Коврова. Самым крупным был владимирский отряд, состоявший из 250 бойцов. Вскоре город был взят в полукольцо. Группа бойцов, посланная из Москвы, владимирцы и гусевцы атаковали белогвардейцев со стороны Курловского, судогодцы и ковровцы — со стороны Горбатки, остальные — с юга. Контрреволюционеры не оказали сколько-нибудь организованного сопротивления. После недолгой перестрелки они поняли безвыходность своего положения и стали разбегаться кто куда. Но их всюду настигали бойцы красноармейских отрядов. Небольшая часть повстанцев, в том числе полковник Сахаров и эсеровский комиссар Григорьев, все-таки сумела скрыться.

Всем участникам подавления мятежа предоставлялся длительный отдых. Однако судогодцам отдохнуть не довелось. Не успели они вернуться домой, как пришло сообщение об измене левого эсера М.А. Муравьева. Месяц назад он был назначен командующим Восточным фронтом, действовавшим против белочехов. Когда левые эсеры подняли в Москве мятеж, Муравьев бросил Казань, где находился его штаб, и бежал с отрядом матросов на пароходе в Симбирск. В Симбирске по его приказу

матросы заняли телеграф, телефонную станцию, кадетский корпус, арестовали командующего 1-й армией М.Н. Тухачевского, председателя Симбирского губкома РКП(б) И.М. Варейкиса и других руководителей советской власти. Однако вскоре находившиеся в то время в городе солдаты-латыши освободили арестованных, и 24-летний литовец Иосиф Варейкис немедленно созвал заседание губисполкома. На это заседание был вызван Муравьев с целью взять его под стражу. Но схватить живым мятежника не удалось: завязалась перестрелка, в результате которой он был убит.

После восстания Муравьева чехи усилили наступление на разрозненные слабые части Красной армии, они заняли Челябинск, Новониколаевск, Томск, Сызрань, Пензу, Омск, Красноярск, Владивосток, Златоуст, Самару, Симбирск, Екатеринбург, Казань. В Поволжье к власти пришел Комитет Учредительного собрания, на Урале — Уральское временное правительство, в Сибири — Временное сибирское правительство.

Основными причинами поражений армии большевиков были недовольство народа политикой советского правительства, низкий уровень военной подготовки и воинской дисциплины в красных частях.

Губвоенком Лешко получил из центра указание создать 1-ю Владимирскую территориальную дивизию. Из нее выделялись наиболее боеспособные отряды для посылки в действующую армию на Восточный фронт. Судогодскому уездному военкомату предписывалось сформировать группу из опытных бойцов и влить ее в первый 227-й Владимирский полк, отправлявшийся на фронт. Полком командовал бывший унтер-офицер Кузнецов. Партийный комитет полка возглавлял коммунист Наумов, а политкомиссаром была ковровская работница Настя Корунова. Через Тешу, Арзамас, Сергач и Шумерлю полк двинулся на Канаш, за которым владимировцам пришлось впервые столкнуться с белочехами.

11 августа 227-й полк прибыл в 5-ю армию, наступавшую на захваченную противником Казань. Полк разделили на две части. Одна часть попала на правый берег Волги, вторая (судогодский красноармейский отряд, командир — бывший царский офицер С.М. Говорков, перешедший на сторону советской власти еще в 1917 году, комиссар — Кирилл Мерецков) — в Левобережную группу, очищавшую от чехов и белогвардейцев местность между железнодорожной станцией Красная Горка и рекой Казанкой.

Командующим Левобережной группой был Я.А. Юдин. Под его началом сосредоточилось около двух тысяч пехотинцев и 250 конников с девятью орудиями и одним бронепоездом.

Беженцы из Казани рассказывали, что в городе зверствуют белогвардейцы — так называемая народная армия. Идут массовые расстрелы матросов и рабочих-коммунистов. Следовало торопиться. С северо-востока на Казань наступала под командованием В.М. Азина Арская группа 2-й армии. Это облегчило действия 5-й армии, и командарм П.А. Славен отдал приказ перейти в наступление. Белые решили опередить красных и двинули вперед группу генерала Пепеляева. Ее костяк составляли офицерские батальоны. Против них сражались различные красноармейские отряды — как местные, отступившие от Казани, так и направленные сюда из многих областей. Особенно много было пролетарских и коммунистических подразделений, посланных на Восточный фронт по партийной мобилизации. Это были пестрые подразделения, состоявшие из тверичей и петроградцев, москвичей и туляков, нижегородцев и ярославцев. Они были еще плохо сколочены, слабо обучены и не имели боевого опыта.

На усиление красной группировки по Волге подошли направленные к Казани с Балтики три миноносца, а также несколько вооруженных барж. При их артиллерийской поддержке отряды Левобережной группы решительным ударом отбросили части белых к самому городу. Однако закрепиться они не успели, и противник внезапной контратакой бригады Каппеля восстановил прежнее положение, угрожая оттеснить их в глухие леса, а затем в тыл Правобережной группы. В одном из боев за железнодорожную станцию Красная Горка погиб командующий группой Юдин, и в память о нем эта станция тогда же была переименована в Юдино.

Перелом в боях наступил 29 августа, когда крепко были побиты каппелевцы, получив мощнейший удар под Свияжском. Белые, неся большие потери, откатывались к Казани. Отряд Говоркова продвигался по левому берегу, уничтожая мелкие группы и заслоны, выставленные противником.

Кирилл Мерецков вспоминал, что первым боевым опытом для него, конечно, была борьба с мятежниками, однако настоящее боевое крещение он получил в стычках с белыми под Казанью. Именно это крещение, напишет потом Кирилл, «решило мою судьбу, подсказало, что мое место — в Красной армии, вселило в меня желание всю свою жизнь посвятить военной службе. Юношеские мечты о педагогической деятельности и о работе инженером-химиком были вытеснены новыми планами. Планы эти созревали постепенно, в ходе суровых испытаний».

Под Казанью он впервые узнал, что такое обстрел тяжелыми снарядами. Над тобой непрерывно гудит и свистит, взлетают

фонтаны земли и осколков. Бойцы все время кланяются, припадают к земле и отрываются от нее очень неохотно. Каждый стремится найти укрытие и только потом, чувствуя себя в относительной безопасности, начинает оглядываться по сторонам. Особенно болезненно воспринимали отдельные красноармейцы налеты аэропланов. Большинство видели их впервые в жизни. Сбросит бомбу аэроплан где-то за полверсты, глядишь, а цепочка бойцов дрогнула, некоторые поворачивают назад. Двое-трое слабонервных пускались в бегство, лишь заслышав рокот моторов, другие старались не подавать вида. Так же реагировали сначала на налеты и соседи слева и справа — Оршанский и Невельский полки.

И еще одно, что он тогда прочно усвоил: умение воевать не приходит сразу. Это трудная наука, и не каждому она дается, в том числе не каждому командиру. Один становится настоящим военным с мужественной душой, расчетливым умом и ведет людей к победе. Второй превращается в хорошего штабного работника, но под пулями празднует труса. Третий ведет себя отважно, однако не умеет руководить подчиненными. А четвертый вообще годен только на то, чтобы мечтать о ратных подвигах, лежа на диване. «Увы, — пишет Кирилл, — жизнь впоследствии убедила меня, что даже среди профессиональных военнослужащих попадаются порой представители второй, третьей и четвертой категорий лиц. И мне приятно сейчас думать, что человек, который своим личным примером и умными советами открыл мне глаза на то, каким должен быть командир, принадлежал к первой категории». Этим человеком для Мерецкова был краском Говорков.

Красном Говорков

В напряженных боях с хорошо обученным, серьезным противником, каким была белая армия, возмужание Мерецкова проходило довольно быстро. Он стал не просто взрослым, но и в определенной степени зрелым человеком. Кирилл считал, что это благодаря Говоркову. Сергей Михайлович был для него примером для подражания. Несмотря на то что с ним он был вместе весьма короткий период времени, его влияние на Кирилла, и особенно на его становление как будущего профессионального военного, трудно переоценить. «Его беседы со мной, рассказы о старой армии, о воинском искусстве, о принципах организации боевой работы сыграли немалую роль в том, что я решил стать красным командиром, — говорил позже Мерецков. — В юные годы я полагал, что настоящий командир — это тот, кто смел и силен, обладает громким голосом и хорошо стреляет… Я постепенно начинал постигать то, что может дать человеку либо систематическое военное образование, либо сама война. А учился, глядя, прежде всего, на Говоркова». Кирилл очень сожалел, что ему недолго пришлось шагать рядом с подаренным ему судьбой новым другом.

* * *

Комиссар Мерецков имел обыкновение в спокойные от боев часы, как правило, на закате дня, обходить позиции отряда. Он вспоминает начало сентября 1918 года: «Пробую воссоздать контуры давно ушедших в прошлое приволжских событий, слышу разрывы тяжелых снарядов и вижу вечерние костры Судогодского красноармейского отряда… Чтобы поближе познакомиться с людьми, я, используя время перед очередной схваткой, ходил от костра к костру. Поговоришь с одним, с другим, кого ободришь, кого приструнишь… Сгущаются сумерки, едва слышны казанские колокола… Иду к себе. Вот и штаб. Говорков сидит, подперев голову рукой, и пишет; бросит в сторону отсутствующий взгляд и снова за перо. Что-то не наблюдал я раньше за ним такой любви к переписке… Говорков перехватил мой взгляд и печально усмехнулся:

— Сочиняю письмо в газету "Известия". Чувствую я, что убьют меня завтра. Хочу через газету обратиться к нашим бойцам, чтобы били недругов революции без пощады… за смерть мою расквитались… В революцию я стал красным командиром, ей

отдавал каждый день, каждый час. Жаль только, что мало успел сделать. Пусть теперь другие поведут дело дальше. Ты, Кирилл, еще молод, займи мое место. Из тебя получится командир Красной армии. Бей врагов Советской власти да помни о старом товарище…»

Такое душевное состояние Говоркова обескуражило Кирилла. Он никогда раньше не видел таким своего друга-командира. Мерецков пытался развеять его подавленное настроение: вначале пробовал развеселить шуткой, затем пристыдил за глупое «вещунство». Позвал адъютанта, лихо игравшего на гармони, надеясь, что командир отвлечется от грустных мыслей. Но и из этого ничего не вышло.

Всю ночь Говорков не смыкал глаз — ходил проверять часовых и в свой черед, и с Мерецковым. Утром — наступление. Офицерские батальоны бригады Каппеля открыли сильный огонь, длинными очередями строчили их пулеметы. Нелегко было поднимать бойцов в атаку. Тогда Говорков встал перед отрядом в полный рост, позади себя поставил комиссара и знаменосца. Бойцы запели «Вихри враждебные веют над нами…» и рванулись на врага. И вдруг бежавший впереди атакующей цепи Говорков покачнулся и упал. Кирилл бросился к нему: у командира из виска сочилась кровь. «Санитаров! Санитаров!» — кричит Мерецков.

Но санитары не успели. Говорков скончался.

Красноармейцы залегли. Огонь врага все сильнее. Кирилл на мгновение заколебался. Как быть? Отступать? Зарываться в землю? Идти вперед? Бойцы смотрят на комиссара, кое-кто поглядывает назад. И Мерецков принимает решение: поднимает руку с маузером, вскакивает и бежит к железнодорожной насыпи. Оглядывается — все устремились за ним. У насыпи прижались к земле. К Кириллу подползли ротные, спрашивают:

— Товарищ комиссар, окапываться или мы тут ненадолго?

Кирилл скользнул взглядом вокруг, по привычке ища Говоркова… Медлить было нельзя. И он отдал приказ командирам рот:

— Атакуем! Как встану — вот и сигнал.

Огонь стих. Мерецков встал, за ним поднялись красноармейцы, навстречу им бежали каппелевцы со штыками наперевес. Красные и белые сошлись врукопашную. Кирилл, стреляя на ходу из маузера, уничтожил расчет вражеских пулеметчиков. Израсходовал всю обойму, зато заставил замолчать пулемет. И тут неожиданно перед ним появился белогвардеец с винтовкой в руках. «Успеет выстрелить — конец мне», — мелькнуло в голове Кирилла. Он прыгает через «максима», чтобы

ударить врага рукояткой маузера, но, зацепившись ногой за пулеметный щит, падает. Успевает заметить, как белогвардеец взмахнул прикладом, и тут же — сильный удар в затылок. Потом — туман…

Очнулся на полке в санитарном вагоне. Значит, жив!

Мерецкова доставили в Судогду. Здесь его встретили друзья, сообщили неприятные новости. В Петрограде террористом убит председатель Петроградской ЧК Урицкий. В тот же день эсерка Каштан ранила Ленина, который выступал на митинге рабочих завода Михельсона. 2 сентября Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) объявил Советскую республику военным лагерем и учредил Революционный военный совет республики (РВСР), его председателем назначен Троцкий. 5 сентября Совнарком издал постановление о красном терроре.

Кирилла положили в больницу. Рана оказалась тяжелой, но врачи сказали, что жизнь его вне опасности. Через некоторое время комиссара навестили боевые товарищи по ставшему ему родным отряду. И снова куча новостей, на этот раз радостных: 10 сентября войска Красной армии освободили Казань. В числе частей, которые вошли в город, был и Владимирский полк. 12 сентября белых выбили из Симбирска…

Принесли обнаруженное в кармане френча Говоркова письмо, адресованное в редакцию газеты «Известия». В письме он призывал красноармейцев бить белогвардейцев до конца. Страничка кончалась словами: «Деритесь за Советскую власть, в ней ваше спасение».

До Кирилла доходили разговоры судогодцев о том, что происходит в стране, губернии, городе. Многое настораживало. Начались массовые преследования интеллигенции, офицеров, буржуазии, зажиточных крестьян. Некоторые говорили, что этим власть может оттолкнуть от себя большое число тех, кто еще сохранял нейтралитет, и подлить масла в огонь разгоравшейся гражданской войны. Высказывались мнения, что зря так поспешно были переданы полномочия Высшего военного совета и Народного комиссариата по военным делам Реввоенсовету республики. Обсуждали прибытие на Восточный фронт Троцкого и развертывание по его приказу слишком жестоких карательных мер в красных частях и подразделениях, отступавших под напором белогвардейцев и чехов. Отдельные граждане с неодобрением относились к тому, что без суда и следствия уничтожались дезертиры, разорялись их дома.

А что делать? Как бороться с контрреволюцией? На террор следует отвечать террором… Поднять в армии дисциплину можно лишь крутыми мерами… Предательство наказывать только

смертью… В условиях смертельной военной опасности для недавно родившейся Республики Советов иначе нельзя… Так думало большинство рабочего народа.

С Восточного фронта пришли вести: красные войска возобновили наступление. 3 октября была взята Сызрань, 8-го — Самара.

Почти два месяца отлеживался и приходил в себя Мерецков. Молодой организм одолел ранение. Выписавшись из больницы, приходилось еще соблюдать постельный режим, хотя Кирилл часто нарушал его — присутствовал на заседаниях укома РКП(б), помогал новому военному комиссару в его работе. Заслуги Мерецкова в боях за Казань были высоко оценены — его наградили орденом Красного Знамени.

Вскоре после того как Судогда торжественно отметила первую годовщину Великого Октября, он поставил перед укомом вопрос об откомандировании его в действующую армию. Но руководство предложило ему возглавить уездный всевобуч. Кирилл не соглашался. Спор был перенесен в губернскую инстанцию, а там решили дело так, как не ожидал никто: его направили учиться в Академию Генерального штаба.

На учебу в академию

С мандатом Владимирского губкома РКП (б) в кармане Кирилл Мерецков ехал в Москву поступать в Академию Генерального штаба[27].

Покачиваясь на вагонной полке, он размышлял о том, что было с ним вчера, что происходит сегодня и что будет завтра. Отныне его судьба навсегда связана с военной службой. В глазах все время стоял образ краскома Говоркова, в голове звучали его слова: «Ты должен быть в Красной армии». Кириллу думалось: «Не вышел из меня учитель; не суждено мне, видно, стать и инженером-химиком. Зато я буду красным командиром…»

Он помнил свое детство, отрочество и юность. Теперь они позади, впереди — жизнь взрослого мужчины, полная новых испытаний, новых трудностей и людей, до этого ему незнакомых. И все-таки прошлое не хочет его отпускать. Оно постоянно с ним, оно его будоражит. Неизменно всплывают лица родных и близких: мудрая бабушка Луша, сдержанный отец и ласковая мать, хохотушка сестра, малословные братья, трудяги дядья Федор и Прокофий, добрые учителя Емельяновы — Иван Александрович и Ирина Васильевна. И товарищи по борьбе за светлую жизнь трудового народа. Вот веселый, с характерной ехидненькой ухмылкой мастеровой Лапшин, а это — спокойный, уверенный в себе рабочий Миков. Ему вспоминаются умнейший инженер-подпольщик Карпов, начитанный Трофимов и волевой Ошмарин. Но чаще всех его боевой друг — решительный и беззаветно смелый Говорков…

Кирилл приехал в Москву в конце ноября 1918 года. Академия начала функционировать с 24 ноября, но официальное открытие ее состоялось 8 декабря. На открытие прибыл Я.М. Свердлов, который выступил с напутствием будущим красным командирам и штабным работникам. Мерецков впервые увидел председателя ВЦИК — одного из высших руководителей Советской республики.

* * *

Первая советская военная академия возникла в период формирования Красной армии. Совнарком принял решение использовать профессорско-преподавательский состав и учебное оборудование бывшей Николаевской академии русской армии. В условиях возможного нападения войск Германии на Петроград,

несмотря на заключение сомнительного Брестского мира, правительство перебазировало на восток ряд учреждений, в том числе и военную академию. Никто не предполагал, что пламя вспыхнувшей Гражданской войны охватит как раз те районы, которые считались глубоким тылом. Академия разместилась в Екатеринбурге, который вскоре захватили войска адмирала Колчака. Слушатели ушли на фронт, а кадровый состав академии был эвакуирован в Казань. Однако со сдачей Казани все преподаватели во главе с начальником академии Андогским перешли на сторону белых.

Осенью 1918 года Совет народных комиссаров провозгласил создание трехмиллионной регулярной армии. Для нее были нужны сотни, тысячи командиров, штабистов. Это должны быть хотя бы мало-мальски подготовленные в военном отношении кадры и непременно выходцы из рабочих и крестьян. Пришлось срочно воссоздавать военную академию, теперь уже в Москве, а также открывать в спешном порядке командные училища и курсы…

Новая академия замышлялась как военно-учебное заведение общевойскового типа с генштабовским уклоном и поэтому получила громкое название — Академия Генерального штаба. Начальником ее стал бывший генерал-лейтенант А.К. Климович, управляющим делами — бывший генерал-майор А.А. Яковлев, комиссарами — старые большевики Э.И. Козловский и В.Н. Залежский.

Климович возглавлял академию недолго, в 1919-м его сменил Андрей Евгеньевич Снесарев. Это был высокообразованный специалист, который имел ученое звание магистра математических наук. До революции он командовал корпусом русской армии, в 1918 году помогал Советам организовывать отпор немцам.

В связи с напряженным положением на фронтах срок обучения в академии был определен в шесть месяцев. Но и этот короткий срок не выдерживался. Учеба слушателей часто прерывалась; их направляли в действующую армию на месяц, два и больше, потом возвращались те, кто не погиб в боях, и продолжали доучиваться.

Абитуриенты прибывали в академию прямо с фронтов. Вместе с Кириллом Мерецковым попали в осенний, 1918 года, набор Василий Чапаев, Павел Дыбенко, Леонид Петровский, Василий Соколовский, Иван Тюленев, Семен Урицкий, Иван Федько, Борис Фельдман и другие краскомы, прибывшие из боевых частей Красной армии.

Формально для поступления в академию нужно было иметь

определенное образование. Но это — формально. На самом деле решающее значение имели рекомендации двух членов РКП(б), партстаж и опыт военной работы, преимущественно в Красной армии. В результате в академию попадали люди с неодинаковым уровнем знаний. Определенная часть имела достаточную степень общего образования, но было немало и тех, у кого за плечами всего три-четыре класса церковно-приходской школы, и, естественно, учиться им было очень трудно. Знания слушателей оценивались либо «удовлетворительно», либо «неудовлетворительно». Преподаватели относились к малообразованным слушателям снисходительно и, как правило, ставили им удовлетворительные оценки. Тем не менее многие из них не смогли продолжать учиться. По этой причине оставил академию и легендарный командующий 25-й стрелковой дивизией Василий Иванович Чапаев. Нелегко приходилось и Мерецкову, однако он настойчиво овладевал военными знаниями. Упорно продолжали осваивать науку побеждать Дыбенко, Федько, Соколовский и другие. Они станут известными военачальниками, с которыми Кириллу придется пересекаться на воинском поприще, а со многими и служить вместе.

Будучи начальником штаба Белорусского военного округа (1932—1934), Кирилл работал рука об руку с однокашником Василием Даниловичем Соколовским, командовавшим стрелковой дивизией. И в Великую Отечественную войну ему нередко приходилось взаимодействовать с ним, когда он был начальником штаба Западного фронта, затем начальником штаба войск Западного направления.

На Дальнем Востоке в 1934 году он встретился с комкором Иваном Федоровичем Федько. Федько был помощником командующего ОКДВА В.К. Блюхера, а Мерецков возглавлял штаб армии. Вместе они прослужили на Дальнем Востоке больше года. В 1936-м Кирилл уедет в Испанию в качестве военного советника, а Федько через год займет должность командующего войсками Киевского военного округа. Вскоре их пути опять сойдутся, уже в Москве, в Наркомате обороны. Комкор Мерецков станет заместителем начальника Генерального штаба РККА, командарм 2-го ранга Федько — заместителем народного комиссара обороны СССР.

Вместе с тем, как потом вспоминал Кирилл Мерецков, некоторые слушатели оставили академию, не выдержав холодного скептицизма и несколько иронического отношения к ним со стороны профессуры, а также возненавидев медленно изживавшуюся преподавателями схоластику в обучении, хотя учителя в большинстве своем были отличными мастерами своего

дела. Из них наиболее запомнились Кириллу Александр Андреевич Свечин и Василий Федорович Новицкий, в прошлом офицеры, перешедшие на сторону советской власти. Их отличали высокая эрудиция, оригинальность мышления и искусство преподавания, хорошо знали они и штабную службу. Это было важно вдвойне, так как в 1918 году составление документов в Красной армии многие «командиры-революционеры» считали чуть ли не буржуазным пережитком.

Справедливости ради надо сказать, что среди преподавателей были, конечно, и такие, которые читали лекции плохо. Вполне возможно, что военными специалистами они были талантливыми, а вот лекторами оказались неспособными. Другие, напротив, прекрасно владели слогом, но не подходили для данной аудитории — вчерашних рабочих и крестьян. Вызывала недовольство слушателей аполитичность отдельных преподавателей, исповедовавших тезис «армия вне политики». Командиры Красной армии возмущались: «Как это армия вне политики, когда идет гражданская война? Как это армия вне политики, если сама война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами?» Не удовлетворяли и лекции по военному искусству, где приводились примеры из древнейших времен. Например, из истории походов Александра Македонского против персов, принца Евгения Савойского против турок… Слушатели хотели учиться на примерах из истории Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

По просьбе слушателей были организованы специальные лекции по Гражданской войне. Их читали Иоаким Иоакимович Вацетис, ранее сам окончивший Академию Генштаба России, и бывший начальник полевого штаба Реввоенсовета Федор Васильевич Костяев. Вацетис до революции был полковником старой армии, Костяев — генерал-майором. Оба они хорошо знали военное дело, примеры приводили яркие и доходчивые, тем более что совсем недавно сами руководили войсками, сначала на Восточном фронте, а потом в масштабе всех фронтов. На их лекции ходили не только слушатели, но и преподаватели. Последние, слушая высказывания лекторов о недавних событиях, пожимали плечами: «Помилуйте, ведь это случилось только вчера, не все сведения о событиях пока собраны, к тому же здравствуют их участники. А они — заинтересованные лица. Возможна ли тут объективность?..»

* * *

В 1921 году начальником академии стал М.Н. Тухачевский. Он был уже тогда широко популярен как один из крупных советских военных начальников — командующий 1-й, затем 5-й армией Восточного фронта, командующий Кавказским и Западным фронтами, руководитель групп войск по подавлению Кронштадтского мятежа и ликвидации антоновщины. При нем учебный процесс в академии заметно улучшился и, самое главное, приблизился к реальной жизни. Сразу же упорядочилась система лекций социально-экономического цикла. Лекторов по этой теме не хватало, их число увеличили за счет приглашаемых со стороны. Курс по марксизму стал регулярно вести комиссар академии В.Н. Залежский, по внешней политике и тактике революционных боев — видный деятель революции Н.И. Подвойский. Исторический материализм преподавал Б.И. Горев. Делал он это блестяще, но от его лекций веяло порой, по мнению слушателей, меньшевистским душком, особенно когда он излагал вопрос о диктатуре пролетариата. Политэкономию вел А.А. Богданов. Врач, экономист, в прошлом большевик, но со времени столыпинской реакции он начал отходить от ленинских позиций. Интенсивно занялся медицинской деятельностью, был директором Института переливания крови. В академии он излагал содержание собственных работ по политэкономии. Изъяснялся довольно туманно, насыщая лекции сложной терминологией, не всегда понятной слушателям.

Историю читал Н.М. Лукин-Антонов. В основном он рассказывал о Французской буржуазной революции конца XVIII века, очень образно характеризуя ее видных представителей Марата, Робеспьера и Дантона. Лукин-Антонов — большевик со стажем, активно участвовал в работе московской парторганизации. Теперь он руководил факультетом общественных наук в Московском университете. Мерецков как-то завел с ним разговор, в ходе которого сказал, что в 1913 году был распространителем большевистской газеты «Наш путь», к созданию которой Николай Михайлович имел прямое отношение. Лукин-Антонов поинтересовался, не хотел бы он учиться на руководимом им факультете. Кирилл отказался, его влекла военная служба.

Получили слушатели два новых курса: по Конституции РСФСР и военной психологии. Первый курс лекций освещал, по сути дела, теорию государства и права. Второй был любопытен постановкой вопроса о психологии широких народных масс во время революций и крупных войн. Оба курса читал профессор М.А. Рейснер.

Лекции Рейснера нравились Мерецкову. Они были интересны,

но по содержанию довольно сложны. Однажды после занятий Кирилл подошел к преподавателю, чтобы выяснить значение одного непонятного термина. Завязалась беседа. Узнав, что Кирилл раньше воевал под Казанью, профессор оживился и упомянул о своей дочери Ларисе, бывшей там комиссаром одного из флотских отрядов.

Тогда, в дни боев за Казань, Кирилл слышал об отчаянной женщине-комиссаре на одном из кораблей Волжской флотилии, поддерживавшей наступление сухопутных частей Красной армии. В то время он не знал, что этим комиссаром была писательница Лариса Рейснер. Потом ему попадется в руки журнал «Пролетарская революция» с ее очерком «Казань». Прочитав его, он во всех деталях вспомнит казанскую эпопею, активным участником которой был, и подивится, насколько точно и живо описала события молодая женщина. А еще позже, через годы, ему станет известно, что Всеволод Вишневский именно с нее, Ларисы Рейснер, писал образ главной героини пьесы «Оптимистическая трагедия»…

Мерецков пишет в своих воспоминаниях, что лекции по чисто военным дисциплинам были поставлены несколько лучше. Зимой и весной 1919 года слушатели первого курса регулярно изучали тактику, штабную службу, артиллерию, инженерное дело, топографию, военную администрацию и другие предметы. Занятия не ограничивались аудиторным разбором схем, нарисованных мелом на доске. В мае начинались выезды на тактические учения. Обычно занятия в поле проходили на Ходынке. Общей тактике отдавалось недели две, разведке и глазомерной съемке местности (для инструментальной не имелось пособий) — не более трех-четырех дней.

* * *

Гражданская война не утихала и требовала на восполнение погибших все новых командных кадров. В апреле 1919 года академия отправила на Восточный фронт 20 своих слушателей. Готовились к отъезду в действующую армию еще 30 человек, в их числе и Кирилл Мерецков.

Командиры посылались в соединения и части (реже — в подразделения) с довольно высокими назначениями, но когда те, кто уцелел, возвратились осенью 1919 года, то выяснилось, что почти никто не получил на месте повышения, а большинство даже попало на более низкую должность либо испытало бесконечные перемещения с одной должности на другую…

БОРЬБА С БЕЛОЙ ГВАРДИЕЙ

14-я стрелковая дивизия

Во время учебы в академии Мерецков дважды направлялся на боевую стажировку в действующую армию. Первый раз, в начале мая 1919 года, — на Южный фронт.

Обстановка на юге страны к тому времени складывалась крайне опасная. Ростовская область и Кубань были охвачены огнем войны. Совсем недавно, в апреле, положение здесь казалось достаточно прочным. Красная армия прижала так называемые Вооруженные силы Юга России (ВСЮР)[28] к морю, и деникинцы были на грани полного разгрома. Но Южному фронту, которым командовал В.М. Гиттис, не хватило духу нанести по противнику последний, решающий удар. Гиттис надеялся на поддержку украинской Красной армии, однако она была занята ликвидацией последствий иностранной интервенции на юго-западе республики.

На помощь генералу Деникину пришла Антанта, оснастив его армию современными на тогдашний период оружием и техникой. Белые сумели в короткий срок оправиться от поражения и, собрав мощные силы, перешли в наступление. Против красного Южного фронта, насчитывавшего 73 тысячи человек, встало хорошо обученное, до зубов вооруженное белое войско в 100 тысяч солдат и офицеров.

Ударные группировки белогвардейской деникинской армии прорвали фронт и устремились в центр России — к Москве. Западнее и севернее Донбасса отряды украинских атаманов-самостийцев активно трепали красные части. В тылу вспыхнули волнения среди зажиточной части населения, недовольной политикой советской власти по «расказачиванию» Дона. Бунты охватили станицы и хутора между Лисками и Новохопёрском, в Вёшенской поднялся вооруженный мятеж.

Группа «академиков», так называли в войсках прибывших слушателей академии (куда входил и Мерецков), получила указание пробираться в 9-ю армию. Именно «пробираться», так как разделительная фронтовая линия проходила где-то возле Ростова и 400-километровое пространство, лежавшее на пути к ней от Воронежа, никем из воюющих сторон не контролировалось, там хозяйствовали всякого рода разбойничьи шайки. В район между Курталаком, Медведицей и Иловой, где располагалась 9-я армия, группе предстояло двигаться придонскими степями, обходя всевозможные банды. К счастью «академиков», в тревожном пути с ними ничего плохого не произошло, они благополучно добрались до места назначения.

9-я армия (командующий П.Е. Княгницкий) состояла из трех дивизий — 14-й, действовавшей на левом фланге, 16-й — на правом фланге и 23-й — в центре. В тылу у них «бузили» вёшенские, казанские, мигулинские, еланские и усть-хоперские станичники. Их поддержали казаки хуторов Наполова, Астахова, Шумилина, Солонки. На подавление восставших 9-я армия, а также соседняя 8-я выделили значительные силы: мятежники были взяты в кольцо, но не сдавались.

Деникин развернул широкое наступление: Добровольческая армия генерала Май-Маевского двинулась через Донбасс на Украину; Кавказская Добровольческая генерала Врангеля — Сальскими степями на Царицын; Донская генерала Сидорина атаковала позиции красной 9-й армии.

Противостоять белогвардейцам было трудно, в распоряжении командарма-9 было всего 15 тысяч штыков и сабель, разбросанных отдельными подразделениями от станицы Константиновской до Каменской. 3-й донской казачий корпус легко рассек стык между 9-й и 8-й армиями, вышел в район Миллерово, а вторая группа белых войск захватила станицы Тацинскую, Милютинскую, Боковскую и соединилась с восставшими казаками станицы Вёшенской…

По прибытии стажеров в штаб армии их, прежде чем назначить на должности, провезли для общего ознакомления по ближним частям. Кирилл Мерецков обратил внимание, что у командиров и красноармейцев 14-й и 16-й дивизий настроение бодрое, вопреки скромным боевым успехам, а в 23-й бойцы были мрачными. В чем дело? Оказалось, они огорчены уходом их любимого начдива Ф.К. Миронова. Реввоенсовет республики послал его под Саранск формировать конный корпус из перебрасываемых туда отрядов хопёрской бедноты. Бойцы 23-й дивизии, в основном из местных, не мыслили себя без лихого Мироныча, о котором на Дону шла слава не меньше, чем на Урале о легендарном Чапае. Они болезненно восприняли его перемещение, многие полагали, что при нем не было бы «бузы» в станицах. Земляки с нетерпением ждали его возвращения, говорили: «Вот вернется Филипп Кузьмич, враз наведет на Донщине порядок».

О Миронове Кириллу много интересного рассказали работники политотдела армии. Он — истинный казак, родился в станице Усть-Медведицкой. Окончил Новочеркасское юнкерское училище. Избирался атаманом станицы Распопинской. В Русско-японскую войну командовал сотней. За участие в революционных выступлениях казачества в 1905—1907 годах был уволен со службы. В 1914-м снова призвался в армию. Во время Первой

мировой войны был (в чине войскового старшины) помощником командира полка, награжден четырьмя орденами и георгиевским оружием. С энтузиазмом воспринял Октябрьскую революцию, в 1917 году казаки 32-го донского полка избрали его своим командиром. В январе 1918-го Миронов привел полк с Румынского фронта на Дон и включился в активную борьбу за советскую власть, командовал красным полком, бригадой, 23-й стрелковой дивизией, группой войск 9-й армии, которые участвовали в боях против белоказачьих войск генерала П.Н. Краснова. На Дону Миронов пользовался высоким авторитетом за справедливость, честность и храбрость.

Политотдельцы говорили о Миронове, что он по политическим взглядам типичный середняк, находился раньше под влиянием эсеров и еще не обрел твердого большевистского мировоззрения. «Как я узнал, — пишет в воспоминаниях Мерецков, — Миронов… колебался, как колебалась порой часть середняков. Провозглашенный в марте 1919 года VIII съездом партии курс на прочный союз с середняком пока лишь начинал претворяться в жизнь. Когда он укрепится, перестанут колебаться такие, как Миронов, прекратится болтовня о "расказачивании" и сам собой затухнет вёшенский мятеж. Такое мнение я услышал от некоторых работников политотдела армии. Возможно, думал я, но значит ли это, что мы должны ждать у моря погоды и не ликвидировать быстрее антисоветское восстание?»

* * *

Кирилла определили помощником начальника штаба в 14-ю стрелковую дивизию. Он расценил это назначение как довольно удачное: для него было важно набраться опыта, служа в полнокровном линейном соединении, осуществлявшем боевые операции в составе армейского объединения и фронта.

14-я дивизия считалась лучшей не только в армии, но и в масштабе фронта. История ее берет начало с лета 1918 года, с создания московской Особой бригады из рабочих полков Красной Пресни и Замоскворечья. Бригаду послали на Южный фронт, где преобразовали в 14-ю стрелковую дивизию. При этом Особая бригада стала называться 2-й, а 1-ю и 3-ю бригады сформировали уже в ходе боев с деникинцами из различных добровольческих отрядов. В январе 1919 года укомплектовалось руководство дивизии: командиром стал молодой латыш, большевик, бывший офицер Александр Карлович Степинь (в 9-й армии его называли по-русски: Степин). Комиссаром — Рожков, начальником штаба —

Киселев.

К Мерецкову комдив Степинь отнесся с интересом. Он расспрашивал Кирилла: откуда он родом, где и кем в прошлом работал, воевал ли. И, конечно, об обучении в академии и характере занятий, о профессорах, многие из которых были знакомы ему по совместной службе в старой армии.

Начальник штаба Киселев, человек не очень разговорчивый, с ходу ввел Кирилла в курс обязанностей — сунул ему в руки карту и сказал: «Ваша задача — вести ее, наносить положение войск, наших и противника, и немедленно отмечать все изменения». На этом введение в курс дела закончилось. В дальнейшем Киселев со своим помощником общался довольно редко.

Кирилл видел, что начальник не очень-то нуждается в сведениях о положении войск, которые докладывал ему он, помначштаба. Значит, его деятельность мало приносила пользы командованию.

Действительно, собранные и нанесенные им на карту присланные из частей данные оперативной обстановки порой оказывались липой. После их проверки выяснялось, что они абсолютно не соответствуют реальному положению. С одной стороны, донесения сплошь и рядом грешили неточностями, с другой — приходили в штаб с большими опозданиями. Так что полагаться на них было рискованно: ведь от этого зависела своевременность боевых приказов и успех боя в целом.

Радио в дивизии отсутствовало, не представлялось возможным пользоваться в степи и телеграфом, а телефонную связь развернуть не успевали — слишком быстро перемещались части. Вот если бы Кирилл сам лично собирал данные в войсках! Но для этого нужно бывать там, а он все время сидит в штабе.

Кирилл пишет в своих воспоминаниях, что его неудовлетворенность своей работой росла день ото дня. Он мучительно думал, как поставить перед Киселевым вопрос об изменении порядка сбора информации о диспозиции красных и белых частей. Помог случай. Как-то Степинь с адъютантами и ординарцами готовился к выезду в бригады. Увидев Мерецкова, начдив спросил, как идут у него дела.

— Неважно! Погряз в канцелярской рутине, да и толку от нее при существующей постановке дела не вижу Штаб опаздывает с регистрацией изменений в тактической ситуации. Поэтому в действительности обстановка одна, а на карте — другая.

— А вы умеете сидеть на лошади?

— Умею. И вообще люблю лошадей.

— Ну, так вот тебе кобыла, — перешел начдив сразу на «ты» (на «вы» он подчеркнуто вежливо обращался к штабным

работникам, предпочитавшим седлу стул), — поступай в мое распоряжение, скачи в войска и узнавай, что нужно.

Кирилл поблагодарил начдива, тут же оседлал лошадь и отправился в бригады.

Дело сразу изменилось. Приедет в часть, разузнает, что произошло, тут же наносит свежие данные на карту, мчится в штаб и в тот же день докладывает их Киселеву

— Кто же это из 2-й бригады так оперативно сообщил вам сведения? — недоумевающе спрашивал начштаба помощника.

— Сам… — отвечал Кирилл.

— Как сам?!

— Был в бригаде. Своими глазами всё посмотрел…

Киселев зауважал «академика», стал чаще пользоваться картой, которую готовил Мерецков. С большим вниманием относился теперь к Кириллу и Степинь. Он поручил ему опекать 1-ю стрелковую бригаду, в состав которой входили подразделения интернационалистов. В дальнейшем назначил его временно исполнять обязанности начальника штаба этой бригады.

Деникинцы крепко давили на 14-ю дивизию, и она «нервно» отходила на северо-восток в направлении реки Бузулук. Подставить плечо ей было некому, фронт трещал всюду. Хотя, по мнению Кирилла, отступление ее должно было бы проходить более организованно. Он исходил не только из теории, которую усвоил недавно в академии, но и просто из здравого смысла. В условиях, когда под натиском превосходящих сил противника отступает весь фронт и не может остановиться, чтобы наладить должную оборону, следовало бы выставить в арьергарде прочные заслоны с задачей любым способом задержать, пусть ненадолго, на выгодных позициях передовые части наступающего врага. За счет этого упорядочить отход главных сил, сконцентрировать их и занять новый оборонительный рубеж.

Однако на практике так не получалось. 14-я дивизия оказалась оторванной от основной армии. Она отходила на север не по прямой, а описывала огромную дугу вдоль восточной излучины Дона. Маршрут через Цимлянскую, Нижне-Чирскую, Обливскую, Клетскую и Усть-Медведицкую станицы на Серебряково оказался тяжелым. Дивизию окружали враждебно настроенные казаки, сочувствовавшие белым. Местное население ждало «своих», а тут идут большевики, да еще нерусские. Это — в адрес интернационалистов 1-й стрелковой бригады. Вслед им посылались проклятия, порой и пули в спину.

Деникинская организация ОСВАГ[29] неустанно трубила, что донцы «спасают родину от недругов России». Авиация белых сбрасывала над отходящими красными войсками листовки, в

которых говорилось о «гибели Советов». Попадались даже фальшивые экземпляры газеты «Правда». В них содержались выдуманные сводки с разных фронтов, из которых явствовало, что Красной армии приходит конец. Всё это отрицательно сказывалось на настроении бойцов, в отдельных подразделениях началось брожение.

В первых числах июня Реввоенсовет республики освободил от командования армией Княгницкого. На его место был назначен начальник штаба, бывший царский полковник Н.Д. Всеволодов. Однако смена руководства не привела к улучшению положения в армии, наоборот, оно усугубилось. Если раньше политическая работа в частях хоть как-то велась, то теперь совсем заглохла. Кирилл по своей бригаде ощутил усилившуюся бестолковость управления войсками. Армейский штаб нередко командовал через голову дивизии, напрямую давая частям свои указания. Причем указания эти носили противоречивый характер и, как результат, порождали неразбериху. Части и подразделения теряли взаимодействие с соседями, метались по степи словно слепые. Действуя в одиночку, обычно попадали в критические ситуации. Отсюда — хаотическое отступление на грани бегства. Вина за все происходящее сваливалась на дивизионное руководство. Командир 14-й дивизии систематически получал взбучки от Всеволодова.

Из воспоминаний Мерецкова: «Начдив Степинь постоянно находился в первой линии бойцов, подбадривал их своим присутствием. В дивизии его хорошо знали, видели в нем смелого, инициативного командира и признавали его авторитет». Далее он пишет, что каждый командир и боец понимал: в неорганизованности действий бригад Степинь не повинен. Особенно хорошо понимали это штабные работники, ибо от поступавших из штаба армии распоряжений у них глаза на лоб лезли. Некоторые приказы иначе как явная бессмыслица назвать было нельзя.

Обстановка усложнялась с каждым днем. Армейская машина работала с большими сбоями. Прекратилось снабжение войск, боеприпасы не подвозились, и вскоре их стало остро не хватать. Тылы перемещались с войсками первого эшелона, свирепствовали эпидемии, до четверти личного состава лежало на повозках в тифозной горячке.

Белые были хорошо осведомлены о положении 9-й армии и эффективно использовали в своих целях ошибки и промахи красного командования. В каждой станице у них были свои глаза и уши. Например, четко отслеживались все передвижения бригад 14-й дивизии. Поэтому, как только красноармейская часть

заходила в какой-нибудь населенный пункт, через некоторое время на нее неожиданно нападали белогвардейские летучие эскадроны.

Кирилл анализировал характер боевой стратегии на Южном фронте и делал вывод: Гражданская война на юге России, которая проходила на его глазах, — война специфическая. Классические понятия сплошного фронта, глубокого и ближнего тыла для нее неприемлемы. Систем линии окопов, прикрытых проволочными заграждениями, как правило, здесь нет. В абсолютном большинстве боестолкновения — маневренные. Масса войск на огромной открытой территории стремительно перемещается, покрывая большие расстояния. В этой маневренной борьбе верх одерживал тот, у кого больше было конницы.

Южный фронт Красной армии в июне 1919 года по численности кавалерии примерно в два с половиной раза уступал деникинцам. Потому и проигрывал им в большинстве сражений.

В степях Придонья

По возвращении с Южного фронта Кирилл Мерецков долгое время находился под впечатлением событий, произошедших в степях Придонья. Некоторые из них он подробно и ярко описал в своих воспоминаниях.

* * *

…Июнь 1919 года. Жара. 2-й донской корпус атаковал правый фланг 9-й армии. 23-я дивизия дрогнула и отступила с занимаемых позиций. Деникинцы стремительно обходили 14-ю дивизию, прижимая ее к Дону. Чтобы не оказаться в мешке, нужно было либо форсировать Дон, оторваться от своей армии и уйти на юг, где у Маныча вела бои 10-я армия, либо срочно отходить к отодвинувшейся на север линии фронта всей 9-й армии в целом. Избрали второй путь, но не успели еще организовать отход, как 1-й донской корпус ударил по 3-й бригаде.

Накануне к врагу перебежал изменник, дивизионный инженер, руководивший сооружением переправ через реки. Он выдал местоположение охранения и главных сил бригады, что позволило противнику быстро окружить ее. Красноармейцы дрались до последнего патрона. Сумевшие уйти от казаков несколько человек рассказали, что, когда надежды на спасение не осталось, командир бригады, комполка и комиссары, чтобы не попасть в лапы противника, покончили с собой.

Отступление превращалось в бегство. У станицы Морозовской 14-я дивизия потеряла почти всю артиллерию. После тяжелых многодневных боев между Чиром и Курталаком части дивизии подошли наконец к среднему Дону. В строю боеспособных красноармейцев осталось мало, а белоказаки Мамонтова не прекращали яростные наскоки на красные полки.

Мерецков тогда оказался в арьергарде дивизии, отбивавшейся от налетов белых. Там были начдив Степинь, штабные командиры, политотдельцы. Противник поливал оборонявшихся пулеметным огнем, применял артиллерию. Кирилл был рядом с комдивом. Вокруг рвались снаряды, Мерецкова контузило. Степинь заметил это, несколько раз окликнул его, но Кирилл не отвечал: оглох, видимо. Комдив помог ему взобраться на коня и направил его в сторону ближайшего населенного пункта.

Кирилл еле держался в седле. Обстрел продолжался.

Артиллерийских выстрелов он не слышал, лишь чувствовал, как лошадь кидается из стороны в сторону, пугаясь близких разрывов. Вдруг она стала спотыкаться. Почувствовав неладное, Кирилл вовремя успел сползти с нее, прежде чем она упала на бок. Оказалось, ее ранило снарядным осколком.

Кое-как Кирилл пешком добрался до селения и вошел в первый же дом. В горнице на постели лежала женщина и подавала знаки, чтобы он не подходил. Не иначе, сыпняк у нее. Мерецкова мучила жажда; он видел, что рядом с женщиной стоит кринка с молоком, но тронуть ее не решался. Больная указала на сени. Там Кирилл нашел полное ведро воды и жадно выпил две кружки. Присел на скамью, ощутил сильную слабость. Отдохнуть бы часок-другой в прохладе, да нельзя — в село каждую минуту могут ворваться казаки. Он заставил себя подняться, направился к полустанку железной дороги. Доковылял до сложенной неподалеку от станционного домика кучи старых шпал и обессиленно свалился возле нее.

Очнулся от паровозного гудка. У полустанка остановился поезд. Из вагонов спускались красноармейцы. До Кирилла отчетливо доносился их гомон, даже голоса отдельных бойцов. Неужели к нему вернулся слух?! Обрадовался: он слышит! он слышит!.. Нашлись силы бегом кинуться к красноармейцам. Навстречу — командир с «разговорами»[30] на френче.

— Я — Мерецков, помощник начальника штаба 14-й дивизии, — назвал себя командиру. Спросил: — Откуда подразделение?

Узнал: это прибыл из Царицына пехотный батальон для охраны железнодорожной линии в сторону Поворина.

Кирилл приказал комбату занять оборону на кургане, прикрывавшем полустанок с юга. Потом стал рассказывать об обстановке.

— В двух верстах рота штабного охранения ведет бой с бело казаками… — начал он и осекся: к полустанку скакали Степинь с адъютантами, комиссар дивизии и несколько красноармейцев.

Пехотинцы батальона рассыпались вдоль холма, взяли на прицел скачущих всадников. Степинь крикнул еще издали:

— Что за отряд? Кто командир? — И тут увидел Мерецкова. Кирилл вместо комбата доложил, откуда и с какой целью появился на полустанке батальон, а также о задаче, которую он только что ему поставил. Начдив одобрил решение Мерецкова и велел удерживать полустанок сколько смогут. Степинь и его спутники торопились нагнать отступавшие части дивизии, поэтому быстро уехали.

Кирилл словно забыл о недавней контузии. Самочувствие было вполне сносным, и он надеялся, что все пройдет само по

себе.

Вскоре показались белые. Пехотинцы батальона дружными залпами отразили их первую атаку. Через некоторое время — и вторую. Если беляки пойдут в третью, отбиваться будет нечем, патроны были на исходе.

На флангах замаячили вражеские разъезды. Комбат сказал Кириллу, что рисковать людьми не намерен и попросил разрешения на отъезд. Он предложил уехать с батальоном и Мерецкову, но тот отказался. Кириллу необходимо найти своих; они должны быть где-то в этом районе.

Бойцы погрузились в вагоны, и поезд покинул полустанок.

Возле путей щипала траву кем-то брошенная тощая кобыла. Она была с уздечкой, но без седла. От Кирилла убежать не пыталась, и он, взобравшись на нее, зарысил к видневшейся на горизонте станице.

На пути встретилась глубокая балка. Кобыла заупрямилась, и как ни понукал ее Кирилл, она не подчинялась. Оглянулся: за ним увязался белоказачий разъезд. Спешился, кубарем скатился в балку, заполз в кустарник, пересчитал патроны к нагану и решил отстреливаться до последнего.

А казаки уже рыскали на краю балки. Четверо спустились вниз, ругались, что «комиссарик куда-то запропал». Кирилл ясно слышал их голоса, ждал: вот-вот найдут его. Вдруг сверху крикнули:

— Подвода! Кажись, краснюки на ней. Кончайте там в репьях лазить. Комиссар пущай поживет покудова…

Казаки, искавшие Кирилла, поднялись наверх, и разъезд ускакал вдогон за телегой.

К полудню Мерецков набрел на какой-то хутор. Обошел хаты со стороны риг и сараев и стал осматриваться. На улице стояла повозка, возле нее — два красноармейца. Кирилл узнал одного из них: здешний, он как-то ночевал у него, когда впервые попал в 14-ю дивизию; оба красноармейца служили в дивизионной команде артиллерийского снабжения.

Выглянув из-за сарая, Кирилл окликнул знакомца, и тот призывно махнул рукой. Оказалось, что это за ними погнался белый разъезд, но им удалось уйти.

Красноармейцы перепрягали загнанных лошадей. Спешили, как бы опять их не застигли белоказаки. Вскоре артснаб-женцы и вместе с ними Кирилл оставили хутор. Вечером догнали отходившие на север войска. «Проснулась» Кириллова контузия: он впал в забытье. Его уложили в санитарную повозку, в которой он протрясся несколько часов, не приходя в себя.

* * *

…В середине июня во время суматошного отступления потерялись две бригады: 2-я и 3-я. Одна — в районе Панфилова, другая где-то за поселком Сенной. Штаб 14-й дивизии связи с ними не имел.

Мерецкову было приказано попытаться установить точное местонахождение 2-й бригады. Кирилл взял лошадь и отправился в направлении Сенного.

Это была скачка с препятствиями в подлинном смысле слова. Несколько раз ему приходилось пережидать в оврагах, пока скроются конные казачьи разъезды, но за версту до околицы поселка все же нос к носу столкнулся с одним из них. Решил пробиться с боем. В то время он был еще не очень-то хороший рубака, больше надеялся не на шашку, а на наган. Пришпорив коня, погнал его вперед в полный галоп, неистово стреляя по казакам. Прорвался-таки, хотя был ранен в руку ударом казачьей сабли…

В Сенном Кирилл увидел эскадрон охраны командарма-9 и артиллерийскую батарею. Охрана привела его в дом, где находились Всеволодов и члены Реввоенсовета армии. Командарм стал его расспрашивать.

— Вы кто?

— Помначштадив-14 Мерецков.

— Что делаете здесь?

— Устанавливаю местонахождение нашей бригады.

— Откуда прибыли?

— Со станции Серебряково.

— Дорога туда хорошая?

— Скверная. Я вижу, возле дома стоит ваш автомобиль. На нем не проедете.

— Ничего, проедем. А вокруг спокойно?

— Вся местность запружена белыми разъездами, а вдали я видел крупные кавалерийские отряды.

— Не может быть, врете! По нашим данным, никаких белых здесь нет. Они в Серебрякове.

— Как вру! Я только что дрался с одним из разъездов, едва отбился.

— Вы морочите мне голову. Вы трус! Вот я поеду этой же дорогой и проверю, что это за разъезды.

— Ехать этим путем нельзя, разве что вы собираетесь попасть к белым в плен. Тогда другое дело. А в Серебрякове, я уже говорил, стоят не белые, а наши.

— Сейчас узнаем. Прикажу артиллеристам обстрелять

Серебряково, увидим, чьи войска там стоят.

Лицо Кирилла вспыхнуло, он с трудом сдерживал негодование. Сквозь зубы спросил:

— Разрешите идти?

— Идите! — И вдогонку полетело грубое выражение. Вслед за Мерецковым вышли члены Реввоенсовета армии.

На улице они принялись распекать его:

— Разве можно так разговаривать с командармом? Попадете под арест!

— Не попаду. Если он собирается сделать то, что сказал, то арестовывать придется кого-то другого. В Серебрякове — 1-я бригада 14-й дивизии и комдив Степинь. И по ним командарм хочет стрелять…

— А по нашим данным, в Серебрякове белые, — повторяли члены Реввоенсовета.

— Уговорите командарма не открывать огонь, — убеждал их Кирилл, — может произойти столкновение между своими.

— Вы бросьте эти разговорчики, — сказал один из реввоенсоветовцев, комиссар Б.Д. Михайлов.

Из дома вышел командующий и послал адъютанта на колокольню стоявшей рядом церкви. Кирилл понял, что он всерьез настроен дать сигнал артиллеристам открыть огонь.

Кирилл попросил у Михайлова разрешения покинуть Сенной. «Уезжайте», — не возражал комиссар.

Уезжая, Мерецков заметил, как из поселка выехал автомобиль командарма. И сразу же ударили пушки. Сделали они всего три выстрела и умолкли. Потом, на следующее утро, Кирилл узнал, что, как только Всеволодов покинул поселок, члены Реввоенсовета приостановили его приказ об обстреле Серебрякова.

2-ю бригаду Кирилл обнаружил под вечер. Она уже имела связь с командованием дивизии. Под покровом ночи ее полки отходили на Поворино.

Мерецков спал прямо в седле. Утром его разбудили невесть откуда взявшиеся члены Реввоенсовета армии — комиссары Михайлов и Петров. И сразу стали задавать вопросы.

— Откуда вы знали, что Всеволодов собирался изменить? — спросил Михайлов.

— То есть как изменить? — не понял Кирилл.

— Вы не скрывайте, говорите все, что вам известно, — заговорил Петров. — У вас были какие-то данные?

Кирилл не мог сообразить, что конкретно они имеют в виду. Подумал, что реввоенсоветовцы вернулись к вчерашнему инциденту, и сказал:

— Как хотите, а я говорил, что думал. Если человек совершает нелепые поступки, вредные для нашего дела, и не прислушивается к донесениям, то объективно он помогает противнику. Конечно, тут недалеко до измены.

— Сейчас уже поздно сокрушаться об этом, — заскрипел зубами Михайлов. — Всеволодов у белых! А ты, парень, не сердись и скажи, откуда ты знал, что он изменник?

Мерецков поразился: сам командарм переметнулся к врагу! Вот так история! Теперь понятно, почему вчера он так подозрительно вел себя! Наверное, давно замыслил измену, иначе 9-я армия по-другому строила бы при отступлении свои боевые порядки…

Предстоял военно-судебный разбор обстоятельств дела. Всем, кто работал рядом с предателем, грозил трибунал. Комиссары были ближе всех к Всеволодову и не распознали в нем врага. За это придется ответить…

Кирилл мало чем мог им помочь. Он рассказал работнику армейского отдела ВЧК, как приехал вчера в поселок Сенной и встретился там с командармом и членами Реввоенсовета. Повторил разговор с Всеволодовым. Чекист записал все сказанное Мерецковым и отпустил его.

* * *

…Мерецков только что принял дела начальника штаба 1-й стрелковой бригады. В тот день из дивизии поступил приказ отбить у белых хутор Чумаковский, захваченный ими ночью. Деникинцы преграждали красным войскам движение на Поворино.

Возле хутора гарцевали донцы, стремясь побудить полки бригады к неорганизованным действиям. Пехота спокойно готовилась к выступлению, а конница еще находилась в походном порядке.

Белые решили упредить красных, сами пошли в атаку. Казаки мчались с гиканьем и свистом, свесившись набок с лошадей и выставив пики.

Пехотинцы заволновались, так как видели, что кавалерийский полк еще не успел развернуться. Нужно было воодушевить красноармейцев и прикрыть пехоту. Комбриг, комиссар и Мерецков выехали перед строем кавалеристов и пришпорили коней. Сначала они втроем скакали рядом, но потом лошади сами рванулись во весь опор, и лошадь Мерецкова оказалась резвее других. Она первая вклинилась во вражеские

ряды, а Кирилл, паля на ходу из нагана, удачно увертывался от казачьих пик. Донцы проскочили мимо, но один, развернувшись в седле, успел рвануть из-за спины карабин и выстрелил в Мерецкова.

Кириллу сначала остро обожгло ногу, а затем он почувствовал нестерпимую боль. Держать ногу в стремени стало невмоготу, и он направил коня к зарослям тёрна. Два красноармейца, увидев, как начштаба неловко сползает с седла, подскакали к нему, подхватили под руки и положили под куст. Рана сильно кровоточила. Они разрезали шашкой сапог, забинтовали рану…

Белые отступили, дивизия пробилась в Поворино. Кавалерийский полк 1-й бригады остался в Чумаковском. Кириллу с каждым часом становилось все хуже. Врача в полку не было, только несколько санитаров. Нужно было сделать операцию, извлечь пулю из ноги.

На хуторе нашелся старый фельдшер, но он не имел хирургических инструментов. Пришлось прокалить на огне стальной крючок. Санитары крепко держали Кирилла, чтобы он не дергался, и старик-фельдшер стал ковыряться в ране, пока не подцепил застрявшую там пулю. Кирилл до крови закусил губу, но не закричал.

После наложения повязки боль постепенно утихла, и он уснул. Сутки пролежал в постели, затем рана начала гноиться, боль возобновилась.

Мерецкова навещали друзья, сослуживцы по бригаде, приезжал Степинь. Его как раз тогда назначили командующим 9-й армией как человека, доказавшего свою преданность делу революции и советской власти, а также как проявившего выдержку и смелость в тяжелых боевых условиях. Перед отправкой Кирилла в госпиталь Степинь тепло попрощался с ним, пожелав скорейшего выздоровления.

Кирилл пролежал в госпитале до осени 1919 года. В сентябре пришло распоряжение откомандировать всех оставшихся в живых слушателей первого набора Академии Генерального штаба для прохождения второго курса.

Оправившийся от ранения Мерецков уехал в Москву в начале октября.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЙ ФРОНТ

Поход Пилсудского

Гражданская война полыхала в России без малого четыре года. В будущем Кирилл Мерецков назовет ее ужасной, но важной школой становления его как профессионального военного. Летом 1920 года ему во второй раз за время учебы в академии пришлось проходить эту суровую школу.

С победой над Деникиным страна получила некоторую передышку. На востоке, севере, на Кавказе боевые действия значительно ослабли: Красная армия прочно удерживала там свои позиции. Казалось, война клонилась к завершению. Но весной 1920 года на западе и юге Советской республики появилась новая серьезная военная угроза: со стороны возрождавшейся после Первой мировой войны буржуазно-помещичьей Польши и барона Врангеля, поднявшегося в Крыму.

Из-за чего развернулся вооруженный конфликт с Польшей?

Издавна в Российскую империю входили, кроме самой России, Белоруссия, Латвия, Литва, Польша и Украина. По завершении Первой мировой войны, которое было зафиксировано 11 ноября 1918 года подписанием Компьенского перемирия[31], в странах Восточной Европы образовался политический вакуум. Немецкие войска выводились из занятых окраин Российской империи. В освобожденных землях поднимались разные силы: с одной стороны, местные буржуазные правительства, в большинстве своем являвшиеся преемниками органов власти, возникших в ходе оккупации Германией; с другой — большевики и их сторонники.

Польша после войны быстрее всех восстановилась как независимое государство и сразу же поставила вопрос о новых границах. Ее политические деятели заявляли, что ставшей самостоятельной великой державе должны быть возвращены восточные территории в исторических пределах Речи Посполитой 1772 года.

Советская же республика преследовала прямо противоположные цели: она претендовала на восстановление границ бывшей Российской империи.

* * *

Речь Посполитая возникла в 1569 году из объединения земель Польши, Литвы и захваченных у России русских западных и северо-западных прибалтийских земель.

Ко второй половине XVIII века она пришла страной нежизнеспособной: законы не издавались, сельская и городская жизнь были в застое. Польша как государство была непредсказуема и причиняла много беспокойств соседям. И тогда в Пруссии и Австрии появилась идея ее раздела. Прусский король выдвинул план расчленения Речи Посполитой и предложил России присоединиться к нему.

Екатерина II считала целесообразным сохранить единую Польшу, но затем решила использовать ее слабость и вернуть те древнерусские земли, которые в период феодальной раздробленности были захвачены Польшей. Австрия, Пруссия, Россия произвели три раздела Речи Посполитой. В первый раздел (1772) к России отошли восточная часть Белоруссии по Западной Двине и Верхнему Днепру; во второй (1793) — Центральная Белоруссия с Минском, Правобережная Украина; в третий (1795) — Литва, Западная Белоруссия, Волынь, Курляндия. Поляки утратили свою государственность, земли Речи Посполитой до 1918 года находились в составе Пруссии, Австрии, России. Российская империя вернула все древнерусские территории и получила новые. Этнически польские районы к России присоединены не были.

* * *

Руководство Польши во главе с Юзефом Пилсудским было полно решимости присоединить Белоруссию, Украину (включая Донбасс), Латвию, Литву и добиться геополитического доминирования в Восточной Европе. Оно мечтало обеспечить себе сферу влияния, которая простиралась бы от Финляндии до Кавказских гор.

Советская сторона в качестве программы-минимум рассматривала установление контроля над западными губерниями бывшей Российской империи (Украиной и Белоруссией), в качестве программы-максимум — советизацию Польши, за ней Германии и переход к мировой революции. Правительство РСФСР считало войну против Польши частью борьбы против всей существовавшей на тот момент Версальско-Вашингтонской системы[32].

Польские войска начали военный поход на восток. В начале 1919 года они захватили Литовско-Белорусскую республику (27 февраля Литва была включена в состав Белоруссии, созданная республика стала называться Литовско-Белорусской ССР, сокращенно — Литбел). К середине года они овладели Западной

Украиной.

В 1920-м наступление поляков продолжалось. Попытки Красной армии противостоять ему не увенчались успехом. Командующий Западным фронтом Гиттис был снят с должности, на его место назначен М.Н. Тухачевский. Для лучшего управления войсками южная часть Западного фронта была преобразована в Юго-Западный фронт, командующим войсками которого был назначен А.И. Егоров.

В апреле поляки атаковали позиции Красной армии по всей протяженности украинской границы. За короткий период ими были взяты в плен более 25 тысяч красноармейцев, захвачено два бронепоезда, 120 орудий и 418 пулеметов.

Совнарком РСФСР неоднократно предлагал правительству Юзефа Пилсудского заключить мир, на что оно упорно не хотело идти. Со специальным воззванием к Польше обратился ВЦИК, ответа на которое также не последовало.

7 мая польская кавалерия вступила в Киев. Поляки создали на левом берегу Днепра прочный плацдарм глубиной до 15 километров. На Украине поляки обладали почти трехкратным численным превосходством, которое польское командование решило максимально использовать, перебросив на это направление дополнительно войска общей силой в 10 тысяч штыков и тысячу сабель. Кроме того, действия поляков, в соответствии с договором, поддерживали войска Петлюры, насчитывавшие в то время около 15 тысяч человек.

В тот же период в Крыму, где укрылись остатки разгромленных контрреволюционных войск Дона и Кубани, генерал Врангель вновь сколачивал русскую армию — Вооруженные силы Юга России (ВСЮР).

В Крым стекались, спасаясь от Советов, тысячи офицеров. Из них и из рядовых добровольцев — противников советской власти — создавались особые части и соединения, становившиеся основой новой белой армии. Запад увидел в бароне Врангеле очередной шанс реставрировать прежний режим в России. Страны Антанты снабдили его танками, артиллерией, авиацией, бронемашинами, пулеметами, различными видами легкого стрелкового оружия.

Врангель прослыл хорошим военным организатором и гибким дипломатом. Авторитет его стремительно рос. За короткий срок он превратил Крым в средоточие крупной боевой силы, реально грозившей Советской республике.

План Врангеля был таков: с учетом польского наступления и реальной помощи западных союзников неожиданным массированным ударом овладеть Северной Таврией, затем левым

крылом армии форсировать Днепр и соединиться с белополяками. Правым флангом ударить по Донбассу, захватить донские земли. Располагая большими массами конницы, главком крымской Русской армии надеялся прорваться на Кубань и поднять кубанцев против Советов…

Сложившаяся весьма сложная военно-политическая ситуация — вторжение в страну белополяков, собравшиеся в Крыму мощные вооруженные силы барона Врангеля — вынудила Совнарком[33] 12 мая ввести в РСФСР военное положение.

Военный революционный совет республики поставил задачу Западному фронту нанести полякам мощными 15-й и 16-й армиями (в каждой по 30 тысяч бойцов и командиров) сокрушительные удары, с тем чтобы не только остановить их наступление, но и отбросить с занятых территорий. Юго-Западному — очистить от врангелевцев Центральную Украину и затем помочь Западному фронту в окончательном разгроме поляков.

Но войск у Егорова было мало. Общая численность личного состава 12-й и 14-й армий, составлявших на тот момент фронт, была в два раза меньше, чем, например, одна 15-я армия А.И. Корка.

Егоров собирал части где только мог и спешно стягивал их в район Приднепровья. Были объявлены партийные и рабочие мобилизации. Уже отдавшие ранее фронтам лучших людей, центральные области страны слали на юго-запад новые рабочие полки. Сворачивались занятия на командирских курсах, и молодых красных офицеров досрочно направляли в действующую армию.

Опустела и Академия Генерального штаба. В мае несколько групп ее слушателей были откомандированы на запад и юг России. В одной из них в действующую армию отбыл и Кирилл Мерецков.

Встреча с будущим генсеком

Штаб Юго-Западного фронта располагался в Харькове. Добираться до Харькова по железной дороге (даже из Москвы) в то время было проблемой. Поезда ходили в основном грузовые — платформы с пушками, военным имуществом, крытые вагоны с лошадьми и теплушки, забитые солдатами.

Одной из групп «академиков», в ней был и Мерецков, посчастливилось попасть в вагон, который прицепили к поезду членов Реввоенсовета фронта И.В. Сталина и Р.И. Берзина. Кирилл их в лицо никогда не видел, хотя много о них слышал. О Сталине: он грузин, по фамилии Джугашвили, активный участник подготовки и проведения Октябрьской революции; с образованием Совета народных комиссаров состоял в нем наркомом по делам национальностей, с началом Гражданской войны вошел в Революционный совет Республики и по решению ЦК РКП(б) и советского правительства был направлен на Южный фронт членом РВС.

Про латыша Берзина Кирилл узнал, воюя в августе 1918-го под Казанью против белочехов и колчаковцев. Берзин командовал Северо-Урало-Сибирским фронтом и затем 3-й Красной армией на Восточном фронте. Говорили, что он прапорщик царской армии, участник Первой мировой войны. Когда в России вспыхнула революция, он встал в ее ряды. Был одним из руководителей боевых операций против белопольского корпуса Довбор-Мусницкого. После Октября — главнокомандующий Западным революционным фронтом.

В штабе фронта прибывших слушателей академии принял начштаба Н.Н. Петин. В течение часа он подробно обрисовал им обстановку на фронте и сообщил, что все они будут служить в 1-й Конной армии. Слава об этой армии в то время гремела уже по всей стране. Имя командира ее, Семена Буденного, было у всех на слуху. О том, как он громил белые войска Краснова, Богаевского, Мамонтова, Шатилова, Врангеля, Шкуро, Сидорина, Улагая, Покровского и других казачьих атаманов и деникинских генералов, слагались легенды.

Кирилл, как и его коллеги-«академики», посчитал для себя большой честью служить в Конармии Буденного. Не терпелось поскорее влиться в этот овеянный боевой славой воинский коллектив. Но, прежде чем попасть в части 1-й Конной, им предстояли встречи и беседы в штабе фронта с командующим и членами Реввоенсовета.

Комфронта Александр Ильич Егоров тепло напутствовал

молодых генштабистов, пожелал им достойно проявить себя в боевых условиях, но вместе с тем поберечься от вражеских пуль и сабель.

Из членов РВС на месте был Сталин, Берзин находился в войсках. В комнате Сталина беседовали дольше, чем у командующего фронтом. «Мы сидели и отвечали на вопросы, — вспоминал потом Мерецков, — а член Реввоенсовета фронта ходил, покручивая в руках трубку, неторопливо задавал нам вопросы, выслушивал ответы и снова спрашивал. Сотни раз с тех пор беседовал я со Сталиным и в похожей, и в иной обстановке, но, конечно, в тот момент я не мог и подумать, что наступит время, когда мне доведется в качестве начальника Генштаба, заместителя наркома обороны и командующего фронтами разговаривать с этим же человеком — Генеральным секретарем ЦК нашей партии, председателем Совета народных комиссаров и Верховным главнокомандующим! Однажды, уже после Великой Отечественной войны, Сталин спросил меня: "Товарищ Мерецков, а с какого времени мы, собственно говоря, знакомы?" Я напомнил ему о поезде Москва — Харьков и о майской беседе в 1920 году. Сталин долго смеялся, слушая, как я тогда удивился, что первый вопрос, который он задал группе генштабистов, касался того, знакомы ли мы с лошадьми».

Действительно, во время беседы с «академиками» Сталин спросил их:

— А умеете вы обращаться с лошадьми?

— Мы все прошли кавалерийскую подготовку, товарищ член Реввоенсовета, — ответил один из «академиков».

— Следовательно, знаете, с какой ноги влезают в седло?

— А это кому как удобнее! Чудаки встречаются всюду.

— А умеете перед седловкой выбивать кулаком воздух из брюха лошади, чтобы она не надувала живот, не обманывала всадника, затягивающего подпругу?

На этот раз не очень уверенно ответил Кирилл Мерецков:

— Вроде бы умеем.

— Учтите, товарищи, речь идет о серьезных вещах. Тому, кто не знает, как пахнет лошадь, в Конармии нечего делать!

Дальше Сталин заговорил уже непосредственно о том, чего ждут от слушателей академии в боевых частях. Там со штабным делом не очень-то гладко: нет специалистов в этом вопросе.

— Поэтому вас туда и посылаем. Необходимо срочно укрепить штабы 1-й Конной армии, — сказал в заключение Сталин.

Конармия

Что представляла собой на то время 1-я Конная армия? Это было мощное войсковое объединение красной кавалерии. По предложению РВС Южного фронта в ноябре 1919 года Реввоенсовет республики принял решение об образовании на базе трех дивизий (4, 6 и 11-й) 1-го конного корпуса Будённого маневренной армии. В апреле 1920-го в 1-ю Конную были включены 14-я и 2-я имени Блинова кавказские дивизии, Отдельная кавказская бригада особого назначения, автобронеотряд имени Я.М. Свердлова, бронепоезда, авиагруппа. Итого в ней имелось личного состава общей численностью до 17 тысяч человек, 48 орудий, 6 бронепоездов и 12 самолетов.

Конармия предназначалась для решения крупных оперативно-стратегических задач.

Так, в 1919 году 1-я Конная участвовала в Воронежско-Касторненской операции и нанесла тяжелые поражения белогвардейской коннице. Затем сыграла решающую роль в Донбасской операции. В январе 1920 года она совместно с войсками 8-й армии очистила от белых Таганрог и Ростов-на-Дону. Потом, измотанная длительным наступлением и тяжелыми боями, потерпела поражение от белогвардейских корпусов генералов Павлова и Топоркова и отступила за Дон. В феврале 1920-го совместно с тремя приданными ей стрелковыми дивизиями участвовала в Егорлыкской операции, в ходе которой были разгромлены 1-й Кубанский пехотный корпус генерала Крыжановского, конные группы Павлова и Денисова.

В начале апреля по приказу РВСР 1-я Конная армия Буденного вышла из Майкопа и направилась в Таврию. Там, в Гуляйполе, 1-я Конная быстро расправилась с отрядами Нестора Махно. В Таврии не задержалась. Она вливалась в состав Юго-Западного фронта. Поэтому, форсировав Днепр, 6 мая была уже у Екатеринослава.

Конармия имела основной штаб и полевой. Как и все ее дивизии, оба штаба находились в непрерывном движении. Сегодня основной штаб в Умани, завтра — в Елисаветграде. Попробуй угонись за ним, если понадобится лично решить какой-то вопрос с командованием. А полевой еще мобильнее.

В Елисаветград Мерецков и еще несколько слушателей академии, направленных к Буденному в качестве штабных работников, приехали удачно: штаб пока не передислоцировался в другое место. Однако армейского начальства там не оказалось — ни одного из членов Реввоенсовета армии, ни начальника

основного штаба Н.К. Щелокова. Они — в Умани. Как доехать до Умани: прямого железнодорожного пути туда из Елисаветграда нет. Верный путь по тракту — через Новоукраинку, Тишковку, Новоархангельск и Бабанку. Но где взять лошадей? Их обещали дать только в дивизиях.

«Академики» знали, что в штабе их ждут, им никак нельзя опаздывать: через два дня должно было начаться наступление. И вдруг подвернулась оказия — в Умань проездом спешил какой-то обоз.

Наконец Умань. Везде строгие сторожевые посты. Бросалось в глаза, что охрана штаба стоит здесь на должной высоте. У помещения, где располагалось армейское начальство, казак-конармеец поинтересовался: кто такие, откуда?

— Из Академии Генштаба.

— Из Академии? Царского Генштаба? Пленные, что ль? — ухмыльнулся он.

— Какие еще пленные, — возмутились «академики», —как бы мы тебя самого сейчас в плен не взяли! Мы слушатели советской военной академии. — И сунули ему под нос свои мандаты.

Казак сделал большие глаза, буркнул «Погодьте» и пошел докладывать.

Вскоре на крыльце появились командарм Буденный и член РВС Ворошилов. Они с любопытством оглядывали прибывших: больно непривлекательный был у них внешний вид.

Ворошилов заметил:

— Вероятно, нам неправильно о вас доложили.

— Нет, — выступил вперед старший группы, — вам доложили правильно, мы действительно из академии, вот наши предписания.

Семен Михайлович и Климент Ефремович поочередно жали всем руки, улыбались. Завязался разговор.

Кирилл впоследствии с теплотой воспоминал этот эпизод первого знакомства с двумя прославленными героями Гражданской войны. С ними, с Буденным и особенно с Ворошиловым, ему многие годы придется работать в аппарате Наркомата обороны и на фронтах Великой Отечественной войны…

Мерецкова назначили в 4-ю кавалерийскую дивизию Д.Д. Коротчаева помощником начальника штаба по разведке. Другой помощник ведал оперативной работой.

Азы разведработы Кирилл проходил в академии. Но это были именно азы и чисто теоретические. Здесь же придется заниматься разведывательным делом на практике и в реальных боевых условиях.

Начальник штаба дивизии И.Д. Косогов коротко проинструктировал Мерецкова: первое — собирать данные о противнике, анализировать и ежедневно докладывать ему; второе — составлять проекты дивизионных донесений в штаб армии.

В целом разведка в Конармии была поставлена неплохо. Однако, как позже увидит Кирилл, о новом противнике — польских войсках — она знала мало. Складывалось впечатление, что сам начальник разведотдела армии И.С. Строило не имеет достаточных сведений о реальном неприятеле. В дивизию в самых общих чертах поступали сообщения из штаба фронта: против 1-й Конной стоят пехотные части 2-й польской армии, кавалерийская дивизия Карницкого и отряды атамана Куровского.

Когда разведгруппы 4-й дивизии прощупали переднюю линию польских войск, то оказалось, что регулярных частей противника там нет, только одни бандитские группы Куровского. Кирилл не понимал, почему, официально воюя с частями польской армии, дивизия фактически натыкается всюду на банды Куровского. Позднее выяснилось, что поляки выставили их по всей линии фронта как заслон. О силах своих хозяев бандиты ничего толком не знали, да и воевали кое-как. Набранные в основном из всякого сброда, они относились к числу тех, кто годом раньше именовал себя «зелеными», а теперь окончательно скатился в лагерь контрреволюции.

* * *

В конце мая дивизия прорвала бандитский заслон и вступила в соприкосновение с настоящими солдатами Пилсудского. И тут сразу продвижение ее замедлилось. Поляки умело строили оборону, которая лихим буденновцам нередко была не по зубам.

— Слушай, разведка, — говорил раздраженно Мерецкову начштаба, — где твои глаза? Мы — конница. Наша работа — прорваться на фланге, ударить по тылам, атаковать огнем и клинком, применяя маневр на вольном просторе, а не тянуть дивизию на проволочные заграждения. Ищи обход!

Кирилл и сам видел, что бойцы зачастую воюют не по-кавалерийски. Они вынуждены спешиваться, чтобы преодолеть разнообразные оборонительные препятствия. В такой ситуации пробить брешь в линии фронта и устремиться в нее конным строем довольно сложно. Нужно искать обход укреплений. Но где его найти? Немногочисленные пленные в один голос твердили, что всюду одно и то же. Разведотряды, куда бы Мерецков ни направлял их, натыкались на плотный артиллерийско-пулеметно-

ружейный огонь и глубоко эшелонированные позиции.

Такие же проблемы были и в соседних дивизиях: в 6-й С.К. Тимошенко, в 11-й Ф.М. Морозова и в 14-й А.Я. Пархоменко. Там конники тоже не могли преодолеть глубоко эшелонированную оборону противника и найти подходящее место для прорыва.

Кириллу приходила мысли, что здесь, на Западе, совершенно иные условия борьбы, нежели в степях Восточной Украины, Дона и Кавказа. Как Южный фронт в 1919 году был не похож на Восточный в 1918 году, так теперь Западный и Юго-Западный фронты не похожи на Южный.

Кирилл размышлял: «Поляки строят свою защиту в виде своеобразного сплошного щита. В таком случае, может быть, лучше отказаться от линейных фронтальных атак… Но что тогда делать? Если обхода не найти, то надо установить наиболее слабое место в обороне врага, собрать силы в крупную группировку и ударить в это место. Наверняка будет пробит коридор… И через него уйти в рейд, а там громить вражеские тылы…»

Мерецков поделился своими соображениями с Косоговым, затем с начальником разведывательного отдела армии Строило. Они их одобрили и доложили командарму.

В это время Тухачевский развернул широкое наступление на позиции поляков значительными силами: двенадцатью пехотными дивизиями. Вначале добился заметного успеха, но в последующем противник перехватил инициативу. 1 июня 4-я и части 1-й польских армий перешли в контрнаступление против 15-й советской армии. Нужно было ослабить давление белополяков на Западный фронт. Была поставлена задача Егорову. Эффективно это могла сделать Конармия. И она это сделала.

5 июня 1-я Конная Буденного, нащупав слабое место в польской обороне, прорвала фронт на участке Самгородок — Снежна и вышла в тыл противника, угрожая Бердичеву и Житомиру. Спустя два дня она с налету овладела ими, вызвав поспешный отход всех сил 2-й и 3-й польских армий.

Однако 15-я армия Корка не сумела справиться с насевшими на нее 4-й армией генерала Станислава Шептицкого и 1-й армией генерала Стефана Маевского. К 8 июня они нанесли ей тяжелое поражение: было убито, ранено и пленено более 12 тысяч красноармейцев.

На Юго-Западном фронте ситуация улучшилась. 10 июня 3-я польская армия генерала Рыдз-Смиглы, опасаясь окружения, оставила Киев и двинулась в район Мазовии. Через два дня 1-я Конная вступила в Киев.

Описывая в мемуарах боевые события того времени, Мерецков рассказывает, что в ходе рейда по вражеским тылам начальник штаба ставил перед ним все новые задачи, требуя разведки в направлении то Радомысля, то Коростеня, то Новограда-Волынского, то Шепетовки, то Бердичева, иными словами — во все стороны. Дивизия некоторое время стояла на одном месте по причине отсутствия связи со штабом фронта, а перспективных задач и примерного плана действий на такие случаи не имелось…

После восстановления связи пришел приказ: 4-й дивизии совместно с 14-й дивизией двинуться на Радомысль, чтобы затем резко повернуть на северо-запад и ударить по вражеской группировке в районе Коростеня. Дивизии поведет Ворошилов. Таким образом, армия временно разделилась.

Ночью неподалеку от Коростеня отдыхавших от марша буденновцев атаковали скрытно подобравшиеся поляки. Дежурным по штабу был Мерецков. Он незамедлительно объявил боевую тревогу и разбудил Ворошилова. Член РВС армии тотчас бросил бригады в контратаку. Завязались напряженные бои. Они длились в течение суток с переменным успехом. В конце концов враг был отброшен. В одной из схваток с польскими уланами Мерецков был ранен.

Неделю Кирилл лежал в киевском лазарете. Затем еще с неделю, ковыляя, ходил по городу, пользуясь случаем, чтобы осмотреть его. Как только рана затянулась, вернулся в Житомир. Теперь это уже был тыл. Стремительный конармейский прорыв привел к краху всей польской обороны.

Белополяки отступали. В Житомире Мерецкову в комендатуре сказали: «Если хотите догнать свою дивизию, седлайте коня и скачите в Ровно. Пока там еще паны. Но, когда доскачете, будет как раз!»

Кирилл вместе с такими же тремя подлечившимися ранеными буденновцами добирался до Ровно двое суток. Вся дорога от Новограда-Волынского через Корец была запружена польскими повозками, брошенными орудийными лафетами и другим войсковым имуществом. По обочине красноармейцы гнали группы военнопленных.

Наступило 4 июля. Впереди слышалась канонада. Заходящее солнце обливало золотом ивовые заросли вдоль русла Горыни, где Мерецков и его спутники остановились напоить лошадей. А еще через несколько часов, спотыкаясь о спящих прямо на земле бойцов, Кирилл шагал по улицам ночного Ровно, из которого только что были выбиты поляки.

В 4-ю дивизию Мерецков уже не попал. Его направили к

Тимошенко, в 6-ю дивизию, на ту же должность — помначштадива. Начальником штаба здесь был К.К. Жолнеркевич. Он возложил на Кирилла обязанности помощника не только по разведке, но и по оперативной работе. Кирилл расценил расширение обязанностей чрезвычайно полезным для себя с точки зрения приобретения необходимых познаний.

* * *

Западный фронт, оправившись от поражения 15-й армии, вновь перешел в наступление. Основной удар наносился на правом, северном фланге, на котором было достигнуто почти двукратное превосходство в живой силе и вооружении. Замысел операции заключался в обходе польских частей кавалерийским корпусом Гая и оттеснении польского Белорусского фронта к литовской границе. Эта тактика принесла успех: 1-я и 4-я польские армии стали быстро отходить в направлении Лиды и, не сумев закрепиться на старой линии немецких окопов, в конце июля отступили к Бугу. За короткое время Красная армия продвинулась более чем на 600 километров: 10 июля поляки оставили Бобруйск, 11 июля — Минск, 14 июля пал Вильно. 26 июля в районе Белостока красные части перешли уже непосредственно на польскую территорию, а 1 августа советским войскам почти без сопротивления был сдан Брест.

Кирилл Мерецков вспоминает, что со вступлением Красной армии в пределы Польши ему, да и большинству командиров и бойцов, казалось, что русская социалистическая революция вот-вот сомкнётся с неизбежным пролетарским восстанием в Польше, Северной Германии, Австрии, Румынии, что возродятся советские Венгрия и Бавария. Подъем рабочего движения в странах Европы позволял надеяться — всемирное торжество трудящихся уже близко. К тому времени возник Временный революционный комитет Польши (Польревком), образовался Ревком Галиции…

Польревком был детищем большевиков. По их замыслу, он должен был принять на себя всю полноту власти после взятия Варшавы и свержения Пилсудского. Председатель Польревкома Юлиан Мархлевский огласил «Обращение к польскому рабочему народу городов и деревень». В нем сообщалось о создании Польской Республики Советов, о национализации земель, отделении церкви от государства, а также содержался призыв к рабочим гнать прочь капиталистов и помещиков, занимать фабрики и заводы, создавать ревкомы в качестве органов власти. Обращение призвало солдат Войска Польского к мятежу против

Пилсудского и переходу на сторону Польской Республики Советов. Началось даже формирование польской Красной армии.

С созданием Польревкома руководство РСФСР надеялось, что польский пролетариат и крестьянство дружно поднимутся против Пилсудского, и эта надежда сыграла негативную роль в принятии решения о дальнейших военных действиях.

Вопрос стоял остро: идти на Варшаву сейчас же или совсем не идти. Главное командование РККА оказалось перед сложным выбором. Пройдет два года после описываемых событий, и главком С.С. Каменев расскажет о сложившейся на тот момент обстановке и о принятии, исходя из нее, решения.

«Рассматриваемый период борьбы во всем ходе событий оказался краеугольным. По достижении вышеуказанных успехов (речь идет об отступлении белополяков и о выходе советских войск на польскую границу. — *Н. В.)* перед Красной армией сама собою, очевидно, стала последняя задача — овладеть Варшавой, а одновременно с этой задачей самой обстановкой был поставлен и срок ее выполнения — "немедленно".

Срок этот обусловливался двумя важнейшими соображениями: сведения по части политической суммарно сводились к тому, что нельзя затягивать испытания революционного порыва польского пролетариата, иначе он будет задушен; судя по трофеям, пленным и их показаниям, армия противника, несомненно, понесла большой разгром, следовательно, медлить нельзя: недорубленный лес скоро вырастает. Скоро вырасти этот лес мог и потому, что мы знали о той помощи, которую спешила оказать Франция своему побитому детищу. Имели мы и недвусмысленные предостережения со стороны Англии, что если перейдем такую-то линию, то Польше будет оказана реальная помощь. Линию эту мы перешли, следовательно, надо было кончать, пока эта "реальная помощь" не будет оказана. Перечисленные мотивы достаточно вески, чтобы определить, насколько бывший в нашем распоряжении срок был невелик.

Перед нашим командованием, естественно, стал во всю свою величину вопрос: посильно ли немедленное решение предстоящей задачи для Красной армии в том ее составе и состоянии, в котором она подошла к Бугу, и справится ли тыл. И теперь, как и тогда, на это приходится ответить: и да, и нет. Если мы были правы в учете политического момента, если не переоценивали глубины разгрома белопольской армии и если утомление Красной армии было не чрезмерным, то к задаче надо было приступить немедленно. В противном случае от операции, весьма возможно, нужно было бы отказаться совсем, так как было

бы уже поздно подать руку помощи пролетариату Польши и окончательно обезвредить ту силу, которая совершила на нас предательское нападение. Неоднократно проверив все перечисленные сведения, было принято решение безостановочно продолжать операцию»[34].

Как видим, решение принималось исходя из двух факторов — политического и военного. Военный фактор был оценен верно — польская армия действительно находилась на грани катастрофы, и давать ей время на передышку было нельзя. Что касается политического фактора, то здесь был просчет. Каменев отмечал: «…Рабочий класс Польши… мог оказать Красной армии помощь… но протянутой руки пролетариата не оказалось. Вероятно, более мощные руки польской буржуазии эту руку куда-то запрятали».

В общем, операция провалилась. Всю вину за этот провал высшее командование возложило на Тухачевского.

Поляки с помощью Франции и США сумели организоваться, хорошо оснаститься технически и повести решительное контрнаступление против красных. Их план предусматривал концентрацию крупных сил на реке Вепше и внезапный удар с юго-востока в тыл войск Западного фронта. Для этого из двух армий Центрального фронта Рыдз-Смиглы были сформированы две мощные группы. К середине августа они ударили по растянувшемуся фронту Тухачевского. Создалась угроза окружения всех войск РККА в районе Варшавы.

Учитывая критическое положение на Западном фронте, главком Каменев 14 августа приказал командующему Юго-Западным фронтом Егорову передать 12-ю и 1-ю Конную армии под начало Тухачевского.

Существует мнение, что руководство Юго-Западным фронтом, осаждавшим Львов, проигнорировало этот приказ, что послужило причиной поражения большевиков под Варшавой. Одним из противников переброски 12-й и 1-й Конной армий на западное направление был член РВС Юго-Западного фронта И.В. Сталин, который выражал принципиальное несогласие с планами завоевания исконно польских территорий, в частности столицы Польши.

Это мнение появилось почти сразу после Гражданской войны. Затем о нем забыли. С новой силой его стали культивировать в 60-е годы XX века в связи с развенчанием культа личности Сталина.

Надо сказать, что РВС Юго-Западного фронта не отказывался передать армии в состав Западного фронта, была лишь задержка с поворотом их на север. Причина тому — трения в работе

аппарата управления.

Вопрос с задержкой поворота 1-й Конной армии на север был подробно разобран еще в 1920-е годы в работе Н.Е. Какурина и И.И. Вацетиса «Гражданская война». Известный историк советско-польской войны Какурин, опираясь на документы, пришел к выводу, что реализовать окончательно принятое главкомом 10—11 августа решение о переориентации 1-й Конной и 12-й армий на север своевременно не удалось в первую очередь из-за трений в работе аппарата управления. «У многих участников Гражданской войны, — заключает Какурин, — осталось впечатление, будто бы командование Юго-Западного фронта отказалось от выполнения директивы главкома. На самом деле это не соответствует действительности. К тем недочетам, которые касаются исполнения этой директивы команд-юзом, мы еще вернемся, но не они имели решающее для нас значение. В данном случае эту роль сыграла плохо еще в то время налаженная полевая служба штабов… Решение главкома из-за плохо работавшего аппарата управления не успело вовремя оказать своего решающего влияния на судьбы всей кампании на берегах Вислы».

Значит, именно трения в работе аппарата управления и инерция, связанная с выводом 1-й Конной из боев на Львовском направлении и переброской 12-й армии на север, предопределили ту роковую задержку.

«Конармия вела бои в четырехугольнике Здолбунов — Кременец — Броды — Дубно, — пишет в своих воспоминаниях Мерецков о времени конца июля — начала августа 1920 года, когда 1-я Конная, находясь под Львовом, получила приказ отступить в связи с ухудшением общего положения Западного фронта. — Шла полупозиционная война вроде той, какую мы вели в конце мая возле Белой Церкви. Люди вымотались, отдыхая лишь урывками. Порой бойцы засыпали, лежа в поле под вражеским огнем. Многие, будучи раненными, оставались в строю. Все почернели и осунулись. Не хватало патронов, продовольствия, фуража. Ремонтные комиссии не справлялись с поставкой лошадей. Отсутствовало пополнение людьми. Но никакой передышки или хотя бы кратковременного отдыха не предвиделось. Напротив, ожесточенность боев непрерывно нарастала. В начале августа 6-я дивизия пыталась дезорганизовать войска противника между Козином и верховьями реки Стыри, однако безуспешно. РВС армии временно отстранил от должности и перевел в резерв начдива Тимошенко и начштаба Жолнеркевича. Их место заняли бывший комбриг-2 И.Р. Апанасенко и недавно приехавший на фронт слушатель Академии

Генштаба Я.В. Шеко».

Далее Мерецков пишет, что неделя с 4 по 11 августа прошла в сражениях за переправы через Стырь и за подступы к Радехову. Новое руководство дивизии действовало энергично. Это было очень кстати, так как вконец измотанные 4-ю и 11-ю дивизии Буденный своей властью вывел на отдых, а в первом эшелоне Конармии остались 6-я, 14-я дивизии и Особая кавалерийская бригада. Подчиненные Буденному соседи тоже напрягали все силы: на севере пехота взяла Луцк; на юге Золо-чевская группа И.Э. Якира с кавбригадой Г.И. Котовского и червоноказачьей дивизией В.М. Примакова упорно наступали на Ясенов. Апанасенко получил задачу овладеть Буском. Это означало, что бригадам буденновцев доведется в ближайшие дни воевать в непролазных болотах по течению Буга.

У Кирилла в те дни было много работы. Спать приходилось урывками. По приказу комдива Апанасенко он отыскивал броды на реках, конские тропы в заболоченных перелесках и готовил с выделенной командой подручные средства для переправы, а потом временно исполнял обязанности начальника штаба дивизии.

В середине августа Конармия собиралась перейти в общее наступление, когда была остановлена встречным и фланговым ударами поляков. Развернулись напряженные бои.

Вскоре Конармию известили о переподчинении ее Западному фронту…

* * *

В это время Мерецков был отозван в академию наряду со многими другими ее слушателями, также находившимися на фронтах, чтобы продолжить учебу на третьем курсе. Так что ему не пришлось быть участником прорыва Конармии через Сокаль в направлении Замостья и Грубешова, чтобы затем через Люблин выйти в тыл наступающей на север польской ударной группировке, но потом столкнуться с сильной группой войск польского резерва. Он не был свидетелем неорганизованного отступления на восток частей Западного фронта, занятия поляками Бреста, Белостока. О том, что 23 августа 4-я армия А.Д. Шуваева, 3-й кавалерийский корпус Гая и две дивизии из состава 15-й армии Корка (всего около 40 тысяч человек) перешли германскую границу и были интернированы, он узнает значительно позже. Как и значительно позже узнает о горьком для Красной армии конце Варшавской операции. В результате

поражения под Варшавой погибли 25 тысяч красноармейцев, 60 тысяч попали в плен, несколько тысяч человек пропали без вести. Западный фронт потерял также большое количество артиллерии и техники. Польские потери оцениваются в 15 тысяч убитых и пропавших без вести и 22 тысячи раненых.

Конармию после Варшавской операции сначала вывели в резерв, а затем направили на Южный фронт для борьбы против генерала Врангеля. Осенью 1920 года во взаимодействии с другими войсками Южного фронта она осуществила успешное наступление с Каховского плацдарма в направлении Асканиянова — Громовка. Зимой 1920/21 года вела бои с частями махновцев на Левобережной Украине, а затем уничтожила белогвардейскую повстанческую армию генерала Пржевальского на Северном Кавказе. В мае 1921 года 1-я Конная армия была расформирована.

О своем пребывании на советско-польском фронте Мерецков позже отзовется: «…Ни 1918-й, ни 1919 год вместе взятые не дали мне столько боевого опыта, сколько получил я в 1920 году». Особо он отметит месяцы, проведенные в Конармии. Для него, по его словам, они сыграли очень большую роль в формировании его как красного командира. «Вплоть до середины 20-х годов, — скажет он, — мои взгляды на военное искусство и практическое их воплощение в жизнь определялись опытом, вынесенным именно из боевых операций 4-й и 6-й дивизий 1-й Конной армии».

В БОЛЬШУЮ ВОЕННУЮ ЖИЗНЬ

Женитьба

В январе 1921 года у Кирилла разболелась рана, полученная в боях на Южном фронте. На время болезни он попросил руководство академии отпустить его в краткосрочный отпуск с выездом в Судогду. Просьбу мотивировал необходимостью устройства личных дел.

Кирилл мечтал о встрече с Дусей Беловой. Около трех лет прошло с тех пор, как они в последний раз виделись. Когда летом 1918-го он уходил из Судогды с красногвардейским отрядом на борьбу с врагами революции, они с Дусей сговорились навсегда связать свою судьбу после войны. Война, правда, не кончилась, но Кирилл в этом году завершает учебу в академии и уйдет на фронт. Когда он вернется, и вернется ли?..

Кирилл послал телеграмму Дусе, чтобы она ждала его в городе. Он приехал в Судогду 29 января. Встреча была радостной.

Утром 31-го они пришли в исполком Судогодского совета, где, как и во времена работы Кирилла комиссаром, всё оставалось прежним: родные стены, знакомая обстановка, добрые лица друзей. Объятия. Улыбки. Шумные воспоминания.

Регистрация молодой пары прошла под аплодисменты. После получения брачного свидетельства молодоженов пригласили в Судогодский уком РКП (б).

— Свадьбу отпразднуем у нас, — не принимая никаких отговорок, сказал секретарь укома Малков, давний товарищ Кирилла.

Организовать свадебное празднество в то трудное время было непростым делом. Стол накрывали, как говорится, всем миром. Одному поручили принести хлеб, другому — рыбу, третьему — еще какое-то блюдо. Спиртное доставали всеми правдами и неправдами…

1 февраля молодожены в санях отправились в Ликино к Дусиным родителям. Отец и мать встретили их приветливо, а «оппозиция» выявилась с несколько неожиданной стороны. Младшие сестры Дуси посматривали на командира-«академика» с иронией. Все дело в том, что у новобрачного вид был далеко не респектабельный. На здоровой ноге его был надет аккуратный сапог, начищенный до блеска, а на больной — затрапезный, растоптанный донельзя. Гимнастерка старенькая, местами залатанная. Девушки смотрели на Кирилла пренебрежительно, поддразнивая сестру частушкой: «Наша Дуня — точно роза, а пошла за водовоза». Однако это не повлияло на общее радостное настроение в связи с приездом молодых. Все были счастливы.

Особенно Кирилл и Дуся.

В Назарьево Мерецковы не поехали. Там из близких Кирилла почти никого уже не осталось: упокоилась бабушка Лукерья, рано ушел из жизни отец, Афанасий Павлович, а мать, Анна Ивановна, жила у младшего сына. Остальных родственников судьба раскидала по разным селам и городам. Так что показывать молодую было некому.

В Москву Кирилл вернулся с Дусей. Два дня неприютно провели в академическом общежитии, потом сняли недорогую квартиру. В ней прожили до окончания Кириллом учебы.

В октябре 1921 года Мерецков, которому минуло 24 года, выпустился из академии. Он чувствовал себя обретшим крылья. Высокие армейские горизонты, казавшиеся ему раньше почти недосягаемыми, теперь стали значительно ближе. Ничто не мешало достичь их. В путь, Кирилл! В большую военную жизнь!..

Что дала ему академия? Кирилл так отвечал на этот вопрос. «Очень многое. Жизнь моя сложилась так, что я не сумел получить систематического среднего образования. Однако все годы, насколько помню, я тянулся к знаниям, хотел расширить свой кругозор. Возможность приобрести военное академическое образование прямо соответствовала моему желанию стать кадровым военнослужащим, посвятить всю жизнь Красной армии. И я с жадностью ухватился за сбывающуюся возможность».

Мерецков считал, что практика сражений на полях войны и полученная академическая теория переплелись, слились для него воедино. Он говорил: «Я не стал бы… мало-мальски толковым военачальником, не пройдя через горнило боев в течение трех кампаний 1918—1920 годов. Но полагаю также, что из меня не вышло бы ничего путного и в случае, если бы я не получил достаточно серьезной военно-теоретической подготовки. Особенно понадобилась она позднее, в период боев в Испании, в финскую кампанию и Великую Отечественную войну. Здесь опять теория и практика оказались неразрывно связанными».

За два года — семь ступеней

По окончании академии Мерецков был аттестован на должность командира бригады. Согласно распределению Реввоенсовета Республики он должен был ехать служить в Петроград, в Отдельную учебную бригаду. Но начальник академии Тухачевский не поддержал это назначение. Он считал более целесообразным использовать молодого комбрига как бывшего кавалериста в кавалерийской части.

Решение вопроса, куда для прохождения службы направить Мерецкова, затянулось, и Кирилл до января 1922 года находился в распоряжении штаба РККА. Наконец было решено отправить его в Западный военный округ.

Западный округ в то время находился за границей — на белорусской территории. Белоруссия еще не вошла вместе с РСФСР в одно союзное государство. Как известно, СССР был создан в декабре 1922 года. Однако государственному союзу между советскими республиками предшествовал военный союз. Он был заключен в Гражданскую войну для совместной защиты Советской России, Украины, Белоруссии и Закавказья от империалистической агрессии и явился в дальнейшем одной из предпосылок их объединения в СССР. Поскольку западное направление было наиболее опасным для РСФСР, то здесь создавался особый военный округ. Назначение в Западный округ Мерецков оценил как специальное боевое задание и в душе гордился оказанным ему доверием.

По прибытии в округ он сразу получил задачу: заняться формированием штаба кавалерийского корпуса. Для свежеиспеченного выпускника академии было не просто решить ее: во-первых, создание на пустом месте сложной управленческой структуры крупного войскового соединения само по себе дело трудное, во-вторых, было обусловлено, что штаб должен состоять из опытных и знающих работников.

Кирилл энергично взялся за дело. В течение двух с лишним месяцев спешно комплектовались кадры, отбиралась материальная часть. Но потом выяснилось, что торопиться с формированием штаба кавкорпуса незачем, так как в Белоруссию прибывает уже готовый корпус, которым командовал известный герой Гражданской войны Н.Д. Каширин.

Кипучая деятельность Мерецкова прервалась, ему предложили должность начальника штаба 1-й Томской Сибирской дивизии 3-го кавкорпуса Каширина.

Комкор Каширин очень понравился Кириллу. За время

службы под началом Николая Дмитриевича он хорошо изучит его, как и его брата Ивана, с которым будет часто встречаться. Позже Мерецков отзовется о комкоре так: «Поскольку с Н.Д. Кашириным я прослужил вместе довольно значительное время, хочу сказать о нем несколько слов. От своего брата Ивана, тоже героя Гражданской войны, Николай Каширин отличался отсутствием наклонности к щегольству, строгостью поведения и чуть более сухим характером. Это был человек беспредельной преданности делу Советской власти, подтянутый, организованный, вдумчивый руководитель войск… Он пользовался… большим авторитетом и… уважением».

Состояние Томской дивизии поразило Мерецкова. Она была совершенно небоеспособна. С потертыми чуть ли не до костей спинами, сильно хромавшие лошади годились только на убой. Чтобы они не падали от изнурения, их в стойлах приходилось подвешивать на ремнях.

Кирилл недоумевал: как комкор мог терпеть такое в одном из своих соединений?.. Свое огорчение Мерецков мягко высказал Каширину, на что тот так же «мягко» ответил:

— Вам не приходилось по несколько суток не расседлывать лошадь и гонять на ней до полусмерти по степи? Бойцы Томской в течение нескольких месяцев не слезали с седел, носились по Таврии, сражаясь с махновцами…

Поднимали дивизию в прямом смысле на ноги усилиями всего корпуса. Начали с 1-го полка. Многих больных, искалеченных лошадей отбраковали, многих определили в ветлечебницы. Постепенно все эскадроны получили пригодных к строевой службе лошадей. И тут поступил приказ: приведенный в порядок полк передать в другую кавдивизию. Штаб взялся за следующий полк. И когда он был восстановлен по образцу первого полка, его тоже передали соседнему соединению. Так и продолжалось, пока не была приведена в боеспособность последняя часть. В конце концов от 1-й Томской Сибирской сохранился лишь штаб, но вскоре и он был ликвидирован — дивизию сократили.

Кирилл был откомандирован в Москву, в Главное управление кадров РККА. В то время ЦК РКП(б) потребовал от Наркомвоенмора выделить в распоряжение Главного управления рабоче-крестьянской милиции (РКМ) нескольких армейских командиров для инспекционной работы. Мерецков буквально подвернулся под руку, и его зачислили в группу инспекторов для проверки состояния РКМ. Для него это было совершенно новое дело, к которому не лежала душа. Но для военного человека приказ есть приказ: Кирилл полгода осваивал инспекторские

секреты. Наркомвнудел, как говорится, по полной загрузил его работой, выделив для проверки сразу шесть местных управлений милиции северных районов — Мурманское, Кандалакшское, Петрозаводское, Тихвинское, Вологодское и Архангельское.

Мерецков не пожалеет о том, что потратил столько времени на работу в Наркомате внутренних дел. Как оказалось, эта работа была для него интересной и весьма полезной. Поездка по северным губерниям расширила его кругозор и обогатила наблюдениями, пригодившимися впоследствии. Она станет прелюдией к будущей многолетней службе его в этом регионе в качестве командующего Ленинградским военным округом, потом, в годы Великой Отечественной войны, командующего фронтами и после нее — командующего войсками Северного (Беломорского) военного округа.

На обратном пути в Москву Мерецков случайно встретил начальника штаба 15-го стрелкового корпуса М.М. Ольшанского, с которым когда-то служил вместе. Разговорились о прежнем времени, обменялись мнениями о текущих событиях. Он, как выяснилось, нуждался в помощнике. Как человека, уже побывавшего на штабной работе, Ольшанский пригласил Кирилла на этот пост. 15-й корпус находился в Северо-Кавказском военном округе, к которому Мерецков уже давно присматривался: его интересовали проблемы постановки военного дела в разных экономических и географических условиях.

Кирилл отправился в штаб РККА с запиской от Ольшанского к знакомому ему работнику. Назначение на Северный Кавказ состоялось в сентябре 1923 года. Направление ему давал Б.М. Шапошников.

Мерецков пишет в воспоминаниях: «Со времен Гражданской войны все командиры, проходившие через этот штаб, попадали в ведение этого аккуратного, выдержанного, трудолюбивого и организованного человека, который свои выдающиеся способности старого кадрового офицера отдал Красной армии, ставшей для него родной и близкой. С тех пор десятки раз я получал различные назначения. И почти всегда меня напутствовал в дорогу Борис Михайлович. Крупное лицо его было неизменно спокойным, распоряжения — краткими и точными, слово "голубчик" — обязательным».

Кирилл ехал на Дон, в места, где всего четырьмя годами раньше сражалась памятная ему 9-я армия Южного фронта, которым командовал В.М. Гиттис. Теперь там размещался Северо-Кавказский военный округ, возглавляемый К.Е. Ворошиловым.

Помощником начштаба 15-го стрелкового корпуса Кирилл Мерецков пробыл совсем недолго. В скором времени его перевели

на должность начальника штаба 9-й Донской стрелковой дивизии того же корпуса. Этот перевод совпал с началом военной реформы в вооруженных силах СССР.

* * *

Союз Советских Социалистических Республик как новое государство на большей части территории бывшей Российской империи начал существовать с 30 декабря 1922 года. 27 декабря Договор об образовании СССР подписали РСФСР, Украина, Белоруссия и Закавказская Советская Федеративная социалистическая республика (ЗСФСР). Наряду с Декларацией об образовании СССР, договор был утвержден Первым съездом Советов СССР 30 декабря 1922 года. В дальнейшем в состав СССР войдут: в 1925 году — Узбекистан (Узбекская ССР), Туркмения (Туркменская ССР), в 1929-м — Таджикистан (Таджикская ССР). В 1936 году ЗСФСР будет расформирована и союзные республики — Азербайджан (Азербайджанская ССР), Армения (Армянская ССР), Грузия (Грузинская ССР) войдут в СССР. В том же году союзными республиками в составе СССР станут Казахстан (Казахская ССР) и Киргизия (Киргизская ССР); в 1940-м — Молдавия (Молдавская ССР), Латвия (Латвийская ССР), Литва (Литовская ССР) и Эстония (Эстонская ССР).

* * *

Кирилл был доволен переходом в Донскую дивизию. Он говорил: «Раньше я работал начальником штаба дивизии только временно, да и то в дивизии кавалерийской. Девятимесячное пребывание на этой должности в пехоте было поэтому чрезвычайно полезным, тем более что Донскую дивизию ее командование и штаб стремились превратить в действительно регулярную. Прежде с регулярными пехотными соединениями я фактически не имел дела. Под Казанью в 1918 году такие соединения только еще формировались, представляя собой конгломерат различных отрядов. В 1919 году на Южном фронте 14-я дивизия, где я служил, тоже не могла считаться образцовой. Она была очень громоздкой, плохо поддавалась управлению и не имела современной техники. Фактически я там видел недостаточно организованное скопление людей с винтовками и орудиями, в разной степени обученных и дисциплинированных, хотя и отличавшихся высоким боевым духом. И когда перед нами

встала задача превратить Донскую дивизию в так называемое опорное соединение Северо-Кавказского военного округа, я использовал то, что видел и чему научился, прежде всего в Конармии, дивизии которой были лучше обучены, сколочены и вооружены.

Находясь в Томской дивизии, я наглядно уяснил себе, каким соединение не должно быть. Служа в Донской дивизии, понял и впервые в жизни попытался показать практически, каким соединение должно быть. Но я еще не обладал опытом штабной работы в масштабе военного округа и не участвовал в достаточно крупных организационных мероприятиях».

Реорганизация вооруженных сил

Идея реформирования армии начала витать в стране в конце Гражданской войны. Мерецков, еще учась в Академии Генерального штаба, познакомился с трудами профессора А.А. Свечина, посвященными военной доктрине и образу вооруженных сил в социалистическом обществе, опубликованными в печати в 1920 году. Затем в 1921 году вышла в свет статья М.В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная армия». Кирилл с интересом ее проштудировал. В статье анализировался опыт прошедших Первой мировой и Гражданской войн, характеризующий их как войны, участниками которых «являются почти поголовно целые народы; сражаются не тысячи и десятки тысяч людей, а целые миллионы; самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы. Театром военных действий являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей». Советскую Россию Фрунзе называет «осажденной крепостью», условием выживания которой является продолжение борьбы с враждебным окружением, а также наращивание военной мощи Красной армии.

Наибольшее внимание Кирилла привлекла та часть статьи, где говорилось о путях будущего военного строительства. По Фрунзе, «в организационном отношении основой наших вооруженных сил *для* ближайшего периода может быть только постоянная Красная армия… Переход к милиционной системе, на основе всевобуча, допустим лишь в той мере, в какой он позволяет достигнуть определенных сбережений в расходовании государственных средств, не подрывая способности Красной армии к разрешению активных целей».

В последующем Мерецков не пропустил ни одной работы Фрунзе по теме характера будущей войны, способов ее ведения, путей строительства вооруженных сил, обучения и воспитания личного состава. Статьи «Реорганизация Красной армии», «Основные военные задачи момента» стали *для* него основополагающими в период начавшейся реорганизации РККА.

В военных кругах развернулась дискуссия о том, какой должна быть армия в социалистическом обществе. Несколько командиров из числа первых военных руководителей Октября 1917-го во главе с Н.И. Подвойским, страстным пропагандистом всевобуча, предлагали в основу строительства Вооруженных сил СССР положить принцип всенародной милиции. При такой

системе военное обучение проходят все мужчины призывного возраста, способные носить оружие, но в мирное время долго никто не служит, а в случае войны призываются сразу массы. Эта система называлась милиционной. Что касается практических соображений, то они упирались в окончание Гражданской войны, а следовательно, в трудности послевоенного времени.

Другая группа лиц, возглавляемая видными руководителями Красной армии в период Гражданской войны (к ней принадлежал Фрунзе), придерживалась иных взглядов. Не огромное милиционное ополчение слабо обученных военному делу трудящихся, а сравнительно небольшая, но зато превосходно обученная кадровая армия — вот кто, по их мнению, способен обеспечить интересы и безопасность Страны Советов в переходный к социализму период. Другими словами, понятие «непостоянно вооруженные массы» они заменяли понятием «постоянная регулярная армия».

Строительство вооруженных сил зависело от многих факторов. В связи с этим бурно обсуждались такие вопросы: 1). Как скоро мы выиграем конкуренцию с нэпманами и поставим все хозяйство на социалистические рельсы? 2). Победит ли социализм сначала в городе или в деревне и городе одновременно? 3). Люди какого образования, классового происхождения и социального положения будут призываться в армию? 4). Когда и как сумеет промышленность СССР обеспечить РККА военной техникой? 5). Наконец, в случае новой войны придется ли СССР ориентироваться в основном на свои силы (с учетом возможной, но не обязательной мощной поддержки со стороны зарубежных рабочих) или в ближайшее время все же произойдет мировая пролетарская революция?

Фрунзе считал, что оборона Советского Союза должна строиться «во-первых, на ясном и точном представлении о характере будущей войны, во-вторых, на правильном и точном учете тех сил и средств, которыми будут обладать наши будущие противники, в-третьих, на таком же учете наших собственных ресурсов».

Фрунзе, разрабатывая военную доктрину социалистического государства, утверждал, что военная доктрина любого государства вытекает из социально-экономического или классового характера государства, его внутренней и внешней политики, а также состояния его производительных сил: все военное дело данного государства, вплоть до учения, на основе которого строятся его вооруженные силы, является отражением всего уклада его жизни и в конечном счете отражением его экономического быта как первоисточника всех его ресурсов.

Он выдвинул тезис, что военная доктрина имеет политическую и военно-производительную части. Политическая часть является выражением военной политики государства. Военно-производительная касается организационных основ строительства армии, характера боевой подготовки войск и методов решения боевых задач.

Программа Фрунзе по реформированию Вооруженных сил СССР базировалась на теоретических положениях, ставших основой разработанной им военной доктрины.

Большое значение Фрунзе придавал военно-политическому воспитанию в армии. По его мнению, военное воспитание должно было быть организовано таким образом, чтобы превратить «каждого красноармейца в советского гражданина», должно быть также направлено на достижение бойцами РККА максимальной квалификации, закрепление духовной взаимосвязи командного состава армии с ее низами. Он считал, что только сочетание вышеназванных мероприятий может помочь создать боеспособную армию, а в более широком смысле от этого во многом зависело выживание Советского государства.

Он считал очень важным ликвидацию отставания Красной армии в вооружении и техническом оснащении от стран Запада. Следует более широко использовать авиацию, артиллерию, бронетанковые войска. Для этого необходимо развивать индустриализацию в стране, совершенствовать военные отрасли. За счет поставки Красной армии современной техники и оружия можно добиться значительного повышения ее боеспособности. Но сама по себе техника мертва, нужно, чтобы воин умел мастерски обращаться с ней.

1923 год можно с полным основанием назвать годом начавшейся военной реформы, хотя официально начало ее датируется февралем 1924 года — со времени принятия решения Пленума ЦК РКП(б).

В июне приступила к работе специальная военная комиссия во главе с В.В. Куйбышевым по обследованию армии. В частности, она занималась изучением положения дел в войсках Западного, Украинского, Московского, Северо-Кавказского военных округов, а также на Балтфлоте.

* * *

Это был сложный период в жизни СССР. 21 января 1924 года страну потрясло сообщение: скончался Ленин — руководитель государства и партии.

26 января открылся II Всесоюзный съезд Советов. На первом своем заседании съезд принял постановление о сооружении Мавзолея Ленина и переименовании города Петрограда в Ленинград.

27 января Ленина похоронили во временном деревянном Мавзолее на Красной площади напротив Кремля.

Историки связывают начало военной реформы с политической борьбой, развернувшейся в партийном руководстве во время болезни Ленина и особенно обострившейся после его смерти. После избрания Сталина генеральным секретарем ЦК[35], а также на фоне постановления от 18 июля 1921 года, согласно которому все важные документы, постановления, касающиеся военного ведомства, представлялись в Секретариат ЦК и доводились до всех членов ЦК РКП (б), Троцкий постепенно начинает воспринимать эту политику как вмешательство в дела подчиненного ему ведомства. Отмечается и складывание к этому времени «тройки» Зиновьев — Каменев — Сталин, развернувшей дискредитацию Троцкого как военного деятеля.

* * *

В конце лета 1923 года работа военной комиссии приостановилась. В сентябре вместо Куйбышева председателем ее стал С.И. Гусев[36], и она с новой энергией возобновила свою деятельность.

В среде политической элиты внутрипартийная борьба приобрела наиболее острый характер. В этот период была подписана так называемая «платформа 46»[37]. Далее последовала «литературная дискуссия», проходившая уже во время проведения военной реформы. Суть «дискуссии» сводилась к противостоянию между «триумвиратом» в лице Зиновьева, Каменева, Сталина и их сторонников, с одной стороны, и сторонников Троцкого — с другой.

Всё это не могло не отразиться на подготовке и проведении реформы армии. Внутрипартийная борьба сказалась и на выводах комиссии Гусева, где открыто присутствовала критика военной политики Троцкого. Это вполне объяснимо, так как Гусев, наряду с Фрунзе, был одним из оппонентов Троцкого по военно-теоретическим вопросам начиная с 1921 года. Кроме того, сам Троцкий признавал, что не уделяет должного внимания военному ведомству: «Личные мои интересы еще с 1921 года передвинулись в другую область. Война была закончена…

Военная работа вступила в бюрократическое русло. Первое

место в стране заняли вопросы хозяйства, которые с момента окончания войны в гораздо большей мере поглощали мое время и внимание, чем военные вопросы». Кроме того, и по военному вопросу у Троцкого существовали давние трения с ЦК партии. Он вступил в резкую полемику по применению марксизма в военном деле, протестовал против подбора и назначения новых членов в Реввоенсовет Республики.

И тем не менее выводы комиссии о серьезных недостатках в вооруженных силах ни в коем случае нельзя считать предвзятыми. Во-первых, они основывались на объективном обследовании ряда воинских соединений, частей и подразделений. Во-вторых, о неудовлетворительном состоянии армии сообщает не только отчет о работе комиссий. В-третьих, кадровые перестановки в военном ведомстве напрашивались сами собой как раз ввиду состояния армии, особенно в высших эшелонах военного ведомства. И вообще было бы наивно полагать, что столь важный и масштабный вопрос военного строительства, решавшийся на фоне в целом враждебного окружения страны, мог использоваться для внутрипартийных интриг…

Мерецков пишет в воспоминаниях: «Я принимал участие в реформе, как все командиры и комиссары РККА. Когда я находился на непосредственно командных должностях, это выражалось в обучении и воспитании нового пополнения. Когда я вел штабную работу, это выражалось в методах комплектования, размещения, материального обеспечения и организации военно-учебного процесса конкретных частей и соединений. Впервые я занялся этой работой на Северном Кавказе в конце 1923 года…»

Кирилл всецело поддерживал взгляды Фрунзе. Хотя он был еще довольно молодым краскомом и занимал невысокие должности, однако имел свое критическое мнение о существовавшей в то время военной пирамиде в стране.

В конце 1923 года после негативных выводов первой военной комиссии Политбюро ЦК РКП (б) назначает новую военную комиссию для подготовки дополнительных материалов о положении дел в Красной армии и выработке мер по подъему ее боеспособности. Эту вторую комиссию вновь было поручено возглавить Гусеву. Кроме Гусева в ее состав вошли А.А. Андреев, А.С. Бубнов, К.Е. Ворошилов, Г.К. Орджоникидзе, И.С. Уншлихт, М.В. Фрунзе, Н.М. Шверник. За месяц, прошедший после работы первой комиссии, разумеется, никаких коренных изменений не произошло.

Комиссия доложила свои выводы 3 февраля 1924 года на Пленуме ЦК РКП(б). И опять Гусев констатирует в своем докладе

пленуму прежние недостатки. В первую очередь отмечает сильную текучесть кадров в РККА. Яркий пример тому 22-я дивизия 15-го корпуса, где за полгода текучесть кадров составила 160 процентов личного состава. «За восемь месяцев переменился если не весь личный состав, то подавляющее большинство его, причем некоторые менялись дважды». Гусев обращает внимание на засилье в армии «старых спецов и генералов, имеющих весьма преклонный возраст». Констатирует и факт о непрестижности военной службы, когда практически половина краскомов, слушателей курсов Академии Генштаба, в последующем не идут в армию. Подытоживается доклад общим выводом о том, что «Красной армии как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы у нас в настоящее время нет». Кроме того, в выводах комиссии особым пунктом подчеркивалось, что Л.Д. Троцкий устранился от работы в Реввоенсовете, где все практически сосредоточено в руках его заместителя Э.М. Склянского и начальника штаба П.П. Лебедева.

С марта 1924 года постановлением СНК СССР Фрунзе назначается заместителем председателя Реввоенсовета СССР. Выдвижение на столь высокий пост Фрунзе в военных кругах встречается с энтузиазмом. 1 апреля приказом РВС СССР № 78 объявляется новый состав Реввовенсовета. Председателем его остается Троцкий, заместителем назначается Фрунзе, который также получает пост заместителя наркомвоенмора.

Некоторые военные историки назвали кадровые перестановки в армии 1924 года «государственным переворотом», в результате которого от управления армией устраняются сторонники Льва Троцкого. Тогда же начинаются и масштабные преобразования в аппарате РККА. По сравнению с мартом 1923-го и январем 1924 года произошли существенные социокультурные изменения в составе военной элиты. В этнокультурном отношении значительно сократилось число «русских» среди «генералов»: с 68,5 процента в марте 1923 года до 58,5 процента — в январе и до 50 процентов — в апреле 1924 года. Наполовину уменьшилось количество немцев; значительно сократилось число выходцев из дворян: в марте 1923 года их было около 35 процентов, в январе и апреле 1924 года соответственно: около 27 процентов и около 21 процента. В целом наблюдается тенденция к снижению общего процента «генералов» из «образованных слоев» (офицерские дети, из семей служилой интеллигенции и дворян): март 1923 года — 54 процента, апрель 1924 года — 49,7 процента, хотя по-прежнему «генералы», происходившие из указанных слоев общества, составляли почти половину всей военной элиты.

Заметно изменился и военно-образовательный уровень: если в марте 1923 года кадровые офицеры составляли 80 процентов, то в январе 1924 года их было уже 73 процента, в апреле — 69 процентов. Особенно резко уменьшилась доля «генштабистов» старой русской армии: в марте 1923 года их было 78 процентов, в январе и апреле 1924 года соответственно: 58,5 процента и 48 процентов. Таким образом, по сравнению с мартом 1923 года количество «генштабистов» сократилось на 30 процентов. В то же время возросло число членов РКП(б): в марте 1923 года в составе военной элиты их было 22 процента, в январе и апреле 1924 года соответственно свыше 33 процентов и 40,5 процента, то есть их доля возросла почти на 20 процентов.

В социально-политическом отношении военная элита стала более «благонадежной», но уровень профессиональной подготовки и образования резко снизился. Вместе с тем кадровые перестановки в военном ведомстве вполне можно считать одним из первых мероприятий военной реформы. Снятие старых генералов, а также военспецов в целом соответствовало принятому курсу РКП(б) на увеличение числа коммунистов в армии, а также выводам комиссии Гусева и решениям пленума ЦК от 3 февраля 1924 года.

В начале 1924 года начальником Политуправления РККА и членом РВС СССР был назначен член Оргбюро ЦК РКП(б), соратник Фрунзе по революционной борьбе в Шуе А.С. Бубнов, одновременно он был и редактором газеты «Красная звезда».

Фрунзе, как глава комиссии Реввоенсовета СССР, представил в ЦК РКП(б) конкретный план реорганизации аппарата Наркомвоенмора. ЦК одобрил этот план, после чего он был изложен в приказе РВС СССР от 28 марта 1924 года за подписью Фрунзе.

Должность главкома, как изжившая себя в мирных условиях, упразднялась, а его аппарат расформировывался. Вместо Штаба РККА создавались три самостоятельных органа управления: Штаб РККА, Главное управление РККА и Инспекторат РККА. Штаб РККА становился основным оперативным органом управления, на который возлагалась также задача организации подготовки населения страны к обороне.

Оставаясь заместителем председателя Реввоенсовета и заместителем наркомвоенмора, Фрунзе 1 апреля 1924 года был назначен по совместительству начальником и комиссаром Штаба РККА. Его помощниками стали Тухачевский и Шапошников. Штаб РККА, по словам Фрунзе, должен был стать «не только мозгом Красной армии, он должен стать военным центром всего нашего государства и должен поставлять тот материал, который ляжет в

основу работы Совета Обороны».

В его составе было четыре управления (оперативное, организационно-мобилизационное, военных сообщений, разведывательное) и Научно-уставной отдел, в задачи которого входило изучение опыта войны и руководство по составлению и изданию боевых уставов. Руководство по составлению и изданию прочих уставов, инструкций и наставлений было передано в соответствующие центральные органы по принадлежности. На Главное управление Красной армии (ГУ РККА) возлагались задачи руководства текущей жизнью войск и обеспечения их повседневных нужд.

Инспекторат РККА, возглавляемый бывшим главкомом Каменевым, ведал боевой подготовкой и инспектированием вооруженных сил. Материальное обеспечение вооруженных сил сосредоточивалось в специальных управлениях во главе с начальником снабжения Уншлихтом. В апреле Фрунзе по совместительству был назначен начальником и комиссаром Военной академии РККА.

Новые назначения показывают, что в высшие военные круги были введены многие соратники Фрунзе. Поскольку он был преобразователем вооруженных сил, ему, естественно, жизненно необходимо было опираться на команду единомышленников.

В окружном аппарате

Когда началась военная реформа, Мерецков не раз высказывал желание поработать в аппарате военного округа. Объяснял это тем, что «не обладал опытом штабной работы в масштабе военного округа и не участвовал в достаточно крупных организационных мероприятиях». Возможность приобрести такой опыт ему была предоставлена летом 1924 года: его перевели из СКВО на должность начальника мобилизационного отдела Московского военного округа.

Он будет работать в аппарате округа, и какого округа — столичного! Кирилла радовало и то, что ему предстояло вновь служить под началом Климента Ефремовича Ворошилова[38]. Это уже в третий раз. В первый — в Конной армии Буденного, во второй — в СКВО и теперь в третий — в МВО.

И еще одно важное радостное событие произошло в том году в семье Мерецковых — родился сын Владимир; он появился на свет 6 марта 1924 года.

Во главе округа стояла плеяда известных по Гражданской войне и по последующим годам военачальников. Командующий, как уже сказано выше, — Ворошилов, помощник его — Георгий Дмитриевич Базилевич. Начальником политического управления округа был деятельный комиссар Антон Степанович Булин. Во главе штаба — опытный командир, но весьма оригинальный по своему характеру Алексей Макарович Перемытое.

В своих воспоминаниях Мерецков пишет: «В Москву я прибыл в июле и представился начальнику штаба округа А.М. Перемытову. Откровенно говоря, я несколько опасался новой работы. Ведь мобилизационный отдел ведал такими вопросами, как перевод вооруженных сил мирного времени на военное положение, укомплектование кадров личным и конским составом, формирование новых частей и военных учреждений, обеспечение войск вооружением, снаряжением, обмундированием и обозом. Все это — важные проблемы, однако значительная часть работы осуществлялась в общем виде, на бумаге. А до этого я занимался непосредственным формированием и обучением войск. Я понимал, что, если хочу стать всесторонне развитым и подготовленным командиром, должен пройти и через подобную работу. Но как она пойдет? Меня радовало, правда, что командовал округом К.Е. Ворошилов. Это внушало надежду, что живым делом мы обязательно будем заниматься».

По мере вхождения в курс дела опасения Кирилла подтвердились. Он не мог понять, хорош мобилизационный план

или плох. Чтобы выяснить, чего стоит каждый документ, какие люди стоят за ним, чему и как они будут учиться, что станут делать после призыва, нужно побывать в воинских частях, посмотреть на округ в его реальном воплощении и на военкоматы, наконец, просто посидеть и подумать над идеями, лежащими в основе новой работы. Но для этого необходимо оторваться от письменного стола. Но Мерецков не мог этого сделать, его захлестнул поток бумаг. Его предшественник так построил работу, что сотрудник отдела поневоле становился бюрократом. Кирилл успевал лишь подписывать всякие реестры, отношения, инструкции, приложения и направлять их дальше. Кирилл решил посоветоваться с соседом, начальником организационного отдела Н.К. Горбатовым.

Мерецков передает состоявшийся с ним разговор.

— Николай Константинович, вы служили еще в старой армии, в Первую мировую войну являлись начальником мобилизационного отдела нашего же округа. Непосредственных подчиненных было у вас два помощника и два писаря. Во всяком случае, так мне рассказывали. А когда началась война, МВО отмобилизовался хорошо. Единственное недоразумение, которое случилось тогда, — сломался ключ от шкафа с мобилизационными документами. Для ликвидации поломки слесарю понадобилось десять минут, а потом все шло без перебоев. Так это или нет?

Горбатов смеется:

— Так.

— А теперь что происходит? В том же отделе аппарат вместо четырех — девяносто человек…

— Да у меня в отделе еще сорок человек, — добавляет Горбатов.

— Вот видите? Сто тридцать человек. А нам нужно создать мобилизационный план. Мыслимо ли это? Мы утонем в бумажном море. Оставить бы человек двадцать, остальных перевести на другие должности, переписку между комнатами внутри отделов совсем ликвидировать, внешнюю переписку свести до минимума, а потом разрабатывать конкретный план.

— Неплохо бы, — говорит Горбатов, — да только меня могут не послушать, скажут, что я старую линию гну. Но если вы внесете подобное предложение, я вас решительно поддержу.

Пошел Кирилл с докладом к Перемытову, изложил идею. Начальник штаба подумал и отвечает:

— Верное предложение! Пойдемте к командующему.

Пришли к Ворошилову. Мерецков доложил обо всем с начала до конца. Тот посмотрел на него, усмехнулся и спрашивает

Перемытова:

— А этот парень не ликвидирует у нас вообще всю работу?

— Нет, — отвечает Алексей Макарович, — он правильно предлагает.

— Хорошо, посоветуюсь с Михаилом Васильевичем.

Сел в автомобиль и уехал к Фрунзе. Часа через полтора вернулся, вызвал Перемытова и Мерецкова и сообщил, что заместитель наркомвоенмора одобрил предложение, посоветовал слить мобилизационный и организационный отделы воедино, назначить Мерецкова начальником объединенного отдела, Горбатова — заместителем. Штаты сократить со 120 до 60 человек.

— Если дело пойдет, — сказал Ворошилов, — а излишки вновь обнаружатся, можно сокращать дальше, пока не дойдем до требуемого минимума. Действуйте, товарищи…

Так начал молодой начальник моботдела радикальную перестройку в своем ведомстве.

Перемены в работе дали хорошие результаты. Перемытов был доволен. Вскоре он поставил вопрос о назначении Кирилла своим помощником. Назначение состоялось, но без освобождения от должности начальника мобилизационного отдела. Он стал по совместительству помощником начальника штаба и заодно по политической линии комиссаром штаба.

Мерецков пишет: «Казалось бы, под бременем трех должностей я должен был задохнуться. А фактически только теперь появилось у меня свободное время. Работа с мобилизационным планом пошла совсем по-другому. Центр ее тяжести был перенесен в войска, причем главное внимание уделялось их материальному обеспечению на случай развертывания».

Перемытова Кирилл все время держал в курсе дел. Когда реорганизация закончилась, они вместе пошли к командующему. Ворошилов долго рассматривал схемы, а потом поинтересовался, каково положение в приграничных войсках. Перемытое ответил, что примерно такое же. Тогда командующий забрал все материалы и поехал с ними к председателю Реввоенсовета, которым в начале 1925 года стал Фрунзе. Вернулся он только к концу дня: оказалось, что Фрунзе изучал схемы очень обстоятельно. Затем Климент Ефремович спросил, сколько времени ушло на данную работу. Мерецков ответил:

— Если считать с проверкой сведений на местах, то шесть месяцев.

— А сколько человек выполняло эту работу?

— Пять человек.

— Вы в числе этих пяти? — Да.

Тут же командующий приказал предоставить всем пятерым полуторамесячный отпуск и отправить на курорт, в Гурзуф. А Мерецкова еще вдобавок премировать двухмесячным окладом. Кирилл сказал, что в гурзуфский санаторий его не примут, так как у него маленький ребенок. Оставить же семью и ехать одному он, к сожалению, сейчас не может. Тогда командующий распорядился, чтобы сотрудник для особых поручений обратился от его имени к начальнику санатория о выделении Мерецкову отдельной семейной комнаты…

После отпуска Кириллу работалось с еще большим упоением. Он вплотную занялся изучением территориальной системы, проводил опытные мобилизации, охватывавшие довольно крупные зоны внутри округа. Он поставил себе цель постепенно затронуть весь округ и этим проверить действенность плана на случай войны. Дело было поставлено так, что местную мобилизацию осуществляли уездные военкоматы, а территориальными частями ведали губернские военкоматы, ставшие территориальными управлениями.

В округе проводились большие маневры регулярных частей с привлечением территориальных. Штаб организовывал многочисленные инспекторские поездки. Их возглавлял чаще всего сам Ворошилов, который очень интересовался не только службой и боевой готовностью войск, но и повседневным бытом, а особенно жизнью семей командного состава.

Осенью 1925 года страна пережила новую потерю — не стало Фрунзе. Он скончался после неудачной операции[39].

Смерть Михаила Васильевича Кирилл перенес тяжелее, чем кончину Ленина. Мерецков вспоминает, что вечером 31 октября 1925 года человек десять из руководящего комсостава МВО (в их числе был и он) отправились в Боткинскую больницу. Ворошилов с двумя товарищами пошли наверх выяснить состояние прооперированного Фрунзе, а остальные ждали на улице. Через несколько минут Ворошилов показался в дверях больницы, вид у него был подавленный. Он скорбно сообщил, что героя Урала, Туркестана и Перекопа больше нет.

Настали печальные дни. Колонный зал Дома союзов, где был установлен фоб с телом покойного, не вмещал массы людей, пришедших проститься с Фрунзе. Особенно много было военнослужащих. В траурном почетном карауле сменялись руководители партии и правительства, высокопоставленные военачальники. Стоял в карауле и Кирилл Мерецков…

Спустя некоторое время на пост председателя Реввоенсовета по рекомендации Сталина назначили Ворошилова. Он

отказывался, говорил, что нужно искать другую кандидатуру, что ему не заменить такого крупного государственного деятеля, каким был Фрунзе. Однако назначение все же состоялось.

Сотрудники штаба Московского военного округа восприняли это как должное, считая Ворошилова одним из самых подходящих лиц для руководства армией. С удовлетворением воспринял назначение Ворошилова и Мерецков.

С уходом Ворошилова командующим войсками МВО стал Г.Д. Базилевич. Мерецков до службы в МВО никогда лично с ним не встречался, но с первых же дней знакомства проникся к нему огромным уважением. Позже он напишет о Базилевиче как об одном из самых умелых и достойных военных деятелей, встретившихся на его служебном пути в те годы. В течение трех лет совместной работы Кирилл ни разу не испытал «неудобства» в отношениях с ним. Мерецков отмечает, что Георгий Дмитриевич обладал счастливым даром привлекать к себе людей, был обаятельным человеком, завоевывавшим авторитет у подчиненных чутким отношением, вежливостью и совершенно безупречными личными качествами. Не раз под его руководством Кириллу доводилось разрабатывать и проводить войсковые учения. Базилевич со свойственным ему знанием дела вникал во все вопросы очень глубоко, видя дальше и больше, чем многие, кто находился с ним рядом. Мерецков не помнит ни одного случая, чтобы он грубо оборвал подчиненного или не выслушал его мнения. Ему нередко случалось поправлять того или иного командира, однако делал он это очень тактично.

Когда Георгий Дмитриевич был назначен командующим, то продолжил стиль работы Ворошилова, внеся в него свои особенности.

Работая под руководством Базелевича, Мерецков многое почерпнул из его опыта. Потом он с благодарностью будет говорить, что совместная служба с Георгием Дмитриевичем, совпавшая по времени с разгаром и завершающим этапом военной реформы, явилась важным периодом в его жизни. Он напишет: «Столичный военный округ — это такое место, которое само по себе может научить многому каждого военнослужащего. Но опыт работы окажется вдвойне более ценным, когда ты приобретаешь его не только своим стремлением к дальнейшему профессиональному усовершенствованию и не только силою обстоятельств, оказавшись на этом месте, а еще и потому, что твой начальник умело руководит вверенными ему войсками и передает подчиненным все свои знания. И, оглядываясь сейчас назад, я с благодарностью вспоминаю уроки старшего товарища, красного командира Базилевича».

* * *

Военная реформа завершилась к началу 1927 года, хотя планировалось провести ее в течение двух лет. В результате Красная армия получила штатную численность — 560 тысяч человек. В составе вооруженных сил на кадровом положении находились 26 стрелковых дивизий, почти вся кавалерия, технические части и ВМФ. Территориальные войска состояли из 36 стрелковых дивизий, одной кавалерийской дивизий, полка бронепоездов и трех национальных полков, подразделений и частей войсковой артиллерии. Смешанная система просуществовала до середины 1930-х годов, когда в связи с возрастанием угрозы фашистской агрессии и укреплением экономической мощи СССР был совершен переход к единому кадровому устройству Красной армии.

Реформа создала твердую и устойчивую войсковую организацию, осуществила переход к нормальной системе комплектования (установлен один призыв военнообязанных осенью каждого года), ликвидировала текучесть красноармейского состава, улучшила хозяйственное и материальное положение частей и всех категорий военнослужащих, качественно обновила командные кадры и весь личный состав армии и флота. Была расширена сеть национальных формирований, заложена плановая система боевой подготовки, поднят авторитет и укреплено единоначалие руководящего состава, усилена действенность партийно-политической работы, установлена более тесная связь между армией и народным хозяйством.

Серьезную перестройку и сокращение претерпели все звенья органов военного управления. Вместо губернских военных комиссариатов учреждаются территориальные округа (губернские, корпусные, дивизионные). Первые предназначались для комплектования кадровых и территориальных формирований, последние два — для комплектования преимущественно территориальных частей. Территориальные округа объединяли функции строевого и местного управлений, а также военных отделов губернских исполкомов. К концу реформы была повышена огневая мощь соединений сухопутных войск, детально отработан мобилизационный план, повышено значение технических войск.

В период проведения реформы партийно-комсомольская прослойка в армии возросла до 26 процентов. В конце 1925 года в Красной армии насчитывалось 74 800 коммунистов и 73 838 комсомольцев — вдвое больше, чем в 1924 году. Число рабочих в

составе армейских партийных организаций достигло 40 процентов. Этому способствовали введение двухлетней программы политического воспитания и обучения красноармейцев, учреждение партийных комиссий, принятие XIV съездом партии нового раздела устава «О партийных организациях в Красной армии». Территориальные части стали новой формой связи государства с крестьянством, открыли пути для политико-воспитательной работы в деревне и укрепления в ней советского влияния.

Был принят Закон об обязательной военной службе мужского населения в возрасте от 19 до 40 лет. Закон устанавливал, что защита интересов СССР есть священная обязанность всех трудящихся, определял: всеобщая обязательная военная служба включает двухгодичную допризывную подготовку, действительную военную службу и пребывание в запасе до 40 лет. Действительная служба состояла: в кадровых войсках — из непрерывной службы от двух до четырех лет; в территориальных войсках — из ежегодных учебных сборов общей продолжительностью 8—12 месяцев в течение пяти лет; подготовка вневойсковым порядком — из периодических занятий на учебных пунктах в течение шести месяцев за тот же срок службы.

ШАПОШНИКОВ, УБОРЕВИЧ, КОРК

«Хороший человек»

Во время реорганизации в вооруженных силах происходила частая смена командно-штабных начальствующих лиц: в соединениях, армиях, округах и до самого верха военного ведомства. В Московском округе, например, за три года сменилось четыре командующих.

В 1927 году Базилевича перевели командующим войсками Приволжского военного округа, на его место пришел Б.М. Шапошников, который пробудет в МВО всего год, и в мае 1928 года его назначат начальником Штаба РККА.

Шапошников был из «стариков», военспец. Он на пятнадцать лет старше Мерецкова. Когда Кирилл еще ходил пешком под стол, Борис Михайлович уже состоял на военной службе. Окончив Московское Алексеевское военное училище, он в 1903—1907 годах служил в Туркестане командиром полуроты, начальником учебной команды 1-го Туркестанского стрелкового батальона. Потом учеба в Академии Генерального штаба. С 1912 года Шапошников — старший адъютант штаба кавалерийской дивизии в Варшавском военном округе. В Первую мировую войну приобрел репутацию боевого офицера, сочетавшего военную грамотность с личным мужеством и храбростью. Во время Октябрьской революции встал на ее сторону, в Гражданскую войну занимал должности помощника начальника оперативного управления штаба Высшего военного совета, начальника разведывательного отдела оперативного управления Полевого штаба РВСР, старшего помощника заведующего военным отделом в Высшей военной инспекции. Принимал активное участие в разработке плана контрнаступления Южного фронта 1919 года, операций, проводимых Юго-Западным и Западным фронтами, во время советско-польской войны 1920 года, а также по разгрому войск Врангеля в Северной Таврии и в Крыму

В годы Гражданской войны Шапошников не только сложился как крупный оперативно-штабной работник, но и проявил талант военного теоретика и публициста. Известны его работы о методах и формах подготовки войск, обзоры военных действий в кампаниях 1919—1920 годов. Его труды «Конница» и «На Висле» признаны фундаментальными научными исследованиями в области применения стратегической конницы в широкомасштабных операциях.

Молотов говорил о Шапошникове: «Хороший человек. Сталин хорошо к нему относился. Он из царских офицеров. Но только благодаря ленинскому пониманию момента истории мы заняли

такие позиции в настоящее время, которые никому, никаким Шапошниковым были не под силу. Но он к политике и не рвался. В своем деле был силен…»

С 1921 года Шапошников работал 1-м помощником начальника Штаба РККА. В мае 1925-го стал заместителем, а с октября — командующим войсками Ленинградского военного округа.

И вот теперь он пришел в МВО.

Кирилл Мерецков давно знал Бориса Михайловича, высоко ценил его и относился к нему с искренним уважением. К моменту прихода Шапошникова Кирилл был в должности заместителя начальника штаба МВО. На это время пришлась наиболее интенсивная работа в частях и соединениях. Несмотря на то что кадровые части, особенно в стрелковых войсках, были малочисленны, постоянно проводились командно-штабные игры, учения, инспекторские проверки.

Служивший в ту пору в Московском округе А.М. Василевский (будущий Маршал Советского Союза) вспоминает: «По окончании курсов я вернулся в свой 143-й полк… Командующим войсками стал Борис Михайлович Шапошников.

Командный состав в те годы напряженно работал… Были проведены опытная мобилизация, а затем тактические учения 48-й стрелковой дивизии в районе города Торжка. Вскрылись как сильные, так и слабые стороны боевой и мобилизационной готовности соединения, его возможности выполнять "Наставление по войсковой мобилизации", незадолго до того разработанное Штабом РККА. Непосредственно перед опытной мобилизацией нашу дивизию и 143-й стрелковый полк проинспектировал первый заместитель начальника штаба МВО К.А. Мерецков».

Далее Василевский пишет, что к полку на время мобилизации и учения была прикреплена специальная комиссия во главе с начальником штаба 2-го стрелкового корпуса М.Л. Ткачевым. Помимо окружного штабного руководства — Перемытова, Мерецкова — за ходом учения на протяжении всей мобилизации наблюдали особая комиссия, руководимая начальником Главного управления РККА В.Н. Левичевым, а также заместитель наркома по военным и морским делам И.С. Уншлихт.

Василевский отмечает, что соединение успешно справилось с задачей. Дав хорошую оценку дивизии в целом, инспекторская группа особо выделила 143-й стрелковый полк: его боевую, мобилизационную подготовку и дисциплину.

Оригинальная школа

С осени 1928 года в командование войсками Московского военного округа вступил И.П. Уборевич.

Появление в штабе округа стройного, одетого строго по форме командарма 2-го ранга заставило подтянуться всех работников. В нем они увидели олицетворение нового типа руководителя высокой военной культуры.

Он только что вернулся из Германии, где в течение года обучался на третьем курсе Высшей военной академии Генерального штаба, а также участвовал в полевых поездках и маневрах рейхсвера[40], и от него веяло немецким педантизмом.

Первое впечатление о новом командующем у Кирилла Мерецкова сложилось довольно прохладное. Уборевич показался ему излишне строгим, даже сердитым, как будто чем-то недовольным…

Двое суток Уборевич знакомился с должностными лицами управления округа, но Мерецкова, временно исполнявшего в то время обязанности начальника и комиссара штаба округа, не вызывал. В конце второго дня его адъютант вручил Кириллу пакет с заданием на командно-штабное занятие «Встречный бой стрелковой дивизии». Мерецков назначался командиром дивизии, а начсостав штаба округа, находившийся в его подчинении, — командирами полков или должностными лицами штаба дивизии. Время начала занятий — 14.00; место — кабинет командующего округом.

В назначенное время Кирилл в числе нескольких командиров вошел в кабинет и четко отрапортовал. Выслушав рапорты, Уборевич суховато поздоровался и без всякого вступления сказал:

— Я ознакомился с вашими личными делами. Теперь хочу посмотреть, как вы подготовлены к решению практических задач. Для этого сейчас проведем занятие. С заданием знакомы все?

— Да.

— Вопросы есть? — Нет.

— Тогда за дело. В вашем распоряжении 45 минут. Сейчас 14.05. Все документы сдать в 14.50.

Кирилл позже вспоминал, что пришлось изрядно попотеть, чтобы в срок справиться с поставленной задачей и качественно отработать документы. Делая разбор занятия, Уборевич детально проанализировал каждое решение и внимательно рассмотрел каждый документ. В заключение он выразил удовлетворение выполненной работой и дал сдержанную, но положительную оценку. Особенно его порадовала быстрота исполнения.

— Вы работали, — говорил он, — энергичнее и быстрее, чем офицеры немецкого генерального штаба, на занятиях у которых мне недавно пришлось присутствовать. Я надеюсь, что мы с вами сработаемся и что вы проделаете большую работу в повышении боевой подготовки войск. Для округа это, пожалуй, самое важное. Между прочим, — продолжал Уборевич, — мне Московский военный округ почти не знаком. Моя служба проходила в основном на окраинах страны. Территорию округа я знаю плохо. Этот мой пробел я прошу помочь мне восполнить в ближайшее время.

Затем Уборевич задал несколько вопросов. Он интересовался постановкой командирской учебы и жизнью войск, отдыхом командиров, трудностями, встречавшимися в работе, и многими другими проблемами.

Официальный диалог начальника с подчиненными перешел в непринужденную беседу. Уборевич преобразился, от недавней его суровости не осталось и следа. Он оказался интересным собеседником, умел не только хорошо говорить, но и внимательно слушать, в процессе беседы говорившего не перебивал, лишь в случае крайней необходимости, когда человек отклонялся в сторону от вопроса, вежливо вставлял одно-два слова, возвращая беседу в нужное русло.

Мерецков по своему служебному положению (исполняющий обязанности начальника и комиссара штаба округа) стал новому командующему одним из ближайших помощников. Чтобы хорошо понимать своего начальника, он тщательно изучил биографию, послужной список и труды Уборевича — статьи и выступления, опубликованные в газетах и журналах. Оказалось, что Иероним Уборевич всего на полгода старше Кирилла. Он с юности избрал путь военного. Окончив курсы при Константиновском артиллерийском училище, получил офицерское звание и попал на фронт Первой мировой войны.

В 1917 году подпоручик Уборевич связал свою жизнь с красными войсками. Командир роты, полка, бригады, дивизии… В 23 года командует армиями.

Печататься он стал в организованном им же военно-политическом журнале «Красная Армия на Востоке», командуя 5-й армией. В одной из своих статей он призывал командный и политический состав расширять свой кругозор систематическим изучением принципиальных основ тактики и стратегии, готовиться к ведению будущей войны с противником, который неизбежно окажется сильнее и организованнее войск Юденича, Деникина, Колчака и Пилсудского. Классовому воспитанию он отводил первостепенную роль: только преданность идеям может

двигать в современном бою войска к победе.

С особым интересом знакомился Мерецков со взглядами Уборевича на перевооружение стрелковых частей и подготовку начальствующего состава армии, изложенными в его выступлениях в журнале «Военный вестник». В статье, посвященной вопросу реорганизации пехоты (1924), он ратовал за оснащение ее легким автоматическим оружием: «Станковые пулеметы в несколько раз дороже легких или автоматов. При наступательных действиях преимущества нескольких легких пулеметов над станковыми очевидны, поэтому наша задача — главное внимание направить в сторону количественного развития легкого автоматического оружия».

Все, что удалось тогда прочесть из его выступлений в печати, убеждало Мерецкова, что Уборевич — один из способнейших организаторов боевой подготовки войск. Мерецков потом напишет: «Этот человек сыграл в моей жизни огромную роль. Я проработал вместе с ним около пяти лет (имеется в виду время работы Мерецкова под началом Уборевича в МВО и БВО. — *Н. В.),* и годы эти — целый новый период в моей службе. Не скажу, что только я один находился под его влиянием. Всё, сделанное Уборевичем: воспитанные, выращенные и обученные им командиры разных рангов; его методы работы; всё, что он дал нашей армии, — в совокупности не может быть охарактеризовано иначе, как оригинальная красная военная школа, плодотворная и поучительная. Когда мы познакомились, мне шел уже тридцать второй год. Я занимал довольно высокую военную должность и мог считаться сложившимся человеком. И все же ни один военачальник раньше (да, пожалуй, и позже) не дал мне так много, как Иероним Петрович».

Здесь надо сказать, что Уборевич в конце 20-х — начале 30-х годов был носителем всего нового, передового в военном деле в значительной степени благодаря тому, что крепко «подковался» в Высшей военной академии германского генерального штаба.

Изучая там основные вопросы подготовки вооруженных сил мирного времени, он пришел к выводу о необходимости перехода на более совершенные способы боевой подготовки Красной армии с использованием немецких технических достижений.

Уборевич тяготел к Германии. Это тяготение и добрые отношения с рейхсвером, немцами, их офицерским корпусом во многом предопределилось его литовским происхождением, воспитанием и духовной ориентацией. Имело значение еще и то, что он получил техническое образование и артиллерийскую специальность в старой русской армии, потому воспринимал рейхсвер прежде всего с позиций технически ориентированного

военного профессионала.

В отличие от большинства красных командиров, на короткий срок командированных в Академию Генерального штаба Германии, он там учился сравнительно долго. Этого времени было достаточно для многостороннего познания германских особенностей, завязывания знакомств, приятельских отношений, усвоения определенных военно-профессиональных навыков, тем более что он свободно владел немецким языком. Сослуживцы говорили, что Уборевичу в рейхсвере были открыты почти все двери, за исключением лишь абсолютно секретных объектов. Немцы к нему относились с особой симпатией, называли его очень талантливым и многообещающим полководцем, одним из самых лучших иностранных (не только русских) знатоков современной германской армии…

* * *

Деятельность Уборевича в Московском военном округе протекала в период, когда Красная армия заканчивала переход на новую организационную структуру. Кадровые части, особенно в стрелковых войсках, были малочисленны. В МВО существовали тогда лишь одна настоящая дивизия (Пролетарская стрелковая) и одна кавалерийская бригада, развернутая впоследствии в кавдивизию. Остальные соединения были территориальными. Они имели учетный аппарат, небольшой состав командиров и приписанных по месту жительства военнообязанных, которые проходили службу на кратковременных учебных сборах. При такой организационной структуре весьма трудно было вести боевую подготовку войск.

Мерецков пишет в воспоминаниях, что требовались не только предельная направленность и конкретность в проведении учебных мероприятий, но и учет экономической целесообразности отрыва военнообязанных от работы в народном хозяйстве. Не менее сложной задачей являлась подготовка командного состава. В условиях начавшегося технического перевооружения армии и пересмотра существовавших теоретических взглядов на способы и формы ведения боя и операции она приобретала исключительно важное значение. Надо было на занятиях и учениях изучить практически только что вышедшие тогда два боевых устава — пехоты и артиллерии, ознакомиться с новейшими достижениями техники, усвоить способы использования вновь поступавшего оружия, изучить опыт минувших войн.

За осуществление этих мероприятий активно взялся

Уборевич. Серьезным испытанием для штаба округа стала подготовка широкомасштабного учения войск Московского гарнизона.

За несколько дней до учения командующий дал Мерецкову указание на разработку задания.

— Задание должно быть кратким и исчерпывающим, — говорил он Кириллу. — В то же время оно не должно связывать инициативу участников учения заранее установленными рамками плана. Впрочем, вы найдете все нужное в этой работе. — Он подал Мерецкову еще пахнувшую типографской краской книгу. Это была его работа «Подготовка комсостава РККА (старшего и высшего). Полевые поездки, ускоренные военные игры и выходы в поле».

Действительно, Кирилл нашел в книге ответы на многие интересующие его вопросы. Она была посвящена центральной проблеме подготовки войск — методике совершенствования и воспитания начальствующего состава. В ней излагались конкретные рекомендации, как проводить различные военные занятия и игры.

Вот суть этих рекомендаций:

производить подбор участников так, чтобы пехотинец почаще бывал в роли артиллериста, штабной работник командовал бы частью, а строевой командир работал в штабе. Использовать политработников и работников штабов на командных должностях, потому что обстановка в бою потребует того;

залогом успеха в проведении командно-штабных игр, учений и других занятий с начсоставом и войсками является высококачественная подготовка самого руководителя занятия;

накануне игр, учений руководитель занятия должен сам продумать всю динамику событий, весь путь действий, все возможности, а потом провести по этому сложному пути обучаемых, обращая их внимание на важнейшие моменты, причины и факторы. При этом следует ценить и уважать самобытное творчество каждого подчиненного, дав ему свой образец решения только для углубления познаний, но не сковывая его в деталях.

Уборевич часто подчеркивал перед занятиями, что руководитель совершает серьезную ошибку, когда на учении губит в зародыше развитие самостоятельной мысли и воли подчиненного, но в то же время обязан в категорической форме, на основе проверенного опыта и своих знаний, научить командира и штаб рационально вести работу, то есть научить методам быстрой оценки обстановки, принятия решения, организации боя на основе этого решения и необходимых

расчетах, обучить быстро и четко отдавать приказы и распоряжения.

Мерецков пишет, что Уборевич при составлении плана основную роль отводил решению руководителя, которое должно выражаться в конкретной форме приказа, распоряжения или расчета. Руководитель, который не дает своего решения, облеченного в такие формы, сам не вполне понимает, чего он хочет добиться и чему он хочет научить. Подобный руководитель — это, по существу, пассивный участник учения, плетущийся в хвосте событий. Нельзя поучать других общими разговорами: это, дескать, плохо, а вот это — еще хуже. Надо показывать, давая свое решение. Здесь выражается основной метод военной учебы — показ.

«Мне не раз приходилось получать от Уборевича указания на разработку учений, игр и полевых поездок, — говорит Мерецков. — И каждый раз меня поражало его умение ясно и конкретно ставить задачи. Уходя от него, я всегда знал, чего от меня хочет начальник, а следовательно, что надо сделать мне. Очень часто он лично принимал участие в разработке замысла, а меня, обычно выполнявшего роль начальника штаба руководства на большинстве проводимых учений, инструктировал и готовил к этой роли. Так, перед сборами начальников дивизий, начальников училищ и руководящего состава округа в Гороховецких лагерях, где все участники должны были вести артиллерийские стрельбы дивизионом и выполнять упражнения на станковых пулеметах, Уборевич пригласил меня к себе и начал задавать вопросы по теории артиллерийской стрельбы. Я знал, что он артиллерист, знал, что состоятся сборы, поэтому подготовился к ним заранее. После беседы он взял чистый лист бумаги и стал показывать, как вести стрельбу артиллерийским дивизионом.

— Вам, товарищ Мерецков, придется первому командовать дивизионом. С вас будут брать пример. Поэтому вы должны быть на высоте положения. К концу дня у меня будет немного свободного времени, заходите, и мы с вами потренируемся, — сказал он, отпуская меня».

Периоду, когда Уборевич командовал Московским военным округом, Мерецков в своих воспоминаниях отводит довольно важное место. Он буквально преклоняется перед талантом Уборевича-военачальника.

«Уборевич с большим мастерством проводил командно-штабные игры, учения, руководил полевыми поездками и другими занятиями. Он неизменно добивался большой динамичности в ходе игры, создавал сложные и интересные моменты в обстановке, максимально приближая игру к условиям

военного времени…»

«Уборевич был чрезвычайно требователен к себе и к подчиненным, в суждениях — принципиален, в работе — точен. Свои действия и поступки он рассчитывал буквально до минуты. Такой же точности в работе требовал и от подчиненных…»

«Иероним Петрович являлся… одним из инициаторов постановки новых вопросов в подготовке войск…»

«Иероним Петрович был высокообразованным человеком. Он хорошо знал художественную литературу и искусство, отлично разбирался в общих технических вопросах, упорно работал над развитием военной мысли…»

И таких его высказываний можно привести немало. Еще больше восхищения в адрес Уборевича Кирилл Мерецков выразит в будущем, когда судьба вновь сведет его с ним в Белорусском военном округе. Но это будет в будущем. А пока он с сожалением отмечал, что служба Иеронима Петровича в МВО длилась обидно недолго — около полутора лет. Она оставила в душе Мерецкова значительный след.

Несовместимость

Очередная смена командующих Московским военным округом состоялась в ноябре 1929 года. Уборевич получил повышение, стал начальником вооружений РККА и заместителем Председателя РВС СССР. На его место пришел военный атташе в Германии А.И. Корк.

Начальником штаба округа к тому времени был назначен Е. А. Шиловский, бывший до этого начальником учебного отдела и помощником начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе. Перемытова перевели в Белорусский военный округ еще в конце минувшего года, и несколько месяцев его должность занимал Мерецков.

Теперь у Кирилла открылась возможность пройти стажировку в командирской должности, о которой он давно мечтал. Новый командующий не возражал против этого, и Мерецков принял 14-ю стрелковую дивизию.

Как командир и комиссар ее, Кирилл поставил перед собой три задачи: довести организацию управления дивизии до достаточно высокого уровня; максимально приблизить дивизию к тому, что входило в понятие кадрового регулярного соединения, имеющего высокую боевую готовность; активно участвовать во всех окружных учениях.

Решать эти задачи, особенно первую, оказалось не просто. Пришлось преодолевать инертность некоторых штабных работников и сдержанно-скептическую позицию отдельных командиров частей, которые думали, что они, опытные и повидавшие жизнь люди, могут не очень серьезно относиться к распоряжениям 33-летнего комдива. Выполнение второй задачи требовало длительной кропотливой работы; создание кадрового регулярного соединения — дело новое, во многом непривычное. С третьей задачей у Мерецкова было проще, у него уже был опыт, приобретенный за время службы в штабе округа.

По комиссарской линии также больших затруднений не было. Кирилл заметит, что тогда в третий раз в своей жизни он был назначен комиссаром. В результате ему довелось тесно общаться с рядом видных политработников и пройти хорошую школу политического воспитания, которая, как он пишет, «очень пригодилась впоследствии, особенно во время национально-революционной войны республиканской Испании, в финскую кампанию, а также во время Великой Отечественной войны».

Заместителем начальника политуправления округа в тот год был А.В. Хрулёв, обладавший большим опытом партийно-

политической работы. Он всячески помогал Мерецкову, давал полезные советы. Минет несколько лет, и Кириллу придется часто пересекаться с Андреем Васильевичем, работая в Наркомате обороны, и, как прежде, он будет ощущать его товарищескую поддержку.

Из опыта командования 14-й дивизией Кирилл сделал вывод, что должность комдива-комиссара является самой интересной, но в то же время наиболее сложной и ответственной. Это трудная и напряженная работа, она охватывает многие стороны: политическое воспитание, обучение, устройство и быт многотысячного коллектива бойцов и командиров, а также содержание вооружения и техники в исправном состоянии.

Мерецков размышляет: какая главная обязанность командира, комиссара? Обеспечивать высокую боевую готовность вверенного ему соединения. Командир дивизии должен вести за собой подчиненных, показывая им личный пример, а комиссар — пламенным словом зажигать бойцов и командиров, вдохновлять их на выполнение своего долга.

Всё это — составляющие заботы комдива с раннего утра до позднего вечера: на подъеме и отбое, на учебной тревоге и во время задушевной беседы, на командирской подготовке и тактическом учении, на стрельбище и полигоне.

К концу года дивизия успешно прошла инспекторскую проверку, а на осенних маневрах показала высокую маршевую подготовку, была способна совершать глубокие обходы через леса и болота, быстро развертываться, наносить стремительные и сильные удары во фланг и тыл «противника» и при необходимости создавать прочную оборону.

Мерецков позже скажет, что для него командование дивизией явилось важной школой, пригодившейся ему и в мирные годы, и особенно в годы Великой Отечественной войны: «Я учился управлять большими массами бойцов, готовил себя к тому, чтобы вести их к поставленной цели, а на войне — к победе в бою».

О периоде «комдивства» в начале тридцатых годов Кирилла Афанасьевича Мерецкова любопытно нынешнее воспоминание его сына, Владимира Кирилловича Мерецкова:

«Весной 1930 года отца назначили командиром и комиссаром 14-й стрелковой дивизии, и все лето мы жили в лагере, недалеко от города Коврова. Вся лагерная жизнь проходила у меня на глазах (Владимиру в ту пору было 6 лет. — *Н. В.)*. Иногда отец брал меня с собой в тир или на стрельбище, когда там проходили соревнования. Он был отличным пулеметчиком, на гимнастерке у него, наряду с орденом Красного Знамени, был специальный значок "За отличную огневую подготовку". Участвовал он и в

конных состязаниях. На службу в штаб ходил пешком, на полигон выезжал на единственной тогда в дивизии легковой машине, нередко управляя ею. Мне очень хотелось все делать как он: стрелять, управлять машиной, ездить на лошади — одним словом, быть таким, как папа.

Особенно запомнился мне выезд на полигон. Мы подъехали к позиции артиллерийской батареи. Отец принял доклад командира, подошел к орудиям, поговорил с расчетами, затем подошел к машине, взял меня и поставил на пенек, чтобы я лучше видел, что будет происходить на опушке леса. И сказал мне: "Смотри: через поляну справа налево будет двигаться танк, а орудия будут стрелять по нему. Ты должен смотреть, попадут ли они в танк, и о попадании сразу говорить мне. Как только подадут команду 'огонь', ты сразу открывай рот, чтобы не оглушил выстрел"…»

Мерецков вскоре начал опять работать в управлении округа в прежней должности помощника начальника штаба, но недолго — в составе группы командиров Красной армии в марте 1931 года его направили в служебную командировку в Германию. По соглашению СССР с Веймарской республикой и в соответствии с заключенным в 1926 году советско-германским договором о дружбе и нейтралитете советских военачальников регулярно посылали для ознакомления со службой немецких военных штабов.

В 1931 году особенно мощным был поток целевых групп представителей РККА в рейхсвер: общевойсковая группа, военно-техническая группа и вооружений (дважды), группа военного сообщения (ВоСо), штабная группа, топографическая, группа Управления военно-конных заводов и еще несколько групп различных специалистов. Командированные снабжались памятками из 10 пунктов. Главное внимание предписывалось уделить выяснению вопросов организации и методов проведения учений, маневров, полевых поездок; новых технических средств борьбы; важнейших тактических и оперативных взглядов, отличающихся от уставных положений Красной армии.

Настоятельно рекомендовалось составлять личные заметки и вести дневники. По окончании поездки каждая группа была обязана представить письменный отчет с освещением наиболее важных вопросов занятий с приложением к нему документальных материалов.

Поездка в Германию оставила у Кирилла Мерецкова яркие впечатления: от войсковых учений, от общественно-политической жизни в стране. Наиболее запомнились картины немецкой повседневности, которые развертывались у него на глазах. По

улицам, невзирая на правительственное запрещение, маршировали отряды «Союза красных фронтовиков» и молодежные батальоны «Красного юнгштурма». В газетах печатались сообщения о Всегерманском слете ротфронтовцев, на страницах прогрессивных периодических изданий публиковались призывы коммунистической партии к рабочему единству. Католическая печать выступала с выпадами в адрес группы советских командиров, им возражали представители так называемой народной партии, тоже проповедовавшие буржуазный пацифизм, но все же поддерживавшие идею сотрудничества с СССР.

Мерецков пишет, что он был свидетелем частых маршев штурмовых отрядов коричневорубашечников, горланивших песни. Нередко между ними и рабочими вспыхивали столкновения. Формально державшая нейтралитет государственная полиция по существу помогала нацистам. Германия стояла на распутье, и фашистская угроза постепенно нарастала. Что касается офицеров, с которыми ему пришлось общаться во время командировки, то они стремились подчеркнуть, что «армия стоит вне политики», хотя не скрывали своих консервативных взглядов.

По возвращении из Германии Мерецков снова вступил во временное исполнение обязанностей начштаба округа, так как Шиловский приказом РВС был проведен начальником штаба Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского.

* * *

Мерецков плохо знал А.И. Корка и до прихода его в Московский округ имел о нем довольно общие представления; служба их не сводила. Ему было известно, что он из военспецов, подполковник старой русской армии, в Гражданскую войну отличился в борьбе с врагами советской власти. Руководил штабом армии и отделом штаба фронта, возглавлял армии, фронты и округа, воевал и служил в Прибалтике, на Севере и в Польше, на Украине и в Крыму, в Туркестане и на Кавказе. Последний его пост — военный атташе при Полномочном представительстве СССР в Германии.

И вот теперь Август Иванович Корк его начальник. Мерецков отмечает, что совместная служба с новым командующим не производила на него «столь благоприятного впечатления, как ранее служба вместе с К.Е. Ворошиловым, Г.Д. Базилевичем и И.П. Уборевичем». По его словам, он не получил от своего непосредственного начальника почти ничего, что способствовало

бы его дальнейшему росту и улучшению военно-профессиональной подготовки. Причина? Отсутствие полного личного контакта между командующим и начальником штаба, вызванное различным подходом к проблемам.

Мерецков оправдывается: «Я прошу правильно понять меня. Никакого желания бросить хоть какую-то тень на имя талантливого, заслуженного командира, преданного РККА и Советской Родине, у меня нет». Однако несовместимость с Корком у него была, они никогда не достигали настоящего согласия. Особенно раздражала Мерецкова непоследовательность командующего, порой проистекавшая из его забывчивости. Корк, видимо, знал об этом своем недостатке и имел обыкновение для памяти заносить кое-что в записную книжку, а в другой записной книжке, являвшейся чем-то вроде указателя к первой, отмечал, где и что у него записано. Это нередко рождало путаницу. Досадовал Кирилл и на то, что командующий мог сообщить вышестоящим лицам непроверенные сведения. Иллюстрацией этому служит такой случай. Округ готовился к очередному параду в честь Великого Октября. Решено было показать на Красной площади танки отечественного производства. Кирилл непосредственно занимался этим вопросом, но вникал в него и командующий. Незадолго до праздника Корка и начальника штаба вызвали в ЦК ВКП(б). Сталин интересовался процедурой проведения парада до мельчайших деталей. Особенно долго расспрашивал он командующего о танках. Тот поглядывал в записную книжечку, однако говорил все время что-то не то. Сталин, по-видимому имевший некоторые сведения о конкретной готовности танков к параду, удивленно поглядывал на Корка и переспрашивал: «Так ли?» Выслушав командующего и заметив, что у него совсем другие данные, Сталин обратился к Мерецкову:

— Вы не могли бы уточнить? — И неожиданно спросил: — А как ваше имя, товарищ Мерецков?

— Кирилл… — как-то растерявшись, проговорил тот.

— А отчество?

— Афанасьевич.

— Вот так и надо всегда, с отчеством, — заметил генсек. Без паузы продолжил: — Так уточните нам насчет танков, Кирилл Афанасьевич.

Мерецкову было неловко опровергать сказанное Корком, но и говорить генсеку неправду он не мог.

После доклада Кирилла Сталин с удовлетворением отметил совпадение имеющихся у него сведений. Когда коснулись вопроса о водителях, он захотел узнать, есть ли гарантия, что ни одна машина не потеряет хода, не остановится на площади и как в

таком случае станут поступать водители. Корк ответил, что водителей-красноармейцев инструктировали в технических частях.

— Товарищ Мерецков, изложите детали инструктажа! — снова обратился к Кириллу генсек.

Мерецкову пришлось сказать, что механиками-водителями будут не военнослужащие, а рабочие-механики.

«После этого у нас с командующим произошло не по моей инициативе неприятное объяснение, — пишет Мерецков. — Подобные случаи повторялись, поскольку меня стали приглашать в ЦК ВКП(б) для разговора по различным вопросам военной работы в МВО, а мы с Корком, не зная заранее, о чем пойдет речь, не могли предварительно согласовать наши точки зрения по всем возможным проблемам. Нередко мое мнение принимали, хотя потом оказывалось, что командующий округом думал иначе. Это порождало новые осложнения. Неизвестно, во что бы это могло вылиться, если бы я не получил другое назначение. Расстались мы по-товарищески…»

Этим «другим назначением» был перевод в Белорусский военный округ, которым командовал Уборевич.

Разговор со Сталиным по поводу имени и отчества явился для Мерецкова отправным моментом какого-то нового самоощущения. Он стал отмечать, что в нем происходят некие изменения. Не теряя легкости души и тела, он обретал солидность в прямом и переносном смысле. Уходили раскованность и бесшабашность, присущие молодости, на смену им пришла сдержанность в словах и поступках.

В служебных кругах, в которых вращался Мерецков, культивировался именно такой тип работника, и он стремился ему соответствовать. Если раньше при знакомстве он называл просто имя либо фамилию, то теперь представлялся Кириллом Афанасьевичем. Поначалу давило стеснение, было не по себе — надо же, как подаешь свою персону! — но постепенно привык.

Так что теперь он был уже не Кирилл, а Кирилл Афанасьевич.

ЗАПАД — ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Форпост перед Европой

В 1930-е годы Украинский, Белорусский и Ленинградский военные округа называли советскими форпостами перед Европой, угрожавшей СССР.

В один из этих форпостов — центральный (БВО) — в апреле 1932 года Мерецков получил назначение на должность начальника штаба.

С Московским округом БВО не шел ни в какое сравнение. Он был неизмеримо крупнее по территории, которая равнялась 290 тысячам квадратных километров. Округ охватывал Белорусскую ССР и Западную область. Западная область включала в себя Великолукскую, Смоленскую, Брянскую области, части Калининской и Калужской областей. На занимаемой округом площади проживало 12 миллионов человек. Дислоцировавшаяся здесь группировка войск была весьма значительной, ее составляли полнокровные стрелковые, кавалерийские, танковые и авиационные соединения.

Как потом отметит Мерецков, войска возглавляли опытные командиры. Многие были известными участниками Гражданской войны. Во главе корпусов стояли расчетливые и в то же время решительные командиры С.Е. Грибов, Е. И. Ковтюх, А.Д. Локтионов, С.К. Тимошенко. Дивизиями командовали волевой начальник и лихой кавалерист Г.К. Жуков, бывший комиссар корпуса на Восточном фронте И.С. Конев, талантливый генштабист В.Д. Соколовский (впоследствии Маршалы Советского Союза) и другие способные военачальники.

Из начальников штабов корпусов выделялись В.Я. Колпакчи, А.А. Новиков. В штабе одного из корпусов служил перспективный красный офицер И. Х. Баграмян. Все они выросли в больших военачальников: Колпакчи — генерал армии, Новиков — главный маршал авиации, Баграмян — Маршал Советского Союза.

Руководящее ядро округа тоже состояло из толковых, хорошо знающих свое дело командиров, уже получивших в стране широкую популярность. Заместителем командующего был А.Я. Лапин, членом Военного совета — Л.М. Ароншстам, а затем П.А. Смирнов, начальником артиллерии — Д.Д. Муев, начальником бронетанковых войск — С.С. Шаумян, начальником отдела боевой подготовки — Н.А. Шумович. Заместителями начальника штаба округа служили Ф.М. Чернов и И.Г. Клочко, люди образованные, обладавшие незаурядными организаторскими способностями.

Мерецков обратил особое внимание на состав оперативного отдела штаба округа. Начальником отдела работал М.В. Захаров,

а в самом отделе — Р.Я. Малиновский, В.В. Курасов, А.П. Покровский, Ф.П. Озеров, Г.И. Шанин, К.А. Журавлев, Н.А. Кузнецов. Многие из них в Великую Отечественную войну проявят себя с самой лучшей стороны.

Такой подбор руководящего состава управления округа и войск не был случайным: рядом находилась граница с потенциальным агрессором, и советская армейская группировка должна была соответствовать противнику.

Округом командовал Иероним Петрович Уборевич. Мерецков, как мы знаем, боготворил его и поэтому был рад вновь служить с ним вместе.

После Московского округа Уборевича назначили начальником вооружений РККА и первым заместителем председателя РВС СССР. Он потом говорил, что Ворошилов принял его с прохладцей, так как издавна питал к нему нелюбовь, а в конце 1920-х годов стал демонстративно проявлять недоброжелательность. Об этом он пожалуется в письме Серго Орджоникидзе 17 августа 1936 года: «В 1927 году решил, что мало мне знаний и опыта, которые получаю в РККА. Организовал поездку на учебу в Германию, причем немедленно в связи с отъездом был снят с должности Комвойск СКВО, чтобы быть смешным и без авторитета за границей. После меня ездили учиться в Германию многие комвойски, ни с кем Ворошилов такой истории не проделывал». И далее, рассказывая о работе в Наркомате по военным и морским делам, Уборевич пишет: «…на второй день он (Ворошилов. — *Н. В.)* мне заявил, что по существу первого зама не будет, а перед всей армией повел дело так, что первым замом считался Гамарник. Будучи начальником вооружения, я работал как никогда в жизни, без выходных дней, ночами, очищая невероятную заваль и запущенность. Будучи начальником вооружения, я знаю сейчас, в 1936 г., что много было сделано, очень много ошибок. Оправданием мне служит одно: я чертовски боялся войны в 1930 и 1931 годах, видя нашу неготовность. Я торопился. Когда торопишься, делаешь ошибки чаще».

Уборевич понял, что ему не сработаться с Ворошиловым, и попросил направить его на командную работу в войска. В результате оказался в БВО.

Об Уборевиче в то время и позже было много разных отзывов. Большинство похвальных, но немало и нелицеприятных. Г.К. Жуков: «Это был настоящий советский военачальник, в совершенстве освоивший оперативно-тактическое искусство. Он был в полном смысле слова военный человек. Внешний вид, умение держаться, способность коротко излагать свои мысли, —

все говорило о том, что И.П. Уборевич незаурядный военный руководитель. В войсках он появлялся тогда, когда его меньше всего ждали. Каждый его приезд обычно начинался с подъема частей по боевой тревоге и завершался тактическими учениями или командирской учебой». И.С. Конев считал Уборевича самым крупным военным деятелем того времени, оценивал его чрезвычайно высоко, прежде всего его опыт, приобретенный в период Гражданской войны, и затем его деятельность как командующего округом, прекрасно знавшего войска, самым тщательным образом занимавшегося боевой подготовкой, умевшего смотреть вперед и воспитывать кадры. По мнению Конева, Уборевич был человеком с незаурядным военным дарованием, в его лице наша армия понесла самую тяжелую потерю (в период репрессий), ибо этот человек мог и успешно командовать фронтом, и вообще быть на одной из ведущих ролей в армии во время войны.

Иероним Уборевич получил признание в войсках и репутацию одного из самых талантливых и самых молодых «революционных генералов».

Подобно многим красным командирам, поднявшимся на гребне революционной волны в молодом возрасте к вершинам ранней воинской славы и власти, он был пронизан честолюбивыми настроениями. Уборевич, по свидетельству его приятелей по военному училищу, еще в юнкерстве как-то обронил знаменательное признание: «Ну уж если Наполеону суждено появиться, то им буду я».

Среди руководящего состава Красной армии ходили всякие легенды, даже анекдоты о его наполеоновских замашках. Будто, выступая на заседании Военного совета при наркоме обороны 1—4 июня 1937 года, где осуждались участники контрреволюционного заговора в РККА, В.К. Блюхер сказал: «У Уборевича на письменном столе в его кабинете налево — портрет Ленина, а направо — портрет Наполеона. И когда ему говорят, что как-то это не вяжется, то он обычно отвечает: "Он тоже был артиллерийским поручиком!"». (Вспомним: Уборевич в старой русской армии был артиллерийским поручиком.)

В военной среде росло число людей, завидовавших его яркой и стремительной карьере. Это — с одной стороны. А с другой — уж действительно слишком бросались в глаза завышенные амбиции быстро поднимавшегося по служебной лестнице краскома. Потому у определенной части военной и партийной элиты СССР складывалось негативное мнение об Уборевиче.

В партийно-политических кругах его считали человеком беспринципным и дьявольски самолюбивым. Многие помнили,

что во время XVI съезда ВКП(б) при выборах в ЦК Уборевич получил несколько сотен голосов «против». Кандидатура его обсуждалась довольно горячо, кто-то прислал в президиум записку, смысл которой примерно таков: человек он способный, но в партийном отношении партией мало проверенный, того и гляди возомнит себя Наполеоном.

Мерецков оставался твердым приверженцем Уборевича. Он видел в нем прирожденного командира, воспитателя войск.

Служба в Белорусском округе для Кирилла Афанасьевича была интересной, хотя и очень напряженной. Интересной, как объяснял сам Мерецков, прежде всего духом новаторства. Уборевич внедрял в боевую подготовку все новейшие достижения военной науки и практики, терпеть не мог тех, кто не желал повышать свой профессиональный уровень, всячески настаивал на необходимости постоянной учебы. Мерецков пишет: «Большое внимание уделялось в БВО воспитанию и подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий, с учетом меняющихся условий и бурного развития военной техники. Важно было, чтобы все новое… немедленно внедрялось в войска, повышало их выучку и боевую готовность, чтобы достижения какой-либо одной части или соединения становились достоянием всего округа».

Он приводит пример, как проходила командирская учеба в штабе. В группе около 20 человек, в том числе начсостав оперативного отдела. Занятия проводились один раз в неделю и носили форму летучек. На них отрабатывались различные оперативные вопросы, прежде всего по ведению глубокой операции, использованию танков и авиации. Разрабатывали летучки все командиры по очереди, они же их проводили и делали потом разборы. Командующий выступал с заключительным словом или поручал это сделать начальнику штаба. Мерецков подчеркивает, что нагрузка в ходе занятий была не из легких. Особенно тяжело приходилось попеременно назначаемому руководителю: он должен был в течение 45 минут довести до участников военной игры задание, выслушать их решения и сделать разбор. Но зато командиры получали практику решения оперативно-тактических задач не только как обучаемые, но и как руководители.

При подготовке начсостава и штабов применялись разнообразные приемы: от групповых упражнений и летучек до командно-штабных игр, учений с войсками и крупных маневров. Особое значение придавалось полевым занятиям, там отработать тактические вопросы на местности можно значительно содержательнее и поучительнее, чем на картах.

Еще один пример. Проверки влияния «броска» (одночасового марша со скоростью движения 10 километров в час) на способность командиров и бойцов сразу же после этого вступать в боестолкновение с противником: вести прицельный огонь, метко и далеко бросать гранаты, сноровисто колоть штыком, преодолевать полосу заграждений. Весьма эффективная форма обучения.

Еще пример — инспекторские проверки войск. В дивизию выезжала небольшая группа командиров — шесть-семь человек, в том числе работники оперативного отдела, отдела боевой подготовки и представители родов войск. Дивизия поднималась по тревоге и выдвигалась в сторону границы или полигона, отрабатывала марш и встречный бой или наступление, а иногда оборону. Кроме того, в одном из полков проверялся батальон на тактических учениях с боевой стрельбой, в другом проверялась командирская подготовка. Проводились тактико-строевые учения с усиленным батальоном, в артиллерийском полку проверяли боевую стрельбу дивизионом. Время на подготовку учений и занятий давалось крайне ограниченное, что требовало от командиров приобретения навыков быстрой работы. Проверялись также строевая и физическая подготовка, жизнь и быт бойцов и командиров. Обязательно проводились беседы с красноармейцами и командирами по различным вопросам текущей политики, жизни и быта.

По возвращении инспекторской группы в штаб округа готовился приказ, который рассылался всем командирам корпусов и дивизий. Один экземпляр высылался в Управление боевой подготовки РККА. В приказе отмечались недостатки, обнаруженные при проверке, а также давались указания, как их устранить. И уже через шесть дней после начала проверки дивизии весь округ знал о требованиях к боевой подготовке войск. Никаких объемистых актов, предназначавшихся обычно для архива, не составлялось. Сразу же заострялось внимание командиров соединений на главном — боевой готовности войск и их полевой выучке, подчеркивалось, как готовить войска к будущей войне.

Что касается напряженности службы Кирилла Афанасьевича, то она обусловлена огромным объемом дел, которые он должен был выполнять. Очень много занимался учениями. Помимо решения обычных задач подготовки войск он вместе с работниками штаба много сил отдавал внедрению в практику разрабатывавшейся в то время теории глубокого боя и глубокой операции. Отрабатывалось применение крупных соединений танковых войск, способных действовать и самостоятельно, и во

взаимодействии со стрелковыми и кавалерийскими соединениями; массированное применение артиллерии, обеспечивающее успех прорыва обороны противника пехотой и танками; бой авангарда, состоящего из пехоты, танков и артиллерии, до подхода главных сил; применение крупных воздушных десантов при проведении фронтовой наступательной операции; массированное применение штурмовой и бомбардировочной авиации в наступательных операциях.

Разработкой учений, связанных с проверкой теории глубокой операции, в первую голову занимался оперативный отдел штаба округа, где ведущую роль играли Захаров, Малиновский и Курасов.

В свою очередь, Захаров в своих воспоминаниях отдает должное Мерецкову: «Он занимал должность начальника штаба, а я — начальника оперативного отдела штаба… Кирилл Афанасьевич имел спокойный, уравновешенный характер, был аккуратным в работе, требовательным по службе, много трудился над разработкой проблем советского военного искусства… Мне и сотрудникам оперативного отдела… пришлось вместе с К.А. Мерецковым провести много времени, отрабатывая проект инструкции по организации и ведению глубокого боя на опыте учений и маневров, проводившихся в войсках округа».

Мерецков продолжал осуществлять программу, намеченную еще в МВО, занимался подготовкой дорог к передвижению войск и улучшением путей сообщения в целом. К сожалению, эту программу не удалось выполнить до конца, поскольку дело уперлось в недостаточную техническую оснащенность дорожных служб и в ограниченные финансовые возможности.

В округе не имелось в достаточном количестве хороших шоссейных дорог, которые связывали бы БВО с его соседями на севере (Ленинградский военный округ), востоке (Московский военный округ) и юге (Украинский военный округ).

Штаб округа, находившийся в Смоленске, не со всеми своими районами мог поддерживать общение оперативно и в широких масштабах.

Мерецков отмечает, что больше всего тревожил район Полесья, утонувший в лесах и болотах. Постоянное беспокойство внушали и меридиональные водные преграды. «Например, на реке Березине по всему ее течению мы располагали лишь четырьмя мостами да еще четырьмя паромами, — пишет он. — Если противнику, размышлял я, удастся их разбомбить, наша армия встанет перед вполне очевидными трудностями. Сложности возникли бы и при экстренных крупных перебросках войск из одного района в другой. Всех действующих

железнодорожных путей в БВО имелось тогда 6200 километров, шоссейных дорог — 2000, грунтовых — 100 тысяч километров. Это означало, что именно на последние ляжет основная тяжесть при перевозке личного состава и военных грузов в местах, удаленных от железной дороги и шоссе. Если на каждые 100 квадратных километров территории округа приходилось около 35 километров грунтовых дорог, то железных дорог — лишь два километра, а шоссейных — только около 700 метров. Кончилось тем, что я наметил детальную разработку задач штабу и службам на случай боевых действий в столь специфических условиях и составил подробный план первоочередных мероприятий, а работал над его осуществлением вплоть до перевода меня в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию»…

Мерецков с гордостью говорит о том, что здесь, на одном из важнейших участков западного направления, были достигнуты немалые успехи в подготовке преданных Родине руководящих военных кадров: знающих свое дело командиров полков, дивизий и корпусов; творчески мыслящих штабных сотрудников; обладающих высокими организаторскими способностями политических и тыловых работников. В этом он в значительной мере видит заслугу Уборевича. Как и в большинстве других успехов, достигнутых в БВО в начале 1930-х годов: если бы Уборевичу не мешали из Центра, он наверняка сделал бы еще больше.

Также, по всей вероятности, считал и Уборевич. По его словам, он, работая в Белорусском округе, продолжал ощущать сложность отношений с Ворошиловым. «Я вел и веду себя как часовой на часах, ибо малейшая ошибка, и я буду изображен в самом нелестном виде, — писал Уборевич. — Много ответственных заданий мне пришлось проводить на этом направлении, и, конечно, это проходит для страны и армии как бы незаметно. В 1931 году в разгар маневров Б.В. О., потому что плохо идут маневры, М. В.О. посылают ко мне делегацию немцев. Маневры проходят удачно. В 1932 году основные опыты с мехчастями проводим мы. Округ в 1933—1934 годах создает на своих опытах основы новой тактики (глубокий бой), разбив гнилые теории Седякина, Егорова (он их утверждал своей подписью). В 1934 году проводим огромные маневры для итальянцев и т. д. В 1934—1935 годах дали основы воздушного боя. Ворошилов если и считает успехи Б.В.О. имеющими место, то ни в какой степени их не относит за счет моей работы. Если т. Ворошилов считает меня малоспособным командиром для большой работы, то я очень резко и в глаза и за глаза говорю об его взглядах на важнейшие современные вопросы войны. Он меня

считает "иезуитом" или "трепачом". Я остаюсь все-таки при своем мнении».

Словам Уборевича о заниженной его оценке Ворошиловым противоречит приказ наркома обороны СССР об итогах проведения опытных учений в Приволжском, Украинском и Белорусском военных округах в 1934 году. В нем отмечалась хорошая организация и руководство окружными учениями командующего войсками БВО Уборевича, члена РВС БВО Смирнова, начштаба Мерецкова и штаба округа в целом.

Мерецков подтверждает, что в 1934 году в округе проводились крупные маневры. Части и соединения БВО продемонстрировали высокую мобильность в наступлении и упорство в обороне. На маневрах широко были представлены артиллерия и танки, боевая и транспортная авиация, инженерная техника и средства химической защиты, воздушно-десантные войска и конница. Учения изобиловали крупными «сражениями» различных соединений.

ОКДВА

В первых числах января 1935 года в трещавшем морозами Хабаровске высадилась большая группа командиров Красной армии, в числе которой был и Мерецков. Совсем недавно они командовали полками, бригадами, дивизиями, корпусами, работали в штабах в Белорусском военном округе, а теперь им предстояло служить в Особой краснознаменной Дальневосточной армии.

Для Мерецкова, как и для всех прибывших «белорусов», перемещение с крайнего Запада на Дальний Восток было непредвиденным. Его без всякого обоснования отправили в ОКДВА на ту же должность, что он занимал в БВО, — начальника штаба.

Кирилл Афанасьевич напишет в воспоминаниях, что он и его товарищи-«белорусы» задавались вопросом, чем это вызвано. Могло быть три причины: обычное перемещение, объясняемое периодической переброской начсостава из района в район, чтобы познакомить с различными театрами военных действий на случай войны (хотя почему в Хабаровск были отправлены все в одно время?); стремление укрепить ОКДВА ввиду надвигавшихся осложнений с японскими милитаристами, хозяйничавшими в Корее и Маньчжурии; на Дальний Восток собираются перевести командующего войсками БВО Уборевича, и он, заранее предупрежденный, ходатайствовал о переводе вместе с ним ряда сотрудников из БВО…

«Белорусов» в Хабаровске ждали. Было приготовлено жилье, всем сразу же были созданы хорошие бытовые условия.

С волнением Кирилл Афанасьевич готовился к встрече с новым для него командующим — легендарным Блюхером. Раньше он с ним не встречался, но очень многое знал о нем. Кто в Советском Союзе в те годы не знал первого краснознаменца, прославленного красного полководца Василия Константиновича Блюхера! Пожалуй, таких не было.

Биографию его Мерецков мог пересказать без запинки. Родился в Ярославской глубинке в крестьянской семье, стал рабочим, участник Первой мировой войны. В партии большевиков с дореволюционного времени, комиссар рабочих отрядов и командир партизанской армии. За беспримерный переход через Уральские горы с этой армией, которая вела беспрестанные жестокие бои с белогвардейцами и мятежными чехословаками, получил орден Красного Знамени за номером 1, в годы Гражданской войны возглавлял дивизии на колчаковском, потом

на врангелевском фронтах. Его знаменитая 51-я стрелковая дивизия снискала неувядаемую славу в боях под Каховкой и при штурме неприступных укреплений Перекопа. Военный министр, главнокомандующий Народно-революционной армией Дальневосточной республики, герой кровопролитных сражений за знаменитую Волочаевку и Спасск. Комкор, начальник Ленинградского укрепрайона и ответственный работник Реввоенсовета СССР, главный военный советник Национального правительства Китая, организатор борьбы китайского народа с внутренней реакцией. В 1929 году создал Особую Дальневосточную армию и дал сокрушительный отпор авантюристам из рядов правых гоминьдановцев во время конфликта на КВЖД, за что был награжден только что учрежденным в 1930 году орденом Красной Звезды, и опять за номером 1.

Популярность Василия Константиновича Блюхера в СССР была необычайно велика, а его авторитет — исключительно высоким.

Блюхер принял Мерецкова в своем просторном кабинете. Кирилл Афанасьевич представлял себе командарма именно таким: коренастый, лицо мужественное, плотная щетка черных усов, взгляд прямой, пронизывающий.

Он поднялся навстречу Мерецкову со словами:

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! — Протянул руку для приветствия. — Здравствуйте, Кирилл Афанасьевич!

Вблизи глаза командующего оказались совсем иными — они источали мягкую теплоту.

Блюхер сначала справился, с семьей ли приехал, потом поинтересовался, как доехали, как с жильем устроились. Дальше состоялось взаимное знакомство: сначала Мерецков рассказал о себе, затем Блюхер вкратце поведал свою биографию. Разговорились, выяснилось, что в их судьбе много общего: Блюхер — внук крепостного из-под Рыбинска, Мерецков — внук крепостного из-под Зарайска. Родители обоих крестьяне-бедняки, детство и юность обоих прошли примерно в одних и тех же условиях, из хлеборобов пошли в рабочие, стали слесарями: Блюхер — Мытищинского и Сормовского заводов, Мерецков — заводов в Москве и Судогде…

После Мерецкова Блюхер знакомился с Лапиным. Вернее, это было не знакомство, а встреча давних боевых товарищей: они в прошлые годы служили и работали вместе в разных местах — на Восточном фронте, в ДВР, в Китае.

Не успел Кирилл Афанасьевич выйти из кабинета командующего, как его затащил к себе Лазарь Наумович

Аронштам, старый знакомый по Белорусскому округу, где до августа 1933 года он был членом РВС и начальником политуправления, а ныне — дальневосточник почти с полуторалетним стажем. В ОКДВА, как и в БВО, он возглавлял политическое управление…

«Мы с первых дней целиком отдались работе, — пишет Мерецков, — связанной с повышением боевой готовности войск. Вначале она протекала в условиях единого округа (Особая Дальневосточная армия приравнивалась к военному округу. — *Н. В.)* для всей территории от Байкала до Владивостока. Позднее ОКДВА разделили на Забайкальскую и Приморскую группы войск. И в той, и в другой хватало соединений, чтобы дать при необходимости отпор зарвавшемуся врагу. Боевая выучка войск была неплохой, так как некоторые части не столь давно участвовали в срыве авантюры фэньтянских милитаристов на КВЖД, а другие постоянно совершенствовали свое воинское мастерство и держали порох сухим, имея под боком такого соседа, как Япония. Правящие круги Страны восходящего солнца усиленно превращали свою марионетку Маньчжоу-Го в плацдарм для нападения на Советский Союз, и ОКДВА всегда находилась начеку».

Мерецков прослужил в ОКДВА всего пятнадцать месяцев. За это время он, конечно, не мог проявить себя в полной мере, он и округ не успел узнать как следует. Кирилл Афанасьевич пишет, что ему предстояло многое изучить: во-первых, дислокацию, устройство и обеспеченность войск и их задачи по тревоге, подметить все то, что не соответствовало обстановке и возросшим на тот момент требованиям; во-вторых, детально изучить все стороны деятельности Квантунской армии, нацеленной против советского Дальнего Востока; в-третьих, хорошо изучить Дальневосточный театр военных действий, проведя полевые поездки и рекогносцировки по сухопутной и морской части. При этом начинать надо было с изучения главных направлений, а затем заняться теми, которые имели менее важное значение. В ходе полевых поездок и рекогносцировок требовалось определить первоочередные и последующие задачи по освоению военными службами Дальневосточного края, особенно по строительству дорог, мостов, линий связи, складов и ремонтных учреждений, а на важнейших направлениях—и оборонительных инженерных сооружений. Он отмечает неудовлетворенность тем, что у него не было возможности «поглядеть на все своими глазами» — не хватило времени службы… Хотя служба на Дальнем Востоке, считает он, была для него очень полезной. Вступив десять лет спустя в командование 1-м Дальневосточным фронтом, он

использует многое из того, что приобрел, работая в 1935—1936 годах в ОКДВА.

Зато Блюхера Мерецков узнал всесторонне. Ему с ним хорошо работалось, льстило и то, что его начальник, помимо того что был прославленным красным полководцем, стал еще и носителем только что учрежденного высшего звания в СССР — Маршал Советского Союза.

Кирилл Афанасьевич сравнивал его с Уборевичем. Как военачальник Василий Константинович во многом напоминал Иеронима Петровича, пользовался примерно теми же методами и приемами организации обучения войск, часто проводил оперативно-тактические учения и делал поучительные разборы, практиковал военные игры в масштабе округа и соединений и нередко сам являлся их участником при руководстве со стороны какого-либо высшего представителя Генерального штаба. Старался использовать любой повод, чтобы учить части и соединения, причем отдавал предпочтение не теории в кабинете, а практике, приближенной к боевой обстановке. Придавал огромное значение политическому воспитанию Красной армии, особо подчеркивал необходимость воспитывать в красноармейцах и командирах чувство боевого превосходства наших РККА над японскими, но не терпел шапкозакидательских настроений.

Как человек он несколько отличался от Уборевича. Менее сухой, не столь резкий, чаще шутивший, Блюхер казался более доступным. Однако близкое знакомство показало, что эти отличия носили чисто внешний характер, а с деловой точки зрения принципиальной разницы между ними не существовало. В целом Уборевич был чуть собраннее, пожалуй, чуть организованнее; Блюхер — человек более размашистый, более открытый.

* * *

В первой половине 1936 года в Москве состоялось совещание руководящего командного состава РККА, созванное наркомом обороны. На совещание вместе с маршалом Блюхером был приглашен и комдив Мерецков. Однако Кирилл Афанасьевич полноценно участвовать в совещании не смог — заболел ангиной, да так серьезно, что пришлось надолго лечь в госпиталь.

Выздоровление его совпало со всплеском в Москве, как и во всей стране, волны интернациональной солидарности с трудовым народом Испании, где произошел фашистский мятеж. Мерецков близко к сердцу воспринял вспыхнувшие события в Испании, он

хорошо знал, что такое гражданская война, и не из чьих-то рассказов, а по личному опыту, будучи активным участником жестокой борьбы в России между белыми и красными.

Кирилл Афанасьевич выписался из госпиталя и стал собираться на Дальний Восток, но наркомат обороны его отъезд в ОКДВА приостановил. Ему было приказано отбыть в Чехословакию в качестве главы делегации РККА на проходившие там в то время большие военные маневры.

По возвращении из Чехословакии комдива Мерецкова включили в список советских военных советников, направлявшихся в Испанскую республику.

ИСПАНИЯ ВЗЫВАЕТ О ПОМОЩИ

Мятеж националистов

Из-за чего возникла гражданская война в Испании? Это конфликт между Второй Испанской республикой[41] и поддерживавшими ее левыми политическими партиями и организациями (республиканцы, лоялисты), с одной стороны, и крайне правыми националистами — с другой.

В конце 1920-х и начале 1930-х годов в Испании шло постоянное противоборство между республиканцами и националистами — сторонниками Народного и Национального фронтов. В феврале 1936 года на парламентских выборах верх взял республиканский Народный фронт. Республиканцы освобождали политических заключенных из тюрем и конфисковывали земли церквей и монастырей. Правительство быстро левело. 1 мая 1936 года Народный фронт отметил военным парадом. Над марширующими колоннами колыхалось море красных знамен, реяли транспаранты с изображениями Маркса, Ленина и Сталина. Демонстранты пели «Интернационал». Тот, кто отваживался выкрикнуть «i Viva Espana!» («Да здравствует Испания»! — клич правых), слышал в ответ: «i Patria, no!», «i Viva Rusia!» («Нет Родине, ура России!»).

В сложившихся условиях власть в руки решают взять военные с целью наведения порядка и избавления Испании от «красной угрозы». Во главе военных стоял живший в Португалии Хосе Санхурхо.

Генерал Хосе Санхурхо был связан с реакционными кругами Германии и Италии, которые толкали его на фашистский переворот. Германский и итальянский генеральные штабы давно уже замыслили свое вмешательство во внутренние дела Испании, основную ставку сделав на военных. Установив связь с генералом Санхурхо, верховное командование вооруженных сил Германии сразу поставило перед ним вопрос о подготовке мятежа, в осуществлении которого он может рассчитывать на «плечо немцев». В марте 1936 года Санхурхо побывал в Берлине, где получил заверения в оказании ему всей необходимой помощи. Затем он посетил Рим, и там его так же твердо заверили в поддержке. Германские и итальянские генштабисты помогли генералу в разработке плана переворота. Они утверждали, что успешная его реализация гарантирована, но только при выполнении двух условий: внезапность и быстрота проведения операции и военная интервенция Германии и Италии…

Непосредственным руководителем восстания стал генерал Эмилио Мола. Ему удалось за короткое время скоординировать

действия значительной части офицерства, фаланги[42], испанских монархистов и прочих противников республиканских властей. По плану Молы, оппозиционные силы должны были, опираясь на войска, взять под контроль крупнейшие города и свергнуть правительство Народного фронта. Эту идею поддержали многие испанские генералы, в том числе и вполне либеральных взглядов.

5 июня 1936 года Мола публикует документ с планом будущего восстания («Цели, методы и пути»), а позднее назначает дату и время — 17 июля в 17.00.

Мятеж действительно начался вечером 17 июля 1936 года в Испанском Марокко. Сначала восстали части в его столице — Мелилье, затем в остальных городах протектората. Главнокомандующий войсками в Марокко генерал Ромералес, не примкнувший к мятежу, отказался подавать в отставку и был расстрелян путчистами. Подобная судьба была уготована многим другим верным правительству офицерам. Безжалостно уничтожались и активисты левых партий.

Мусульмане-марокканцы поддержали мятеж в надежде на трофеи и свободу — руководители путча обещали солдатам, что им будет позволено обогатиться за счет имущества республиканцев, а марокканской элите — предоставление протекторату полной независимости. На протяжении всей войны марокканские части будут ударной силой испанских фашистов.

Под контроль мятежников безоговорочно перешли и другие испанские колонии: Канарские острова, Испанская Сахара, Испанская Гвинея.

18 июля радиостанция путчистов в городе Сеуты в испанской колониальной зоне Марокко несколько раз передала в эфир фразу «Над всей Испанией безоблачное небо», которая была условным сигналом к началу общегосударственного мятежа.

Правящие республиканские круги в Мадриде не придали серьезного внимания восстанию. А мятеж уже перекинулся на собственно Испанию и быстро расползался по стране. Власти Народного фронта не ожидали подобного.

19 июля по мадридскому радио выступила член парламента, вице-председатель Коммунистической партии Испании Долорес Ибаррури, призвав испанский народ подняться на защиту республики. Знаменитые слова из ее выступления: «Но пасаран!» — «Они не пройдут!» — стали боевым девизом республиканцев.

Республиканцы поднялись на борьбу, и на большей части Испании мятеж провалился.

20 июля погиб в авиакатастрофе Хосе Санхурхо, намеревавшийся вернуться из Португалии в захваченные повстанцами районы Испании. Равного ему по общепризнанности

авторитета лидера у путчистов не было. В связи с гибелью Санхурхо было создано коллективное руководство из военных — Хунта национальной обороны под формальным руководством Карлоса Кабанельяса. Восставшие провозгласили себя «национальными силами» или националистами. Какой-то конкретной программы хунта не предложила, ограничившись лозунгами восстановления порядка, защиты церкви и религии и борьбы с «красными». О будущей форме правления пока не говорили, хотя своим символом националисты избрали прежний монархический красно-желто-красный флаг. Наиболее авторитетные мятежные генералы (Мола, Франко, Аранда, Кабанельяс) обратились к народу в печати и по радио с ярко выраженной либеральной риторикой.

Но в целом республиканцы одержали победу над националистами. Однако Испанская республика, которая и до фашистского мятежа не являлась образцом надежности государственного устройства, после него фактически превратилась в беспорядочный конгломерат самых разнообразных образований. Перестал работать бюрократический аппарат — значительная часть чиновников перебежала к националистам. Единые вооруженные силы, силы охраны внутреннего правопорядка, органы госбезопасности развалились. Мадрид лишь символически контролировал ситуацию в регионах. В восточном Арагоне, многих районах Леванта, Каталонии и западной Андалусии реальная власть перешла к анархо-синдикалистам. Их откровенно безумные эксперименты по строительству «либертарного коммунизма», как правило, приводили к полному развалу экономики, обнищанию населения и, как следствие, к поддержке местными жителями националистов.

В надломленной мятежом стране нарастал хаос. Повсюду старались верховодить, подменяя законные государственные органы, самозванные партийные и профсоюзные советы и комитеты, которые, как правило, со своими обязанностями не справлялись.

29 сентября Хунта национальной обороны провела выборы нового руководителя восставших, на которых победил Франко.

* * *

Франко Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Багамонде родился в Испании в городе Ферроль, в семье военного моряка. Как и отец, избрал путь военного, стал офицером.

Служил в Марокко около одиннадцати лет — в туземных регулярных войсках, потом в Испанском иностранном легионе. В 33-летнем возрасте получил звание генерала.

В 1931 году в Испании пала монархия, власть перешла к республиканским властям. Франко в это время не вмешивался в политику. В 1934 году в Астурии вспыхнуло шахтерское восстание, возглавляемое социалистами и анархистами, в подавлении которого принимал участие Франко. После этого генерал стал главнокомандующим в Марокко, но спустя несколько месяцев возвратился в Мадрид, чтобы принять пост главы Большого генерального штаба.

* * *

Франсиско Франко одержал победу на выборах среди генералитета потому, что был молод, энергичен, умен, не имел политических пристрастий — он не был в отличие от других генералов ни фалангистом, ни монархистом, ни правым республиканцем. Ему был присвоен чин генералиссимуса и титул каудильо (вождя). Франко быстро установил связь с нацистской Германией и фашистской Италией и стал строить «свою» Испанию по их типу. Он ввел нацистский девиз «один вождь, одно государство, один народ» и «римское приветствие» — вскидывание вперед и вверх правой руки с открытой ладонью.

Франко объявил войну с республиканцами как «крестовый поход против красных орд».

«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада, Гренада моя!»

Строки стихотворения Михаила Светлова «Гренада»[43] слета 1936 года не сходили с уст многих людей в Советском Союзе.

Республиканцы дрались с фашистскими мятежниками, но силы были неравными. Франкистам широким потоком шли поставки из европейских стран, прежде всего из Германии и Италии, — оружие, техника, снаряжение и, конечно, хорошо обученные военные кадры. Республиканцам же — никакой помощи. 27 государств Европы, среди них и СССР, заключили соглашение о невмешательстве в испанские дела, а правительства Англии и Франции даже откровенно препятствовали Испанской республике приобретать за границей оружие, устроив необъявленную военно-экономическую блокаду.

Армия националистов (основу их составляли так называемые африканцы — армейские части Испанского Марокко) под руководством генерала Франко, не встречая серьезного сопротивления, в конце августа уже была в 150 километрах от Мадрида. Солдаты-республиканцы бежали, расстреливая собственных офицеров, пытавшихся организовать отпор мятежникам. Командующий Северной группой войск националистов генерал Эмилио Мола сказал по этому поводу: «Я иду на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая колонна уже ждет нас там»[44].

Националисты полагались на слабость плохо организованных частей Народной армии. Ударные группировки должны были окружить Мадрид с севера, северо-запада и юга, постепенно сужая фронт. Мятежники вели наступление не очень стремительно, но весьма последовательно. 17 октября, взяв городок Ильескас, они уже находились на расстоянии менее 40 километров от Мадрида. Потеря Ильескаса вызвала панику в рядах республиканцев. Многие (даже сам командующий Центральным фронтом полковник Асенсио Торрадо) заговорили о сдаче противнику Мадрида без боя. 23 октября танковая колонна националиста

Карлоса Асенсио Кабанельяса вышла на южные подступы к Мадриду, взяв города Сенсенья, Эскивас и Борокс…

И тогда Советский Союз подал республиканской Испании руку помощи. В первые недели испанской гражданской войны Сталин и ЦК ВКП(б), хотя и сочувствовали по идеологическим соображениям фактически социалистической Испанской республике, однако пошли лишь на гуманитарную помощь ей (продовольствие, медикаменты, одежда и т. д.). Во многом это было вызвано искренней верой советских лидеров в политику «невмешательства». К середине осени 1936 года стало ясно, что «невмешательство» — пустая формальность, которая никак не мешает Германии, Италии и Португалии активно помогать националистам. Поэтому 29 сентября Политбюро ЦК постановило начать оказывать республиканцам более существенную военную помощь.

Сначала это была скромная, завуалированная помощь — через третьи страны. С октября 1936-го по февраль 1937 года были закуплены и отправлены в Испанию небольшие партии фотоаппаратуры, противогазов, передана республиканским властям заимствованная во Франции лицензия на производство самолетов «Фоккер». Непосредственно самолетов из различных стран — 58. Закуплено орудий во Франции — 30, в Швейцарии — 8. Также закуплено в Чехословакии 145 пулеметов, 10 тысяч винтовок и другого оружия на общую сумму 131 567 580 долларов.

Со временем Советский Союз перестал «скромничать». Начались крупномасштабные прямые поставки. В первые месяцы 1937 года республиканцам было направлено: 347 танков, 60 бронеавтомобилей, 1186 артиллерийских орудий, 20 486 пулеметов, 497 813 винтовок. Для сравнения отметим, что Италия и Германия поставили националистам Испании в общей сложности 1150 танков и бронемашин, 2630 артиллерийских орудий, 8759 станковых пулеметов, 1426 минометов, более 250 тысяч винтовок, 16 720 авиабомб, тысячу тон взрывчатки[45].

Из черноморских портов СССР непрерывно отправлялись к испанским берегам корабли с продовольствием и военными грузами, в том числе с тяжелой боевой техникой. В середине октября в Испании появляются истребители И-15, бомбардировщики АНТ-40, танки Т-26, артиллерийские установки с советскими экипажами и расчетами. Пароходами, самолетами, поездами в Испанию ежедневно прибывали бойцы-добровольцы и военные специалисты.

Мятежники Франко продолжали вести наступление на Мадрид. Газеты западноевропейских стран были переполнены

сообщениями, перепечатывавшимися из фашистских источников, о скором и неизбежном падении республиканского правительства.

Мерецков пишет в мемуарах: «Тревожное чувство охватило нас, когда мы, два советских командира-добровольца, я и полковник Б.М. Симонов, следовали железной дорогой в республиканскую Испанию по маршруту Москва — Берлин — Париж и просматривали свежие газеты. Действительно ли Мадрид уже в кольце, или это просто очередная утка буржуазных журналистов?»

В ту пору чувство интернационализма владело многими советскими людьми. Мерецков и его спутник гордились тем, что едут помогать зарубежным классовым братьям бороться за свободу и независимость.

Осенью 1936 года ехал в Испанию и капитан Александр Родимцев. Через 34 года дважды Герой Советского Союза генерал-полковник А.И. Родимцев в своей книге «Под небом Испании» расскажет, как отправлялся он в сражающуюся страну на Пиренеях, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать».

«— Ну, вот и камарада Павлиго явился. Отныне и до Парижа ваше имя Павлиго. А в Испании — Гочисе. Запомните. А теперь получите документы и деньги на дорогу. Вместе с вами отправится еще один товарищ, ленинградец Николаев. (Это говорил Родимцеву работник спецотдела Наркомата обороны перед отправкой его в Испанию. — *Н. В.)*

— Как мы встретимся?

— Он найдет вас на вокзале…

…И вот мы сидим в купе курьерского поезда, увозящего нас далеко от милых сердцу мест.

Незаметно пролетело время. Мы — в Париже. Несколько дней пробыли во Франции…

В Париже я расстался с моим московским попутчиком. Мне вручили удостоверение личности и предупредили, что на пути в Барселону меня встретят и скажут, что делать. Взял документ, положил во внутренний карман пиджака, а в голове все крутилась мысль: как же меня найдет встречающий, если мы никогда не видели друг друга.

В поезде Париж — Барселона ко мне подошел веселый, жизнерадостный человек.

— Путешествуем?

— Да, решил съездить на корриду, — как можно беспечнее ответил я.

— Стоящее дело, — деловито одобрил незнакомец.

— А вы?

— Хочу закупить партию апельсинов.

За спиной медленно прошел полицейский, внимательным взглядом прощупывая пассажиров. Незнакомец заметно оживился, принялся рассказывать о ценах на фрукты. Общительный попутчик заразительно смеялся и шутил. В памяти он держал нескончаемый запас небылиц и рассказывал их с упоением. Потом, когда мы остались вдвоем, он сразу стал серьезным, задвинул дверь купе и тихо произнес:

— Будем знакомы: Петрович Кирилл Афанасьевич. В Испании станем работать вместе. Задание будешь получать от меня.

Он назвал пароль.

— А как же с закупкой апельсинов? — пошутил я.

— Да ведь и тебе вряд ли придется прохлаждаться на корриде.

Много позже я узнал, что энергичный Петрович был не кто иной, как К.А. Мерецков, спустя годы ставший Маршалом Советского Союза.

В Барселоне нас посадили в автобус и вместе с другими добровольцами повезли в центр города. У одного из небольших скромных домов, расположенных на тихой улочке, машина остановилась.

— Выходите. Приехали, — приветливо обернулся к нам шофер.

В доме на первом этаже уже обосновалось несколько таких же, как и мы, гостей. Некоторые из них, утомившись после долгой и трудной дороги, прикорнули на узеньких диванчиках, что стояли вдоль стен. Другие, столпившись возле единственного телефона, уговаривали сердитого, с красными от бессонницы глазами дежурного соединить немедленно со своими земляками, как можно быстрее отправить в часть, на передовую. А небольшая группа французских добровольцев расстелила на полу карту и, склонившись над ней, разбирала положение на фронте. На втором этаже было устроено нечто вроде буфета или походной столовой. Нам предложили по большому куску холодной баранины, стакану вина и десятку апельсинов. Пока я закусывал, Петрович сбегал вниз, о чем-то договорился с сердитым и усталым испанцем.

— Будь готов, мой друг. Сегодня едем.

Мы покинули Барселону и убыли в Мадрид…» Дальше — отрывок из мемуаров Мерецкова: «В Барселоне мы встретились с советским консулом В.А. Антоновым-Овсеенко. Впервые я познакомился с ним в 1924 году, когда он был начальником Политуправления Реввоенсовета, и теперь сразу узнал его: широкий, чуть улыбчивый рот; острый и длинный, «гоголевский»,

нос; щелочки близоруких глаз из-под очков. Этот человек прошел большой и сложный путь. Будучи одним из руководителей Петроградского военно-революционного комитета во время Октябрьского вооруженного восстания, он арестовывал в Зимнем дворце Временное правительство. В годы гражданской войны Антонов-Овсеенко командовал Украинским фронтом и являлся наркомом военных дел УССР, а потом работал на ответственных постах в Малом Совнаркоме и в НКВД. Ряд лет он провел за границей, где был советским полпредом.

Владимир Александрович казался очень усталым. Рассказывая нам о положении в Испании, он держался спокойно, но губы его во время беседы нервно подергивались. Речь была образной и яркой, фразы — резкими…»

Антонов-Овсеенко обрисовал обстановку: мятежники стоят под Мадридом, Юго-Западная Испания почти вся потеряна Республикой; в воздухе господствует фашистская авиация, агрессия Германии и Италии под видом сотрудничества с фалангистами нарастает; в лагере мятежников идет грызня между соперничающими группировками, но еще сильнее, к сожалению, несогласие в стане республиканцев между коммунистами, социалистами, анархистами и крайними левыми; политика премьера Ларго Кабальеро непоследовательна, регулярной армии в полном смысле слова еще нет.

Осажденный Мадрид

Советники Мерецков, Родимцев и присоединившийся к ним в Барселоне Симонов ехали в Мадрид. Доехали, не без сложностей, лишь к вечеру. Столица встретила их потушенными огнями. В городе рвались бомбы, немецкие «юнкерсы» совершали очередной безнаказанный налет. По улицам в минуты затишья перебегали люди. Один молодой мужчина указал дорогу к советскому посольству, размещавшемуся в гостинице.

Прибывших волонтеров встретил корреспондент «Правды» Михаил Кольцов, сообщил, что тут располагаются ранее прибывшие советники во главе с Я.К. Берзиным, но сейчас он находится в Главштабе с Н.Н. Вороновым.

С Яном Карловичем Мерецков был хорошо знаком: они совсем недавно служили вместе на Дальнем Востоке — Берзин ходил в заместителях маршала Блюхера. Это твердый, волевой человек. В Особую краснознаменную Дальневосточную армию он прибыл осенью 1935-го (Мерецков к тому времени уже более полугода прослужил в качестве начштаба) на должность второго заместителя командующего ОКДВА. Сфера деятельности Берзина была предопределена приказом наркома обороны — руководство разведкой на данном операционном направлении.

Официальная версия его появления на ДВК — собственная инициатива. В приказе Ворошилова было написано: «Начальник Разведывательного управления РККА т. Берзин Ян Карлович, согласно его просьбе, освобождается от занимаемой должности…»

Кирилл Афанасьевич в эту версию не очень поверил, полагал, что чекист потерял доверие высшего руководства и «сослан» из Москвы, но эти свои мысли никому не высказывал.

Знаком Кирилл был и с Николаем Николаевичем Вороновым по Московскому военному округу. Он по окончании Академии имени Фрунзе в 1930 году служил в Московской Пролетарской дивизии командиром артиллерийского полка, и помощник начальника штаба округа Мерецков, естественно, знал его. Позже Воронов получил назначение на должность начальника-военкома артиллерийской школы. И вот теперь он — военный советник в Испании, прибыл в Мадрид на месяц раньше Мерецкова…

* * *

Берзин и Воронов появились в гостинице через час. Мерецков

по всей форме представился руководителю советников «генералу Гришину» (псевдоним Берзина в Испании), потом представил своих спутников. Ян Карлович пригласил прибывших отужинать с дороги.

«Мы стали вживаться в испанскую действительность, — рассказывает Кирилл Афанасьевич. — Особая краснознаменная Дальневосточная армия, служба с Блюхером, мучившая меня полгода сильная ангина, совещания в Москве, командировка в Чехословакию, проводы за границу, Польша, Германия, Франция — все подернулось какой-то дымкой и отошло во вчерашний день. Коричневый хлебец и апельсины на скрипучем столе, усмешка Кольцова, уличный мрак да отдаленные разрывы — вот окружающая нас реальность…»

Наутро Берзин поставил Мерецкову и его группе задачу. Суть ее сводилась к тому, чтобы в ближайшие дни помочь превратить Мадрид в крепость. Твердо рассчитывать можно было на коммунистов, на людей из министерства внутренних дел и на рабочее население города.

Ян Карлович показал на большом листе городской карты-схемы места расположения будущих оборонительных сооружений. Потом, будто спохватившись, сказал Мерецкову:

— Да, чуть не забыл, вам нужно получить официальные назначения в Главштабе Республики.

В штабе Кирилла встретил советник центрального аппарата П.А. Иванов. Он познакомил Мерецкова с офицером, одним из тех штабистов, кто остался служить Республике и не перебежал к мятежникам. Таких оказалось немного.

Представитель республиканского командования сообщил, что новый штаб еще не сформирован, так что назначение будет несколько позже. А пока он «просит хенераля руссо[46] Петровича срочно поехать в дрогнувшие в последних боях войска и провести беседу о том, что дальнейшее отступление грозит крахом».

Мерецков вернулся в гостиницу и застал Берзина все еще размышляющим над планом оборонительных сооружений Мадрида.

— Все ли тут верно? — произнес Берзин вслух и повторил русскую поговорку: — «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Мерецков доложил, что в Главштабе его попросили выехать в защищавшие Мадрид войска и поддержать их ободряющим словом.

— Поезжайте, — сказал Ян Карлович. И добавил: — А завтра будьте готовы объехать окрестности города, вместе посмотрим на местности, как лягут будущие окопы и брустверы.

Мерецкову представили на выбор трех переводчиц. После некоторых колебаний он остановился на кандидатуре М.А. Фортус, русской по происхождению, и позднее никогда о своем выборе не жалел. Испанцы ее звали Хулия, советские советники — Мария Хулия. Мария Александровна Фортус была замужем за Рамоном Касанелясом — генеральным секретарем компартии Каталонии, членом политбюро Испанской коммунистической партии. В 1933 году во время подготовки парламентских выборов он был убит членами фашистской группы из международной организации, боровшейся с коммунизмом.

Мария Александровна вернулась из Испании в СССР с сыном Рамоном Флореалом. А в 1936 году ее сын после окончания советской военной школы уехал на родину и принял там участие в борьбе с франкистами. Вскоре Рамон Флореал Касанеляс-Фортус геройски погиб в боях с мятежниками.

Летом того же года вслед за сыном отправилась в Испанию и Мария Александровна — с паспортом на имя уругвайки Хулии Хименес Карленас. Она ехала в качестве переводчика советских военных советников.

Мария Хулия в совершенстве владела языком, отлично знала страну и ее обычаи, была рассудительной, быстро ориентирующейся в обстановке и храброй женщиной. Ей по плечу оказалась не только работа переводчицы, которую она выполняла блестяще. Как показала жизнь, она с успехом вела переговоры с любыми должностными лицами и в дальнейшем фактически являлась офицером для поручений…

Первой частью, которую посетил Мерецков, была бригада Листера. С коммунистом Энрике Листером Кирилл Афанасьевич встречался в Москве, где тот временно жил в эмиграции и работал на строительстве метрополитена. Бывший каменщик Листер теперь командовал 5-м полком народной милиции, который состоял наполовину из рабочих (почти все они были коммунистами) и являлся костяком республиканских сил. Недавно полк стал смешанной бригадой, получившей порядковый номер «1». Бойцы Листера уже отличились в схватках с мятежниками, настроение у них было боевое.

В соседней части, где побывал Мерецков, дела обстояли хуже, там солдаты-пехотинцы нервничали: по показаниям пленных, фашисты собирались применить здесь танки.

Батальоны пехотинцев собрали вместе. Бойцы хмурятся. Многие думают, что сейчас им станут учинять разнос за отступление.

Мерецков вспоминает: «Поглядел я на ребят, посмеялся и начал рассказывать, как воевали мы в Гражданскую войну в

Советской России. Рассказываю, а сам посматриваю то на переводчицу, то на бойцов. Мария Александровна переводит очень экспансивно, голос звенит от напряжения, лицо горит. Солдаты в свою очередь реагируют горячо, повскакали на ноги, повторяют ее слова, жестикулируют. Затем посыпались вопросы. Чаще всего спрашивали, приходилось ли Красной армии отступать, а если приходилось, то как мы это переживали и что при этом делали.

Снова начался рассказ. Приходилось, говорю, отступать, порой даже бежать, и нередко, но потом мы всегда восстанавливали боевую дисциплину, переходили в наступление и громили белогвардейцев. Главное, что помогало нам, — это наша политическая сознательность, организованность и опора армии на трудящееся население».

Мерецков потом признался, что относительно союза с трудящимися бойцы поняли все сразу. Насчет политической сознательности пришлось опять обстоятельно разъяснять, в чем она заключается и как толковать ее применительно к испанским делам.

Долго он говорил о дисциплине. Пока Фортус переводит, думал про себя: вот так объясняем в бригаде, где три четверти бойцов — коммунисты и социалисты. Каково будет у анархистов? Но спустя несколько минут обнаружится, впрочем, что солдаты всё и сразу поняли правильно. Просто они хотели подольше послушать посланца Страны Советов.

А вот с темой отступления оказалось сложнее. Мерецков старался напирать на мужское самолюбие: «Куда же отходить дальше? Ведь за окопами сразу начинается Мадрид! Будете отступать по его улицам, над вами девушки станут смеяться из всех окон, со всех балконов». Бойцы опускали головы.

Вообще же беседа прошла хорошо, настроение в батальонах поднялось. На прощание солдаты попросили показать им какую-нибудь кинокартину про Гражданскую войну в СССР. Хенераль руссо Петрович пообещал. Позднее из Советского Союза было прислано несколько фильмов.

Перед уходом комиссар потребовал от солдат дать обещание, что дальнейшего отступления не будет. Батальоны хором поклялись.

Мерецкова назначили советником второго уровня.

Система советского военного советнического аппарата в республиканской Испании состояла из нескольких степеней. Высшую ступень занимал главный военный советник. За период с 1936 по 1939 год на этом посту находились Берзин (1936-1937), Штерн (1937-1938) и Качанов (1938-1939).

Следующая ступень (второй уровень) — советники в различных службах Генерального штаба республиканской армии, в Генеральном военном комиссариате, в штабах ВВС, артиллерии, ВМС, противовоздушной обороны и при военно-медицинской службе. Например, старший советник по артиллерии Н.Н. Воронов (Вольтер), старший советник по авиации Я.В. Смушкевич (Дуглас), главный военно-морской советник республиканского правительства Н.Г. Кузнецов (Николас Лепанто), советник председателя обороны Мадридского фронта Г.И. Кулик (Купер), советник командующего Маневренной армией Арагонского (Восточного) фронта Р.Я. Малиновский (Малино) и другие.

Третий уровень состоял из советников командующих фронтов, командиров дивизий, полков и других воинских единиц. Вот некоторые из них: Д. Г Павлов — старший советник по танкам, псевдоним Павлито; П.И. Батов — советник в бригаде Энрике Анстере, псевдоним Пабло Фриц; С.А. Ваупшасов — старший советник при штабе 14-го партизанского корпуса республиканской армии по разведывательным операциям, псевдоним Альфред; Х. Д. Мамсуров — советник отрядов диверсантов-«герильеросов», псевдоним Ксанти. Е. С. Птухин начал воевать в качестве командира истребительной группы, затем старшего советника командующего ВВС Игнасио Идальго де Сиснероса, псевдоним Хосе (Хозе). А.И. Родимцев — советник в 1-й бригаде Листера, псевдонимы Гочисе, Гешос; В.Я. Колпакчи — советник в 13-й интербригаде, Н.П. Гурьев — советник по артиллерии в 11-й интербригаде.

Четвертый, базовый, уровень составляли военные специалисты-добровольцы (летчики, танкисты, моряки и т. д.), непосредственно принимавшие участие в боевых действиях.

Итак, Мерецкова поставили на вторую ступень. Он будет работать непосредственно при Висенте Рохо, начальнике Генерального штаба сил обороны Мадрида. Мерецков с уважением отзывался о Рохо и давал ему довольно высокую оценку. В отличие от своего начальника, председателя хунты[47] обороны Мадрида генерала Хосе Миаха (Мьяха), тугодума и консерватора, это был умный, знающий и деловой офицер. Он имел более левую, чем Миаха, политическую ориентацию и порой расходился с ним во взглядах. Нередко, внося какие-нибудь серьезные предложения или сообщая важные данные, Рохо избегал докладывать лично Миахе, обращался либо к Мерецкову, либо к Кулику (когда он был советником при генерале Миахе) и просил побыстрее провести решение в жизнь.

В мемуарах «На службе народу» Кирилл Афанасьевич пишет: «… Вечером я приходил к Миахе (в период, когда Мерецков

вместо Кулика стал советником генерала. — *Н. В.)*… Беседовали. После нескольких случаев на фронте, когда рекомендации советника помогли, Миаха, думавший о своей карьере, начал, по-видимому, относиться к моим советам со вниманием… На следующее утро после встречи Миаха созывал у себя в кабинете совещание и выкладывал всё, что было накануне согласовано. Далее слово предоставлялось Рохо, а он, как фактический инициатор ряда предложений, энергично поддерживал председателя хунты. Затем слово предоставляли мне, и я выступал в том же духе. После этого соглашались и другие должностные лица».

Защитить красную столицу

Мадрид держался. Благодаря усилиям граждан, особенно организаций компартии (их руководители Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Сантьяго Каррильо, Антонио Михе работали не покладая рук), и активному содействию советских волонтеров подступы к нему были значительно укреплены. Город опоясали разного рода заграждения: на десятки километров тянулись рвы и земляные валы, многоходовые линии окопов с огневыми точками.

Внеся свою лепту в упрочение обороны, Берзин уехал в Валенсию, где собирал вновь прибывающих волонтеров вокруг создаваемого им аппарата военных советников.

Мерецков оставался в сражавшемся Мадриде. Натиск отборных марокканских частей Франко не ослабевал, и опасность прорыва их в столицу не исключалась. Правительство во главе с премьер-министром Ларго Кабальеро и государственные органы управления было решено эвакуировать в Валенсию. Различные учреждения уезжали сами по себе, иногда никого ни о чем не извещая и не оставляя на старом месте никаких рабочих групп. Отдельные члены правительства, принадлежавшие к разным партиям, теряли контакт друг с другом.

В Мадриде Мерецков узнал от военного атташе СССР в Испании Владимира Гориса (В.Е. Горева) о прибытии группы танкистов с техникой под командованием С.М. Кривошеина. 23 октября советский полпред в Великобритании И.М. Майский официально уведомил одного из идеологов «невмешательства» английского дипломата лорда Плимута об отказе СССР от участия в политике невмешательства в гражданскую войну в Испании. И вот через шесть дней после этого уведомления из Советского Союза поступила первая открытая военная помощь республиканцам.

Симонов, которого Мерецков оставлял за себя, сообщил, что одна танковая рота группы Кривошеина под командованием майора Грейзе уже приняла участие в бою. Мерецков поспешил оповестить об этом мадридцев, чтобы поднять дух среди горожан и бойцов республиканских войск. Затем поехал на участок, где расположилась рота после проведенного боя. Майором Грейзе оказался капитан РККА Арман, бывший командир роты мотомехбригады Белорусского военного округа. Мерецков знал латыша Поля Армана (его настоящие имя и фамилия Поль Матисович Тылтынь), оба обрадовались неожиданной встрече. Арман рассказал о прошедшем бое. В один из танков попал снаряд мятежников, оглушив башенного стрелка, которого

пришлось отправить в лазарет. Других потерь не имелось. Настроение у танкистов было приподнятое: прибыть и с ходу успешно выполнить задание — замечательный боевой старт на испанской земле!

Подчиненные Армана блестяще его продолжат и в дальнейшем. В ноябре 1936 года под Мадридом действовало всего лишь около 50 танков, намного меньше, чем имелось у Франко, но советские танкисты сражались героически. Они сцементировали столичную оборону, укрепили дух республиканцев и урон врагу наносили ощутимый. Франкисты еще не имели опыта борьбы с танками, и бронированные машины нередко просто давили вражескую пехоту и конницу. Марокканцы при виде идущей на них в атаку лавины танков разбегались в панике, сдавая без боя занятые позиции. Среди тех, кто доблестно сражался под Мадридом, подразделение Поля Армана выделялось особенно. Не случайно ему одному из первых волонтеров было присвоено звание Героя Советского Союза[48]. Приведем только один эпизод действий Армана в бою, о котором он сам рассказал в неопубликованных воспоминаниях.

Его танковая рота в составе 15 экипажей получила приказ поддержать пехоту при наступлении на деревню Сесинья. Однако пехота опоздала к началу атаки, и танкисты вступили в бой без поддержки живой силы. Вот как описывает этот бой Арман:

«Пройдя Сесинью, разведка по радио донесла, что противника в деревне нет. Но, когда мы подошли к окраине селения, на дороге стояло орудие и послышалась резкая команда: "Огонь!"

— Отставить! Не стрелять! — кричу я.

Возле орудия случилась заминка. Пользуясь ею, на полном ходу танк подлетает к орудию. Рядом с ним стоит расчет и офицеры — лейтенант и капитан. Вокруг небольшие группы солдат — марокканцы! Ясно, что после прохождения нашей разведки мятежники заняли деревню.

— Кто тут безобразничает? Кто подал команду "огонь"? Кто приказал в меня стрелять? — кричу я.

Капитан растерялся и не может понять, кто перед ним, — на мне танковый комбинезон без знаков различия, снаряжение испанское, на боку висит револьвер "кольт".

— Долго будете стоять разинув рот? Убирайте орудие!

В это время подходит испанский подполковник и спрашивает:

— Почему вы кричите на моих офицеров?

— Как не кричать на таких олухов, ведь они собирались в меня стрелять!

— Не повышайте тона, я подполковник!

— Вижу, но плевать мне на это. Вы воспитайте своих

подчиненных так, чтобы они слушались начальников и не делали глупостей.

Подполковник растерялся.

— Кто вы такой? — спросил он.

— Как кто? Вы что, не видите, что я командир танкового отряда?

А вот и отряд подходит. Действительно, танки подходили один за другим и, видя, что я разговариваю с противником, разворачивались в боевой порядок. Чтобы выяснить, кто перед ним, подполковник указал рукой на часовню у дороги и предложил:

— Может быть, вы слезете с танка и пройдете ко мне в штаб? Там объяснимся.

Видимо, мое дерзкое поведение сбило подполковника с толку. Я вижу, что танки готовы к бою и ждут команды. Подаю сигнал "Вперед!" и захлопываю над головой люк. Боевая машина с ревом рвется вперед — через подполковника, двух его офицеров, орудие и артиллеристов… Навстречу колонна грузовиков с солдатами. Танки без выстрелов налетают на нее, давят машины… Поворачиваем в узкую улицу. По улице движется эскадрон кавалерии, по три всадника в ряд. Идем на кавалерию… Немногие всадники успели выскочить в поле, остальные были перебиты пулеметным огнем…»[49]

Дела под Мадридом пошли успешнее, но положение все еще оставалось острым. Предстояло решить ряд неотложных проблем и в первую очередь наладить эффективное управление защитниками столицы, увеличить их количество и превратить республиканские воинские отряды в регулярную армию. Но решение упиралось в ряд серьезных организационных мероприятий. Чтобы провести их в жизнь, необходимо было добиться согласия трех важных лиц: премьера Кабальеро, который одновременно был и военным министром; его заместителя Асенсио, фактически руководившего вооруженными силами Республики, и начальника Главного штаба Кабреры, к которому в то время назначили советником, переведя от Рохо, Мерецкова.

Берзин собрал в Валенсии совещание, на котором главными были вопросы взаимоотношения с военным руководством республики и создание регулярных войск. Стареющий Кабальеро не способен был действенно и оперативно руководить вооруженными силами. К тому же его политическая линия очень часто шла вразрез с интересами народа и демократического государства, а ненависть, которую он испытывал к коммунистической партии, мешала ему установить контакт с наиболее организованным, сознательным и дееспособным

отрядом испанских трудящихся. Асенсио был человеком решительным и целеустремленным, но цели, которые он преследовал, в еще меньшей степени совпадали с интересами народных масс. Трудящиеся его не любили и связывали с его именем почти все неудачи на фронтах. Кабрера же отличался большей гибкостью, чем Кабальеро и Асенсио.

На совещании было решено еще раз надавить на премьера и его военного заместителя. «Давление» дало результаты: Кабальеро и Асенсио наконец согласились на формирование постоянного войска Республики из отрядов рабочих и волонтеров-интернационалистов. Вначале это будут бригады. Когда они приобретут боевой опыт, их сольют в дивизии. Когда окрепнут дивизии, их объединят в корпуса.

* * *

В Альбасете стали сосредоточиваться будущие интербригадовцы (это были, как правило, коммунисты различных стран). Их организацией занимались видные деятели международного коммунистического движения во главе с французом Андре Марти. Военной стороной дела руководили советские советники, активное участие в этом принимал Мерецков.

К концу октября были сформированы первые четыре интернациональных батальона: немецко-австрийский имени Эдгара Андрэ, национальный состав — немцы, австрийцы, скандинавы; восточноевропейский имени Домбровского — поляки, болгары, чехи, венгры, югославы; французский «Парижская коммуна» — французы, бельгийцы; итальянский имени Гарибальди — итальянцы, швейцарцы. Они вошли в интербригаду, получившую в Народной армии 11-й порядковый номер. Бригада была скомплектована 5 ноября. Командиром ее стал австриец, генерал Эмиль Клебер (сотрудник Коминтерна Манфред Штерн), комиссаром — итальянец Марио Николетти (Джузеппе Ди Витторио).

Партии республиканцев, лоялистов и особенно анархистов саботировали создание единой регулярной армии. Они предпочли иметь «свои» независимые войска.

Мерецков со своим заместителем Симоновым, а также с советниками Малиновским, Батовым, Колпакчи, Родимцевым, Гурьевым выехали в Альбасете с задачей ускорить формирование бригад. 11-я интербригада Манфреда Штерна уже действовала на фронте, но войск не хватало. Спешно создавали 12-ю

интернациональную бригаду; ее под свое командование принял Пауль Лукач (Мате Залка).

13-ю интербригаду сформировал Владимир Яковлевич Колпакчи. Этой бригадой поручили заниматься одному человеку, потому что бойцов ее отличала политическая сознательность. Комиссар Галло (Луиджи Лонго, будущий генеральный секретарь Итальянской компартии) высоко оценивал их боевой дух, говорил, что антифашисты-волонтеры знали, зачем приехали в Испанию. Поэтому Галло был уверен: они не посрамят себя в сражениях с франкистами. К сожалению, в первом же бою бригада не выдержала удара марокканцев и отступила. Командование и советники долго и горячо анализировали причину и в конце концов пришли к выводу, что все упирается в отсутствие у бойцов военного опыта. Главштаб сменил командира и поставил бригаде другую боевую задачу, с которой она справилась уже на «удовлетворительно». Постепенно 13-я интербригада закалилась в боях и стала одной из лучших в Народной армии.

Вслед за интернациональными бригадами формировались и отправлялись на фронт собственно испанские бригады. За короткий срок было создано десять бригад. И Главный штаб, и Мерецков со своими советниками очень торопились, поэтому бойцам пришлось овладеть военным умением на суровой практике. Бригады с ходу вступали в бой, но их по-прежнему было недостаточно, чтобы отбросить войска националистов от Мадрида.

Спустя несколько дней на очередном совещании у Берзина обсуждался вопрос о завоевании господства в воздушном пространстве над Мадридом и над Испанией в целом, по которому был заслушан старший советник по авиации Я.В. Смушкевич.

Якова Смушкевича Кирилл Афанасьевич знал по совместной службе так же хорошо, как Берзина и Армана. Он командовал в Белорусском военном округе авиабригадой. Мерецкову довелось наблюдать за тем, как под его руководством строился аэродром в Витебске: 30-летний Смушкевич тогда проявил незаурядные организаторские способности. Через некоторое время Мерецков убедится, что и здесь, в Испании, этот опытный и смелый летчик покажет себя с самой положительной стороны. На совещании в Валенсии Смушкевич внесет важное предложение: посылать молодых испанцев в СССР для учебы летному делу, чтобы они могли уверенно владеть советской авиатехникой.

Самолетов в Испанию из Советского Союза поступило пока немного. В течение второй половины октября и начале ноября 1936 года было перебазировано 30 скоростных

бомбардировщиков СБ и 30 истребителей И-15. Из них сформировали бомбардировочную и истребительную группы. Позже прибыли И-16, из которых составили три эскадрильи по 10 машин в каждой и специальную штурмовую группу из тридцати самолетов.

К этому времени пилотов было уже около трехсот человек. В конце октября две эскадрильи СБ совершили массированный налет на марокканцев. Первой командовал Э.Г. Шахт, второй — В.Г. Хользунов, ставшие вскоре Героями Советского Союза.

Сохранилось много свидетельств о самоотверженном выполнении интернационального долга советскими летчиками в испанском небе. Так, летчик-истребитель С. Черных первым сбил в Испании немецкий «Мессершмитт-109». Командир звена П. Путивко в воздушном бою под Мадридом совершил таран — первый в истории советской авиации. Первый в истории отечественной авиации ночной таран совершил лейтенант Е. Степанов, направивший свой И-15 на итальянский самолет «Савойя».

По воспоминаниям В. Александровской, военной переводчицы авиаэскадрильи К.М. Гусева, уникальную, очень дерзкую операцию по уничтожению самолетов противника на аэродроме Гарапинильос, близ Сарагосы, провели летчики истребительной группы под командованием Е. С. Птухина (начальник штаба группы Ф.К. Арженухин). Два десятка советских штурмовиков неожиданно появились в небе над Гарапинильосом. Их атаки ошеломили врага. За полчаса они сожгли более 40 итальянских самолетов, все находившиеся на аэродроме ангары, склады с авиационными боеприпасами и горючим.

* * *

Однажды Берзин вызвал к себе Мерецкова и сообщил, что Купер (Г.И. Кулик), советник при председателе хунты обороны Мадрида Миахе, по приказу инстанции[50] отбывает в Москву.

— Вам, Кирилл Афанасьевич, придется заменить Григория Ивановича, так как Мадрид — важнее всего, — сказал он. — Оставлять Мадридский фронт без квалифицированной военной помощи нельзя. Функции военного советника в Главном штабе я беру на себя.

Мерецкову вменялось в обязанность особо заняться подготовкой общевойсковых офицеров звена взвод — рота. Наступило время позаботиться по-настоящему о командных кадрах республиканских войск. Народная армия в связи с

формированием бригад и развертыванием их в дивизии и корпуса очень нуждалась в них.

Прибыв в Мадрид, хенераль Петрович представился Миахе как его новый советник. Он знал, что совместная работа с ним будет делом сложным. Как политик Хосе Миаха, официально беспартийный, был очень далек от коммунистов. Это сильно мешало упорядочить руководство боевыми операциями в «красной зоне», как называли район Мадрида за откровенно левые настроения большей части его населения и за ту роль, которую играла испанская компартия в обороне столицы. Но как военный он оказался человеком знающим, хорошо разбирался в боевых возможностях марокканских войск — основной силы Франко под Мадридом, так как имел опыт колониальной войны в Марокко.

Мерецков говорил Берзину:

— Вот ирония истории! Марокканцы, боровшиеся за свою свободу против испанских захватчиков, теперь, обманутые, сражаются за интересы фашизма, злейшего врага угнетенных народов. А генерал, который в свое время был чуть ли не однокашником Франко и других лидеров реакции, должен защищать Республику и интересы трудящихся.

В своих воспоминаниях Кирилл Афанасьевич напишет: «Не случайно в 1939 году он (Миаха. — *Н. В.)* изменил Республике. Понятно, что о сотрудничестве с коммунистами он особенно и не думал, а просто исполнял свои обязанности как генерал на официальной государственной службе. Поэтому с чисто военной точки зрения мы находили общий язык, но морально-политического единодушия не было и в помине».

Мерецков всячески старался избегать обсуждения с председателем хунты обороны Мадрида вопросов взаимодействия с компартией. Тем более что всем советским военным советникам еще перед отъездом из СССР было строжайше запрещено принимать хоть какое-то участие в политических спорах и политической борьбе в Испании. Задача была одна: отдавать испанскому народу и его законному правительству свои военные знания. При необходимости разрешалось также принимать участие в боевых действиях.

Этим разрешением не раз пользовались многие советники, в том числе и Мерецков.

«НО ПАСАРАН!» НО ОНИ ПРОШЛИ

Хенераль руссо Петрович

Хенераль руссо Петрович в сражающемся Мадриде был известен многим. Он пользовался большим авторитетом как у простых защитников столицы, особенно коммунистов, так и у командиров Народной армии и руководства Республики. Молва о нем перешагнула границы Мадрида, его знали во многих республиканских воинских частях других городов, даже в анархистских колоннах[51] Барселоны…

У него было много друзей среди испанцев, но наиболее близкие — Висенте Рохо, Энрике Листер, Сарабия, Долорес Ибаррури. Особенно доверительные отношения сложились с Ибаррури.

Известная в Испании и в международном коммунистическом движении как Пассионария («пламенная»), Долорес Ибаррури Гомес родилась в семье горняка баскского происхождения. В 1917 году вступила в социалистическую организацию города Соморростро и начала публиковаться в рабочей печати под именем Пассионария. Через несколько лет стала членом компартии Испании (основана в апреле 1920 года), была редактором ряда коммунистических газет, членом Бискайского обкома КПИ; с 1930 года — член ЦК, с 1932-го — член Политбюро, секретарь ЦК компартии Испании.

В 1936 году Ибаррури становится депутатом кортесов (парламент), через год — вице-председателем кортесов. Как один из руководителей компартии Испании она в период войны испанского народа против фашистских мятежников и итало-германских интервентов играла важную роль, ей принадлежит страстный призыв: «Но пасаран!» (Они не пройдут!)

При встречах с ней Мерецков говорил обычно: «Салуд, Долорес! — И добавлял: — Но пасаран!» Она широко улыбалась, отвечала по-русски: «Привет, генерал Петрович! Они не пройдут!» — и протягивала ему руку.

Когда Кирилл Афанасьевич вернется на Родину, то в его рассказах об Испании часто можно было услышать: «Мне не забыть бесед с Долорес Ибаррури. И улыбку Пассионарии, и нервное пожатие тонких пальцев ее руки».

* * *

Мерецков днями находился в оборонительных траншеях. Однажды поздно вечером его разыскали Кольцов с одним из

испанских коммунистов. Они сообщили об обстановке в городе и требовании хунты и коммунистических организаций о немедленной эвакуации Кабальеро. Необходимо, чтобы начала наконец функционировать машина государственного управления. Но хунту премьер не слушает, и тем более коммунистов. Он по своей обычной манере принимает их настояния за некие «межпартийные интриги». Терять время нельзя, марокканцы уже приблизились к пригороду, в котором жил Кабальеро.

— Хенераль Петрович, — обратился испанский коммунист к Мерецкову, — только вы сможете уговорить его сейчас же отправиться в Валенсию. Он уважает вас и, я уверен, примет ваш совет покинуть Мадрид.

Кирилл Афанасьевич вспоминает: «Поехал я в домик премьера, но без особой надежды на успех. Кабальеро ложился спать в 22.00, и не было такой силы и таких событий, чтобы они заставили его отказаться от раз и навсегда принятого распорядка. Как только он засыпал, его связь с внешним миром обрывалась, всякий доступ к нему был закрыт.

Когда мы ехали, один из сопровождавших меня испанских товарищей показывал дорогу. Другие были посланы на шоссе Мадрид — Валенсия, чтобы встретить там премьера.

Приезжаем, нас встречает секретарь. Я через переводчицу объясняю ему, в чем дело. Объясняю долго и настойчиво, но без толку. Секретарь твердит свое: глава правительства спит, будить его нельзя. Пришлось пойти на крайние меры. Я сделал вид, что записываю фамилию секретаря, и сказал, что сейчас же передам сообщение куда нужно, а если премьер попадет в плен, то секретарь ответит своей головой. Судя по тому, как долго переводила Фортус мои слова, она явно добавляла еще что-то от себя, причем с очень энергичной и выразительной интонацией.

Секретарь удалился. Прошла пара минут, и с накинутым на плечи пледом появился Кабальеро. Последовали новые объяснения. Премьер оказался далеко не твердокаменным. Он сразу как-то раскис, узнав о марокканцах, быстро согласился с необходимостью отъезда, оделся, уселся в автомобиль и отбыл на восток. Я проводил его до места встречи на шоссе с сопровождающими лицами, после чего развернул машину и возвратился в город».

* * *

Франкисты с каждым днем усиливали нажим на Мадрид. Его защитники едва сдерживали их натиск: не хватало войск.

Главштаб решил попытаться наладить отношения с каталонскими анархистами и попросить их о помощи. С этой миссией в Барселону был направлен хенераль Петрович-Мерецков…

Мерецков встретился с начальником нескольких анархистских воинских колонн Дуррути.

Буэнавентура Дуррути — признанный лидер испанских анархистов, герой боев за Барселону. Его называли одним из тех народных воителей, кто в конце июня 1936 года спас для Республики сердце Каталонии[52]. Дуррути проявил задатки искусного организатора и решительного военачальника. Он быстро сформировал колонны из своих людей, которые на машинах, украшенных черно-красными анархистскими флагами, дерзко ворвались в город и завязали отчаянные сражения с националистами. В течение дня улицы Барселоны были от них очищены. Затем колонны двинулись на освобождение Арагона, отбив у мятежников значительную территорию.

Каталонские коммунисты и социалисты не менее самоотверженно дрались с путчистами, но их было гораздо меньше, чем анархистов.

«Мы сидели в его штабе, и Дуррути без конца вызывал к себе то одного, то другого подчиненного, — вспоминал Мерецков. — Те рапортовали ему и отбывали восвояси, а их место занимали другие. Дуррути, очевидно, доставляло удовольствие демонстрировать мне свои порядки, меня же эта детская игра сначала забавляла, а потом стала раздражать. Сидим в комнате уже битый час, а к серьезному разговору даже не приступили. Наконец он угомонился, и началась беседа. Я не помню, естественно, всех деталей, но общий дух разговора врезался мне в память вследствие необычности его содержания. Порой я не знал, что мне делать: ругаться или смеяться.

Начали мы с того, что по моей просьбе Дуррути стал обрисовывать общую обстановку в Испании. Тут я увидел, что он имеет о ней самое смутное представление. Затем разговор перебросился на отдельных командиров. Подчеркивая свою нелюбовь к централизованному руководству, Дуррути уверял меня, что все генералы на свете враждебны народу и что все они одинаковы…»

Мерецков стал стыдить Дуррути: как это он, известный политический деятель, не знает, что советские генералы совсем другие. Рассказал ему о наркоме обороны СССР.

Дуррути широко раскрыл глаза:

— Как, разве Ворошилов из рабочих?

— Да, он в прошлом слесарь.

— Но ведь рабочий не может не быть анархистом. Это очень

хорошо. Меня ваш Ворошилов сразу поймет. Как только он узнает, что я сижу без пулеметов и патронов, он даст их мне. У меня есть корабль. Завтра же мои люди организуют поездку в Одессу за патронами.

— Нет, так ты ничего не получишь. — Мерецков и Дуррути перешли на «ты». — У Ворошилова патроны не собственные, а государственные.

— Значит, не даст? Вот видишь, как государство ломает человека. Был рабочий, а сделался министром и сразу обюрократился.

— Иди защищать Мадрид, и Республика даст тебе патроны, гранаты и пулеметы. Выделяй людей в пулеметную команду для обучения.

— Ладно, поеду в Мадрид и спасу его. Мы всем покажем, как надо воевать!»

Дальше беседа пошла в дружеском тоне. Мерецков рассказывал Дуррути, что советские люди умеют ценить заслуги видных революционеров, в том числе и анархистов: в Москве есть улица, названная в честь Кропоткина, на памятнике у стен Кремля высечено имя Бакунина. «Поэтому, — говорил он, — нам понятно, что у вас имеются колонны имени Кропоткина и Бакунина. Но как понять, что одна из колонн носит имя Махно? Ведь Махно — бандит. Когда я служил в Конной армии Буденного, мне пришлось сражаться с махновцами. Эти разбойники грабили трудящихся и вредили народной власти. Не случайно в твоих колоннах столько всяких недостойных людей. Разве можно подпускать к революции нечистоплотных? Я уверен, что в колонны затесались и фашисты. Если их не изгнать, они подведут в первом же бою и принесут несчастье»…

Дуррути обещал очистить колонны от «враждебных революции лиц», но должного порядка так и не навел. Однако несколько своих отрядов общей численностью в 1800 человек он привел под Мадрид. Эти отряды приняли участие в сражениях на одном из самых тяжелых участков обороны столицы — в Студенческом городке. За четыре дня боев от 1800 бойцов осталось всего 700. Погиб и сам Дуррути. Причина его гибели неизвестна. Ходили разноречивые слухи: одни говорили, что он погиб от шальной пули, другие — кто-то из своих отомстил ему за попытки ввести строгую дисциплину в анархистском войске.

Мерецкову было очень жаль этого отважного парня с невообразимой путаницей в голове, но человека честного и по-своему принципиального. Что же касается пулеметчиков Дуррути, то они действительно прибыли в Альбасете и получили пулеметы «максим». Однако поначалу отказывались иметь с ними дело,

жалуясь на их тяжесть. Но потом, когда советник капитан Гешос (Родимцев) продемонстрировал, как здорово они стреляют, анархисты влюбились в них и стали обучаться с большим прилежанием. Внешний вид у этой команды нередко был весьма далек от того, как должен выглядеть солдат регулярной армии, хромала дисциплина, но пулеметчики из них получились лихие. А когда они посмотрели один из советских фильмов, то буквально на следующий день преобразились и с тех пор всегда наматывали на себя пулеметные ленты крест-накрест, подражая красным бойцам Гражданской войны в СССР…

Мария Хулия Фортус

На протяжении всего пребывания Мерецкова в Испании с ним рядом находилась Мария Хулия Фортус. Она была для него не только перводчицей, но и порученцем, и верным боевым товарищем. По возвращении в Советский Союз она сделала ряд ярких литературных зарисовок о республиканской Испании, о Мерецкове, о себе, о других советских советниках, о командирах и бойцах испанской Народной армии.

* * *

Это было в самом начале ноября 1936 года, в те трагические для Мадрида дни, когда, казалось, от одного часа или от одного лишнего бойца на фронте зависит судьба столицы, а может быть, и всей республиканской Испании. Бойцы под Мадридом сражались с невероятным мужеством, но они истекали кровью и остро нуждались в подкреплении.

В то время вместо разрозненных и разношерстных отрядов народной милиции началось формирование регулярных воинских частей. Штаб формирования во главе с полковником Сарабия находился в Альбасете. Надо отметить, что при начальнике штаба формирования состояли три комиссара: от социалистов, коммунистов и синдикалистов. Полковник Сарабия — истинный патриот и очень добрый, честный, милый человек, но несколько отвыкший от командования в боевой обстановке, — вынужден был свои распоряжения и приказы согласовывать со всеми тремя комиссарами. При этом, естественно, возникали споры и разногласия между комиссарами различных политических убеждений, и Сарабия с трудом сохранял самообладание.

Комиссарами при штабе формирования были: от коммунистов — Сатурнино Барнетто, старый партиец и профсоюзный руководитель портовых рабочих Севильи и всей Андалусии, человек энергичный, живой, одаренный недюжинным умом и необычайной способностью быстро схватывать и оценивать самую сложную обстановку; от синдикалистов — Анхель Пестанья, довольно известный профсоюзный деятель, он еще в 1922 году приезжал на конгресс Коминтерна в Москву — «на разведку», как сам говорил, а попросту для ознакомления с советской действительностью. Несмотря на свою приверженность анархо-синдикализму, Пестанья все же сохранил с той поры симпатии к Советскому Союзу и советским людям. Мария Хулия

знала его еще по Москве и быстро восстановила с ним добрые отношения. С комиссаром от социалистов ей работать приходилось редко.

То были труднейшие ноябрьские дни, когда решался один из самых сложных вопросов — помощь Мадриду. Все понимали: если Мадрид немедленно не получит свежее боеспособное подкрепление, то может пасть под натиском превосходящих сил противника. Там уже сражалась первая из интернациональных бригад, состоявшая из обстрелянных бойцов: 11-я интербригада приняла на себя мощный удар врага на подступах к Мадриду. А в Альбасете в это время заканчивала формирование 12-я интернациональная бригада, но она еще не была полностью укомплектована командным составом, не имела необходимого вооружения, боеприпасов, обмундирования и прочего обеспечения. Однако других боеспособных частей в тот момент не было, и только 12-я интербригада могла быть направлена в Мадрид, и то при условии, что получит необходимое вооружение.

Что же мешало? По решению республиканского правительства, вооружением, обмундированием и снабжением вновь создаваемых частей республиканской армии ведал председатель кортесов Мартинес Барриос. Без его приказа ни одна вновь сформированная воинская единица не могла быть укомплектована всем необходимым. Но по 12-й интербригаде, поскольку ее штаб и командование еще не были определены окончательно, Барриос такого приказа не отдавал.

Вечером 3 ноября, когда обстановка под Мадридом еще больше осложнилась, генерал Петрович, старший советник при Генштабе, обсуждал с полковником Сарабия проблему вооружения 12-й интербригады. В разгар дискуссии Сатурнино Барнетто наклонился к Марии Хулии и как бы между прочим сказал:

— Конечно, если бы тяжелое положение сложилось не под Мадридом, а в районе Валенсии, то Мартинес Барриос был бы гораздо покладистей — ведь там у него, кажется, огромное имение… — И тонко улыбнулся. В шутку это было или всерьез — определить трудно.

Петрович обернулся на голос Барнетто и вопросительно поглядел на переводчицу. Мария Хулия тут же вполголоса перевела ему замечание комиссара. Кирилл Афанасьевич промолчал, но через несколько минут также вполголоса спросил:

— Это серьезно?

— Не знаю, — ответила Мария Хулия.

— У меня есть для вас поручение, — сказал Петрович переводчице после окончания беседы с Сарабия. — Справитесь?

— Не знаю. Постараюсь.

В отеле Петрович быстро набросал текст двух телеграмм и поручил Марии Хулии передать их — одну через полчаса, а вторую еще через пару часов непосредственно самому полковнику Сарабия, где бы он ни был. В телеграмме говорилось, что авиаразведка заметила в районе между Валенсией и Аликанте, поблизости от побережья, большое скопление кораблей противника. Не исключено, что готовится десант.

Мария Хулия передала телеграмму, а еще часа через два снова позвонила в штаб и сообщила, что согласно вторичному донесению первые сведения подтверждаются: возможна высадка десанта.

От себя генерал Петрович просил сказать, что его мнение такое: фашисты, вероятно, задумали высадку с целью окружить Мадрид с востока и соединиться со своими частями под Мадридом. Петрович рекомендовал немедленно довести всю эту информацию до сведения Мартинеса Барриоса и на этом основании добиваться его распоряжения о немедленном вооружении 12-й интербригады.

Полковник Сарабия необычайно разволновался и тут же стал звонить председателю кортесов. Тот, услышав об угрозе Валенсии, скрепя сердце отдал наконец долгожданный приказ. Одновременно он потребовал, чтобы рано утром ему доложили обстановку на побережье.

Нечего и говорить, что никто из тех, кто имел отношение к вооружению интербригады, не терял даром времени. Немедленно были разосланы люди наблюдать за получением оружия, боеприпасов, обмундирования, проверить выдачу продовольствия и т. д. Петрович обсудил с Барнетто все вопросы, а затем направился на железнодорожную станцию: надо было подготовить эшелоны.

Уже через несколько часов в темноте ненастной осенней ночи, под нудным дождем бригада закончила погрузку и отправилась прямехонько под Мадрид. В этом была огромная заслуга Барнетто, как всегда неутомимого, умевшего найти выход из любого затруднительного положения.

Продрогшие и промокшие до костей генерал Петрович, полковник Сарабия и Мария Хулия вернулись в гостиницу. Было около шести часов, брезжил рассвет. Это было утро 4 ноября 1936 года. Наскоро выпив чашку кофе, Петрович сказал переводчице:

— Я сейчас еду на артиллерийские стрельбы в Ченчилью, там пробуду до вечера, а вам придется остаться в штабе и принимать сводки с фронта.

Петрович уехал. Сарабия, узнав, что 12-я интербригада,

несмотря на все трудности, отправлена, очень обрадовался, так как понимал боевую целесообразность принятого решения. Но он боялся сообщить председателю кортесов, что бригада отправилась не к Валенсии, а к Мадриду. По этому или по какому-то другому поводу, но Сарабия куда-то исчез.

Мария Хулия осталась одна. Раздался звонок. Мартинес Барриос сам позвонил в штаб и, узнав, что нет ни Петровича, ни Сарабия, разъярился. Из его слов стало ясно, что ему известно, куда в действительности отправилась 12-я интербригада, получившая вооружение. Видимо, миссия Марии Хулии и состояла в том, чтобы выслушивать его тирады и отвечать: «К сожалению, ни Петровича, ни Сарабия нет на месте».

К вечеру 12-я интербригада, благополучно выгрузившись в Аранхуэсе, пересела на автотранспорт и двинулась к Мадриду.

Когда вернулся Петрович, Мария Хулия доложила ему о звонке Барриоса. Он усмехнулся и ничего не сказал.

* * *

Как-то, уже во время боев на Мадридском фронте, в районе Университетского городка, Петрович выбрался из окопов передовой линии и стал продвигаться короткими перебежками вперед. Мария Хулия последовала за ним. Спрыгнув в воронку от снаряда, она услышала довольно резкий вопрос:

— Вам что здесь надо? Я пробираюсь в передовое охранение. Переводчица огрызнулась:

— Ну а вы что будете там делать без переводчика? На пальцах объясняться? Моя обязанность быть с вами рядом, вот я и буду!

Петрович ничего не ответил, и дальше они, уже молча, пробирались ползком под огнем.

Бойцы передового охранения, наслышанные о действиях «пятой колонны», долго не хотели верить, что к ним пришел генерал, да еще «хенераль руссо». Ведь сюда редко добирались даже младшие офицеры. Бойцы ворчали, подозрительно оглядывали Петровича. Нетрудно себе представить, что с генералом могла произойти и неприятность, если бы он оказался один. Но все быстро разъяснилось. Малоопытные бойцы внимательно выслушали все указания генерала и проводили его восхищенными взглядами.

Марии Хулии вспоминается еще один эпизод. Между прочим, об этом случае вспоминает в своих записках об Испании и маршал Р.Я. Малиновский. Адело было так. В феврале 1937 года

на Мадридском фронте наиболее опасная обстановка сложилась вдоль реки Харамы. Столица к этому времени была почти окружена войсками мятежников, и только одна дорога на Валенсию, где находилось правительство, Генштаб и другие центральные учреждения, оставалась в руках республиканцев.

В один из дней относительного затишья Марии Хулии было приказано выехать на фронт и собрать у командиров бригад последние данные об обстановке. На «форде» она добралась до невысокой горной гряды, где были позиции республиканцев. Оставила машину под горой, стала взбираться вверх. Вдруг на нее налетела целая лавина солдат, мчавшихся в страшной панике с горы и бросавших на бегу оружие, подсумки с патронами и даже вещевые мешки.

Мария Хулия так растерялась, что в первые минуты лишь с ужасом наблюдала это паническое бегство. Что было делать? Как остановить людей, охваченных паникой? И тут ей пришла в голову мысль, что испанцы очень любят хорошую, часто не совсем приличную шутку — «пиропо», и как они чувствительны к наиболее удачным, остроумным и в то же время злым из этих «пиропос».

Мария Хулия поднялась во весь рост и громко крикнула:

— Эй вы, кто это вас кастрировал? Вы не мужчины!

Грубая насмешка заставила остановиться тех, кто был ближе.

Группа бойцов вокруг переводчицы стала быстро увеличиваться. Мария Хулия продолжала ругать их. В завязавшейся словесной перепалке ей удалось добиться перелома в настроении. Она видела, как один за другим бойцы наклонялись и поднимали винтовки.

В конце концов эта полурота разрозненных бойцов вернулась в окопы. Мария Хулия пошла с ними, и только теперь ей стало ясно, насколько опасное создалось положение. Оказывается, дрогнула и отступила целая бригада (это была 17-я бригада, вновь сформированная и еще не обстрелянная), оголив довольно значительный участок фронта — километра в два-три.

Она пришла в себя и стала действовать. Выбрала трех бойцов и отправила с ними три записки: первую — соседу справа, командиру 15-й интербригады генералу венгру Яношу Галлу; вторую — соседу слева, прославленному командиру 11-й смешанной бригады испанцу Энрике Листеру, прося их подтянуть свои фланги и закрыть образовавшуюся брешь на линии фронта. Третья записка была адресована Петровичу. Мария Хулия приказала бойцу вручить эту записку шоферу «форда», чтобы он немедленно доставил ее «хенералю руссо». В записке она сообщала о создавшемся положении и необходимости принять

срочные меры.

Прошло около часа. От соседей стали подтягиваться в окопы 17-й бригады цепочки пехотинцев, и вскоре от них прибыли связные. Еще через час к окопам стало подниматься солидное подкрепление. В группе командиров Мария Хулия заметила генерала Петровича и капитана Родимцева, бежавших к окопу, в котором она находилась.

Бойцы и командиры свежей 24-й дивизии быстро занимали позиции и устанавливали огневые точки. И как раз в этот момент противник начал штурмовать высоты. Мятежники к тому времени, видимо, получили данные о бегстве 17-й бригады и решили воспользоваться разрывом линии фронта: неожиданным броском, в тишине, без артиллерийской подготовки овладеть высотами, прикрывавшими дорогу.

Петрович и Родимцев бросились к пулеметам. Не отрываясь от оружия, Петрович крикнул:

— Молодец, Хулия! Застрочили пулеметы.

Сквозь их стрекотание Петрович-Мерецков прокричал:

— Что сидишь? Беги скорей на КП Павлова, передай, что бы вводил в бой танки…

Сражения у Харамы

К декабрю 1936 года оборона Мадрида была настолько прочна, что хунта уже продумывала наступательные операции против войск националистов. Одно из наступлений состоялось 7 декабря. Поначалу оно развивалось весьма успешно: части Народной армии вышли к городку Брунете, опорному пункту франкистов. Однако затем командующий Центральным фронтом генерал Посас неожиданно перенес направление удара на север, на Гвадаррамский хребет, с целью устранить угрозу захвата противником мадридских водохранилищ Лосойя-Буйтраго. Этим мгновенно воспользовались националистические войска и неожиданно ударили с юга. Началось второе сражение за Мадрид, получившее впоследствии название «Туманное сражение» из-за погодных условий: рассказывают, что в тумане бесследно пропал даже целый батальон республиканцев. «Туманное сражение» продолжалось десять дней и проходило в крайне ожесточенных боях — обе стороны потеряли в нем примерно по 15 тысяч бойцов. В итоге наступавшие националисты вновь были остановлены буквально на самых подступах к столице, у реки Махадаонды. Ключевую роль в этом сыграло бесспорное техническое превосходство поставленных СССР Республике танков Т-26 над немецкими танками Pz-I националистов.

Новый удар националисты наносили на южном направлении — по захвату города Малаги, административного центра провинции Малага в Андалусии. Для франкистов было весьма важно овладеть им, так как он являлся базой республиканского флота на Средиземном море.

Операция началась 17 января 1937 года. Ее тщательно подготовил Кейпо де Льяно. Тот самый хитрый мятежный генерал Гонсало Кейпо де Льяно, который днем 18 июля без единого выстрела вошел в Севилью. Он заявил военному губернатору, что его войска контролируют не только Севилью, но и всю Испанию, а затем повторил это по радио удивленному населению города. Правда, вскоре ложь открылась и Кейпо де Льяно пришлось железной рукой подавлять выступления защитников Республики. По его приказу сначала в Севилье, а затем и во всех занятых путчистами районах Андалусии безжалостно расстреливались члены левых партий, активисты профсоюзов, не примкнувшие к путчу офицеры…

В операции по захвату Малаги националисты использовали все три рода войск, в то время как силы их противников насчитывали не более 12 тысяч необученных и плохо

вооруженных дружинников. Вместе с франкистами штурмовали город части итальянского экспедиционного добровольческого корпуса. Руководитель обороны Малаги полковник Вильяльба отчаянно просил руководство Республики прислать ему пополнение, оружие и боеприпасы, но Ларго Кабальеро эти просьбы проигнорировал. К 22 января город был окончательно окружен, а после незначительных боев 8 февраля взят смешанной группировкой испанских националистов и итальянских добровольцев.

Падение Малаги вызвало огромный резонанс в Республике. Правительство объявило виновными Вильяльбу и начальника Генштаба генерала Кабреру, уже давно подозреваемого в предательстве; их отдали под суд. Первого приговорили к тюремному заключению, второму запретили занимать командные посты в армии. Впрочем, уже через несколько недель Кабреру отправят руководить обороной Севера. Поражение у Малаги заставило руководство Республики провести ответное наступление силами армии Центра, руководимой Себастьяном Посасом.

Кавалерийский офицер, участник войны в Марокко, Себастьян Посас Переа после мятежа встал на сторону Республики, был назначен министром внутренних дел. В качестве министра руководил раздачей оружия гражданским сторонникам Народного фронт. В октябре 1936 года возглавил войска Центрального фронта, которые нанесли успешный контрудар марокканцам под Сесеньей, в котором участвовала только что поставленная республиканцам бронетехника из СССР, управляемая советскими танкистами. В начале 1937 года Центральный фронт был преобразован в армию Центра, возглавлять ее продолжал Посас. В этом качестве он и принял участие в Харамском сражении.

Группировка генерала Посаса была сформирована быстро. Однако дата наступления по непонятным причинам переносилась, причем дважды: назначенная первоначально на 27 января была передвинута на 12 февраля.

Петрович-Мерецков настаивал на раннем сроке, чтобы напасть на противника врасплох. И еще он предупреждал Главный штаб и хунту: нужно держать подготовку операции в строгой тайне. К сожалению, его советами пренебрегли.

Националисты, как и предвидел Кирилл Афанасьевич, проведали через свою агентуру о готовящемся ударе и решили опередить противника. Они намеревались атаковать юго-восточнее Мадрида, в долине реки Харама, отрезать Мадрид от морских портов Валенсии, Аликанте, Картахены и сомкнуть

кольцо вокруг города.

Войска Народной армии неспешно сосредоточивались на западном берегу реки Харамы. Там у республиканцев не было никаких укреплений; они ведь готовились не к обороне, а к наступлению. За спиной — Харама с несколькими мостами и труднопроходимая местность без дорог.

В первых числах февраля были выдвинуты 18-я и 23-я бригады в качестве авангарда будущей ударной группы. Бригады имели по четыре полноценных батальона бойцов (батальоны мятежников были по численности в два раза больше республиканских). Приданные им артиллерийские батареи еще не по дошли.

6 февраля, после короткой артподготовки, франкисты двинулись в наступление, нацелившись захватить мосты через Хараму. Несмотря на то что республиканцы еще не успели освоиться в новом для них районе, они оказали ожесточенное сопротивление, но к ночи под угрозой окружения обе бригады отошли на восточный берег.

Утром 7 февраля мятежники атаковали переправы, но были отбиты. На следующий день они нанесли удар в излучину рек Мансанареса и Харамы, где находился стратегически важный городок Васиамадрид, из которого можно было держать под обстрелом шоссе Мадрид — Валенсия. К исходу дня они овладели городом.

Ночью батальоны республиканцев хотели отвоевать утраченные позиции, однако мятежники уже успели не только отрыть окопы, но и натянуть колючую проволоку. Вернуть назад Васиамадрид не удалось.

9 и 10 февраля мятежники готовились к форсированию Харамы. Республиканцы не уничтожали мосты через реку, видимо, еще надеялись осуществить наступление. Охрану мостов поручили нескольким ротам интербригад.

В ночь на 11 февраля только что прибывший на охрану моста Пиндок франко-бельгийский батальон имени Марти был внезапно атакован марокканцами, перебившими штыками и кинжалами целую роту в составе 126 человек, из которой смогли спастись только шесть бойцов. После этого мятежники быстро перебросили на восточный берег четыре батальона, 11 танков и захватили удобный плацдарм. Путь им пытались преградить интербригады, но безуспешно.

Франкисты навели в двух местах реки понтонные мосты и переправили еще 9 батальонов, 40 орудий и 20 танков. Интербригады предприняли новые попытки выбить противника с плацдарма, уже при поддержке советской бронетанковой бригады

«Пабло» (Дмитрия Павлова), и снова потерпели неудачу. При этом пушками мятежников было подбито семь танков. Танковые экипажи ценой собственной жизни спасли сотни интербойцов, закрыв их собой от губительного вражеского огня.

Мятежники расширили захваченный плацдарм на восточном берегу, составлявший восемь километров по фронту и три километра в глубину. Но неприятностью для Франко стало господство в воздухе республиканской авиации. Мятежники уже не могли по несколько раз в день бомбить позиции противника: истребители ВВС Республики сразу же поднимались им наперехват. В воздушных боях с обеих сторон участвовало до ста машин.

В небе над Харамой республиканские летчики (это были только советские пилоты) сражались с исключительной отвагой и мужеством. Так, например, С.И. Грицевец в течение суток девять раз поднимал в воздух свой И-16. За неделю он сбил семь вражеских самолетов: три немецких истребителя «Хейнкель Не-51» и четыре итальянских бомбардировщика «Савоя-Маркетти СМ-81»[53], всего совершил 88 боевых вылетов, провел 42 воздушных боя, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

Здесь впервые республиканскими ВВС были применены штурмовые удары по частям мятежников. До этого такой вид использования авиации почти не применялся; дело ограничивалось бомбежкой аэродромов и транспортных узлов.

В сражении при Хараме получили боевое крещение советские зенитные орудия образца 1931 года, двадцать из которых поступили в Испанию в январе 1937 года (эти пушки, правда, были не совсем советскими: их производили в СССР на основе закупленного в Германии орудия фирмы «Рейнметалл»). В ходе Харамского сражения из этих зениток было уничтожено более двадцати франкистских самолетов. Зенитные пушки прямой наводкой били и по танкам, и пехоте противника, не раз спасая положение республиканцев…

13 февраля мятежники перешли в наступление на Арганду, чтобы наконец перерезать шоссе Мадрид — Валенсия. Но несмотря на тройное превосходство в силах (15 тысяч против 5 тысяч республиканцев) сделать этого не смогли.

Бои достигли невиданного ожесточения. Польский батальон имени Домбровского потерял в контратаках до половины личного состава. Из-за недостатка артиллерии у республиканцев двойная нагрузка ложилась на танки, которые не только по несколько раз в день контратаковали, но и подавляли огневые точки противника. От переутомления танкисты теряли сознание. В тот

кровавый день мятежники углубили свой плацдарм на 1—2 километра, заплатив за это четырьмя тысячами убитых и раненых. Республиканцы постепенно приспособились и к новой тактике мятежников. Те выдвигали вперед противотанковые пушки, но бойцы Народной армии уже наловчились выбивать их расчеты прицельным пулеметным огнем.

Всю ночь на 14 февраля мятежники перебрасывали на восточный берег Харамы новые силы, доведя общую численность своих войск до 40 батальонов, 100 орудий и 100 танков.

Утром 14 февраля после сильной артиллерийской подготовки и авиаударов мятежники пошли в наступление, но были остановлены с ходу вступившей в бой 14-й интербригадой. Началась настоящая мясорубка. Результатом страшного для обеих сторон боя был захват мятежниками господствующей над полем сражения высоты Пингаррон на правом фланге их плацдарма. Но силы франкистов иссякали, и они приостановили наступление.

Республиканцы понесли пока меньше потерь и могли еще рассчитывать на дополнительные резервы. В результате давления на генерала Посаса советских военных советников, фактически взявших управление сражением в свои руки, была проведена давно назревшая реорганизация войск Харамской группировки. Сформировали пять дивизий, три из которых составили самостоятельную оперативную группу (среди первых комдивов были коммунисты Листер и Модесто, а также интернационалисты — поляк Кароль Сверчевский и венгр Янош Галич). Утвердили план наступления: одна дивизия наносит удар с севера в тыл Харамскому плацдарму врага, а с юга на север, взяв высоту Пингаррон, должна была наступать дивизия Листера. План разработан был при активном участии Петровича- Мерецкова.

Боевая инициатива переходила к республиканцам. 17 февраля они неожиданно ударили по мятежникам с севера, смяв их боевое охранение, и те были вынуждены перебросить с плацдарма на западный берег Харамы два батальона пехоты и пять эскадронов кавалерии. Но контратака марокканской конницы была сорвана огнем зенитчиков прямой наводкой.

Республиканская авиация с утра штурмовала позиции мятежников. В середине дня завязался воздушный бой, в котором участвовали 50 самолетов И-16 и 30 «фиатов» и «хейнкелей», прикрывавших 15 «юнкерсов», летавших бомбить передний край частей Народной армии. Летчики дрались на фронте протяженностью 10 километров и на высоте от нескольких сотен метров до пяти километров. Результатом этого боя были 13 сбитых самолетов франкистов и три — республиканцев.

Весь день 18 февраля мятежники контратаковали северную

группу республиканцев, но успеха не добились.

В ночь на 19-е 1-я бригада дивизии Листера ворвалась на высоту Пингаррон и штыками уничтожила занимавший ее батальон мятежников, но утром батальон марокканцев отбил высоту. Несколько дней высота переходила из рук в руки…

Небывалое по масштабам и ожесточенности Харамское сражение завершилось 28 февраля. Республиканцы так и не смогли отбросить националистов обратно за Хараму. Но, в общем, ни одна из сторон не могла считать себя победившей. В сражении с каждой стороны полегло по 20 тысяч солдат и офицеров (по некоторым источникам, франкистов погибло 20 тысяч человек, республиканцев— 15 тысяч). В целом же Народная армия выдержала свой первый по-настоящему серьезный экзамен. Второй, еще более сложный, был впереди.

Гвадалахара

После сражений под Харамой Франко понял, что его армии необходимо время на передышку. Он видел: республиканцы окрепли, это предвещало наступление настоящей тотальной войны. Требовались новые военные силы. Африканская армия и марокканцы понесли на Хараме большие потери; их нужно восполнить. Для этого каудильо объявил призыв в армию новобранцев и начал их обучение.

Чтобы выиграть время, Франко, поступившись гордостью, обратился с просьбой о помощи к итальянскому экспедиционному корпусу, присланному Муссолини. Его просьба совпала с желанием самого дуче сосредоточить войска своего корпуса в Испании под Теруэлем с целью захватить Мадрид с северо-востока. Франко забеспокоился: чего доброго, итальянцы решат исход всей войны без него. Начались сложные переговоры. Компромисс был найден такой: итальянский экспедиционный корпус нанесет удар из района Сигуэнсы на Гвадалахару вдоль Французского шоссе. В поддержку им Франко выделял дивизию «Сория» под командованием генерала Хосе Москардо. Франко обещал, что, когда итальянцы ударят с севера, его марокканские части двинутся им навстречу с юга, с Харамского плацдарма. Вместе они окружат красную столицу и возьмут ее. Хотя втайне он определил: пусть войска Муссолини без него сражаются с республиканцами и как можно больше уничтожат красных; потери самих итальянцев его не беспокоили.

Итальянский экспедиционный, так называемый Добровольческий, корпус имел численность живой силы до 60 тысяч человек. Его вооружение составляло 1170 ручных и 485 станковых пулеметов, 200 орудий разных калибров, две батареи зенитной артиллерии, 108 танков и танкеток, 32 бронемашины, 3685 автомобилей и 60 самолетов. Корпусом командовал дивизионный генерал Марио Роатта — бывший глава итальянской военной разведки, один из инициаторов оказания итальянской помощи режиму Франко.

Корпус состоял из четырех дивизий, одна их которых, «Литторио», представляла собой элитное соединение регулярной итальянской армии, имевшее опыт участия в недавней войне в Эфиопии. Она перед отправкой в Испанию была усилена дополнительными подразделениями и полностью моторизована. Три другие дивизии: «Божья воля», «Черное пламя» и «Черные стрелы» — были сформированы из фашистской милиции — «чернорубашечников», в настоящих боях не участвовали и

отличались слабой дисциплиной. Кроме названных дивизий в корпус входили всякого рода специальные части.

Надо сказать, испанцы (и республиканцы, и националисты) с неприязнью относились к итальянцам, считали их интервентами.

В конце февраля 1937 года почти весь корпус уже передислоцировался из-под Малаги в район Сигуэнсы. В начале марта он стал продвигаться в сторону Гвадалахары.

Гвадалахара (от арабского названия *Wad-al-Hajara* — Река Камней, которое первоначально относилось к реке Энарес), небольшой город с множеством старинных дворцов, соборов и церквей, расположен в Центральной Испании, на реке Энарес (бассейн Тахо), в административном округе Кастилия-ламанча. Считался он промышленным, так как были там фабрично-заводские производства, главным образом связанные с обработкой сельскохозяйственной продукции. Находился в 55 километрах от Мадрида и соединялся с ним железной дорогой. Вокруг — неширокая сухая долина с обступающими ее отдельными горными массивами. В ней раскинулись древние рыцарские крепости-замки и «черные» деревни крестьян (дома в них сложены из камня темного цвета).

* * *

Республиканская разведка работала плохо: она слишком поздно обнаружила появление корпуса в районе Сигуэнсы на расстоянии 80—90 километров от Мадрида.

Читаем в книге Мерецкова «На службе народу»: «6 марта я получил первые тревожные сообщения о сосредоточении итальянцев южнее Сигуэнсы. Тревожные потому, что в этом районе стояла лишь одна 12-я республиканская дивизия. Ее пять бригад растянулись на фронте в 80 километров. Из 10 тысяч бойцов только 6 тысяч имели винтовки. Дороги были прикрыты всего 85 пулеметами и 15 орудиями. Что собираются предпринять итальянцы? Простая демонстрация противником своего "наступательного духа" или начало серьезной операции? Если речь шла именно о последнем, то тревожиться стоило. Система обороны севернее Гвадалахары не была развита в глубину. Окопы отрыли в полный рост, но проволочные заграждения существовали лишь кое-где, сплошной линии окопов тоже не было, а блиндажи годились скорее для жилья, чем для боя. Обучить 12-ю дивизию как следует командование еще не успело. Некоторые дефиле в горах под Гвадалахарой были прикрыты отрядами гражданских гвардейцев всего в несколько десятков

человек.

Я попытался получить более точные сведения о противнике в хунте обороны. Однако там отнеслись к сообщению о возможных боях на гвадалахарском направлении несерьезно…»

Роатта торопился начать операцию. Он хотел повторить «блицкриг» под Малагой. Расчет его был таков: идти вдоль Французского шоссе и, по ходу громя слабые бригады Народной армии, за два-три дня плотным полукольцом охватить с северо-востока Мадрид. За юг опасаться нечего, боеспособные части республиканцев будут скованы войсками националистов на Хараме (Франко твердо обещал это).

На окружение красной столицы Роагга отводил 8—14 марта, а утро 15-го — нанесение кинжального удара по ней и победоносное завершение войны.

Мерецков послал в Гвадалахару Родимцева. Вскоре от него пришло донесение, что там появились итальянцы. Кирилл Афанасьевич в это время объезжал с Симоновым позиции на Хараме. Ознакомившись с донесением Родимцева, он решил ехать на гвадалахарский участок. По дороге успел побывать в штабе 3-го корпуса и договорился о срочной переброске нескольких бригад под Гвадалахару, а также отдал распоряжение командиру танковой бригады Павлову готовить боевые машины к маршу на север…

8 марта в 7 часов утра 50 итальянских орудий начали артподготовку по позициям республиканцев. После нее должны атаковать две дивизии: на главном направлении «Черное пламя», на левом фланге — «Сория». Через 30 минут бойцы «Черного пламени» при поддержке двадцати танков перешли в наступление по Французскому шоссе. Генерал Москардо не поддержал итальянцев, «Сория» практически ни на метр не продвинулась вперед.

Наступающим противостояла 12-я дивизия Народной армии полковника Лакалле. Две ее бригады отошли на 4—6 километров, но подоспевшие два танка Т-26 своим огнем остановили передовую часть дивизии «Черное пламя». После короткой заминки «чернопламенцы» ринулись дальше, сбив с позиций 48-ю и 50-ю бригады 12-й дивизии.

Мерецков с группой советников находился в штабе 12-й дивизии. Вот как он рассказывает о том, что там увидел.

Полковник Лакалле сидел в доме и беспомощно поглядывал в окно со второго этажа. Советских советников он встретил в грязной нижней сорочке, шерстяных носках и ночных туфлях. Когда его попросили рассказать об обстановке, он подал карту — помятые несклеенные листы, указал на цветную ленточку,

изображавшую линию фронта. Она отражала вчерашнее положение. А где же сегодняшнее? Комдив удивился. Откуда ему знать, если комбриги еще не обедали? Выяснилось, что командиры бригад ежедневно приезжали к нему за 50—60 километров обедать и во время еды рассказывали об обстановке. Другими сведениями комдив не располагал.

В этот момент приезжает комбриг-50. Кирилл Афанасьевич к нему с вопросом о положении на фронте. Тот спокойно рассказывает, что его бригада отступает и нет гарантий, что она остановится.

— А вы зачем приехали?

— Как зачем? Обедать!

Мерецков подумал, что Лакалле тут же отстранит от командования легкомысленного комбрига. Но тот любезно пригласил его к столу.

Комбриг-50 поехал с советниками по Французскому шоссе на северо-восток в свое войско. Навстречу брели солдаты, как раненые, так и здоровые. Завидев начальство, они спешно сворачивали с шоссе и стремились спрятаться где-нибудь. Издали доносилась артиллерийско-пулеметная стрельба. По мере приближения к фронту поток отступавших возрастал. На 93-м километре шоссе наткнулись на штаб бригады, боем он не управлял.

С юга показался автомобиль с полковником Лакалле. Комдив с удивлением рассматривал неприглядную картину, представившуюся перед его глазами

— Что тут происходит?

— Разве не видите? Итальянцы!

— Где? — вскрикнул полковник.

— Да вон они виднеются.

— И что же они делают?

— Как что? Наступают на Бриуэгу.

Услышав это, Лакалле сейчас же сел в автомобиль и повернул назад, крикнув на прощание: «У меня там семья!» Он промчался мимо батальона 11-й интербригады, даже не остановившись узнать, что за часть и куда движется (батальон этот вел на подмогу отступавшей 50-й бригаде советский советник Валуа (Б.М. Симонов).

Так началось для республиканцев сражение под Гвадалахарой.

9 марта дивизия «Черное пламя» продолжила наступление и, выдвинув вперед противотанковую артиллерию, стала сильно досаждать танкам бригады Павлова. 10 марта вступили в бои дивизии «Божья воля» и «Черные стрелы».

Развертыванием обороны против итальянцев занялись советские специалисты. Мерецков стал главным советником Гвадалахарского фронта. Он поставил на наиболее угрожающем направлении 11-ю интербригаду. Ей пришлось поспешно создавать оборонительный рубеж и пока не помышлять о контратаке. На подходе была 12-я интербригада (три тысячи человек), полностью экипированная штатным вооружением.

Дивизии «Божья воля» и «Черные стрелы», развернув атаку, неожиданно наткнулись на стойкую оборону 11-й интербригады. Для ее прорыва итальянцы создали ударную группу из двух батальонов: пехотного и танкового. Это вовремя обнаружили республиканцы. Они скрытно отправили во вражеский тыл роту танков Т-26, которая стремительным наскоком деморализовала ударную группу противника. Практически полностью был уничтожен танковый батальон (итальянцы потеряли 20 танков и несколько грузовиков).

На протяжении всей линии соприкосновения сторон завязывались упорные бои. Командование Народной армии наконец-то осознало масштаб угрозы итальянского экспедиционного корпуса существованию Республики. На гвадалахарском направлении стал формироваться отдельный 4-й армейский корпус во главе с подполковником Хурадо. В него вошли 11-я, 12-я и 14-я пехотные дивизии, танковая бригада и два кавалерийских полка. Базовой дивизией корпуса стала 11-я дивизия под командованием Листера, состоящая из 11-й и 12-й интербригад, а также 1-й бригады коммуниста Валентина Гонсалеса и 2-й бригады, которой раньше командовал сам Листер, а теперь Пандо. Второй по боеспособности была 12-я дивизия, которая помимо пехотных бригад 48, 49, 50, 71-й и 1-й кавалерийской бригады получила еще одну пехотную — 35-ю. Прежнего комдива Лакалле, пассивно проявившего себя в первые дни столкновения с итальянцами, заменил подполковник Нанетти. Корпусу придавалась группа фронтовой авиации из 71 самолета. Старшим советником при Хурадо по рекомендации Мерецкова был назначен Валуа-Симонов.

Пока формировался корпус, все свободные силы были брошены на сдерживание натиска итальянцев. Бригады, истекая кровью, стояли насмерть. Им ощутимо могла бы помочь авиация, но она бездействовала из-за сильных дождей.

Зато республиканские войска выручало местное население. Десятки тысяч людей добровольно выходили с лопатами и кирками рыть окопы и противотанковые рвы. Они несли плакаты «Долой Муссолини!», «Испания — испанцам!». Особую популярность в те дни получила поговорка: «Испания — не

Абиссиния». Она стала даже своеобразным пропуском. Проходящий говорил пароль: «Испания», в ответ следовал отзыв: «Не Абиссиния».

Командующий «добровольческим» корпусом Роатта видел, что легкого марша на Мадрид не получится. Здесь, под Гвадалахарой, тактика итальянцев, наступавших, как и франкисты на Хараме, против слабо организованных войск противника большими силами в несколько волн на узком участке, оказалась неэффективной. Республиканцы научились твердо противостоять превосходящим силам противника.

Роатта настоятельно потребовал от Франко выполнить данное им обещание нанести удар с Харамского плацдарма. «Генералиссимус» врал, говоря, что вот-вот это сделает, но приказа на выступление не отдавал.

Соединения сформированного 4-го армейского корпуса выходили на фронт. В боевой порядок развернулись 18 батальонов. Соотношение сил пока еще было в пользу итальянцев 1:3,5. Бойцы 2-й бригады Пандо попытались внезапной контратакой вернуть захваченный накануне итальянцами город Трихуэке, но были встречены огнем танков. Пришлось откатиться назад.

Части дивизий «Литторио» и «Черные стрелы» начали обходить с фланга 11-ю интербригаду. И тогда Мерецков, как главный военный советник фронта, настоял перед членами мадридской хунты обороны на немедленной переброске двух интербригад навстречу итальянцам. Дело в том, что хунта, и прежде всего генерал Миаха, не хотела отводить далеко от Мадрида оборонявшие город соединения. На этот раз перед доводами Петровича Миаха сдался…

Кончились дожди, и авиация могла работать. Республиканцы сосредоточили под Гвадалахарой сильную авиагруппу: 45 истребителей, 16 штурмовиков и 10 бомбардировщиков. Республиканские ВВС имели перед итальянцами важное преимущество: они действовали с ближних аэродромов, в то время как интервенты такими аэродромами в прифронтовой зоне не располагали и их самолеты вынуждены были прилетать с севера из-за горных хребтов.

В период, когда части дивизий «Литторио» и «Черные стрелы» почти уже заканчивали выход в тыл дивизии Листера, военно-воздушные силы Республики обрушили на них всю свою мощь. В течение дня они произвели 150 боевых вылетов, израсходовав 500 бомб и 200 тысяч пулеметных патронов. Был применен «конвейер Дугласа—Смушкевича»: сначала в бой вступали группы из трех-четырех истребителей, задерживавших движение колонны, затем

бомбардировщики подбивали несколько первых и последних машин, создавая пробки; дальше подключались штурмовики. Пока одна группа самолетов «висела» в воздухе, другие заправлялись и пополняли боекомплект. Тактику эту придумал комбриг Смушкевич.

Узнав о разгроме с воздуха своей элитной дивизии «Литторио», Роатта вечером 12 марта издал приказ о прекращении наступления и перегруппировке сил для нового удара.

На следующий день республиканские войска перешли в контрнаступление и взяли Трихуэке.

15—17 марта обе стороны отдыхали от тяжелых боев, перегруппировывались. Был принят план генерального контрнаступления республиканцев. Он предусматривал на первой стадии нанесение удара силами четырех бригад при поддержке 38 танков и авиации в направлении на город Бриуэгу.

К началу республиканского контрудара соотношение сил под Гвадалахарой было по-прежнему в пользу интервентов: в живой силе — 2:1 (45 тысяч против 20 тысяч), по пулеметам — 5:1, по орудиям — 7:1, по танкам — 1,3:1. Только самолетов у республиканцев было больше: 70 против 50 у итальянцев. На направлении главного удара у обеих сторон было по 10 тысяч бойцов. Но против 38 республиканских танков итальянцы имели всего 12. Зато по орудиям было обратное соотношение: 16 против 70.

В 13 часов 30 минут 18 марта самолеты ВВС Республики в течение 20 минут бомбили позиции итальянцев. Затем в бой пошли танки, но пехота завязла в непролазной грязи и начала наступать только в 16 часов. Итальянцы сначала оказывали ожесточенное сопротивление, но после захвата их первой линии обороны стали быстро отступать. 12-я интербригада ворвалась в Бриуэгу. Дивизия «Божья воля», оборонявшая город, понесла в уличных боях большой урон в живой силе и технике и после этих боев перестала существовать как боеспособная единица.

19 марта весь итальянский корпус беспорядочно отступал. Наступление республиканцев вдоль Французского шоссе сводилось в основном к преследованию арьергардов противника.

20 марта республиканская авиаразведка выявила множество колонн противника, двигавшихся на север. В воздух были подняты 11 бомбардировщиков, 14 штурмовиков и 42 истребителя. Звено штурмовиков атаковало голову первой колонны для отвлечения внимания, в то время как все остальные самолеты обрушивались на «хвосты» колонн. Создались огромные пробки, самолеты забрасывали противника бомбами, поливали

пулеметными очередями. Целиться не приходилось: скопившиеся на протяжении 10 километров автомашины, пешие солдаты в несколько рядов были идеальной мишенью. Затем истребители и бомбардировщики переключились на местечко Альгора, забитое войсками.

К вечеру появилась итальянская авиация — 26 истребителей «фиат», но они были быстро отогнаны И-15 и И-16…

22 марта Гвадалахарское сражение закончилось и войска республиканцев стали отходить в тыл. Их встречали восторженными массовыми митингами, празднуя первое по-настоящему успешное наступление молодой Народной армии, которая к тому же разбила части регулярной армии иностранной державы. Крестьяне несли своим защитникам угощение, девушки дарили солдатам вышитые рубашки.

Итальянский экспедиционный корпус потерял более 12 тысяч человек, большое число техники и различного вооружения.

Генералиссимус Франко взял верх

В конце мая 1937 года испанская командировка Мерецкова завершилась, он покинул пылающую Республику и в начале июня ступил на московскую землю. Родина высоко оценила его деятельность в Испании, он был награжден сразу двумя орденами: за оборону Мадрида осенью 1936 года и харамские бои — орденом Красного Знамени (это уже второй орден Красного Знамени; первый Кирилл Афанасьевич получил за бои под Казанью), за организацию разгрома итальянского экспедиционного корпуса под Гвадалахарой — орденом Ленина.

Два года Мерецков ревностно и тревожно следил за дальнейшим развитием гражданской войны в Испании. Когда весной 1939 года он узнал о переданном радио Бургоса сообщении: «На сегодняшний день армия красных пленена и разоружена, национальные силы овладевают последними военными объектами. Война закончена. Бургос 1 апреля 1939 года — года победы. Генералиссимус Франко», — это стало для него тяжелым ударом. Хотя падение Республики было предсказуемо. У Кирилла Афанасьевича еще задолго до этого исхода гражданской войны стало складываться недоброе предчувствие. В воспоминаниях о пребывании в Испании прослеживается его беспокойство на этот счет.

«В феврале 1937 года разгорелась напряженная политическая борьба, — пишет Мерецков. — После падения республиканской Малаги вследствие предательства некоторых командиров и нерасторопности других, на площадь вышел народ. Развевались красные знамена коммунистов, красно-синие левых республиканцев, красно-черные анархистов. От стены к стене перегородили улицу лозунги с десятью требованиями компартии к правительству, среди которых: "Очистить тыл от врагов республики!", "Долой неспособных командиров!", "Проверьте учреждения: рядом с вами сидят фашисты!", "Даешь всеобщую трудовую повинность!", "Ответьте, почему пала Малага?"…

Власть Ларго Кабальеро зашаталась. Двуличный премьер грозил, что, уходя, он громко "хлопнет дверью"…»

Далее Мерецков говорит о том, что в это время франкисты развернули новое опасное наступление у Харамы, судьба Мадрида висела на волоске. В этой обстановке компартия пошла на уступки во имя единства и стабилизации положения. Бригады очередного набора вступили в бой, чтобы еще раз спасти столицу. Перед боем командиры были на инструктаже, и старый испанский офицер, многие годы отдавший армии, сказал, вздохнув: «Да, я не

коммунист. Но кем бы мы были сейчас без коммунистов?»

У Харамы устояли, заплатив многими жизнями…

Примерно такая же ситуация повторилась под Гвадалахарой. И снова огромными усилиями Республика удержала свою столицу. Теперь бы, наконец, сделать правильные выводы из этих двух уроков. Но нет, правительство Кабальеро опять занялось интригами.

Мерецков пишет: «Военные советники предлагали премьер-министру реорганизовать армейские тылы. Он клал предложения под сукно. От него требовали наладить работу автотранспорта. Он отмалчивался. Армии не хватало унтер-офицеров. Вопрос об унтер-офицерских школах был замаринован до января 1937 года. Чтобы между Мадридом и Валенсией действовало прямое железнодорожное сообщение, нужно было построить дополнительно 20-километровую железнодорожную линию. Строительство задержали…»

Кирилл Афанасьевич указывает на отрицательные стороны Народной армии. Каждому советскому профессиональному военнослужащему, находившемуся в Испании, запомнились три особенности, характерные для республиканцев. Одна заключалась в слабой роли младшего комсостава. Унтер-офицеры были безынициативны, не авторитетны для солдат, которые признавали только офицеров. Другая особенность состояла в призыве пополнения по партийному признаку. Каждая партия (коммунисты, социалисты, анархисты) предпочитала комплектовать «свои» части. Третья особенность — своеобразное отношение к приему пищи: время, отведенное на завтрак, обед и ужин, считалось священным. Нередко, если подходило время приема пищи, офицер не отдавал приказа идти в бой. Были случаи, когда во время сражения командиры кричали: «Трапеза!» — и перестрелка прекращалась.

В армии всему голова — дисциплина, подчеркивает Мерецков, а она у республиканцев была очень низкой: в подразделениях, частях, соединениях, в Главном штабе.

После отъезда Мерецкова из Испании произошло еще немало политических и военных событий, расшатывающих Республику. Мятежи анархистов в Барселоне и Валенсии. Военная операция под Брунете. 113-дневная битва на Эбро, ставшая откровенным предвестником катастрофы Республики. Смена «двуличного» Ларго Кабальеро социалистом Хуаном Негрином не спасла Республику от краха.

Испания… На всю жизнь она останется в памяти Мерецкова. И боевых друзей, с которыми он здесь работал, ему не забыть никогда.

ОСОБЫЙ ЭТАП СЛУЖБЫ

Возвращение на родную землю

После девяти месяцев пребывания в охваченной войной Испании возвращение на мирную родину было для Кирилла Афанасьевича долгожданной радостью. Хотя сразу по приезде в Москву эта радость омрачилась ужасным известием о разоблачении группы изменников из высшего комсостава РККА.

Мерецков в первый же день, как ступил на московскую землю, узнал: арестованы начальник управления боевой подготовки РККА К.А. Чайковский, начальник военных сообщений РККА Э.Ф. Аппога, начальник артиллерийского управления РККА Н.А. Ефимов, начальник Управления связи РККА Р.В. Лонгва, начальник Управления кадров Красной армии Б.М. Фельдман, председатель Центрального совета Осоавиахима Р.П. Эйдеман, начальник Военной академии имени Фрунзе А.И. Корк, командующий Приволжским военным округом М.Н. Тухачевский, командующий Белорусским военным округом И.П. Уборевич, командующий Ленинградским военным округом И.Э. Якир. Помимо них арестовано еще 50 командиров.

От счастливого общения с семьей Мерецкова оторвал телефонный звонок адъютанта наркома обороны Р.П. Хмельницкого, который сообщил, что комдива срочно просят прибыть в наркомат.

Кирилл Афанасьевич вспоминал: «Я ожидал, что мне придется рассказывать об испанских делах, и собирался доложить о том главном, что следовало, на мой взгляд, учесть как существенный опыт недавних военных действий. Получилось же совсем по-другому. В зале заседания наркомата собрались многие командиры из руководящего состава РККА, и вскоре нас ознакомили с материалами относительно М.Н. Тухачевского и остальных. А еще через несколько дней в Кремле состоялось совещание высшего комсостава (1—4 июня 1937 года проходило заседание Военного совета при наркоме обороны СССР — *Я. В.),* на котором обсуждал ось трагическое событие».

Далее приведем отрывок из записок бригадного комиссара Н.Г. Конюхова, которого хорошо знал Мерецков по совместной службе в БВО.

Бригадный комиссар Никифор Гурьевич Конюхов продолжительное время служил в Белорусском военном округе, последовательно занимая должности помощника начальника Объединенной Белорусской военной школы по политической части, начальника политотдела 33-й Самарской стрелковой дивизии, комиссара и начальника политотдела 1-й танковой

бригады Резерва Главного командования (РГК), заместителя начальника политуправления округа по работе в мотомеханизированных частях.

В 1938 году он был арестован и провел в тюрьме, лагере и ссылке восемнадцать лет.

После развенчания культа личности Сталина Конюхов написал записки-воспоминания, озаглавив их «Все это было». Увидеть их напечатанными при жизни он не надеялся; считал, что они не представляют особого общественного интереса.

«После завтрака всех пригласили в малый зал ЦИК СССР. Нарком внутренних дел Ежов и его заместитель Леплевский уже находились здесь и раздавали прибывающим брошюры, отпечатанные на ротапринте. Я прочел на титульном листе: "Собственноручные показания М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, А.И. Корка и Р.П. Эйдемана". Показаний Уборевича не было…

В присутствии всех членов Политбюро ЦК ВКП(б) заседание Военного совета открыл начальник Генерального штаба РККА Маршал Советского Союза А.И. Егоров. В повестке дня один вопрос: "О раскрытии НКВД антисоветской троцкистской военной организации".

С докладом выступил К.Е. Ворошилов. Он сказал, что, находясь на службе у военной разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, участники организации систематически доставляли военным кругам этого государства шпионские сведения о Красной армии, совершали вредительские акты с целью подрыва обороноспособности нашей страны…

В президиум поступало множество записок — собравшиеся хотели знать, будет ли выступать Сталин. Нам казалось, что только он может внести ясность в сложившуюся обстановку и дать ей оценку.

Наконец маршал Егоров предоставил слово Иосифу Виссарионовичу. Сталин, в частности, сказал:

— Вижу на ваших лицах мрачность и некоторую растерянность. Понимаю, очень тяжело слышать такие обвинения в адрес людей, с которыми мы десятки лет работали рука об руку и которые теперь оказались изменниками Родины. Но омрачаться и огорчаться не надо. Явление хотя и неприятное, но вполне закономерное…

Как бы ни были опасны замыслы заговорщиков, они нами разоблачены вовремя. Они не успели пустить свои ядовитые корни в армейские низы. Подготовка государственного переворота — это заговор военной верхушки, не имевшей никакой опоры в народе. Но это не значит, что они не пытались

завербовать кого-нибудь из вас, сидящих в зале, вовлечь в свои преступные замыслы. Имейте мужество подняться на эту трибуну и честно рассказать. Вам будут дарованы жизнь и положение в армии…

Выступление Сталина в какой-то мере убедило собравшихся в преступных замыслах военных во главе с Тухачевским. А вот его обращение к участникам заседания — подняться и рассказать, как враги пытались завербовать того или иного из нас, — покоробило многих. В сталинских словах таились недоверие и подозрительность ко всем находившимся в зале»[54].

А это пишет Мерецков: «Когда на совещании мне предоставили слово, я начал рассказывать о значении военного опыта, приобретенного в Испании. Обстановка была трудная, из зала слышались отдельные реплики в том духе, что я говорю не о главном. Ведь ни для кого не было секретом, что я долгие годы работал с Уборевичем бок о бок. И.В. Сталин перебил меня и начал задавать вопросы о моем отношении к повестке совещания. Я отвечал, что мне непонятны выступления товарищей, говоривших здесь о своих подозрениях и недоверии. Это странно выглядит: если они подозревали, то почему же до сих пор молчали? А я Уборевича ни в чем не подозревал, безоговорочно ему верил и никогда ничего дурного не замечал. Тут И.В. Сталин сказал: "Мы тоже верили им, а вас я понял правильно".

Далее он заметил, что наша деятельность в Испании заслуживает хорошей оценки; что опыт, приобретенный там, не пропадет; что я вскоре получу более высокое назначение; а из совещания все должны сделать для себя поучительные выводы о необходимости строжайшей бдительности.

Отсюда видно, что И.В. Сталин высоко ставил откровенность и прямоту. Я и в дальнейшем не раз убеждался в этом».

Мерецков в воспоминаниях не обмолвился о том, что его, спустя некоторое время после выступления на Военном совете, вызывали на Лубянку. Но некоторые историки, исходя из косвенных источников, утверждают, что это было. Говорят, ему предъявили показания арестованного И.П. Уборевича, в которых тот, признав, что был завербован германской разведкой и Тухачевским, указал на Мерецкова, бывшего слушателем в Германской академии генштаба, как на участника заговора. О чем конкретно шел разговор с Мерецковым в НКВД, осталась тайной.

Мерецков без последствий был отпущен с Лубянки…

После судебного процесса над Тухачевским, Уборевичем, Якиром и другими участниками антиправительственного заговора аресты «заговорщиков» продолжались. Среди них было немало вернувшихся на Родину «испанцев».

Как-то Мерецков встретился с Н.Г. Кузнецовым, с которым близко познакомился в Испании, — он в то время исполнял обязанности главного военно-морского советника и военно-морского атташе при посольстве СССР. Кузнецов только что прибыл из Испании. Кириллу Афанасьевичу подумалось: не арестован, значит, уберегся Николай Герасимович.

«По дороге в наркомат я встретился на Гоголевском бульваре с К.А. Мерецковым, — вспоминал позже капитан 1-го ранга Кузнецов. — Он спросил, куда я иду, и, узнав, что хочу доложиться начальнику Военно-Морских Сил В.М. Орлову, посоветовал не ходить, доверительно поделившись, что "он сегодня ночью арестован"…

Я сперва не поверил Кириллу Афанасьевичу… Сообщение К.А. Мерецкова вызвало у меня удивление, что такой большой руководитель флота также замешан в предательстве…»

* * *

Во время моей беседы в 2010 году с сыном К.А. Мерецкова Владимиром Кирилловичем я поинтересовался у него, вызывался ли в НКВД Кирилл Афанасьевич после приезда из Испании в СССР? Он ответил:

— Да, отец на Лубянке был. Он рассказывал об этом в поздние годы.

— О чем говорили с ним на Лубянке?

— Где-то в сентябре 1937 года его пригласил к себе Сталин и спросил: «Вы не побоитесь быть на очной ставке с арестованными заговорщиками и другими лицами?» — «А чего мне бояться?» — «Тогда поезжайте к Ежову». Очная ставка состоялась с тремя-четырьмя человеками. Конкретных фактов они не приводили, одни общие фразы: «немецкий шпион», «завербован предателем Уборевичем»… Хотя два «факта» были. Первый: в 1934 году Мерецков, начальник штаба БВО, во время показных учений для военных атташе зарубежных стран продемонстрировал все самое лучшее, что было в боевой подготовке войск округа, преступно выдав потенциальным противникам наши достижения в стратегии и тактике. А что, надо было продемонстрировать все самое худшее?.. Второй: Мерецков якобы скрыл от партии и народа, что он выходец из богатой дворянской семьи… Потом Сталин говорил отцу: «А разве мы не знали, что вы из простой крестьянской семьи? Что вы честный человек? Знали. А очную ставку провели, чтобы лишний раз уличить в подлости некоторых предателей».

Спрашиваю Владимира Кирилловича:

— Не говорил Кирилл Афанасьевич, с кем проводились очные ставки?

— Помнится, отец называл заместителя наркома обороны по морским силам — начальника Морских сил РККА Орлова и Халепского[55], которого знал как начальника Управления моторизации и механизации РККА. Они показали, что Кирилл Афанасьевич в Испании имел связи с агентами немецкой разведки. И что он скрыл свое буржуйское происхождение… Больше никого из участников очной ставки отец не называл…

* * *

Как пишет в мемуарах К.А. Мерецков, вскоре начальник Управления кадров Наркомата обороны А.С. Булин сообщил ему, что он назначен заместителем начальника Генерального штаба Шапошникова с одновременным исполнением должности секретаря Главного Военного совета при наркоме…

Итак, Мерецков снова работает под началом Шапошникова. Это для него была и большая честь, и серьезное испытание деловых качеств. Борис Михайлович считался «патриархом» штабной службы, к тому времени он уже около двадцати лет занимал ведущие должности в Генеральном штабе, заслуженно считался крупнейшим специалистом своего дела.

Многих сотрудников Генштаба Мерецков знал, с некоторыми вместе учился в академии, с другими служил в одном соединении, округе. С теми, с кем ранее не был знаком, в процессе работы быстро сблизился. Коллектив состоял в подавляющей массе из способных и талантливых людей, преданных штабному делу. Их трудолюбие поражало: если требовала обстановка, они могли работать днем и ночью, только бы выполнить поставленную задачу. Мерецков, глядя на них, и сам трудился не покладая рук, зачастую даже больше, чем остальные, чтобы никому не подумалось, будто ему, заместителю начальника Генштаба, позволительна хоть какая-то поблажка.

Много сил и времени отбирала у него секретарская деятельность в Главном Военном совете (ГВС). По свидетельству Мерецкова, заседания Военного совета проводились дважды или трижды в неделю. На них, как правило, заслушивались доклады командующих военными округами или родами войск. В Совет входило восемь человек из руководителей Наркомата обороны, председательствовал на заседаниях народный комиссар. Каждое принятое решение утверждалось наркомом и направлялось

Сталину. Это означало, что практически ни одна военная и военно-экономическая проблема, стоявшая перед страной, не решалась без прямого участия генерального секретаря ЦК ВКП(б). От него проект партийно-правительственного решения поступал на рассмотрение правительства СССР, принимался там, иногда с поправками, и далее поступал в Генштаб уже как постановление, обязательное для исполнения.

На заседаниях Главного Военного совета часто присутствовал Сталин. В этих случаях он приглашал членов ГВС, а также командующих округами и окружных начальников штабов к себе на ужин. Там завязывались беседы, нередко продолжавшиеся до поздней ночи. Генсек подробнейшим образом расспрашивал военачальников о положении на местах, о запросах, требованиях, пожеланиях, недостатках и поэтому всегда был в курсе всей армейской жизни и на заседания Военного совета приходил, будучи осведомленным обо всех проблемах.

Мерецков пишет: в течение года с небольшим, что он пробыл в должности секретаря Главного Военного совета, правительство приняло ряд решений по крупным военным мероприятиям, имевшим одну цель — укрепление обороноспособности страны. Любой успех в развитии народного хозяйства, любой поворот в международной обстановке тотчас сопровождались внесением необходимых корректив в программу строительства армии. И наоборот, каждый существенный запрос со стороны РККА вызывал ответные меры, выдвигавшие перед оборонной промышленностью новые задачи.

Однажды, это было в сентябре 1938 года, Сталин вызвал комкора Мерецкова (звание «комкор» Кирилл Афанасьевич получил в феврале 1938 года) и задал неожиданный вопрос: не трудно ли ему быть заместителем начальника Генштаба и секретарем Главного Военного совета? Мерецков ответил, что занимаемые им должности дают ему чрезвычайно много: он впервые по-настоящему начал понимать, что такое государственная работа. Но, конечно, нелегко сочетать исполнение обязанностей на двух должностях сразу.

Сталин задумался, а потом заметил, что на таких постах очень долго находиться одному и тому же человеку тяжело.

«Поработайте еще некоторое время, — сказал он Мерецкову, — а затем мы поставим вас командующим одним из военных округов. Пора вам пройти и через эту должность».

Пора пройти через должность командующего

Обещание, данное Мерецкову, генсек выполнил буквально через неделю: Кирилл Афанасьевич был поставлен на Приволжский военный округ.

Перед отъездом в Куйбышев Сталин вновь с ним беседовал, спрашивал: чувствует ли он, что справится с высокой должностью комокруга? Мерецков заверил: приложит все усилия, чтобы оправдать доверие вождя, но пост командующего для него совершенно новое дело, и он будет нуждаться в поддержке и помощи.

— Мы вам окажем и поддержку, и помощь, — сказал генсек. — А еще попросим это сделать и товарища Игнатова.

Действительно, звонки из Кремля в штаб округа раздавались потом частенько. Сталин интересовался, как работается на новом месте, какие имеются трудности.

Почти ежедневно общался Мерецков с секретарем Куйбышевского обкома партии Н.Г. Игнатовым. Между ними установились ровные деловые отношения, они сохранились и позднее, когда перед Великой Отечественной войной Кирилл Афанасьевич в ходе инспекционных поездок посещал Орловскую область, где Николай Григорьевич также работал секретарем обкома.

Мерецков командовал войсками Приволжского округа всего три с половиной месяца. И говорить о том, что он смог добиться каких-то существенных результатов за такое короткое время, естественно, не приходится.

* * *

1939 год был отмечен обострением обстановки в Европе. В январе Мерецков был вызван в Наркомат обороны, и ему было объявлено, что он переводится из Куйбышева в Ленинград командующим войсками Ленинградского военного округа. Нарком Ворошилов пояснил: Политбюро ЦК и лично Сталина беспокоит положение на северо-западной границе в связи с усиливающимся сближением Финляндии с крупными империалистическими державами. Он поставил перед Кириллом Афанасьевичем задачу: как можно тщательнее изучить театр военных действий округа в условиях разных времен года,

особенно зимы, детально проанализировать состояние войск и их подготовленность на случай военного конфликта.

Первое, что сделал по прибытии в Ленинград Мерецков, по его собственному свидетельству, познакомился с оперативными планами, имевшимися в штабе округа. И пришел к выводу, исходя из быстро меняющейся в то время военно-политической ситуации, что они значительно устарели. Прежде всего это касалось Финляндии. В случае выступления империалистической коалиции против Советского Союза она наверняка окажется в стане противников, поэтому знать состояние ее армии, экономики было для командующего войсками ЛВО, да и не только для него, чрезвычайно важно. Соответствующие службы располагали некоторыми данными, в основном политического характера, однако по весьма важным вопросам достаточной информацией не владели, например о намерениях Германии, Англии, Франции, США, а также антисоветских планах буржуазных республик Прибалтики — Латвии, Литвы и Эстонии.

По приказу Мерецкова штаб округа запросил у Главного разведывательного управления РККА последние данные. Полученная информация опять-таки носила преимущественно экономический и политический характер, собственно военных сведений было мало, особенно о финских оборонительных сооружениях на Карельском перешейке, известных под названием линия Маннергейма…

Работать в ЛВО Кириллу Афанасьевичу было непросто, регион сложный, незнакомый. Правда, в начале 1920-х годов Мерецков инспектировал здесь местные органы рабоче-крестьянской милиции, но когда это было, чуть ли не двадцать лет назад. И потом, он имел дело с милицией, а не с частями Красной армии. Теперь всё иное, новые люди в штабе, в войсках округа, в партийном руководстве.

Первым секретарем Ленинградского горкома и обкома партии в то время был А.А. Жданов, одновременно он являлся и секретарем ЦК ВКП(б), а с марта 1939 года — членом Политбюро, а также членом Военного совета ЛВО. Жданов играл огромную роль в повседневной жизни всего северо-запада страны.

Андрей Александрович Жданов принял Мерецкова доброжелательно и сразу с улыбкой предупредил: помогать будет, но, ввиду того, что очень загружен всевозможными делами экономического и иного характера, к тому же часто находится в Москве, Кириллу Афанасьевичу лучше поддерживать постоянную связь с Т.Ф. Штыковым, вторым секретарем Ленинградского обкома, и А.А. Кузнецовым, секретарем горкома. Особенно при решении проблем, не требующих вмешательства Политбюро.

Контакт с этими двумя партийными руководителями у Мерецкова установился с первых же дней знакомства. Энергичные, молодые: Терентию Штыкову — 31 год, Алексею Кузнецову — 34; они покорили Кирилла Афанасьевича жизнелюбием, деловой хваткой и дружеским расположением.

Кузнецов много помогал новому командующему при разработке общих мероприятий округа и Балтийского флота, в котором он был членом Военного совета; Штыков вникал в обустройство войск на территории области и в политическое воспитание личного состава. Мерецков в своих воспоминаниях говорит, что Терентий Фомич стал его боевым товарищем на долгие годы. Штыкову пришлось с небольшими перерывами служить позднее в качестве члена Военного совета 7-й армии, а затем трех фронтов в годы Великой Отечественной войны, возглавляемых Мерецковым. Его настоящая боевая деятельность начнется с Финской кампании.

Изучением округа Кирилл Афанасьевич занялся с февраля 1939 года. Первый выезд — на Карельский перешеек. Машину сразу обступили глубокие снега, извивавшаяся между холмами дорога довольно скоро вывела к государственной границе.

Мерецков, разумеется, знал, что граница находится всего в 32 километрах от Ленинграда, но одно дело — знать и совсем другое — лично убедиться, что дальнобойная артиллерия закордонного соседа может прямо со своей территории обстрелять улицы города.

После каждой поездки по Ладожско-Онежскому перешейку Кирилл Афанасьевич убеждался: для ведения военных действий местность здесь трудная: сплошь густые леса, лежащие под снегом незамерзающие озера и болота, крутые холмы… Готовить территорию и войска здесь нужно, по-видимому, особым образом. Надо прокладывать дороги — раз. Обеспечить устойчивость надежной связи — два. Проводить учения в лесисто-болотистом районе во все времена года — три. Организовывать специальные лыжные соревнования, предусмотреть повышенный расход боеприпасов, незамерзающую смазку для оружия, теплое обмундирование для зимы — четыре… пять, шесть, семь… Эти мысли выстраивались в его голове одна за другой, и он торопился поскорее лично проверить состояние соединений, чтобы своевременно реализовать намечаемое.

К сожалению, войсковые силы округа были слабы. Вот заключения Мерецкова: на Кемьском направлении горнострелковая дивизия неполного состава (не хватает полка); на Кандалакшском направлении горнострелковый полк всего с одной батареей; стрелковая дивизия под командованием В.И.

Щербакова в целом неплохо подготовлена, но недостаточно обеспечена современным оружием; бойцы второй дивизии, находившейся южнее щербаковской, не умеют ходить на лыжах…

Обо всем этом Мерецков послал донесение наркому обороны.

Период 1937—1940 годов Кирилл Афанасьевич Мерецков позже назовет особым этапом в своей службе. Во-первых, он никогда раньше не занимал таких ответственных высоких постов, как те, что ему были доверены после приезда из Испании: работа в Генеральном штабе и командование двумя военными округами. И во-вторых, он оказался на острие решения важнейшей задачи по укреплению советской северо-западной границы.

ФИНСКАЯ ВОЙНА

Путь переговоров либо силовой вариант

К началу Советско-финляндской войны Мерецков уже почти год командовал войсками Ленинградского военного округа. В своих мемуарах «На службе народу» он пишет, что в конце июня 1939 года его вызвал Сталин. В кабинете он впервые увидел работника Коминтерна, известного деятеля ВКП(б) О.В. Куусинена и именно тогда с ним познакомился. В ходе беседы Сталин рассказал об опасениях, которые возникали у руководства страны в связи с антисоветской линией финляндского правительства, а также сказал, что в дальнейшем при необходимости Мерецков может обращаться к Куусинену за консультацией по вопросам, связанным с Финляндией.

После ухода Куусинена генсек вернулся к вопросу о Ленинграде. Положение на финляндской границе тревожное, переговоры о заключении военного союза с Англией и Францией пока не приносят успеха. Германия готова ринуться на своих соседей, в том числе на Польшу и СССР, и Финляндия может стать плацдармом антисоветских действий.

Разведка сообщает, что ускоренное строительство укреплений и дорог на финляндской стороне границы продолжается. Существуют различные варианты наших ответных действий в случае удара Финляндии по Мурманску и Ленинграду. В этой связи на командующего ЛВО возлагается обязанность подготовить докладную записку, в которой, подчеркнул Сталин, следует изложить план прикрытия границы и контрудара по вооруженным силам Финляндии в случае военной провокации…

В чем была суть тревожного положения?

В Европе перед Второй мировой войной сформировался антикоминтерновский пакт, в который вошли наиболее агрессивные государства (Германия, Италия и Япония) и который, по мнению советского руководства, был направлен против СССР. Советское правительство вполне закономерно проявляло беспокойство о безопасности страны, особенно на северо-западном направлении. Здесь, всего на расстоянии 32 километров от важнейшего политического и экономического центра страны — Ленинграда, проходила государственная граница с Финляндией, состоявшей в дружественных отношениях с Германией[56], что давало возможность финским войскам осуществлять наблюдение и обстреливать город из дальнобойных орудий. В пределах дальности их стрельбы находилась также и база Балтийского флота — Кронштадт, так как всего 22 километра отделяли ее от финляндского форта Ино. Не меньшая угроза создавалась и базе

Северного морского флота, а также Кировской железной дороге. Немаловажным был и тот факт, что укрепленный полуостров Ханко, Аландские и разбросанные в Финском заливе острова находились в руках финнов и тем самым запирали Балтийский флот в восточной части Финского залива, ограничивая его возможности по выполнению, в случае необходимости, боевых задач.

Нельзя было оставить без внимания и совершенствование оперативного оборудования финского театра военных действий, прежде всего территории, прилегающей к границам СССР. Большая помощь в 20—30-х годах была оказана Финляндии западными специалистами, особенно Великобритании, Германии, США, в возведении сильно укрепленной для того времени оборонительной полосы — линии Маннергейма[57]. Осуществлялось строительство железных и шоссейных дорог, имеющих стратегическое значение и подходивших вплотную к советским границам. Построенные аэродромы и взлетно-посадочные полосы имели возможность принимать в десять раз больше самолетов, чем имела в то время Финляндия…

Сталин и Политбюро ЦК рассматривали два пути укрепления безопасности страны на северо-западном направлении: путь переговоров, как основной, и военный путь — вынужденный.

Советское правительство неоднократно предлагало правительству Финляндии разрешить вопрос на взаимовыгодных условиях, однако финны на все предложения неизменно отвечали отказом. На что же надеялись лидеры Финляндии? Конечно, не на свои военные силы. Они ориентировались на обещания империалистических держав помочь им войсками и техникой; полагали, что будет сколочен антисоветский блок; были ослеплены националистическими мечтами о «великой Финляндии» — от Ботнического залива до Белого моря и озера Ильмень; наконец, верили в надежность линии Маннергейма.

В последний раз Москва обратилась к Хельсинки с просьбой отодвинуть границу на несколько десятков километров к северу от Ленинграда и сдать в долгосрочную аренду полуостров Ханко. Взамен предлагалась территория в Карельской ССР, по размерам в несколько раз больше. Финны не соглашались. Они считали такой обмен невыгодным, так как Карельский перешеек представлял собой хорошо освоенную территорию, с самым теплым в Финляндии климатом, а предлагаемые земли в Карелии были практически дикими, с гораздо более суровым климатом.

1 сентября 1939 года германские войска вторглись в Польшу, и это явилось началом Второй мировой войны. Накануне СССР пытался создать в Европе систему коллективной безопасности, но

попытка не увенчалась успехом, так как правительства Англии, Франции и других стран не приняли советского предложения. Сталин знал, что Советский Союз недостаточно готов к войне с гитлеровской Германией, и счел за лучшее пойти на соглашение с ней. 23 августа в Москве был заключен договор о ненападении. Одновременно был подписан дополнительный секретный протокол, в нем предусматривалось разделение сфер влияния и невмешательство в вопросы, связанные с данными сферами влияния. Первым пунктом предусматривалась свобода решения судеб прибалтийских стран, к которым относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. Германия могла спокойно действовать, не боясь нападения с востока. И у СССР развязывались руки в пределах границ бывшей Российской империи для присоединения принадлежавших ей ранее земель.

Советским руководством было принято решение отодвинуть границу СССР на запад и северо-запад и таким образом повысить безопасность государства. Успешно проведенный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию с 17 по 25 сентября 1939 года с минимальными потерями (996 человек убитыми и 2383 человек ранеными от общего числа участников похода в 466 516 человек) дал Сталину основание полагать, что присоединение северо-западных земель Финляндии (если придется прибегнуть к военному пути) будет таким же легким. Тем более, по заверениям Ворошилова, для разгрома армии Финляндии потребуется всего несколько дней. Основываясь на данных выводах, Сталин все больше склонялся к решению вопроса по Финляндии вооруженным путем, что повлияло на ход переговоров осенью 1939 года.

Задача советского правительства заключалась в присоединении бывшей российской провинции — Финляндии и образовании на ее территории социалистического государства или даже союзной республики с одновременным обеспечением безопасности Ленинграда как с суши, так и с моря. Это предполагалось осуществить еще в начале года.

В связи с разгорающимся пожаром войны в Европе руководство СССР обратилось к правительству Финляндии с предложением принять на себя обязательства по предоставлению Советскому Союзу в аренду ряда островов при входе в Финский залив для размещения военных баз. Взамен гарантировалась неприкосновенность границ Финляндии. Финны дали отрицательный ответ.

Стал активно прорабатываться военный вариант укрепления северо-западных границ. На Главном военном совете были рассмотрены соображения начальника Генерального штаба

Шапошникова, в которых учитывались характер укреплений, возведенных противником, и преобладание на данном театре военных действий лесисто-болотистой местности. Были проведены необходимые подсчеты сил и средств на случай отражения возможного вторжения противника и проведения контрудара с прорывом сильно укрепленной полосы обороны. Шапошников не исключал, что планируемый контрудар по Финляндии может затянуться на несколько месяцев напряженной кровопролитной войны, даже если она будет проводиться без вмешательства в конфликт крупнейших капиталистических государств. Однако, настроенный Ворошиловым на легкую победу, Сталин не принял план Шапошникова, посчитав его излишне осторожным.

В беседе с писателем Константином Симоновым в 1976 году маршал А.М. Василевский рассказал, как проходило заседание Главного военного совета.

«К Сталину был вызван Борис Михайлович Шапошников, и я как исполняющий в то время обязанности заместителя начальника Оперативного управления явился вместе с ним… Сталин, созвав Военный совет, поставил вопрос о том, что… нам придется воевать с Финляндией. Шапошников как начальник Генерального штаба был вызван для обсуждения плана войны. Оперативный план войны с Финляндией, разумеется, существовал, и Шапошников доложил его. Этот план исходил из реальной оценки финской армии и реальной оценки построенных финнами укрепрайонов. И в соответствии с этим он предполагал сосредоточение больших сил и средств, необходимых для решительного успеха этой операции.

Когда Шапошников назвал все эти запланированные Генеральным штабом силы и средства, которые до начала этой операции надо было сосредоточить, то Сталин поднял его на смех. Было сказано что-то вроде того, что, дескать, вы для того, чтобы управиться с этой самой… Финляндией, требуете таких огромных сил и средств. В таких масштабах в них нет никакой необходимости.

После этого Сталин обратился к Мерецкову, командовавшему тогда Ленинградским военным округом, и спросил его: "Что, вам в самом деле нужна такая огромная помощь для того, чтобы справиться с Финляндией? В таких размерах вам все это нужно?"

Мерецков ответил:

— Товарищ Сталин, надо подсчитать, подумать. Помощь нужна, но, возможно, что и не в таких размерах, какие были названы.

После этого Сталин принял решение: "Поручить всю

операцию против Финляндии целиком Ленинградскому фронту. Генеральному штабу этим не заниматься, заниматься другими делами"»[58].

Командарму 2-го ранга Мерецкову было приказано в ближайшее время разработать план проведения «контрудара после отражения возможного вторжения Финляндии на территорию СССР». Кирилла Афанасьевича торопили и вскоре вызвали в Москву. Он привез подготовленный по приказу Сталина проект плана, в котором предусматривал, между прочим, как и Шапошников, значительные боевые силы, сроки подготовки и проведения контрнаступательной операции. Ворошилову и особенно Сталину проект не понравился, они подвергли критике сроки и темпы наступления. Обосновывая свои расчеты,

Мерецков утверждал, что исходил из возможностей Ленинградского военного округа, но ему было замечено, что необходимо исходить из возможностей Вооруженных сил Советского Союза. На возражение Мерецкова, что возможность вступления в войну других стран изменит соотношение сил, Сталин заметил, что не он один думает над этой проблемой. Мерецкову было рекомендовано уточнить план, сократив срок проведения операции до одной-двух недель.

В сентябре под видом учебных сборов началась мобилизация в Ленинградском военном округе. Узнав об этом, маршал Маннергейм обратился к министру обороны Финляндии Ю. Ниукканену с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Учитывая современную обстановку и особо обращая внимание на преимущество, которое имеют отмобилизованные войска русских, движущиеся в направлении границы с Финляндией… нужно безотлагательно приступить к мобилизации». Аналогично, как и в Советском Союзе, финские резервисты в целях маскировки призывались под видом учебных сборов.

В октябре 1939 года Москва решила еще раз провести переговоры с Финляндией, хотя вероятность положительного результата была очень мала, что и подтвердилось. Переговоры проходили в три этапа: 12—14 октября, 3—4 и 9 ноября. Первый раз финляндскую делегацию представлял посланник, государственный советник Ю.К. Паасикиви (он был тогда послом Финляндии в Швеции). В состав делегации входили посол Финляндии в Москве Ирие-Коскинен (Аарно Юрьё-Коскинен), чиновник министерства иностранных дел Йохан Нюкопп и полковник Аладар Паасонен. Во второй и третьей поездках во главе делегации уже стоял министр иностранных дел Вяйнё Альфред Таннер, с ним также были Паасикиви и государственный советник Р. Хаккарайнен.

Состоялись беседы Молотова с Таннером и членами его делегации. Было сделано повторное предложение заключить пакт о взаимопомощи по образцу пактов с прибалтийскими государствами.

* * *

С началом Второй мировой войны, когда Германия вторглась в Польшу и СССР ввел на ее территорию войска, объявив советско-польский договор о ненападении от 25 июля 1932 года утратившим силу, прибалтийские страны почувствовали тревогу. На фоне слухов о готовящемся советско-германском разделе Прибалтики правящие круги этих государств колебались: одна часть стояла за сближение с Германией, другая была настроена антигермански и рассчитывала на помощь Советского Союза. Левые прибалтийские силы выступали за присоединение к СССР.

Тем временем на границе с Эстонией и Латвией создавалась мощная советская военная группировка. Эстонское руководство обратилось за поддержкой к Латвии и Финляндии и, не получив ее, пошло на переговоры с Москвой, в результате которых 28 сентября был заключен Пакт о взаимопомощи, предусматривающий создание на территории Эстонии советских военных баз.

В этот же день был подписан советско-германский договор, зафиксировавший раздел Польши. Согласно секретному протоколу к нему Литва отошла в сферу влияния СССР в обмен на польские земли к востоку от Вислы. Сталин по окончании переговоров с эстонской делегацией заявил ее руководителю Сельтеру: «Правительство Эстонии действовало мудро и на пользу эстонскому народу, заключив соглашение с Советским Союзом. С вами могло бы получиться, как с Польшей. Польша была великой державой. Где теперь Польша?»

5 октября был подписан аналогичный советско-латвийский договор о взаимопомощи сроком на 10 лет, предусматривавший ввод в Латвию 25-тысячного контингента советских войск. 10 октября такой же договор был заключен и с Литвой.

Повторное советское предложение финнами также было отклонено. Тогда министр иностранных дел СССР представил на рассмотрение финляндской стороне шесть конкретных вопросов:

1. Сдать в аренду Советскому Союзу сроком на 30 лет порт Ханко и территорию вокруг порта радиусом в пять-шесть миль с размещением гарнизона численностью пять тысяч человек;

2. Предоставить якорную стоянку Северному флоту СССР в

заливе Лаппвик (Лаппохия);

3. Предоставить Советскому Союзу пять мелких островов в Финском заливе, а также часть Карельского перешейка от села Липпола до южной оконечности города Койвисто, западную часть полуострова Рыбачий и Средний — всего 2761 квадратный километр;

4. В целях возмещения ущерба за уступаемую территорию передать Финляндии территорию СССР в районе Ребола и Порос-озеро общей площадью 5529 квадратных километров;

5. Не вступать в группировки и коалиции государств, прямо или косвенно враждебных той или другой договаривающейся стороне;

6. Разоружить укрепленные районы на Карельском перешейке, вдоль финляндско-советской границы, оставив обычную пограничную охрану.

Во время одной из бесед, на которой присутствовал Сталин, Таннер сказал, что безопасность Ленинграда гарантируется наличием военно-морских баз Советского Союза на южной части Финского залива. Сталин заметил: «У Англии и Германии достаточно сильные военно-морские флоты, которые они в любой момент могут ввести в Финский залив. И я сомневаюсь, что вы сможете в этом случае остаться вне военного конфликта».

Необходимость создания военно-морской базы на полуострове Ханко Сталин мотивировал возможностью перекрыть вход в Финский залив огнем береговой артиллерии в случае опасности. Обосновывая необходимость переноса границы на Карельском перешейке, он заявил: «Мы ничего не можем поделать с географией, так же, как и вы… Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него подальше границу, чтобы его обезопасить».

Для подтверждения справедливости своего решения Сталин привел высказывание министра иностранных дел Германии И. Риббентропа о том, что нападение на Польшу обусловливалось необходимостью обезопасить Берлин. Таннер пропустил этот довод мимо ушей.

Переговоры велись вяло и зашли в тупик, их продолжение было перенесено на ноябрь. Однако возобновление переговоров в ноябре не дало положительных результатов. Финны согласились предоставить СССР только ряд мелких островов и отодвинуть границу всего на 10 километров. По остальным пунктам советская сторона получила отказ. Финская делегация заявила: «Финляндия не может пойти на предложения Советского Союза и будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость». А военный министр

Ниукканен открыто сказал: «Война нам выгоднее, нежели удовлетворение требований России».

Со второй половины ноября в советской прессе началась усиленная пропагандистская кампания, направленная против Финляндии. Корреспондент ТАСС сообщал из Хельсинки, что в стране назревает революционная ситуация, одной из причин чего является начавшаяся массовая мобилизация, в армии наблюдается значительный рост дезертирства. Всячески проводилась мысль о том, что Красную армию трудящиеся Финляндии готовы встретить с цветами и флагами для оказания помощи в свержении буржуазного строя.

Мерецков пишет в мемуарах, что лидеры буржуазной Финляндии того времени вовлекли свой народ в ненужную ему политическую игру и вместо упрочения добрососедских отношений с СССР лишь накаляли обстановку. «Мы с тревогой смотрели на эту политику, потому что провокация из-за кордона против Ленинграда могла бы окрылить империалистических авантюристов и позволить им попытаться сговориться о создании единого антисоветского блока».

Отношения между сторонами стремительно ухудшались.

Здесь надо заметить, что эти отношения уже длительное время были непростыми. После того как Финляндия в результате Октябрьской революции получила независимость, ее политика в отношении СССР развивалась в негативном направлении. Хотя между ней и РСФСР в 1920 году был заключен Тартуский мирный договор[59], а в 1932-м пакт о ненападении и мирном улаживании конфликтов, дружбы не получалось. Первый президент Финляндии П. Свинхувуд говорил: «Любой враг России должен всегда быть другом Финляндии; финский народ… навсегда является другом Германии».

Финский генерал Раймо Хейсканен: «В течение первых 20 лет независимости считалось, что СССР — главная, если не единственная, угроза Финляндии».

Стороны готовились к войне.

10 ноября 1939 года Ворошилову были представлены оценочные данные Генштаба РККА состояния вооруженных сил потенциального противника: «Материальная часть финской армии в основном довоенных образцов старой русской армии, частично модернизированная на военных заводах Финляндии. Подъем патриотических настроений наблюдается только среди молодых возрастов».

А каково было состояние наших сил?

Сторонники силового подхода к решению финского вопроса нарком обороны Ворошилов, начальник Главного политического

управления Мехлис, секретарь ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) Жданов и нарком НКВД Берия были уверены в безусловном превосходстве Красной армии над финнами.

То, что Красная армия была во много раз сильнее армии Финляндии, нет никакого сомнения. Но ведь вести войну предстояло в основном войскам Ленинградского военного округа, которые к началу войны, к сожалению, были еще недостаточно подготовлены. Как покажет опыт войны, эта неподготовленность выражалась в следующем: театр военных действий не был достаточно изучен, не придавалось должного значения особым карело-финским природным условиям;

на вооружении у личного состава в основном находилось тяжелое оружие и почти не было пистолетов-пулеметов и легких ротных минометов[60], в то время как финские войска были оснащены ими в достаточном количестве;

войну предстояло вести зимой, а прибывающие из других округов войска не были обучены ведению боевых действий в условиях суровых холодов и, кроме того, как следует не обмундированы теплой одеждой.

Дипломатические препирательства

Антифинские настроения в СССР с каждым днем усиливались. 13 ноября 1939 года газета «Правда» писала: «…Вся страна (Финляндия. — *Н. В.)* превращена в сплошной военный лагерь, однако военные меры продолжают предприниматься: проводится минирование вод у побережий Финского и Ботнического заливов, из Хельсинки эвакуируется население, по вечерам в финской столице маршируют вооруженные отряды, проводится затемнение. Воинственное настроение беспрерывно подогревается… Мобилизация стоит Финляндии колоссальных средств (от 30 до 60 миллионов финских марок в день), рабочим не везде платят заработную плату, растет недовольство трудового народа, заметен упадок экспортной промышленности и повышенный спрос на продукцию предприятий оборонной промышленности.

Правительство Финляндии не хочет договариваться с СССР, в печати постоянно публикуются антисоветские статьи, обвиняющие во всем Советский Союз.

Правительство же боится объявить о требованиях СССР на собрании сейма без специальной подготовки. Из некоторых источников стало известно, что в сейме, скорее всего, имеется оппозиция правительству…»

В том, что писала «Правда», доля истины была, и весьма значительная. Действительно, строительство оборонительных сооружений в Финляндии, начавшееся еще в начале 30-х годов, в последнее время усилилось. Многие страны Западной Европы активно помогали в сооружении этих укреплений: так, Германия участвовала в строительстве сети аэродромов, линия Маннергейма форсированно возводилась при участии Великобритании, Франции, Германии, Бельгии.

27 ноября «Правда» поместила на своих страницах информацию об артиллерийском обстреле наших войск с финской территории.

Действительно, от командующего войсками Ленинградского военного округа Мерецкова вечером 26 ноября наркому обороны Ворошилову пришло срочное донесение:

«Докладываю: 26 ноября в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнилы[61], были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов. Убиты 3 красноармейца и 1 младший командир, ранено 7 красноармейцев, 1 младший командир и 1 младший лейтенант.

Для расследования на месте выслан начальник 1-го отдела штаба округа полковник Тихомиров. Провокация вызвала огромное возмущение в частях, расположенных в районе артналета финнов.

Мерецков, Мельников».

Одновременно было разослано приказание штаба Ленинградского военного округа командующим 7, 8, 9, 14-й армиями о немедленном открытии ответного огня в случае обстрела с финской стороны.

«Командующий войсками округа приказал:

В случаях повторения провокаций со стороны финской военщины — стрельбы по нашим войскам, немедленно отвечать огнем вплоть до уничтожения стреляющих.

Начальник штаба Ленинградского военного округа комдив *Чибисов.*

Военный комиссар штаба округа полковник *Виноградов».*

Вечером нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов принял посланника Финляндии А.С. Ирие-Коскинена и вручил ему ноту советского правительства по поводу провокационного обстрела войск ЛВО финляндскими воинскими частями. Принимая ноту, финский посланник заявил, что немедленно снесется со своим правительством и даст ответ.

Текст ноты правительства СССР:

«Господин посланник!

По сообщению Генерального штаба Красной армии сегодня, 26 ноября, в 15 часов 45 минут наши войска, расположенные на Карельском перешейке у границы Финляндии, около села Майнила, были неожиданно обстреляны с финской территории артиллерийским огнем. Всего было произведено семь орудийных выстрелов, в результате чего убито трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. Советские войска, имея строгое приказание не поддаваться провокации, воздержались от ответного обстрела.

Советское правительство, ставя Вас об этом в известность, считает нужным подчеркнуть, что оно уже во время недавних переговоров с гг. Таннером и Паасикиви указывало на опасность, которую создает сосредоточение большого количества регулярных финляндских войск у самой границы под Ленинградом. Теперь, в связи с фактом провокационного артиллерийского обстрела советских войск с финляндской территории, Советское правительство вынуждено констатировать, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу для Ленинграда, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам.

Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть, плохо управляемых финляндским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места.

Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предлагает финляндскому правительству незамедлительно отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке — на 20—25 километров, и тем предотвратить возможность повторных провокаций.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении.

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

В. Молотов

26 ноября 1939 года»[64].

28 ноября финляндское правительство прислало НКИД СССР ответную ноту:

«Господин Народный Комиссар!

В ответ на Ваше письмо от 26 с. м. имею честь, по распоряжению моего правительства, довести до Вашего сведения нижеследующее:

В связи с якобы имевшим место нарушением границы финляндское правительство в срочном порядке произвело надлежащее расследование. Этим расследованием было установлено, что пушечные выстрелы, о которых Вы упоминаете в письме, были произведены не с финляндской стороны. Напротив, из данных расследования вытекает, что упомянутые выстрелы были произведены 26 ноября между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами по советскому времени с советской пограничной стороны, близ упомянутого Вами селения Майнила. С финляндской стороны можно было видеть даже место, где взрывались снаряды, так как селение Майнила расположено на расстоянии всего 800 метров от границы, за открытым полем. На основании расчета скорости распространения звука от семи выстрелов можно было заключить, что орудия, из которых произведены были эти выстрелы, находились на расстоянии около полутора-двух километров на юго-восток от места разрыва снарядов. Наблюдения, относящиеся к упомянутым выстрелам, занесены были в журнал пограничной стражи в самый момент происшествия. При таких обстоятельствах представляется возможным, что дело идет о несчастном случае, происшедшем при учебных упражнениях, имевших место на советской стороне и повлекшем за собой, согласно Вашему сообщению, человеческие жертвы. Вследствие этого я считаю своим долгом отклонить

протест, изложенный в Вашем письме, и констатировать, что враждебный акт против СССР, о котором Вы говорите, был совершен не с финляндской стороны.

В Вашем письме Вы сослались также на заявления, сделанные гг. Паасикиви и Таннеру во время их пребывания в Москве относительно опасности сосредоточения регулярных войск в непосредственной близости к границе близ Ленинграда. По этому поводу я хотел бы обратить Ваше внимание на то обстоятельство, что в непосредственной близости к границе с финляндской стороны расположены главным образом пограничные войска; орудий такой дальнобойности, чтобы их снаряды ложились по ту сторону границы, в этой зоне не было вовсе.

Хотя и не имеется конкретных мотивов для того, чтобы, согласно Вашему предложению, отвести войска с пограничной линии, мое правительство тем не менее готово приступить к переговорам по вопросу об обоюдном отводе войск на известное расстояние от границы.

Я принял с удовлетворением Ваше сообщение, из которого явствует, что правительство СССР не намерено преувеличивать значение пограничного инцидента, якобы имевшего место по утверждению из Вашего письма. Я счастлив, что имел возможность рассеять это недоразумение уже на следующий день по получении Вашего предложения. Однако для того, чтобы на этот счет не осталось никакой неясности, мое правительство предлагает, чтобы пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке было поручено совместно произвести расследование по поводу данного инцидента в соответствии с Конвенцией о пограничных комиссарах, заключенной 24 сентября 1928 года.

Примите, господин Народный Комиссар, заверения в моем глубочайшем уважении. А.С. *Ирие-Коскинен».*

* * *

В тот же день Молотов передал Ирие-Коскинену ответ советского правительства на финляндскую ноту.

«Господин посланник!

Ответ правительства Финляндии на ноту Советского правительства от 26 ноября представляет документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами.

1. Отрицание со стороны правительства Финляндии факта

возмутительного артиллерийского обстрела финскими войсками советских войск, повлекшего за собой жертвы, не может быть объяснено иначе, как желанием ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела. Только отсутствие чувства ответственности и презрительное отношение к общественному мнению могли продиктовать попытку объяснить возмутительный инцидент с обстрелом "учебными упражнениями" советских войск в артиллерийской стрельбе у самой линии границы на виду у финских войск.

2. Отказ правительства Финляндии отвести войска, совершившие злодейский обстрел советских войск, и требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящие формально из принципа равенства сторон, изобличают враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой. На самом деле мы имеем здесь не равенство в положении финских и советских войск, а, наоборот, преимущественное положение финских войск. Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 километрах от жизненного центра СССР — Ленинграда, насчитывающего 3 с половиной миллиона населения, создают для него непосредственную угрозу. Не приходится уже говорить о том, что советские войска, собственно, некуда отводить, так как отвод советских войск на 25 километров означал бы расположение их в предместьях Ленинграда, что является явно абсурдным с точки зрения безопасности Ленинграда. Предложение Советского правительства об отводе финских войск на 20—25 километров является минимальным, ибо оно ставит своей целью не уничтожение этого неравенства в положении финских и советских войск, а лишь некоторое его смягчение. Если правительство Финляндии отклоняет даже это минимальное предложение, то это значит, что оно намерено держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

3. Сосредоточив под Ленинградом большое количество регулярных войск и поставив, таким образом, важнейший жизненный центр СССР под непосредственную угрозу, правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР, несовместимый с пактом о ненападении, заключенным между обеими странами. Отказавшись же отвести войска хотя бы на 20—25 километров после происшедшего злодейского артиллерийского обстрела советских войск со стороны финских войск, правительство Финляндии показало, что оно продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР, не намерено считаться с требованиями пакта о

ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой. Но правительство СССР не может мириться с тем, чтобы одна сторона нарушала пакт о ненападении, а другая обязывалась исполнять его. Ввиду этого Советское правительство считает себя вынужденным заявить, что с сего числа оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией и систематически нарушаемого правительством Финляндии.

Примите, господин посланник, уверения в совершенном к Вам почтении.

28 ноября 1939 года

Народный Комиссар Иностранных Дел СССР

В. Молотов».

* * *

По всесоюзному радио выступил с речью председатель СНК Молотов:

«Граждане и гражданки СССР!

Враждебная в отношении нашей страны политика Финляндии вынуждает нас принять меры по обеспечению внешней государственной безопасности. Советское правительство вело переговоры с финляндским правительством об обеспечении безопасности Ленинграда, но оно заняло непримиримую, враждебную позицию и переговоры окончились безрезультатно.

В последние дни происходили провокации на советско-финской границе. Советское правительство послало финскому правительству ноту, но оно ответило враждебным отказом и нахальным отрицанием фактов провокации… 28 ноября 1939 года Советское правительство вынуждено было заявить, что считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу "Пакта о ненападении", нарушаемого правительством Финляндии. Ответственность за создавшееся положение должна быть возложена на правительство Финляндии. СССР считает необходимым отозвать своих политических и хозяйственных представителей.

Главное командование Красной армии и Военно-Морского флота издало распоряжение о подготовке к неожиданным вторжениям финских войск и о пресечении провокаций. Заявления иностранной прессы о том, что СССР ставит перед собой цель захватить финляндскую территорию, являются заведомо ложными, так как СССР с самого начала переговоров выступал за мирное разрешение конфликта, готов был

предоставить Финляндии территорию в Карелии в обмен на значительно меньшую территорию на Карельском перешейке и всегда ратовал за воссоединение карельского и финского народов.

СССР не имеет намерений ущемить интересы других государств в Финляндии или вмешиваться во внутренние дела Финляндии и ее независимость. Основная задача переговоров с финским правительством — обеспечение безопасности Ленинграда…»

30 ноября газеты опубликовали сообщение: «29 ноября 1939 года заместитель народного комиссара иностранных дел тов. В.П. Потёмкин по поручению правительства вручил послу Финляндии г. Ирие-Коскинену ноту, подписанную В.М. Молотовым и содержащую уведомление, что из-за непрекращающихся нападений финских частей на советскую территорию Советское правительство не может больше поддерживать нормальные отношения с Финляндией и вынуждено отозвать из Финляндии своих политических и хозяйственных деятелей»…

Имеется несколько версий Майнильского инцидента, из-за которого началось военное столкновение двух стран. По одной: обстрел позиций 68-го полка произвело секретное подразделение НКВД; по другой: вообще никакой стрельбы не было, и в 68-м полку 26 ноября не было ни убитых, ни раненых. Есть и иные версии. Но никаких достоверных документальных подтверждений ни одна из них не имеет.

И все-таки нынче открыты источники, позволяющие усомниться в том, что огонь по советским войскам велся с финской территории. В журнале боевых действий 68-го стрелкового полка 70-й стрелковой дивизии, дислоцированной в районе деревни Майнила, существует запись: «26 ноября полк подвергся обстрелу белофиннов[66]. Взорвалось семь снарядов. Погибло 3 человека и 6 ранено». Просматривается расхождение в данных полкового журнала боевых действий и в ноте, врученной 26 ноября 1939 года народным комиссаром иностранных дел Молотовым послу Финляндии в СССР. Смущает еще одно обстоятельство: все записи в полковом журнале сделаны одной рукой, хотя начальник штаба и его помощник, которые обязаны вести записи, за непродолжительный период менялись три раза. Основанием для сомнения является и то, что в оперативных сводках и донесениях штаба 70-й стрелковой дивизии и ее частей есть сведения о случайных выстрелах и обвалах землянок в октябре — ноябре 1939 года. Но в то же время о выстрелах с финской стороны, а также о наличии в приграничных районах финской артиллерии записей не обнаружено. Анализ ведомостей

боевого и численного состава 68-го стрелкового полка за период 25—28 ноября свидетельствует, что численность состава оставалась неизменной. Немаловажен и тот факт, что приказ на наступление был подготовлен 23 ноября, а день перехода в наступление предполагалось «указать особо».

В то же время результаты наблюдения финских пограничных постов свидетельствуют, что 26 ноября с 14.30 до 15.00 было зафиксировано пять пушечных выстрелов, а с 15.00 до 15.05—два минометных выстрела. Финские пограничники явно видели, куда были направлены выстрелы и откуда произведены. Дальнобойная артиллерия, способная вести обстрел деревни Майнила, у финской стороны в данном районе отсутствовала.

Кроме того, из ставших теперь известными записей, сделанных в дневнике А.А. Жданова и являющихся своего рода сценарием происходивших событий, явствует следующее: к границе должен быть подтянут батальон НКВД; происходит инцидент с выстрелами; затем организуется митинг всеобщего возмущения; распространение 30 тысяч пропагандистских листовок; речь Молотова с перечислением агрессивных действий Финляндии.

Перед началом войны, между шестью и семью часами утра по радио должно было быть зачитано Обращение ЦК финской компартии к трудящимся Финляндии. То есть все происходило по ранее разработанному сценарию.

Рассчитывая, что война будет молниеносной, руководство СССР еще до вторжения в Финляндию предусмотрительно позаботилось о решении проблемы послевоенного устройства этой страны. Лучшим решением было сочтено создание просоветского правительства во главе с Куусиненом. Оно было сформировано заранее.

В своей декларации правительство Куусинена объявило себя «Народным Правительством Республики Финляндия» и пообещало «опираться на трудовой народный фронт». Народный фронт рассматривался как реальная сила.

1 декабря 1939 года в городе Териоки между правительством Куусинена и правительством СССР был заключен договор «О дружбе и взаимопомощи» и установлены официальные дипломатические отношения.

По первой статье этого договора Финляндии должна была быть передана территория в Карелии площадью 70 тысяч квадратных километров в обмен на 3970 квадратных километров на Карельском перешейке, СССР также обязался выплатить Финляндии компенсацию (120 миллионов финских марок) за железную дорогу, находившуюся на территории Карельского

перешейка.

Во второй статье речь шла об аренде полуострова Ханко с размещением на нем ограниченного контингента советских войск, продаже островов Хогланд, Сейскари, Лавансаари, Тютэсаари и Койвисто, а также части полуостровов Средний и Рыбачий за 300 миллионов финских марок.

В третьей статье стороны договорились о взаимопомощи и оказании военной поддержки друг другу в случае нападения на СССР через территорию Финляндии или в случае нападения на Финляндию.

Четвертая статья требовала от сторон невхождения в коалиции против другой стороны.

В пятой статье была достигнута договоренность о заключении коммерческих договоров между СССР и Финляндией и о повышении ежегодного объема экспорта — импорта между ними до уровня 1927 года (800 миллионов финских марок).

В шестой статье СССР обязался поддерживать финскую Народную армию вооружением, помощью в подготовке специалистов и т. д.

По седьмой статье договор заключался сроком на 25 лет и в случае, если за год до истечения срока договора ни одна из сторон не заявляла о его расторжении, он автоматически продлевался еще на 25 лет.

Договор вступал в силу с момента его подписания сторонами.

2 декабря 1939 года в Москве уже шли переговоры между Куусиненом и Молотовым о перспективах наиболее эффективной реализации этого договора. В переговорах также принимали участие Сталин, Ворошилов, Жданов.

Что касается существовавшего финляндского правительства, то Советский Союз до конца января 1940 года отказывался иметь с ним какие-либо сношения.

Приказ: «Отбросить противника!»

30 ноября ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров приняли решение начать военную кампанию против Финляндии. Для общего руководства ею была создана Ставка военного совета, в которую вошли: И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов, Б.М. Шапошников, Н.Г. Кузнецов (нарком Военно-морского флота принимал участие только в обсуждении морских вопросов) и В.М. Молотов (он входил в Ставку неофициально).

Войну с Финляндией в Советском Союзе в официальных публикациях будут называть «Советско-финская война», в народе — «Финская война», среди военных — «Зимняя кампания»; на Западе — «Зимняя война».

* * *

Командующий Ленинградским военным округом получил приказ: 30 ноября отбросить противника от Ленинграда, обеспечить безопасность границы в Карелии и Мурманской области и заставить Финляндию, «марионетку империалистических держав», отказаться в дальнейшем от военных провокаций против СССР. Основной задачей при этом определялась ликвидация военного плацдарма на Карельском перешейке.

В 8 часов утра войска ЛВО перешли государственную границу. На Карельский перешеек вступили части 7-й армии (командующий командарм 2-го ранга В.Ф. Яковлев) — 9 стрелковых дивизий, танковый корпус, 3 отдельные танковые бригады, 13 артиллерийских полков. Президент Финляндии К. Каллио отреагировал на это объявлением Советскому Союзу войны.

Против советских сил финны имели пять оперативных войсковых объединений: Лапландскую группу генерала Валениуса (Мурманское направление), Северную группу генерала Туомпо и шведскую добровольческую бригаду генерала Линдера (Кандалакшское направление), 4-й армейский корпус генерала Хеглунда (Беломорское направление), группу генерала Талвела (Петрозаводское направление), 5-ю армию генерала Эстермана и Аландскую группу (Ленинградское направление).

Войска первых четырех объединений с самого начала имели задачей наступление. А пятое объединение должно было, опираясь на линию Маннергейма, измотать Красную армию в

боях на Карельском перешейке и потом нанести удар по Ленинграду. Всего противник располагал пятнадцатью дивизиями, из них восемью — на Карельском перешейке.

В общей сложности в финских вооруженных силах насчитывалось до 600 тысяч человек, около 900 орудий, 60 танков, 29 боевых кораблей и 270 боевых самолетов. Группировка советских войск имела в декабре 1939 года 400 тысяч, в марте 1940-го — 785 тысяч человек, свыше 1500 орудий и минометов, более 1500 танков и около 1600 самолетов. К.А. Мерецков в своих воспоминаниях пишет, что в некоторых военно-исторических сочинениях утверждается, что против Финляндии в период кампании действовали шесть советских армий. Это не так. «Армией в полном смысле этого слова была вначале только 7-я… Она занимала крайний левый фланг фронта. Правее нее находилась группа комкора В.Д. Грендаля из трех дивизий, развернувшаяся в 13-ю армию. На других направлениях действовали небольшие общевойсковые группы. Им присвоили названия: 8-я, 9-я и 14-я армии…»

Конечно, наступающим войскам шли подкрепления из других районов страны. Например, с Волги прибыла 70-я дивизия под командованием комбрига М.П. Кирпоноса. Из Киевского военного округа — 44-я стрелковая дивизия. Но в первый период войны она не проявила должной боеспособности. Ее бойцы не имели навыков действия в условиях лесисто-болотисто-холмистой местности и глубоких снегов. Оказавшись в совершенно непривычной для нее обстановке, 44-я дивизия несла большие потери. 7 января в районе Раати она попала в окружение. В ходе боя погиб комдив, личный состав, бросив часть техники, мелкими группами выходил к границе…

Первоначально продвижение частей 7-й армии было более-менее успешным, но на вторые и третьи сутки оно замедлилось. 7 декабря по предложению Сталина вместо Яковлева армию возглавил Мерецков.

Финны развернули организованную диверсионно-партизанскую деятельность, всячески преграждали пути войскам: на дорогах выкладывали из камней-валунов (по 4—5 метров в диаметре) заграждения-завалы, устраивали засады. Танки и орудия застревали в глубоких ямах, засыпанных снегом. «Пробки» из боевой техники становились удобными мишенями для расстрела с воздуха.

По мере углубления на территорию противника нарушилось снабжение войск.

Чем ближе 7-я армия подходила к линии Маннергейма, тем тяжелее было преодолевать так называемую полосу обеспечения.

Перед наступающими частями встали рвы и эскарпы[67], надолбы и долговременные огневые точки, изгороди из колючей проволоки. Были заминированы дороги, тропы, просеки, опушки леса, постройки и отдельные предметы. Бойцы не умели бороться ни с минами, ни с укрытыми в железо и бетон пулеметами и орудиями. Артиллерия эффективно поражала живую силу противника на открытой местности и в легких блиндажах, но бетонные доты врага оставались неуязвимыми. Много хлопот доставляли «кукушки» — стрелки-снайперы, прятавшиеся в ветвях деревьев.

У финнов оказалась на довольно высоком уровне тактическая и стрелковая подготовка. Их маневренные подразделения внезапно атаковали советские войска с тыла и флангов и так же внезапно уходили в лес. Поставленные на лыжи, они без особого труда преодолевали бездорожья. Необходимый комплект оружия был всегда при них; они перемещали его с собой на легких санях и волокушах.

Отступая, финны сжигали оставляемые деревни, хутора, уводили их жителей, скот, нередко разбирали дома по бревнам и перевозили вглубь страны. Поэтому части Красной армии не могли пополнять свои продовольственные запасы, не имели возможности обогреваться в каких-либо помещениях.

Бои развернулись на огромном пространстве — от Баренцева моря до Финского залива — протяженностью более тысячи километров. Особенно тяжелыми они были на Карельском перешейке, где ожесточеннейшее сопротивление советским войскам оказывала 5-я армия Эстермана.

Мерецков в своих воспоминаниях признает, что армия несла тяжелые потери. Из-за расставленных повсюду мин бойцы боялись двигаться вперед. Необходимо было срочно найти метод борьбы с ними, иначе вся спланированная операция могла затянуться.

Между тем войска эффективными противоминными средствами не располагали и к преодолению подобных заграждений оказались неподготовленными. Мерецков и Жданов (он был членом военного совета 7-й армии) пригласили ряд ленинградских инженеров, в том числе возглавляемую профессором Н.М. Изюмовым группу преподавателей из Военной академии связи, и рассказали им о сложившемся положении.

Заключение сделали одно: нужны миноискатели. Инженеры, получив задание разработать их, поинтересовались, каким временем располагают. Жданов ответил: — Одними сутками.

— То есть как вас понимать? Это же немыслимо! — удивились инженеры.

— Немыслимо, но нужно. Войска испытывают большие трудности. Сейчас от вашего изобретения зависит успех военных действий…

По свидетельству Мерецкова, на следующий день первый образец миноискателя был готов. Его испытали, одобрили и пустили в производство. С той поры перед наступающими частями ставили цепочку саперов с миноискателями. Они обшаривали каждый метр местности и, обнаружив мину, взрывали ее. Эта процедура сильно замедляла продвижение, зато имелась гарантия безопасности, и войска смело пошли вперед — через сугробы и снежные заносы, при 45-градусном морозе.

К 12 декабря наконец была преодолена полоса обеспечения, прикрывавшая главную полосу линии Маннергейма. После короткой разведки боем войска попытались прорвать ее с ходу, но попытка не удалась. Во время артиллерийской подготовки финские солдаты перебрались из траншей к проволочным заграждениям. Когда же артиллерия ударила по заграждениям, чтобы проделать проходы для красноармейцев, финны опять отошли в траншеи. Начальник Автотракторного управления Красной армии комбриг Д.Г. Павлов, наблюдавший выдвижение танков к проделанным проходам, не разобрался в обстановке: ему показалось, что красноармейцы ворвались в траншеи противника и своя артиллерия ведет по ним огонь. Он связался по телефону с Ворошиловым, и нарком приказал прекратить артподготовку. Пока выясняли, что случилось, время ушло и ворваться в расположение врага на плечах его солдат не удалось. Момент был упущен.

Позже выяснилось, что артподготовкой наносился удар главным образом по полевой обороне между дотами с целью поразить живую силу. По долговременным точкам огонь прямой наводкой не велся, и поэтому повреждений они не имели. Так что войска все равно не прошли бы вперед либо понесли бы тяжелые потери.

Наступление приостановили, чтобы дать личному составу некоторую передышку.

Пока готовились к новому прорыву, военные инженеры тщательно изучили преодоленную полосу обеспечения. Она тянулась в глубину на расстояние от 20 до 60 километров (на разных участках), представляя собой укрепления обычного типа, сосредоточенные вдоль дорог. Дотов в ней было мало, зато дзотов имелось более восьмисот, а также десятки километров противотанковых рвов, надолбов, различных завалов, около четырехсот километров минных полей.

По окончании Финской войны сотрудники Ленинградского

военного округа исследовали главную оборонительную полосу линии Маннергейма и произвели подсчеты.

Общая глубина территории с оборонительными сооружениями составляла 80—100 километров. Из этих сооружений 350 являлись железобетонными и 2400 — дерево-земляными, отлично замаскированными. Проволочные заграждения имели в среднем по 30 рядов, надолбы — до 12 рядов. Любой населенный пункт представлял собой укрепленный узел, обеспеченный радио- и телефонной связью, госпиталем, кухней, складами боеприпасов и горючего. Боевые узлы сопротивления имели преимущественно по пять опорных пунктов, чаще всего по четыре пулеметно-артиллерийских дота в каждом. Особенно выделялись доты постройки 1938—1939 годов, с 1—2 орудийными и 3—4 пулеметными амбразурами. Их обслуживали гарнизоны от взвода до роты, жившие в подземных казармах. Над поверхностью земли поднималась только боевая часть сооружения с круговым обзором, артиллерийскими и пулеметными амбразурами. Под землей были укрыты казематы, склады, кухня, туалет, коридоры, общая и офицерская комнаты, машинное помещение, лазы в купола и запасной вход. Покрытие такого дота, сделанное из железобетона, достигало двух метров толщины…

Но тогда, в середине декабря 1939 года, советское командование этими данными не располагало.

После передышки войска вновь были брошены на финские укрепления. И вновь безуспешно. Отсутствие опыта и средств по прорыву сложного оборонительного рубежа опять дало себя знать. «Ни с чем подобным мы раньше не сталкивались, — пишет Мерецков. — Обнаружилось, что оборона противника не была подавлена. Доты молчали, а когда наши танки устремлялись вперед, они открывали огонь и подбивали их из орудий с бортов и сзади, пулеметами же отсекали пехоту, и атака срывалась. Танки того времени, не имея мощного орудия, не могли сами подавить доты и в лучшем случае закрывали их амбразуры своим корпусом. Выяснилось также, что нельзя начинать атаку издали: требовалось, несмотря на глубокий снег, приблизить к дотам исходное положение для атаки. Из-за малого количества проходов в инженерных заграждениях танки скучивались, становясь хорошей мишенью. Слабая оснащенность полевыми радиостанциями не позволяла командирам поддерживать оперативную связь. Поэтому различные рода войск плохо взаимодействовали. Не хватало специальных штурмовых групп для борьбы с дотами и дзотами. Авиация бомбила только глубину обороны противника, мало помогая войскам, преодолевавшим

заграждения».

Мерецков свидетельствует: военный поход в Финляндию был плохо продуман и излишне поспешно совершен: «На подготовку отводилась неделя, но на практике пришлось сократить срок до четырех дней». Это не могло не сказаться на осуществлении такой масштабной операции. Отсюда и многие трудности в ходе наступления…

«Сталин сердился, — пишет Мерецков, — почему не продвигаемся? Неэффективные военные действия, подчеркивал он, могут сказаться на нашей политике. На нас смотрит весь мир. Авторитет Красной армии — это гарантия безопасности СССР. Если застрянем надолго перед таким слабым противником, то тем самым стимулируем антисоветские усилия империалистических кругов».

А продвигаться войска не могли потому, что наткнулись на мощнейшую, непреодолимую оборону. Все попытки прорвать ее кончились неудачей.

Мерецков еще раз запросил Главное разведывательное управление о свежих данных по линии Маннергейма. Теперь ему стало понятно, что сведения ГРУ сильно занизили реальную мощь этой оборонительной системы. Войскам пришлось буквально упереться в нее, чтобы понять, что она на самом деле собой представляет.

Продолжать наступление на главную оборонительную полосу было бессмысленно. В начале января из наркомата поступил приказ о переходе к обороне.

Мерецков вспоминает, что, готовя новое наступление, все ломали головы над тем, что делать с дотами: «Бьем мы по ним, бьем, а разрушить не можем, так как снаряды не пробивают их». Он получил распоряжение из Москвы доискаться, в чем состоят секреты финских дотов. Приказал провести разведку боем на трех направлениях предстоящего прорыва. Было установлено, где и сколько имеется дотов. Но что они собой представляют? Командарм вызвал военинженера с группой саперов и поставил задачу: проникнуть во вражеский тыл, подорвать один из дотов, изучить его покрытие, а кусок бетона принести для исследования. Задача была выполнена, добытый кусок бетона послали в Москву. Научно-исследовательский институт произвел необходимые анализы и сообщил: цемент — марки «600».

Вот почему артиллерия не пробивала бетон. К тому же оказалось, что у многих дотов боевые казематы прикрывались со стороны амбразур броневыми плитами в несколько слоев, а толщина железобетонных стен и покрытий равнялась 1,5—2 метрам, причем они еще дополнительно покрывались 2—3-

метровым слоем фунта.

«Я посоветовался с Вороновым, — пишет Мерецков, — решили стрелять прицельно орудиями большой мощности. Доставили поближе к переднему краю артиллерию резерва главного командования калибром в 203—280 миллиметров и стали бить по дотам и их амбразурам прямой наводкой. Дело сразу пошло».

Масштабное наступление планировали на середину января. Авиация сфотографировала линию Маннергейма. Наконец-то командование имело карты со схемой вражеской обороны и реальный план ее прорыва. С этим планом Мерецков и Жданов прибыли в Москву и доложили его Сталину. В кабинете генсека присутствовали Молотов, Ворошилов, Тимошенко, Воронов и Грендаль. Предложенный план был утвержден.

Вечером ужинали у Сталина. Он и Молотов расспрашивали об итогах разведки, уточняли детали плана, освещали политический аспект операции. По окончании ужина Сталин заметил: «У вас там не все в порядке». И предупредил, что будут некоторые перемены. Нужно создать централизованное руководство операциями непосредственно в зоне боевых действий, подбросить новые силы и уточнить ход наступления, причем главную роль сыграет план, предложенный для 7-й армии. Во что бы то ни стало овладеть линией Маннергейма до весеннего разлива вод — такова основная задача!

Перемены, о которых говорил Сталин, произошли 7 января 1940 года. Было принято решение о реорганизации военных сил, участвующих в Финской кампании. В целях улучшения организации управления войсками создавался Северо-Западный фронт. Командующим фронтом был назначен командарм 1-го ранга С.К. Тимошенко, до этого возглавлявший войска Киевского военного округа, членом Военного совета фронта — А.А. Жданов.

Было ясно: группировка наступающих сил, прежде всего на линию Маннергейма, должна иметь двух-трехкратное превосходство над противником как в личном составе, так и в технике. Поэтому фронту стали в срочном порядке поставляться резервы. Здесь в полной мере проявилась предусмотрительность правительства, которое в сентябре 1939 года приняло закон о всеобщей воинской обязанности. В условиях уже начавшейся Второй мировой войны очень своевременно был взят курс на окончательный отказ от смешанной системы формирования вооруженных сил страны (сочетание регулярных частей с милиционно-территориальными). Теперь главной ориентацией было создание профессиональной кадровой армии.

На фронт прибывали свежие силы, в том числе лыжные

подразделения, личный состав которых был специально обучен действиям в лесисто-болотистой местности с большой заснеженностью. Севернее Ладожского озера была сформирована полнокровная 15-я армия. Шло усовершенствование управления войсками и налаживание взаимодействия между различными видами и родами вооруженных сил.

Мерецков особо выделяет стремление командования созданного фронта обеспечить превосходство в решающем месте, каким была линия Маннергейма, за счет других участков: к концу операции оно составило 23:10 по пехоте, 28:10 по артиллерии и абсолютное — по танкам.

Штурм линии Маннергейма

На начало февраля 1940 года расположение советских войск выглядело так: в Заполярье сосредоточилась 14-я армия, в Карелии — 9-я, южнее ее — 8, 12 и 15-я (все эти армии напрямую подчинялись Москве), на Карельском перешейке — 7-я и 13-я армии.

Согласно плану операции (теперь вместо армейской проводилась фронтовая наступательная операция) войскам 7-й и 13-й армий предписывалось одновременным ударом прорвать укрепленную полосу, в дальнейшем уничтожить всю группу противника на Карельском перешейке, не допустив отхода войск противника на запад. Удар этих армий был главным, и предполагалось наносить его смежными флангами в направлении Сумма—Виипури (Выборг). Фронт прорыва равнялся 40 километрам: от озера Вуокси-ярви до Кархулы (Дятлово). 13-я армия под командованием Грендаля устремлялась правым флангом на Кексгольм (Приозерск), левым — на Антреа (Каменогорск) через Кюрйоля (Красносельское) и Ристсеппяля (Житково). 7-я армия (командующий Мерецков) наступала правым флангом на Выборг (труднейшее направление, наиболее защищенное в системе обороны противника) через Кямяря (Гаврилово), левым — на Макслахти (Прибылово). В 7-ю армию входили 34, 10, 50 и 19-й стрелковые корпуса трехдивизи-онного состава. Кроме того, армия располагала стрелково-пулеметной бригадой, одиннадцатью артиллерийскими полками, пятью танковыми бригадами и двумя отдельными танковыми батальонами. Девять дивизий наносили главный удар на правом фланге, западнее озера Муолан-ярви (Глубокое), три дивизии — вспомогательный удар на левом фланге, восточнее Кархулы.

На одном километре линии фронта сосредоточивалось в среднем 50 орудий. На направлении основного удара действовала почти вся авиация фронта, причем одну треть всех истребителей, четверть бомбардировщиков и три четверти ночных бомбардировщиков получил в свое распоряжение командующий авиацией 7-й армии комкор С.П. Денисов.

Штурм линии Маннергейма начался 11 февраля с мощной артиллерийской подготовки.

О том, как происходил прорыв главной оборонительной позиции линии Маннергейма, рассказывает участник тех событий П. Егоров.

Утром 11 февраля по всему фронту заполыхали огненные зарницы. Высоко в небо взметнулась густая снежная пыль. От

массированной артиллерийской обработки переднего вражеского края поднимались вверх огромные, черные с огнем столбы взрывов. Кусок за куском отлетал бетон. Стальные плиты давали трещины, железными прутьями ощетинивались доты, хороня под собой его обитателей.

В течение двух часов орудия и минометы били по дотам, укрытиям и пулеметным точкам. Передние укрепления финской обороны превратились в сплошные развалины. По установленному сигналу артиллерия перенесла огонь в глубину. И тогда двинулись вперед танки, саперы и пехота.

Вскоре начали поступать первые донесения. Отдельные долговременные сооружения оставались невредимыми даже после мощных бомбовых ударов и артиллерийских обстрелов. Неприятель оказывал яростное сопротивление, особенно в опорном пункте Суммы. Но после нового мощного удара артиллерии и авиации, дружного натиска штурмовых групп пал и этот очаг сопротивления.

Мерецков внимательно следил за ходом наступления. Отлично действовала 123-я стрелковая дивизия Филиппа Федоровича Алябушева, бойцы которой, смело проникая во все щели сложной системы обороны, истребляли засевших там финских солдат.

Под стать 123-й сражалась и 70-я стрелковая дивизия во главе с Михаилом Петровичем Кирпоносом.

Завершив прорыв первой линии укреплений, красноармейцы устремились ко второй.

Командарм требовал:

— Не давайте неприятелю передышки, быстрее, как можно быстрее продвигайтесь вперед.

Бои с небольшими перерывами шли уже более полумесяца. Москва торопила с завершением кампании.

Для увеличения темпов продвижения и развития успеха Мерецков отдает приказ создавать подвижные группы, сажать пехоту на броню танков. Он направляет 70-ю дивизию на побережье Выборгского залива. Через четыре дня полки пробились к заливу, преодолев снежные заносы и яростное сопротивление вражеских войск.

В тот же день Кирилл Афанасьевич вместе с членом Военного совета армии Штыковым прибыл на командный пункт дивизии Кирпоноса.

Выход 70-й стрелковой дивизии к побережью Выборгского залива обеспечивал благоприятные условия для удара в тыл выборгской группировки противника. Но для этого надо было преодолеть ледяную гладь залива. Как это сделать, не погубив

личный состав в студеной воде?

Командарм и комдив, склонившись над картой, тревожились об одном и том же: выдержит ли лед? Наконец Кирилл Афанасьевич оторвался от карты и, посмотрев на Кирпоноса, спросил:

— Что думает командир дивизии?

— Я думаю, товарищ командующий, пройдем. Мерецков задумался. В его памяти всплывали примеры преодоления войсками ледяных пространств Балтики, о которых он узнал еще в годы учебы в академии на лекциях по истории военного искусства. Примеров было немного: при Петре I, когда русские воины прошли по льду Выборгского залива и штурмом взяли город Выборг, и в 1809 году, когда войска, руководимые Багратионом, преодолели льды Ботнического залива и овладели Аландскими островами. Но тогда не было танков, да и артиллерия была легче.

Кирпонос доказывал: лед толстый. Кроме того, для страховки он предлагал использовать сани-плоты из бревен.

— Согласен с вашими выводами, — сказал командарм. — Но, прежде чем принять окончательное решение, надо еще раз проверить прочность льда.

Кирпонос провел свои части по льду и 4 марта западным берегом обошел Выборг с тыла. Это был важный успех, и Мерецков доложил о нем Сталину. Через некоторое время ему позвонил генсек и поставил задачу взять Выборг в течение двух-трех дней.

* * *

Войска армии, прорвав оборонительные полосы линии Маннергейма и преодолев несколько отсечных позиций, достигли Выборгского укрепленного района.

Две стрелковые дивизии 50-го стрелкового корпуса двинулись в обход укреплений с севера, а 7-я стрелковая (командир Сергей Владимирович Верзин) атаковала укрепления с фронта. И тут выяснилось: Выборг оказался в укрепленном районе двухполосного типа, рассчитанном на круговую оборону.

В течение нескольких дней полки 7-й дивизии штурмовали подступы к городу. Безрезультатно. Росли потери, а дивизия не продвинулась ни на шаг.

Разведка донесла, что укрепрайон связан каналом с озером Сайма. Начинался март, и была опасность, что с наступлением ростепели финны затопят весь участок…

В штаб Верзина приехал Мерецков. Выслушав комдива, произнес:

— Надо, Сергей Владимирович, отрешиться от стремления рвать оборону сразу на всем фронте, удар следует наносить на одном избранном направлении, сосредоточивая на нем основные силы. — Затем, посмотрев на карту, приказал: — Удар подготовьте к исходу 12 марта и нанесите его между железнодорожной станцией и кладбищем во второй половине ночи на тринадцатое.

А в это время полки 70-й стрелковой дивизии перерезали шоссе и железную дорогу Выборг — Хельсинки. В столице Финляндии поняли, что участь страны предрешена. В этой обстановке финское правительство обратилось с просьбой к советскому правительству о мире.

Но Выборг не сдавался. Командир 7-й дивизии продолжал штурм его гарнизона. Верзин, оставив на трехкилометровом фронте всего лишь стрелковый батальон, танковую и пулеметную роты, основные силы развернул на узком участке. И в полночь на 13 марта части дивизии вслед за мощным налетом артиллерии пошли на штурм. Финны были ошеломлены, так как не ожидали ночной атаки. Войска захватили первую, затем вторую полосы обороны, к рассвету ворвались в город и овладели большей его частью…

Между тем в Москве уже был подписан мирный договор.

По международным дипломатическим законам между воюющими сторонами сначала заключается перемирие, потом прелиминарный (предварительный) договор и только как окончательная мера — мирный договор. СССР, настояв на подписании мирного договора, минуя предварительные договоренности, дал понять западным странам, что признает независимость Финляндии, но, с другой стороны, за СССР, таким образом, юридически закреплялись захваченные территории.

Заключенный мирный договор между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года и протокол к нему предусматривали: немедленное прекращение военных действий между СССР и Финляндией;

государственная граница устанавливается по новой линии, по которой в состав СССР включается весь Карельский перешеек с городом Виипури (Выборг), Выборгским заливом и его островами, Западное и Северное побережье Ладожского озера с городами Кексгольм (Приозерск), Сортавала, Суоярви; ряд островов в Финском заливе, территория восточнее Меркя-ярви с городом Куолаярви, часть полуостровов Рыбачий и Средний;

обе договаривающиеся стороны обязываются взаимно

воздерживаться от всякого нападения одна на другую, не заключать союзов и не участвовать в коалициях, направленных против другой стороны;

Финляндская Республика соглашается сдать СССР в аренду сроком на 30 лет с ежегодной уплатой 8 миллионов финских марок полуостров Ханко и морскую территорию вокруг радиусом 5 миль к югу и востоку от него и 3 мили к западу и северу, а также ряд островов, примыкающих к нему, для создания там военно-морской базы, способной оборонять от агрессии вход в Финский залив. В целях охраны базы СССР предоставляется право держать там за свой счет необходимое количество наземных и воздушных вооруженных сил. Финское правительство в течение десяти дней выводит с Ханко все свои войска, и полуостров переходит в управление СССР[68].

Окончательно боевые действия прекратились западнее Выборга, недалеко от древней границы Руси, установленной еще в середине X века при князе Владимире Ярославиче.

По завершении Советско-финляндской войны были подсчитаны потери с обеих сторон. В войсках Красной армии они составили: 48 745 человек убитыми и 158 863 ранеными; финские потери — более 70 тысяч человек убитыми и 150 тысяч ранеными. Эти данные были обнародованы 29 марта 1940 года на шестой сессии Верховного Совета СССР. По подсчетам же финнов, армия Финляндии потеряла 19 576 человек убитыми, 43 557 ранеными и 4101 человек пропали без вести.

За образцовое выполнение задания 405 рядовых красноармейцев, младших командиров, офицеров и генералов были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них: командующий Северо-Западным фронтом Тимошенко, командующий 7-й армией Мерецков, комдив Кирпонос, начальник инженерных войск Северо-Западного фронта Хренов и другие. Около 50 тысяч человек награждены орденами и медалями.

ИТОГИ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ

Успех или провал?

В советской истории тема Советско-финляндской войны 1939—1940 годов длительное время находилась как бы в тени, считалась «неудобной», была своеобразным «белым пятном». Почти сразу же по окончании войны ее причины, ход и итоги замалчивались. Почему? Прежде всего, такова была в тот период политика. Если во всеуслышание сказать о ней всю правду, то СССР, и в первую очередь его руководство, может потерять лицо в глазах собственного народа и международной общественности. Это — с точки зрения идеологической политики. Но были и другие обусловленности. Начавшаяся через год и три месяца жесточайшая Великая Отечественная война вытеснила «Зимнюю кампанию» из людских умов.

Как сегодня, с высоты XXI века, современные историки оценивают Советско-финляндскую войну 1939—1940 годов? По-разному. То, что в результате войны государственная граница СССР была отодвинута более чем на 150 километров от Ленинграда, несомненно, большой плюс.

К Советскому Союзу отошла территория в 40 тысяч квадратных километров. Конечно, территория не ахти какая, но на ней находилось большое количество важных предприятий, добротных коммуникаций. Например, целлюлозно-бумажное производство Энсо (в СССР почти не производилась целлюлоза и она считалась остродефицитной), гидроэлектростанции Раухала на реке Вуокса и железная дорога вдоль Ладожского озера. Приобретение ГЭС решило проблемы с обеспечением Ленинграда электроэнергией, которой городу всегда не хватало. Это также оценивается положительно.

Но чем оплачены эти плюсы? По уточненным данным, Красная армия потеряла в финскую войну: 131 476 человек убитыми, 325—330 тысяч человек ранеными, контуженными и обмороженными (из рассекреченных материалов Центрального государственного архива Российской армии — ЦГАРА). В эти цифры не включены потери ВМФ и НКВД. Следовательно, первоначальные данные были занижены в 2,7 раза — по безвозвратным потерям и в 2 раза — по потерям ранеными, контуженными и обмороженными. Сравнение потерь Красной армии и армии Финляндии дает такой результат: на одного убитого финского солдата приходилось шесть убитых советских солдат, а на одного раненого финна — семь советских. Данные еще не окончательные и продолжают уточняться.

Потери крупной техники составили: около 2500 танков (из

них 650 — безвозвратно), 650 самолетов. За один день войны терялось 23 танка и 6 самолетов. Кстати, значительные потери самолетов не вяжутся со сводками радио и газет (ноябрь 1939 — март 1940 года), в которых часто сообщалось, что из-за плохих погодных условий авиация в боевых действиях участия не принимала.

Опыт

16 апреля 1940 года в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором были подведены итоги войны с Финляндией.

На совещании, длившемся четыре дня, выступили 46 человек — командиры соединений, командующие объединений, округов, видов и родов войск Красной армии, руководители высших учреждений РККА. Доклад «Об опыте боевых действий против Финляндии» сделал Кирилл Афанасьевич Мерецков. Приведем стенограмму этого доклада.

СОВЕЩАНИЕ ПРИ ЦК ВКП(б) НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА ПО СБОРУ ОПЫТА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ ФИНЛЯНДИИ

16 апреля 1940 г.

Заседание утреннее

Мерецков (командарм 2-горанга, командующий 7-йармией). Главное командование и участники совещания знают подробности хода боевых событий, поэтому я их не затрагиваю и остановлюсь только на отдельных вопросах, которые, с моей точки зрения, не получили еще полного освещения. Первый вопрос. Это об обороне и наступлении.

Об обороне. События показали, что мы не имели полного представления о том, что впоследствии встретили в обороне у противника. Если вы посмотрите на схему, то увидите, что от прежней государственной границы до Выборга тянется оборонительная полоса около 90 км глубиной. Эту полосу можно подразделить на: а) предполье к главной оборонительной полосе, идущее от границы до линии оз. Сувантоярви, Муолаярви, Куолемаярви, Финский залив. На Выборгском направлении глубина этого предполья около 40 километров, оно имеет восемь линий опорных пунктов, увязанных между собой огнем и прикрытых сильными заграждениями; б) главную оборонительную полосу с сильными передовыми и двумя отсечными позициями. Отсечные позиции связывают главную оборонительную полосу со второй оборонительной полосой. В основе оборонительных построек главной полосы были железобетонные сооружения; в) вторую оборонительную полосу, состоящую из узлов обороны с опорными пунктами между ними, также с железобетонными сооружениями; г) тыловую оборонительную полосу и, наконец, д) сам Выборг — как укрепление. Кроме того, береговая и островная система

укреплений, обеспечивающая правый фланг линии Маннергейма и вход в Выборгский залив. Мы представляли себе заблаговременно подготовленную оборонительную полосу, как совокупность нескольких (двух-трех) укрепленных линий, с ярко выраженным передним краем каждой из них и зоной заграждений перед линией главного сопротивления, к которой мы после преодоления заграждений и разведки подходим вплотную и после артиллерийской подготовки атакуем. Что же представляла собой полоса обороны противника на самом деле? Во-первых. Не просто зону заграждений с местной их обороной, а предполье, развитое на большую глубину с восемью линиями опорных пунктов, связанных между собой огнем, причем все эти линии были прикрыты сильными противотанковыми препятствиями в виде бетонных и гранитных надолб, эскарпов разных видов и рвов, которые являлись препятствием не только для танков, но и для пехоты, различными проволочными заграждениями, большими участками засек, завалов и минных полей, кроме того, отдельные опорные пункты имели бетонные сооружения. Предполье по своей глубине, фортификационной развитости и силе автоматического огня являлось как бы самостоятельной полосой обороны. Во-вторых. Передний край главной оборонительной полосы искусно маскирован по местности и расположению сооружений; часто бетонные сооружения прикрывались каменно-дерево-земляными сооружениями, повышенная сопротивляемость которых против 152 и даже 203-мм снарядов не давала сразу отличать их от бетонных. В-третьих. Вся 90-километровая глубина обороны от границы и до Выборга включительно была покрыта минными полями большого протяжения, прикрывавшими основные направления по всей глубине обороны. К борьбе с минными полями такого большого масштаба мы не были подготовлены, что вызвало вначале в войсках некоторую растерянность. Однако наши ученые, получив от нас задание, в одни сутки изобрели прибор, который был быстро распределен для изготовления в ленинградской промышленности и суток через трое этот прибор мы получили в войска.

Сталин. Для выявления мин.

Мерецков. Да, для выявления мин. Вопрос оказался простым и в наших условиях быстро разрешимым. И мы его разрешили, но доморощенным порядком, в нашей ленинградской промышленности. Потери от мин были небольшие, но неподготовленность войск к преодолению минных полей породила вначале «минобоязнь». До войны мы имели противотанковые мины и противопехотные фугасы, оказалось, что в лабораторном порядке работали и над образцом

миноулавливателя, но по вопросам применения мин и борьбы с ними дело дальше разговоров не шло, так как все искали лучших образцов.

Сталин. Мудрим.

Мерецков. Да, мы очень много мудрим и затягиваем решение вопросов. Это происходит вследствие излишней перестраховки и неполного уяснения характера современной войны. В-четвертых. Мы готовились к тому, что будут разрушаться дороги и мосты, но считали, что будет разрушен только определенный процент, а фактически все мосты разрушались полностью, причем во многих случаях [пролеты] мостов [разрушались] противником путем подрыва, для того чтобы усложнить восстановление. Наши саперные части не были рассчитаны на такое большое количество постройки мостов и вообще восстановительных работ. Мы представляли себе заграждения только в тактическом масштабе, а заграждения получили гораздо больший размах, и наши инженерные части оказались слабыми для борьбы с этим. В кратком докладе трудно дать полное представление о силе этой системы обороны. Для того чтобы эту силу обороны понять, надо побывать на месте, на Карельском перешейке, и там получить представление о природе этого района. Выборгское направление было сильно укреплено. Главная полоса обороны имела вполне современные железобетонные сооружения с наличием всего, что есть в современной технике обороны.

Сталин. Скоро будет фильм демонстрироваться под названием «Линия Маннергейма».

Мерецков. Все вместе составило сплошную оборонительную полосу большой глубины, о которой мы ясного представления не имели. Как могло случиться, что это оказалось для нас неожиданным, что мы не имели ни практического, ни теоретического представления о возможности построения таких полос? Наши уставы основаны на опыте маневренного периода мировой войны и совершенно не давали представления о войне в позиционных условиях при наличии долговременных сооружений. Мировая война на Западе развивалась в позиционных условиях, и там, в этом направлении, имеется богатый опыт, который получил большое развитие после мировой войны, но этот опыт до нас полностью не дошел. Немцы и французы давно издали свои архивы мировой войны, но когда они будут изданы у нас, совершенно неизвестно, а это привело к опаздыванию изучения богатого опыта, особенно в позиционной войне. Нет систематизированной литературы по опыту войны в Испании и Китае. Если мы находились в таком положении, что не могли изучать иностранную литературу и знать, как развивается

за границей военное дело, то нам должны были помочь в этом отношении разведчики, чего они не сделали, и только когда началась вторая империалистическая война, нами было установлено, что не только финны, но и западные государства имеют глубокие полосы обороны. Несмотря на то что мы запоздали с изучением опыта Запада, нам все же нужно скорее иметь документы и материалы, которые дают опыт современных войн. Сейчас идет война в Европе, мы не получаем зарубежных газет и журналов и не знаем, что там пишут, только из наших газет получаем краткие сводки. Вот это, товарищ Сталин, и мешает нам следить за развитием военного дела за рубежом.

Сталин. Нетерпимое положение.

Мерецков. Нашей разведке нужно широко нас ориентировать. Я думаю, что можно нам давать информацию о том, что делается у наших соседей. Эти материалы есть, но они к нам не попадают.

Сталин. Была брошюра, где были данные, как будет Финляндия действовать. Эта брошюра была дана за семь лет до начала войны. В ней описывался финский бой, война, методы, которые будут применяться финнами. Все это было сделано на [основе] военных и литературных документов. Семь лет она пролежала в Наркомате обороны и через две недели после начала войны была издана, а до этого не обращали на нее внимания.

Мерецков. Причем нам нужно иметь сведения не только по Финляндии, но, конечно, и по другим странам. По сведениям, которые имеются, нам надо знать, что из себя представляют современные полосы обороны в Европе, можно ли сравнить полосу Зигфрида с полосой Маннергейма. В период войны больше возможностей получить данные о системе обороны так называемой линии Зигфрида. На линию Зигфрида, вероятно, можно съездить посмотреть и понять, что они имеют, с тем чтобы знать — с чем мы можем встретиться в будущем. Если сравним линию Мажино с линией Маннергейма, то мы встретим небольшую разницу. Там в основном крупные сооружения прикрыты мелкими железобетонными точками; в Финляндии в связи с недостатком бюджета и не особенно большим желанием хозяев давать деньги на их оборонительную работу бетонные сооружения прикрываются каменно-дерево-земляными сооружениями, но почти той же прочности.

Сталин. Там линия беспрерывная, а у финнов узлы имеются.

Мерецков. Линия Маннергейма не хуже, а может быть, и лучше, так как местность Финляндии позволяет создавать сильную оборону с системой узлов.

Сталин. У Мажино развиты подземные сооружения.

Мерецков. И больше подземных казарм. Вот, в основном,

характеристика укрепленной полосы, с которой мы повстречались. Финская укрепленная полоса нашими войсками разгромлена, но нам необходимо немедленно сделать соответствующие выводы, для того чтобы учесть все новое, с чем мы встретились во время наступления. Первое, что нам необходимо учесть: в будущих войнах, в начальный период войны, мы, как правило, будем встречаться с сильными оборонительными полосами позиционного типа, с наличием бетона, причем эти полосы будут большой глубины и только после преодоления их войска будут иметь возможность вести маневренную войну.

Сталин. Теперь все государства устраивают по этому образцу. Румыния, Турция, Германия, Франция, Италия — все эти страны окружают себя большими полосами укреплений.

Мерецков. Правильно. Значит, главное, основное, с чем мы не встречались в свое время и о чем не получили в свое время настоящего представления, это будут глубокие оборонительные полосы с наличием бетона и других технических средств современной обороны. Все это должно лечь в основу оперативной подготовки начальников и тактической подготовки войск. Второе. Необходимо полученный опыт использовать при постройке наших укрепленных районов.

О наступлении. Неправильное представление о силе и системе обороны противника повлекло за собой вначале неправильную организацию наступательного боя. Какие были недостатки во время наступления, что нужно нам учесть и что нужно исправить в наших уставах? Первый вопрос. Это об использовании вторых эшелонов. Первый период наступления в полосе предполья показал, что мы были подготовлены наступать слишком схематично. Когда при преодолении заграждений авангард задерживался и наступление теряло темп, то сейчас же развертывали главные силы и полностью их вводили в бой. В результате, пробив одну оборонительную линию, войска подходили ко второй в невыгодных боевых порядках, требовалась перегруппировка, на что затрачивалось лишнее время и в связи с чем суточное продвижение ограничивалось 5—7 километрами вместо 10. В процессе боев мы убедились, что преждевременный ввод в бой главных сил, вызванный не слабостью авангарда, а задержкой его для организации наступления, был вреден. Происходило это потому, что командиры, наученные строить боевой порядок по шаблону, с обязательным наличием второго эшелона, который применяется в случаях потери темпа наступления или для развития прорыва, несмотря на то, что встретились с такой обороной, когда нельзя было допустить

механический ввод в бой вторых эшелонов, продолжали наступать по схеме устава. Все это вызывало нарушение боевого порядка и приводило к наступлению без предварительной обработки и детальной разведки противника. Войска наступали сразу массой в развернутом порядке, за что товарищ Сталин неоднократно нас упрекал, но мы, приученные к шаблону, этой ошибки быстро выправить не могли, и только боевая практика постепенно изжила этот недостаток. Некоторые товарищи хотят все недостатки отнести за счет качества войск, все неполадки сваливают на войска. Это будет несправедливо. В первый период войны на выборгском направлении наступали кадровые войска, которые были хорошо подготовлены к бою, были дивизии тройного развертывания, но они шли во втором эшелоне. Нечего на войска пенять, надо выявить ошибки, недостатки начальников и недостатки в обучении войск. Как мы наступали на УР (укрепленный район. — *Н. В.)?* Неправильно говорят, что мы пробовали УР брать с ходу, это неверно. Атака укрепленного района была подготовлена в соответствии с нашими уставными нормами. Много поработали над вопросами взаимодействия, и, в частности, нам много в этом помогли товарищ Павлов и товарищ Воронов. Взаимодействие было прочно организовано, люди работали хорошо, это подтверждают те, кто сам непосредственно видел это на поле боя. Артиллерийский огонь был дан такой мощный, что противник из траншеи бежал, но наступление все же было отбито. Почему? Потому, что не сделали главного, не был разрушен бетон. Защитники обороны оставались в бетоне и пулеметным огнем отрезали пехоту, наступающую за танками. Мы видели героизм танкистов, прорвавшихся через УР, но благодаря тому, что бетон не был разрушен, разрыва между танками и пехотой мы ликвидировать не могли. Поэтому, для того чтобы взять укрепленную полосу, надо сперва разрушить бетон, а разрушить бетон можно только тогда, когда предварительно потрясешь всю систему обороны на участке прорыва. После этой попытки прорыва было получено указание от главного командования, что нужно подойти к вопросу прорыва по-другому. Мы были вызваны в Москву и получили инструкцию лично от товарища Сталина о том, как нужно подойти к решению задачи прорыва. Это указание сводилось к следующему: во-первых, нужно рвать противника на широком фронте. Главное командование решило вести наступление одновременно на всех фронтах, причем отдельные армии должны были наступать в разное время, с тем чтобы лучше растащить резервы противника. При подготовке операции прорыва учить войска на частных операциях и этими частными операциями вскрыть систему

обороны противника. Следующее указание: резервные войска обучать на фронте, а не в тылу; обучать должны командиры, уже участвовавшие в боях. До начала общего наступления разрушить бетон и обработать хорошенько передний край обороны противника, а также хорошо оборудовать исходный плацдарм для наступления. В соответствии с этими указаниями товарища Сталина мы и вели подготовку к прорыву. Мы выделили на каждый полк первого эшелона четыре дня на обучение. В эти четыре дня была проведена с каждым полком репетиция атаки. Я считаю, что успехи 7-й армии произошли именно потому, что мы полученные указания добросовестно выполнили. О развитии прорыва. Если мы обратимся к истории, то увидим, что в мировую войну удачные прорывы были, но, как правило, развить эти прорывы не удавалось. Например: сражение на реке Эн (операция Нивеля) — французы всего на фронте имели 176 дивизий, германцы — 144 дивизии. Ширина фронта прорыва 40 километров. Для прорыва французы привлекли 59 пехотных дивизий и 7 кавалерийских против 22 пехотных дивизий немцев. Операция закончилась захватом нескольких выгодных тактических пунктов. Это произошло потому, что немцы могли использовать свободные силы с не атакуемых участков для ликвидации прорыва. Верденская операция в 1916 году — германцы имели 105 дивизий, французы — 141, прорывали на участке 10 километров, десятью дивизиями против восьми французских, прорыв и его развитие не удались, так как французы подвезли последовательно к месту прорыва 65 дивизий, а немцы 56 дивизий. Глубина прорыва всего 7—9 километров. Опыт других прорывов примерно такой же. Нам удался прорыв потому, что в соответствии с указаниями товарища Сталина одновременно атаковали весь фронт финнов, сковали все силы противника, растащили резервы и, когда получили прорыв, то смело, не боясь фланговых ударов со стороны приморской отсечной позиции и позиции севернее озера Муолаярви, приступили к развитию прорыва.

Сталин. Какие орудия сыграли решающую роль?

Мерецков. Артиллерия, танки и авиация.

Сталин. А сколько максимум снарядов выпустили в день?

Мерецков. 7-я армия в день прорыва 149 985.

Сталин. А 13-я?

Мерецков. Примерно то же. В день прорыва по всему фронту армии мы дали массу артиллерийского огня. Артподготовка шла по всему фронту, и противник не знал, где будет главная атака, поэтому сам прорыв получился неожиданным. Во время частных операций, еще до прорыва, у нас бывали артподготовки с

расчетом до 20 тысяч снарядов на подготовку. Противник тогда уже считал, что это начался главный прорыв. И не только считал, а был такой день, когда после неудачного действия одного нашего батальона (он отошел) противник решил, что мы разбиты, и перешел в контрнаступление. Жаль, что он в дальнейшем мало повторял такие контрнаступления. Нашими неожиданными частными операциями противник сильно изматывался, он считал каждое наше частное наступление за главную атаку и писал, что мы ведем генеральное наступление, меняя дивизию за дивизией, а на самом деле дивизии вели частные операции отдельными ротами и только в некоторых случаях батальонами. Все это обеспечило внезапность главной атаки.

Голос из зала. И противника изнуряли этим делом.

Мерецков. Противника изнуряли. Мы допрашивали военнопленных, и офицеров в том числе; был один унтер-офицер, который хорошо владел русским языком, он рассказывал, что у них в результате работы нашей артиллерии и авиации появился новый тип санаториев — для психически расстроенных людей. Он говорил, что он только что пришел из госпиталя, и рассказывал, как только он вновь услышал такие канонады, то его всего в дрожь бросило. По его же признанию, он, как защитник, был слабым, физически и морально сломанным человеком.

Сталин. Полукалекой стал.

Мерецков. Поэтому вопрос о мощной артиллерийской обработке при прорыве обороны противника является главным. Авиация с применением крупных калибров бомб играла также большую роль при обработке обороны противника. Когда мы получали указания у товарища Сталина — как рвать укрепленную полосу, то он говорил, что надо бить артиллерией по всему фронту, не жалея снарядов, что найдется более слабое место и в этом месте и следует развивать прорыв, нанося удар по флангам противника. Это верно. Когда мы били противника только с фронта, то имели перед собой напольные стенки его оборонительных сооружений, которые были значительно усилены, а когда прорвались, развертываясь вправо и влево, то получили возможность бить бетон с флангов и с тыла, что значительно легче. Здесь некоторые товарищи, в частности комиссар 50-го корпуса, как будто бы отрицательно относились к тому, что когда нам удалось сделать прорыв, то мы начали развертываться и направо, и налево, вводя в прорыв по одной дороге пять стрелковых дивизий, три танковые бригады и одну стрелково-пулеметную бригаду. Вводить в прорыв такое большое количество войск — дело непростое, но я не мог дожидаться, когда противник подготовит мне большое количество дорог.

Развитие прорыва требует большого искусства, и это удалось нам потому, что мы применили указания товарища Сталина. Второй вопрос. О танках и самостоятельных действиях мехсоединений. Я хочу сказать о танках, товарищ председатель Совета народных комиссаров. Танки исключительно доблестно вели себя в бою, но некоторое замешательство у нас с ними было. Мы неправильно ориентировались на потери. У нас был лозунг, что нужно завоевывать победы с малой кровью. Это очень хорошо. Но нельзя завоевывать вовсе без потерь.

Сталин. С малой кровью, но с большим расходованием снарядов.

Мерецков. Это верно. Когда танки понесли потери, некоторые слабые волей стали терять веру в свой род войск. У некоторых командиров был надлом, но товарищ Павлов быстро их перестроил. Если бы не было массы танков, конечно, все сражение по-другому выглядело бы. Другое дело, что мы не совсем умело применяли танки. При прорыве нужно было иметь танки с толстой броней. К концу войны такие танки появились, причем некоторые из них были вооружены 6-дюймовыми пушками. Нужно сказать, что танки играли исключительную роль в войне.

Сталин. Они всегда будут играть.

Мерецков. И будут играть всегда. Я не сторонник защищать мехкорпуса, но я сторонник действия отдельных механизированных и танковых частей. Когда мы входили в прорыв, то мы посадили пехоту на танки и целое соединение пустили вперед самостоятельно. Такой способ был забракован, но я считаю, что в бою нужно разумно использовать всё. Танки действовали самостоятельно и сыграли исключительную роль, овладев станциями Перо и Кямяря. Другой пример. Действие танков в тылу 19-го стрелкового корпуса и на станции Лейпясуо. Третий пример. Выход танкового батальона на Хуумола в тыл противнику открыл возможность двигаться 7-й стрелковой дивизии. Я считаю, что мы не должны отказываться от самостоятельных действий танковых соединений. Механизированный корпус тяжел, малоподвижен, его нужно заменить дивизией, которая должна иметь 200—250 танков, плюс два стрелковых полка своей пехоты. Третий вопрос. О пехоте и ее вооружении.

Сталин. О щитках вы ничего не говорите.

Мерецков. Щиток — это оборонительное средство, он для наступления не нужен, мешает. Наступление пехоты должно обеспечиваться хорошей артиллерийской обработкой и прикрываться плотным огневым валом. Часто требуется

перебрасывать пехоту вперед при наличии у противника в обороне отдельных очагов сопротивления, в этом случае можно применить специальный бронированный транспорт. В условиях войны мы часто применяли переброску пехоты на танках, это значительно ускоряло продвижение пехоты по глубокому снегу. Некоторые командиры считали, что к танкам для прикрытия пехоты можно приделать броневые боковины, которые позволят перебрасывать пехоту на танках и под стрелково-пулеметным огнем противника. О перевозке пехоты на поле боя надо подумать и дать решение этому вопросу. Я считаю, что товарищи не правы, когда говорят, что пехота у нас плохая. Такое понятие неверное. Мы должны расшифровать, что такое пехота. Пехота — это значит бойцы, а разве у нас плохие бойцы? Должен сказать, что бойцы у нас прекрасные, но обучены они недостаточно хорошо. Вот об этом, мне кажется, мы и должны будем сказать. Надо отметить при этом, что к войне с Финляндией мы в пехоте оказались плохо вооруженными.

Сталин. Ко всякой другой войне мы были бы плохо вооружены.

Мерецков. Мы имели станковый пулемет — старый «максим», с водяным охлаждением, на катках. Мы имели легкий пулемет. Из обоих в лесах стрелять трудно, потому что они тонут в снегу. Мы имели нашу винтовку и гранаты. А противник имел легкие автоматы, и, по существу, в лесах наша пехота при движении вперед дралась винтовкой против автомата. Если вы посмотрите на использование минометов, то в этом отношении мы выступили неподготовленными. Минометы и мины мы получали на походе. Только к концу войны минометы получили должное применение. О пехоте я делаю вывод, что вообще мы имеем материал прекрасный. Но он был у нас недоучен и вооружен не по-современному. Мы здесь предлагаем: помимо того, что должен быть пистолет-пулемет, а он обязательно нужен, — нужно иметь ручной пулемет, но такой, из которого можно было бы стрелять с руки, прислонившись к дереву. И в будущей войне основным оружием будет не штык, а автоматическое оружие. Штык нужен для того, чтобы физически бойца развивать и развивать в нем смелость, а не для того, чтобы строить борьбу на штыке. Нашей пехоте нужно автоматическое оружие, я имею в виду автоматическую винтовку, пистолет-пулемет, облегченный ручной пулемет, имеющийся легкий пулемет сохранить и вместо «максима» дать более легкий станковый пулемет. Нужна хорошая ручная фаната. Нам нужно больше тяжелой артиллерии, скорострельные пушки и много снарядов. Тогда пехота будет хорошая. Я считаю, что более правильно будет так поставить

вопрос о пехоте. Четвертый вопрос. О дисциплине. Дисциплина у нас была очень слабая, и я думаю, что здесь виноваты командиры. Я считаю, что командующие могут многое сделать в наведении порядка и дисциплины. Бойцы правильно говорят о себе: «Что вы на пехоту говорите, что плохая дисциплина, а посмотрите — кто умирает на доте — пехота, кто лежит у дота — пехота, кого больше бьют в ближнем бою — пехоту, чего же вы насчет дисциплины толкуете!» Человек обиделся. Он дерется, а им недовольны. Но вот что сказал тот же пехотинец: «У нас нет младших командиров!»

Голос из зала. А в школах штат сократили вдвое.

Мерецков. Это сделано неправильно. Товарищ Мехлис нам много помогал в округе, но мы все-таки просмотрели один вопрос — это соцсоревнование на лучшее выполнение приказа. Вот, скажем, два бойца заключили соревнование на взятие огневой точки. А потом начался бой, сильный огонь, один из них человек храбрый и лезет в бой, а другой думает: на этот раз пусть я соревнование проиграю, а он пусть наступает. Следующий раз, может, огонь противника будет слабее, тогда я пойду вперед и тоже выиграю соревнование, но с меньшим риском.

Мехлис. Нужно с толком соревноваться.

Мерецков. Нет, это вредно. Если соревнуются на лучшее выполнение приказа, то это неправильно. Приказ подлежит обязательному выполнению всеми. Кто его не выполняет — тот изменник.

Голоса из зала. Правильно.

Мерецков. У нас народ сознательный, это знает. Между прочим, нас никто не может обвинить в том, что мы над соревнованием не работали. 123-я дивизия серьезно работала. Можно привести такой пример, когда боец в атаке на соревнование доходил до дота, ставил на него флаг, вставал во весь рост и погибал. Пренебрегали своей жизнью. Командир — есть старший начальник и должен отвечать за своего подчиненного, но ему нужно дать такую власть, чтобы он, когда пойдет на войну, мог заставить своих подчиненных выполнять приказы. Все должны быть пронизаны одной мыслью — выполнить приказание командования, потому что приказ командования — есть приказ правительства, есть приказ нашей партии. Необходимо потребовать большей ответственности от всех командиров за воспитание своих подчиненных, оградив их от излишней опеки.

Мехлис. Когда в Москве получают сводку, что пять танков подбиты, думают, что черт знает что случилось.

Мерецков. У нас многие не хотели драться за дисциплину, не

хотели ссориться, но, видимо, без ссоры нам не обойтись. Некоторые в своих выступлениях увлекались старой фельдфебелыциной. Я откровенно скажу: не был «унтером» и фельдфебеля не любил. Увлекаться муштрой нам не следует, у нас сознательные бойцы, они без нас в бою выставляют лозунги «За Родину», «За Сталина». Мы это видели на поле боя, причем это относится ко всем национальностям нашей великой страны.

Кулик. Но мастерами они должны быть.

Мерецков. Поэтому-то и нужно правильно политически воспитывать и хорошо обучать. Муштрой не следует увлекаться, это будет вредно. Нам нужно иметь хорошего командира — преданного, грамотного, культурного, и тогда дисциплина быстро будет налажена.

Пятый вопрос. Об агентурной разведке. Мы обвиняли агентуру в том, что она нам не дала самых детальных сведений. Тут надо меру знать, агентуру нельзя всегда обвинять. У нас, например, был альбом УР противника, по нему мы и ориентировались.

Голоса из зала. Где он лежал?

Мерецков. У меня на рабочем столе, с левой стороны.

Сталин. В архиве.

Мерецков. Нет, одних данных агентуры мало, нужна хорошая войсковая разведка. Вот пример: 123-я дивизия неоднократно проводила частные мелкие операции по овладению высотой 65,5, считая, что на этой высоте имеется одно дерево-земляное сооружение, но всякий раз частные атаки отбивались. Мы с товарищем Ватутиным приехали в 123-ю дивизию, организовали бой разведкой при поддержке большого количества артиллерии, а сами наблюдали бой метров с 800 от переднего края на командном пункте командира полка товарища Титова. Противник вел такой сильный огонь, что невозможно было головы поднять из землянки, и все-таки, несмотря на потери, нам не удалось установить — какие укрепления у противника на переднем крае. Потребовалась длительная разведка боем отдельными мелкими партиями и постоянное наблюдение, чтобы выявить бетонные сооружения, а как только их выявили, то артиллерия быстро их разбила. Войсковая разведка требует опытных командиров, а мы, к сожалению, разведке укрепленных полос почти не обучались. Агентура не всегда может дать точную точку расположения бетонного сооружения. Поэтому рассчитывать только на агентурную разведку нельзя. Я считаю, что всеми мерами нужно добиться научить войска вести разведку.

Голос из зала. Почему ее нет?

Мерецков. Вы мне скажите, товарищ замнаркома Проскуров,

кто ведает у нас войсковой разведкой?

Голос из зала. Никто не ведает.

Мерецков. У вас есть представители и в Генеральном штабе, и в Управлении по боевой подготовке, а кто отвечает за руководство и обучение войсковой разведки — неизвестно. Нет у нас настоящей войсковой разведки, так же как, к сожалению, и агентурной. У меня есть пожелание, чтобы в течение ближайших двух-трех месяцев предложить нашим людям крепко заняться учетом опыта, но беспристрастно, без этого могут погибнуть ценные данные»[69].

Пошли бы уроки впрок

В заключительный день совещания произнес речь Сталин. Она долгие годы оставалась засекреченной и была открыта лишь в 1996 году.

Выступление генсека имело оптимистический настрой и начиналось так:

«Сталин. Я хотел бы, товарищи, коснуться некоторых вопросов, которые либо не были задеты в речах, либо были задеты, но не были достаточно освещены.

Первый вопрос о войне с Финляндией.

Правильно ли поступили правительство и партия, что объявили войну Финляндии? Этот вопрос специально касается Красной армии.

Нельзя ли было обойтись без войны? Мне кажется, что нельзя было. Невозможно было обойтись без войны. Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить, безусловно, ибо его безопасность есть безопасность нашего Отечества. Не только потому, что Ленинград представляет процентов 30—35 оборонной промышленности нашей страны, и, стало быть, от целостности и сохранности Ленинграда зависит судьба нашей страны, но и потому, что Ленинград есть вторая столица нашей страны. Прорваться к Ленинграду, занять его и образовать там, скажем, буржуазное правительство, белогвардейское, — это значит дать довольно серьезную базу для гражданской войны внутри страны против Советской власти.

Вот вам оборонное и политическое значение Ленинграда как центра промышленного и как второй столицы нашей страны. Вот почему безопасность Ленинграда — есть безопасность нашей страны. Ясно, что, коль скоро переговоры мирные с Финляндией не привели к результатам, надо было объявить войну, чтобы при помощи военной силы организовать, утвердить и закрепить безопасность Ленинграда и, стало быть, безопасность нашей страны.

Второй вопрос: а не поторопились ли наше правительство, наша партия, что объявили войну именно в конце ноября — в начале декабря, нельзя ли было отложить этот вопрос, подождать месяца два-три-четыре, подготовиться и потом ударить? Нет. Партия и правительство поступили совершенно правильно, не откладывая этого дела, и, зная, что мы не вполне еще готовы к войне в финских условиях, начали активные военные действия именно в конце ноября — в начале декабря. Все это зависело не

только от нас, а скорее всего, от международной обстановки. Там, на Западе, три самые большие державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить.

Было бы большой глупостью, политической близорукостью упустить момент и не попытаться поскорее, пока идет война на Западе, поставить и решить вопрос о безопасности Ленинграда. Отсрочить это дело месяца на два означало бы отсрочить это дело лет на двадцать, потому что ведь всего не предусмотришь в политике…»

В речи генсека раскладывается всё по полочкам: политические вопросы, военные вопросы. Сталин дает положительную оценку общим итогам войны. Он говорит: «К чему свелась наша победа… Вот мы 3 месяца и 12 дней воевали, потом финны встали на колени… Финнов победили. Но не это самое главное в этой войне. Финнов победить — не бог весть какая задача. Конечно, мы должны были финнов победить…» Далее он развивает мысль шире: СССР победил не только финнов, но и их европейских учителей. Мы «победили и технику передовых государств Европы, их тактику, их стратегию. Вся оборона Финляндии и война велась по указке, по наущению, по совету Англии и Франции».

Что касается военного анализа, здесь Сталин делает большое количество критических замечаний, связанных с неудачами первого периода войны и явными провалами командования.

Будут ли извлечены уроки из опыта Советско-финляндской войны — покажет время.

НАЧАЛЬНИК ГЕНШТАБА, ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРКОМА

Обновление руководства РККА

— Нам нужен сейчас более молодой начальник Генерального штаба с неплохим здоровьем, — сказал Сталин и обвел глазами сидевших за столом членов Политбюро и военачальников.

Разговор происходил, по свидетельству К.А. Мерецкова, на квартире генсека за ужином, который он обычно устраивал после совещаний в Кремле по важным государственным делам. На ужин, как правило, приглашались все участники, и в непринужденной обстановке продолжалось обсуждение вопросов, рассматривавшихся на официальном кремлевском заседании.

На этот раз заседание было посвящено анализу боеспособности Красной армии.

— Товарищ Шапошников стал частенько прихварывать, — продолжал Сталин. — Кроме того, возникла необходимость использовать его на другой работе. Идет большое строительство укрепленных районов. Мы могли бы сделать Бориса Михайловича заместителем наркома по их сооружению. Как вы думаете, товарищи, кого можно назначить на пост начальника Генерального штаба? Жду ваших рекомендаций.

Кто-то назвал фамилию Мерецкова. Его поддержали несколько военачальников. Они мотивировали это тем, что Кирилл Афанасьевич имеет специальную подготовку, участвовал в боях, командовал округами и уже работал в Генеральном штабе.

— Какое ваше мнение, товарищ Мерецков? — спросил Сталин.

Кирилл Афанасьевич был среди приглашенных на ужин и, услышав свою фамилию, несколько растерялся: выдвижение его кандидатуры было для него неожиданным. Он стал отказываться, ссылаясь на то, что должность эта сверхтяжелая и, главное, требует больших знаний. По его мнению, опыта у него для такой работы еще недостаточно.

После финской войны Мерецков уже получил повышение — был назначен заместителем народного комиссара обороны, курировал Управления боевой подготовки, высших военно-учебных заведений и инспекцию.

— Вот что, — сказал Сталин, — мы с вами условимся так: вы приступайте сейчас, немедленно, к работе, а как только подберем другую кандидатуру, заменим вас. Обижать вас не станем, вы получите соответствующее назначение. На этом и кончим сегодня…

Из финской войны извлекались уроки, перетряхивалась военная элита страны, происходили серьезные перестановки в

руководстве РККА.

Быстро росли в званиях командиры, лично известные генсеку и, по его убеждению, до конца ему преданные. В большинстве это — выходцы из Первой конной армии, где Сталин в Гражданскую войну был членом Революционного военного совета. В 1940 году становятся маршалами Г.И. Кулик, С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошников, генералами армии — К.А. Мерецков, Г.К. Жуков, И.В. Тюленев, И.Р. Апанасенко, Д.Г. Павлов. Бывшему командиру 4-й дивизии Первой конной О.И. Городовикову и члену ее РВС Е. А. Щаденко присваиваются звания генерал-полковников. Конармейцам Д.И. Рябышеву, Я.Т. Черевиченко, А.И. Еременко — генерал-лейтенантов.

В 1940 году звание генерал-полковника получили три общевойсковых командира и три командира родов войск, генерал-лейтенанта — 81 общевойсковой командир, шесть командиров войск НКВД и 33 командира родов войск; генерал-майора — 479 общевойсковых командиров, 373 командира родов войск.

На высшие военные посты вождь расставлял наиболее способных, как он считал, и надежных людей.

За допущенные ошибки в войне с Финляндией был освобожден от должности наркома обороны Ворошилов: его место занял хорошо зарекомендовавший себя в «Зимней кампании» маршал Тимошенко. Правда, смещенный за ошибки Ворошилов вопреки логике был не понижен, а возвышен: он стал заместителем председателя Совета народных комиссаров и председателем Комитета обороны СССР И, совсем уж непонятно за какие такие заслуги, был награжден орденом Ленина.

О смене высшего руководства РККА по завершении советско-финской кампании А.М. Василевский, спустя годы, во время беседы с Константином Симоновым говорил: «Финская война была для нас большим срамом и создала о нашей армии глубоко неблагоприятные впечатления за рубежом, да и внутри страны. Все это надо было как-то объяснить. Вот тогда и было созвано у Сталина совещание, был снят с поста наркома Ворошилов и назначен Тимошенко. Тогда же Шапошников, на которого Сталин тоже посчитал необходимым косвенно возложить ответственность, был под благовидным предлогом снят с поста начальника Генерального штаба и назначен заместителем наркома с задачей наблюдать за укреплением новых границ».

В отношении назначения Мерецкова начальником Генштаба Василевский рассказал чуть по-другому, нежели написал в мемуарах сам Кирилл Афанасьевич: «Встал вопрос о том, кому же быть начальником Генерального штаба. Сталин прямо тут же, на

Совете, не разговаривая ни с кем предварительно, обратился к новому наркому Тимошенко и спросил:

— Кого вы рекомендуете в начальники Генерального штаба?

Тот замялся.

— Ну, с кем из старших штабов вы работали?

Обстоятельства сложились так, что как раз на финской войне Тимошенко из старших штабов работал с Мерецковым. Он сказал об этом.

— Так как, подходит вам Мерецков начальником Генерального штаба? Как он у вас работал?

Тимошенко сказал, что работал неплохо и что подходит.

Так состоялось назначение нового начальника Генерального штаба».

Помимо замены первых высших лиц РККА: наркома обороны и начальника Генштаба, были обновлены начальники нескольких управлений. Главное артиллерийское управление возглавил Н. Н Воронов, Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии — П.В. Рычагов, Управление ПВО — Г.М. Штерн, Управление кадров Наркомата обороны — Е.А. Щаденко. Также произошли замены командующих войсками ведущих западных округов. Были поставлены на Киевский особый — Г.К. Жуков, Белорусский особый[70] — Д.Г. Павлов, Прибалтийский особый — А.Д. Лактионов, Ленинградский — М.К. Кирпанос, Одесский — Я.Т. Черевиченко.

Мерецков приступил к исполнению новых для него обязанностей на следующий день после памятного ужина у генсека. Работа началась не с освоения кабинета Шапошникова, а с выезда в Минск, к бывшему сослуживцу Дмитрию Григорьевичу Павлову, хотя Мерецков и до этого, пребывая два месяца (с июня по август) в должности заместителя народного комиссара обороны, почти непрерывно находился на различных учениях в округах, и теперь вновь погружался в непосредственную работу с войсками.

На осень намечалась военная игра в Западном особом военном округе (ЗОВО). Кирилл Афанасьевич должен был убедиться в готовности к ней как штаба, так и частей и соединений. Но срок игры все время переносился: руководство страны опасалось, что проведение ее в приграничном округе насторожит Германию.

Наконец Сталин окончательно утвердил время, однако дал указание послать руководителем учения начальника оперативного отдела Генштаба генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина.

— Если учением будут руководить Тимошенко или Мерецков,

— сказал он, — немцы примут все меры к тому, чтобы выяснить его характер. Да и вообще нам невыгодно, чтобы в Германии знали, чем занимаются сейчас нарком обороны и начальник Генштаба. Пускай едет Ватутин — якобы с инспекционными целями.

Игра прошла удачно, ее итоги были оценены положительно. По указанию ЦК партии 23 декабря 1940 года состоялись сборы высшего командного состава армии.

На прежнюю должность

Читаем в книге Г К. Жукова «Воспоминания и размышления»: «Совещание состоялось в конце декабря 1940 года. В его работе приняли участие командующие округами и армиями, члены военных советов и начальники штабов округов и армий, начальники всех военных академий, профессора и доктора военных наук, генерал-инспектора родов войск, начальники центральных управлений и руководящий состав Генерального штаба. На совещании все время присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Были сделаны важные сообщения. Генерал армии И.В. Тюленев подготовил основательный доклад "Характер современной оборонительной операции"… Доклад на тему "Военно-воздушные силы в наступательной операции и в борьбе за господство в воздухе" сделал начальник Главного управления ВВС Красной армии генерал-лейтенант П.В. Рычагов… Генерал-лейтенант А.К. Смирнов (генерал-инспектор пехоты Красной армии. — *Н. В.)* выступил с докладом на тему "Бой стрелковой дивизии в наступлении и обороне".

Доклад по общим вопросам боевой и оперативной подготовки войск Красной армии сделал начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков. Он особо отметил недостаточную подготовленность высшего командного состава и штабов всех степеней. В тот момент это было в какой-то мере следствием массового выдвижения на высшие должности молодых кадров, еще недостаточно подготовленных к оперативно-тактической и штабной работе.

Всеобщее внимание привлек доклад командующего Западным особым военным округом генерал-полковника Д. Г Павлова "Об использовании механизированных соединений в современной наступательной операции"… Мой доклад "Характер современной наступательной операции" был также встречен хорошо…

Все принявшие участие в прениях и выступивший с заключительным словом нарком обороны были единодушны в том, что, если война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией, нам придется иметь дело с самой сильной армией Запада. На совещании подчеркивалась ее оснащенность бронетанковыми, моторизованными войсками и сильной авиацией, отмечался большой опыт организации и ведения современной войны…»

Далее Жуков пишет, что на другой же день после совещания должна была состояться большая военная игра, но всех

неожиданно вызвали к Сталину.

Генсек встретил военачальников сухо, поздоровался еле заметным кивком и предложил сесть за стол. Кроме Хозяина в его кабинете присутствовали члены Политбюро.

Начал Сталин с того, что не спал всю ночь, читая проект заключительного выступления Тимошенко на совещании высшего комсостава, чтобы дать свои поправки.

— Товарищ Сталин, — попробовал возразить Тимошенко, — я послал вам план совещания и проект своего выступления и полагал, что вы знали, о чем я буду говорить при подведении итогов.

— Я не обязан читать все, что мне посылают! — вспылил Сталин.

Тимошенко замолчал.

— Ну, как мы будем поправлять Тимошенко? — обращаясь к членам Политбюро, спросил Сталин.

— Надо обязать Тимошенко серьезнее разобраться с вашими замечаниями по тезисам и, учтя их, через несколько дней представить в Политбюро проект директивы войскам, — сказал Молотов.

К этому мнению присоединились все присутствовавшие члены Политбюро.

Сталин сделал замечание Тимошенко за то, что тот закрыл совещание, не узнав его мнения о заключительном выступлении наркома…

— Когда начнется у вас военная игра? — спросил Сталин.

— Завтра утром, — ответил Тимошенко.

— Хорошо, проводите ее, но не распускайте командующих. Кто играет за «синюю» сторону, кто за «красную»?

— За «синюю» (западную) играет генерал армии Жуков, за «красную» (восточную) — генерал-полковник Павлов.

«Из Кремля, — пишет Жуков, — все мы возвращались в подавленном настроении. Нам было непонятно недовольство И.В. Сталина. Тем более что на совещании, как я уже говорил, все время присутствовали А.А. Жданов и Г.М. Маленков, которые, несомненно, обо всем информировали И.В. Сталина».

С утра следующего дня началась большая оперативно-стратегическая военная игра. За основу стратегической обстановки были взяты предполагаемые события, которые в случае нападения Германии на Советский Союз могли развернуться на западной границе. Руководство игрой осуществлялось наркомом обороны Тимошенко и начальником Генерального штаба Мерецковым; они «подыгрывали» за юго-западное стратегическое направление. «Синяя» сторона (немцы)

условно была нападающей, «красная» (Красная армия) — обороняющейся. Игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действия войск в начальном периоде войны.

По окончании игры нарком обороны приказал Павлову и Жукову произвести частичный разбор, отметить недостатки и положительные моменты в действиях участников.

Общий разбор Сталин предложил провести в Кремле, куда пригласили руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, командующих войсками округов и их начальников штабов. Кроме Сталина присутствовали члены Политбюро.

Жуков пишет:

«Ход игры докладывал начальник Генерального штаба генерал армии К.А. Мерецков.

После двух-трех резких реплик Сталина он начал повторяться и сбиваться. Доклад у К.А. Мерецкова явно не ладился. В оценках событий и решений сторон у него уже не было логики.

Когда он привел данные о соотношении сил сторон и преимуществе "синих" в начале игры, особенно в танках и авиации, И.В. Сталин, будучи раздосадован неудачей "красных", остановил его, заявив:

— Откуда вы берете такое соотношение?.. Не забывайте, что на войне важно не только арифметическое большинство, но и искусство командиров и войск. К.А. Мерецков ответил, что ему это известно, но количественное и качественное соотношение сил и средств на войне играет тоже не последнюю роль, тем более в современной войне, к которой Германия давно готовится и имеет уже значительный боевой опыт.

Сделав еще несколько резких замечаний, о которых вспоминать не хочется, И.В. Сталин спросил:

— Кто хочет высказаться?

Выступил нарком С.К. Тимошенко. Он доложил об оперативно-тактическом росте командующих, начальников штабов военных округов, о несомненной пользе прошедшего совещания и военно-стратегической игры…

Затем выступил генерал-полковник Д.Г. Павлов. Он начал с оценки прошедшего совещания, но И.В. Сталин остановил его.

— В чем кроются причины неудачных действий войск "красной" стороны? — спросил И.В. Сталин. Д.Г. Павлов попытался отделаться шуткой, сказав, что в военных играх так бывает. Эта шутка И.В. Сталину явно не понравилась, и он заметил:

— Командующий войсками округа должен владеть военным искусством, уметь в любых условиях находить правильные

решения, чего у вас в проведенной игре не получилось.

Затем, видимо потеряв интерес к выступлению Д.Г. Павлова, И.В. Сталин спросил:

— Есть еще желающие высказаться? Я попросил слова.

Отметив большую ценность подобных игр для роста оперативно-стратегического уровня высшего командования, предложил проводить их чаще, несмотря на всю сложность организации. Для повышения военной грамотности лично командующих и работников штабов округов и армий необходимо начать практику крупных командно-штабных полевых учений со средствами связи под руководством наркома обороны и Генштаба…

Затем по ряду проблемных вопросов выступили еще некоторые генералы.

Очень дельно говорил начальник Главного управления ВВС Красной Армии генерал П.В. Рычагов. Он настаивал на необходимости ускоренного развития наших воздушных сил на базе новейших самолетов и считал необходимым улучшить боевую подготовку летного состава.

Странное впечатление произвело выступление заместителя наркома обороны по вооружению маршала Г.И. Кулика. Он предложил усилить состав штатной стрелковой дивизии до 16—18 тысяч и ратовал за артиллерию на конной тяге. Из опыта боевых действий в Испании он заключал, что танковые части должны действовать главным образом как танки непосредственной поддержки пехоты и только поротно и побатальонно.

— С формированием танковых и механизированных корпусов, — сказал Г.И. Кулик, — пока следует воздержаться.

Нарком обороны С.К. Тимошенко бросил реплику:

— Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах. И.В. Сталин прервал дискуссию, осудив Г.И. Кулика за отсталость взглядов.

— Победа в войне, — заметил он, — будет за той стороной, у которой больше танков и выше моторизация войск…

В заключение И.В. Сталин заявил, обращаясь к членам Политбюро:

— Беда в том, что мы не имеем настоящего начальника Генерального штаба. Надо заменить Мерецкова. — И, подняв руку, добавил: — Военные могут быть свободны.

Мы вышли в приемную. К.А. Мерецков молчал. Молчал нарком. Молчали и мы, командующие. Все были удручены резкостью И.В. Сталина и тем, что Кирилл Афанасьевич Мерецков

незаслуженно был обижен. С К.А. Мерецковым я длительное время работал в Белорусском особом военном округе, где он был начальником штаба округа, когда во главе округа стоял командарм 1-го ранга И.П. Уборевич. Тот ценил К.А. Мерецкова как трудолюбивого, знающего и опытного работника.

На следующий день после разбора игры я был вызван к И.В. Сталину.

Поздоровавшись, И.В. Сталин сказал:

— Политбюро решило освободить Мерецкова от должности начальника Генерального штаба и на его место назначить вас.

Я ждал всего, но только не такого решения, и, не зная, что ответить, молчал. Потом сказал:

— Я никогда не работал в штабах. Всегда был в строю. Начальником Генерального штаба быть не могу.

— Политбюро решило назначить вас, — сказал И.В. Сталин, делая ударение на слове "решило".

Понимая, что всякие возражения бесполезны, я поблагодарил за доверие и сказал:

— Ну, а если не получится из меня хороший начальник Генштаба, буду проситься обратно в строй.

— Ну, вот и договорились! Завтра будет постановление ЦК, — сказал И.В. Сталин…»

Мерецков в своих мемуарах «На службе народу» в целом одинаково с Жуковым описывает совещание генералитета РККА в декабре 1940 года и последовавшие за ним штабные игры на картах. Лишь концовку истории с совещанием и играми подает несколько «по-своему».

«Мне было предложено охарактеризовать ход декабрьского сбора высшего комсостава и январской оперативной игры, — пишет он. — На все отвели 15—20 минут. Когда я дошел до игры, то успел остановиться только на действиях противника, после чего разбор фактически закончился, так как Сталин меня перебил и начал задавать вопросы.

Суть их сводилась к оценке разведывательных сведений о германской армии, полученных за последние месяцы в связи с анализом ее операций в Западной и Северной Европе. Однако мои соображения, основанные на данных о своих войсках и сведениях разведки, не произвели впечатления. Тут истекло отпущенное мне время и разбор был прерван. Слово пытался взять Н.Ф. Ватутин. Но Николаю Федоровичу его не дали. И.В. Сталин обратился к народному комиссару обороны. С.К. Тимошенко меня не поддержал.

Более никто из присутствовавших военачальников слова не просил. И.В. Сталин прошелся по кабинету, остановился,

помолчал и сказал:

— Товарищ Тимошенко просил назначить начальником Генерального штаба товарища Жукова. Давайте согласимся!

Возражений, естественно, не последовало. Доволен был и я…»

После четырехмесячного руководства Генштабом Мерецков вернулся на прежнюю должность заместителя наркома обороны по боевой подготовке и опять с головой погрузился в работу в войсках.

Однажды Сталин вызвал его к себе в кабинет. Поздоровался и сердито спросил:

— Что же это, братец мой, стали вы снова заместителем наркома и перестали докладывать мне текущие дела?

— Сам по себе, товарищ Сталин, я и раньше не ходил сюда. Вы меня вызвали — я явился.

— А почему не приносите на просмотр план создания механизированных корпусов?

В свое время Мерецков подавал оперативную записку генсеку по поводу разработанного Генштабом плана развертывания механизированных корпусов. Наметки этого плана детально обсуждались с участием танкистов. Уже став замнаркома, Кирилл Афанасьевич узнал: записка рассмотрена и утверждена Сталиным. И вот теперь генсек вспомнил о плане.

— Проект этого плана с вашими поправками, товарищ Сталин, был перепечатан. Жуков сказал, что он сам доложит его вам, — ответил Мерецков.

— С Жуковым мы уже беседовали. Он хочет механизированных корпусов вдвое больше, чем там намечено.

— Вы мою точку зрения знаете, товарищ Сталин. Я от нее не отступился. Сейчас у нас новых танков мало. К лету этого года планируемые корпуса не будут готовы: раньше следовало начинать их создание. По представленному нами проекту корпуса вступят в строй весной 1942 года. Мысль Жукова об удвоении превосходна, недостает только материальных возможностей. При наличии материальной базы его предложение будет реализовано к 1943 году.

Сталин заметил:

— Пребывать вне войны до 1943 года мы, конечно, не суме ем. Нас втянут поневоле. Но не исключено, что до 1942 года мы останемся вне войны. Поэтому порядок ввода в строй механизированных корпусов будет еще обсуждаться. Необходимо сейчас уделить главное внимание обучению войск. Политбюро считает, что с вашим возвращением в Наркомат обороны он усилился, и ждет активной от вас деятельности.

С этой встречи вплоть до войны Кирилл Афанасьевич виделся со Сталиным очень редко. Он все время пропадал в поездках по округам, на практических учениях войск. Весной 1941 года был в Ленинградском военном округе, которым в этот период командовал генерал-лейтенант М.М. Попов, пришедший на Л ВО из 1-й Отдельной краснознаменной армии. Работой нового командующего и штаба округа Мерецков остался доволен. Командный состав поставленные задачи решал правильно, войска всесторонне готовились к возможной войне.

Затем отправился в Киевский особый округ. Начальник оперативного отдела штаба генерал-майор И.Х. Баграмян доложил обстановку: войска вермахта опасно сосредоточивались у советской границы. Прежде чем информировать об этом Москву, Мерецков решил перепроверить данные Баграмяна. Поехал во Львов, побывал в армиях. Командармы говорили то же самое. Тогда он лично провел длительное наблюдение с передовых приграничных постов и убедился, что германские офицеры вели себя чрезвычайно активно.

Из Киева Кирилл Афанасьевич переехал в Одессу. Теплой была встреча с Яковом Тимофеевичем Черевиченко, которого Мерецков знал с Гражданской войны по службе в 1-й Конной армии. Мерецков поздравил его с недавним получением звания генерал-полковник. Затем — общение с начальником штаба округа генерал-майором М.В. Захаровым, сослуживцем по БВО в начале 1930-х годов, его подробный доклад, из которого явствовало, что и здесь наблюдается тревожная картина. Они вместе поехали к румынскому кордону, чтобы своими глазами увидеть скопление военных сил по ту сторону границы.

По указанию Мерецкова было проведено учение механизированного корпуса с выходом в приграничный район, где он и остался на длительное дислоцирование.

В округе имелся еще один корпус — генерал-майора Р.Я. Малиновского, с которым Мерецков также служил в БВО и Испании. Кирилл Афанасьевич поинтересовался состоянием соединения. Оказалось, что корпус только на словах таковым именовался, фактически же состоял лишь из одной дивизии.

По возвращении в Москву, это было в начале июня, Мерецков вместе с наркомом Тимошенко был приглашен в Кремль. Генсек внимательно выслушал доклад Мерецкова обо всем услышанном и увиденном в приграничных округах. Никаких комментариев не последовало. Задав несколько общих вопросов Тимошенко, Сталин распорядился:

— В ближайшее время проверьте в округах состояние авиации, насколько она готова дать немедленный отпор

противнику, если он нарушит наши рубежи.

Вскоре Мерецкову было приказано вылететь в Западный особый округ и провести проверку боеготовности авиации.

Кирилл Афанасьевич начал проверку с объявления тревоги авиачастям. Учение было в разгаре, как вспоминал он потом, и вдруг на его глазах на аэродром приземлился немецкий самолет. Мерецков потребовал объяснения от командующего округом. Тот ответил, что по указанию начальника Гражданской авиации СССР на данном военном аэродроме велено принимать немецкие пассажирские самолеты. Это возмутило замнаркома, и он тут же отправил телеграмму на имя Сталина о неправильных действиях гражданского начальства и крепко отчитал своего «испанского» друга Павлова за то, что он о подобных распоряжениях не информировал наркома обороны.

Выразил неудовлетворение и начальнику авиации округа Герою Советского Союза генерал-майору И.И. Копцу. И не столько за посадку на подведомственном ему аэродроме немецких самолетов, сколько за скученное размещение авиатехники, отсутствие необходимой маскировки.

— Что же это у вас творится? Если начнется война и авиация округа не сумеет выйти из-под удара противника, что тог да будете делать?

Копец ответил черной шуткой:

— Тогда буду стреляться!

Это окажется не пустой бравадой бывшего командира добровольческой авиационной группы, храбро сражавшегося в небе Испании с фашистскими асами. Когда немецкая авиация в первый день нападения на СССР нанесла массированный удар по аэродромам Белорусского округа, Копец сел в самолет и решил посмотреть, что с ними сталось. Увиденное ошеломило его: потери авиатехники были ужасающими. И честный солдат не выдержал. Он вернулся в штаб, закрылся в кабинете и застрелился…

Но трагедия произойдет потом, в будущем, а тогда, несмотря на черный юмор начальника авиации округа, беседа Мерецкова с ним продолжится на повышенных тонах. В конце концов Копец признает, что замечания замнаркома справедливы.

Однако, как показали последующие дни, беседа не оказала на него должного воздействия, и он не поторопился устранять недостатки, на которые указывал Мерецков.

До начала Великой Отечественной войны оставалась одна неделя…

Совещание 21 июня 1941 года

В субботу 21 июня с 19.05 до 22.20 в кремлевском кабинете Сталина проходило важное совещание, на котором присутствовали Молотов, Воронцов, Берия, Вознесенский, Маленков, Кузнецов, Сафонов, Тимошенко, Жуков, Буденный, Мехлис. Совещание проходило в строгой секретности, так как было посвящено вероятному в скором времени нападению Германии на Советский Союз, и проходило в два этапа: первый — с 19.05 до 20.15, второй — с 20.50 до 22.20.

Об этом совещании, и особенно о первом его этапе, в отечественной историографии ничего не сказано. Никто из мемуаристов — высших военачальников того времени его ни разу не упомянул. И совсем не из-за секретности: после войны это уже не было секретом…

Некоторые исследователи Великой Отечественной войны сходятся в мысли, что это — попытка полководцев Победы скрыть от народа «бревно в их глазу». Свои мемуары они писали после смерти Сталина, когда Н.С. Хрущев открыл огонь по культу личности. В угоду Хрущеву, а также с целью снять с себя ответственность они дружно чернили узурпатора. И главный упрек Сталину — катастрофическое поражение в начале войны. Существовала установка: в том, что Красная армия не была своевременно приведена в полную боевую готовность, виновен исключительно Сталин. Но это не совсем так. Те, кто стоял накануне войны у руля РККА, также повинны. Они внушали Сталину, что у Гитлера нет агрессивных намерений против СССР. И Сталин долго находился под их внушением, только в самый канун войны понял, что был в большом заблуждении. На этом совещании он остро поставил вопрос о немедленном приведении в полную боевую готовность сухопутных войск, авиации и флота. Генсек приказал наркому Тимошенко в кратчайший срок подготовить сжатую директиву на этот счет, сделал перерыв в совещании и отправил Тимошенко в Генштаб, чтобы он вместе с Жуковым и его работниками в течение 35 минут составили документ и доложили ему в 20.50…

Удивительно, но в мемуарах Жукова об этом совещании — чрезвычайно важном — нет ни слова. О событиях 21 июня 1941 года он в своих воспоминаниях начал рассказ так:

«Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы

для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркому и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом в Кремль, — сказал И.В. Сталин.

(Здесь речь идет примерно о 20.00. Тимошенко в этот момент находился в кабинете Сталина на совещании, которое закончится в 20.15. Через пятнадцать минут он уедет из Кремля. — *Я. В.)*

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность. (Зачем Тимошенко уезжал из Кремля в наркомат или Генштаб? Чтобы привезти к Сталину Жукова и Ватутина? А сами они не могли, «захватив с собой проект директивы войскам», приехать в Кремль?.. — *Н.В.)* И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

— Что будем делать? — спросил И.В. Сталин. Ответа не последовало.

— Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, — сказал нарком.

— Читайте! — сказал И.В. Сталин.

Я прочитал проект директивы. И.В. Сталин заметил:

— Такую директиву сейчас давать преждевременно, может быть, вопрос еще уладится мирным путем. Надо дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей. Войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Не теряя времени, мы с Н.Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома. (И опять нестыковка: Ватутин не фигурирует в списке посетителей кабинета Сталина в Кремле 21 июня. Вместо него — Буденный. — *Н. В.)*

Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить. И.В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи.

Ввиду особой важности привожу эту директиву полностью:

"Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота.

1. В течение 22—23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко. Жуков

21.6.41г.".

С этой директивой Н.Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа. Передача в округа была закончена в 00.30 минут 22 июня 1941 года.

Копия директивы была передана наркому Военно-Морского Флота.

Испытывая чувство какой-то сложной раздвоенности, возвращались мы с С.К. Тимошенко от И.В. Сталина…

Давно стемнело. Заканчивался день 21 июня. Доехали мы с С.К. Тимошенко до подъезда наркомата молча, но я чувствовал, что и наркома обуревают те же тревожные мысли. Выйдя из машины, мы договорились через десять минут встретиться в его служебном кабинете».

Известно ли было Мерецкову о совещании у Сталина 21 июня? Думается, известно. Ему мог о нем рассказать Тимошенко.

Дело в том, что на совещании в тот вечер рассматривался вопрос об организации фронтов и назначениях командного состава. Секретарь ЦК Г.М. Маленков подготовил черновик

постановления Политбюро ЦК ВКП (б) за № 596, которое содержало шесть пунктов:

«I. Организовать Южный фронт в составе двух армий с местопребыванием Военного Совета в Виннице.

Командующим Южного фронта назначить т. Тюленева с оставлением за ним должности командующего МВО.

Членом Военного Совета Юж. фронта назначить т. Запорожца.

II. Ввиду откомандирования тов. Запорожца членом Военного совета Южного фронта, назначить т. Мехлиса начальником Главного управления политической пропаганды Красной армии, с сохранением за ним должности наркома госконтроля.

III. Назначить командующим армиями второй линии т. Буденного.

Членом Военного Совета армий второй линии назначить секретаря ЦК ВКП(б) т. Маленкова.

Поручить наркому обороны т. Тимошенко и командующему армиями второй линии т. Буденному сорганизовать штаб с местопребыванием в Брянске.

IV. Поручить нач. Генштаба т. Жукову общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами с выездом на место.

V. Поручить т. Мерецкову общее руководство Северным фронтом с выездом на место.

VI. Назначить членом Военного Совета Северного фронта секретаря Ленинградского горкома ВКП(б) т. Кузнецова»[71].

Но было ли постановление в таком виде официально принято Политбюро, архивными источниками не подтверждено.

Однако именно в соответствии с этим черновым документом Мерецков в тот же вечер в срочном порядке был отправлен в Ленинград.

В книге «На службе народу» он пишет: «Вероятно, миллионы советских людей еще помнят, как провели они вечер перед незабываемым воскресеньем 22 июня 1941 года. Не забыл этого вечера и я.

Меня вызвал к себе мой непосредственный начальник, нарком обороны… С.К. Тимошенко сказал тогда:

— Возможно, завтра начнется война! Вам надо быть в качестве представителя Главного командования в Ленинградском военном округе. Его войска вы хорошо знаете и сможете при необходимости помочь руководству округа. Главное — не поддаваться на провокации.

— Каковы мои полномочия в случае вооруженного нападения? — спросил я.

— Выдержка, прежде всего. Суметь отличить реальное нападение от местных инцидентов и не дать им перерасти в

войну. Но будьте в боевой готовности. В случае нападения сами знаете, что делать…»

Был поздний час. Времени до отхода поезда «Красная стрела» оставалось в обрез. Мерецков быстро собрал чемодан, вызвал машину и поспешил на железнодорожный вокзал.

Сын К.А. Мерецкова, Владимир Кириллович, во время нашей с ним беседы (октябрь 2010 года) привел свидетельство одного из участников отъезда в ночь на 22 июня Кирилла Афанасьевича из Москвы в Ленинград С.А. Панова: «В час ночи Москва осталась позади. Зачем едем в Ленинград — мне неизвестно. Обычной командировкой считать нельзя, так как обычно давалось время на дорожную подготовку. А сейчас экстренный выезд, как по тревоге, не позволил этого сделать. Даже выехали не в своем вагоне "ФД2254", в котором постоянно ездил генерал армии по округам, а в том, который оказался ближе и мог быть быстрее подцеплен к поезду. Таким был вагон начальника Военных сообщений Красной армии "ФД2261"».

И ГРЯНУЛА ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Как она началась…

О том, как началась Великая Отечественная война, очень много рассказано и написано. Но как она началась для политического и военного руководства страны?

Приближенный Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микоян рассказывает, что вечером в субботу 21 июня 1941 года члены Политбюро были у Сталина на квартире. Обменивались мнениями. Обстановка была напряженной… Разошлись около трех часов ночи 22 июня 1941 года, а уже через час Анастаса Ивановича разбудили: война!

Сразу члены Политбюро собрались у Сталина, читали информацию о том, что бомбили Севастополь и другие города. Решили, что надо сделать выступление по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался — пусть Молотов выступит. Все члены Политбюро возражали: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к стране не Сталина — первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Важно, чтобы в критический час авторитетный голос раздался с призывом к трудящимся — всем подняться на оборону страны. Однако уговоры ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, сделает это в другой раз.

В 12 часов дня выступил Молотов…

Вспоминает Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. В 3 часа 07 минут ему позвонил по ВЧ командующий Черноморским флотом адмирал Ф.С. Октябрьский и сообщил: «Система ВНОС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолетов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний»… В 3 часа 30 минут начальник штаба Западного округа генерал В.Е. Климовских доложил о налете немецкой авиации на города Белоруссии. Минуты через три — такой же доклад начальника штаба Киевского округа генерала М.А. Пуркаева. В 3 часа 40 минут звонок от командующего Прибалтийским военным округом генерала Ф.И. Кузнецова: вражеская авиация бомбит Каунас и другие города.

Как началась война для Кирилла Афанасьевича Мерецкова? Обратимся к его мемуарам.

«Днем 22 июня я включил радио и услышал выступление народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова о злодейском нападении фашистской Германии на нашу страну. (Как мы помним, К.А. Мерецков в час ночи 22 июня 1941 года

выехал по приказу Тимошенко в Ленинград. — *Н. В.)* Теперь мои спутники, генерал П.П. Вечный и офицер для поручений лейтенант С.А. Панов, получили ответ на вопрос, для чего мы едем в Ленинград.

Прибыв в Ленинград, я немедленно отправился в штаб округа. Меня встретили с радостью, все хотели услышать живое слово представителя Москвы, получить устное распоряжение. На месте были генерал-майор Д.Н. Никишев и корпусной комиссар Н.Н. Клементьев, вскоре назначенные соответственно в качестве начальника штаба и члена Военного совета этого округа, объявленного на третий день войны Северным фронтом. Командующий войсками округа М.М. Попов в момент начала войны инспектировал на Севере соединения округа… Взяв всю ответственность на себя, я дал указание форсировать приведение войск в боевую готовность и запросил сведения о положении на флангах округа…

К вечеру 22 июня положение в Прибалтике не улучшилось… Штаб округа работал с предельной нагрузкой. Ночь предстояла беспокойная. Меня известили, что 23 июня в Ленинград прибудет из Мурманска командующий войсками округа М.М. Попов, а из Москвы — член Политбюро ЦК ВКП(б)А.А.Жданов…»

Из мемуаров узнаем, что Мерецков выступление Молотова по радио услышал в поезде до приезда в Ленинград, а также что с командующим войсками Ленинградского военного округа Поповым не виделся, что встретили его на вокзале начальник штаба Никишев и член Военного совета Клементьев.

Мемуары «На службе народу» были изданы в Москве в 1968 году. В том же году в Ленинграде вышел в свет сборник «Оборона Ленинграда» — 1941—1944 гг.» (воспоминания и дневники участников)[72]. В этом сборнике помещены материалы разных авторов. Особый интерес вызывают воспоминания бывшего командующего войсками Ленинградского военного округа Маркиана Михайловича Попова, написанные в марте 1964-го. В этом сборнике помещены материалы разных авторов, в том числе и Мерецкова (его воспоминания начинаются с декабря 1941 года). Но особый интерес вызывает дневник бывшего командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта Маркиана Михайловича Попова, написанный в марте 1964 года. Известные события начала войны Попов излагает несколько иначе, чем Мерецков в своих мемуарах, подробно пишет о приезде Мерецкова в Ленинград (сам Мерецков пишет, что приехал позже 12 часов, а по воспоминаниям Попова — утром, раньше 10.00). Маркиан Михайлович опровергает, что Мерецкова на вокзале ждали Никишев и Клементьев (был один Никишев,

члена Военного совета Клементьева в Ленинграде в то время не было, он находился с командующим округом в Мурманске). Попов также утверждает, что встретился с Мерецковым и работал с ним в течение двух дней — 22 и 23 июня (сам Мерецков пишет, что командующий войсками округа Попов прибыл в Ленинград из Мурманска лишь 23 июня)…

Попов действительно инспектировал полевые войска, дислоцировавшиеся на северных территориях округа, 20—21 июня вместе с членом Военного совета Клементьевым изучал в частях 14-й армии условия прикрытия и организацию обороны мурманского и Кандалакшского направлений, на которых, по данным разведки, в Финляндии в приграничных с СССР районах уже начали сосредоточиваться немецкие войска. Из Мурманска Попов по прямому проводу доложил наркому Тимошенко о положении на советско-финской границе. Тимошенко приказал ему срочно возвратиться в Ленинград.

Присутствовавшие при этом разговоре Попова с наркомом командующий Северным флотом вице-адмирал А.Г. Головко и командарм-14 генерал-лейтенант В.А. Фролов насторожились. Головко с тревогой спросил комокруга: «Что, запахло грозой?» — «По всей вероятности, да», — ответил Попов.

Маркиан Михайлович рассказывает: «В Ленинград возвращались поездом "Полярная стрела". День 21 июня, проведенный в поезде, прошел спокойно… Утром 22 июня были уже в Ленинграде. Здесь мы узнали, что началась война, давно казавшаяся неизбежной…»

Встречавший на вокзале Попова и Клементьева заместитель командующего войсками округа генерал К.П. Пядышев прямо в вагоне кратко обрисовал обстановку, сообщил, что в час ночи была получена директива наркома, предупреждавшая, что 22—23 июня возможно нападение гитлеровских войск на нашу страну. Директивой требовалось привести войска в боевую готовность и занять огневые точки в укрепрайонах на госграницe. Штаб округа тут же был собран по боевой тревоге и войскам были направлены соответствующие указания. Около 5 часов стало известно, что после бомбардировочных ударов по советским крупным городам, портам, аэродромам и железнодорожным узлам, вслед за сильной артиллерийской подготовкой немцы на западе перешли границу и вторглись на территорию СССР.

На всем протяжении финской границы пока стоит тишина, лишь отдельные немецкие самолеты летают над базой Северного флота — поселком Полярный. Ленинград и другие важные объекты на территории округа бомбардировке не подверглись. Все войска приступили к выполнению задач по плану прикрытия

и отмобилизации.

Пядышев доложил, что в штабе округа находится генерал армии Мерецков, прибывший утром как представитель наркома.

На Невском проспекте, по которому ехали Попов, Клементьев и Пядышев в штаб округа, царило обычное в эти воскресные часы оживление. Официального объявления о начавшейся войне еще не было, но, как рассказал Пядышев и это подтвердил шофер, старый ленинградец, слухи о войне уже вовсю ходят по городу, хотя пока никто этому не хочет верить.

У входа в здание управления округа Попова ждал начальник штаба Никишев. Он с ходу начал докладывать обстановку, однако ничего нового к тому, что уже сообщил командующему Пядышев, добавить не мог. Повторился, что пока все идет по плану и войска выдвигаются в свои районы в соответствии с их задачами. Он показал недавно полученную директиву наркома, требующую от всех приграничных округов активных действий, с тем чтобы уничтожить вражеские силы в районах, где они нарушили нашу границу. Далее начал было излагать требования директивы, но Попов перебил: «Знаю».

Все прошли в кабинет начальника штаба. Там Попов увидел Мерецкова, говорившего с кем-то по телефону. Рядом были начальник оперативного отдела штаба округа П.Г. Тихомиров, начальник разведывательного отдела П.П. Евстигнеев, другие генералы и офицеры; они склонялись над картами, разложенными на широком штабном столе…

Оторвавшись наконец от телефона, Мерецков поздоровался с Поповым и Клементьезым, сказал, что из Генштаба трудно добиться каких-либо существенных данных о положении на соседних фронтах, ясно пока одно: против Западного фронта противник развернул масштабное наступление крупными силами и местами уже глубоко вторгся на советскую территорию, особенно на стыке с Северо-Западным фронтом, везде идут упорные бои.

В середине дня начальнику оперативного отдела генералу Тихомирову после больших трудов удалось связаться с операторами Северо-Западного фронта и получить от них некоторую информацию, из которой следовало, что войска 8-й и 11-й армий под ударами превосходящих, преимущественно танковых, сил противника почти на всем протяжении оставили линию госграницы и отходят вглубь нашей территории.

Мерецков предложил прибывшему командующему округом совместно рассмотреть и обсудить ряд вопросов, не терпящих отлагательства.

Вошел адъютант начальника штаба и объявил, что через

несколько минут будет передаваться по радио особое правительственное сообщение. Включили и настроили радиоприемник на полную громкость. Ровно в 12 часов началась трансляция заявления советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз…

После этого Попов и Мерецков уединились в кабинете командующего округом, пригласив с собой начальника разведывательного отдела штаба: нужно было во всех деталях разобраться в обстановке на финской границе и прежде всего уточнить характер группировки, созданной финнами и немцами против войск Северного фронта. Затем, исходя из сложившейся ситуации, наметить план действий на ближайшие часы…

«Оценивая общие происходящие события, — пишет в дневнике Попов, — мы приходили к выводу, что первый день войны оказался для наших Вооруженных Сил, да и для всей страны, очень тяжелым, что немало встревожило и нас, проведших этот день в относительно спокойных условиях».

За полночь были получены донесения о том, что войска округа приведены в полную боеготовность, везде заняли свои районы по плану прикрытия. В условиях начавшейся войны это был реальный переход на жесткую оборону против реального врага.

Ночь была бессонная, напряженная. Наступило тревожное утро. Хотя на всех границах округа никаких особых происшествий не случилось, все ждали немецкого удара. Мерецков рекомендовал Попову приступить к практическому выбору и рекогносцировке возможных оборонительных рубежей между Псковом и Ленинградом с немедленным вслед за этим развертыванием на них оборонительных работ с привлечением свободных войск, а главное — местного населения.

«Такой совет бывшего начальника Генштаба, а теперь замнаркома, — пишет Попов, — бесспорно, лучше кого-нибудь другого знавшего наши возможности и перспективы развития событий, заставил призадуматься». Попов опасался, не вызовет ли это нездоровых и упаднических настроений у населения. Будучи в принципе согласным с Мерецковым, с его советами и рекомендациями, он все же счел необходимым этот вопрос согласовать и обсудить с руководителем Ленинградской городской парторганизации А.А. Кузнецовым. Однако, чтобы не терять времени, после беседы с представителем Главного командования вызвал к себе своего заместителя Пядышева и дал ему поручение завтра же заняться подготовкой защитных рубежей на юго-западе Ленинграда…

23 июня Мерецков получил от наркома приказ срочно

вернуться в Москву.

Но, как нам уже известно, прилетев в столицу, Кирилл Афанасьевич был неожиданно арестован по обвинению в принадлежности к антисоветской военно-заговорщической организации и сотрудничестве с германской разведкой. И два с половиной месяца его от Великой Отечественной войны отделяли глухие стены внутренней тюрьмы НКВД. Он не знал о кровопролитных боях Красной армии с гитлеровскими захватчиками на территории Советской страны. Зато здесь, в казематах Лубянки, ему пришлось стать живым свидетелем кровавых истязаний «блюстителями законности» известных красных командиров. Он был не просто свидетелем, а одной из жертв этих злодеяний…

Выпустили Кирилла Афанасьевича на свободу так же неожиданно, как и арестовали — «на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка».

Хитрый ярославец

Существует несколько версий освобождения Мерецкова из-под ареста. Одна из них связана с Н.С. Хрущевым: будто бы его шутка спасла заслуженного военачальника.

Произошло это на обеде у Сталина. У вождя было демократичное настроение, за столом шло обсуждение положения на фронтах. Кто-то в разговоре мельком упомянул имя арестованного Мерецкова. Улучив момент, Хрущев бросил:

— Вот ведь какой хитрый ярославец! Все воюют, а он в тюрьме отсиживается!

Хрущев не столько хотел привлечь внимание Хозяина к арестованному, сколько польстить вождю, придумавшему когда-то меткое прозвище Мерецкову — «Хитрый ярославец».

* * *

Ярославцы в России — торговцы и огородники — пользовались репутацией ловких людей. О них сложились фольклорные представления как о хитрецах и обманщиках, которые способны обвести вокруг пальца даже черта. Существует такая притча. Предприимчивый китаец, имевший в России целую артель бродячих торговцев, жаловался на ломаном русском языке: «Русская люди — хорошие люди есть. Везде обмануть можно. Коса дерет, кожа щиплет, сапоги смотрит, штаны смотрит, дает деньги, гнилой товар берет. Ярославль — один плохой город есть! Люди — хитрый, все равно приятель: рука дает, чай угощает, а потом за плохой товар фальшивый деньги дает! Мошенники-люди в Ярославль-город!» Наблюдательный китаец самостоятельно дошел до давно известной формулы: еврей надул татарина, еврея — цыган, цыгана — армянин, армянина — грек, грека — черт, черта — ярославский торговец.

Писатель Ф.И. Чуев в книге «Сто сорок бесед с Молотовым» приводит высказывание Молотова в адрес Мерецкова: «…Сидим на даче в Жуковке, приехал Иван Стаднюк. Молотов следит за публикацией его романа "Война", оценивает положительно, дает советы. Прочитав третью книгу романа, упрекнул автора в том, что у него Сталин высказывает предположение о том, что немцы не нападут на нас ранее 1942 года, — Стаднюк в данном случае опирается на воспоминания Мерецкова.

— А я это считаю неправильным, — говорит Молотов. — На мертвого валить, на Сталина, будто бы он это сказал? Во-первых,

Мерецков — неточный человек, нельзя тут на него положиться. Сталин называл его "ярославец". Почему "ярославец"? В Ярославле, говорил он, такой оборотистый живет народ, что евреев там почти нет, там сами русские выполняют эти функции, и один из таких — Мерецков…»

Сталин любил использовать и фольклорные выражения, и меткие, сочные слова русских писателей. Михаил Вайскопф — известный израильский филолог, автор монографий «Сюжет Гоголя», «Писатель Сталин» — отмечает, что вождь нередко переиначивал знаменитые слова Гоголя и часто цитировал: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?.. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным охвачен винтом, а наскоро, живьем, с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик». Не исключено, что оттуда Сталин перенес «ярославца» на Мерецкова, у которого выделял особый полководческий стиль: обстоятельность, предусмотрительность и хитрость в хорошем понимании этих слов.

Мерецков в своих воспоминаниях пишет: «Во время официальных заседаний И.В. Сталин обращался ко мне, как правило, "товарищ Мерецков", реже — "Кирилл Афанасьевич". При неофициальных встречах он почему-то называл меня "ярославцем" или "хитрым ярославцем". Так, например, он называл меня с улыбкой, когда ему нравилось внесенное мной предложение по важному вопросу, или сердясь, когда я не соглашался с его мнением».

О хитростях «ярославца» Мерецкова много рассказывал военный инженер А.Ф. Хренов (генерал-полковник инженерных войск, Герой Советского Союза), служебные дороги которого в конце 1930-х годов часто сходились с дорогами Кирилла Афанасьевича.

Мерецков тогда командовал Ленинградским военным округом, а Хренов был начальником инженерных войск. Вот один эпизод из рассказов Аркадия Федоровича.

В Псковском укрепрайоне возводились оборонительные сооружения — долговременные огневые точки (доты). Командующий округом совместно с начштаба проверяли посадки новых пулеметных и артиллерийских точек. Каждое сооружение принимали без замечаний и легким росчерком пера утвердили все карточки дотов. При проверке присутствовал начальник инженерных войск, он видел серьезные огрехи: посадки огневых точек допускают обширные мертвые пространства. Однако при разработке плана посадок дотов его мнение никого не интересовало, Хренов молчал, но в знак несогласия не подписал

ни одной карточки.

Это привлекло внимание начальника штаба, и он сделал замечание, на что Мерецков с ироничной улыбкой сказал: разрешения на подпись он у подчиненных спрашивать не обязан. Теперь начальник инженерных войск не удержался, заговорил.

— Согласен, это ваше право, — ответил он командующему и, помедлив, добавил: — Хотя вашим заместителям и помощникам не повредило бы поинтересоваться мнением специалистов.

После обеденного перерыва Мерецков попросил Хренова объяснить ему ошибки сделанных посадок, которые он, безусловно, видел раньше и сам, и сказал присутствующим, что все подписи, которые он поставил до консультации с начальником инженерных войск, надо считать несуществующими, и приказал проверить посадки заново. Он также объяснил, что товарищ Хренов в соответствующих специальных, в частности инженерных, тонкостях — его правая рука и его мнение в этих вопросах является решающим.

Таким образом, Аркадий Федорович выдержал проверку, а начальник штаба получил хороший урок: для общевойсковиков отмахиваться от рекомендаций специалистов чревато тяжелыми последствиями. Подобными «хитростями» «ярославец» Мерецков проверял Хренова потом еще не раз.

* * *

Вернемся к шутке Хрущева. Говорят, она понравилась Иосифу Виссарионовичу, и он решил превратить ее в реальность — это было в манере вождя. Что именно подумал Сталин о Мерецкове после Хрущева — неизвестно, но объективным остается факт, что Мерецков в начале сентября был выпущен из тюрьмы.

Есть еще одна версия освобождения Мерецкова, и опять же идет она от Хрущева:

«Шла война; мне эту историю рассказал Берия, то есть источник довольно точный. Бывало, когда о ком-нибудь говорили как о стойком человеке, Берия высказывался так: "Слушайте, дайте мне его на одну ночь, и он у меня признается, что он английский король". Уж он-то знал, как этого можно добиться, да и не раз добивался. Тогда, при жизни Сталина, он только говорил так, а позднее, когда мы подняли архивные материалы, арестовали и осудили Берию, то увидели, какими методами он достигал своей цели.

Так вот, Берия еще при жизни Сталина рассказывал об истории ареста Мерецкова и ставил освобождение его себе в

заслугу: "Я пришел к товарищу Сталину и говорю: товарищ Сталин, Мерецков сидит как английский шпион. Какой он шпион? Он честный человек. Война идет, а он сидит. Мог бы командовать. Он вовсе не английский шпион". Я и сейчас не могу понять, кто же его арестовал? Берия валил все на Абакумова. Но кто этот Абакумов? Человек Берии. Он в своей деятельности прежде всего отчитывался перед Берией, а уж потом перед Сталиным. Следовательно, Абакумов не мог арестовать Мерецкова, не посоветовавшись с Берией и без санкции Сталина. "И вот, — продолжает Берия, — Сталин сказал: верно, вызовите Мерецкова и поговорите с ним". Я вызвал его и говорю: "Мерецков, ты же глупости написал, ты не шпион. Ты честный человек, ты русский человек, как ты можешь быть английским шпионом?"… Мерецков смотрит на меня и отвечает: "Я все сказал. Я собственноручно написал, что я английский шпион. Больше добавить ничего не могу и не знаю, зачем вы меня опять вызвали на допрос". — "Не допрос. Я тебе хочу сказать, что ты не шпион. Ступай в камеру, посиди еще, подумай, поспи, я тебя вызову". Его снова увели в камеру. Потом, на второй день, я вызвал Мерецкова и спрашиваю: "Ну что, подумал?" Он стал плакать: "Как я мог быть шпионом? Я русский человек, люблю свой народ и верю в свой народ"»[73].

Берия сказал Хрущеву, что посоветовал Мерецкову обратиться к Сталину с письмом. Тот последовал его совету. Письмо было передано генсеку. Ознакомившись с его содержанием, тот приказал привести Мерецкова «в порядок» и представить ему.

На приведение Мерецкова «в порядок» потребовалось несколько дней. Генерал, перенесший жестокие истязания, едва держался на ногах. Его одели в новую форму и без объяснений доставили в Кремль к вождю.

Представитель Ставки Верховного главнокомандования

В сентябре 1941 года Мерецков получил новое назначение. Непосредственно в кабинете Сталина. Лично от генсека. Ему было велено отбыть в качестве представителя Ставки Верховного главнокомандования на Северо-Западный фронт. Сталин сказал, что там возникла критическая обстановка. Командование фронтом потеряло связь с 34-й и 27-й армиями. «Отправляйтесь туда с Булганиным и Мехлисом, разберитесь на месте и, если понадобится, помогите советом».

9 сентября заместитель председателя СНК Н.А. Булганин и начальник Главного политического управления, заместитель наркома обороны Л. З. Мехлис вылетели с Мерецковым на фронт.

* * *

…Уже больше месяца фашисты яростно рвались к Ленинграду. Советское командование принимало все возможные меры, чтобы остановить продвижение противника. В целях лучшей организации управления и сосредоточения усилий войск левого крыла Северного фронта прежде всего на обороне Ленинграда, 23 августа фронт был разделен на Карельский и Ленинградский. В состав Карельского фронта под командованием генерал-лейтенанта В.А. Фролова включались 14-я и 7-я армии, ему же был подчинен и Северный флот; в Ленинградский фронт, которым командовал генерал-лейтенант М.М. Попов, вошли 23, 8, 48-я армии. На линии Тихвин — Малая Вишера — Валдай — Осташков развертывалась 52-я отдельная армия, прибывшая из резерва Ставки и находившаяся в непосредственном ее подчинении.

К началу сентября положение под Ленинградом еще более обострилось. В условиях смертельной опасности, нависшей над городом, Ставка назначила командующим Ленинградским фронтом генерала армии Г.К. Жукова. В районе Новая Ладога—Волховстрой—Городище—Тихвин накапливались части формируемой 54-й армии. Они должны были перейти в наступление и развить его силами одной стрелковой дивизии и одной танковой бригады вдоль железной дороги Волховстрой — станция Мга, остальными силами выйти на рубеж Турышкино — разъезд Погостье — станция Сольцы. К сожалению, наступление

успеха не имело.

54-я и 52-я армии заняли оборону на восточном берегу Волхова. Однако обстановка под Ленинградом продолжала осложняться. 8 сентября вражеские войска вышли к южному берегу Ладожского озера и захватили Шлиссельбург (Петрокрепость). Ленинград оказался блокированным с суши. Сообщение с ним стало осуществляться только через Ладожское озеро и по воздуху. Днем позже враг крупными силами пехоты и танков при поддержке авиации нанес удар из района западнее Красногвардейска на Красное Село, Урицк.

В сложном положении был и Северо-Западный фронт. Его 8, 11 и 27-я армии вели тяжелые оборонительные бои с гитлеровскими войсками. Для усиления фронта ему была передана 34-я армия под командованием генерал-майора К.М. Качанова…

Самолет с тремя представителями Ставки приземлился на прифронтовом аэродроме. Булганина, Мехлиса и Мерецкова уже ждал извещенный об их прилете генерал-лейтенант П.А. Курочкин, недавно сменивший командующего Северо-Западным фронтом генерал-майора П.П. Собенникова. На двух машинах в сопровождении охраны они двинулись в штаб, развернутый на берегу озера Велье к северу от Селигера.

По дороге Павел Алексеевич Курочкин рассказал о ситуации на фронте. Враг давит и давит, у него большое преимущество в танках, артиллерии и авиации. В упорных боях в августе войска фронта нанесли ему ощутимый урон, изматывая его основные силы. Особенно крепко потрепали противника под Сольцами и Старой Руссой. Но к 25 августа соединения армий фронта все же вынуждены были отойти за реку Ловать. С рубежа реки Полы фашисты силой до двух дивизий повели наступление на Демянск.

В штабе Курочкин уже более обстоятельно обрисовал общую обстановку на Северо-Западном фронте, резко обострившуюся в конце августа, когда дивизии 56-го моторизованного корпуса генерала Манштейна прорвались из района станции Дно во фланг и тыл 34-й армии, пытавшейся ударом с юга вернуть Старую Руссу. Одновременно с танками Манштейна перед фронтом появились части 3-й танковой группы генерал-полковника Гота. Они взломали оборону 27-й армии на стыке между Северо-Западным и Западным фронтами и вышли к Демянску. Связь с обеими армиями утрачена. Между тем на правом фланге фронт держится пока достаточно прочно. Новгородская группировка генерала И.Т. Коровникова, развернутая фронтом на запад за Волховом севернее озера Ильмень, также держится. За прочность ее позиций севернее Ильменя можно в ближайшее время не

опасаться. Несколько хуже обстоят дела у 11-й армии (командарм В.И. Морозов) к югу от озера Ильмень. К.А. Мерецков в своих воспоминаниях описывает этапы действий прибывшей «тройки». Куда ехать сначала? Звонят в штаб 11-й армии генерал-лейтенанту Морозову. Он отвечает на вопросы спокойно, говорит уверенно, настроение бодрое. Значит, 11-я армия подождет. Звонят командующему Новгородской оперативной группой генерал-майору Коровникову. Там немцы большой активности не проявляли, обстановка устойчивая. Решили отправиться в 27-ю армию.

Машины московских представителей сопровождали броневик разведки и мотоциклист для связи. По сведениям управления фронтом, штаб 27-й армии располагался где-то в районе деревни Филиппова Гора. Не успели отъехать несколько километров, как у совхоза «Никольский», возле командного пункта фронта (западный берег озера Велье), встретили идущего пешком полковника. Это был начальник штаба 34-й армии полковник Ф.П. Озеров, известный Мерецкову по совместной службе в Белорусском военном округе как хорошо подготовленный, толковый офицер. Из краткой беседы с ним выяснилось, что немцы нанесли несколько сильных ударов по армии. Он не знает, где в данный момент находятся его штаб и большинство дивизий, командарм Качанов также в неведении о местоположении войск.

Мехлис негодовал. Обложив Озерова отборной бранью, с досадой махнул на него рукой. Затем стал нервно выкрикивать угрозы в адрес командарма Качанова. Мерецков знал, что армейский комиссар отправлял командиров и политработников под трибунал и по менее серьезным основаниям, а в данном случае наверняка прибегнет к самым жестоким мерам.

Кирилл Афанасьевич подвел Озерова к мотоциклисту и поручил связному офицеру доставить полковника в штаб фронта. Мехлис, никак не отреагировав на действия Мерецкова, чернее тучи сел в машину.

Прибыли в штаб 27-й армии, располагавшийся возле Филипповой Горы. От передовой его отделяла цепочка малых озер, вытянувшихся на юг в сторону Селигера, и участки густого леса. Командарма генерала Н.Э. Берзарина представители Ставки застали в штабе. Он толком не мог ответить, где находились и какие рубежи занимали на данный период его войска. Ни у него, ни у начальника штаба никаких планов действий на ближайшие дни не было.

Мехлису хотелось немедленно арестовать генерала, однако он, видимо, за дорогу истратил весь свой гнев. К тому же необходимо было возвращаться в штаб фронта, а оставлять

армию, изрядно потрепанную, без командования было нельзя. Замнаркома провел с командармом «воспитательную» беседу, красноречиво высказав ему все, что о нем думает. После этого дал Берзарину неделю, чтобы тот восстановил управление армией и был готов к нанесению контрудара в северо-западном направлении, который будет поддержан танковыми частями резерва Ставки. Эти части, возглавляемые лично начальником Главного управления бронетанковых войск генералом Я.Н. Федоренко, должны прибыть на Северо-Западный фронт в ближайшие дни.

Берзарин вышел из кабинета, где состоялась его проработка Мехлисом, в удрученном состоянии. Мерецков видел: командарм явно был не в себе. Кирилл Афанасьевич отвел его в сторону и, чтобы привести в чувство и успокоить, повел с ним товарищеский разговор, дал ему несколько дельных советов по организации войсковой разведки, сбору информации о движении войск, формированию резервов из подручных сил и средств для прикрытия участков вероятных прорывов противника. Берзарин постепенно пришел в себя и включился в работу, все еще не веря, что так легко отделался.

С 34-й армией было хуже. По обрывочным данным, ее части и соединения окружены и ведут автономные бои. Представители Ставки подняли всех на ноги для поиска и вывода их из окружения. Озеров приблизительно указал местоположение окруженных дивизий. По заданию Мерецкова один из штабных офицеров перелетел на самолете ПО-2 через немецкие боевые порядки и обнаружил в лесу трех комдивов этой армии — двух генералов и одного полковника. Движением отступающей армии по тылам противника руководил начальник оперативного отдела штаба армии полковник Юдинцев. Штаб фронта организовал вывод войск из вражеского кольца. Окруженные части были разделены на три колонны. Срочно составлялись маршруты прорыва. 11 сентября из западни вырвались 163-я мотострелковая дивизия, 257-я и 259-я стрелковые дивизии, 270-й корпусной артполк с материальной частью, а также остатки нескольких других частей и подразделений.

В тот же день неподалеку от деревни Заборовье был установлен контакт со вторым эшелоном штаба 34-й армии. Здесь пребывали в растерянности командарм Качанов и начальник артиллерии армии генерал-майор артиллерии В.С. Гончаров.

Они тут же были взяты под стражу.

Заместитель начальника отделения Особого отдела НКВД Северо-Западного фронта лейтенант госбезопасности Канер доложил начальнику Особого отдела НКВД Северо-Западного

фронта Бочкову, что он, Канер, «12 сентября 1941 года в 01 ч. был вызван к заместителю председателя СНК СССР тов. Булганину и заместителю Наркома Обороны тов. Мехлису, от которых получил приказание взять под стражу и доставить в Валдай для дальнейшего этапирования в Москву — к тов. Абакумову — быв. командующего 34-й армией генерал-майора Качанова Кузьму Максимовича, арестованного по решению т.т. Мехлиса и Булганина как оставившего армию и покинувшего самовольно поле боя».

Что касается Гончарова, над ним на месте был устроен скорый суд. Мехлис приказал расстрелять его перед строем командиров и штабистов управления 34-й армии.

Есть свидетельство полковника в отставке В.П. Савельева, бывшего очевидцем казни генерала Гончарова: «По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошел вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: "Где пушки?" Гончаров неопределенно махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. "Где, я вас спрашиваю?" — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: "В соответствии с приказом наркома обороны СССР…" Для исполнения "приговора" он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевного волнения, отказался. Пришлось вызывать отделение солдат…»

На следующий день было заменено все руководство 34-й армии. Исполняющим обязанности командарма стал генерал-майор П.Ф. Алферьев, начальником штаба — генерал-майор М.Т. Романов, начальником артиллерии — генерал-майор артиллерии М.Н. Чистяков.

Полковника Озерова назначили — с большим понижением — командиром стрелкового полка. Впоследствии он показал себя с хорошей стороны, дослужился до генеральского звания, командовал армией и стал начальником штаба Волховского фронта.

Мехлис 12 сентября отправил от имени представителей Ставки доклад в Москву на имя Сталина. Затем составил приказ войскам фронта № 057 от 12 сентября 1941 года, в котором говорилось: «За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выходе на помощь наступающим с запада частям, за непринятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боев армии генерал-майора артиллерии

Гончарова, на основании приказа Ставки ВГК № 270, расстрелять публично перед строем командиров штаба 34-й армии».

Приказ являлся фальсификацией, так как был составлен задним числом: генерала Гончарова расстреляли днем раньше.

Судьбу командарма-34 Качанова решал военный трибунал Северо-Западного фронта. Он признал его виновным и 27 сентября вынес ему смертный приговор.

Отдадим дань справедливости и отметим, что войска 34-й армии сыграли важнейшую роль в начальной фазе сражения за Ленинград. Они своими боевыми действиями оттянули от Лужского рубежа соединения танковых групп вермахта.

Во второй половине сентября немецкая танковая гроза, пронесшаяся по тылам Северо-Западного фронта, стихла. Части Манштейна вернулись на станцию Дно, генерал-полковник Гот перебросил свои танки в район «бутылочного горла» под Ленинградом.

Положение на Северо-Западном фронте стабилизировалось.

Мехлис разъезжал по дивизиям, нагоняя страх на командиров. Булганин вернулся в Москву. А Мерецков днями просиживал в штабе фронта над картой, обдумывая предстоящие операции. У него зрела идея контрнаступления на флангах глубокого немецкого дефиле[74]. В случае успеха можно было обойти, окружить и уничтожить Демянский плацдарм противника восточнее реки Тудоть. Однако для столь масштабной операции не хватало сил, особенно на правом фланге. Хорошо бы, мыслилось Мерецкову, привлечь к участию в контрнаступлении часть войск 52-й и 54-й армий, развернутых по восточному берегу Волхова. Однако армии эти подчинялись непосредственно Ставке. Северо-Западное направление Ворошилова было к этому времени упразднено, и в воцарившейся штабной неразберихе было трудно координировать действия армий разных фронтов. Тем более что под Ленинградом разворачивалось крупное сражение. Командующий Ленинградским фронтом Жуков с полным основанием считал: главные оперативные цели армий, развернутых между Ленинградским и Северо-Западным фронтами, находились теперь в районе Мгинского коридора, того самого «бутылочного горла», упирающегося в Ладожское озеро в районе Шлиссельбурга.

Свои замыслы Мерецкову не суждено было осуществить: его вызвал в Москву Сталин. Вскоре он был направлен под Ленинград для решения новых сложных задач.

Без вины обвиненные

В 1956 году к первому секретарю ЦК КПСС Хрущеву с прошением о реабилитации К.М. Качанова обратилась его вдова — Феодора Архиповна. Она характеризовала Кузьму Максимовича «как человека, преданного партии и Родине, не способного совершить преступление». Она полагает, что он «стал жертвой неблагоприятно сложившихся обстоятельств в начале войны», и просила реабилитировать мужа.

Проверкой архивного уголовного дела в Главной военной прокуратуре было установлено, что 27 сентября 1941 года военным трибуналом Северо-Западного фронта бывший командующий 34-й армией Качанов, «служивший в Советской Армии со дня ее организации», по статьям 193-2, пункт «г», 193-20, пункт «б» и 193-22 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений подвергнут расстрелу с лишением воинского звания «генерал-майор». Приговор являлся окончательным и обжалованию не подлежал. 28 сентября 1941 года он был утвержден заместителем народного комиссара обороны СССР армейским комиссаром 1-го ранга Мехлисом и на следующий день, 29 сентября, приведен в исполнение. Суд признал Качанова виновным в неисполнении полученного им 8 сентября 1941 года приказа Военного совета Северо-Западного фронта — нанести удар во фланг и тыл наступавшему противнику, уничтожить его и выйти на новый рубеж. Вопреки этому приказу он снял с оборонительного рубежа три дивизии, что дало противнику возможность усилить наступление на участке фронта и прорваться в тыл армии. Узнав об этом, он самовольно отдал приказ об отводе с занимаемого рубежа ряда частей армии, «тогда как никакого воздействия со стороны противника не было. Отход произведен в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории».

Кроме того, указанные его действия, согласно приговору, «привели к дезорганизации армии, личный состав которой бросил материальную часть артиллерии, автотранспорт и обозы, которые были захвачены противником». По изложенным причинам войска армии на 11 сентября 1941 года «оказались небоеспособными и не могли выполнять стоявшие перед ними задачи».

Для объективной экспертизы обвинения и его обоснованности с точки зрения развивавшихся событий в районе, где вела бои 34-я армия в сентябре 1941 года, дело было направлено в оперативное управление Генерального штаба

Советской армии.

Несколько месяцев потребовалось специалистам Генштаба, чтобы скрупулезно разобраться во всех деталях оперативной обстановки, учесть реальные изменения в соотношении сил, происшедшие 8— 10 сентября на участке действий 34-й армии, временной фактор и многое другое. Было установлено, что обстановка в полосе обороны армии на 9-е, а тем более на 10 сентября 1941 года резко ухудшилась, поскольку еще 9 сентября войска 34-й армии были окружены и вынуждены действовать в отрыве от соседей. Директива же Военного совета Северо-Западного фронта, в неисполнении которой был обвинен Качанов, исходила из оперативной обстановки по состоянию на 8 сентября, по этой причине выполнить ее Качанов объективно не имел возможности.

Поэтому принятое им как командующим армией (при отсутствии связи со штабом фронта и в условиях ведения боя при угрозе окружения подчиненных войск) решение на перегруппировку вверенных ему сил с целью стабилизации войск армии в обороне и разгрома вклинившейся группировки противника соответствовало обстановке.

Таким образом, обвинение Качанова в неисполнении приказа являлось необоснованным, как и обвинение в оставлении поля боя, поскольку он все время находился в войсках, которые вели бои с наступавшим противником.

Что же касается завладения немецкими войсками материальной частью вооружения (в том числе боевой техникой и артиллерией) 34-й армии, то в данном случае имел место именно захват противником этих средств ведения войны в силу общей неблагоприятно сложившейся для наших войск боевой обстановки, а не «оставление их противнику», как было вменено в вину Качанову.

О своих выводах Генштаб сообщил в Главную военную прокуратуру 5 января 1957 года. 1 февраля был подготовлен проект документа за подписью Главного военного прокурора генерал-майора юстиции А.Г. Горного в Военную коллегию Верховного суда СССР с предложением: приговор военного трибунала Северо-Западного фронта от 27 сентября 1941 года в отношении Качанова К.М. отменить и дело о нем дальнейшим производством на основании пункта 5 статьи 4 УПК РСФСР прекратить «за отсутствием в действиях, приписываемых обвиняемому, состава преступления».

Дальше процесс реабилитации затянулся — «согласования» заняли несколько месяцев.

В конце концов все согласования были закончены, и 19

декабря Военная коллегия Верховного суда СССР приговор военного трибунала Северо-Западного фронта от 27 сентября 1941 года в отношении Качанова К.М. отменила.

Труднее проходила реабилитация генерала В.С. Гончарова. Он ведь не имел статуса осужденного законным юридическим органом, был расстрелян без суда и следствия единоличным решением военно-политического начальника.

В 1957 году сын Гончарова обратился к министру обороны СССР с просьбой пересмотреть дело о вине его отца. Компетентные органы провели проверку «правильности расстрела» начальника артиллерии 34-й армии. Папка с материалами в отношении генерала по объему оказалась очень тонкой. В ней содержалось всего шесть листов, из которых два дублировали друг друга и являлись актом об изъятии имущества у генерал-майора Гончарова В.С. «при приведении в исполнение решения уполномоченных Государственного Комитета Обороны». В акте указывалось, что 11 сентября 1941 года в деревне Заборовье по решению уполномоченных Государственного Комитета Обороны СССР армейского комиссара 1-го ранга товарища Мехлиса и генерала армии товарища Мерецкова «во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость был расстрелян начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор Гончаров Василий Сафронович, 1894 года рождения, член ВКП(б) с 1939 года».

Была еще справка за подписью заместителя начальника 1-го отделения особого отдела НКВД Северо-Западного фронта, из которой следовало, что «по решению уполномоченных Государственного Комитета Обороны 11 сентября 1941 г., между 17—18 ч., в д. Заборовье, в присутствии наличного состава штаба 34 армии в числе 23 чел., расстрелян начальник артиллерии 34 армии генерал-майор артиллерии Гончаров Василий Сафронович».

Результаты проверки расстрельного дела генерала Гончарова были отражены в сентябре 1957 года в приказе Министерства обороны СССР (приказ подписан заместителем министра обороны И.С. Коневым). В нем говорилось, что никаких материалов, доказывающих вину Гончарова, не имеется, следствие не проводилось, объяснения генерала о причинах тяжелого положения, в котором оказалась артиллерия армии, проверены не были. Генерал Гончаров В.С. был расстрелян «по устному распоряжению вышестоящего начальника».

Архивными оперативными материалами, имеющимися в Генеральном штабе, вина Гончарова «за неудачи войск 34 армии» также не подтверждается. Далее в приказе делается вывод:

«решение о его [Гончарова] расстреле без суда и следствия надо считать необоснованным. Оно было принято без учета всех обстоятельств, в которых действовали войска 34-й армии в сентябре 1941 года». Приказ заканчивался словами: «Гончарова посмертно реабилитировать».

Так написано в приказе министра обороны. Что же касается дела Гончарова, то ни заключения военной прокуратуры, ни соответствующего определения суда об официальной его реабилитации не было.

В приказе как бы вскользь обронено, что Гончаров расстрелян по распоряжению вышестоящего начальника. Понятно, этот начальник — Мехлис. Назвать его в 1957 году можно было совершенно безбоязненно; он умер три с половиной года назад (февраль 1953). Однако живы были другие участники событий 11 — 12 сентября 1941 года: Булганин и Мерецков.

Бесспорно, ключевую роль в расстреле генерала играл Мехлис. Вместе с тем он действовал не только с одобрения, но и при полной поддержке заместителя председателя Совета народных комиссаров Булганина.

Так что черная тень за незаконное убийство генерал-майора Гончарова падала и на Булганина. Но Николая Александровича Булганина в 1957 году пятнать было нельзя: он член Президиума ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР, Маршал Советского Союза!..

Доля участия Мерецкова в решении судьбы Гончарова чисто номинальная: он только освободился из заключения, ему самому недавно чудом удалось избежать подобной участи, поэтому никакого влияния на «разборки» в 34-й армии он оказать не мог. Как представитель Ставки Кирилл Афанасьевич являлся скорее всего «зрителем», на которого был рассчитан эффект принимаемых жестких репрессивных мер, а не лицом, обладавшим на тот момент необходимой властью и способным реально повлиять на принятие решений о судьбах командования 34-й армии.

Официальная реабилитация генералов Качанова и Гончарова произошла лишь в марте 1958 года, когда Булганина, примкнувшего к так называемой «антипартийной группе Молотова — Кагановича — Маленкова», исключили из высшего руководства страны.

ЛЕНИНГРАД В СМЕРТЕЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ

Ответственное задание

Сталин выглядел постаревшим. Мерецков за время работы в Наркомате обороны (начальником Генштаба, заместителем наркома по боевой подготовке) десятки раз с ним встречался. Тогда казалось, годы не властны над вождем. Теперь же бросились в глаза многочисленные морщины, землистый цвет лица, усталый взгляд.

Мерецков прилетел в Москву с Северо-Западного фронта 17 сентября в середине дня, через час был принят генсеком. Сталин справился о положении на фронте. Кирилл Афанасьевич доложил, что оно улучшилось.

— Это хорошо, что положение стабилизировалось. Я вижу, вы вошли уже в курс дела, — сказал Сталин. — Хотим дать вам ответственное задание. Не возражаете?

Какие могли быть возражения…

Встречаясь со Сталиным, Мерецков, как он позже говорил, всегда был внутренне напряжен. Вместе с тем исключительно собран, что было вызвано сознанием важности дела, которое поручал генсек, и, естественно, огромной ответственностью за его выполнение.

На этот раз Мерецкову было приказано немедленно выехать на Ладожско-Онежский перешеек, в 7-ю армию Карельского фронта, которая с боями отступала на юг, к реке Свирь. Задача: помочь наладить оборону, ни в коем случае не допустить прорыва финнов к Волхову на соединение с немцами.

Командующий 7-й армией генерал-лейтенант Ф.Д. Гореленко во время Финской кампании служил под началом Мерецкова, возглавляя 50-й стрелковый корпус. Кирилл Афанасьевич ценил в Филиппе Даниловиче не только хорошего военачальника, но и умного человека, с легкой хитрецой и очень расчетливого. После финской ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Сталин знал Гореленко еще со времен Гражданской войны. Направляя Мерецкова в 7-ю армию, он сказал:

— Посмотрите, как идут дела у Гореленко. Вы знаете войска этой армии, ее командиров, а они знают вас. Помогите сове том. Если этого будет мало, разрешаю вступить в командование. Приказываю любым способом финнов остановить!..

Прибыв в Петрозаводск, где находился штаб армии, Мерецков перво-наперво ознакомился с тамошней обстановкой. События на этом участке развивались быстро.

Фронт был вытянут с севера на юг. Финские войска в Карелии, общее командование которыми осуществлял барон Карл

Маннергейм, все время наступали. Они рассекли 7-ю армию на группы. В результате боев центр позиций армии глубоко выгнулся на восток. Находившиеся здесь соединения разделились на Южную группу, прикрывавшую устье реки Свирь, и Петрозаводскую. Третья группа была отрезана от основных сил, когда финны прорвались к Кондопоге. Она с большими потерями отошла на северо-восток, там и осталась под названием Медвежьегорской.

С Медвежьегорской группой из-за дальности расстояния (120 километров по Онежскому озеру) связь осуществлялась плохо. Радиостанций не хватало, они поступят в войска в нужном количестве гораздо позднее. Проводная связь между двумя другими группами грозила вот-вот прекратиться, так как финны выходили уже на берег Онежского озера в районе селения Шелтозеро.

Нужно было как можно скорее вывести Петрозаводскую группу из-под удара, передислоцировать ее на юг и там по реке Свирь организовать прочную оборону.

Действовать следовало немедленно и решительно. Мерецков 24 сентября взял командование армией на себя, Гореленко стал заместителем нового командарма, начальник штаба генерал-майор А.Н. Крутиков остался на своем месте.

Энергично приступили к решению главной задачи — планомерному отводу войск. На левом фланге отход частей от Олонца на линию Свирьстрой — Лодейное Поле — Свирица осуществлялся более-менее спокойно. Этот фланг обеспечивался со стороны Ладожского озера действиями Ладожской военной флотилии.

С отводом правого фланга дело обстояло сложнее. Во-первых, здесь было большое расстояние: войскам предстояло оттягиваться на новый рубеж километров на сто пятьдесят. И во-вторых, делать это приходилось в ходе непрерывных и тяжелых боев.

Натиск финнов не только не ослабевал, но и еще более усилился. Маннергейм, согласовав свои действия с немцами, поставил задачу нанести 7-й армии два мощных удара. Один из них, по его расчетам, должен был привести к прорыву через Свирь на юго-запад и соединению с гитлеровцами у Волхова; другой — к прорыву на юго-восток и выходу через район озера Белое к Вологде. С этой целью против 7-й армии сначала были сосредоточены четыре дивизии и три бригады, а затем переброшены с Карельского перешейка одна немецкая, четыре финские дивизии и две егерские бригады. Теперь враг наступал силами девяти дивизий и пяти бригад, не считая ряда вспомогательных частей. Мерецков располагал четырьмя

стрелковыми дивизиями, одной дивизией народных ополченцев и двумя отрядами из нескольких разрозненных полков.

7-я армия была зажата между двумя крупными водными бассейнами, фактически оказалась отрезанной от Карельского и Ленинградского фронтов и выполняла самостоятельную оперативную задачу, получая указания напрямую из Москвы. В этой связи 25 сентября она была переименована в 7-ю Отдельную армию с подчинением непосредственно Верховному главнокомандующему.

Перегруппировка и отход войск армии происходили сложно. Напиравшего вдвое превосходящего по силам врага, казалось, остановить не было никакой возможности.

В конце сентября противник вплотную приблизился к Петрозаводску, охватил его клещами, и 2 октября город пришлось оставить.

Член Военного совета Карельского фронта Г.Н. Куприянов рассказал, каким достался финнам Петрозаводск. В город, охваченный пожаром, вошли три финские дивизии. Он был совершенно пуст. Все население, все оборудование промышленных предприятий, запасы сырья, продовольствия, товары со складов и магазинов были эвакуированы.

Со взятием столицы Карелии по всей Финляндии прошли торжества. За этот успех командовавший Северной группой войск генерал-лейтенант Хейнрсихс получил звание пехотного генерала. На оккупированных территориях многие карельские населенные пункты были переименованы на финский манер. Сам Петрозаводск назвали Яанислислина — «Онежская крепость». Правда, вскоре по приказу Маннергейма городу вернули прежнее название. Дело не в том, что маршал был против аннексии Карелии, он и в 1919-м, и в 1941 году несколько раз клялся, что не вложит меч в ножны, пока Карелия не станет финской. На Маннергейма произвела впечатление нота британского правительства от 22 сентября 1941 года, в которой содержалось требование об отводе финских войск на границу 1939 года и предупреждение, что при дальнейшем продвижении вглубь России британское правительство будет вынуждено признать Финляндию противником как в ходе войны, так и при заключении мира. Кроме того, маршалу явно не нравилось, что переименованиями в Карелии занялась гражданская финская администрация, и в верхах шла большая драка между военными и гражданскими за право управлять Карелией. Военные вскоре победили и создали в Петрозаводске соответствующий орган — «Военное управление Восточной Карелии». В Карелии был установлен жестокий оккупационный режим. Вокруг

Петрозаводска финны построили семь концентрационных лагерей, куда заключали не только военнопленных и партизан, но и этнических русских…

Неприятель начал форсировать Свирь, занял плацдарм в районе от Булаевской до Подпорожья. Завязались кровопролитные бои, в результате которых противник продвинулся всего на 8—15 километров.

7-я армия вела на Ладожско-Онежском перешейке изнурительные бои. Советские войска несли значительные потери, но еще большие потери нес противник. Не добившись поставленной цели, он был вынужден отказаться от осуществления своих планов и перешел к обороне.

Карельская армия финнов была измотана. И хотя ей не удалось прорваться к Вологде и выйти на оперативный простор южнее Онежского озера, Маннергейм еще надеялся добиться своей цели.

О событиях конца сентября — начала октября 1941 года фашистский генерал Типпельскирх писал: «Немецкое командование обратилось к финнам с настоятельной просьбой оказать в районе реки Свирь как можно более сильное давление на русские войска, чтобы облегчить положение корпуса, ведущего ожесточенные бои в районе южнее Ладожского озера. Но финская армия, северный фланг которой под Петрозаводском сам должен был сдерживать сильный натиск противника, была не в состоянии это сделать».

Таким образом, Мерецков выполнил, пока, правда, только наполовину, приказ Сталина — не допустить прорыва финнов к Волхову на соединение с немцами.

Не допустить второго кольца окружения

«У аппарата Сталин. Какая у вас обстановка?..» Так начались по телеграфу переговоры 8 ноября 1941 года Верховного главнокомандующего с осажденным Ленинградом: с командующим Ленинградским фронтом генералом М.С. Хозиным[75] и членом Военного совета фронта А.А. Ждановым — первым секретарем Ленинградского обкома, членом Политбюро и секретарем ЦК ВКП (б).

Озабоченный тяжелым положением города на Неве, Сталин просил сделать все возможное, чтобы прорвать кольцо фашистского окружения. Жданов и Хозин докладывали: они формируют добровольческие полки, отправляют пополнение для дивизий, занимающих плацдарм у Невской Дубровки. Подготовлены к переброске туда же 40 танков. Разработаны планы действий. Срок начала наступления намечен на 10— 11 ноября. На мгинском направлении готовится удар, 8-я и 54-я армии получили задачу пробить брешь в блокаде Ленинграда наступлением с востока из района Волхова…

Доклад Жданова и Хозина был прерван Верховным: «Приостановите передачу. Тихвин занят противником. Выясняем положение. Если будет возможно — соединимся с вами… Ждите у аппарата».

Лента телеграфа остановилась…

В конце августа 1941 года германские войска прорвали Лужский оборонительный рубеж и устремились к Ленинграду. 8 сентября противник вышел к Ладожскому озеру, захватил Шлиссельбург. С севера двигалась финская армия и была остановлена лишь на рубеже государственной границы 1939 года — той, которая существовала между СССР и Финляндией накануне Советско-финляндской войны 1939—1940 годов.

Атаки противника наращивались, накатываясь одна за другой на отчаянно оборонявшиеся советские части. По городу непрерывно била фашистская артиллерия, авиация сбросила тысячи бомб, но его защитники устояли.

В плане «Барбаросса»[76] Ленинград рассматривался как один из главнейших стратегических объектов. Захват Москвы предполагался после того, как падет Северная столица. Поэтому так интенсивно и штурмовался город.

Впрочем, сегодня некоторые историки считают, что «штурма Ленинграда в сентябре 41-го» не было. Они ссылаются на немецкие документы группы армий «Север». Согласно им последнее наступление началось 8 августа и закончилось 16

сентября. В этот день пришел приказ Гитлера об изъятии из группы армий «Север» танковых и авиационных частей и отправлении их в распоряжение группы армий «Центр». На тот момент немцы сумели выйти непосредственно к окраинам города только в одном месте — в районе Оптина пустынь — Завод пишущих машин. С 17 сентября они вели бои лишь с целью улучшить свои позиции и плотнее окружить Северную столицу. Бои эти продолжались примерно до 25 сентября практически по всей 50-километровой дуге от Володарского, через Пушкин, Павловск, южные окраины Колпина до Усть-Тосно.

Одновременно немецкие войска наступали на запад, север и восток. Они расширяли коридор между Ленинградским фронтом и 8-й армией, то есть шли от Володарки на запад, на Стрельну и Петергоф (бои закончились примерно 22—25 сентября), пытались продвинуться к Ораниенбауму и выйти к Кронштадтским бухтам с юга, старались окончательно овладеть Пушкином… Одновременно двигались с боями по пологим юго-западным и западным склонам, в районе Нижнего и Верхнего Койрово, на Пулковские высоты.

Словом, единого мощного штурма города в период с 17 по 25 сентября, как это всегда писалось в истории о Великой Отечественной войне, не было…

Не добившись успеха, враг сменил тактику. Гитлер сказал своим генералам: «Этот город надо уморить голодом. Перерезать все пути подвоза, чтобы туда мышь не могла проскочить. Нещадно бомбить с воздуха, и тогда город рухнет, как переспелый плод».

Вокруг Ленинграда замкнулось кольцо фашистской блокады. Были нарушены все сухопутные железнодорожные и автомобильные коммуникации. Сообщение с городом теперь поддерживалось только по воздуху и Ладожскому озеру…

Не сумев взять Ленинград в сентябре, германское командование во второй половине октября решило нанести восточнее города фланговый удар по советским войскам в направлении Тихвин — Лодейное Поле. Этим рассчитывалось достигнуть соединения немецких войск с финскими у реки Свирь и тем самым осуществить полную блокаду Ленинграда. Для наступления выделялись два корпуса из группы армий «Север»[77], возглавляемой фельдмаршалом В. Леебом, и соединения 38-го армейского корпуса.

Немецким корпусам: 39-му (генерал танковых войск Шмидт), 1-му армейскому под командованием генерала пехоты Куно-Ганса фон Бута и 38-му (генерал В. Хаупт) непосредственно противостояли 52-я и 4-я советские армии ослабленного состава.

По соседству с ними, в районе Волхова, находилась 54-я армия: она предназначалась для прорыва блокады Ленинграда, и так называемая Новгородская армейская группа (НАГ) Северо-Западного фронта.

На рубеже протяженностью около двухсот километров (по южному берегу Ладожского озера, по линии Липка — Вороново — Кириши и далее по восточному берегу реки Волхов) было сосредоточено всего 13 стрелковых, кавалерийская и две танковые дивизии (без танков), стрелковая и две танковые бригады, семь корпусных артиллерийских полков, артиллерийско-противотанковый полк и инженерно-понтонный батальон.

Наиболее мощной была 54-я армия (командующий генерал-майор И.И. Федюнинский). В состав армии входили шесть стрелковых (128, 286, 294, 310, 3 и 4-я) дивизий, одна танковая (21-я), одна отдельная горно-стрелковая (1-я), две танковые (16-я и 122-я) бригады и два корпусных артиллерийских полка. В процессе подготовки к наступательной операции с целью деблокады Ленинграда армия занимала линию Липка — Вороново общей протяженностью 35 километров. Оперативная плотность в полосе 54-й армии при этом составляла 4,7 километра на дивизию. Однако укомплектованность дивизий была невысокой. Так, к 1 октября в 128-й стрелковой дивизии насчитывалось 2145 человек, в 3-й гвардейской — 5594 человека при 32 орудиях калибром 76,2 мм и крупнее, в 310-й — 3735 человек при 27 орудиях, в 286-й стрелковой дивизии — 6016 человек при 27 орудиях.

4-я армия генерал-лейтенанта В.Ф. Яковлева обороняла рубеж шириной более 50 километров южнее полосы 54-й армии. В нее входили: 27-я кавалерийская, 285, 311 и 292-я стрелковые дивизии, 119-й отдельный танковый батальон, корпусной артиллерийский полк и инженерный понтонный батальон. Укомплектованность частей и соединений армии была примерно такой же, как в 54-й армии. Средняя оперативная плотность составляла 12—13 километров на дивизию. В октябре войска армии на правом фланге вели бои по улучшению своих позиций. Оперативное построение армии было одноэшелонным. В резерве командующего армией имелся один стрелковый полк.

Самой слабой была 52-я армия (командующий генерал-лейтенант Н.К. Клыков). Полоса ее обороны шириной 80 километров — по правому берегу Волхова. Она имела две стрелковые (288-я и 267-я) дивизии, четыре корпусных артиллерийских полка и артиллерийско-противотанковый полк. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий не превышала

шести тысяч человек. Дивизии армии держали широкий фронт: ширина полосы обороны 288-й стрелковой дивизии составляла 46 километров, 267-й — 34 километра. Резервы в армии отсутствовали.

Новгородская армейская группа — 305-я, 180-я стрелковые и 43-я танковая (без танков) дивизии — охраняла район по правому берегу Волхова до озера Ильмень протяженностью 30 километров.

Немецко-фашистское командование с целью ускорить захват Ленинграда и высвободить часть соединений и частей для действий на московском направлении предприняло наступление на Тихвин, чтобы глубоко обойти Ленинград, соединиться на реке Свирь с финскими войсками и полностью блокировать город. Оно воспользовалось тем, что в начале октября из 4-й и 52-й советских армий были изъяты 32, 312, 316-я стрелковые дивизии и 9-я танковая бригада и переброшены под Москву[78]. Выполнение этой задачи возлагалось на 39-й моторизованный и 1-й армейский корпуса группы армий «Север».

16 октября немцы, упредив начало операции войск Ленинградского фронта по ликвидации блокады города, нанесли неожиданный массированный удар в направлении Грузино—Будогощь—Тихвин и вспомогательные удары — на Кириши, Малую Вишеру. Обладая превосходством в живой силе и технике, противник прорвал оборону советских войск на стыке 4-й и 52-й армий; 22 октября он захватил Большую Вишеру, 23-го — Будогощь.

Чтобы ликвидировать прорыв, Ставка Верховного главнокомандования выделила на тихвинское направление четыре дивизии из Ленинградского фронта, три из своего резерва и одну из резерва Северо-Западного фронта. Ладожская военная флотилия в штормовых условиях переправила с западного на восточный берег озера две стрелковые дивизии и отдельную бригаду морской пехоты для обороны Тихвина и Волховской ГЭС.

Благодаря принятым мерам войска 4-й армии 27 октября остановили немецкое наступление в районе Ситомли, а 52-й армии — восточнее Малой Вишеры. 1 ноября части 4-й армии нанесли контрудар в направлении Будогощь—Грузино, но восстановить оборону на рубеже реки Волхов не смогли. Противник, усилив свою главную группировку, возобновил натиск. 8 ноября фашисты овладели Тихвином, перерезав единственную железную дорогу, по которой шли грузы к Ладожскому озеру для снабжения осажденного города на Неве. Но немцам не удалось расширить позиции на флангах — у Волхова и восточнее Малой Вишеры. В результате образовался Тихвинский выступ, прозванный подковой.

Судьба Ленинграда повисла на волоске. Фашистская пропаганда ликовала: «Победа над колыбелью революции русских близка!» В день взятия Тихвина Гитлер находился в Мюнхене и выступил там с речью, в которой самодовольно утверждал: «Ленинград сам поднимет руки… Никто оттуда не освободится, никто не прорвется через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью».

При сложившейся угрожающей обстановке на тихвинском направлении Ставка ВГК отдала Мерецкову приказ срочно отправиться в 4-ю армию и принять на себя временное командование ею. При этом обязанности командующего 7-й армией с него не снимались. Задача командующему одновременно двумя армиями поставлена чрезвычайной важности: не дать гитлеровцам сомкнуть второе кольцо окружения Ленинграда; по-прежнему удерживая финнов на Свири, остановить наступление немцев в районе Тихвина и разгромить их.

* * *

Прерванные переговоры по телеграфу Сталина с Ждановым и Хозиным возобновились через несколько часов.

«У аппарата Сталин. Извиняюсь, задержался. Для ликвидации группы противника мы перебросили в район Тихвина Мерецкова с некоторыми войсковыми частями из 7-й армии. Направляем туда же танки и одну полнокровную дивизию…

Как видите, противник хочет создать вторую линию окружения против Ленинграда и вовсе лишить Ленинград связи со страной. Медлить дальше опасно. Торопитесь создать большую группу частей, сосредоточить на небольшом участке всю силу огня артиллерии, авиации, 120-мм минометов, РСов (реактивные снаряды. — *Я. В.)* и пробить дорогу на восток, пока не поздно. А тихвинскую группу противника, я думаю, мы ликвидируем своими силами».

* * *

Когда Мерецков с передовой группой командиров (в ее составе были дивизионный комиссар М.Н. Зеленков, генерал-майор А.А. Павлович, комбриг Г.Д. Стельмах и другие офицеры управления 7-й армии) прибыл из Лодейного Поля в район отступавших соединений и частей 4-й армии, то увидел там

удручающую картину.

По свидетельству одного из членов этой группы, работника политотдела армии, их «дуглас» почти вслепую сел вечером на полевом аэродроме в деревне Сарожа, в двадцати километрах севернее Тихвина. Прилетевших никто не встретил. Слышались звуки артиллерийской канонады. Темное небо вспарывалось зарницами взрывов. Впереди чернели какие-то строения, молчаливые, без единого огонька…

Политработник, вспоминая через много лет этот своеобразный авиадесант во главе с командармом Мерецковым, называет его лихим броском. Лететь на одиноком беззащитном самолете в неизвестность, в лоб наступающему бронетанковому немецкому корпусу, — надо было иметь поистине безрассудную смелость. У Мерецкова тогда не было никакой ясности, было лишь чувство ответственности за доверенное дело…

Эта памятная ночь стала точкой отсчета развертывания Тихвинской операции.

Деревушка Сарожа и соседний лес быстро и скрытно превратились в оперативный штаб. «Мы, политработники, вместе со штабными офицерами получили задание: пользуясь любыми средствами передвижения (лошади, лыжи), немедленно установить, где находятся отступающие части 4-й армии, связаться с ними, передать пока устный приказ командирам: прекратить отход, занять оборону, собрать все возможные силы, готовиться к предстоящему контрнаступлению…

Комбриг Григорий Давидович Стельмах (начальник оперативного штаба Мерецкова) ознакомил опергруппу с двумя первыми приказами, только что подписанными Мерецковым, и сам командарм сидел тут же, смеясь вместе со всеми по поводу шутливого присловья Стельмаха о том, что один из приказов подписан командующим 4-й армией, а другой — командующим 7-й Отдельной; подписал же их один в двух лицах генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков.

4-й армии Мерецков приказывал: "Приостановить наступление противника, возможно быстрее выдвинуться на Тихвин".

С волнением слушали мы приказ в наш адрес: "Армейская группа, выделенная из состава 7-й Отдельной армии, под моим непосредственным руководством с утра 9 ноября выдвигается в район Остров — Пудроль — Сарожа — Пяхта с задачей дальнейших действий совместно с частями 4-й армии по овладению Тихвином…"

По всем видам связи Мерецков приказал объявить, что его КП — временно Сарожа, откуда он будет устанавливать контакты с

командирами групп»[79].

Необходимо срочно предпринять решительные меры. Прежде всего восстановить нарушенное управление, затем организовать оборону. Но для этого нужны энергичные люди: их Мерецкову сейчас остро не хватало. Прибывшие вместе с ним несколько командиров, штабистов и политработников справиться с возникшими проблемами были не в силах.

А еще — иметь бы под рукой хотя бы одну боеспособную часть. Перед отбытием в 4-ю армию Мерецков отдал распоряжение направить из состава 7-й армии в район Тихвина 46-ю танковую бригаду, 1067-й стрелковый полк, 159-й отдельный понтонный батальон, четыре минометных батальона, несколько походных кухонь и запасы продовольствия. Но когда они прибудут…

Наконец появилось из Лодейного Поля первое подразделение, которое тут же занялось обеспечением охранения. Связисты дали возможность Мерецкову связаться с Москвой, Алеховщиной, Волховом, Большим Двором.

На следующий день Мерецков со своим адъютантом капитаном М.Г. Бородой и генералом Павловичем выехали из Сарожи по направлению к Тихвину. Километров через пять в небольшом населенном пункте Бор встретили двух полковников со взводом охраны: командира 44-й стрелковой дивизии П.А. Артюшенко и командира 191-й П.С. Виноградова. Они доложили, что их части отходят на север: полки 44-й — вдоль дороги на Лодейное Поле, 191-й — проселками немного восточнее. Связью со штабом армии оба комдива не располагали.

Из докладов Артюшенко и Виноградова выяснилось, что численность их дивизий не превышала одного полка. В 44-й насчитывалось около семисот человек. Переброшенная в конце октября с Ленинградского фронта по воздуху, дивизия не имела ни артиллерии, ни транспорта и вела бои только стрелковым оружием. Некоторые подразделения во главе с комиссаром дивизии Д.И. Сурвилло во время отступления через Тихвин оторвались от основных сил и теперь отходили к селу Большой Двор. 191-я стрелковая дивизия также была сильно ослаблена, в ней осталось не более тысячи солдат.

Вместе с частями 44-й дивизии отступали немногочисленные остатки 292-й дивизии, основной состав которой находился километров за девяносто в стороне, к Волхову. Оказывается, когда немцы прорвали фронт у Киришей, под их ударами дивизия расчленилась на несколько неуправляемых групп.

То же получилось и с 60-й танковой дивизией, имевшей очень мало танков. Ее главные силы застряли южнее Тихвина, а

отдельные подразделения вели бои совместно с частями 191-й дивизии, отходя на север. Выходило, что положение было хуже некуда. Так что остановить наступающего противника и тем более задержать его на некоторое время, пока не будет создана прочная оборона, было почти нечем.

Однако несмотря ни на что надо действовать. Мерецков торопится. Он приказывает подвинуть поближе к Тихвину весь прибывший резерв из 7-й армии; генералу Павловичу поручает общее руководство по сбору войск и организации обороны, командирам 44-й и 191-й дивизий — найти рассыпавшиеся по лесам и дорогам подразделения и, объединив их в отряды, занять рубеж по правому берегу реки Шомушки, преградить путь на север вражеским танкам, перехватив дорогу на Лодейное Поле. Тыловикам — наладить снабжение войск продовольствием и боеприпасами.

Оставив Павловича в Боре, Мерецков отправился в село Большой Двор.

10 ноября. Большой Двор. На окраине села стояла зенитно-пулеметная установка, у домов виднелись легковые и штабные машины. По всей вероятности, здесь расположился штаб 4-й армии. Дежурный командир отрапортовал Мерецкову, что на данном пункте армейское руководство отсутствует.

Здесь, в Большом Дворе, находились лишь второстепенные органы армии, такие как управление тыла, медицинские учреждения, которые не были заблаговременно выведены из Тихвина. Они начали выбираться только тогда, когда танки противника с десантом автоматчиков заняли город и перекрыли почти все выходы из него. При поспешной эвакуации часть штаба ушла на север, по дороге на Лодейное Поле, а другая — на восток и остановилась в Большом Дворе. Кроме того, половина работников штаба во главе с его начальником генерал-майором П.И. Ляпиным[80] оказалась в районе Волхова, где осуществляла управление Волховской группой войск, формально числившейся в составе 4-й армии.

Разобравшись с ситуацией в районе Большого Двора, Мерецков начал восстанавливать управление частями и соединениями.

Из Сарожи пришло сообщение: появилась опергруппа Ленинградского фронта. Прилетели представитель фронта генерал-майор П.А. Иванов, бывший командующий 4-й армией генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев и работники армейского штаба.

Утром следующего дня по вызову командарма в Большой Двор прибыли Зеленков, Стельмах с опергруппой, вместе с ними Иванов, Яковлев и несколько штабников.

Комиссар Зеленков с ходу включился в работу с личным составом. Комбриг Стельмах вступил в исполнение обязанностей начальника штаба 4-й армии. Иванов получил задачу объединить все оказавшиеся западнее и севернее Тихвина разрозненные группы в один отряд, возглавить его и выдвинуться на наиболее угрожаемый участок. Яковлев, пониженный в должности, занялся сбором рассеянных немцами на юго-западном направлении частей 292-й стрелковой и 60-й танковой дивизий.

Действия Мерецкова в этой экстремальной ситуации отличались необычайной оперативностью, энергичностью, быстротой принятия решений и точностью отдаваемых распоряжений. В то же время эта оперативность органично сочеталась в нем с выдержкой, умением всесторонне анализировать и оценивать самые неожиданные и критические обстоятельства, предвидеть развитие событий и соответственно этому принимать необходимые решения.

* * *

В те драматические ноябрьские дни 1941 года под Тихвином побывал корреспондент газеты «Красная звезда» М. Цунц. Его заметки о встрече с Мерецковым, о беседах с ним, зарисовки о поведении командарма в той непростой боевой обстановке очень интересны.

Как он впервые увиделся с командующим 7-й и одновременно 4-й армиями?

…Цунца пригласили в крестьянскую избу, где временно обосновался командарм Мерецков. Несколько выше среднего роста, плотный, с чуть одутловатым лицом, он казался старше своих 44 лет. Серые глаза смотрели испытующе, даже сурово, а вздернутый, как говорят — курносый, нос придавал лицу мягкость, добродушие. Генерал потянулся к карте, и Цунц обратил внимание на его большие руки, руки мастерового.

Кирилл Афанасьевич кратко объяснил ситуацию, не прибегая к обтекаемым фразам, не уходя от прямой оценки грозной обстановки. Он так и сказал: «Противник умеет воевать, и ему есть чем воевать». Встречаются люди, чаще среди военных, которые говорят так, что вы с первых же слов улавливаете точность и логичность их мышления, ощущаете цепную реакцию как будто сцементированных между собой фактов и выводов. Именно так мыслил Мерецков. И хотя беседу прервал налет вражеских самолетов — изба пошла ходуном, зазвенели стекла, и дверь сильным рывком сама собой распахнулась, —

корреспондент получил довольно полное представление о смысле и значении боев за Тихвин…

Трудно было представить себе задачу более тяжелую. Красная армия неорганизованно отступала по лесным тропам, по шоссейным трактам. Кто двигался на север, кто на восток. Люди шли молча, ежась от пронзительного ветра, тяжело переживая поражение.

Новому командующему предстояло совершить почти невозможное: в самый короткий срок восстановить положение, соединить части, вдохнуть в павших духом бойцов и командиров веру в победу и повести, не теряя ни часа, в бой. При этом генерал Мерецков действовал не из оборудованного штаба с налаженной связью и четким аппаратом управления, а непосредственно на поле боя, в нескольких километрах от противника, только что одержавшего победу

Те, кто наблюдал за Мерецковым под Тихвином, могли воочию увидеть, что такое организаторский талант полководца в действии. Генерал развил поистине неукротимую энергию, заражавшую всех окружающих. Он знал только один девиз: «Во что бы то ни стало!» Это не было, конечно, ни «озарением», ни «импульсом» — такие категории Мерецков всегда высмеивал. Просто великая ответственность перед Родиной в час ее суровых испытаний мобилизовала все силы, нервы, волю, опыт, способности — все, чем обладал командарм.

Ознакомившись с тяжелой обстановкой, сложившейся под Тихвином, Мерецков со своими помощниками выехал на дороги, по которым отступали войска. В лесах и деревушках он связывался с командирами, собирал рассеявшиеся подразделения, на ходу сколачивал боевые отряды.

…Близ деревни Бор командарм увидел группу красноармейцев. Они совсем недавно нашли своих после отступления. Стояли понуро, отворачиваясь от пронизывающего ветра.

Так и начался разговор — с погоды.

— Да, тут не Крым, — сказал один из солдат. — А одежда у нас крымская…

— Завтра получите теплое обмундирование, — сказал Мерецков.

— Точно? — недоверчиво откликнулся кто-то.

— Все, что говорит командующий, точно, иначе как же с ним в бой идти!

На посиневших лицах бойцов появились робкие улыбки.

Кирилл Афанасьевич стал расспрашивать, пообедали ли, у всех ли есть оружие, а потом начал знакомиться поближе —

откуда кто родом. Нашелся земляк из подмосковного Венева.

— А я зарайский, — сказал командарм. — Слыхал, небось?

— Как не слыхать…

Осмелевший земляк пробился поближе к Мерецкову:

— Можно вам, товарищ генерал армии, вопрос задать?

— Попробуй.

— Скажите, почему у немцев все есть: и автоматы, и танки, а у нас всего в обрез… Самолетов наших так совсем не видно. Как-то непонятно: небо наше, а самолеты немецкие…

На смельчака зашикали.

— В чем дело? — повысил голос Мерецков. — Он правильный вопрос задает. У немцев больше и автоматов, и танков, и самолетов. Сегодня больше. А завтра, думаю, мы их догоним. Пока, товарищи, ничего не обещаю, но требовать буду. Надо воевать чем есть, и воевать хорошо. По опыту знаю: можно сот ней снарядов ничего путного не сделать, а десятком нанести врагу урон… А теперь я вам задам вопрос: какова наша задача здесь, под Тихвином?

— Известно какая — бить врага… — раздалось несколько голосов.

— Верно. А точнее?

— Взять назад Тихвин…

— А еще точнее? Помните, Суворов говорил: каждый солдат должен понимать свой маневр.

Тут в разговор вступил один из бойцов — невысокий, тощий, с обветренным скуластым лицом. Сухими ветками, сорванными с заснеженной березы, он стал рисовать обстановку, как он себе представляет: здесь немцы, там финны, мы между ними. Они рвутся друг к другу, чтобы взять в смертельную петлю Ленинград. Наше дело не допустить встречи немца и финна… А встретятся они пусть на том свете.

Мерецкову очень понравился ответ…

Направляясь со Свири в район Тихвина, Мерецков предусмотрительно приказал следовать за ним резервным частям 7-й армии. И вот уже с севера прибыли танковая бригада, стрелковый полк, минометные и саперные батальоны. Мало, очень мало. Но если слить их с частями 4-й армии, снабдить войска всем необходимым, то можно сделать попытку задержать наступающие вражеские части.

Командарму надо было решить, как управлять разбросанными войсками при отсутствии налаженной связи. И он находит выход: создает три оперативные группы по направлениям и ставит во главе их опытных командиров. Теперь главное не упустить время, как можно скорее, пока противник не ожидает

отпора, создать прочные заслоны. И не ждать удара врага, а дерзко атаковать его.

Самое опасное направление — северное. Немецкие части бросаются на соединение с финнами, но сталкиваются с ринувшимися на них в атаку пехотой и танками. Закипает встречный бой. Он завершается отступлением фашистов к пригородам Тихвина. Не удалась и попытка врага прорваться в сторону Вологды.

Все, что было сделано Мерецковым за три-четыре дня, можно без преувеличения назвать пределом мобильности и оперативности. Он занимался всем, что имело значение для немедленного отпора врагу, — танками и самолетами, снарядами и горючим, зенитками и походными кухнями, пушками и медсанбатами.

Бойцы ощутили твердое и уверенное руководство. Немалое значение для подъема духа воинов имело и само имя, заслуги нового командующего. Бойцы и командиры знали, что Мерецков — недавний начальник Генерального штаба, заместитель наркома обороны СССР, Герой Советского Союза.

Тихвин

Город Тихвин, районный центр в Ленинградской области, удален на восток от Ленинграда на 184 километра. Расположен в пределах болотистой Волховской низины, на реке Тихвинке, раскинувшись на обоих ее берегах. Вокруг сосновые леса.

В IX—X веках сюда пришли славяне, и край стал частью Русского государства. Здесь пролегал водный путь «из варяг в греки» (из Балтийского моря через Ладожское озеро по рекам Сясь, Тихвинка, через «волок» в реки Волжского бассейна). Выгодное географическое положение обусловило возникновение на левом берегу Тихвинки Пречистенского погоста.

Первое упоминание о Тихвине как населенном пункте относится к 1383 году. По преданию, 26 июня того года в этих местах чудесным образом явилась Чудотворная икона Божьей Матери, названная впоследствии Тихвинской. Для нее была поставлена сначала деревянная Успенская церковь, а затем каменный собор.

В 1560 году по указу царя Ивана Грозного в Тихвине, около Успенского собора, началось строительство Большого мужского монастыря. В то же время на правом берегу реки Тихвинки был основан Введенский девичий монастырь. В XVII веке эти монастыри-крепости сыграли важную роль в защите северных земель России от шведских интервентов.

Название города происходит от сочетания двух слов вепсского языка «тих» и «вин», обозначающих «дорога» и «рынок», то есть дорога к рынку. Имеются и другие версии. Например: «тихий путь», «переправа».

Накануне войны город в основном имел деревянные постройки XVIII века.

* * *

Почему Тихвин? Почему именно из-за этого небольшого старинного русского города на северо-западе страны среди болот и лесов развернулась ожесточенная борьба между советскими и немецко-фашистскими войсками? Может быть, случайно выпала ему такая участь? Но нет, эта участь Тихвину была предопределена в далеко идущих планах гитлеровцев.

Обложив Ленинград 300-тысячной армией с трех сторон с суши, немецкое командование не могло долго мириться с тем, что городу страна оказывает поддержку через Онежское озеро.

Гитлером были поставлены несколько задач. Первая: стремительным наступлением на Тихвин и Волхов окружить Ленинград вторым, глухим и непроницаемым блокадным кольцом. Вторая: овладев Тихвином, соединиться на Свири с финнами.

И третья, двинуть войска на восток, перерезать коммуникации, связывающие центральные области СССР с армиями северного стратегического фланга, прервать связь с Мурманском, захватить Кандалакшу, Беломорск, Вологду Ключ к достижению всех этих целей — Тихвин.

Продвижение фашистов на север было остановлено. Теперь Мерецков готовил контрудары по передовым частям 39-го моторизованного корпуса.

Возглавлявший корпус знаменитый генерал танковых войск Шмидт был только что заменен на генерал-лейтенанта фон Арнима. Новый командир в своем первом приказе поставил подчиненным ему войскам следующую задачу: «Задачей корпуса является остановка у Тихвина и дальнейшее продвижение на юго-восточном фланге в направлении Петровское— Крестцы. Только после окончания этих сражений 20-я моторизованная пехотная и 8-я танковая дивизии смогут использовать большие силы в районе Тихвина».

11 ноября силами прибывших 46-й танковой бригады, 1067-го стрелкового полка и подразделений 44-й и 191-й стрелковых дивизий по фашистским 20-й пехотной и 8-й танковой дивизиям был нанесен контрудар. Для Арнима он оказался неприятным сюрпризом. В результате его части откатились на 12— 13 километров на юг к Тихвину. Но, быстро подтянув группу танков и вызвав авиацию, противник сумел отразить атаку. Тем не менее помышлять о новом наступлении он уже не мог.

В этот же период противник получил удар и в районе Малой Вишеры. Организовавшиеся разрозненные части 52-й армии атаковали 126-ю пехотную дивизию немцев.

Однако эти контрудары решающего перелома в оперативной обстановке в районе Тихвина пока не принесли. Мерецкову нужны были дополнительные силы. Ставка дала понять, что серьезную помощь войсками оказать не сможет, так как в это время шли напряженные бои под Москвой и Ростовом-на-Дону. К Тихвину были направлены лишь 65-я стрелковая дивизия полковника П.К. Кошевого, сформированная в Сибири, два танковых батальона и учебные подразделения из Вологды.

Продолжая вести активную оборону, Мерецков накапливал силы и средства, перегруппировывал войска, готовил их к новому решительному удару. Создавались оперативные группы: Северная

под командованием генерала Павловича, Восточная (вскоре она стала называться Центральной) генерала Иванова и Южная во главе с генералом Яковлевым.

Войска Северной группы (46-я танковая бригада, 1067-й стрелковый полк, объединенный отряд 44-й дивизии, минометные и саперные батальоны), улучшив свои позиции, нависали над вражескими коммуникациями, создавая постоянную угрозу их перехвата. Северо-восточнее Тихвина действовала Центральная группа в составе двух полков 44-й стрелковой дивизии и частей 191-й дивизии, а также 48-го запасного полка. Иванов с нетерпением ждал подхода полнокровной 65-й дивизии.

Южная группа генерала Яковлева (4-я гвардейская стрелковая дивизия, полк и 60-й танковой и 92-й стрелковой дивизий) вела бои в районе Нижнее Заозерье — Петровское.

Мерецков ждал прибытия резервов, чтобы атаковать противника и заставить его откатиться непосредственно к Тихвину, затем обойти город с запада и перерезать тыловые коммуникации всей группировки врага.

Из воспоминаний П.К. Кошевого, дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза:

«…Выгрузились на станции Большой Двор. Временный командный пункт дивизии решили оборудовать в лесу… Место удобно во всех отношениях. До переднего края обороны 44-й дивизии было всего 4—5 километров. Справа шел на Тихвин вологодский большак, слева — железная дорога. Лес надежно укрывал от наблюдения противника и нападения его танков…

Едва мы успели привести себя в порядок, как появился вездеход. Прибывший офицер доложил, что командарм ждет меня на командном пункте в деревне Павловские Концы. Я обрадовался и приказал подготовить необходимые документы для доклада командарму. Ехать было недалеко, и вскоре мы с А. З. Тумаковым (комиссар дивизии. — *Н. В.)* входили в просторную горницу, где располагался командующий.

Я не был знаком с генералом армии К.А. Мерецковым, но слышал о нем немало…

Командарм встал из-за стола и вышел мне навстречу. Я представился и начал было доклад по всей форме о состоянии дивизии. Неожиданно зазвонил телефон, и Мерецков, извинившись, взял трубку.

— Мерецков слушает, — сказал он. — Здравствуйте, Борис Михайлович. Находимся на рубеже, захваченном два дня назад. — Зажав ладонью микрофон, командующий коротко сказал вполголоса: — Шапошников, — и продолжил разговор.

— Сдвиги в обстановке, как мне кажется, есть, — докладывал

командарм. — Первое: острота угрозы соединения немецких войск с финскими, пожалуй, ликвидирована. Враг потерял много танков и мотопехоты, откатился к Тихвину и строит там укрепления. Это я наблюдал лично…

Выслушав Шапошникова, генерал продолжал:

— Думаю, что, получив отпор, враг станет заботиться об укреплении занимаемых позиций. На получение крупных резервов для своего участка фронта в связи с боями под Москвой и Ростовом фон Леб, вероятно, рассчитывать не может. Значит, он будет упорно удерживать Тихвин, чтобы усилить блокаду Ленинграда.

Я внимательно слушал разговор командующего с начальником Генерального штаба и считал, что мне повезло. Ведь он вносил много нового и важного в мое понимание обстановки на том участке фронта, где предстояло воевать дивизии. Теперь уже хорошо можно было понять общую тенденцию развития событий под Тихвином. Само собой, возникало и представление о роли нашего соединения.

Разговор командующего тем временем продолжался. Москва, видимо, спрашивала, готовятся ли активные действия.

— Да, Борис Михайлович, наступление готовим. Идет сосредоточение сил, ведем разведку. Прибывают части шестьдесят пятой. Командир дивизии полковник Кошевой сейчас у меня.

Снова говорил маршал, на что Кирилл Афанасьевич ответил:

— Не беспокойтесь. Тоже придерживаюсь правила: на учить, а потом вводить в дело. Сейчас мы с ним поговорим, я все подробно узнаю и подскажу, как дальше действовать. Вам доложу обязательно…

Закончив переговоры, командарм обратился ко мне.

— Как доехали? — спросил он. Я доложил.

— Время не терпит, товарищ полковник. Да и Ставка торопит. Вступить в бой придется скоро, даже очень скоро. А теперь расскажите о дивизии…»

Мерецков посвятил Кошевого в задачи 65-й дивизии. Он пригласил комдива к карте и карандашом обвел на ней растянутый более чем на 350 километров фронт противника.

— Разбросав войска на такое большое расстояние, — заметил он, — немецкое командование вынуждено располагать их узкой полосой. Мы думаем, что значительных резервов враг уже не имеет, а следовательно, и парировать наши удары по всюду не может. Главные силы противника — в Тихвине, здесь его ударная группировка. Уничтожить ее — значит похоронить все планы фашистов в этом районе.

Карандаш командарма остановился под основанием тихвинского выступа фронта противника.

— Тут у немцев войск не много. Это — уязвимые места. Сюда бы и бить. Но войск у нас тоже мало, и управлять ими на таком фронте трудно. Поэтому вся наша забота должна уделяться главному — Тихвину и коммуникациям противника от города в тыл. Замысел состоит в том, чтобы ударом групп войск генералов Иванова и Павловича отрезать противнику пути отхода из Тихвина на запад и замкнуть кольцо окружения. Шестьдесят пятой предстоит нанести лобовой удар с востока и юго-востока и разгромить главные силы противника в городе. — Мерецков перешел на «ты». — Дивизия у тебя, Петр Кириллович, сибирская, полнокровная, и, надеюсь, с задачей она справится вполне. Время наступления назначу дополнительно. Подготовку к наступлению не затягивай. Удар нанесем через три-четыре дня…

Командарм поинтересовался: приходилось ли Кошевому воевать раньше?

— Только в Гражданскую войну, рядовым казаком… Да и то в сложных переплетах не был.

— Тогда, — посоветовал Мерецков, — побывай завтра на передовой. Когда обстреляют, другими глазами будешь видеть бой. На рожон переть не следует. Зря голову под пулю не подставляй, все делай с умом. Я прикажу показать тебе на переднем крае все, что можно, а куда ехать — передам по телефону.

— А что я буду делать на переднем крае? — спросил Кошевой.

— Смотри и вникай. Приметь, где находится противник, как он себя ведет. Погляди, как воюют наши люди, как командный состав организует бой и взаимодействие войск, как управляет ими. К тому, что увидишь, относись критически: не все делается хорошо, можно и лучше… Автомашину догадался покрасить в белый цвет?

-Нет.

— Покрась обязательно. Противник ведет себя бдительно. Он заметит черную машину и обстреляет…

Враг отступил

Ставка торопила. Несколько раз звонил Шапошников. Затем на связь по ВЧ Мерецкова вызвал Сталин. Разговор Верховного с командармом происходил в присутствии подчиненных Мерецкова и произвел на всех тяжкое впечатление. Командарм почти не говорил, лицо его шло красными пятнами. В ответ на указания Сталина он только повторял: «Слушаюсь!.. Принимаю меры!.. Будет сделано!..» — и машинально вытирал пот со лба. После окончания связи он бросил присутствующим: «Вот так-то нашего брата… А вы обижаетесь, когда я вас беру в переплет!»

Речь шла о скорейшем начале наступательной операции на Тихвин. Ставка Верховного главнокомандования придавала этой операции исключительную важность. Кирилл Афанасьевич форсировал подготовку к наступлению. Это почувствовали гитлеровцы.

«…В ближайшее время следует ожидать обострения обстановки в районе Тихвина… — записал 16 ноября 1941 года в своем дневника немецкий генерал Ф. Гальдер[81]. — Разговор с фон Леебом: …Вчера вечером Тихвин был вне опасности. Сегодня снова наблюдается переброска крупных сил противника с востока на этот участок. Противник здесь ведет атаки с юга. Положение в районе Тихвина пока не очень напряженное, однако в ближайшее время можно ожидать прорыва русских. Противник атакует также с севера… Командующий группой армий… предложил оставить Тихвин в целях усиления волховского участка фронта. Я подчеркнул, что, учитывая интересы ОКХ[82], следует во что бы то ни стало удерживать Тихвин…»

Наступление началось 19 ноября. 4-я армия имела над немецкой тихвинской группировкой некоторый перевес в пехоте, артиллерии и минометах. Однако Мерецкова беспокоило отсутствие в его войсках устоявшейся организационной структуры: только две стрелковые дивизии и одна танковая бригада сохраняли свою обычную организацию, остальные части были сформированы из разнообразных и плохо сколоченных подразделений. Войска испытывали острую нехватку боеприпасов, особенно артиллерийских. И конечно, мало было бронетехники. 39-й мотокорпус генерала Арнима значительно превосходил 4-ю армию в танках.

И все-таки Мерецков обрушил на фашистов все имеющиеся в его распоряжении силы. Тихвин был обложен с трех сторон; командарм поставил задачу полностью окружить город. Необходимо перехватить дороги, идущие от него на запад, и тем

самым прервать связь противника со своим тылом. Выполнением этой задачи занялись оперативные группы Иванова, Павловича и Яковлева. А фронтальные атаки на Тихвин повела дивизия Кошевого.

Наступление на всем фронте с первого дня обрело форму встречных боев. Противник не только оборонялся, а повсюду переходил в контратаки. Сражения отличались невероятной ожесточенностью. Советским войскам в кровавых схватках приходилось отвоевывать каждый метр.

Обе противоборствующие стороны ясно сознавали, какое значение имеет исход боев за Тихвин для судьбы Ленинграда, для всего северного фланга советско-германского фронта. В приказе командующего тихвинской группировкой гитлеровской армии говорилось: «Противник понял решающее значение Тихвина в боях на северном участке и прилагает все усилия, чтобы снова захватить его… Пусть же противник здесь, в русском болоте, натолкнется на германский гранит, и он не пройдет». А Мерецков в приказе по 4-й армии ставил войскам свою задачу: «Решительным штурмом города Тихвина с трех направлений уничтожить главные силы группировки противника, освободить железные дороги Тихвин — Волхов и Тихвин — Будогощь».

Михаил Цунц в хроникальных репортажах рассказывал о происходивших событиях вокруг Тихвина в те дни:

«…Нская часть. Накануне атаки было зачитано письмо, только что полученное от женщин-ленинградок. Казалось, оно было написано не чернилами — кровью. В нем говорилось, что после падения Тихвина и без того мизерная норма хлеба сокращена, что смертность в городе растет. Обжигающие и волнующие, как материнские слезы, слова взывали: воин, спаси нас, отбрось врага, мы ждем, голодая, замерзая, но не склоняя головы.

…Враг не только упорно оборонялся, но и бросался в контратаки. Завязались тяжелые кровопролитные бои. Перед 4-й Отдельной армией были отборные фашистские части, ранее не знавшие поражений. Захваченный нашими разведчиками "язык" нагло заявил на допросе: "Те, кто взял Париж, не могут сдать какой-то Тихвин".

…Мерецков постепенно сжимал кольцо окружения. Разведка донесла: противник начал переброску из Франции 61-й пехотной дивизии. По железной дороге ее переправляли до Чудова, а затем автотранспортом — в Тихвин. Мерецков дал задание авиации бомбить немецкие автоколонны, и она совершила ряд успешных налетов.

…В разгар боев за Тихвин Мерецкову задали вопрос: доволен

ли он общим ходом событий?

— Нет, недоволен, — ответил он напрямик. — Правда, вражеский гарнизон слабеет, истекает кровью, мы тесним противника, перерезаем дороги, но подумайте: на кого работает время? К сожалению, не на нас. Каждый день пребывания немцев в Тихвине — это страшный день для Ленинграда. Нам не просто надо разгромить немцев, а сделать это скорее, как можно скорее и еще раз скорее…»

День за днем центральные газеты Советского Союза выходили с материалами о битве под Москвой. Рядом, как правило, печатались сообщения о наступлении войск под командованием генерала армии Мерецкова. В основном — о сражениях за Тихвин.

Наступление, однако, продвигалось медленно. Фронт был сильно растянут, части распылялись. Кирилл Афанасьевич принимает решение о перегруппировке сил. 5 декабря он сосредоточивает главные силы на левом фланге, пополняет войска людьми и боеприпасами. 7 декабря оборона противника западнее Тихвина была прорвана, передовые части вышли к Ситомле, создали угрозу перехвата единственной коммуникации тихвинской группировки гитлеровцев. 191-я и 65-я стрелковые дивизии вплотную придвинулись к Тихвину, 200 орудий и два дивизиона гвардейских минометов заняли огневые позиции.

Гальдер в тот день отметил в своем дневнике: «Противник производит массированные артиллерийские налеты на город. Наши войска физически переутомлены. Это состояние усугубляют морозы, достигающие 30—35 градусов. Из пяти наших танков только один может вести огонь. В 8-й танковой дивизии наличествовало 28 офицеров, 146 унтер-офицеров, 750 солдат».

8 декабря германское командование приняло решение об эвакуации Тихвина и отводе своих войск.

Ночь на 9 декабря была очень холодной. Дул порывистый ветер, бушевали снежные вихри. В городе завязались уличные бои, к полуночи сражение достигло кульминации. В три часа советские части заняли центр города, в пятом часу утра Тихвин был освобожден.

Для Кирилла Афанасьевича это были счастливые минуты. Вот она, долгожданная победа, к которой он и его люди шли в течение месяца непрерывных боев, когда сливались воедино дни и ночи, удачи и огорчения, атаки и отходы…

Утром, чуть поднялось над землей солнце, Мерецков уже был на узле связи. На проводе — Москва, он с радостью доложил Верховному: «Приказ Ставки выполнен, Тихвин взят».

Об этой победе 10 декабря Совинформбюро известило страну: «Вчера… наши войска во главе с генералом армии товарищем

Мерецковым наголову разбили войска генерала Шмидта[83] и заняли город Тихвин. В боях за Тихвин разгромлены 12-я танковая, 18-я моторизованная и 61-я пехотная дивизии противника. Немцы оставили на поле боя более семи тысяч трупов. Остатки этих дивизий, переодевшись в крестьянское платье и бросив вооружение, разбежались в лесах в сторону Будогощь. Захвачены большие трофеи, которые подсчитываются».

Совинформбюро, конечно, поражение фашистов подало с определенным утрированием, чтобы показать позор отступающего врага, выразить не только ненависть, но и презрение, нравственное отвращение к нему.

Из-под Тихвина немцы «разбегались» планомерно, удерживая в своих руках тыловые коммуникации, оставляя сильные арьергарды в опорных пунктах, которые долго и с большими потерями штурмовала советская пехота. Как и под Москвой, противника — даже «в крестьянском платье» и «бросившего вооружение» — нигде не удалось ни окружить, ни отрезать.

Фашистские части не бежали куда глаза глядят, а отходили строго на запад за Волхов, повинуясь медленному выталкиванию их наступающими войсками. Это признает И.И. Федюнинский[84], назвавший главным недостатком советского командования на тот период «неумение осуществлять энергичный и дерзкий маневр для обхода и охвата населенных пунктов противника. Поэтому в ряде случаев борьба за эти пункты затягивалась».

Генерал Гальдер написал в своем дневнике: «Отход от Тихвина совершается в полном порядке. Матчасть вывезена целиком. Удалось организовать снабжение горючим. Русские противодействия не оказывают… На фронте группы армий "Север" идут бои местного значения, которые не мешают спокойному и планомерному отходу наших частей на волховском участке фронта».

16 декабря Гитлер утвердил предложение командования группы армий «Север» об отводе германских войск за реку Волхов, который предполагалось завершить к 22 декабря.

Победа под Тихвином далась дорогой ценой. Полегло много солдат и командиров. Особенно в частях, непосредственно штурмовавших город.

Наступательная Тихвинская операция прошла с ошибками с обеих сторон. Для Мерецкова это был первый крупный экзамен в Великой Отечественной войне на его полководческую зрелость. Без недостатков не обошлось. Но он его выдержал.

Победное контрнаступление под Тихвином стало этапным для Красной армии как в дальней, так и в ближней перспективе. Оно знаменовало начало перехвата стратегической инициативы

советскими вооруженными силами (вместе с контрнаступлением под Ростовом) в зимней кампании 1941/42 года. В дальней перспективе — отброшенные за Волхов немецко-фашистские войска утратили превосходящую активность на этом участке фронта. Штурм Ленинграда не состоялся.

ДЕЛО, КОТОРОЕ ПОРУЧЕНО ВАМ…»

Поспешность и неподготовленность

Волховский фронт создавался в спешном порядке. Мерецков пишет в своих воспоминаниях, что фронт сложился в ходе развития контрнаступления наших войск под Тихвином.

12 декабря Мерецков и начальник штаба 4-й армии Стельмах были вызваны в Москву в Ставку. В кабинете кроме самого Сталина присутствовали Шапошников, командование Ленинградского фронта (Хозин и Жданов), командующий 26-й армией (25 декабря она будет переименована во 2-ю ударную) Соколов, командующий 59-й армией Галанин. Докладывал начальник Генштаба. Он сказал, что в целях объединения армий, действующих к востоку от реки Волхов, Ставка Верховного главнокомандования приняла решение образовать Волховский фронт. Главные задачи фронта: в первое время содействовать срыву наступления противника на Ленинград, а затем совместно с Ленинградским фронтом разгромить действовавшую здесь группировку немцев и освободить Ленинград от блокады.

Командующим войсками нового фронта назначался Мерецков, начальником штаба — генерал Стельмах (звание «комбриг» ему было заменено на «генерал-майор»), членом Военного совета — армейский комиссар 1-го ранга Запорожец.

* * *

26-я армия перебрасывалась из Приволжского военного округа. Она дважды формировалась и расформировывалась. В последний, третий раз 26-я армия была образована 30 октября 1941 года на основании директивы Ставки Верховного главнокомандования. Командующим был назначен генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, занимавший до этого должность заместителя наркома внутренних дел, членом Военного совета армии — бригадный комиссар А.И. Михайлов, начальником штаба — генерал-майор В.А. Визжилин. Прибытие армии на Волховский фронт планировалось во второй половине декабря.

59-я армия появилась на свет в ноябре 1941 года, родившись, как и 26-я, в результате «перманентной мобилизации». Возглавил ее командующий Новгородской армейской группой генерал-майор И.В. Галанин.

Войскам Волховского фронта противостояли 1-й и 38-й армейские корпуса 18-й немецкой армии. В оперативном резерве находились 39-й моторизованный корпус и 285-я охранная

дивизия вермахта.

Четкой разграничительной линии между противоборствующими сторонами не было. Правый фланг фронта проходил севернее Киришей, левый упирался в озеро Ильмень. Соседом справа была 54-я армия Ленинградского фронта, слева — 11-я армия Северо-Западного фронта.

Когда в Ставке ставилась задача Мерецкову, он поднял вопрос о включении 54-й армии в состав Волховского фронта, ибо она была с ним рядом, а от Ленинградского фронта находилась в отрыве, за внешним кольцом немецких войск, блокировавших Ленинград. Хозин и Жданов резко возражали. Они считали, что 54-я, нанося удары по врагу с тыла, окажет наибольшую помощь ленинградцам. Сталин с ними согласился. Но вскоре время покажет: решение это было ошибочным. Ведь Волховскому фронту ставилась задача прорыва блокады города, и 54-й армии придется действовать в одном с ним направлении. Через полгода Верховный изменит свое решение и передаст 54-ю армию Волховскому фронту.

Немцы ждали наступления советских войск, тщательно создавали сильную оборону.

16 декабря Гитлер подписал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Разрешить группе армий "Север" произвести отвод внутренних флангов 16-й и 18-й армий на рубеж р. Волхов и линию железной дороги, проходящей от станции Волхов на северо-запад… Задача группы армий — оборонять указанный рубеж до последнего солдата, не отступать больше ни на шаг и тем самым продолжать осуществление блокады Ленинграда».

На оборонительных позициях, состоявших из системы узлов сопротивления и опорных пунктов, гитлеровцы возводили дзоты, пулеметные блиндажи и площадки. Кроме переднего края, оборона имела второй рубеж в виде укрепленных зон, оборудованных в населенных пунктах и вокруг них.

В начале января 1942 года Сталин на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) и Ставки ВГК подчеркнет, что теперь перед вооруженными силами стоит важнейшая военно-политическая задача: ликвидировать угрозу Москве и Кавказу, устранить блокаду Ленинграда и, удерживая стратегическую инициативу в своих руках, разгромить армию Германии и ее союзников и создать условия для завершения войны в ближайшей перспективе. «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, — скажет он, — они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть

время и получить передышку. Наша задача состоит в том… чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны…»

Ставить задачи — это одно, и совсем другое дело выполнять их в реально существующей ситуации. А ситуация, в которой находилась Красная армия в конце 1941 — начале 1942 года, была тяжелейшая. Если говорить конкретно о северо-западном направлении театра военных действий, то надо указать на весьма низкую техническую оснащенность советских войск в тот период войны (устаревшие танки, самолеты, автомобили, которых, кстати, было к тому же очень мало), на хроническую нехватку различного оборудования (артиллерийского, инженерно-саперного), средств связи, боеприпасов, горючего.

Осложняли положение суровые погодные условия. Днями и ночами трещали морозы до 30—35 градусов, мели метели, снежные заносы перекрывали дороги. Все это затрудняло движение железнодорожного, автомобильного и гужевого транспорта. Перевозки боевой техники, различных грузов относительно запланированных сроков шли с опозданием на 10—15 суток.

Ставка слала фронту директиву за директивой, требуя от Мерецкова как можно скорее начать масштабное наступление. 24 декабря она настоятельно требовала «завладеть мостами и захватить плацдармы на западном берегу Волхова, чтобы обеспечить развертывание 26-й и 59-й армий». Очередное указание: «Завершить сосредоточение войск в исходных районах и начать нанесение массированного удара по врагу 26 декабря».

«Не довольствуясь директивными указаниями, — вспоминал спустя несколько лет Кирилл Афанасьевич, — ставка в конце декабря направила на Волховский фронт своего представителя Л.З. Мехлиса, который ежечасно подгонял нас».

Полевой штаб фронта, разместившийся на станции Неболочи, лихорадочно проводил организационные мероприятия, комплектовал службы и управления. Но главное — подстегивал 26-ю и 59-ю армии. Хотя Мерецков прекрасно понимал, что всё делается вопреки азам воинского искусства, в спешке, без завершения должной изготовки войск к решительным боевым действиям.

Обеспечение прибывавших соединений и частей было отвратительным. Так, артиллерия 59-й армии не имела самого необходимого — оптических приборов, средств связи, а в некоторых батареях отсутствовали даже орудийные передки. Разыскать эшелоны с недостающей техникой не удалось: они продолжали идти по прежним направлениям дислокации армии.

Штаб забил тревогу. В Ставку полетели телеграммы с просьбой разобраться в создавшемся положении и принять необходимые меры.

В канун нового, 1942 года на Волховский фронт прибыл начальник артиллерии Красной армии Н.Н. Воронов.

Писатель Станислав Гагарин в документальном романе «Мясной бор» пишет, что начальник артиллерии прилетел утром. В комнате комфронта шло совещание. На нем, кроме членов Военного совета, работников штаба, присутствовали командиры частей и соединений. Бурно обсуждалось сложившееся положение перед предстоящим наступлением. Выделялся резкий голос армейского комиссара Мехлиса, он говорил громко, не признавая полутонов, как не признавал и полумер.

Генерал армии Мерецков сидел во главе стола, за которым разместились командиры частей. На появившегося в дверях начальника артиллерии Красной армии он удивленно вскинул глаза, и Воронов понял, что Ставка не предупредила командующего фронтом о его приезде.

Кирилл Афанасьевич встал, чтобы приветствовать гостя, но тут из-за стола выскочил Мехлис и, не здороваясь, закричал:

— Ага, вот он, главный виновник, мать его так! Прислал, понимаете, артиллерию, которая ни к… не годится. Как прикажете стрелять без оптических прицелов, товарищ Воронов? Форменное вредительство! Ни одного телефонного аппарата в батареях… Это же настоящий бардак!

Командующий фронтом поднял руку, призывая Мехлиса успокоиться, а сам сокрушенно взглянул на Воронова, как бы говоря: хоть я и хозяин здесь, но Лев Захарович — представитель «самого». Воронов своеобразную, мягко говоря, натуру Мехлиса знал хорошо. Не обратив ни малейшего внимания на его выпад, он прошел к Мерецкову и пожал ему руку. Тут командующий фронтом счел возможным поддержать Мехлиса:

— Действительно, Николай Николаевич, нехорошо получается… Пятьдесят девятую бросаем в наступление, а в некоторых батареях передков нет. О приборах и телефонах ты уже слышал.

— Вот-вот! — опять закричал Мехлис. — Сам явился… Посмотрим, как он оправдываться будет!

Воронов перевел взгляд на него и молча, в упор посмотрел ему в глаза, зная, что это единственный способ заставить его успокоиться. Мехлис, не выдержав, отвел взгляд, буркнул что-то неразборчиво, демонстративно отодвинулся от стола.

— Давайте не все сразу, — сказал Воронов. — Готов подвергнуться экзекуции, но сначала разрешите мне промолвить

слово…

Люди, теперь стоявшие вокруг стола, заулыбались. Мерецков пригласил прибывшего гостя сесть рядом.

— Приехал к вам по приказу Ставки, — начал Воронов. — Очень там обеспокоены тревожными сигналами. Прислали меня разобраться. Для начала введите в курс событий. Вашей операции придают в Ставке большое значение. Так мне и поручено передать Военному совету фронта.

Никто этого Воронову не поручал. Его ночью поднял с постели звонок Василевского, который сказал, что Мерецков с Мехлисом оборвали телефон Ставки, жалуясь Сталину на нелады с артиллерией. Пусть Воронов разберется, это приказ Сталина. «Мехлису я верю, — передал Василевский слова Верховного. — Если он так беспокоит меня, значит, дело серьезное…»

Николай Николаевич этой же ночью поднял необходимых людей и к утру выяснил, что 59-я армия генерал-лейтенанта Галанина прибыла на Волховский фронт из резерва Ставки. «Дела… — подумал Воронов. — Целую армию переводят из тыла на фронт, а начальник артиллерии узнает об этом последним». Ставка торопила со сроками наступления на Волхове, и 59-ю спешно отправили на передовую, лишь частично укомплектовав ее вооружением. «Остальное получите на фронте», — сказали командарму. Вот и получилось так, что эшелоны с людьми двинулись на запад, а техника и оружие продолжали идти на восток, откуда уже снялись полки и дивизии армии. Надо было срочно искать грузы на промежуточных станциях, изменять маршруты составов. На все это требовалось время, а времени было в обрез. 59-я армия прибыла на волховские позиции без артиллерийского обеспечения…

— И со второй ударной, — рассказывал теперь Кирилл Афанасьевич, — такая же история… Артиллерия у нее укомплектована приборами, но с боеприпасами очень туго. К Новому году получили всего четверть боекомплекта. Мало продовольствия и фуража. Но эти грузы постепенно прибывают, а вот прицелы и телефоны…

— Уже доставлены, — перебил его Воронов. — К сведению присутствующих здесь командиров артчастей! Средства связи и артприборы можете получить на станции Будогощь. Они уже там.

Все недоверчиво зашумели.

— Липа, — сказал Мехлис. — Я вчера там был. Ничего нет…

Он повернулся к начальнику тыла. Тот закивал, потом посмотрел на Воронова и развел руками.

— А вы сами поезжайте, — сказал начальник артиллерии РККА. — Как-никак я здесь у вас представитель Ставки, мне слова

на ветер бросать негоже.

Он знал, о чем говорит. Еще в Москве, выяснив обстановку и поняв, что ему надо взять на себя функции «скорой помощи», ведь никто не знал, когда прибудут необходимые грузы для 59-й армии, Воронов приказал немедленно загрузить несколько вагонов телефонными аппаратами, полевым кабелем, другими средствами связи, не забыл и про артиллерийские приборы наблюдения и стрельбы. С этим и отправился на Волховский фронт.

— Отправляйтесь на станцию, — приказал Мерецков артиллеристам и снабженцам. — Совещание закрывается.

Командиры поднялись и стали выходить из комнаты. Первыми покинули ее артиллеристы. Остались члены Военного совета, среди них и начальник штаба фронта Г.Д. Стельмах. Мехлис держался поодаль. Воронова армейский комиссар не то чтобы не любил, по отношению к людям у Льва Захаровича не было этого чувства. Но этого человека ценил Сталин и доверял ему, что было для Мехлиса высшим мерилом. Потому-то он как бы побаивался Воронова, а теперь даже несколько сожалел, что набросился на него с руганью. Хотя они оба представители Ставки, но сейчас он постоянный представитель здесь, на Волховском фронте, а Воронов прибыл со специальным заданием и по особой иерархии, которую установил для себя Лев Захарович, хоть и на полранга, а вроде выше его.

— А у меня для товарища Мехлиса письмо, — сказал, доброжелательно улыбаясь, Николай Николаевич, будто и не было недавнего на него наскока. — От Верховного главнокомандующего. Лично.

Мехлис быстро взял пакет и тут же исчез в боковой двери. Мерецков и Воронов переглянулись. Кирилл Афанасьевич смотрел встревоженно, но Воронов ничего не знал о содержании письма и пожал плечами.

— Перекусим с дороги? — предложил комфронта.

— Это можно, — согласился гость.

Кирилл Афанасьевич попросил Стельмаха организовать завтрак. Григорий Давыдович вышел, чтобы распорядиться, а в комнате возник Мехлис. Вид у него был недоумевающий: в конверте на свое имя он обнаружил второе письмо, которое предназначалось Мерецкову.

— Главное письмо, оказывается, вам, товарищ командующий фронтом, — проговорил Мехлис.

— Мне? — удивился Мерецков.

Он сломал сургуч печати, вскрыл пакет, не сумев сдержать предательской дрожи рук: в конверте мог содержаться любой

неожиданный для него приказ.

Мерецков вынул вчетверо сложенный лист и быстро пробежал глазами. Его лицо, застывшее, когда Мехлис передал ему пакет, вдруг расслабилось, осветилось улыбкой. Генерал прочитал письмо еще раз, уже спокойно. Затем поднял его над головой:

— А письмо-то всех касается, друзья. Хоть адресовано оно мне лично, я прочту его всем: «Уважаемый Кирилл Афанасьевич! Дело, которое поручено Вам, является историческим де лом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я бы хотел, чтоб предстоящее наступление Волховского фронта не разменялось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что Вы постараетесь превратить это наступление именно в единый общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю Вам успехов. И. Сталин»[85]

* * *

Завершить концентрацию сил фронта в исходных районах для наступления к 26 декабря не удалось. Причина — сильные морозы, снежные заносы, слабая пропускная способность железных дорог, вследствие чего выдвижение войск на рубежи запоздало на 10—15 суток.

Как отмечал Мерецков, к началу января 1942 года фронт, по существу, не имел своего тыла. Войска снабжались напрямую, минуя фронт: центр — армия. Для вновь прибывших армий это было губительно, так как их подвижные запасы находились в пути. Средством перевозки этих запасов были в основном, из-за почти полного отсутствия автомобилей, конные телеги и сани. «Снабжение войск фронта оставалось неудовлетворительным еще продолжительное время, — вспоминал Мерецков, — слишком большая растяжка путей подвоза… Гужевой транспорт… ввиду больших расстояний от пунктов снабжения до районов сосредоточения не мог справиться даже с подвозом фуража. Один его оборот обычно занимал несколько суток».

Мехлис телеграфировал начальнику тыла РККА: «Положение с продфуражом нетерпимое. На 2-е января по данным управления тыла в частях и на складах армии мяса — 0, овощей — 0, сена — 0, консервов — 0, сухарей — 0. Кое-где хлеба выдают по 200 грамм… Что здесь — безрукость или сознательная вражеская работа?»

Последний назначенный срок наступления — 7 января 1942 года. Но и он оказался нереальным. По мнению Мерецкова,

«чтобы подготовить наступление по-настоящему, требовалось по меньшей мере еще 15—20 суток. Но о таких сроках не могло быть и речи».

И все-таки 7 января войска фронта пошли в наступление. Враг встретил их сильным минометным и пулеметным огнем, и они были вынуждены отойти на исходные рубежи. Боевые действия выявили низкую эффективность командиров и штабов при осуществлении управления частями и организации взаимодействия между ними. Чтобы устранить выявленные недочеты, Мерецков попросил Ставку отложить операцию еще на три дня. Но и этих дней оказалось недостаточно.

Между Ставкой и Военным советом фронта состоялся разговор по прямому проводу. «У аппарата Сталин, Василевский. По всем данным, у вас не готово наступление к 11-му числу. Если это верно, надо отложить еще на день или на два, чтобы наступать и прорвать оборону противника». Далее Сталин упрекнул Мерецкова: «Поспешишь — людей насмешишь. У вас так и вышло, поспешили с наступлением, не подготовив его, и насмешили людей». Кирилл Афанасьевич позднее писал, что упрек был не заслужен им: «Из Ставки шли директивы и раздавались телефонные звонки с требованием ускорить подготовку… Когда же наступление провалилось, нас упрекали в поспешности».

В ходе переговоров со Ставкой Мерецков выпросил еще один день. Таким образом, новое наступление было перенесено на 13 января.

Началось оно осторожно. Передовые части всюду наталкивались на упорное сопротивление противника. На участке 4-й армии немцы в свою очередь сами атаковали советские позиции, и армия вынуждена была вместо наступления вести оборонительные бои.

Топталась на месте и 59-я армия: она не смогла взломать оборону противника.

Некоторый успех обозначился на отдельных участках на направлении действий 2-й ударной армии. На второй день боев ее авангарды в разных местах пересекли реку Волхов и заняли несколько населенных пунктов.

Соединения 52-й армии, наступавшие на правом фланге, также вышли на западный берег Волхова.

Для развития успеха командование 2-й ударной и 52-й армий с утра 15 января ввело в бой свои вторые эшелоны. Это активизировало действия наступающих, однако сломить сопротивление противника не удалось, он стал сражаться с еще большим остервенением. Обе стороны несли большие потери.

Спустя неделю части 2-й ударной армии вышли ко второму (главному) оборонительному рубежу — вдоль железной и шоссейной дорог Чудово — Новгород. Прорвать его с ходу не удалось. В район Спасской Полисти немцы подтянули резервы: артиллерию и авиацию. Бои принимали ожесточенный характер. 2-я ударная армия несколько раз рассекала вражеские позиции, но, несмотря на большие потери, немцы вновь восстанавливали линию фронта.

После трехдневных атак войска армии все-таки прорвали на этом направлении главную полосу обороны гитлеровцев и овладели Мясным Бором. Чтобы закрыть образовавшуюся брешь, немецкое командование бросило сюда дополнительные силы. Это были части и подразделения, снятые с других участков фронта, в том числе непосредственно из-под Ленинграда, где готовился штурм блокированного города.

2-я ударная армия развивала успех, а наступательные действия 4-й и 59-й армий становились все слабее, а затем и совсем прекратились.

В этой обстановке атаки на правом фланге фронта означали пустую трату сил. Мерецков решает сконцентрировать все силы в направлении Спасской Полисти и Любани. Разрабатывается план Любанской операции. Воплощение его в жизнь возлагалось на 2-ю ударную армию (2-я ударная имела преимущественно бригадную организацию — бригады чисто пехотные), которая по общей численности равнялась стрелковому корпусу — около 44 тысяч человек; танков — 71, артиллерия на конной тяге — 462 орудия (из них 113 калибром от 76,2 мм и выше). У личного состава не было опыта ведения боевых действий, и поэтому армию необходимо было поддержать, для этого нужны были дополнительные силы. Командующий фронтом обращается в Ставку за разрешением провести эту операцию и просит помочь резервами.

Любанская операция

На Любанскую операцию современные военные историки не имеют единого взгляда. Спорят, кто был ее автором: одни говорят — Военный совет Волховского фронта, другие — Генштаб во главе с Шапошниковым. Выясняют виновников ее провала. Но нам гораздо важнее, как она осуществлялась и почему закончилась плачевно. Глубоко, квалифицированно проанализировать ее, оценить роль в ней высшего военного руководства страны, действия командования фронтов, армий, командиров соединений призваны ученые — исследователи Великой Отечественной войны.

Для нас сегодня представляются наиболее интересными мнения об этой операции непосредственных ее участников: командующего Волховским фронтом Кирилла Афанасьевича Мерецкова и командующего Ленинградским фронтом и одновременно (с апреля 1942 года) Волховской группой войск Михаила Семеновича Хозина. Через многие годы после войны они каждый по-своему рассказали о ходе ее и причинах, приведших к трагическому финалу.

* * *

Мерецков:

«В предшествовавших боях войска понесли серьезные потери и сильно устали. По-прежнему не хватало средств передвижения и связи. Все еще плохо обстояло дело с автоматическим оружием: немецкие пехотинцы почти все имели автоматы, наши — винтовки…

О наших ошибках. Анализируя сейчас ход тогдашних событий, вижу, что и я, и штаб фронта переоценили возможности собственных войск. Не удалось нам найти также правильную форму и верные способы оперативного взаимодействия между армиями Волховского и Ленинградского фронтов… В результате удары фронтов пошли по расходящимся направлениям и не совпадали целиком во времени. Гитлеровцы получили возможность отражать наши удары поочередно… Мы, глубоко вклинившись в расположение противника, не смогли закрепить достигнутый успех.

После прорыва вражеской обороны в районе Мясного Бора в образовавшуюся брешь был введен незадолго до этого сформированный 13-й кавалерийский корпус. Командовал

корпусом генерал-майор Н.И. Гусев. Вслед за кавалерийским корпусом начали входить в прорыв и войска 2-й ударной армии…

Ширина прорыва непосредственно по западному берегу реки Волхов достигла 25 километров, но в районе Мясного Бора она равнялась всего лишь трем-четырем километрам. К этому участку, простреливаемому всеми видами огня, нами подтягивались основные силы фронта: войска 2-й ударной армии и часть соединений 59-й и 52-й армий. Они нацеливались на расширение прорыва в стороны флангов и на развитие наступления на Любань, до которой надо было пройти еще около 80 километров.

Принимая решение на перенесение усилий к району прорыва, командование фронта опять исходило из того, что скоро прибудет обещанная общевойсковая армия (Ставка планировала выделить для фронта армию. — *Н. В.)*. Поэтому задача по расширению прорыва обороны противника решалась одновременно с задачей по развитию наступления в глубину. Но армию мы не получили. Своих же сил для одновременного решения этих двух задач фронту не хватало. Я известил об этом Ставку…

Введенный в прорыв 13-й кавалерийский корпус, а за ним и некоторые соединения 2-й ударной армии вначале продвигались довольно быстро. За пять дней они углубились в расположение противника на 40 километров, перерезав железную дорогу Ленинград — Новгород. Продвижение корпуса шло успешно до тех пор, пока наступление велось строго в северо-западном направлении, где силы противника были незначительны…

Несколько раз в день мне доставляли сведения о ходе наступления, и всякий раз донесения и карта говорили об одном и том же: по мере продвижения 13-го кавалерийского корпуса и войск 2-й ударной армии в глубину расположения противника район, занимаемый нашими войсками, все увеличивался, а плотность боевых порядков уменьшалась. Возникли трудности с управлением. Пришлось своей властью создать временные оперативные группы…

На исходе января 1942 года к нам прибыл заместитель наркома обороны генерал А.В. Хрулев… помог наладить регулярное снабжение. Снабженческие эшелоны стали поступать более своевременно. Фронт получил дорожные и автотранспортные части. Подвоз материальных средств улучшился. К сожалению, ненадолго. Впоследствии 2-я ударная армия еще неоднократно испытывала перебои в подаче продовольствия, фуража, снарядов и других материальных средств. Они возникали в связи с перехватом противником коммуникаций армии или являлись следствием

нераспорядительности ее командования. Командарм Н.К. Клыков серьезно болел… У меня не раз появлялась мысль о замене командарма.

После ввода в прорыв 2-й ударной армии задача по расширению бреши на ее левом фланге, в районе Мясного Бора, в основном легла на 59-ю и 52-ю армии, практически сомкнувшиеся. Они же обеспечивали и коммуникации 2-й ударной армии в горловине прорыва.

В середине февраля 59-я армия вплотную подошла к Спасской Полисти. Название этого селения, возле которого полгода кипели ожесточенные бои, я никогда не забуду. Горловина прорыва расширилась, помнится, до 13 километров. К этому времени и ширина прорыва обороны противника по западному берегу реки Волхов увеличилась до 35 километров. Теперь коммуникации 2-й ударной армий находились вне пулеметного и действенного артиллерийского огня врага.

Но на этом и закончились наши успехи по расширению прорыва. Несмотря на настойчивые атаки, войскам не удалось раздвинуть прорыв ни на один метр. Иногда приходилось вести даже оборонительные бои. Наступление 2-й ударной армии хотя и продолжало развиваться, но не в том направлении, в каком нам хотелось. Армия имела успех, продвигаясь в основном на запад и северо-запад, то есть туда, где противника почти не было, и удаляясь тем самым от прямой цели наступления — железнодорожной линии на Ленинград. Те же части, которые поворачивали на восток и наступали непосредственно на Любань, успех имели незначительный. Очень скоро они уперлись в оборонительную позицию противника. Враг все время усиливал оборону. Только за первые три месяца 1942 года его группа армий "Север" пополнилась шестью дивизиями, переброшенными из Франции, Дании, Югославии и самой Германии.

Конечно, такое развитие операции не радовало ни нас, ни Ставку Верховного Главнокомандования. Из Ставки шли телеграммы и раздавались звонки с требованием усилить наступательные действия и во что бы то ни стало овладеть Любанью. Нас обвиняли в нерешительности, в топтании на месте. Мы же в свою очередь жаловались на нехватку танков, снарядов, на усталость войск…

На фронт прибыл представитель Ставки Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов. Он передал требование Ставки активизировать наступательные действия на любанском направлении. Через два дня мы собрали Военный совет фронта, на котором обсудили создавшееся положение. Мы считали, что войскам надо дать хотя бы немного отдохнуть, а за это время

провести перегруппировку, подтянуть силы и средства, подвезти боеприпасы, наладить управление и навести порядок на дорогах…

В конце февраля командование фронта обратилось в Ставку с предложением произвести перегруппировку с целью высвободить силы для усиления 2-й ударной армии, наступавшей на Любань, и 59-й армии, блокировавшей Ленинградское шоссе и железную дорогу. Имелось в виду прежде всего усилить 13-й кавалерийский корпус кавдивизией из 4-й армии; привести в порядок дивизии, наступавшие на Любань и имевшие задачу перехватить Ленинградское шоссе, пополнить их людьми, оружием и боеприпасами; усилить артиллерийскую группировку.

Ставка ответила, что она не возражает против предлагаемого усиления 2-й ударной и 59-й армий, но высказалась против того, чтобы привести в порядок наступавшие дивизии, так как для этого необходимо было на некоторое время приостановить атаки, и в категорической форме потребовала от Военного совета фронта ни в коем случае не прекращать наступательных действий 2-й ударной и 59-й армий на любанском и чудовском направлениях и любым способом выйти до марта на железную дорогу Любань — Чудово. С целью оказания помощи Волховскому фронту Ставка дала указание Ленинградскому фронту нанести удар силами 54-й армии навстречу 2-й ударной армии, чтобы ликвидировать чудовскую группировку противника и освободить Любань.

Военный совет Волховского фронта выполнил требование Ставки, и в тот же день 2-я ударная армия после короткой артиллерийской подготовки, атаковав оборонительные позиции противника, решительными действиями прорвала укрепления немцев. Для развития прорыва было решено использовать только что подошедшие к району боевых действий 80-ю кавалерийскую дивизию полковника Н.Н. Полякова и 327-ю стрелковую дивизию полковника И.М. Антюфеева… Но на следующий день утром противник силами оборонявшихся здесь и вновь подошедших частей закрыл брешь. Проникшие за линию вражеской обороны соединения оказались изолированными от основных сил армии. В течение пяти дней они отбивались от авиации и пехоты противника. Когда же боеприпасы стали подходить к концу и совершенно иссякли продовольствие и фураж, они ночной атакой прорвали оборону противника с тыла и соединились с войсками армии, сохранив боеспособность. Причиной неудачных действий, как я считал, было то, что кавалерийскую и пехотную дивизии не поддержали остальные силы армии. Более того, они остались без боеприпасов, продовольствия и связи, так как их тылы не успели

проскочить в брешь, а имевшиеся в полках радиостанции не обеспечивали надежной связью.

В новой директиве Ставки, стремившейся помочь нам, указывалось на необходимость создать в каждой армии ударные группировки. Эти группировки незамедлительно были созданы. К сожалению, входившие в их состав дивизии имели большой некомплект в личном составе и вооружении; не хватало боеприпасов, авиационная поддержка отсутствовала. Поэтому ударные группировки, несмотря на все усилия командного и политического состава, добиться перелома не смогли. Все наши дальнейшие атаки в сторону Любани отбивались противником.

Чтобы лучше разобраться в обстановке, я выехал на командный пункт 2-й ударной армии. Оттуда вместе с генералом Клыковым направился в ударную группировку. Мы побывали на ее правом фланге, затем у конников генерала Гусева…

Созванный после моего возвращения Военный совет фронта, на который было приглашено и командование 2-й ударной армии, констатировал, что одной из причин невыполнения этой армией задач является несогласованность в работе Военного совета и штаба армии и, как следствие, отсутствие четкого и твердого руководства войсками. Имелись случаи пренебрежительного отношения к приему пополнения: маршевые роты во время пути горячей пищей не обеспечивались, пунктов обогрева для них не было. Персональный учет раненых и убитых находился в запущенном состоянии, в армии не знали даже приблизительных потерь. Начальник оперативного отдела полковник Пахомов неправильной информацией вводил в заблуждение командование армии и фронта. Перед последними боями штаб 2-й ударной армии допустил грубые просчеты во времени на подготовку войск для боя. Распоряжения для выполнения боевой задачи некоторые части получали с опозданием на день. Я по собственному опыту знаю, какую важную роль в руководстве войсками играет согласованность между командованием и штабом. Без этого условия вести успешные боевые действия вообще нельзя.

Пришлось пойти на крайние меры. По представлению Военного совета фронта ставка отстранила от должностей начальника штаба 2-й ударной армии генерал-майора В.А. Визжилина и начальника оперативного отдела полковника Пахомова. Вместо них были назначены соответственно: полковник П.С. Виноградов и комбриг Буренин. На своем месте остался член Военного совета дивизионный комиссар И.В. Зуев. На должность заместителя командующего 2-й ударной армией был назначен генерал-майор П.Ф. Алферьев.

В те же дни в штаб фронта возвратился уезжавший ранее в Москву К.Е. Ворошилов. Вместе с ним прибыли член ГКО Г.М. Маленков и заместитель командующего военно-воздушными силами Красной Армии генерал-лейтенант авиации А.А. Новиков. На этом же самолете на должность заместителя командующего войсками Волховского фронта прилетел генерал-лейтенант А.А. Власов. Его прислала Ставка… Власов был назначен приказом Ставки командующим 2-й ударной армией.

(Здесь следует сделать уточнение. В начале апреля Мерецков командировал Власова во 2-ю ударную армию во главе специальной комиссии Волховского фронта. Трое суток работали там члены комиссии, беседовали с командирами всех рангов, с политработниками, с бойцами. 8 апреля был зачитан акт, в котором отмечалась масса недостатков. После этого генерал Н.К. Клыков заболел окончательно. Комиссия вернулась в штаб фронта, а Власов остался во 2-й армии. Состоялся разговор по телеграфу Мерецкова с руководством армии:

«Мерецков. Кого выдвигаете в качестве кандидата на должность командарма?

Зуев (член Военного совета). На эту должность кандидатур у нас нет. Считаю необходимым доложить вам о целесообразности назначения командующим армией генерал-лейтенанта Власова.

Власов. Временное исполнение должности командующего армией необходимо возложить на начальника штаба армии полковника Виноградова.

Мерецков и Запорожец (Власову). Считаем предложение Зуева правильным. Как вы, товарищ Власов, относитесь к этому предложению?

Власов. Думаю, судя по обстановке, что, видимо, придется подольше остаться в этой армии. А в отношении назначения на постоянную должность, то, если на это будет ваше решение, я его, конечно, выполню.

Мерецков. Хорошо, после нашего разговора последует приказ»[86].

20 апреля 1942 года Ставка Верховного главнокомандования своей директивой № 170282 утвердила назначение заместителя командующего войсками Волховского фронта генерал-лейтенанта Власова командующим 2-й ударной армией по совместительству[87]. Клыкова, как заболевшего, вывезли на самолете в тыл.

После того как брешь, пробитая нами в районе Красной Горки, была закрыта, войска ударной группы 2-й ударной армии в течение двух недель пытались снова прорвать вражескую оборону на этом направлении, но безрезультатно. Несколько удачнее

развивалось наступление 54-й армии Ленинградского фронта. Она прорвала вражескую оборону западнее Киришей и продвинулась на десяток километров. В результате тяжелых и напряженных боев, длившихся в течение всей первой половины марта, ее войскам удалось продвинуться затем еще на 10 километров, но для дальнейшего развития наступления у нее уже не было сил.

В первой половине марта началось затухание наступательных действий на всех направлениях. 2-я ударная армия, вклинившись в глубину расположения противника на 60—70 километров, захватила между дорогами Чудово — Новгород и Ленинград — Новгород большой лесисто-болотистый район. Ее передовые части стояли в 15 километрах от Любани и в 30 километрах от 54-й армии Ленинградского фронта, наступавшей на Любань с другой стороны. Крупная группировка войск противника, зажатая нами в мешке с горловиной в 30 километров, так и осталась там. Завершить окружение и разгромить группировку у нас тогда не хватало сил, а может быть, и умения.

Началась весна 1942 года, а с нею пришли новые заботы. 2-я ударная армия, проникнув глубоко в расположение противника, очутилась в тяжелом положении. Нависла угроза активизации противника, прежде всего ударов его войск по флангам горловины прорыва и перехвата коммуникаций 2-й ударной армии. Тяжесть положения этой армии усугублялась еще тем, что начиналась распутица, нарушилось снабжение.

Напрашивались три варианта решения задачи: первый — просить Ставку усилить фронт хотя бы одной армией и, пока не наступила полная распутица, добиться оперативного успеха; второй — отвести 2-ю ударную армию из занятого ею района и при благоприятной обстановке искать решения оперативной задачи на другом направлении; третий — перейти к жесткой обороне на достигнутых рубежах, переждать распутицу, а затем, накопив силы, возобновить наступление.

Мы придерживались первого варианта. Он давал возможность использовать уже достигнутые результаты и закончить операцию до конца зимней кампании. Не возражала против него и Ставка. Преимущество этого варианта заключалось в том, что он оказывал непосредственное влияние на смягчение обстановки под Ленинградом, а при благоприятном исходе операции достигалось снятие блокады…

И, как бы подтверждая наши опасения, немецкое командование, стянув к участку прорыва свежие части, в том числе пехотную и полицейскую дивизию СС, направило их против наших войск, обеспечивавших коммуникации 2-й ударной армии

в районе шоссейной и железной дорог Чудово — Новгород. Оборонявшиеся там части 59-й и 52-й армий, подавленные мощным артиллерийско-минометным огнем и авиацией, не смогли противостоять натиску врага. 19 марта ему удалось закрыть горловину вклинения в четырех километрах к западу от Мясного Бора и тем самым перерезать коммуникации 2-й ударной армии.

Узнав о наступлении противника, я выехал в войска, чтобы на месте принять меры противодействия. Из Ставки в свою очередь последовало указание силами левофланговых соединений 59-й совместно с 52-й армией не допустить перехвата противником коммуникаций 2-й ударной армии и разгромить контратакующие части врага. Руководство боевыми действиями возлагалось на меня лично…

Почти все дни, пока шел бой за очищение коммуникаций 2-й ударной армии, я находился в войсках и лишь изредка приезжал в штаб 52-й армии, чтобы принять решение по вопросам, связанным с действиями всего фронта. Большую часть времени мы проводили в 376-й дивизии. Мне довелось многое повидать за годы войны. И вот сейчас, перебирая в памяти увиденное, полагаю, что те недели были для меня самыми трудными. По накалу событий, по нервному напряжению, им сопутствовавшему, вряд ли можно их с чем-либо сравнить.

Новый наш удар завершился успехом. Части противника, оседлавшие дорогу, были смяты и отброшены в северном и южном направлениях. Горловина приоткрылась, и во 2-ю ударную армию опять пошли транспорты с продовольствием, фуражом и боеприпасами.

Когда угроза окружения была окончательно ликвидирована, командование фронта приступило к подготовке нового наступления на Любань. В качестве первого шага мы начали формирование 6-го гвардейского стрелкового корпуса на базе выведенной в резерв фронта гвардейской стрелковой дивизии. Другие соединения и части поступали из резерва Ставки. Корпус предназначался для усиления 2-й ударной армии. По количеству войск и вооружению он был даже сильнее 2-й ударной армии в ее первоначальном составе.

Но запланированному наступлению не суждено было свершиться. 23 апреля 1942 года Волховский фронт решением Ставки был преобразован в Волховскую оперативную группу Ленинградского фронта. Это решение явилось для меня полной неожиданностью. Я никак не мог понять, ради чего было предпринято подобное объединение. На мой взгляд, в этом не было ни оперативной, ни политической, ни какой бы то ни было

иной целесообразности. Вскоре, однако, все прояснилось. Будучи в Ставке, я узнал, что командующий Ленинградским фронтом генерал М.С. Хозин утверждал: если Волховский фронт присоединить к Ленинградскому, то он имеющимися в Волховском фронте силами решит задачу по деблокированию Ленинграда. И Ставка пошла на объединение фронтов. 6-й гвардейский стрелковый корпус и еще одна стрелковая дивизия из состава Волховского фронта с согласия М.С. Хозина передавались Северо-Западному фронту.

Обо всем происшедшем я узнал только 23 апреля, когда генерал Хозин с директивой в кармане и в весьма веселом настроении появился в штабе нашего фронта. Ознакомившись с директивой, я прежде всего обратил внимание генерала Хозина на необходимость усиления 2-й ударной армии и посоветовал ему обязательно сохранить 6-й гвардейский стрелковый корпус. Но М.С. Хозин, видимо, имел свое мнение и со мной не согласился. Тогда я, прежде чем покинуть фронт, позвонил в Ставку относительно 6-го гвардейского корпуса. Мне ответили, что я за судьбу 2-й ударной армии могу не беспокоиться…»

* * *

Хозин:

«28 февраля Ставка Верховного Главнокомандования уточнила задачи 2-й ударной армии Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта. Эти армии должны наступать навстречу друг другу и соединиться в Любани с целью окружения и уничтожения любань-чудовской группировки, а по выполнении этой задачи наступать на Тосно и Сиверскую с целью ликвидации мгинской группировки и снятия блокады с Ленинграда.

Эта директива означала, по существу, отказ Ставки от своего первоначального замысла, изложенного в директиве от 17 декабря. Поняв, что для его выполнения не хватает ни сил, ни средств, Ставка предложила последовательно разгромить вначале любань-чудовскую, а затем уже мгинскую группировки. Будь такое решение принято вначале, т. е. при организации операции, возможно, и исход ее был бы другой. Но в конце февраля, когда последовала уточненная директива Ставки, положение изменилось, силы и средства оказались израсходованными, а Ставка, по условиям той обстановки, которая сложилась на всем советско-германском фронте, не могла дать необходимое для развития операции усиление. Поэтому наступление и в измененных направлениях также имело незначительные

результаты. Продвижение 2-й ударной и 54-й армий захлебнулось, наши войска остановились, не дойдя до Любани 10—12 километров.

Не дало ощутимых результатов наступление Волховского фронта и 54-й армии Ленинградского фронта в марте и апреле 1942 года. Оно опять-таки протекало медленно, часто приостанавливалось из-за отсутствия резервов и материально-технических ресурсов (танки, боеприпасы, самоходная артиллерия и др.). Эти остановки-паузы были довольно значительны, причем происходили они разновременно для обоих фронтов. Ленинградский фронт, к примеру, израсходовав свои ресурсы, прекращал наступление, а Волховский, пополнившись людьми и материальными ресурсами, наоборот, приступал к его продолжению после паузы. Но вот начинает наступать 54-я армия Ленинградского фронта, а к этому времени войска Волховского фронта фактически уже остановились. Такая несогласованность действий фронтов была на руку противнику. Располагая автотранспортом и используя хорошую сеть дорог, он имел возможность маневрировать резервами, сосредоточивать силы на направлениях наших ударов и легко их парировать. У основания вклинения 2-й ударной армии враг прочно удерживал район Спасская Полисть, Любцы и контратаками с севера и юга вдоль железной дороги и шоссе Новгород — Чудово все время сужал пробитую в его фронте брешь. В результате этих контратак немецко-фашистскому командованию к 26 марта удалось соединить свою чудовскую и новгородскую группировки, создать внешний фронт по реке Полисть и внутренний фронт по реке Глушица. Таким образом, коммуникации 2-й ударной армии и нескольких соединений 59-й армии были прерваны. С этого момента началась трагедия для наших войск, практически оказавшихся в окружении. Ее можно было предотвратить, если бы наше командование более внимательно отнеслось к обеспечению флангов наступающей ударной группировки. Начавшиеся еще в феврале настойчивые контратаки противника, а также переброска его резервов в районы Спасская Полисть и Любцы давали возможность разгадать замысел врага, тем более что развитие прорыва в глубину со стороны наших войск затянулось.

Для ликвидации войск, прервавших коммуникации 2-й ударной армии, решением командующего Волховским фронтом были привлечены 372-я стрелковая дивизия, 24-я и 58-я отдельные стрелковые бригады, 4-я и 24-я гвардейские стрелковые дивизии и 7-я танковая бригада под общим командованием генерала И.Т. Коровникова. Командующему 52-й армией генералу В.Ф. Яковлеву приказано было очистить дорогу

Мясной Бор — Новая Кересть…

30 марта командующий Волховским фронтом донес в Ставку, что ликвидация противника, прорвавшегося в стыке 59-й и 52-й армий, развивается успешно и что коммуникации 2-й ударной армии уже освобождены; в ближайшие два дня командование фронта намеревалось завершить разгром вражеской группировки, оборонявшейся к юго-западу от Спасской Полисть и восстановить положение на фронте 52-й армии в районе Земтицы. Однако это донесение не совсем точно отражало действительное положение. Прорыв-то был сделан, но его ширина не превышала 1,5—2 километров. По такому узкому коридору только ночью могли двигаться небольшие группы солдат, отдельные орудия, повозки, используя колонный путь с жердевым настилом в болотистых местах. В свое время, когда в январе ширина прорыва достигала 8—10 километров, для подвоза 2-й ударной армии всего необходимого и вывоза больных и раненых, а также эвакуации неисправной техники строилась узкоколейка. Закончить ее не успели, а затем в связи с развернувшимися здесь упорными боями было уничтожено и то, что сделали. 9 апреля 1942 года противник юго-западнее Спасской Полисти вновь продвинулся вперед и еще более сузил горловину. Таким образом, по существу коммуникация 2-й ударной армии восстановлена не была…

Пришла весна. Кто бывал на северо-западе нашей страны, знает, что такое там распутица. Хороших мощеных дорог вообще немного, а в районе действий 2-й ударной и 54-й армий и того меньше, поэтому приходилось использовать грунтовые, проселочные дороги и сделанные войсками жердевки. ВВС фронта продолжали снабжать 2-ю ударную армию продовольствием, фуражом, боеприпасами и медикаментами.

Погода и распутица неизбежно внесли свои коррективы в общий ход боевых действий. Хотя в сводках того времени и отмечалось, что 59-я армия вела бои с противником, занимающим район Спасская Полисть, нужный результат не был достигнут. По-моему, вряд ли вообще имели место бои в том смысле, как это принято понимать. Вероятнее всего, дело ограничивалось артиллерийской, ружейной и пулеметной перестрелкой…

21 апреля 1942 года меня пригласили в Ставку. Причиной вызова явилось то, что я неоднократно в разговорах по прямому проводу с ответственными лицами Ставки высказывал претензии по поводу того, что операция по снятию блокады с Ленинграда между Ленинградским и Волховским фронтами идет несогласованно, разрозненно, что противник, пользуясь этим, легко парирует наши удары. Я просил, чтобы Ставка более централизованно руководила Ленинградским и Волховским

фронтами, направляя их усилия на решение главной задачи, и не только организовывала взаимодействие между фронтами, но и своевременно питала фронты людскими и материальными ресурсами.

В итоге моего доклада в присутствии Б.М. Шапошникова, А.М. Василевского и некоторых членов ГКО И.В. Сталин предложил в целях лучшего взаимодействия войск объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый фронт. Такое предложение явилось неожиданным не только для меня, но, как я понял, и для других присутствовавших. Дело прошлое, но мне представляется, что в первый момент никто из нас глубоко не мог продумать, насколько оно было приемлемо. Впоследствии жизнь показала нецелесообразность этого решения. Но тогда ни я, ни кто другой не возразили, да и вообще в то время при колоссальном авторитете, которым пользовался Сталин, вряд ли кто мог возразить.

(Это не совсем верно. По воспоминаниям М.С. Хозина, во время его пребывания в Ставке 21 апреля сам Сталин в присутствии Шапошникова и Василевского предложил объединить оба фронта в один под командованием Хозина. Такой вариант решения якобы явился для Михаила Семеновича неожиданным, но он не стал протестовать, так как тогда еще будто бы не мог представить всю «нецелесообразность» данного решения, а кроме того, другие участники совещания тоже протеста не выразили, поскольку были подавлены авторитетом Сталина. Но вот как об этом рассказывает А.В. Василевский. По его словам, Хозин не просто говорил о координации усилий двух фронтов, а поставил вопрос об их объединении и предложил себя в качестве командующего. « Б.М. Шапошников, — пишет Василевский, — сразу же выступил против такого предложения. И.В. Сталин, напротив, встал на позицию Хозина, и было принято решение о ликвидации Волховского фронта, передаче его войск Ленинградскому фронту»[88]. — *Н. В.)*

В тот же день поздно ночью была подписана директива, в которой Ставка Верховного Главнокомандования приказывала:

1. С 24 часов 23 апреля 1942 года объединить Ленинград ский и Волховский фронты в единый — Ленинградский фронт в составе двух групп:

а) группы войск ленинградского направления (23, 42, 55-я армии, Приморская и Невская группа войск);

б) группы войск волховского направления (8, 54, 4, 2-я ударная, 59-я и 52-я армии, 4-й и 6-й гвардейские корпуса и 13-й кавалерийский корпус).

2. Командующим Ленинградским фронтом назначить

генерал-лейтенанта Хозина, возложить на него и командование группой войск волховского направления.

Одновременно мне устно было приказано разработать план вывода 2-й ударной армии из мешка, в котором она в это время оказалась.

Довольно скоро нам пришлось убедиться, что в результате объединения фронтов дело не только не улучшилось, а, наоборот, ухудшилось. Управление войсками двух фронтов крайне осложнилось, что не могло не сказаться на действиях войск. Прибыв в Малую Вишеру в штаб Волховского фронта с указанной директивой и вступив в командование Волховской группой, я начал изучать обстановку. Ничего утешительного не было. Прямо надо сказать, обстановка была очень тяжелой, 2-я ударная армия и часть соединений 59-й армии, которые вели борьбу с противником, занимавшим выступ у Спасской Полисти с западной стороны, фактически находились в окружении…

В результате изнурительных боев, которые продолжались три с половиной месяца, войска Волховского фронта, особенно 2-й ударной и 59-й армий, морально устали, понесли большие потери и не выполнили возложенной на них задачи. Многие соединения имели до 60—70% некомплект в живой силе. Танковые бригады и отдельные танковые батальоны остались без танков, артиллерия — без боеприпасов. Этим и объясняется, прежде всего, тот факт, что соединения 59-й армии не смогли ликвидировать выступ у Спасской Полисти, обороняемый одной только 61-й пехотной дивизией противника. Немецко-фашистское командование, прочно владея районом Спасской Полисти и выступом юго-западнее этого пункта, а также районом Любцы, все время угрожало прервать проход шириной 1,5—2 километра в районе Мясного Бора. Наступившая весна окончательно испортила имевшийся здесь колонный путь. Поэтому наземный транспорт доставлял продовольствие, фураж, боеприпасы в мизерных дозах, не обеспечивавших войска двух армий, действовавших в горловине и в мешке»[89].

* * *

Кирилл Афанасьевич после освобождения от должности командующего Волховским фронтом был направлен заместителем Жукова — командующего Западным направлением. При первой же встрече с Георгием Константиновичем он сказал, что предпочел бы работу меньшую по объему, но более самостоятельную. Он был назначен командующим 33-й армией.

Трагедия 2-й ударной армии

2-й ударной (26-й) армии не везло с самого ее возникновения. Ее создали в июле 1940 года в Киевском Особом военном округе, а через год ликвидировали. Спустя месяц, в начале октября 1941-го, она вновь стала спешно воссоздаваться и с ходу вступила в тяжелые оборонительные бои со 2-й танковой армией фашистов, наступавшей на орловско-тульском направлении. В районе Мценска армия понесла большие потери. 25 октября ее полевое управление было расформировано, а войска переданы в состав 50-й армии Брянского фронта.

Почти одновременно (30 октября) она возродилась на основании директивы Ставки ВГК в Приволжском военном округе.

Люди (рядовой состав), призванные в ее части, были сугубо «гражданские», совершенно не обученные в военном отношении. Под стать солдатам были и командиры. Не блистало и высшее руководство армии. Все это, естественно, сказалось на действиях частей, соединений и армейского штаба с первых же месяцев пребывания на Волховском фронте.

Мерецков дал довольно нелестную характеристику командующему 2-й ударной армией генерал-лейтенанту Г.Г. Соколову. Он брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же у него ничего не получалось. Видно было, что его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах. Вот выдержка из его приказа № 14 от 19 ноября 1941 года:

«1. Хождение, как ползанье мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак — затемно, перед рассветом, а обед — затемно, вечером. Днем удастся хлеба или сухарь с чаем пожевать — хорошо, а нет — и на этом спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем — и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем колоннами больше роты ходить нельзя, а вообще на войне для похода — ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцами и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!»

На совещании, которое Военный совет фронта созвал перед началом наступления на командном пункте 2-й ударной армии, командиры соединений выражали возмущение поверхностным

руководством со стороны командарма. На этом же совещании выяснилось, что генерал Соколов совершенно не знал обстановки, не ведал, что делают и где находятся соединения его армии, был далек от современного понимания боя и операции, цеплялся за старые методы и способы вождения войск. И когда эти методы не помогали, у него опускались руки. Было ясно, что он не способен руководить войсками армии.

Мерецкову пришлось просить Ставку Верховного главнокомандования о замене командующего 2-й ударной. Соколов был отозван в Москву. Его преемником стал генерал-лейтенант Клыков. Затем Клыкова сменил А.А. Власов.

Андрей Андреевич Власов после окончания Военной академии имени М.В. Фрунзе командовал полком, дивизией. В 1938—1939 годах — советник в Китае.

Великая Отечественная война для Власова началась подо Львовом. За умелые действия он получил благодарность и по рекомендации Хрущева был назначен командующим 37-й армией, защищавшей Киев. В ноябре 1941 года Сталин вызвал Власова и приказал ему сформировать 20-ю армию, которая входила бы в состав Западного фронта и обороняла столицу. Эта армия в начале декабря в районе деревни Красная Поляна (в 27 километрах от Москвы) под командованием Власова остановила части немецкой 4-й танковой армии[90].

Жуков оценивал действия Власова так: «Лично генерал-лейтенант Власов в оперативном отношении подготовлен хорошо, организационные навыки имеет. С управлением войсками справляется вполне». После успехов под Москвой Власова, наряду с другими генералами РККА, называют «спасителем столицы». По заданию Главного политуправления о Власове пишется книга под названием «Сталинский полководец».

* * *

Об этом «сталинском полководце» К.А. Мерецков скажет следующее: «Как он вел себя в течение тех полутора месяцев, когда являлся моим заместителем… Этот авантюрист, начисто лишенный совести и чести, и не думал об улучшении дела на фронте. С недоумением наблюдал я за своим заместителем, отмалчивавшимся на совещаниях и не проявлявшим никакой инициативы. Мои распоряжения Власов выполнял очень вяло. Во мне росли раздражение и недовольство. В чем дело, мне тогда было не известно. Но создавалось впечатление, что Власова тяготит должность заместителя командующего фронтом,

лишенная ясно очерченного круга обязанностей, что он хочет получить "более осязаемый" пост»…

В свою очередь, Власов так же нелицеприятно характеризует (будучи в плену у немцев) Мерецкова: «Эгоист… Очень нервная, рассеянная личность. Спокойная беседа между командующим фронтом и командующими армиями была почти невозможна».

* * *

Некоторые историки, писатели пытаются за провал Любанской операции и трагедию 2-й ударной армии очернить Мерецкова и частично его последователя Хозина. Одни, например, обвиняют Мерецкова в том, что он по своей трусости (перед Сталиным) и даже чуть ли не умышленно (из-за неприязни к Власову) загнал в фашистский мешок 2-ю ударную армию. Генерал-лейтенанта Хозина винят в том, что он из амбиции не выполнил директиву Ставки об отводе войск армии с занятых рубежей. В результате она оказалась в «долине смерти». Другие объясняют неудачи Волховского фронта полководческой бездарностью военачальников.

Принять такую их позицию как бесспорную было бы неправильно. Конечно, и Мерецков, и Хозин допустили немало просчетов, руководя боевыми действиями в период борьбы за освобождение Ленинграда от фашистской блокады. Но ведь это был сложнейший период войны, когда на самом верху власти страны и вооруженных сил и тем более в действующих войсках царили нервозность, суматоха. Неверные решения зачастую принимала Ставка Верховного главнокомандования, а уж что говорить о командующих фронтами и армиями…

Мерецков об этом периоде писал: «В то тяжелое для нашей Родины время все мы стремились к тому, чтобы быстрее добиться перелома в борьбе с врагом, и, как ни тяжело признаваться в этом, допускали ошибки… Но мы верили в нашу победу… За победу над врагом человечества — фашизмом мужественно сражались и умирали советские люди».

Как известно, в апреле Мерецков был освобожден от руководства Волховским фронтом (по мнению Сталина, он допустил серьезные просчеты). 8 июня 1942 года был снят с должности командующего Ленинградским фронтом и Волховской группой войск Хозин. Причем с красноречивой формулировкой: «За невыполнение приказа Ставки о своевременном и быстром отводе войск 2-й ударной армии, за бумажно-бюрократические методы управления войсками, за отрыв от войск, в результате

чего противник перерезал коммуникации 2-й ударной армии и последняя была поставлена в исключительно тяжелое положение».

Со снятием Хозина с комфронтом и переводом его на 33-ю армию был возрожден Волховской фронт, и командовать им вновь был поставлен Кирилл Афанасьевич Мерецков. Он пишет в воспоминаниях, что Сталин в беседе с ним на редкость самокритично признался: «Мы допустили большую ошибку, объединив Волховский фронт с Ленинградским. Генерал Хозин, хотя и сидел на волховском направлении, дело вел плохо. Он не выполнил директивы Ставки об отводе 2-й ударной армии. В результате немцам удалось перехватить коммуникации армии и окружить ее. Вы, товарищ Мерецков, — продолжал Сталин, обращаясь ко мне, — хорошо знаете Волховский фронт. Поэтому мы поручаем вам вместе с товарищем Василевским выехать туда и во что бы то ни стало вызволить 2-ю ударную армию из окружения, хотя бы даже без тяжелого вооружения и техники».

* * *

Мерецков вернулся на воссозданный Волховский фронт, а Ленинфадским фронтом стал командовать генерал-лейтенант Л.А. Говоров.

Мерецков немедленно приступил к выполнению приказа Верховного. Он высвободил три стрелковые бригады и некоторые другие части и направил их в район Мясного Бора, чтобы снова пробить проход к блокированным войскам 2-й ударной армии, но сил оказалось недостаточно. Ожесточение битвы с обеих сторон нарастало.

А из обреченной армии шли сообщения:

«Военному совету Волховского фронта. Докладываю: войска армии в течение трех недель ведут напряженные ожесточенные бои с противником… Личный состав войск до предела измотан, увеличивается количество смертных случаев и заболеваемость от истощения возрастает с каждым днем. Вследствие перекрестного обстрела армейского района войска несут большие потери от артминометного огня и авиации противника… Боевой состав соединений резко уменьшился. Пополнять его за счет тылов и спецчастей больше нельзя. Все, что было, взято. На 16 июня в батальонах, бригадах и стрелковых полках осталось в среднем по нескольку десятков человек. Все попытки восточной группы армии пробить проход в коридоре с запада успеха не имели. *Власов. Зуев. Виноградов».*

«21 июня 1942 года. 8 часов 10 минут. Начальнику ГШКА. Военному совету фронта. Войска армии три недели получают по пятьдесят граммов сухарей. Последние дни продовольствия совершенно не было. Доедаем последних лошадей. Люди до крайности истощены. Наблюдается групповая смертность от голода. Боеприпасов нет… *Власов. Зуев».*

Бригады Волховского фронта, яростно пробивавшие коридор, все-таки отбросили гитлеровцев. Удалось создать небольшой свободный проход, через который начали движение разрозненные группы изнуренных и деморализованных бойцов и командиров. Выход окруженцев продолжался до 25 июня, пока противник не ликвидировал коридор.

Всего из окружения вышло до 16 тысяч человек. В боях было убито 6 тысяч красноармейцев 2-й ударной армии, еще 8 тысяч человек пропали без вести. Можно полагать, что значительная часть из них погибла от голода, болезней, остальные попали в плен. Попали в плен и сотни, тысячи раненых, находившихся в окружении в армейском госпитале, медсанбатах.

Какова судьба командования 2-й ударной армии? О Власове до 11 июля никаких достоверных сведений не имеется. Показания различных свидетелей не дают четкого ответа (только разного рода предположения и сомнительные рассказы) на вопрос, где он укрывался следующие три недели — бродил ли в лесу или же существовал некий запасной КП, к которому пробиралась его группа. 11 июля 1942 года в деревне староверов Туховежи Власов был выдан местными жителями (по другой версии — сдался в плен сам) патрулю 28-го пехотного полка 18-й армии вермахта. Член Военного совета армии дивизионный комиссар Зуев застрелился, начальник штаба Виноградов умер от тяжелого ранения.

Многие из оставшихся в окружении держались до конца, в плен попали в основном совершенно обессиленные, измученные люди, нередко раненые, контуженные, в полубессознательном состоянии. Некоторые под угрозой пленения покончили с собой, другие смогли выйти к своим или пробраться к партизанам, как, например, комиссар 23-й бригады Аллахвердиев, ставший командиром партизанского отряда. В партизанских отрядах сражались также воины 267-й дивизии, среди них военврач Гуринович, политрук Вдовенко, медсестра Журавлева.

Власов сознательно изменил Родине, перешел на сторону врага. Находясь в Винницком военном лагере для пленных высших офицеров, он согласился сотрудничать с нацистами и возглавил «Комитет освобождения народов России« (КОНР) и «Русскую освободительную армию« (РОА), которые составляли

пленные советские военнослужащие.

Бывший заместитель командующего Волховским фронтом выступил с открытым письмом «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Кроме того, он подписывал листовки, призывающие свергнуть сталинский режим, которые впоследствии разбрасывались нацистской армией с самолетов на фронтах, а также распространялись среди военнопленных.

В мае 1945 года Власов был захвачен военнослужащими 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта неподалеку от города Пльзень в Чехословакии. Танкисты корпуса преследовали машину Власова: капитан-власовец сообщил, что именно в этой машине находится его командующий. Власов был доставлен в штаб маршала И.С. Конева, оттуда — в Москву

30—31 июля 1946 года состоялся закрытый судебный процесс по делу А.А. Власова, С.К. Буняченко, В.Ф. Малышкина, В.И. Мальцева, М.А. Меандрова, Ф.И. Трухина и других руководителей власовского движения. Все они признаны виновными в государственной измене. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР они были лишены воинских званий и 1 августа повешены.

Любанская операция закончилась трагично. От этой правды никуда не деться. Вместе с тем нельзя не отметить, что, принеся огромные жертвы, она перемолола несколько полнокровных немецких дивизий, отвлекла силы от Ленинграда. Захват фашистами Северной столицы не состоялся. Любанская операция стала предтечей перехода стратегической инициативы к советским войскам.

ИЗМУЧЕННЫЙ ГОРОД СПАСЕН

Затрещала стена фашистской блокады

Положение Ленинграда с каждым днем ухудшалось. Город на Неве с почти трехмиллионным населением погибал от непрерывных обстрелов немецких крупнокалиберных орудий, авиационных бомбардировок и голода. Рушились неповторимой архитектуры здания, но главное — гибли тысячами ленинградцы. Множились случаи смертности на улицах, убийств и ограблений граждан с целью завладения продуктовыми карточками. Росло людоедство, люди сходили с ума, теряли человеческий облик.

* * *

Наступил август 1942 года. Кирилл Афанасьевич мечтал хотя бы о небольшой передышке для Волховского фронта. Только что закончилась тяжелая Любанская операция, солдаты устали от изнурительных боев. Однако он понимал: рассчитывать на отдых нельзя. Ленинград изнемогал в ожидании снятия блокады, а фашисты в это время готовились к решительному штурму с целью стереть город с лица земли. Задача Красной армии — как можно быстрее разорвать кольцо окружения. Это сейчас для командования Волховского и Ленинградского фронтов было главным.

Два месяца назад Волховская оперативная группа (бывший Волховский фронт так называемого первого формирования) была вновь преобразована во фронт и его вновь возглавил Мерецков. Фронт занимал линию между озерами Ладожским и Ильмень. Начинаясь к востоку от Новгорода и спускаясь по реке Волхов, эта линия неподалеку от Киришей делала дугу, изгибаясь в сторону Шлиссельбурга.

Штабы Волховского и Ленинградского фронтов, а также Ставку заинтересовало синявинское направление, где войска Волховского и Ленинградского фронтов разделяло всего лишь 16-километровое пространство, занятое и укрепленное противником. Это был шлиссельбургско-синявинский выступ севернее параллели Лодва — Ям — Ижора.

Здесь, думалось Мерецкову, прорыв обороны противника и соединение с войсками Ленинградского фронта в случае успеха могли быть осуществлены за два-три дня. Вместе с тем он понимал, что при проведении операции неизбежно возникнет немало непредвиденных трудностей.

Ставка одобрила идею командующего Волховским фронтом.

Она рассчитывала, помимо прорыва блокады, активными действиями на северо-западном направлении сковать вражеские войска и не позволить противнику перебрасывать свои силы на юг, где в то время развертывались решающие события.

Район шлиссельбургско-синявинского выступа обороняли пять дивизий вермахта. Но только две из них были обращены фронтом на восток против войск Волховского фронта и находились на участке главного удара. Еще одна дивизия находилась в прикрытии. Выступ был защищен прочным рубежом глубокоэшелонированной и высокоорганизованной обороны во всех отношениях. На один километр приходилось по одному пехотному батальону, по 7—8 противотанковых орудий, столько же дзотов и пулеметных площадок. Помимо первой позиции, имелась вторая, где оборудовались отдельные опорные пункты. Особенно прочными были укрепления на Синявинском плато, высота которого достигала 10—15 метров.

Командование Волховского фронта учитывало возможность быстрого маневра боевых сил и средств противника. Уже с первых часов наступления советских войск немцы могли сосредоточить на опасном направлении необходимое количество авиации, поддерживающей группу армий «Север», а также перебросить с соседних участков отдельные подразделения и части. На второй-третий день могли быть перегруппированы в район выступа более мощные резервы 18-й армии.

Волховский фронт на этот момент имел шесть общевойсковых армий: 4, 8, 52, 54, 59, 2-ю ударную. И еще 14-ю воздушную армию. Военный совет фронта для выполнения поставленных задач выделил семь дивизий против трех вражеских: от 8-й армии — четыре, от 4-го гвардейского стрелкового корпуса — две и от 2-й ударной армии — одну. Кроме того, благодаря заботам Ставки фронт располагал возможностью привлечь к операции около 26 артиллерийских и минометных полков, в том числе четыре артиллерийских полка большой мощности, пять гвардейских минометных полков, из них три тяжелых, десять гвардейских отдельных минометных дивизионов, четыре зенитных артиллерийских полка, четыре зенитных артиллерийских дивизиона и другие средства. Всего для прорыва предназначалось более 600 орудий и минометов, не считая артиллерийских орудий и минометов дивизий, 100 гвардейских минометных установок, свыше 50 танков. Средняя плотность орудий и минометов составляла от 70 до 100 на один километр фронта. В целом превосходство в живой силе составляло более чем в два раза, в артиллерии — почти в четыре.

Мерецков решил построить ударную группировку войск в три

эшелона. В первом — соединения 8-й армии. Им придавались почти все средства усиления артиллерии и танков. Они должны были прорвать оборону противника на участке от мыса Бугровского на южном берегу Ладожского озера до Воронова и овладеть селением Синявино, озером Синявинским и районом Карбусель. Во второй эшелон предполагалось поставить 4-й гвардейский стрелковый корпус, предназначенный для развития успеха наступления 8-й армии и завершения прорыва обороны. В третьем эшелоне находились стрелковая дивизия и стрелковая бригада 2-й ударной армии в готовности к вводу в сражение для разгрома вражеских резервов на завершающем этапе операции.

Местом проведения операции шлиссельбургско-синявинский выступ был избран не случайно. Учитывались несколько факторов. Основные из них: это направление выводило с юго-востока самыми кратчайшими путями к Неве и Ленинграду; неожиданность для противника наступления Красной армии на этом участке: немцы вряд ли предположат, что именно здесь, в самом укрепленном отрезке обороны и на такой тяжелой болотно-лесистой местности, им будет нанесен удар.

Местность в районе выступа была действительно тяжелой, крайне непригодной для развертывания наступательных действий. Обширные торфоразработки, протянувшиеся от побережья Ладоги до Синявина, к югу — сплошные леса с большими участками болот. Единственным сухим местом были Синявинские высоты. Но фашисты сделали их неприступными. Повсюду вдоль рек и озер, вдоль оврагов и болот, по кромкам лесных массивов протянулись позиции со множеством узлов сопротивления и опорных пунктов. В центре узлов сопротивления располагались артиллерийские и минометные батареи. Личный состав размещался в прочных блиндажах, а передний край был прикрыт проволочными и минно-взрывными заграждениями.

21 августа неподалеку от Тихвина встретились руководители Волховского, Ленинградского фронтов и Балтийского флота. Волховцы познакомили ленинградцев и командующего Балтфлотом адмирала В.Ф. Трибуца с планом операции своего фронта и вместе обсудили степень их участия в ней. Было решено, что Невская оперативная группа во взаимодействии с авиацией свяжет активными действиями войска противника, расположенные в Шлиссельбурге кой горловине, и не допустит поворота их в сторону наступающих частей Волховского фронта. Если произойдет заминка с выходом к Неве, планировалось наступление Невской опергруппы с форсированием реки. Ленинградцы выразили желание начать наступление одновременно с Волховским фронтом.

Вскоре Ставка вызвала на доклад о готовности к проведению операции Военные советы обоих фронтов. Развернутый план ее представил Мерецков, озвучив желание командования Ленинградского фронта начать наступление одновременно с Волховским.

Сталин заметил:

— Ленинградцы хотят форсировать Неву, а сил и средств для этого не имеют. Мы думаем, что основная тяжесть в предстоящей операции должна лечь на Волховский фронт. Ленинградский же фронт окажет Волховскому фронту содействие своей артиллерией и авиацией.

Операция готовилась в строжайшем секрете. Благодаря этому выход ударных сил в исходные районы остался для гитлеровцев незамеченным.

Однако фашисты тоже оказались не лыком шиты. Готовясь к окончательному овладению Ленинградом, они скрытно перебросили для подкрепления своей группы армий «Север» значительную часть войск из Крыма (11-я армия под командованием генерал-фельдмаршала Манштейна) и дополнительно сосредоточили на подступах к блокированному городу крупные силы артиллерии и авиации.

Операция началась 27 августа. После артиллерийской подготовки, продолжавшейся 2 часа 10 минут, войска 8-й армии атаковали противника. И сразу его оборона дрогнула, а к исходу дня во многих местах была нарушена. Две стрелковые дивизии — 24-я гвардейская[91] (командир — полковник П.К. Кошевой) и 265-я (командир — полковник Б.Н. Ушинский) — преодолели реку Черную и вклинились в гитлеровские позиции на глубину 1,5—2,5 километра на участке Гонтовая Липка — Тортолово, овладев мощным тортоловским опорным пунктом. На второй день еще успешнее действовала 19-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника Д.М. Баринова. Она с упорными боями продвинулась на 5,5 километра и вышла на подступы к Синявино. 265-я дивизия захватила поселок 1-й Эстонский.

Противник начал переброску с соседних участков на угрожаемое направление не только пехотных и танковых подразделений и частей, но и артиллерии. Это сразу же почувствовали войска 8-й армии: немцы стали наносить сильные контрудары. Мерецков ввел в бой из второго эшелона 4-й гвардейский стрелковый корпус.

На третий день наступления в сражение вступили подошедшие части 11-й армии Манштейна. На стороне фашистов оказалось превосходство в силах.

Тогда Мерецков приказал ввести в бой свой третий эшелон. Но эта мера, как и ранее введенный в сражение 4-й гвардейский стрелковый корпус, не оказала существенного влияния на обстановку. Части 2-й ударной армии не помогли изменить ход событий, они лишь ликвидировали несколько огневых точек врага и местами улучшили занимаемое войсками положение. Мерецков отметит в своих воспоминаниях, что 2-я ударная не оправдывала тогда свое громкое название. К моменту ввода в сражение в нее входила одна стрелковая дивизия восьмитысячного состава и одна стрелковая бригада, поэтому никакого наращивания сил не произошло.

К 5 сентября против ослабленных семи дивизий Волховского фронта сражались девять вражеских, причем в большинстве своем свежих, хорошо укомплектованных и оснащенных. Теперь не только в живой силе, но и в артиллерии гитлеровцы имели превосходство.

Чтобы поддержать Волховский фронт, развернула наступательные действия Невская оперативная группа Ленинградского фронта. Однако действия ее оказались неэффективными. Попав под удар артиллерии и авиации, ленинградцы вскоре лишились почти всех переправочных средств. Форсирование Невы затормозилось, малочисленные подразделения, которым удавалось пересечь реку, сбрасывались противником в воду. Чтобы избежать напрасных потерь, Ставка Верховного главнокомандования в директиве от 12 сентября Военному совету Ленинградского фронта отдала приказ операцию по форсированию Невы прекратить.

Фашисты еще более активизировались. 10 сентября они нанесли мощный удар по флангу 2-й ударной армии, за ним последовали еще несколько других. Для Мерецкова и его штаба стало очевидным, что немцы намереваются ударами по северному и южному флангам вклинившейся группировки Волховского фронта взять ее в кольцо и разгромить. Пришлось перейти к обороне.

27 сентября начался отвод частей на восточный берег реки Черной, то есть на рубеж, который войска группировки фронта занимали до начала операции. Отражая непрерывные атаки превосходящих сил врага, стойко выдерживая массированный огонь артиллерии и удары авиации, дивизии остановились на прежнем рубеже.

Прорваться к Ленинграду не удалось, однако в ходе Синявинской операции блокада города зашаталась. Попытка врага организовать новое наступление на Ленинград сорвалась. Бывший командующий 11-й армией Э. Манштейн впоследствии

признавал, что после проведенной советскими войсками Синявинской операции о скором проведении наступления на Ленинград не могло быть и речи. Чтобы избежать катастрофы, вспоминал он, Гитлер приказал ему немедленно взять на себя командование этим участком фронта.

В это время на юге нашей страны разворачивалась грандиозная Сталинградская битва (она начнется 19 ноября 1942 года). Гитлеровцы стягивали туда большие силы. Планировалась переброска резервов и с Северо-Западного направления. Но теперь немецко-фашистское командование было серьезно озабочено Ленинградом: все труднее становилось удерживать блокаду. Оно было вынуждено усиливать группу армий «Север» за счет частей, прибывавших из Европы. А эти части так необходимы немцам на Волге.

Синявинская операция не достигла успеха из-за допущенных ошибок в ее подготовке и проведении. Командованию Волховского фронта недоставало умения вести операцию с применением крупных сил артиллерии и других средств борьбы против хорошо подготовленного и сильного противника. Были и другие недостатки, связанные с организацией взаимодействия артиллерии и авиации, противовоздушным и инженерным обеспечением в ходе боев. Также сказалась старая болезнь — недостаточная согласованность действий войск Волховского фронта с действиями Невской оперативной группы Ленинградского фронта.

Но, как говорится, на ошибках учатся. Лучше бы, конечно, на чужих.

Операция «Искра»

Новый план операции по прорыву ленинградской блокады стал созревать сразу после окончания Синявинской. Нужно было любой ценой проделать расширенный сухопутный проход в блокадном кольце, по которому срочно наладить снабжение города и войск Ленинградского фронта всем необходимым.

Маршал Василевский в своих мемуарах писал: «Сегодня у Вагановского спуска к Ладожскому озеру высится монумент в виде двух несмыкающихся полуарок, которые символизируют блокадное кольцо с просветом автомобильной трассы, названной ленинградцами "Дорогой жизни".

"Дорога жизни" не имеет прецедента в военной истории. Ее создание явилось одним из наиважнейших мероприятий, призванных облегчить положение города и его населения, обеспечить войска и силы флота всем необходимым для ведения боевых действий. Днем и ночью непрерывным потоком, нередко под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, шли в Ленинград автомашины, груженные продуктами питания, медикаментами, топливом, техникой, боеприпасами, а обратными рейсами увозили женщин, детей, стариков, раненых и больных…»

Но этой сезонной автотрассы было мало для того, чтобы поддерживать жизненные силы ленинградцев.

Ф. Гальдер, отмечая в своем дневнике трудности фашистских войск под Ленинградом, выражал надежду, что «положение здесь будет напряженным до тех пор, пока не даст себя знать наш союзник — голод». Гитлеровцам казалось, что еще немного — и город падет.

* * *

К концу декабря для войск Ленинградского и Волховского фронтов сложилась относительно выгодная в оперативном отношении обстановка. Как вспоминает Мерецков, его фронт активно готовился к прорыву блокады, накапливал силы для предстоящих боев.

Руководство фронтом к тому времени претерпело некоторые изменения: членом Военного совета фронта был назначен генерал-лейтенант Л.З. Мехлис (перед этим он был представителем Ставки на Крымском фронте и не оправдал возлагавшихся на него надежд), вместо Г.Д. Стельмаха начальником штаба стал генерал-лейтенант М.Н. Шарохин.

Мерецков и члены Военного совета фронта раздумывали над тем, где лучше всего нанести удар по врагу. Снова у Синявина? Или пробиваться к Чудову? А может, обойти противника с юга, от Новгорода?..

День и ночь проводилась разведка. Допрашивались пленные, изучались документы, добытые во вражеских штабах. Обобщались сведения, полученные от партизан.

«Чуть западнее места впадения Вишеры в Волхов вросло в землю наше небольшое предмостное укрепление, — вспоминал Мерецков. — Южнее по обе стороны 250-метровой реки раскинулся Новгород. В воде отражались его древние строения. Дома стояли с бесформенными зубчатыми проемами. Городские улицы перепоясаны вражескими окопами. На колокольнях установлены пулеметные точки и оборудованы наблюдательные пункты. С обратных скатов холмов, на которых стоит город, в нашу сторону то и дело с визгом неслись фашистские мины».

Важным опорным пунктом обороны противника на северной стороне был 40-метровый Банковский холм. Даже в самое сильное половодье вершина его оставалась сухой. Гитлеровцы превратили его в мощную артиллерийско-минометную цитадель, холм изрыгал огонь и свинец, на многие километры вокруг сея разрушения.

Недалеко от пересечения Волхова шоссейной дорогой из Будогощи в Чудово стояло селение Грузино. Через него шел передний край фашистского укрепления. Разбитое артиллерийскими снарядами, селение служило вражеской авиации одним из наземных ориентиров: здесь фашистские самолеты делали поворот от реки к железной дороге Москва — Ленинград, в сторону Горнешно и Малой Вишеры…

Еще зимой 1941 года удалось захватить на левом берегу Волхова, между устьями рек Оскуи и Тигоды, плацдарм, требовавший постоянного внимания. Линия фронта тянулась здесь через покрытые буреломом болота и островки, выглядевшие как плавучие рощи. Передвижение было возможно только по настилам. Дождливыми ночами колонны подносчиков тащили на себе патроны, снаряды и продовольствие, а возвращаясь, выносили раненых. После дождя настилы скрывались под водой. Тогда люди передвигались в болотной жиже иногда по пояс, толкая перед собой плоты, проваливались в воронки, обходили пни, кусты и затопленные проволочные заграждения.

Укрепляя плацдарм, командование заботилось о быте бойцов в этих суровых природных условиях, которые тоже надо было победить. Вколотив в болото сваи, бойцы крепили к ним настил. Через несколько дней он, как правило, уходил под воду. Тогда

строился новый, внутри блиндажа, под самым потолком, настилали полати, на которых лежали солдаты, ведя огонь через амбразуры. После дождя приходилось перебираться на крышу. Блиндаж превращался в островок, на котором воины несли боевую службу…

На фронт прибыли представители Ставки Ворошилов и Жуков. Они внимательно изучили обстановку и приняли решение прорывать блокаду возле Ладоги, чтобы соединить Большую землю и осажденный Ленинград прочным приозерным коридором.

Непосредственно вдоль Новоладожского канала боевые операции не велись с тех пор, как сюда прорвались через Мгу дивизии 18-й немецкой армии и сомкнули клещи блокады. Здесь было самое маленькое расстояние между Шлиссельбургом и Липками, но эта полоса была буквально забита мощными оборонительными укреплениями.

28 декабря Ставка утвердила план проведения прорывной операции, условно названной «Искра». Замысел ее сводился к тому, чтобы встречными ударами двух фронтов — Ленинградского и Волховского — разгромить вражескую группировку на шлиссельбургско-синявинском выступе, прорвать блокаду и восстановить сухопутную связь Ленинграда с центральными районами страны. Время начала операции было установлено на середину января 1943 года. Лучше бы на февраль, чтобы как следует подготовиться. Однако Ленинград не мог столько ждать.

Перед бойцами и командирами Волховского фронта вставали сложные задачи, решая которые необходимо было преодолеть влияние морально-психологического фактора: здесь, в районе шлиссельбургско-синявинского выступа, только что закончились бои, не давшие желаемого результата.

Мерецков понимал, что предстоящая операция увенчается успехом лишь в том случае, если действия Ленинградского и Волховского фронтов будут строго согласованы. В связи со сложностью ситуации в Ленинграде он вылетел в осажденный город, где была организована встреча командующих.

Встреча была недолгой, прошла в деловой обстановке.

— Какое участие сможете вы принять в предстоящей операции? — спросил Мерецков Говорова.

— Мы можем нанести встречный удар, но в том месте, где ваши войска находятся близко к Ленинграду. На глубокую операцию у нас сил не хватит, — ответил он.

Обсудили некоторые детали. Согласовали, где должны встретиться передовые части двух фронтов, — примерно в районе

железнодорожной ветки, что шла через Рабочие поселки № 5 и № 1.

По решению Ставки для прорыва блокады были образованы две ударные группировки. Первая состояла из войск 67-й армии (командующий — генерал-майор М.Н. Духанов) Ленинградского фронта, которая должна была форсировать Неву, прорвать оборону врага на участке Московская Дубровка — Шлиссельбург и соединиться с войсками Волховского фронта. Во вторую входила переформированная и пополненная 2-я ударная армия (командующий — генерал-лейтенант В. З. Романовский[92]) Волховского фронта. Ей предстояло при содействии части сил 8-й армии (командующий — генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков) наступать на участке Гайталово, Липки, разгромить неприятеля в восточной части шлиссельбургско-синявинского выступа и соединиться с войсками 67-й армии.

Ленинград осаждала 18-я армия вермахта (командующий — генерал-полковник Г. Линдеман), имевшая почти 26 дивизий и занимавшая полосу протяженностью до 450 километров от Балтийского моря до озера Ильмень. Наиболее плотная и сильная группировка войск находилась в «бутылочном горле» — «Flaschenhals» (так немцы называли шлиссельбургско-синявинский выступ между Ладожским озером и городом Мга; ширина его у берега Ладоги — 12 километров, у основания — 16—17 и от основания до озера — 15 километров). Фашисты здесь сконцентрировали около пяти дивизий, численность каждой достигала 10—12 тысяч человек, обученных действовать в лесисто-болотистой местности. В составе группировки насчитывалось до 450 орудий и 250 минометов различных калибров (плотность — около 28 орудий и минометов на километр), до 50 танков и штурмовых орудий. Действия сухопутных войск поддерживали несколько эскадрилий 1-го воздушного флота люфтваффе (до 450 самолетов).

Противник был готов к отражению атак как с западной, так и с восточной стороны. К югу от Шлиссельбурга перед войсками Ленинградского фронта передний край его обороны проходил по левому берегу Невы. Там был создан земляной вал шириной до одного и высотой до полутора метров с крутыми скатами и минными полями. Река хорошо просматривалась.

Перед Волховским фронтом также был построен прочный оборонительный рубеж. Целая система мощных опорных пунктов, соединенных двумя дерево-земляными валами высотой до полутора и толщиной до двух метров. С наступлением морозов гитлеровцы облили валы водой, превратив их в ледяные. Рубеж плотно насыщен огневыми средствами: оборудовано свыше 400

пулеметных точек и площадок с артиллерийскими установками. Сооружена сплошная сеть проволочных заграждений.

Чтобы опрокинуть такую оборону гитлеровцев, советским войскам необходимо было иметь значительное превосходство сил. Командование обоих фронтов его обеспечило.

Ударная группировка Ленинградского фронта, усиленная артиллерией Балтийского флота, в своем составе имела более 103 тысяч человек (численность стрелковых дивизий составляла 7—9 тысяч, стрелковых бригад — 5 тысяч, лыжных бригад — 2,5 тысячи человек), 1873 орудия и миномета калибром от 76 до 406 мм, 222 танка.

В составе 2-й ударной армии Волховского фронта насчитывалось 165 тысяч человек. В группировку прорыва входили 12 стрелковых дивизий, насчитывавших от 6,5 до 7 тысяч человек в каждой, 2 лыжные, 4 танковые и 2 инженерно-саперные бригады, 37 артиллерийских и минометных полков, отдельный танковый полк прорыва и 4 танковых батальона — всего около 130 тысяч человек. Группировка имела 2100 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, более 500 реактивных установок М-8 и М-13 и почти 300 танков и САУ, в том числе 30 тяжелых и 135 средних танков[93].

8-я армия обеспечивала левый фланг ударной группировки Волховского фронта и наносила удар частью своих сил: две стрелковые дивизии, стрелковая бригада, 679 орудий и минометов, 92 танка.

Наступающие войска поддерживала 14-я воздушная армия Волховского фронта во взаимодействии с 13-й воздушной армией Ленинградского фронта.

Таким образом, путем привлечения стратегических резервов и осуществления внутрифронтовых перегруппировок удалось создать перевес над противником: по дивизиям — 2:1 (двадцать против десяти), по артиллерии и минометам — 7:1 (около 5000 против 700), по танкам — 10,3:1 (539 против 50), по самолетам (с учетом авиации Балтийского флота) — 3,3:1 (829 против 250)[94].

Мерецков со своим штабом и командование 2-й ударной армии организовали и провели занятия и военные игры. Был обобщен боевой опыт ведения наступления в условиях лесисто-болотистой местности и суровой многоснежной зимы.

Войска наступающей группировки, прежде всего 2-й ударной армии, были построены в два эшелона с выделением резервов. В первом эшелоне восточнее населенного пункта Липки развертывалась 128-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф.Н. Пархоменко. Ее командование хорошо знало это направление по предыдущим оборонительным и наступательным боям. На

дивизию была возложена задача атаковать противника в секторе Рабочего поселка № 2 и обеспечить безопасность правого фланга армии со стороны Ладожского озера.

Южнее, на Рабочий поселок № 8, нацеливалась 372-я дивизия полковника П.И. Радыгина. Она находилась на Волховском фронте с момента его организации, участвовала в Любанской операции и имела большой опыт ведения наступательных боев в этой местности.

К югу от Рабочего поселка № 8 занимали позиции части 256-й стрелковой дивизии под командованием полковника Ф.К. Фетисова. Им предстояло наступать по равнинной торфяной местности, на которой гитлеровцы соорудили два дерево-земляных вала с большим количеством огневых точек.

В направлении рощи Круглая должна была действовать 327-я дивизия полковника Н.А. Полякова. В составе армии она с конца декабря 1941 года также участвовала в Любанской, а затем в Синявинской операциях, личный состав ее во всех боях проявил большую стойкость и упорство.

На левом фланге армии между рощей Круглая и деревней Гайтолово — 376-я стрелковая дивизия генерал-майора Н.Е. Аргунова. Она также принадлежала к соединениям-ветеранам Волховского фронта. Здесь же, на левом фланге армии, находилась и 314-я дивизия полковника И.М. Алиева. С переходом армии в наступление ее задачей являлось обеспечение левого фланга армии (со стороны рощи Круглая, Гайтолово) и стыка с 8-й армией.

Второй эшелон составляли пять дивизий. В резерв были выделены стрелковая дивизия и две лыжные бригады.

На первый эшелон возлагалась задача прорвать главную полосу обороны противника и овладеть укрепленными опорными пунктами: Рабочими поселками № 2 и 8, рощей Круглая. На второй — развить наступление до соединения с войсками Ленинградского фронта, вместе с которыми занять на юге рубеж в районе Синявина.

* * *

Накануне операции «Искра» на Волховский фронт приехал генерал-майор Д.И. Ортенберг, главный редактор газеты «Красная звезда». В своей книге «Сорок третий: рассказ-хроника», изданной в 1988 году, он поместил краткие заметки о том, что увидел на фронте, и впечатления от встречи с Мерецковым.

«Эту операцию мне посчастливилось увидеть своими глазами.

Поездка в Ленинград была мною задумана давно. Я бывал на многих фронтах, но как-то внутренне ощущал, что не съездить в Ленинград — значит не увидеть всей войны…

Наступление двух фронтов — Волховского и Ленинградского — намечалось на 12 января. Выехал я 10-го. Мой маршрут пролегал в объезд все еще занятых врагом районов. В памяти остались заметенные снегом полевые, а чаще всего лесные дороги. Стояли сильные, с колючим ветром и поземкой, морозы. Заночевали в деревушке, и чуть свет — дальше в путь. Неболчи, Тихвин, Волховстрой. На командный пункт Волховского фронта прибыли за день до наступления. Зашел к Мерецкову, командующему фронтом. Встретил меня человек выше среднего роста, широкоплечий, плотный. Серые глаза на его полном, со вздернутым носом, лице смотрели пронзительно, испытующе».

Далее Давид Иосифович рассказывает, что в это время комфронта как раз собирался в войска и посоветовал поехать вместе с ним.

Как гостеприимный хозяин, он предложил заправиться на дорогу и завел гостя в соседнюю комнату, где он жил. Принесли завтрак или обед, а быть может, и то и другое; время было предобеденное. На стол поставили чарки и «горючее», но комфронта к ним не притронулся. Ортенберг уже знал, что генерал Мерецков, отправляясь в войска, не позволял себе и капли в рот брать. И, конечно, он последовал его примеру.

Отправились в войска не на комфортабельной редакционной «эмке», на которой Ортенберг приехал из Москвы, а на открытом «виллисе». Гостя это не удивило. Он слышал и об этой привычке Кирилла Афанасьевича. Генерал требовал, чтобы командиры и политработники, в каких бы чинах они ни находились, ездили на фронт в открытых машинах. Если он встречал на дороге «виллис», на котором была надстроена «башня», останавливал и выговаривал:

— Почему прячетесь? Солдат должен вас видеть, а вы его…

Мерецков в открытой машине поеживался от пронизывающего ветра, то и дело прикрывая лицо рукавицами. Он терпел, и гостю пришлось показать свою выдержку.

В пути Ортенберг спросил командующего фронтом:

— Что, последняя проверка? Последние приготовления? Мерецков объяснил, что вплоть до 11 января, чтобы скрыть от вражеской разведки готовящуюся операцию, войскам было запрещено приближаться к исходным позициям. Вышли они только в эту ночь, надо посмотреть, как устроились, как готовятся к атаке.

Прибыли в 327-ю стрелковую дивизию полковника Полякова.

Она стояла на главном направлении удара, восточнее рощи Круглая. Заехали на КП дивизии, потом на командный пункт полка — они были почти рядом. Там вовсю кипела подготовка к наступлению. Здесь надолго не задержались, торопились на передовую, в ротные и взводные блиндажи и землянки, где солдаты должны были провести ночь перед штурмом… В обратный путь отправились за полночь по запутанным лесным дорогам. Шофером руководил сидевший с ним рядом адъютант Мерецкова капитан Борода. Проехали немало, пора уже быть командному пункту, а его все нет. Остановились. Мерецков вылез из машины. Огляделся, спросил адъютанта:

— Борода! Правильно мы едем? Куда?

— Едем правильно! — бодрым голосом ответил капитан и после небольшой паузы добавил: — А куда — не знаю…

Громкий смех нарушил ночную темень лесной глухомани. Поняв, что заблудились, Мерецков поменялся с адъютантом местами.

— Поехали, — сказал водителю и по каким-то заметным одному ему приметам вывел машину на верный путь…

Спустя много лет после войны Давид Иосифович навестил больного маршала Мерецкова на его даче. Он полулежал на диване и тихим голосом с грустью говорил о былом. Чтобы его развеселить, Ортенберг напомнил о той ночной поездке с Бородой. Маршал и впрямь развеселился. Он сказал, что с того времени фраза Бороды «Едем правильно, а куда — не знаю» стала на его фронте присловием, ее повторяли, плутая по тяжелым волховским дорогам…

* * *

12 января в 9 часов 30 минут около 2700 орудий и минометов Волховского и Ленинградского фронтов одновременно начали артиллерийскую подготовку. В ходе ее штурмовые группы и инженерные подразделения приступили к проделыванию проходов в заграждениях перед передним краем обороны гитлеровцев.

Через 1 час 45 минут под прикрытием огневого вала войска первого эшелона 2-й ударной и 8-й армий атаковали противника. Враг встретил наступающих сильным огнем. Стремительной атаки не получилось. Продвижение вперед частей волховчан проходило медленно и неравномерно. Несмотря на, казалось бы, мощную артподготовку, у фашистов сохранилось немало огневых средств и живой силы. Это из-за того, что в артподготовке

участвовало большое количество 76-мм орудий и 82-мм минометов, которые не могли оказать эффективного воздействия на прочные дзоты.

Потребовалось дополнительно вести огонь по сохранившимся огневым средствам противника как массированным сосредоточением его, так и применением орудий прямой наводки, на что было затрачено много времени.

Немцы упорно сопротивлялись, особенно в опорных пунктах Липка, Рабочий поселок № 8, роща Круглая и Гайтолово. Однако постепенно упорство врага было сломлено. В течение первого дня бойцы 327-й дивизии овладели рощей Круглая, где гитлеровцы оставили убитыми и ранеными свыше тысячи солдат.

Войска 67-й армии Ленинградского фронта, преодолев заграждения на обрывистом обледеневшем южном берегу Невы между 2-м Городком и Шлиссельбургом, смогли вклиниться в гитлеровскую оборону на глубину до трех километров.

Во второй и третий дни в сражение были введены дивизии второго эшелона 2-й ударной армии. В ответ противник в ночь на 14 января перебросил сюда свой резерв — две дивизии из района Киришей. Немцы попытались контратаковать, но были отбиты.

К исходу 14 января войска Волховского и Ленинградского фронтов находились уже в двух километрах друг от друга. Части противника, оборонявшие Липки и Шлиссельбург, оказались, по существу, изолированными от остальных своих сил, действовавших в районах 1-го и 2-го Городков, Синявина и в лесу юго-восточнее от него.

15—17 января войска 2-й ударной и 67-й армий настойчиво продвигались навстречу друг другу.

Мерецков отдал приказ наступающим частям сосредоточить усилия в направлении Рабочих поселков № 1 и № 5, с тем чтобы соединиться там с войсками Ленинградского фронта.

Завязались ожесточенные бои за эти поселки, образующие коридор между 2-й ударной и 67-й армиями, который противник использовал для связи с группировкой, оставшейся на побережье Ладожского озера. Гитлеровцы дрались с остервенелым отчаянием. Однако их положение было уже безнадежным…

В полдень 18 января в районе Рабочих поселков № 5 и № 1 части Волховского и Ленинградского фронтов соединились. К концу дня южное побережье Ладожского озера было полностью очищено от немецко-фашистских войск.

Блокада Ленинграда на суше прорвана. Враг отброшен от Ладожского озера, освобожден Шлиссельбург. Правда, пока отвоеван лишь узкий коридор от Волховского фронта к Шлиссельбургу, полоска торфяного болота шириной от восьми до

одиннадцати километров. Тем не менее с Ленинградом была восстановлена сухопутная связь, и, какой бы узкой она ни была, эта дорога заменила «Дорогу жизни», поскольку лед на Ладоге снова стал водой.

Это — победа! Очень значимая победа.

Эту победу советских вооруженных сил историки отнесут к числу выдающихся событий Великой Отечественной войны. Ее военно-политическое значение состояло прежде всего в том, что было разорвано кольцо, которым немецко-фашистские варвары пытались задушить ленинградцев. Для фашистов стало очевидным, что одна из главных целей наступления на советско-германском фронте — захват северной столицы СССР — недосягаемая цель.

Освобождение

Вечером 18 января 1943 года ленинградское радио предупредило слушателей, что в ближайшие часы ожидается важное сообщение. По городу распространялись слухи о прорыве блокадного кольца. Никто не ложился спать, всех томила надежда — надежда на скорый конец страданиям.

И вот долгожданное сообщение вырвалось из радиорепродукторов: «Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня. Мы всегда верили, что он наступит. Мы были уверены в этом в самые черные месяцы Ленинграда — в январе и феврале прошлого года. Наши погибшие в те дни родные и друзья, те, кого нет с нами в эти торжественные минуты, умирая, упрямо шептали: "Мы победим"».

А утром следующего дня из 1500 громкоговорителей вместо тревожного стука метронома[95] зазвучали стихи:

> …О, дорогая, дальняя, ты слышишь?
> Разорвано проклятое кольцо!
> Ты сжала руки, ты глубоко дышишь,
> в сияющих слезах твое лицо.
> Мы тоже плачем, тоже плачем, мама,
> и не стыдимся слез своих:
> теплей в сердцах у нас, бесслезных и упрямых,
> не плакавших в прошедшем феврале.
> Да будут слезы эти как молитва.
> А на врагов — расплавленным свинцом
> пускай падут они в минуты битвы
> за всё, за всех, задушенных кольцом…

Стихи читала их автор — Ольга Берггольц.

Пробитый в кольце блокады войсками Волховского и Ленинградского фронтов коридор между Ладожским озером и Синявинскими высотами был очень узким. И все же руководство Ленинграда и командование фронтов с согласия Ставки решили здесь проложить железнодорожную ветку.

Работа закипела. На строительство дороги были брошены железнодорожные бригады, им пришло на помощь местное население, а затем фронты выделили ряд воинских частей. Эту дорогу назвали «Дорогой победы».

Новая магистраль начиналась от разъезда между селениями Назия и Хандрово. Отсюда ветка протянулась на северо-запад, к

Рабочему поселку № 4, далее через Рабочие поселки № 1, 2, 3 и вышла к южной окраине Шлиссельбурга. Здесь, на Неве, воздвигли временный ледово-свайный мост, который соединил ветку с колеей от Черной Речки к поселку имени Морозова. Благодаря самоотверженному двухнедельному труду красноармейцев и гражданских рабочих «Дорога победы» вступила в строй 2 февраля. Как только с ремонтно-строительных дрезин были спущены и закреплены последние рельсы, прошел пробный состав, а еще через четыре дня по 36-километровой линии промчался грузовой поезд дальнего следования. Параллельно железной дороге протянулись насыпные грунтовые. Они также стали важными трассами снабжения зоны Ленинграда.

Немецкая авиация быстро обнаружила новую железнодорожную линию. Начались беспрерывные бомбежки и артиллерийские обстрелы. Ведь местами огневые позиции противника находились всего в нескольких километрах от проходивших составов. Не было дня, чтобы в каком-то месте не взлетали на воздух куски рельсов и шпалы. Ремонтники не уходили с дороги, в течение многих месяцев вдоль всей колеи непрестанно курсировали строительные бригады и под огнем врага, в снегу, а потом в грязи и болотной воде снова и снова восстанавливали путь.

Через три месяца была дополнительно построена 18-километровая дорога в обход самого опасного участка. На чем она держалась? Можно сказать, на честном слове. Когда шел поезд, в низинных местах его колеса крутились в воде, как у старинных пароходов.

Первым результатом построенной «Дороги победы» стало увеличение хлебного пайка для ленинградцев: с 250 до 600 граммов для рабочих, со 125 до 400 граммов — для остальных жителей… Но полностью проблема снабжения города этим еще не снималась: важный пункт — станция Мга на железнодорожной линии Ленинград — Волхов оставался в руках врага.

Немцы в ясные дни наблюдали с Синявинских высот за движением по построенным железной и шоссейной дорогам и вели по ним регулярный прицельный артиллерийской огонь, наносили бомбоудары.

Советское командование развернуло бои южнее Ладожского озера, чтобы расширить коридор. Цель — выйти на Кировскую магистраль и отвоевать железнодорожный узел Мга. Начиналась вторая фаза сражения на Ладоге.

К сожалению, попытки расширить сухопутные коммуникации путем локальных наступательных действий в феврале — марте на Мгу и Синявино не принесли желаемых результатов. Тогда было

решено подготовить и провести специальную Мгинскую операцию силами двух группировок: частей 67-й армии при поддержке 13-й воздушной армии Ленинградского фронта и 8-й армии совместно с 14-й воздушной армией Волховского фронта. Ставка утвердила план операции, но предупредила, что резервов не выделит; они сейчас нужнее под Орлом и Курском. Планом предусматривалось нанести поражение немецкой 18-й армии, не допустить переброску вражеских войск на центральный участок советско-германского фронта для действий в Курской битве, освободить мгинский железнодорожный узел и обеспечить прочную связь Ленинграда с остальной страной.

Летом 1943 года разведка зафиксировала перемещение частей 18-й армии противника через мгинский железнодорожный узел. Это могло означать либо сосредоточение их для прорыва из района Мги к Ладожскому озеру, чтобы восстановить блокаду, либо переброску на усиление группы армий «Центр».

Собственных сил Волховского и Ленинградского фронтов было недостаточно для гарантированного успеха по освобождению территории в районе Мги. Это понимали в Ставке: если не удастся достичь главной цели, то важно будет «перемолоть» как можно больше фашистских дивизий.

Операция проходила 22 июля — 22 августа. Немецкие войска оказали сильнейшее сопротивление. Группировки 67-й и 8-й армий в ходе месячных ожесточенных боев лишь незначительно вклинились в оборону противника. Позднее из показаний пленных и из трофейных документов станет известно, что к концу августа 18-я немецкая армия израсходовала все силы и резервы и была готова оставить «мгинский выступ». Но к этому времени выдохлись и наступающие части советских войск[96].

В процессе Мгинской операции обе стороны понесли тяжелые потери в живой силе и технике. В Волховском и Ленинградском фронтах они составили 79 937 человек (безвозвратные — 20 890, санитарные — 59 047).

* * *

После напряженных июльско-августовских боев немецко-фашистские войска стали усиленно готовить оборону, названную непреодолимым «Северным валом». Перед Волховским и Ленинградским фронтами были оборудованы две полосы в тактической зоне и несколько промежуточных оборонительных рубежей в оперативной глубине. Между Финским заливом и Чудским озером по реке Нарве, по западному берегу Чудского

озера и далее, на линии Псков — Остров — Идрица и по реке Великой гитлеровцы возводили тыловой оборонительный рубеж «Пантера».

В целом немцы создали мощную оборону глубиной до 230—260 километров. Ее основу составляли опорные пункты и узлы сопротивления с большим количеством артиллерийских и пулеметных железобетонных, броневых и дерево-земляных огневых точек. Они оборудовались во всех населенных пунктах, в узлах дорог, на господствующих высотах, в рощах и имели развитую систему основных и отсечных позиций, прикрытых многослойным огнем, минновзрывными и проволочными заграждениями с широким применением лесных завалов. Наиболее развита вражеская оборона была перед 59-й армией Волховского фронта и 42-й армией Ленинградского фронта.

Немецко-фашистское командование ставило перед войсками группы армий «Север» задачу ни на шаг не отступать от занимаемых позиций, продолжать блокировать Ленинград и оккупацию области, любой ценой удерживать Прибалтику и порты на восточном побережье Балтийского моря. Это, по мнению гитлеровцев, должно было обеспечить устойчивость всего левого крыла Восточного фронта.

Немецкие войска закрепились по всему фронту. Ставка отреагировала на это перегруппировкой сил на Северо-Западном направлении. 2-я ударная армия была из Волховского фронта передана Ленинградскому. Балтийские моряки под носом у врага переправили ее на Ораниенбаумский плацдарм. Готовился разгром фашистов на участке от Финского залива до озера Ильмень.

Новгородско-Лужская наступательная операция (14 января — 15 февраля 1944 года) была частью стратегической Ленинградско-новгородской операции, разработанной Ставкой Верховного главнокомандования. Цель — разгромить главные силы 18-й армии вермахта, освободить города Новгород и Лугу и изгнать немецко-фашистских захватчиков из Ленинградской области, окончательно сняв блокаду Северной столицы.

«Левый фланг Волховского фронта должен был сыграть в январе 1944 года важную роль, — вспоминал позже Мерецков. — Мы должны были, прорвав вражескую оборону под Новгородом, продвинуться до Луги и расколоть группу армий "Север"… Эту задачу мы выполняли в тесном взаимодействии с Ленинградским фронтом при содействии 2-го Прибалтийского, который обеспечивал наш фланг с юга. Волховчан и ленинградцев обязали рассечь, окружить и уничтожить по частям основные силы 18-й армии, не дав ей возможности организованно отойти на линию

Нарва — Порхов».

14 января войска 59-й армии (командующий генерал-лейтенант И.Т. Коровников) перешли в наступление. Из-за плохой погоды авиация 14-й воздушной армии (командующий генерал-лейтенант авиации И.П. Журавлев) начала действия только на второй день. Противник оказал упорное сопротивление. Главные силы 59-й армии в первый день вклинились в оборону противника лишь на 600—1000 метров. На вспомогательном направлении части 59-й армии переправились ночью по неокрепшему льду через озеро Ильмень, внезапной атакой овладели несколькими опорными пунктами противника и к исходу дня расширили захваченный плацдарм до шести километров по фронту и до четырех километров в глубину. За три дня боев наступающие войска прорвали главную полосу обороны немцев севернее и южнее Новгорода. На направлении главного удара прорыв был расширен до 20 километров.

16 января на любанском направлении перешли в наступление части 54-й армии (командующий генерал-лейтенант С.В. Рогинский). 20 января войска 59-й армии завершили окружение не успевших отойти разрозненных частей новгородской группировки противника и совместно с 7-м стрелковым корпусом, введенным в бой из фронтового резерва, уничтожили их и освободили Новгород. В дальнейшем войска фронта, действующие левым крылом в направлении Батецкий, Луга и частью сил на Шимск, к 30 января отбросили противника на 30—60 километров от Новгорода. Правое крыло фронта, во взаимодействии с 67-й армией (командующий генерал-лейтенант В.П. Свиридов) Ленинградского фронта охватили с севера немецко-фашистские войска в районе восточнее и северо-восточнее Луги.

На лужское направление было переброшено полевое управление 8-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф.Н. Стариков), которое, передав свои соединения 54-й армии, приняло часть соединений и полосу наступления на левом фланге 59-й армии. Создав сильную группировку на рубеже реки Луги, противник оказал упорное сопротивление, но не устоял и был разбит.

12 февраля советские войска освободили Лугу.

В ходе Новгородско-Лужской операции Волховский фронт разгромил восемь пехотных и одну танковую дивизии и нанес тяжелое поражение еще четырем дивизиям. Фашисты потеряли около 82 тысяч человек. Враг был отброшен до 150 километров на запад. Войска Волховского фронта совместно с войсками Ленинградского фронта внесли важный вклад в освобождение

Ленинграда от блокады и в изгнание немецко-фашистских захватчиков из пределов Ленинградской области.

27 января 1944 года в Ленинграде был произведен торжественный артиллерийский салют. Это был салют безграничной радости. Вся Советская страна, все воины Красной армии гордились окончательной победой под Ленинградом и Новгородом.

Этой блестящей победе радовались не только ленинградцы, не только наш народ, но и все прогрессивные люди Западной Европы, с волнением следившие за жизнью и самоотверженной борьбой многострадального Ленинграда.

В английской прессе и в передачах лондонского радио появилось в те дни немало восторженных откликов, посвященных окончательному освобождению Ленинграда от блокады. Вот один из них:

«Все свободные и все порабощенные гитлеровцами народы понимают, какую роль сыграл разгром немцев под Ленинградом для ослабления нацистской мощи. Ленинград уже давно завоевал себе место среди городов — героев нынешней войны. Битва под Ленинградом посеяла тревогу среди немцев. Она дала им почувствовать, что они лишь временные хозяева Парижа, Брюсселя, Амстердама, Варшавы».

Канадская газета «Стар» в передовой статье писала, что «прорывом блокады… советские войска вписали еще одну славную страницу в историю русской армии. Защитники Ленинграда пронесли через все трудности и испытания непоколебимый дух, который является характерным для всей русской обороны с самого начала войны».

За проявленные героизм, мужество в ходе Новгородско-Лужской операции многие солдаты, офицеры, генералы были отмечены государственными нафадами. 50 наиболее отличившихся частей и соединений удостоились почетных наименований: «Лужские», «Любанские», «Мгинские», «Новгородские», «Тосненские», «Чудовские», многие награждены орденами.

Ставка и Генеральный штаб высоко оценили деятельность командующих Ленинградским и Волховским фронтами Л.А. Говорова и К.А. Мерецкова по руководству военными действиями по разгрому немецко-фашистских войск под Ленинградом. «Они (Говоров и Мерецков. — Н. В.), — писал впоследствии Маршал Советского Союза Василевский, — творчески решали задачи операции, точно осуществляли ее замысел на всех этапах борьбы. Было четко организовано взаимодействие войск фронтов, армий. Командующие показали себя зрелыми полководцами, успешно

владеющими всеми способами ведения вооруженной борьбы».

МАРШАЛ СЕВЕРНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

Снова Карелия, снова финны

— Мы, товарищ Мерецков, хотим вам предложить Карельский фронт, — сказал Сталин. — Вы хорошо знаете Северное направление. К тому же приобрели опыт ведения наступательных операций в сложных условиях лесисто-болотистой местности. Вам и карты в руки, тем более что еще в 1939—1940 годах, во время Советско-финляндской войны, вы командовали армией на Выборгском направлении и прорывали линию Маннергейма. Назначать же на Карельский фронт другого человека, совсем не знающего особенностей этого театра военных действий и не имеющего опыта ведения боев в условиях Карелии и Заполярья, в настоящее время нецелесообразно, так как это связано с затяжкой организации разгрома врага. Всякому другому командующему пришлось бы переучиваться, на что ушло бы много времени. А его-то у нас как раз и нет…

«Вам и карты в руки»… Эти слова всю дорогу крутились в голове Кирилла Афанасьевича, пока он ехал с «ближней» Кунцевской дачи Хозяина на аэродром.

После Новгородско-Лужской операции и полного снятия блокады с Ленинграда линия советско-германского фронта на северо-западе существенно сократилась. Надобность в Волховском фронте отпала, он был ликвидирован, а войска его передавались в подчинение Л.А. Говорову (Ленинградский фронт) и М.М. Попову (2-й Прибалтийский фронт).

Сегодня Сталин предложил Мерецкову принять должность командующего Карельским фронтом. А Кириллу Афанасьевичу хотелось получить более боевой фронт, который находился бы на острие главного удара. Предложение Верховного не очень-то обрадовало. Позже он скажет, что уже давно просился на Западное направление. Теперь, когда советские войска стояли у границ Белоруссии, территория которой Мерецкову была довольно хорошо знакома еще по довоенной службе, перевод на Север ему казался совсем нежелательным. Но Верховный главнокомандующий решил по-своему. «Финляндия заколебалась, — говорил Сталин, — она поняла, что за разгромом немцев под Ленинградом и Новгородом последует наступление Красной армии против нее». Генсек коротко обрисовал политическое положение Финляндии и заметил, что не верит в быстрый выход ее из войны.

Мерецков, естественно, на предложение Верховного принять командование Карельским фронтом согласился без возражений.

Сталин приказал поскорее убыть на фронт. Надо

поторопиться с разгромом на севере гитлеровских войск. Но поторопиться разумно. Посоветовал обратить особое внимание на разведку противника…

По просьбе Мерецкова Ставка разрешила штаб и другие органы управления Волховского фронта переместить на Карельский фронт. Для Кирилла Афанасьевича это было очень важно. Созданный им коллектив управленцев был крепко сколочен, знал условия войны на севере, обладал мастерством руководства крупными наступательными операциями. Всего этого не было у штаба Карельского фронта.

Мерецков прибыл в Беломорск, где находился командный пункт фронта, 22 февраля 1944 года. Вслед за ним — и работники волховского штаба.

Карельский фронт по протяженности был самым большим — почти 1600 километров, — но сил и средств имел немного. Ему приходилось изворачиваться, часто обращаться за помощью к Ставке. «Вечным просителем» называл его Верховный главнокомандующий. Он сочувствовал фронту, но войск не давал, постоянно помня о тех участках, где на тот момент велись решающие сражения с врагом.

Бывший во время войны начальником Оперативного управления Генштаба РККА С.М. Штеменко в книге «Генеральный штаб в годы войны» пишет, что Карельский фронт считался как бы второстепенным, отсюда и его задачи — «поскромнее», чем у других. А воевать там не легче, даже, пожалуй, труднее.

Соотношение сил на сухопутном участке фронта было в пользу противника. Немецко-финским войскам в 1941 — 1942 годах удалось оттеснить советские соединения и части и значительно продвинуться вперед, подойти вплотную к Ухте и Ругозеру, захватить Медвежьегорск и Петрозаводск, форсировать Свирь и создать плацдарм на ее южном берегу. На этом рубеже их наступление было остановлено. С тех пор здесь удерживалось стабильное положение.

Однако это не означало тихую, безмятежную жизнь. Как на северной линии, так и на участке 7-й Отдельной армии между Онежским и Ладожским озерами, на Карельском перешейке, где обороняли город на Неве войска Ленинградского фронта, шли постоянные бои местного значения, державшие немцев и финнов в непрерывном напряжении, не позволявшие им снимать отсюда силы для использования на главных направлениях.

Привычные оперативные понятия о плотности насыщения фронта войсками, исчисляемой, как известно, количеством километров на одну дивизию и числом танков, орудий и минометов на километр фронта, на этом театре выражались

формулой, где первая цифра нередко переваливала за сотню, а количество орудий и танков на километр исчислялось однозначными числами. Многочисленные безлюдные участки местности контролировались только отдельными отрядами и патрулями. Танкам здесь негде было развернуться, и применялись они мало, за исключением некоторых опасных направлений, где местность позволяла ограниченно использовать их, и то после сложного технического и инженерного обеспечения…

Штеменко посвятил несколько страниц своих мемуаров прибытию на Карельский фронт Мерецкова и действиям фронта против гитлеровцев и финнов. Он характеризует нового командующего как общительного и деятельного человека.

Кирилл Афанасьевич быстро вошел в курс дела. Генерал-полковник В.А. Фролов, ранее командовавший фронтом, не посчитал для себя зазорным стать заместителем Мерецкова. Валериана Александровича Мерецков знал по финской войне 1939—1940 годов с самой лучшей стороны.

Членом Военного совета был генерал-лейтенант Т.Ф. Штыков, один из опытнейших политработников. Кирилл Афанасьевич, будучи командующим войсками Ленинградского военного округа (1938— 1940), и с ним находился в близких служебных отношениях. Терентий Фомич тогда работал вторым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) и одновременно исполнял обязанности члена Военного совета 7-й армии (в финскую войну). Сюда, на Карельский фронт, он прибыл всего полтора месяца назад, пока еще осваивал обстановку и охотно сопровождал командующего в поездках по войскам.

Штабом руководил немолодой уже генерал-лейтенант Б.А. Пигаревич, превосходно знавший штабную работу, но не обладавший, к сожалению, опытом организации и управления крупными наступательными операциями, да еще в таких сложных условиях, как на Карельском фронте. Впоследствии ему пришлось сдать должность более энергичному и лучше подготовленному генералу А.Н. Крутикову. До этого момента Алексей Николаевич успешно командовал 7-й Отдельной армией, вошедшей с весны 1944 года в состав Карельского фронта.

Добрые, по-настоящему деловые отношения сложились у Мерецкова и с командармами: Владимиром Ивановичем Щербаковым (14-я армия), Георгием Кирилловичем Козловым (19-я армия), Львом Соломоновичем Сквирским (26-я армия), Филиппом Дмитриевичем Гореленко (7-я армия), с командующим воздушной армией Иваном Михайловичем Соколовым.

Мерецков побывал на Северном флоте, который

взаимодействовал с фронтом на приморском участке немалого протяжения. Командовал североморцами в то время контр-адмирал Арсений Григорьевич Головко, в свои тридцать пять лет уже довольно известный флотоводец, умевший грамотно оценить боевую обстановку и быстро принять в сложных условиях обоснованное решение.

Кирилл Афанасьевич помнил личное задание Верховного относительно разведки. Сталин не любил опозданий с докладами или проволочек, и с этим приходилось считаться. В марте разведывательная деятельность войск Карельского фронта дала важные результаты. Взятые пленные показали, что 20-я Лапландская армия немцев, состоявшая из корпусов «Норвегия», 36-го армейского и 18-го горного, приняла новое, ухтинское направление за счет расширения полосы обороны 18-го горного корпуса. Выявилось, что некоторые дивизии финнов отведены в тыл. Видимо, создавались резервы. Об этом Мерецков срочно донес в Москву.

К тому времени, когда Мерецков со своим штабом приехал на фронт, на финнов оказывался сильный психологический нажим, побуждавший их к переговорам. Давление велось как по дипломатической, так и по силовой линиям. Сталин приказал Генштабу передать командующему Ленинградским фронтом Говорову, что необходимо овладеть городом Нарвой. «Этого требует обстановка, как военная, так и политическая, — подчеркивал Сталин. — Это сейчас самое главное».

Освобождение южного берега Финского залива от гитлеровских войск создавало дополнительный фактор, неблагоприятно влиявший на военное положение Финляндии. СССР ставил финнам условия перемирия самые минимальные: разрыв отношений с Германией и интернирование немецких войск из Финляндии (в этом Советский Союз предлагал свою помощь); отвод войск за границу 1940 года; немедленное освобождение советских военнопленных и пленных союзных армий.

Финны начали искать контакты с советским послом в Швеции А.М. Коллонтай. Заняться этим поручено было Ю.К. Паасикиви, известному своими прогрессивными взглядами. Он должен был четко выяснить условия советского правительства относительно прекращения войны. Финское руководство, однако, не переставало при этом надеяться, что военное счастье еще улыбнется, и, направляя Паасикиви в Швецию, стремилось оттянуть время неминуемой в будущем капитуляции.

Вскоре из Финляндии в Москву для переговоров прибыла делегация в составе Ю. Паасикиви, К. Энкеля и О. Энкеля.

Переговоры вел Молотов; в них принимал участие Штеменко[97].

Финской стороне подробно были разъяснены условия перемирия. В конце марта делегация отбыла на родину. Но шли дни и недели, а из Финляндии не было ответа. Наконец 19 апреля финское правительство заявило, что не может принять условия перемирия, предложенные Советским Союзом. В Финляндии взяла верх реакционная часть правительства — Р. Рюти, В. Таннер и другие, призвавшие на помощь представителей фашистской Германии[98].

Отказ финского правительства вынуждал Ставку и Генеральный штаб пересмотреть вопрос о том, кого следует громить в первую очередь — немцев или финнов. На очередном докладе по обстановке на фронтах первый заместитель начальника Генштаба генерал армии А.И. Антонов обмолвился в удобной форме на эту тему, сказав, что теперь, после неприятия финнами условий перемирия, следует, пожалуй, начать не с немецко-фашистских войск, а с более слабой финской армии.

Верховный главнокомандующий согласился с этим, однако рекомендовал поддерживать у противника видимость, что советское командование преследует цель овладеть районом Петсамо. Это, по мнению Сталина, могло усыпить бдительность финнов и ослабить их готовность к отражению ударов советских войск в районе Петрозаводска и под Ленинградом.

Как пишет Штеменко, в Генштабе был разработан несложный замысел мероприятий по дезинформации противника. Он предусматривал демонстрацию подготовки советского наступления на Петсамо с высадкой десантов Северного флота на прилегающее морское побережье Норвегии. 20 апреля все необходимые распоряжения по плану дезинформации были отданы командующими Карельским фронтом и Северным флотом. На самом же деле все помыслы обращались уже к той части северного фланга фронта, где располагались финские войска.

В прежнем плане операции на северном фланге советско-германского фронта была заложена идея последовательного разгрома противника. Теперь, после 20 апреля, первые удары советских войск должны были обрушиться на финскую армию. В Ставке полагали, что войска финнов, хуже вооруженные и подготовленные, чем немецкие, понесут поражение в относительно короткий срок.

Поражение финских войск, по расчетам Ставки, должно было существенно ослабить положение 20-й немецкой горной армии, занимавшей фронт в Заполярье. Южный фланг немецкого участка обороны неминуемо оголялся и открывал возможность для

последующих по нему ударов. Возникала перспектива изоляции основных сил противника от путей отхода к западным портам Финляндии и в глубину норвежской территории.

Такой порядок действий исходил из сложившейся тогда обстановки. На финском участке фронта открывалась возможность серьезно угрожать основным жизненным центрам Финляндии, до которых были самые короткие расстояния. Здесь располагались главные силы финских войск. С разгромом их рушилась вся система финской обороны. Для наступления могли быть привлечены два фронта — Ленинградский и Карельский, Балтийский флот и озерные флотилии, большое количество авиации.

Правда, укрепления противника были весьма серьезными. На Карельском перешейке они представлялись долговременными сооружениями пресловутой линии Маннергейма, вновь восстановленной противником, и разного рода другими искусно оборудованными инженерными препятствиями. Мощные укрепления имелись и на свирском участке фронта. Все это предстояло прорывать в упорных боях.

Было решено на Карельском перешейке операции проводить Ленинградскому фронту во взаимодействии с Балтийским флотом и дальней авиацией, на свирско-петрозаводском участке — Карельскому фронту с подчинением ему озерных военных флотилий.

По главным силам противника первым должен был нанести удар Ленинградский фронт. Его задача состояла в том, чтобы прорвать финскую оборону в направлении Выборга и создать угрозу вторжения советских войск в глубину Финляндии к основным политическим и экономическим центрам, в том числе к Хельсинки. На второстепенном направлении фронту предстояло частью сил выйти на Сортавалу и по северному берегу Ладоги нацелиться в тыл противнику, оборонявшемуся в Карелии. Для проведения операций Ленинградскому фронту передавалась из резерва Ставки 21-я армия, которой с конца апреля стал командовать бывший начальник штаба Ленинградского фронта генерал-полковник Д.Н. Гусев.

Имея в тылу советские войска, финны перед Карельским фронтом едва ли могли чувствовать себя уверенно. В этот момент и должно было начаться наступление войск Мерецкова.

В свою очередь, планы операций Карельского фронта предусматривали главный удар на свирском участке. Там была сосредоточена 7-я армия со значительными средствами усиления, позволявшими с ходу форсировать полноводную реку. Прорыв на север вдоль восточного берега Ладожского озера обеспечивал

наступавшим советским войскам выгодное фланговое положение относительно финской обороны в районе Петрозаводска с перспективой выхода ей в тыл. Соображения были тщательно продуманы, работа над планами продолжалась весь апрель, а с привлечением командований фронтов — и май.

Беспокойство Ставки вызывала подготовленность органов управления войсками, поскольку твердо и непрерывно руководить наступлением на широком фронте в условиях Заполярья или Карелии было далеко не простым делом. Когда Мерецков был в Москве, ему об этом было сказано откровенно. Он не забыл этого, и в апреле — мае развернул широкое и основательное обучение войск. Учились все — и строевики, и штабные командиры, начиная со взвода и кончая фронтовым звеном.

Штеменко в своих мемуарах говорит немало добрых слов в адрес Мерецкова и его помощников, проявивших огромную настойчивость в деле подготовки командных кадров. Эта учеба, беспокойная и трудная, сберегла много жизней красноармейцев в последующих боях.

10 июня 1944 года Ленинградский фронт начал наступление на Карельском перешейке. 20 июня был взят Выборг. Войска фронта, наступавшие по восточной половине Карельского полуострова, вышли на Вуоксинскую водную систему. Назревали вторжение на территорию Финляндии и выход по западному берегу Ладожского озера в тыл противнику.

21 июня двинулись вперед армии фронта Мерецкова. Начался разгром оккупантов в Карелии.

Действия Карельского фронта принесли ощутимые результаты: 23 июня был освобожден Медвежьегорск. Наследующий день и река Свирь на всем ее протяжении оказалась за спиной воинов 7-й армии. Советские войска ворвались в Олонецкий укрепленный район и освободили город Олонец.

Большую помощь оказали наступающим войскам корабли Ладожской и Онежской военных флотилий. 28 июня бойцы 32-й армии освободили столицу Карелии — Петрозаводск.

Тем не менее Ставка и Генеральный штаб выражали недовольство действиями Карельского фронта. Было допущено много промахов в управлении войсками. Находившийся в полосе 7-й армии вспомогательный пункт управления со своими задачами не справился, недостаточно опытные штабные командиры не обеспечили непрерывного, твердого и оперативного руководства боевыми действиями двух армий, авиации и взаимодействующих с ними кораблей флотилий. В результате противник успевал отойти из-под нависавших над ним

ударов. Получалось, что советские части выталкивали, а не уничтожали врага, оставляя ему возможность ускользнуть и сохранить живую силу.

Генштаб заметил недочеты в управлении войсками уже в первые дни наступления и дал знать об этом фронту, но положение не улучшилось. Мало того, при подходе войск фронта к государственной границе в районе Куолисмы две дивизии попали в тяжелую ситуацию: на сложной пересеченной местности финны окружили их мелкими группами, просачивались в отдельных местах в боевые порядки, у одной из дивизий оказались отрезанными пути снабжения, некоторое время продовольствие и боеприпасы ей доставляли с помощью самолетов.

Но в целом операции по разгрому финских пособников Гитлера проходили успешно. Катастрофическое развитие событий для финнов вынудило правительство Финляндии изменить политику и искать приемлемые пути выхода из войны. Под нажимом обстоятельств подал в отставку президент Рюти. Новым президентом стал Маннергейм.

Гитлер забил тревогу, поскольку обозначились мрачные перспективы для немецко-фашистских войск в Финляндии.

Чтобы выяснить положение на месте и нажать на финнов, в Хельсинки прибыл Кейтель. 17 августа Маннергейм заявил ему, что не считает себя связанным соглашением с германским правительством, которое подписал прежний президент Рюти.

Новое финское правительство запросило у СССР мира. Пока шли переговоры, Ставка приказала приостановить наступление войск 7-й и 32-й армий Карельского фронта и перейти к обороне на достигнутых рубежах. В директиве по этому поводу особо подчеркивалось: «Наступательных действий без разрешения ставки не вести»…

4 сентября финское радио передало заявление о прекращении военных действий финских войск.

По указанию Ставки командование Карельского фронта отдало приказ войскам быть готовыми к наступлению против 20-й Лапландской армии немцев. Задача: овладеть Петсамо и Салмпярви, закрыть гитлеровцам пути отхода к финским и норвежским портам.

8 сентября Военный совет Карельского фронта доложил в Москву, что противник приступил к частичному выводу войск на Кандалакшском, кестеньгском и ухтинском направлениях к финскому порту Оулу и в Северную Норвегию, фронт в это время перебрасывал по железной дороге некоторые части и соединения с южного фланга в Заполярье для последующего наступления.

19 сентября А.А. Жданов — будущий председатель Контрольной комиссии в Финляндии — подписал соглашение с Финляндией о перемирии. Согласно договоренности, финны выразили готовность принять участие в разоружении немецких войск в северной части Финляндии.

Части 20-й Лапландской армии вермахта были вынуждены медленно отходить на запад к портам Балтики для последующей эвакуации морем и на север — в район Петсамо, где намеревались занять прочную оборону. Финские войска тоже потянулись за немецкими, но с большим отрывом от них. Разведка Карельского фронта доносила, что финны соприкосновения с противником не имеют и дают ему возможность беспрепятственно уходить из района Куолоярви, Рованиеми.

Кирилл Афанасьевич заметил в этот момент, что в полосе 19-й армии генерала Козлова возникло сложное и чреватое неожиданными последствиями положение: двигаясь за немцами, соединения и части этой армии могли оказаться между немецкими и далеко от них отставшими финскими войсками. «Как поступить в том случае, — спрашивал Мерецков Генштаб, — если финны действительно будут оторваны от немцев, а мы будем двигаться по пятам за немецкими войсками и таким образом финские войска окажутся позади частей 19-й армии?» Он просил информировать о положении финских войск, выделенных для разоружения немцев, чтобы регулировать действия своих частей.

В Генштабе тщательно проверили возможность возникновения этой нежелательной ситуации. Оказалось, что Мерецков прав: наши войска могут втянуться в бой в условиях, противоречащих духу соглашения. При этом финны не только останутся в стороне, но и получат возможность протестовать, поскольку операции советских войск на территории Финляндии предусматривались соглашением о перемирии только по их просьбе.

Ставка, внимательно рассмотрев обстановку на северном фланге советско-германского фронта, согласилась с мнением Генштаба и командования фронта: втягиваться в боевые столкновения с немцами, имея в тылу наших войск финскую армию, крайне нежелательно.

Решение было принято следующее: войскам 19-й армии вглубь Финляндии не продвигаться, а занять пограничный район западнее Куолоярви и пропустить на север войска финнов. В случае необходимости оказать им помощь. Дальнейшее продвижение войск генерала Козлова производить только с разрешения Ставки. Карельскому фронту подготовить

наступательную операцию силами 14-й армии и фронтовых средств усиления с целью очистить от противника район Петсамо.

Начинался заключительный этап борьбы против оккупантов в Советском Заполярье.

Заполярье

Мерецков хорошо знал крайний северо-западный район страны — Заполярье. Природные условия для ведения боевых действий очень тяжелые: горная тундра с множеством озер, труднопроходимых болот и обширных пространств, загроможденных валунами. И — полярная ночь.

Здесь четыре войны — две мировые, Гражданская и Советско-финляндская — оставили свой неизгладимый след. Участники сражений на этой земле говорили, что, может быть, самым тяжелым фактором были морозы и невозможность вырыть окоп в скалистом грунте.

* * *

После подписания с Финляндией соглашения о перемирии встал вопрос об освобождении Заполярья от фашистов. Командование Карельского фронта спланировало Петсамо-Киркенесскую операцию, названную по имени населенных пунктов, на которые были нацелены главные удары советских войск, — Петсамо и Киркенес.

Планом предусматривалось нанести силами 14-й армии главный удар из района озера Чапр по правому флангу 19-го немецкого корпуса «Норвегия» в направлении на Луостари — Петсамо. Учитывалось, что гитлеровцы держали здесь оборону три года и создали прочные позиции с железобетонными сооружениями на отдельных участках. Особенно сильной оборона была на подступах к Петсамо, Луостари, Никелю. Немецко-фашистское командование использовало здесь труднодоступные реки — Бол, Лица, Титовка, Печенга, многочисленные озера, приспособило к бою крутые скаты холмов.

Наиболее прочные укрепления в центре обороны противника занимала 2-я горнострелковая дивизия. Ее войска были своеобразным заслоном перед Луостари и Петсамо. В случае разгрома этой дивизии, на которую как бы опирались все остальные силы немецкой обороны, открывалась дорога к названным населенным пунктам.

Мерецков, правильно оценив роль 2-й горнострелковой дивизии противника, решил острие наступления направить именно против нее. Ставилась задача: прорвать оборону на узком участке фронта к югу от озера Чапр, развить успех на всю глубину оперативного построения противника и овладеть Петсамо. На

остальном фронте в период прорыва предполагалось обороняться силами одной стрелковой дивизии и одной мотострелковой бригады. Вместе с тем командующий предусмотрел обход открытого южного фланга вражеской обороны, выделив для этого 126-й и 127-й легкие стрелковые корпуса. Один из них, 127-й, должен был выйти в район Салмиярви (с большим отрывом от главных сил), чтобы изолировать немецкий гарнизон в районе Никеля от путей отхода в Норвегию. Затем Мерецков намеревался главными силами повернуть на северо-восток и разгромить оборону фашистских войск по реке Титовке. На участке прорыва создавалась артиллерийская плотность в 160—170 орудий и минометов на километр фронта, одновременно обеспечивалось значительное превосходство сил в воздухе.

Мерецков доложил свои соображения Ставке. Она рассмотрела предложенный Военным советом фронта план операции и в основном согласилась с ним. Однако сделала ряд поправок, которые касались прежде всего взаимодействия 14-й армии с Северным флотом. Последний мог выделить в период прорыва обороны противника значительные в той обстановке десантные силы и средства в районе полуострова Средний, а в ходе операции — и для действий в различных пунктах морского побережья.

Адмиралу Головко было приказано организовать наступление бригад морской пехоты с указанного полуострова в южном направлении. Удары морпехов нацеливались прямо в тыл обороны гитлеровцев по реке Титовке и при активном проведении должны были дезорганизовать ее во взаимодействии с фронтальными ударами выделенных для этого небольших сил 14-й армии.

Ставка указала фронту «не распылять сил для действий на северо-восток вдоль реки Титовка» и потребовала главные усилия направить на быстрейшее овладение Петсамо. Что же касается 127-го легкого стрелкового корпуса, то было приказано не выдвигать его далеко вперед на Салмиярви с рискованным отрывом от главных сил, а двигать уступом за левым флангом наступательной группы войск.

В 8 часов утра 7 октября войска 14-й армии Карельского фронта при поддержке соединений и частей Северного флота и 7-й воздушной армии начали операцию.

Первый этап боев за освобождение Заполярья (7—15 октября) проходил в соответствии с намеченным планом. За это время войска 14-й армии преодолели два водных рубежа (на Западной Лице и Титовке) и при поддержке флота вышли к Петсамо. Они продвинулись вперед на 60—65 километров.

Второй этап (18—22 октября) наступления начался после небольшой (три дня) паузы, во время которой командование фронта подтянуло войска второго эшелона и тылы, организовало вывоз раненых, скоординировало дальнейшие действия с авиацией и флотом. На этом этапе боев активно действовали летчики 7-й воздушной армии и Северного флота. Враг, разбитый у Петсамо, отошел на заранее подготовленные позиции. Несмотря на отступление, сил у гитлеровцев имелось немало, к тому же они получили подкрепление из Северной Финляндии и Норвегии и не испытывали недостатка в вооружении. В районе никелевых рудников и в непосредственной близости от норвежской границы завязались ожесточенные бои, в ходе которых 22 октября был взят поселок Никель. Пятидневное сражение завершилось отходом немецких войск к Киркенесу. За это время советские войска продвинулись еще на 25—35 километров.

Третий этап (22—31 октября) Петсамо-Киркенесской операции — это бои за освобождение норвежской территории (губернии) Финнмарк. Многочисленные немецкие батареи вели массированный огонь по наступавшим советским войскам. Фашисты стремились с минимальными потерями отвести свои части. 25 октября подразделения 14-й стрелковой дивизии вступили в Киркенес.

Лапландской горной армии вермахта, несмотря на немалый состав живой силы и вооружения, не удалось сдержать натиск бойцов Карельского фронта. Побросав артиллерию и транспорт, взорвав все, что можно было взорвать, немецкие войска бежали. Командующий армией генерал-полковник Лотар Рендулич с остатками сохранивших организованность частей ушел на юг Норвегии.

За 23 дня боев был разгромлен германский 19-й горно-егерский корпус генерала Йодля, полностью освобождено Советское Заполярье и восточная часть северной норвежской провинции Финнмарк.

На Военном совете фронта было принято решение завершить операцию. Войска получили приказ прекратить боевые действия. 29 октября Мерецков связался со Ставкой и доложил об этом решении. «Хорошо, — ответил ему подошедший к телефону Сталин, — мы обсудим ваше предложение. Вы же разберитесь во всем основательно, подумайте о возможных деталях еще раз и вечером доложите окончательно».

Комфронта, его заместитель Фролов, командарм Щербаков собрались на командном пункте 14-й армии, еще раз всесторонне изучили ситуацию. Все говорило о том, что дальнейшее продвижение в военном отношении бесперспективно. Кирилл

Афанасьевич был готов доложить Верховному, что Военный совет подтверждает свое решение, но тот своим звонком опередил его.

— Мы согласны с решением Карельского фронта, — сказал Сталин. — Дальше в глубь норвежской территории не продвигаться! До получения указаний об использовании войск фронта надежно прикройте основные направления на достигнутых рубежах и создайте сильные резервы, а сами выезжайте в Ставку.

Петсамо-Киркенесская операция закончилась блестяще и привела к установлению мира на Крайнем Севере. Газета «Правда» в те дни писала: «Героическая защита Заполярья войдет в историю нашего народа как одна из самых ярких, самых запоминающихся страниц…»

Москва трижды салютовала в честь воинов Заполярья: 15 октября, после освобождения Петсамо (Печенги); 25 октября, когда войска Карельского фронта пересекли государственную границу Норвегии и затем овладели Киркенесом; 1 ноября, когда полностью была очищена от немецко-фашистских захватчиков Печенгская область. В ознаменование одержанных побед и в память о героической обороне Заполярья в 1941—1944 годах Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За оборону Советского Заполярья».

По достоинству — высшее звание

Эту радостную новость Кириллу Афанасьевичу «по секрету» сообщил маршал Василевский, позвонивший рано утром в четверг 26 октября. Днем о ней сообщило всесоюзное радио, а 27 октября она, так сказать официально, пришла на Карельский фронт с газетами из Москвы. На их первых страницах был помещен Указ Президиума Верховного Совета СССР и портрет К.А. Мерецкова в погонах еще генерала армии.

Указ

Президиума Верховного Совета СССР

о присвоении генералу армии Мерецкову К. А.
воинского звания Маршала Советского Союза

Генералу армии Мерецкову Кириллу Афанасьевичу присвоить воинское звание Маршала Советского Союза.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин. Москва. Кремль. 26 октября 1944 г.[99]

* * *

Это было признание правительством страны выдающихся полководческих заслуг Мерецкова перед Родиной.

30 октября Кирилл Афанасьевич прилетел из Мурманска в столицу. В Ставке его ожидали горячие поздравления. Главная торжественная церемония состоялась днем позже в Кремле. Калинин вручил Мерецкову грамоту Президиума Верховного Совета СССР и знак отличия Маршала Советского Союза — Маршальскую Звезду. Церемония проходила под аплодисменты присутствующих членов Ставки Верховного главнокомандования, военачальников Наркомата обороны и одобрительную улыбку Сталина.

Это был один из самых светлых дней в жизни Мерецкова.

После церемонии — теплые беседы с членами Политбюро, правительства. Особо запомнилась беседа с Ворошиловым.

— Всей семьей еще воюете? — по-доброму поинтересовался Климент Ефремович.

— Всей семьей.

— Как сын? Как супруга?

Ворошилов знал, что на фронте рядом с Кириллом Афанасьевичем находилась жена, здесь же на Севере служил и сын…

Когда 22 июня 1941 года Мерецков уехал в Ленинград, семья его осталась в Москве. Сын Владимир рвался добровольцем на фронт, но семнадцатилетних не брали. В сентябре Евдокия Петровна получила письмо от мужа, в котором он писал: «…Сын должен хорошо изучить военное дело и быть всегда готовым заменить меня как бойца. Ты же, Дусенька, должна сама выбрать свое место в этой борьбе — помогать мне или быть ближе к сыну».

Евдокия Петровна, как медик, подала заявление на фронт. Владимир к тому времени добился призыва в армию и был направлен в учебный танковый полк, где освоил профессию механика-водителя. Оттуда — на курсы танковых техников, после окончания которых в январе 1942 года поступил на инженерный факультет Академии бронетанковых и механизированных войск. В октябре, уже лейтенантом, наконец-то попал в действующую армию. Первая должность — командир взвода 7-й гвардейской танковой бригады Волховского фронта.

Время сохранило интересный факт из начального периода его боевой деятельности. Во время операции «Искра» Владимир спас жизнь маршалу Ворошилову и своему отцу. Об этом в 1943 году военный корреспондент М. Цунц хотел написать в «Красной звезде», но Кирилл Афанасьевич сказал: «Это не тема».

Правда, много лет спустя в своих воспоминаниях он все же, хотя сдержанно и кратко, расскажет об этом примечательном факте:

«В зимний период боев за Мгу произошел памятный случай… Знакомиться с обстановкой в этом районе прибыл представитель Ставки К.Е. Ворошилов. Я сопровождал его. Мы были на командном пункте дивизии, вклинившейся в расположение противника. Вдруг поднялась стрельба. Выскакиваем из землянки. В чем дело? Оказалось, что вражеский десант автоматчиков при поддержке самоходок прорвался и окружает К.П. Мы, вероятно, сумели бы пробиться к своим, но, отвечая за безопасность представителя Ставки, я не мог рисковать. Связываюсь по телефону с 7-й гвардейской танковой бригадой и приказываю прислать на выручку танки. Комбриг докладывает, что все боевые машины выполняют задание, налицо один танковый взвод, да и тот после боя не в полном составе.

Делать нечего. Пока пара танков мчится к КП, организуем

круговую оборону подручными силами. Несколько связистов и личная охрана развернулись в жидкую цепочку и залегли с автоматами. Минут пятнадцать отбивались. Но вот показались наши танки. Сразу же наши бойцы поднялись в атаку, следуя за танками, смяли фашистов и отбросили на полкилометра, а потом подоспевшая пехота завершила разгром прорвавшейся вражеской группы. Когда стрельба улеглась, в блиндаж вошел танкист, весь в копоти, и доложил: "Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник разгромлен и отброшен!"

Ворошилов вгляделся в танкиста и воскликнул:

— Кирилл Афанасьевич, ведь это твой сын!

Климент Ефремович видел моего сына еще до войны и теперь сразу узнал его. Лейтенант Владимир Мерецков командовал танковым взводом в 7-й гвардейской танковой бригаде. Когда я звонил в бригаду, Владимир как раз подвернулся под руку комбригу и был послан к нам на выручку.

Мне не часто приходилось видеться с сыном, но я следил за ним. До меня доходили вести, что боевую службу он несет образцово. Теперь можно признаться, что нередко меня грызли опасения и тревога, как и всякого другого отца, чей сын сражался на фронте. А тогда старался не показывать даже и виду, что беспокоюсь. Помню, на вопрос К.Е. Ворошилова: "Этот сын — твой единственный?" — я ответил: "Все бойцы тут мои дети", но внутренне гордился сыном, что в свои 18 лет он честно и верно служит Родине».

Через некоторое время Владимира назначили командиром танковой роты первого танкового батальона этой же бригады, он участвовал во всех боях части с гитлеровцами. За отвагу был награжден орденом Красной Звезды. После завершения операции «Искра» был направлен в ту же Академию бронетанковых и механизированных войск на командный факультет и через восемь месяцев, по окончании курса, вернулся в свою бригаду на должность помощника начальника штаба бригады.

Летом 1944 года он участвовал в боевых действиях в Свирско-Петрозаводской наступательной операции и за проявленный героизм был награжден орденом Отечественной войны II степени. В начале сентября 7-ю танковую бригаду перебросили под Ухту, в распоряжение командующего 26-й армии. Назначенный исполняющим обязанности заместителя начальника штаба танковой бригады, старший лейтенант Мерецков участвует в операции по разгрому войск 20-й горной немецкой армии. Он ввел в бой передовой отряд бригады, преследовал отходящего противника, уничтожая его подразделения, и обеспечил беспрепятственное продвижение главных сил бригады к

государственной границе. Приказом Военного совета 26-й армии Владимир Мерецков по итогам проведенной операции был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Самой северной военной операцией уже капитана Мерецкова была Петсамо-Киркенесская. В ходе ночного боя, преследуя части отходящего противника, он на головном танке врезался во вражескую колонну противника и истреблял фашистов огнем и гусеницами на протяжении 15 километров. Затем, после взятия города Петсамо, с передовым отрядом форсировал фьорд и принял участие в освобождении Киркенеса. За умелые действия и проявленную смелость был представлен к ордену Красного Знамени.

По окончании операции Владимир Мерецков, точь-в-точь как отец его во время Гражданской войны, вновь откомандировывается в академию для продолжения учебы…

А Евдокия Петровна Мерецкова трудилась в санитарном управлении фронта, вместе с другими медицинскими работниками проверяла состояние работы в госпиталях, помогала устранять недостатки и оказывала помощь врачам. Ценя ее энергию и неутомимость, руководство сануправления в числе других медработников не раз представляло ее к награждению, но командующий фронтом всегда вычеркивал из списка фамилию «Мерецкова», хотя знал, что она достойна награды…

* * *

Здесь, в Кремле, после церемонии вручения Кириллу Афанасьевичу Маршальской Звезды кто-то сказал ему: «Вы особый маршал — маршал северных направлений». Сказано было с большим к нему уважением.

Все знали, что значительная часть его военной службы прошла на северо-западе страны и в Заполярье. Он был командующим войсками Ленинградского округа. В Советско-финляндскую войну возглавлял 7-ю армию и с нею прорывал линию Маннергейма. Всю Великую Отечественную провоевал на советско-германском фронте. Непосредственно причастен к разработке и проведению каждой операции, из которых складывалась великая битва за Ленинград. На заключительном этапе войны под его руководством были освобождены от гитлеровских захватчиков Советское Заполярье и северная часть Норвегии.

«Маршал северных направлений» — потом нередко будет звучать в разговорах о Мерецкове среди его боевых друзей и

сослуживцев-фронтовиков.

В Ставке Кирилл Афанасьевич узнал, что скоро Карельский фронт будет ликвидирован, а лично его ждет новое назначение на Дальний Восток, где назревала грандиозная стратегическая операция в отношении милитаристской Японии.

К БЕРЕГАМ ТИХОГО ОКЕАНА

«Куда мы едем?»

«31 марта (1945 года. — *Н. В.)* из Москвы прибыл специальный поезд. Погрузились, тронулись. Тут, как это всегда бывает, среди офицеров стали ходить различные версии относительно того, куда мы едем. Мой адъютант извещал меня через каждые два часа о блуждавших по составу предположениях: Болгария, Чехословакия, Германия. Никто ни разу не упомянул Дальний Восток. Домыслы исчезли сами собой только после того, как наш поезд, выйдя 1 апреля из Москвы по Горьковской железнодорожной линии, проехал через Киров и затем повернул в сторону Сибири. По-видимому, каждый понял, куда мы направляемся. Я же точного места назначения не объявлял. Естественно, что никто не решился и спрашивать у меня. В дороге я освежал свои знания о дальневосточном театре военных действий, вспоминал службу в ОКДВА, читал захваченные из Москвы книги по истории, географии, этнографии народов Приморья, Маньчжурии и Кореи».

Это отрывок из воспоминаний К.А. Мерецкова.

* * *

Четыре с половиной месяца назад Ставка приняла решение расформировать Карельский фронт. Директивой Генерального штаба от 7 ноября 1944 года полевое управление фронта 15 ноября было выведено в резерв Ставки Верховного главнокомандования. 14-я армия стала отдельной, самостоятельной боевой единицей.

Мерецкова вызвали в Москву.

В то время Генеральный штаб был озабочен поставленной перед ним серьезной оперативно-стратегической задачей.

Годом раньше состоялась Тегеранская конференция «большой тройки».

* * *

Тегеранская конференция — первая за годы Второй мировой войны конференция лидеров Соединенных Штатов Америки, Великобритании и СССР: Рузвельта, Черчилля, Сталина. Она состоялась в столице Ирана Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 года и стала важным этапом в развитии международных и

межсоюзнических отношений. На ней был рассмотрен и решен ряд вопросов войны и мира: установлен точный срок открытия союзниками второго фронта, намечены контуры послевоенного мирового устройства, достигнуто единство взглядов по вопросам обеспечения международной безопасности.

Конференция была призвана разработать окончательную стратегию борьбы против Германии и ее союзников. Один из важных обсуждаемых вопросов — вопрос об объявлении Советским Союзом войны Японии. Лидеры трех великих держав предварительно договорились, что СССР это сделает, когда гитлеровская Германия будет повержена.

* * *

На конференции «большой тройки» СССР взял на себя обязательство вступить в войну с Японией сразу после разгрома Германии. Теперь этот вопрос вставал перед Советским Союзом в полный рост. Третий рейх был на пороге краха. Через два месяца, в феврале 1945-го, в Крыму состоится новая конференция трех великих держав, на которой окончательно будет принято решение о войне СССР с Японией. Но уже сейчас советское правительство, и в первую очередь Сталин, серьезно задумывалось над выполнением союзнического долга. Предстояло изгнать японских захватчиков из Маньчжурии и Кореи, оказать содействие китайскому, монгольскому и корейскому народам в их освободительной борьбе и конечно же вернуть России ее исконные территории, отторгнутые Японией в 1905 году[100]. Это будет не простая операция, и она потребует огромных усилий.

Нужно перебросить на Дальний Восток (на расстояние более десяти тысяч километров) массу войск, значительное число вооружения, техники, снаряжения. Причем в сжатые сроки и со строжайшим соблюдением мер предосторожности и маскировки. Придется задействовать всю железнодорожную сеть от Запада до Востока и транспортную авиацию.

В Генштабе Мерецкова предупредили: завтра в 9.00 его ждут в кабинете Центрального Комитета. Это означало, что ему надлежало прибыть к Верховному главнокомандующему[101].

В приемной Кирилл Афанасьевич столкнулся с Василевским. Поздоровались мельком, Александр Михайлович спешил.

Сталин принял Мерецкова несколько сухо. Он был сосредоточенным и с ходу заговорил о деле:

— Мы создаем на Дальнем Востоке группировку войск по разгрому японской Квантунской армии. Есть мнение переместить

вас на Дальний Восток для выполнения важных задач. Но это — попозже. А пока поезжайте к Пуркаеву[102], посмотри те, что и как там. Изучите положение, по возвращении доложите свои оценки и выводы по обстановке…

Мерецков слетал на самолете на Дальний Восток. Вернулся и — к Верховному.

Сталин выслушал доклад Мерецкова, приказал изложить его письменно и передать в Генштаб. Затем сказал:

— Берите, Кирилл Афанасьевич, свой штаб, людей, кто вам нужен, и начинайте перемещение с Севера на Восток. Вступи те в командование Приморской группой войск. Директива о вашем назначении подписана.

В январе — феврале 1945 года полевое управление бывшего Карельского фронта перебазировалось из Карелии в Ярославль.

Мерецков непосредственно стал работать «для Востока», как написал он в воспоминаниях, во второй половине марта. Он прилетел на «Дугласе» из Москвы в Ярославль, где дислоцировалось Полевое управление бывшего Карельского фронта. В течение двух дней вместе с начальником штаба А.Н. Крутиковым, заместителем по тылу И.К. Николаевым и командующими родами войск напряженно работали над планом переброски фронтового управления на Дальний Восток. 31 марта из Москвы прибыл специальный поезд…

Десять суток поезд шел до Хабаровска. В Хабаровске в вагон Мерецкова с докладом об обстановке явился командующий Дальневосточным фронтом Максим Алексеевич Пуркаев. Он пригласил прибывших к себе в штаб. У гостеприимного хозяина проговорили до позднего вечера. Кирилл Афанасьевич условился с Пуркаевым о том, как в дальнейшем они будут поддерживать связь.

13 апреля Мерецков и его люди прибыли в Ворошилов-Уссурийский, где их встретил командующий Приморской группой войск генерал-лейтенант Ф.А. Парусинов.

На следующий день было объявлено о создании нового Полевого управления Приморской группы. Всем прибывшим офицерам заменили удостоверения личности, и они стали настоящими дальневосточниками. Мерецков вступил в командование группой. В то время в нее входили 1-я Краснознаменная армия генерал-лейтенанта М.С. Савушкина, 25-я армия генерал-майора А.М. Максимова, 35-я армия генерал-майора В.А. Зайцева и 9-я воздушная армия генерал-майора авиации В.А. Виноградова.

Генерала Парусинова Кирилл Афанасьевич знал давно, еще по Советско-финляндской войне. Знал как человека со

своеобразными взглядами на вещи и нелегким характером. И теперь, когда генерал был перемещен с Приморской группы на Чугуевскую опергруппу войск, он громко проявлял свое недовольство. Обидевшись, он в дальнейшем будет действовать безынициативно, и Мерецкову придется не раз указывать ему на равнодушное отношение к делу. В конце концов они не смогут друг с другом сработаться и Парусинов отбудет в резерв Ставки.

Для Мерецкова и его команды в Приморье началась напряженная работа. Дни, заполненные заботами до предела, пролетали с невероятной быстротой.

Приморская группа войск

Вступление в командование Приморской группой войск Мерецков начал с установления связей с местными партийными, советскими и хозяйственными властями. Первые встречи с секретарем крайкома ВКП(б) Н.М. Пеговым и председателем крайисполкома А.П. Блощаненко определили дальнейшие тесные взаимодействия с ними по разрешению сложностей с размещением, продовольственным обеспечением войск и других проблем, вставших перед группой. Кирилл Афанасьевич по всем вопросам находил с ними общий язык. Люди они были сравнительно еще молодые: Николаю Пегову только что, в апреле, исполнилось сорок, а Антону Блощаненко и того меньше. Оба отличались контактностью, доброжелательностью, рабочей хваткой. Несмотря на молодость, имели солидный стаж работы по руководству краем. Пегов, например, возглавлял парторганизацию Приморья уже более семи лет. И нисколько не испортился: не приобрел комчванства, оставался скромным в быту, не был замешан ни в оппозиции, ни в сомнительных связях. Не случайно ему благоволил Сталин.

Все годы войны хозяйственный механизм края работал как часы. Не произошло ни одного сколько-нибудь серьезного сбоя при выполнении предписаний Государственного Комитета Обороны. А предписания ГКО были более чем строгие: обеспечивать бесперебойность поставок по ленд-лизу (через порты Приморья их проходило свыше 50 процентов); выдавать на-гора шахтами края миллионы тонн угля, не снижать, а, наоборот, увеличивать добычу морепродуктов для фронта. И это при том, что в крае трудовые ресурсы непрерывно истощались — формировались воинские соединения, бросавшиеся в самые горячие точки: под Москву, Сталинград, Курск…

Осваивались с краем и офицеры штаба группы. Пока маршал знакомился с местными властями, командованием Тихоокеанского флота, руководством Дальневосточного пароходства и комбината «Приморскуголь», они выезжали на рекогносцировку местности, чтобы получить четкое представление о том, где и как будут действовать войска.

День Победы над фашистской Германией, 9 мая, на Дальнем Востоке, как и на всей территории страны, встретили с неописуемым ликованием. Мерецков вспоминает, как Ворошилов-Уссурийский захлестнуло всеобщее бурное празднество, царили невообразимые радость и веселье.

Но затем снова закипела работа — Мерецков объезжал

военные гарнизоны. Начал с 35-й армии, расположившейся в районе Лесозаводска. Он получил первые сообщения от офицеров с побережья Японского моря об оборонной слабости этого фланга в случае высадки вражеского десанта. Пришлось срочно переформировать Чугуевскую оперативную группу войск. Затем маршал в форме рядового пограничника выехал на осмотр границы. Побывал в двух пулеметных батальонах, укрепленном районе, поселке Графск и артбатарее, присутствовал на проведенных по его распоряжению учениях 264-й стрелковой дивизии.

«По такой же программе, — пишет в воспоминаниях Мерецков, — действовал и далее. В Спасске состоялось совещание Военного совета 1-й Краснознаменной армии. Здесь мы посетили приграничные пади и наблюдательные пункты, пробираясь по таежному бездорожью от сопки к сопке верхом на лошадях. После состоялись смотровые учения 365-й стрелковой дивизии. Оттуда мы проехали по ряду погранзастав и еще к нескольким сопкам. Потом провели учения 258-й стрелковой дивизии».

20 мая стали прибывать с запада (из Восточной Пруссии) и выгружаться первые эшелоны 5-й армии, которая должна была усилить Приморскую группу войск.

* * *

То, что СССР начнет в ближайшие месяцы войну против Японии, ни для кого секретом уже не было.

Это окончательно предопределила Ялтинская (Крымская) конференция союзных держав (4—11 февраля 1945 года). На ней была решена судьба Дальнего Востока. В обмен на участие советских войск в войне против Японии США и Великобритания шли на существенные уступки. СССР в случае победы над Японией получал Курилы и Южный Сахалин, потерянный в Русско-японской войне. Кроме того, возвращал себе Порт-Артур и Китайско-Восточную железную дорогу.

На это указывала и денонсация 5 апреля советским правительством пакта о нейтралитете с Японией. Официальное объяснение японской стороне: она многократно его нарушала и он, по существу, стал фикцией. Япония практически в течение всего периода действия договора вела необъявленную войну против Советского Союза. Ее войска сотни раз нарушали сухопутную границу и воздушное пространство СССР, японский флот систематически незаконно задерживал советские торговые суда, около двух десятков из них потопил.

В советском заявлении указывалось, что со времени подписания пакта обстановка в корне изменилась: Япония, будучи союзницей фашистской Германии, помогает ей в войне против Советского Союза и, кроме того, воюет с США и Англией — союзниками СССР. При таком положении пакт о нейтралитете теряет смысл и продление его стало невозможным.

Сталин ежедневно интересовался сведениями о действиях восточного соседа и требовал от Генерального штаба самых подробных докладов. «Мы видели, что даже тогда, когда Япония втянулась в войну с США и Англией на Тихом океане и стала терпеть поражения, перешла к оборонительной стратегии, — пишет Василевский, — ее руководители не сделали ни единого практического шага к сокращению своих войск в Маньчжурии и Корее».

В Маньчжурии было сосредоточено до 40 дивизий. Несмотря на то, что капитуляция фашистской Германии резко ухудшила военно-политическое положение восточного партнера Гитлера по оси Берлин — Рим — Токио, Япония вела себя воинственно. Ее воинственность опиралась на мощь огромных вооруженных сил, которые насчитывали 7,2 миллиона человек, около 11 тысяч самолетов, 109 кораблей основных классов, разнообразный арсенал других видов вооружения и боевой техники. На службу японской военной машине были поставлены материальные ресурсы и производственные мощности Северо-Восточного Китая и Кореи.

США и Англия, имея превосходство на море, к лету 1945 года вышли на ближние подступы к метрополии Японии. Тем не менее японцы не собирались складывать оружие. Военный министр Тодзио заявил: «Если белые дьяволы осмелятся высадиться на наши острова, то японский дух уйдет в великую цитадель — Маньчжурию. В Маньчжурии нетронутая доблестная Квантунская армия, несокрушимый военный плацдарм. В Маньчжурии мы будем сопротивляться хоть сто лет».

А «белые дьяволы», американцы, от вторжения на Японские острова большого оптимизма не испытывали. По их мнению, для разгрома японских вооруженных сил им понадобится армия численностью не менее пяти миллионов человек, и война без вступления в нее Советского Союза продлится в лучшем случае до 1947 года или еще дольше. При этом потери американских войск, по мнению США, могли составить более миллиона солдат и офицеров.

Союзники признавали решающее значение вступления СССР в войну против Японии. Они говорили, что только Красная армия способна нанести поражение наземным силам японских

милитаристов. Главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Дуглас Макартур подчеркивал: «Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы». По его мнению, западные союзники не располагали возможностями для этого.

Накопление советских войск на Дальнем Востоке усиливалось. К лету в Приморье, Приамурье и Забайкалье количество расчетных соединений возросло с 59 до 87, то есть в 1,5 раза, а численность личного состава всей группировки — с 1 185 000 до 1 700 000 человек.

Группировка японских и марионеточных войск, которую предстояло разгромить, организационно состояла из трех фронтов, двух отдельных армий, а также нескольких отдельных бригад, полков, военной речной флотилии и двух воздушных армий.

Японские дивизии наиболее мощного 1-го фронта были развернуты вдоль границ советского Приморья и располагались на трех оборонительных рубежах; 3-й фронт был сосредоточен в центре Маньчжурии: в Улан-Хото (Ваньемао), Шэньяне, Чанчуне; 4-я армия занимала укрепленные районы в треугольнике Хайлар, Харбин, Хэйхэ; 34-я Отдельная армия дислоцировалась в Северной Корее.

Главнокомандующему Квантунской армией генералу Ямада также подчинялись армии государства Маньчжоу-Го и японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана. С августа под его руку встанет 17-й фронт, размещавшийся в Корее.

Общая численность японских и марионеточных войск превышала миллион человек. На их вооружении имелось 1215 танков (две трети имеющихся в японской армии), 6640 орудий и минометов (половина всего артиллерийского парка армии), 26 кораблей и 1907 боевых самолетов. Перед советской границей размещалось 17 укрепрайонов, каждый из них имел семь узлов сопротивлений, насыщенных цепью опорных пунктов. Занимали они господствующие высоты, имели перекрестную огневую связь. Фланги упирались в труднодоступную местность — болото и горы.

Опорные пункты состояли из артиллерийских площадок, пулеметных точек, бронеколпаков, противотанковых рвов, стрелковых окопов и проволочных заграждений. Имелись помещения для личного состава, хранения боеприпасов и продовольствия; электростанции, системы водоснабжения и вентиляции; широко развитая сеть подземных ходов сообщения, соединяющих все долговременные сооружения укрепрайона.

Кирилл Афанасьевич располагал всеми этими данными и понимал, какой грандиозный масштаб и боевой накал обретет предстоящая стратегическая наступательная операция Красной армии против японских сил в Маньчжурии.

Парад Победы

Генштаб вызвал Мерецкова в Москву. 11 июня он прилетел из Ворошилова-Уссурийского и в течение десяти дней участвовал в разработке предстоящих операций на Дальнем Востоке. Параллельно, как депутат, посещал заседания XII сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. Несколько раз приглашался к Верховному.

Однажды Сталин спросил Мерецкова:

— Готовитесь к параду?

— Готовимся. Тренажи каждый день.

— Не подкачайте, — погрозил он нарочито пальцем. — Вы ведь со своим сводным полком Карельского фронта открываете торжественное шествие парадных колонн.

Речь шла о Параде Победы, который был намечен на 24 июня 1945 года. Хотя Мерецков находился на Дальнем Востоке, ему было приказано быть на параде, и не в качестве почетного наблюдателя, а самого что ни на есть активного участника.

Колонны исторического парада представляли сводные полки всех фронтов, сражавшихся против фашистской Германии. Расставлены они были по «географии» расположения с севера на юг. Первым в этой «географии» — Карельский фронт.

Карельского фронта уже не существовало, однако сводный полк его был составлен.

О подготовке к параду и о том, как он проходил, рассказывает его участник — командир батареи 10-й гвардейской стрелковой дивизии Карельского фронта Максим Максимович Сапожников. В то время он проходил службу в штабе артиллерии 14-й армии в звании капитана.

Был прекрасный майский день, когда ему объявили, что его зачислили в группу солдат, сержантов и офицеров от штаба армии и армейских частей для участия в Параде Победы. «Чувство радости охватило меня! — вспоминает Максим Максимович. — Не верилось выпавшему счастью участвовать в таком знаменательном, историческом событии…

Сводный полк состоял из четырех батальонов по две роты в каждом и по 100 человек в роте. Первый батальон — пехотный, второй — артиллерийский, третий и четвертый — смешанные (танкисты, летчики, связисты, саперы). В состав полка также входили Знаменная группа из 22-х человек и 10 запасных. Всего в полку насчитывалось с учетом командования полка, батальонов и рот 849 генералов, офицеров, сержантов и солдат.

Командиром полка был назначен командир 4-го Свирского

стрелкового корпуса генерал-майор Г.Е. Калиновский.

Подразделения сводного полка сразу же после формирования приступили к строевым занятиям по слаживанию строя шеренг в ротах и батальонах. Занятия проводились вплоть до отъезда в Москву, куда полк должен был прибыть к 10 июня.

В столицу отправились не совсем обычным поездом. Это был санитарный эшелон, не до конца переоборудованный в пассажирский. В вагонах еще не выветрился госпитальный запах, с них еще не были сняты красные кресты, в поездной бригаде в качестве помощниц проводников работали молодые девчата, вчерашние медицинские сестры и санитарки.

В поезде царило веселье, звучали песни. На остановках устраивали танцы вместе с молодежью, приходившей на станцию посмотреть на героев-фронтовиков.

Утром 10 июня эшелон прибыл на станцию "Лихоборы" Московской окружной железной дороги. Полк был размещен на стадионе "Швейник".

До конца дня будущие участники парада занимались обустройством, приводили себя в порядок, получали и подгоняли новую форму.

Занятия по строевой подготовке проводились ежедневно по 7—8 часов. Из числа офицеров-строевиков были назначены инструкторы, которые "гоняли" свои шеренги, что называется, до седьмого пота. За долгие годы войны вряд ли кому из фронтовиков приходилось много ходить в строю, да еще строевым шагом. К тому же, кто знаком с воинским строем, знает, как нелегко научить "хорошо ходить" шеренгу из двадцати человек, тем более — строй из десяти таких шеренг!

Кроме занятий на стадионе "Швейник" участники парада принимали участие в общих тренировках-репетициях на центральном аэродроме (сейчас это район Аэровокзала). Генеральная репетиция проводилась на Красной площади.

Непосредственно перед парадом всем участникам была вручена только что учрежденная медаль "За победу над Германией".

Со второй половины июня на репетиции часто приезжал маршал Мерецков и вместе с нами тренировался ходить в строю.

Наступило утро 24 июня. К сожалению, погода не радовала: было хмуро и дождливо.

Сводные полки фронтов начали движение из своих районов расположения по направлению к Красной площади. Каждому полку выделялся особый маршрут. Карельский шел из Лихобор по Михалковскому и Дмитровскому шоссе, по Бутырской, Новослободской, Каляевской, Чехова и Пушкинской улицам,

далее по площадям Свердлова и Революции…

Пройдя по Историческому проезду на Красную площадь, полк повернул налево и после несложного перестроения встал на свое место. Красная площадь, несмотря на дождь и хмурое небо, была воистину красной, похожей на громадный букет цветов с сотнями алых лепестков. Ведь только фронтовые полки привезли с собой почти четыреста боевых знамен соединений и частей, наиболее отличившихся в боях на своем фронте… К тому же в этом море знамен и цветов на новых мундирах участников парада блестели Золотые Звезды Героев Советского Союза, звезды полных кавалеров ордена Славы и множество боевых орденов и медалей.

В девять часов, с первым ударом Кремлевских курантов, площадь замерла в ожидании начала грандиозного события. Из ворот Спасской башни на белом коне выехал принимающий парад заместитель Верховного Главнокомандующего, трижды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Жуков. На середине парадного строя его встретил на вороном коне командующий парадом дважды Герой Советского Союза, Маршал Рокоссовский и доложил о готовности войск к торжественному маршу. <…>

Первым, открывая парад, шел наш полк. Он как бы олицетворял собой правый фланг огромного фронта Великой Отечественной войны. Вел его командующий фронтом маршал Кирилл Афанасьевич Мерецков.

За ним в шеренге шли заместитель командующего 18-й воздушной армией маршал авиации Н.С. Скрипко, командующий 26-й армией генерал-лейтенант Л.С. Сквирский, заместитель командующего фронтом генерал-полковник В.А. Фролов и командующий 14-й армией генерал-лейтенант В.И. Щербаков. Далее, за штандартом с надписью "Карельский фронт", шли командир полка Калиновский, его заместители и начальник штаба.

Знаменная группа несла восемнадцать боевых знамен соединений и частей, наиболее отличившихся в оборонительных боях 1941 — 1943 годов и в ходе Петсамо-Киркенесской операции 1944 года.

Затем твердым шагом, выдерживая строгое равнение, прошли батальоны полка.

За Карельским полком маршировали сводные полки фронтов в порядке их расположения на завершающем этапе войны (с севера на юг): Ленинградского; 1-го Прибалтийского; 3, 2 и 1-го Белорусских; 1, 4, 2 и 3-го Украинских фронтов, сводный полк Наркомата ВМФ.

Как только прошли моряки, оркестр внезапно прекратил игру, а через несколько мгновений, также внезапно, зазвучала

резкая барабанная дробь. На площади появилась колонна особого батальона из двухсот красноармейцев, которые несли наклоненные книзу трофейные знамена, некогда принадлежавшие разгромленным фашистским дивизиям и полкам. В их числе был и личный штандарт Адольфа Гитлера.

Полотнища этих уже никому не нужных атрибутов поверженного гитлеровского вермахта волочились по мокрой брусчатке, а когда батальон подошел к Мавзолею, то после резкого поворота воины с силой и видимым на их лицах отвращением швырнули эти палки с мокрыми тряпками на землю…»[103]

О параде 24 июня Кирилл Афанасьевич напишет в мемуарах, что, ведя свой сводный полк мимо Мавзолея Ленина, на трибуне которого стояли руководители партии и правительства, он с гордостью думал о бойцах и командирах, спасших человечество от коричневой чумы. В его полку, как и в полках других фронтов, шли именно эти мужественные воины…

Через два дня в Кремле был устроен прием в честь участников Парада Победы.

ВЫПОЛНЯЯ СОЮЗНИЧЕСКИЙ ДОЛГ

Против Квантунской армии

26 июня Ставка приняла окончательное решение о создании Главнокомандования советскими войсками на Дальнем Востоке. Все сосредоточенные там вооруженные силы были разделены на три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные. Сталин назначил командующими: на Забайкальский фронт — маршала Малиновского со 2-го Украинского, воевавшего в Карпатах, где условия местности примерно схожие с дальневосточными; на 1-й Дальневосточный — маршала Мерецкова с Карельского фронта. По поводу Мерецкова Верховный заметил, что ему приходилось действовать в условиях труднопроходимой местности и сильно развитой системы укреплений противника. «"Хитрый ярославец" найдет способ разбить японцев. Ему воевать в лесу и рвать укрепленные районы не впервой». На 2-й Дальневосточный — старожила Дальнего Востока генерала армии Пуркаева, командовавшего войсками Дальневосточного фронта.

Главнокомандующим стал маршал Василевский. Для него это было не новостью. Сталин еще летом 1944 года в беседе с ним сказал, что ему придется ехать на Дальний Восток и что он должен быть готов возглавить группировку в войне с Японией. Теперь, когда план разгрома японских войск в Маньчжурии, Корее, на Сахалине и Курильских островах был утвержден, такое назначение состоялось.

Перед отъездом Василевского на Дальний Восток Сталин спросил его:

— Вы продумали, откуда и кого с собой возьмете?

— Из ВВС, артиллерии…

— Возьмите Новикова, Чистякова.

— Еще из тыла нужен представитель.

— Берите, кого сочтете нужными. Верховный под конец разговора сказал:

— От вас зависит очень многое. Мы собираемся в Берлин на конференцию. Вопросы очень сложные по разделу Германии, контрибуции, по новому порядку в Европе. Союзники, судя по всему, не рассчитывают разбить Японию в ближайшее время, будут втягивать нас в эту войну Мы останемся верны нашим обязательствам, вступим в войну, но провести ее должны решительно, в самые короткие сроки, победоносно[104].

* * *

Из Москвы на Дальний Восток Малиновский и Мерецков убыли секретно. По документам и внешнему виду они были не маршалами: Родион Яковлевич Малиновский превратился в генерал-полковника Морозова, Кирилл Афанасьевич Мерецков — в генерал-полковника Максимова.

Сталин предложил Кириллу Афанасьевичу назваться на время в целях маскировки генералом армии. Но Мерецков предпочел стать генерал-полковником, сказав в шутку, что такого звания он еще не носил, хочет попробовать. Псевдоним Максимов был взят потому, что на Дальневосточном фронте действительно находился генерал Максимов, командовавший одной из армий. Мерецков рассчитывал, что японцы решат, будто именно о его переездах с места на место и его распоряжениях идет речь, и не станут остро реагировать на соответствующие донесения своих лазутчиков, которых в Приморье было немало. И в самом деле, как потом станет известно, пленные японские генералы интересовались во время допросов, тот ли это знакомый им генерал Максимов командует войсками 1-го Дальневосточного фронта.

Как вспоминал генерал-полковник И.М. Чистяков, командующий 25-й армией 1-го Дальневосточного фронта, в начале июня он улетал из Москвы в Приморье. У самолета встретил генерала Белобородова, с которым в предвоенные годы вместе служил на Дальнем Востоке.

— Ты куда, Афанасий Павлантьевич? — спросил Чистяков Белобородова.

— В первую Краснознаменную армию.

— А я в двадцать пятую…

— Что, Иван Михайлович, летим громить японцев?

— Как будто бы. Все хорошо, но если бы взять мне с собой шестую гвардейскую…[105]

— А мне бы свою сорок третью…[106]

— Ну ничего, дальневосточные армии будут драться с японцами не хуже, чем наши на западе с фашистами.

— Не сомневаюсь.

В самолете во время полета они вспоминали довоенную службу в Приморье. Многие офицеры и генералы, которые летели вместе с ними, никогда не были в тех краях. Афанасий Павлантьевич Белобородое увлеченно рассказывал им о маньчжурских сопках, покрытых лесом, где масса грибов, ягод, обилие зверья, птицы, особенно фазанов.

Летели 26 часов, и, понятно, на протяжении этого времени у каждого были свои думы. Фронтовики знали: окончание войны в Европе определило исход мировой войны в целом, но на Дальнем

Востоке и на Тихом океане еще шли бои. Дальневосточный агрессор, недавний союзник гитлеровской Германии, продолжал вести борьбу против Англии, США и Китая. Военные действия проходили вблизи дальневосточных границ Советского Союза, где страна вынуждена были в самые тяжелые годы войны с Германией держать не менее 40 дивизий. А как бы они пригодились на западном фронте, особенно под Москвой и Сталинградом!..

Чистяков и Белобородов разместились в гостинице Военного совета 25-й армии, которой командовал генерал-майор А.М. Максимов. Здесь их уведомили, что сегодня, 3 июля, в 19.00 им необходимо быть у командующего Приморской группой Маршала Советского Союза Мерецкова…

В кабинет командующего первым вошел Чистяков. Не взглянув на погоны Мерецкова, он по-солдатски выпалил:

— Товарищ Маршал Советского Союза! Генерал-полковник Чистяков прибыл в ваше распоряжение на должность командующего двадцать пятой армией! — И отступил на шаг в сторону.

Так же по-солдатски четко доложили генерал Белобородов и другие прибывшие генералы. И вдруг кто-то шепнул Чистякову:

— Иван Михайлович, а на плечах маршала погоны генерал-полковника…

Чистяков не поверил своим глазам, даже в жар бросило. Что такое?

Мерецков заметил его смущение:

— Я, товарищи, не маршал, а генерал-полковник Максимов, но это временно, в целях дезинформации противника.

Все прибывшие впервые здесь встретились с Мерецковым. Знали о нем лишь то, что он был начальником Генштаба Красной армии, а во время войны с гитлеровской Германией командовал Волховским и Карельским фронтами. Знали еще, что до войны участвовал в испанских событиях и одно время служил начальником штаба Особой краснознаменной Дальневосточной армии.

Кирилл Афанасьевич сказал:

— Поскольку вы после долгого полета устали — отдохните, а завтра прошу в десять ноль-ноль быть у меня.

Утром все прибыли в штаб. В кабинете маршала уже были развешаны карты, схемы, испещренные разноцветными стрелками. Мерецков приветливо поздоровался с каждым и заговорил:

— Советские войска на Дальнем Востоке в настоящее время объединены в три фронта. Забайкальским командует маршал Малиновский, Вторым Дальневосточным — генерал армии

Пуркаев, Первым Дальневосточным — я. Тихоокеанским флотом командует адмирал Юмашев. Руководить всеми боевыми действиями фронтов будет главнокомандующий маршал Василевский.

Василевского многие очень хорошо знали по боям под Сталинградом, на Курской дуге, при освобождении Белоруссии и Прибалтики.

— А сейчас, — продолжал Мерецков, — я ознакомлю вас со здешним положением. Наступательные операции США и Англии против Японии развертываются крайне медленно. Не станем заниматься предположениями. Скажу вам, что сего дня со всей остротой стоит вопрос о быстрейшей ликвидации японского очага войны на Дальнем Востоке. — Он взял указку и подошел к картам-схемам, на которых был нанесен общий стратегический план разгрома Квантунской армии.

Генерал Белобородое толкнул в бок Чистякова и довольно громко произнес:

— Смотри, Канны[107]!

Квантунская армия была взята в полукольцо стрелками трех фронтов.

Маршал, взглянув в его сторону, улыбнулся:

— Да, товарищи, это действительно Канны. Маньчжурская операция своим размахом поражает воображение даже тех, кто близко видел не одну войну. Наступление наших войск, как вы видите, намечается начать на фронте общим протяжением более пяти тысяч километров при глубине, достигающей шестисот — восьмисот километров. Для достижения конечной цели операции — полного разгрома всех сил Квантунской армии — отводится крайне ограниченное время, не более двадцати — двадцати трех дней. Средний темп наступления тридцать пять — сорок километров в сутки. Если учесть сложнейшие природные условия Дальнего Востока, его огромное удаление от центральных районов страны, сжатые сроки под готовки, то для каждого из нас становится ясным, как трудна эта операция.

Первый Дальневосточный фронт получил задачу прорвать систему приграничных укрепленных районов, разгромить противостоящего противника и на пятнадцатый — восемнадцатый день операции выйти на рубеж Боли—Муданьцзян—Ванцин. В дальнейшем с выходом главных сил фронта на западный берег реки Муданьцзян и в район Ванцин, Яньцзи развить удар в направлении Гирин—Чанчунь и частью сил на Харбин.

Войска фронта должны нанести два удара. Первый — силами 35-й армии из района Губерово, Лесозаводск в направлении на Мишань с целью овладеть Хитоуским и Мишанским

укрепленными районами и тем самым обеспечить с севера действия главной группировки фронта. Второй — силами 25-й армии из района восточнее Дуннина в направлении Ванцин, Яньцзи с задачей расширить прорыв в сторону фланга, отрезать японским войскам пути отхода в Северную Корею. Кроме того, на войска фронта возлагается задача во взаимодействии с Тихоокеанским флотом обеспечить оборону морского побережья на участке от бухты Преображения (160 километров восточнее Владивостока) до мыса Сосунова.

— Должен вам сказать, — продолжал Кирилл Афанасьевич, — что пока Генштаб и штаб Первого Дальневосточного работают над двумя вариантами плана операции нашего фронта. Имеются также мнения: учитывая сложность природных условий в полосе фронта и то, что здесь находятся особо сильные укрепрайоны противника, начать наступление Первого Дальневосточного фронта на десять дней позже Забайкальского. Это заставило бы японцев перебросить часть своих сил в полосу Забайкальского фронта, тем самым ослабив группировку, противостоящую войскам Первого Дальневосточного фронта. Это, конечно, важное соображение. Однако разновременный переход в наступление мог бы позволить противнику сравнительно свободно маневрировать по внутренним оперативным линиям крупными группировками своих сил. А можно ли с уверенностью сказать, что противник станет выводить для отражения удара Забайкальского фронта войска именно из полосы Первого Дальневосточного фронта? Что он не использует для этого свои резервы? Вряд ли. И еще: при разновременном переходе в наступление утратится внезапность действий Первого Дальневосточного фронта…

Мерецков говорил с глубоким знанием дела, даже прочитал целую лекцию по Квантунской армии, которая занимала особое место в вооруженных силах Японии. Служба в ней считалась большой честью для японских офицеров и генералов и рассматривалась как почти обязательное условие для продвижения.

Все это не случайно. Квантунская армия предназначалась для захвата советского Дальнего Востока и Сибири. Как писали тогда японцы, она должна была пройти по «самурайским тропам», что тянулись от берегов Японского моря через всю Корею и Маньчжурию в Приамурье и Сибирь, вплоть до Урала. Личный состав Квантунской армии воспитывался в духе фанатической верности империи и ненависти к народам других стран, прежде всего Советского Союза, Монгольской Народной Республики и Китая. Командующий армией генерал-лейтенант Отодзо Ямада совмещал функции генерал-губернатора Квантунской области

оккупированной Маньчжурии, а также чрезвычайного посла императора Японии при «правительстве» Манчжоу-Го.

По организационной структуре Квантунская армия представляла собой группу фронтов. Наиболее сильным по своему составу был 1-й фронт. Именно его главные силы сосредоточены перед 1-м Дальневосточным фронтом. 10 пехотных дивизий и одна бригада были развернуты вдоль границ советского Приморья, прикрывая хуньчунское и муданьцзянское направления. Командовал 1-м фронтом генерал Кита, штаб его располагался в городе Муданьцзяне.

После того как Мерецков закончил, присутствующим генералам были вручены оперативные документы. Стали разъезжаться по своим «хозяйствам». Чистяков и его новые подчиненные отправились на машинах на КП 25-й армии.

Для Чистякова дорога — будто вчера проезжал по ней, каждый поворот, каждое дерево и куст знакомы. А для его спутников все было внове. Они не переставали восхищаться природой: быстрыми речушками с прозрачной водой, вековыми лиственницами, сопками, покрытыми кустарниками, и травами с крупными яркими цветами.

Чистяков думал о том, что всем им предстоит пережить на этой земле много тяжелых часов. На западе они знали противника: его тактику и стратегию, его военную технику. Здесь же всё по-иному — другая обстановка, другой враг…

У наступательных ударов свои особенности. Район главного удара — безлесная полоса с небольшими горами, заросшими густым перелеском высотой в рост человека. Войдешь в него — темно как ночью. На склонах высот — завалы, ниже — болота. Район вспомогательного удара из Краскина — озеро Хасан не легче: большие скалистые хребты. На границе довольно широкая река Туманган, а левый фланг упирается в Японское море. И наконец, укрепрайоны, которые никак нельзя сравнить с полевыми укрепленными рубежами на западе. Здесь укрепрайоны строились десятки лет. Не каждая пушка, даже дивизионная, может вывести огневую точку из строя… А в глубине Маньчжурии еще более непроходимые места — горная тайга. Плохо и то, что на каждом из трех направлений только по одной дороге, рокадных же совсем нет. Так что проложить колонный путь с одного направления на другое почти невозможно…

Машина проскочила мост, вдали показалось большое здание — КП 25-й армии. Около него собралась группа командиров, некоторых из них Чистяков знал еще до войны. Максимова не было, вместо него новому командующему докладывал начальник штаба генерал Г.И. Шанин…

* * *

5 июля с документами на имя Васильева прибыл специальным поездом в Читу маршал Василевский. Одет он был в форму генерал-полковника. С ним приехали командующий ВВС РККА Главный маршал авиации А.А. Новиков, заместитель командующего артиллерией Красной армии маршал артиллерии М.Н. Чистяков, заместитель начальника войск связи Н.Д. Псурцев, заместитель начальника тыла генерал-полковник В.И. Виноградов и некоторые другие ответственные работники Наркомата обороны и Генерального штаба.

Он познакомился с войсками Забайкальского фронта, вместе с Малиновским побывал на основных участках. Они провели ряд рекогносцировок, ознакомились, насколько могли, с войсками, обсудили обстановку и предстоящие боевые задачи с командованием армий, корпусов и командирами основных дивизий.

Затем Василевский совершил поездку по войскам Дальневосточных фронтов. Во второй половине июля он вместе с Мерецковым побывал на командном пункте 5-й армии в районе города Кабанья, чтобы при участии командиров соединений еще раз рассмотреть вопрос о способе перехода в наступление.

Доктор исторических и доктор военных наук, президент Академии военных наук генерал армии Махмут Ахметович Гареев в то время был на 1-м Дальневосточном фронте старшим помощником начальника отделения оперативного отдела штаба 5-й армии. Он рассказывает, как готовилась Маньчжурская операция.

Командарм 5-й армии генерал-полковник Н.И. Крылов предложил начать наступление без артподготовки, внезапно перейдя госграницу силами усиленных передовых батальонов. Главные силы до начала перехода предполагалось держать в глубине, часть артиллерии выдвинуть ближе к границе и иметь в готовности к открытию огня. После раздумий и анализа плюсов и минусов это предложение было утверждено.

Как и в лучших операциях, проведенных на советско-германском фронте, обращает на себя внимание исключительная конкретность в работе при подготовке Маньчжурской операции. Все было подчинено скрытности проведения подготовительных мероприятий и обеспечению внезапности действий. После определения командующим замысла и принятия решения по планированию операции к ее подготовке и организации боевых действий допускался ограниченный круг должностных лиц. Все документы исполнялись лично этими должностными лицами без

привлечения чертежников, машинисток и другого технического персонала.

«Например, — пишет Гареев, — в штабе 5-й армии мне пришлось работать в составе группы планирования во главе с начальником штаба армии генерал-лейтенантом Н.Я. Прихидько. В районе станции Мучная нас закрыли в отдельном строго охраняемом домике, откуда никого не выпускали; еду нам приносили часовые. Работать приходилось почти круглыми сутками.

После рассмотрения и утверждения командующим выработанные решения и планы доводились в части, их касающейся, до подчиненных инстанций. Основные усилия командного состава и штабов сосредотачивались в войсках на организации, боевом, тыловом и техническом обеспечении боевых действий».

С офицерами на картах и макетах местности детально, скрупулезно отрабатывался порядок скрытного выдвижения батальонов и перехода ими госграницы во взаимодействии с группами пограничников, досконально знавших местность. В каждой дивизии были созданы учебные поля, которые воспроизводили опорные пункты японцев со всеми заграждениями, долговременными огневыми точками, системой охраны и обороны. На этих учебных полях затем в течение недели шли тактико-строевые занятия с многократным повторением наиболее сложных приемов действий и взаимодействия между подразделениями различных родов войск…

1-й Дальневосточный фронт (командующий Маршал Советского Союза К.А. Мерецков, член Военного совета генерал-полковник Т.Ф. Штыков, начальник штаба генерал-лейтенант А.Н. Крутиков) к началу августа окончательно сложился: имел в своем составе 1-ю Краснознаменную армию (командующий генерал-полковник А.П. Белобородое), 5-ю (командующий генерал-полковник Н.И. Крылов), 25-ю (командующий генерал-полковник И.М. Чистяков) и 35-ю (командующий генерал-полковник Н.Д. Захватеев) общевойсковые армии, Чугуевскую оперативную группу, 10-й механизированный корпус, 9-ю воздушную армию (командующий генерал-полковник авиации И.М. Соколов) и армию ПВО.

Фронт во время действий против Квантунской армии должны поддерживать Тихоокеанский флот (командующий адмирал И.С. Юмашев) и Краснознаменная Амурская флотилия.

6 августа Соединенные Штаты Америки применили ядерное оружие против японского города Хиросима. Через два дня они сбросят атомную бомбу на второй город Японии — Нагасаки.

Цели атомных бомбардировок ВВС США не имели военного значения, находились вдалеке от районов дислокации Квантунской армии и военной промышленности в Китае и Корее. Это была демонстрация возможностей нового оружия массового уничтожения японскому военно-политическому руководству Кроме того, демонстрация предназначалась и для руководства СССР, уже знавшего ряд деталей «Манхэттенского проекта»[108] и санкционировавшего по этой причине работы над советским ядерным оружием. (Трумэн не предполагал в Потсдаме, что Сталин знает об атомной бомбе.) Еще одной из задач атомных бомбардировок было «натурное испытание» нового оружия по принципу: «Вложены многие миллионы долларов, как иначе?» Однако «натурные испытания» провели на мирном населении двух японских городов.

После оккупации Японии американцы проведут детальные исследования последствий применения атомного оружия на живых людях и все материалы засекретят.

Разгром

7 августа в штабы трех фронтов — Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных — поступила директива Ставки Верховного главнокомандования. Она предписывала в ночь на 9 августа развернуть наступление против Квантунской армии. Авиации начать действовать с утра 9 августа. Тихоокеанскому флоту перейти в оперативную готовность номер один, приступить к постановке минных заграждений, одиночное судоходство прекратить, транспорты направить в пункты сосредоточения, а в дальнейшем организовать судоходство конвоями под охраной военных кораблей, подводные лодки развернуть.

8 августа советское правительство опубликовало заявление, в котором говорилось, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией.

Войскам 1-го Дальневосточного фронта была поставлена задача провести Харбино-Гиринскую наступательную операцию против Квантунской армии. Эта операция рассматривалась как одна из важнейших составных частей общей стратегической Маньчжурской операции, которая войдет в историю под названием «Битва за Маньчжурию», а на Западе — «Августовская буря».

9 августа, сразу после полуночи, по приказу Мерецкова разведывательные отряды и передовые штурмовые части придвинулись вплотную к территории противника.

О том, как началось сражение против квантунцев, лучше, чем главный участник и руководитель его — маршал Мерецков, пожалуй, не расскажешь.

«Разразилась гроза, хлынул тропический ливень. Перед нашими войсками мощные железобетонные укрепления, насыщенные большим количеством огневых средств, а тут разверзлись хляби небесные… Замысел был такой: используя боевой опыт Берлинской операции, мы наметили атаковать противника глухой ночью при свете слепящих его прожекторов. Однако потоки воды испортили дело. Как быть?

А время идет. Вот наступил час ночи. Больше ждать нельзя. Я находился в это время на командном пункте генерала Белобородова. Вокруг стояли войска. Люди и боевая техника были в полной готовности. Одно слово — все придет в движение. Открывать огонь? Или нет? Уже некогда было запрашивать метеорологические сводки, собирать какие-то дополнительные сведения. Решать нужно немедленно, на основе тех объективных данных, которые уже известны. А они требовали: не медлить!

Несколько секунд на размышления — и последовал сигнал. Советские воины бросились вперед без артподготовки. Передовые отряды оседлали узлы дорог, ворвались в населенные пункты, навели там панику… Внезапность сыграла свою роль… Наступательный порыв наших войск был неудержимым. Так, отряд 26-го стрелкового корпуса, пройдя по глухой тайге 40 километров, уже 10 августа овладел городом Мулин (Бамяньтун). Японцы стали отходить, но наши передовые отряды, вклиниваясь между японскими частями, разобщали их действия, рвали связь и дезорганизовали оборону.

Тем временем погранвойска генерал-майора П.И. Зырянова ликвидировали полицейские кордоны и мелкие японские гарнизоны».

С наступлением утра 76 самолетов Ил-4 из состава 9-й воздушной армии нанесли удары по командным пунктам и другим военным объектам в Чанчуне и Харбине.

Японское командование предполагало, что Красная армия поступит по всем правилам военной науки: прежде чем перейти госграницу, будет проведена артиллерийская и бомбовая обработка передних оборонительных рубежей. Опытный японский военачальник Ямада решил переиграть русских и приказал отвести свои войска от пограничных районов на тыловые линии. Ямада рассчитывал: первый массированный удар придется по этим пустым районам и живая сила и техника его армии сохранится. Но он ошибся. Советские разведчики своевременно выявили передвижение вражеских войск. В тылу противника активно действовало более 600 агентов. Они держали под контролем все военные объекты Квантунской армии. Авиация в дневное время, когда улучшилась видимость, отбомбилась как раз по тем местам, куда были перемещены японские части и подразделения с переднего края.

Японцев ошеломила внезапность и нестандартность начала военных действий со стороны Красной армии. Стремительный бросок множества советских бронетанковых подразделений через, казалось, непроходимую горно-лесистую местность парализовал их волю. Почти повсеместно была пробита оборона противника, японцы потеряли управление и связь. Началось их хаотичное отступление.

Мерецков вслед за частями и отрядами прорыва ввел в действие главные силы фронта. 5-я армия атаковала Суйфыньхэйский укрепрайон и продвинулась до 23 километров. 1-я Краснознаменная двинулась бездорожьем через горную тайгу к Муданьцзяну.

Соединения 25-й армии вели успешное наступление на

гиринском направлении.

Вражеские войска были рассечены мощными фронтальными и фланговыми ударами.

За короткое время главные силы фронта в трудных условиях местности овладели центрами укрепрайонов Хутоу, Пограничненского и Дуннин, пройдя за два дня боев на отдельных направлениях до 75 километров. На Муданьцзян рвались, ломая сопротивление противника, 1-я Краснознаменная и 5-я армии. 13 августа 26-й стрелковый корпус армии Белобородова завязал бои на улицах Муданьцзяна. Параллельно обрушивались на врага дивизии армии Крылова.

25-я армия Чистякова громила японские силы в направлении на Ванцин и вдоль восточного побережья Кореи.

В несколько иных условиях начались действия 35-й армии. Здесь переходу войск в наступление предшествовал сильный артиллерийский обстрел опорных пунктов противника. Затем основные силы армии, форсировав Уссури и Сунгачу и преодолев обширный болотистый район, отбросили врага и к исходу дня дошли до тыла мощного узла сопротивления противника.

Стремительность наступления позволила нашим войскам перерезать все коммуникации врага, прежде чем командование Квантунской армии смогло ими воспользоваться для отхода и организации обороны на заранее подготовленных рубежах в глубине.

«Однако, — пишет Мерецков, — неправильно было бы думать, что японцы заботились только об отходе и не оказывали серьезного сопротивления. Напротив, я ежедневно получал доклады о том, что они яростно сражались и не сдавали без боя ни одного укрепленного пункта, ни одной высоты. Были, например, такие случаи. В Дуннинском укрепленном районе, где наступала 25-я армия, японские офицеры, видя бесполезность дальнейшего сопротивления, приказывали своим солдатам сдаваться. Однако последние не выполняли этих приказаний и расстреливали офицеров. А в ряде гарнизонов японское командование посылало священнослужителей и местных учителей, которых обязало разъяснить солдатам бесцельность дальнейших боевых действий. Но солдаты, годами воспитывавшиеся в самурайском духе, не повиновались и священнослужителям, продолжая сражаться».

Особенно упорные бои шли у Муданьцзяна. Здесь враг потерял около 40 тысяч солдат. Получив известие о том, что наконец прорвана оборона в районе Муданьцзяна, Мерецков поехал посмотреть на места, где проходили бои. И вот что, по его словам, он там увидел. «Сначала, километров на пять, тянулось

предполье, подготовленное для сдерживания наших авангардов. Сравнительно небольшой интервал — и машины с комфронта и охраной уперлись в главную оборонительную полосу с долговременными железобетонными точками. Глубина этой полосы была четыре километра. Проехали дальше ровно пятнадцать километров, и открылась новая полоса обороны — трехкилометровой глубины. Отъехали еще на пятнадцать километров и обнаружили еще оборонительную полосу такой же глубины. Узлы сопротивления выглядели чрезвычайно внушительно. При осмотре одного из них насчитали 17 артиллерийских дотов, 5 артиллерийско-пулеметных точек, свыше 50 пулеметных гнезд и массу различных сооружений полевого типа».

Кирилл Афанасьевич говорит, что картина этого узла сопротивления пробудила тогда в его памяти зрелище пятилетней давности: перед глазами встала линия Маннергейма. Только вместо опушенных финским снегом грязно-серых железобетонных сооружений с вывороченной разрывами стальной арматурой на зеленом фоне густо разросшегося кустарника чернели трапециевидные покатые крыши столь же прочных японских укреплений.

После того как была разбита крупная группировка неприятельских войск, соединения армии Белобородова двинулась на Харбин, а армии Крылова — на Гирин.

Некоторые укрепрайоны сопротивлялись долго. Советские войска были уже у Харбина и Мукдена, а в тылу у них японские солдаты отдельных узлов сопротивления, окруженные со всех сторон, все еще ожесточенно вели сражение. Позднее, просачиваясь через линию боевых действий мелкими группами, они переходили к диверсионным действиям. Самурайская пропаганда трубила об «особенной натуре» солдат Страны восходящего солнца. Но дело заключалось не только в национальной специфике. Допросы пленных показывали, что более развитый, грамотный японец критичнее оценивал политику правящих кругов своей страны, был менее фанатичен, нежели малограмотный, отсталый и забитый.

Во многих местах японцы при отходе широко использовали команды смертников — солдат, заранее «запрограммированных» на гибель. Вот как они действовали, например, против наших танков. В боях под станцией Мадаоши участвовало до двухсот смертников, которые, обвязавшись сумками с толом и ручными гранатами, прятались в зарослях густого кустарника и, выждав момент, бросались под советские танки. Эти «живые мины» были очень опасны. Специальные подразделения, заранее

подготовленные к такой тактике противника, быстро парализовали действия этих групп, но они успели нанести танкистам определенный урон.

Монгольская Народная Республика вступила в войну 10 августа. Народно-революционная армия маршала Хорлогийна Чойбалсана вместе с Забайкальским фронтом Малиновского наносила удары от Сайн-Шанда в пустыне Гоби по войскам князя Де Вана и Суйюанской армейской группы в направлении Калгана (Чжанцзякоу).

Соседние фронты — 2-й Дальневосточный и Забайкальский — также активно громили Квантунскую армию. Василевский пишет в воспоминаниях, что они на своих направлениях отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта вплотную подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центральноманьчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 километров, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к ее столице Чанчуню и крупному промышленному центру Мукдену.

Войска 2-го Дальневосточного фронта вели результативные бои на подступах к Цицикару и Цзямусы.

К этому времени левофланговые соединения армии Чистякова при поддержке артиллерии кораблей Тихоокеанского флота овладели долговременными укреплениями противника на границе с Кореей. Совместно с морскими десантами они заняли порты Унги (Юки) и Наджин (Расин), лишив тем самым Квантунскую армию связи с материковой Японией и отрезав ее главным силам пути отступления в Корею.

На правом крыле фронта успешно наступала 35-я армия. К исходу 15 августа ее соединения продвинулись вглубь Маньчжурии на 120—150 километров.

16 августа соединения 1-й Краснознаменной и 5-й армий, овладев Муданьцзяном, развернули стремительное наступление на Харбин и Гирин.

Советская авиация господствовала в воздухе на всем дальневосточном театре военных действий. Тихоокеанский флот овладел японской военно-морской базой Чхонджин и прочно закрепил за собой северокорейское побережье.

Харбино-Гиринская наступательная операция подошла к своему победному завершению. С 17 августа японцы стали массово сдаваться в плен.

Чтобы ускорить освобождение Северо-Восточного Китая и Кореи, были высажены воздушные десанты в Гирине (Цзилинь) и Харбине. Сопротивления японцы не оказали, и 20 августа города эти были в руках Красной армии. Миссию по организации порядка в них Мерецков возложил на особоуполномоченных генерал-майора Г.А. Шелахова и полковника В.П. Лебедева, сопровождавших десанты.

Результатом боев войск 1-го Дальневосточного фронта стал разгром 3, 5 и 34-й японских армий. Противнику был нанесен огромный ущерб в живой силе убитыми и ранеными, захвачено около 300 тысяч пленных, свыше 700 орудий, 120 танков, 360 самолетов и другой военной техники. Войска фронта во взаимодействии с Тихоокеанским флотом освободили от японских оккупантов Северную Корею.

Капитуляция Японии

Японское правительство 14 августа приняло решение капитулировать. А за пять дней до этого оно заявляло, что признает Потсдамскую декларацию[109] при условии сохранения императорской власти в стране. В ответе союзников — СССР, США, Великобритании и Китая — от 11 августа вновь было подтверждено требование о безоговорочной капитуляции.

Под ударами Красной армии главная военная сила Японии Квантунская армия терпела катастрофическое поражение. Страну восходящего солнца ожидал неминуемый крах. Император Хирохито сделал заявление: Япония признает себя побежденной. 15 августа токийское радио передало его указ о принятии всех условий капитуляции. Тем не менее Квантунская армия продолжала сопротивляться.

16 августа в советской печати было опубликовано разъяснение Генерального штаба Красной армии, в котором говорилось:

«1. Сделанное японским императором 14 августа сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции.

Приказ вооруженным силам о прекращении боевых действий еще не отдан, и японские вооруженные силы по-прежнему продолжают сопротивление. Следовательно, действительной капитуляции вооруженных сил Японии еще нет.

2. Капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие и когда этот приказ будет практически выполняться.

3. Ввиду изложенного Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии».

В Харбине были пленены начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Х. Хата и группа его генералов и офицеров. Их доставили на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта, где находились Василевский и Мерецков. «Перед нами сидел бритоголовый человек с угрюмым взглядом, — описывает Мерецков японского генерала Хату. — Ворот его рубашки был расстегнут, как будто ему было трудно дышать. Брови временами непроизвольно дергались. Обрюзгшее лицо выражало усталость. Не о таком исходе событий мечтал он, конечно. Спокойнее держались сопровождавшие его офицеры. По-

видимому, они радовались, что на них лежит меньше ответственности. Когда они обращались к советским командирам, сквозь их зубы слышалось легкое шипение: так изображается у японцев особая степень почтительности при разговоре».

Василевский очертил Хате круг его действий, указал сборные пункты сдачи в плен, маршруты движения к ним и время. Хата согласился со всеми указаниями советского командования. Он объяснил, что приказ штаба Квантунской армии о капитуляции не удалось довести до японских войск своевременно ввиду того, что в первые же дни советского наступления была прервана связь с соединениями и японская армия сразу же потеряла управление. Пришлось оповещать самолетами.

Маршал Василевский предупредил Хата, что японские войска должны сдаваться организованно и вместе со своими офицерами и что в первые дни забота о питании пленных солдат ложится на японскую сторону.

— Вы должны переходить к нам со своими кухнями и запасами продовольствия. Японские генералы могут держать при себе своих адъютантов и необходимые личные вещи. Мы не будем разыскивать их принадлежности, которые могут понадобиться, — разъяснял маршал. В заключение сказал: — Я гарантирую хорошее отношение со стороны Красной армии и к высшим офицерам, и к солдатам.

Хата попросил разрешения до вступления Красной армии в различные города оставить у японских солдат оружие, поскольку «население ненадежное и могут быть нападения». Василевский разрешил.

Затем главнокомандующему Квантунской армией генералу Ямаде был послан приказ-ультиматум:

«Главнокомандующему Квантунской армией генералу Ямада.

Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата получил 19.8.1945 года от меня следующие указания о порядке капитуляции Квантунской армии и ее разоружения.

1. Немедленно прекратить боевые действия частей Квантунской армии повсюду, а там, где это окажется невозможным, быстро довести до сведения войск приказ о немедленном прекращении боевых действий и прекратить боевые действия не позднее 12 часов дня 20.8.45 года.

2. Немедленно прекратить всякие перегруппировки войск Квантунской армии. Все передвижения, необходимые для обеспечения выполнения условий капитуляции, производить каждый раз по моему указанию.

3. Дать командующему 1-м фронтом и командующим 3-й, 5-й и 34-й армиями следующие указания:

а) немедленно связаться с командованием советских войск на местах через своих делегатов, выслав их в пункты встречи: Яньцзи, Нингуша, Муданьцзян;

б) войскам, дислоцирующимся в Северной Корее, сосредоточиться по указанию представителя командования 1-м Дальневосточным фронтом, для чего командующему 34-й армией прибыть к утру 22.8.45 года в Яньцзи;

в) командующему 1-м фронтом за получением указаний по выполнению условий капитуляции прибыть в 20.00 20.8.45 го да в Нингушу;

г) предписать соединениям и частям сдать оружие в районах: Боли, Муданьцзян, Нингуша, Ванцин, Дуньхуа, Яньцзи, Кайней, Сейсин, Харбин, Гирин;

д) представить в штаб Главкома советских войск на Дальнем Востоке к утру 22.8.45 года:

1) полный перечень всех соединений и частей Квантунской армии;

2) перечень тыловых частей и учреждений, складов и содержащихся в них запасов;

3) все мероприятия по выполнению условий капитуляции войскам Квантунской армии осуществлять через командование и штабы армий. Поэтому на период с 20 по 25 августа вся сеть связи штаба Квантунской армии со штабами армий остается полностью в распоряжении главнокомандующего Квантунской армией.

4. Ответственность за питание и санитарное состояние своих войск в период капитуляции и в последующем несет Главное командование Квантунской армии. Поэтому войска должны иметь свои кухни и обеспечиваться по существующим нормам питанием за счет запасов продовольствия Квантунской армии.

Главнокомандующий советских войск на Дальнем Востоке

Василъев».

* * *

К концу августа было полностью закончено разоружение капитулировавшей Квантунской армии и войск — сателлитов Японии. В плен сдалось около 600 тысяч солдат и офицеров, были взяты большие трофеи, освобождены Северо-Восточный Китай, Ляодунский полуостров, Южный Сахалин, Курильские острова и Северная Корея до 38-й параллели.

Война завершилась, но у командования и штабов дел по решению различных организационных вопросов было

невпроворот. Василевский почти каждый день говорил со Сталиным по телефону, сообщал обстановку. Итоговый доклад Ставке и ЦК о прошедших военных действиях готовился не спеша, благо Москва его не торопила. И вдруг в один из дней раздался неожиданный звонок Сталина:

— Товарищ Василевский, кто у нас командует войсками Дальнего Востока?

Василевский не знал, что отвечать. Сталин продолжал:

— Командующий Первым Дальневосточным фронтом Мерецков прислал в Ставку отчет о военных действиях. Вы знаете об этом?

— Нет…

Потом Александр Михайлович назовет это курьезным случаем. «Я отнюдь не имею целью этим бросить какую-то тень на "виновника" этого курьеза, — напишет он в своих воспоминаниях. — Он хорошо воевал и неизменно соблюдал субординацию в служебных отношениях… Я хорошо знал К.А. Мерецкова и не придал его докладу ставке какого-либо значения. Но когда он прибыл ко мне в штаб в Хабаровск, я по его виду понял, что он переживает по поводу своей поспешности с докладом»[110].

Нынче некоторые историки по поводу этого «курьезного случая» пытаются подтрунить над Мерецковым, мол, «хитрый ярославец» не прогадал в августе 45-го. Он знал, как важно вовремя напомнить о себе генсеку. И попал в точку. По итогам войны с Японией Сталин дал Василевскому вторую Звезду Героя Советского Союза (надо бы орден «Победа», но он уже дважды им награждался), а Мерецков 8 сентября 1945 года был награжден орденом «Победа» № 18.[111]

* * *

Принятие официальной капитуляции Японии состоялось 2 сентября на борту американского линкора «Миссури». О том, как это происходило, рассказали корреспонденты ТАСС Н. Богданов и И. Бочарников:

«Медленно рассеивается туман над Токийской бухтой в этот исторический день. Постепенно вырисовываются силуэты многочисленных кораблей союзников, грозно выстроившихся напротив столицы Японии.

К правому борту линкора пришвартовался миноносец "Будконан", на котором прибыл генерал Макартур. Вслед за ним поднимаются на линкор делегация союзных стран и гости. Делегация занимает свои места позади стола. Справа налево —

представители Китая, Великобритании, СССР, Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии. Гости, свыше 230 корреспондентов, размещаются в носовой части линкора, заполняя капитанский мостик, все орудийные площадки башни.

Заканчивается подготовка к церемонии.

По трапу поднимаются привезенные на катере одиннадцать человек японской делегации. Впереди, весь в черном, министр иностранных дел Японии Мамору Сигемицу. Потом — приземистый начальник армейского генерального штаба Японии генерал Умэдзу. За ними — дипломатические и военные чины в разношерстных костюмах и мундирах.

На палубе корабля появляется генерал Макартур. Он обращается с краткой речью к делегатам и гостям. Закончив речь, Макартур скупым жестом предлагает японцам подойти к столу и подписать акт о безаговорочной капитуляции.

Нерешительно подходит Сигемицу. За ним — генерал Умэдзу.

Ставит свою подпись Макартур.

После Макартура подписывают акт китайские делегаты. Китайцев сменяет английский адмирал Фрэзер.

Треск и щелканье многочисленных фото- и киноаппаратов увеличиваются, когда Макартур приглашает к столу делегацию СССР. Она здесь в центре внимания. Подписывает акт уполномоченный Верховного Главнокомандующего советскими вооруженными силами генерал-лейтенант К.Н. Деревянко…»

* * *

Кузьма Николаевич Деревянко служил в разведорганах, хорошо владел английским и японским языками. Перед Великой Отечественной войной был заместителем начальника разведотдела Прибалтийского особого военного округа, затем начальником разведотдела штаба Северо-Западного фронта. В последующем занимал должности начальника штаба корпуса, нескольких армий.

В связи с предстоящей войной с Японией генерал-лейтенант Деревянко был переведен на Дальний Восток начальником штаба 35-й армии 1-го Дальневосточного фронта. А вскоре получил назначение представителем Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при штабе Макартура.

«Акт подписан.

Высказав убеждение, что отныне прочный мир установится во всем мире, Макартур с улыбкой заканчивает процедуру и просит

делегации, подписавшие акт, проследовать за ним в салон адмирала Нимица на "Миссури".

Некоторое время японские делегаты стоят одни. Затем Сигемицу вручают черную папку с экземпляром подписанного акта, и японцы спускаются вниз по трапу, где их ждет катер»[112].

Следует сказать, что Макартур провел церемонию подписания акта о капитуляции таким образом, чтобы создать впечатление, будто Япония была сокрушена чуть ли не одними Соединенными Штатами, а роль Советского Союза здесь второстепенная.

Открыто об этом США заявят через пять лет после окончания Второй мировой войны. В тексте японо-американского мирного договора с Японией, подготовленного государственным департаментом Соединенных Штатов в 1951 году, содержалось утверждение, что СССР оказал незначительное влияние на японцев в этой войне и участвовал в ней только «шесть дней».

Советское правительство в своей ноте правительству США от 10 июля 1951 года опровергло это утверждение. «Во-первых, — отмечалось в документе, — Советский Союз вступил в войну с Японией точно в срок, как это было условлено на Ялтинской конференции, без какой бы то ни было просрочки. Во-вторых, Советская армия вела кровопролитные бои с японскими войсками не шесть дней, а в течение месяца, так как Квантунская армия долго еще продолжала сопротивление вопреки императорской декларации о капитуляции. В-третьих, Советская армия разбила в Маньчжурии 22 японские дивизии — главные силы японской Квантунской армии и взяла в плен около 600 тысяч японских солдат и офицеров. В-четвертых, Япония пошла на капитуляцию только после решающего удара советских войск по Квантунской армии. В-пятых, еще до вступления СССР в войну с Японией, в течение 1941—1945 годов, СССР держал на границах с Маньчжурией до 40 дивизий и приковывал к себе всю Квантунскую армию, облегчая тем самым операции Китая и США в войне против японских милитаристов».

К сожалению, об этом сегодня не любят вспоминать современные политики Запада.

ОТШУМЕЛИ, ПРОЛЕТЕЛИ ГОДЫ

На мирные рельсы

Время маршала Мерецкова после окончания военных действий советских войск с японскими и до официальной капитуляции (конец августа — начало сентября) было заполнено бесконечными разъездами. Маршруты их пролегали в разных направлениях: и в Хабаровск, где располагалась Ставка маршала Василевского; и на командный пункт фронта, который 28 августа был переведен в район Муданьцзяна; и в Ворошилов-Уссурийский, «базовый» город 1-го Дальневосточного фронта; и в Харбин, ставший на время своеобразным центром фронтовой военной администрации в Маньчжурии. Приходилось то осматривать трофеи, то участвовать в допросе пленных из числа высших чинов, то принимать парад войск по случаю победы, то встречаться с делегациями трудящихся советского Приморья и Маньчжурии. Эти разъезды были прелюдией к переходу к новому этапу его жизни и деятельности.

Капитуляция Японии подвела черту под Второй мировой войной. Теперь перед страной вставали задачи по восстановлению разрушенного хозяйства. Перевод вооруженных сил на мирные рельсы рождал многие проблемы: массовое увольнение красноармейцев и командиров из армии и их трудоустройство, строительство городков постоянного базирования вернувшихся с фронтов войск и многое другое.

На базе 1-го Дальневосточного фронта к началу октября был образован Приморский военный округ. Он включал в себя территорию Приморского края без районов к северу от реки Самарги. В его состав входили также войска, находившиеся в Северной Корее и на Квантунском полуострове. Командовать им был оставлен маршал Мерецков. Армии расформировались. Генерал-полковник Крылов стал заместителем командующего войсками округа, генерал-полковник (звание присвоено в сентябре 1945 года) Захватаев — начальником штаба, генерал-полковник Штыков — членом Военного совета. Генерал-полковник Чистяков возглавил советские войска в Корее, а генерал-полковник Белобородое — на Ляодуне[113].

Характер деятельности Мерецкова менялся. Вместо планирования, разработки боевых операций и руководства их осуществления он теперь занимался размещением войск и организацией их быта. Полководец превращался в хозяйственника. Приближалась зима — соединения и части должны к ней как следует подготовиться. А еще правительство обязало округ оказывать помощь народному хозяйству

Приморского края. Предстояло провести огромный объем работ по строительству высоковольтной линии электропередачи из Владивостока в Ворошилов-Уссурийский, по ремонту и совершенствованию шоссейных дорог, по сооружению различных промышленных объектов. Кириллу Афанасьевичу пришлось много и напряженно заниматься непривычным для него делом.

А время бежало, летело. Незаметно, среди дел и забот, промелькнули сентябрь, октябрь, ноябрь… Потом сменялись годы один за другим.

В заключительной главе своих мемуаров «На службе народу» Мерецков напишет: «Казалось, давно ли мы воевали, а уже повсюду налаживается мирная жизнь. На полях убирают поздний урожай. Люди отстраивают разрушенные смерчем войны жилища. Пепелища зарастают травой, осенний ветер гонит пожухлые листья… Оглядываясь на события… мы отчетливо видим, что былое перескочило в 1945 году через эпохальный рубеж…»

Полтора года командовал Кирилл Афанасьевич Приморским военным округом. Затем по два года — Московским и Северным округами. В 1954 году он был назначен начальником Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел», через год — помощником министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям.

На Московский военный округ Кирилл Афанасьевич пришел в июле 1947 года, хорошо зная его. Он работал здесь с середины двадцатых до начала тридцатых годов начальником мобилизационного отдела штаба, помощником, заместителем начальника штаба, начальником штаба округа. Но это ведь было пятнадцать лет назад. За это время многое изменилось. Была война, она внесла существенные коррективы в положение округа. Значительно расширилась его территория, увеличилось число дислоцированных на ней войск. На Мерецкова как командующего теперь, в период начинавшейся холодной войны с Западом, возлагалась серьезнейшая задача по обеспечению надежной обороны центрального района Советского Союза и его столицы. Потенциальные противники владели атомным оружием, и нужно было быть готовыми к защите от него. Командующий вместе со штабом округа и другими органами управления страны и вооруженных сил прилагали огромные усилия по налаживанию системы гражданской обороны. Приходилось, наряду с боевой и политической подготовкой войск, заниматься строительством убежищ, запасных центров энергообеспечения, водохранилищ, кольцевых дорог. Вместе с тем в этот период в войсках шло освоение новых образцов вооружения, техники, что требовало повышенного внимания.

Мерецков работал с большой энергией, хотя силы его, подточенные Испанией, Лубянкой и конечно же невероятным напряжением в Великую Отечественную войну, иссякали. И все же труды его приносили плоды, округ преображался.

В мае 1949 года Кирилла Афанасьевича переводят в Беломорский военный округ, который вскоре был переименован в Северный. И здесь ему было всё знакомо, он отлично знал особенности округа. С первых дней занялся укреплением сухопутных границ, имевших протяженность более тысячи километров, установлением тесных контактов с развивавшимся Северным флотом, базировавшейся стратегической авиацией. В СССР появилось ядерное оружие, а соответствующих ракет для его доставки еще не было, поэтому развитию флота и авиации придавалось особое значение.

Маршала Мерецкова на Севере помнили, уважали, для всех он был непререкаемым авторитетом.

Кирилл Афанасьевич все делал для укрепления обороноспособности северных рубежей Родины, повышения боевой готовности войск, а также для их обустройства. Он всячески учитывал суровые условия службы на Севере и по мере возможности принимал меры к их облегчению.

Должность начальника курсов «Выстрел» он занимал недолго — год с небольшим.

В 1955 году Мерецков назначается помощником министра обороны СССР по высшим военным учебным заведениям. На этой должности в течение девяти лет он осуществлял руководство подготовкой высококвалифицированных офицерских кадров, добился перевода военных училищ в категорию высших учебных заведений с продлением срока обучения на один год. Это позволило успешнее готовить специалистов для работы с новой сложной техникой и оружием. Кроме того, офицер получал одновременно военное и высшее гражданское образование, что давало возможность после увольнения из армии занимать другие должности в соответствии с образованием.

Много внимания К.А. Мерецков уделял совершенствованию методики обучения, развитию учебной базы, внедрению новейших электронных тренажеров и другим вопросам.

* * *

Здоровье Кирилла Афанасьевича сдавало, сказывалось огромное нервное и физическое напряжение. Мерецкова рано начали одолевать болезни, и он был вынужден уйти, как говорят

в таких случаях, на заслуженный отдых. Н.С. Хрущев в своих воспоминаниях писал, что когда он видел Мерецкова в последний раз, это был уже не Мерецков, а его тень: «Раньше он был… физически крепкий, сильный человек, а теперь он еле ходит, "скрипит". Я узнал, что его в очередной раз наградили в связи с 50-летием Советских Вооруженных Сил. Это, конечно, награда по заслугам. Но здоровье-то отнял у него Сталин…» К.А. Мерецков с 1964 года до конца жизни находился в Группе генеральных инспекторов Министерства обороны СССР, избирался Председателем Комитета ветеранов войны.

Время собирать камни

В окна лился солнечный свет. За стеклом майский ветерок колыхал ветки елей и сосен. Кирилл Афанасьевич смотрел на них, а грезились ему плесы Назарьевского пруда. Он видел мальчишек, рыбачивших с обрывистого берега нехитрыми самодельными удочками, и среди них себя — одиннадцатилетнего вихрастого Кирьку. Пацаны расселись между дикой яблоней и кустами бузины, а он — под развесистой ветлой, свисавшей прямо к воде…

А это уже — сын Володька в одиннадцать лет. Стоит, завороженный группой красноармейцев, чеканивших строевой шаг.

Кирилл Афанасьевич служил тогда на Дальнем Востоке. Семья жила в Хабаровске, причем прямо на территории штаба ОКДВА, и Володя каждый день из окна квартиры видел людей в военной форме, плац, развод караулов. Именно в тот период сын твердо заявил, что будет командиром Красной армии. Кирилл Афанасьевич поддержал его решение, однако серьезно сказал ему, что для этого нужно отлично учиться…

Снова Назарьево — 1912 год. Отец и мать молодые: Афанасию Павловичу под пятьдесят, Анне Ивановне — сорок пять, но для Кирилла Афанасьевича они все равно молодые и красивые, только по-деревенски и бедно одетые. Родители провожают его в Москву. Отец говорит: «Пора тебе, Кирюша, определиться в жизни. Читать, писать умеешь, работы не боишься… Поезжай в Москву, глядишь, в видные люди удастся выбиться». А мать плачет и осеняет крестом…

Теперь — Говорков. Живой! Смотрит на Мерецкова прямым взглядом. «Убьют меня завтра… В революцию я стал красным командиром, ей отдавал каждый день, каждый час. Жаль только, что мало успел сделать. Ты, Кирилл, еще молод, займи мое место. Из тебя получится командир Красной армии»…

Другая картина: он и Дуся — молодожены, приехали в Ликино к Дусиным родителям. И снова слышит он, как девушки дразнят Дусю частушкой: «Наша Дуня — точно роза, а пошла за водовоза»…

И опять — сын Володька. Он в форме бойца республиканской Испании.

В 1936 году Мерецков-старший уехал в охваченную гражданской войной Испанию. Спустя некоторое время жена и сын получили привет из Мадрида: первый Герой Советского Союза в той войне — танкист Поль Арман (Поль Матисович

Тылтынь) приехал в Москву и привез для Владимира подарок отца — обмундирование бойца Республики. Форма ему очень понравилась, жаль только, что показаться в ней сверстникам нельзя. Он часто надевал ее дома, но на улицу не выходил: нужно соблюдать военную тайну, чтобы никто не догадался, куда уехал его отец…

Свет застило крупное лицо. Злое, красное. «Ну, предательская генеральская рожа, будешь признаваться, что состоишь в преступной антисоветской организации врагов народа?»

Чье это лицо? Влодзимирского, Родоса, Шварцмана?.. И — зловещий взмах резиновой дубинки…

Кирилл Афанасьевич закрывается от видения руками…

Великая Отечественная война — в разрывах бомб и снарядов, в пожарищах, в дыму. И массы людей. Тысячи… Себя среди них Кирилл Афанасьевич наблюдает как бы со стороны. Очень разным. Под Тихвином — энергичным, целеустремленным. В Мясном Бору во время Любанской операции — подавленным. В освобожденном Ленинграде — сияющим радостью от одержанной победы в операции «Искра»…

Как давно все это было! Но кажется, будто вчера…

* * *

Последние полтора года Кирилл Афанасьевич тяжело болел и почти все время проводил в своем кабинете в особняке в Архангельском[114], где безвыездно жили они с Евдокией Петровной с 1954 года. Его окружали привычные вещи, любимые книги. Комната не очень большая, но достаточно светлая, в два окна, удобно расположенная — дверь выходит в коридор, соединяющий гостиную и теплую веранду, — и уютная. Здесь никто не мешал ему оставаться наедине с мыслями о минувшем, о пережитом.

Сегодня у Кирилла Афанасьевича был день рождения, ему исполнился семьдесят один год. Владимир, где бы ни находился в этот день, всегда звонил отцу, поздравлял, желал здоровья и, конечно, рассказывал, как проходит у него служба.

Такую нежную, бескорыстную привязанность друг к другу, какую испытывали отец и сын, редко встретишь между детьми и родителями. У Кирилла Афанасьевича и Владимира всегда было полное взаимопонимание и общность взглядов. И еще — единое стремление честно служить Родине.

Владимир шел по стопам отца. После окончания академии в августе 1945 года попросил направить его на Дальний Восток.

Просьба его была удовлетворена, и он отбыл на 1-й Дальневосточный фронт. Принимал участие в боевых действиях в составе передового отряда 25-й армии. В передовой отряд входили танковая бригада и мотоциклетный полк: майор Владимир Мерецков исполнял обязанности начальника штаба этого отряда. Отряд участвовал в прорыве Дуннинского укрепленного района и наступал в направлении Ванцин — Янцизы — Гирин. Прошел с боями в исключительно сложных условиях местности 650 километров и завершил выполнение задачи совместно с воздушным десантом взятием города Гирин. За проявленное умение, инициативу, решительность и смелость Владимир Мерецков был награжден вторым орденом Красного Знамени.

В начале 1946 года он вступил в командование батальоном танков ИС-3 218-го тяжелого танкового полка 2-й танковой дивизии в гарнизоне Камень-Рыболов Приморского военного округа.

В 23 года стал начальником штаба танкового полка, в 24 — начальником отдела оперативной и боевой подготовки штаба бронетанковых и механизированных войск с одновременным присвоением звания подполковника. В сентябре 1952 года он направляется на учебу в Академию Генерального штаба, которую через три года заканчивает с золотой медалью, и получает назначение в Ленинградский военный округ на должность начальника штаба 30-го гвардейского армейского корпуса. В декабре 1961 года его переводят в Группу советских войск в Германии командиром 94-й гвардейской мотострелковой дивизии; ею полковник, а затем генерал-майор Мерецков командует в течение пяти лет.

С 1965 года Владимир Кириллович Мерецков — заместитель командующего войсками 14-й гвардейской армии Одесского военного округа. Через два года он становится командиром 32-го армейского корпуса, который ему было поручено сформировать. С задачей этой генерал Мерецков блестяще справляется. Ему присваивается звание генерал-лейтенанта, и вскоре он вступает в должность командующего 14-й гвардейской армией.

…Ожидая звонка, Мерецков волновался: что-то долго молчит телефон. Наконец зазвонил, Кирилл Афанасьевич взял трубку — сын. Владимир находился на учениях: его 14-я армия совместно с Болгарской и Румынской армиями принимала участие в войсковых маневрах в системе Варшавского договора.

Разговаривать с отцом Владимир, к сожалению, долго не мог. Но главное — теплое поздравление и сердечные пожелания отцу, а также огромный привет матери он передал.

Поговорил Кирилл Афанасьевич с сыном, и душа его успокоилась.

В комнату вошла Евдокия Петровна. Кирилл Афанасьевич перебирал в папке исписанные листы бумаги. Он имел обыкновение запоминать попадавшиеся ему при чтении книг интересные фразы, мудрые изречения.

Он тихонько перечитывал вслух военные афоризмы Козьмы Пруткова: «Нельзя командовать шепотом, это доказано опытом». «Не всякому офицеру мундир к лицу». «Усердный в службе не должен бояться своего незнанья… Усердие всё превозмогает». Увидев жену, Кирилл Афанасьевич вдруг сменил тему афоризмов: «Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы удобнее к ней приготовиться».

— Что это ты, Кирюша, о смерти, — сказала она мужу с мягкой укоризной. — Вот до этого про мундир офицера, да что усердие всё превозмогает — это хорошо.

Мерецков:

— А ты послушай. — И стал читать известное выражение из Ветхого Завета. Цитата из «Книги Екклесиаста»[115] была неполной и с переставленным порядком изречений: — «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время войне, и время миру; время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время рождаться, и время умирать… Итак, увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это — доля его; ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?»… Не правда ли, про нас, людей? И меня теперь это впрямую касается. Особенно слова: «Время собирать камни… Наслаждаться человеку делами своими — доля его… Кто приведет его посмотреть на то, что будет после него?»…

Сердце Кирилла Афанасьевича остановилось 30 декабря 1968 года.

Урна с прахом маршала Мерецкова захоронена в Кремлевской стене на Красной площади в Москве.

Супруга Кирилла Афанасьевича, Евдокия Петровна, умерла в 1983 году, пережив мужа почти на 15 лет.

* * *

Мерецковский корень не угас, от него поднялось доброе древо. Оно крепло, развивалось, дало хорошие побеги. Прямых наследников рода Мерецковых по мужской линии ныне семь человек. Военная династия продолжается уже в третьем

поколении. Сын Кирилла Афанасьевича, Владимир, как мы знаем, пошел по пути отца. Выбрали профессию родину защищать и сыновья Владимира Кирилловича и Лидии Ефимовны Мерецковых. Старший, Владимир, стал военным врачом, имеет степень кандидата медицинских наук. Сейчас Владимир Владимирович полковник в запасе. У него три сына: Максим, Илья, Владимир. Второй сын, Кирилл, морской офицер. Капитан 1-го ранга, кандидат военных наук, в настоящее время в запасе. Вырастил сына Алексея и дочь Елену.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор этих строк неоднократно встречался с сыном маршала Мерецкова Владимиром Кирилловичем, особенно когда работал над книгой о его отце.

Первое знакомство с генерал-полковником В.К. Мерецковым произошло в 1983 году, он возглавлял тогда войска Северо-Кавказского военного округа, а я служил в этом округе ответственным редактором окружной газеты «Красное знамя». Потом, спустя 27 лет, мы вновь встретились в Москве, будучи уже оба в отставке.

Владимир Кириллович жил с супругой Лидией Ефимовной в Архангельском в отцовском доме. Я бывал здесь, мы вели продолжительные беседы, в процессе которых Владимир Кириллович рассказывал об отце, о его времени.

Здесь, в доме маршала Мерецкова, буквально всё напоминает о нем. Большой его бюст, картины-портреты. Особенно — комната-кабинет. В ней ничего не изменилось с тех пор, как он ушел из жизни. Дубовый стол, лампа на нем, чернильный прибор, заточенные карандаши в декоративном стакане. Диван, кресло, стулья. Шкафы с книгами.

По словам Владимира Кирилловича, Кирилл Афанасьевич всегда много читал, причем не только художественную литературу, но и документальную, а также научную по самым различным отраслям знаний. Часто рекомендовал сыну, а потом и внукам прочесть ту или иную книгу.

До болезни в свободное время Мерецков-старший любил посещать театр (по возможности всей семьей), а затем обсуждать увиденное. Иногда брал баян и задушевно пел песни своей молодости. В доме Мерецковых жили подолгу сестры Евдокии Петровны, а когда появились внуки, Кирилл Афанасьевич просил Владимира и Лиду чаще оставлять детей у них. Для всех находил доброе слово, дельный совет и поддержку.

Владимир Кириллович трепетно относится к памяти отца, говорит о нем с большим уважением.

В ходе работы над книгой о Мерецкове я показывал ему написанные главы. Он читал их внимательно, с карандашом в руках, делал свои замечания, а затем начинались обсуждения их, зачастую переходившие в острые дискуссии.

Владимиру Кирилловичу не нравилось, что я цитирую отрывки из записок некоторых современников Кирилла Афанасьевича, где имелась хотя бы малейшая критика, даже не критика, а тень ее в адрес полководца Мерецкова. Под его

напором я зачастую сдавался и убирал из рукописи вызывавшие у него недовольство места.

Приведу два фрагмента из наших бесед с Владимиром Кирилловичем:

«О вашем отце немало написано историками, писателями, сослуживцами. В основном лестного. Но в конце минувшего столетия, начиная с горбачевской перестройки, и особенно в начале XXI века, когда в России утвердилась "широкая свобода слова", о маршале Мерецкове стали появляться и критичные отзывы, вскрывавшие недостатки в его военной деятельности, — говорю я Владимиру Кирилловичу. — Например, историк Н. Коняев в книге "Власов: Два лица генерала" упрекает Мерецкова за дезинформацию Сталина о положении 2-й ударной армии, оказавшейся в фашистском кольце. Коняев утверждает, что "немцы завязали мешок, в который загнал 2-ю ударную Мерецков". Это окружение, как пишет историк, стало первой ласточкой в серии поражений сорок второго года и сильно встревожило Сталина. Он приказал Мерецкову выехать в войска и лично организовать прорыв. 29 марта 1942 года Мерецков доложил в ставку, как пишет автор, что "части противника… отброшены в северном и южном направлениях. Доклад этот содержал лукавства больше, чем истины". В.К. Мерецков на это отвечает, что сегодня, спустя многие годы, легко и даже модно критиковать военачальников Великой Отечественной войны, не побывав на этой войне. Нужно реально представлять себе, в какой обстановке приходилось действовать советским войскам и командованию в конце 1941-го и в 1942 году, какими силами и средствами располагала тогда Красная армия. В тех условиях просчеты допускались не только фронтовым руководством, но и Верховным главнокомандованием».

А вот рассуждения о маршале Мерецкове писателя А. Бушкова (из книги «Сталин. Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени»): «Тремя серьезнейшими странностями (не считая мелких), совершенно не имеющими внятного объяснения, отмечен жизненный путь Маршала Советского Союза Кирилла Афанасьевича Мерецкова.

Странность первая. Еще до войны Мерецков допустил череду крупных, серьезных, непростительных промахов, за которые кто-то другой мог и понести серьезное наказание. И тем не менее Мерецкову все сошло с рук.

Началось все с финской кампании, "той войны незнаменитой". Лазарь Каганович давным-давно сказал умную вещь: "У каждой аварии есть фамилия, имя и отчество". У промахов и неудач первого, самого тяжелого периода финской

войны, в полном соответствии с этим высказыванием есть имя, отчество и фамилия — Кирилл Афанасьевич Мерецков…

Странность вторая: необъяснимое, фантасмагорическое освобождение Мерецкова из-под стражи. Сорок генералов и офицеров дали на него совершенно убойные показания. На многочисленных очных ставках не один человек подтвердил участие Мерецкова в заговоре Тухачевского—Уборевича, антисоветской работе маршала, передаче им "одной из иностранных разведок" совершенно секретных сведений. Сам Мерецков виновным себя признал полностью. Но его выпускают!

Странность третья. Заслуги Мерецкова в Великой Отечественной более чем скромны, но отчего-то он стал вровень в шеренгу прославленных маршалов, чьи свершения не в пример масштабнее и даже, я бы выразился, грандиознее…»

Каково на этот счет мнение Владимира Кирилловича? Он считает, что названные «странности» жизненного пути Мерецкова писатель Бушков высосал из пальца: «Мне не известны какие-либо крупные, непростительные промахи, которые бы допускал мой отец до войны».

Нет никакой странности и в освобождении Мерецкова из-под стражи в августе 1941 года. Он виновным ни в чем не был. А показания на него арестованных военных должностных лиц — это оговоры, сделанные под давлением тогдашних следственных органов НКВД и НКГБ.

Что касается «скромности» заслуг Кирилла Афанасьевича, то они всем известны и говорят сами за себя…

Иного мнения об оценках полководца К.А. Мерецкова Коняевым и Бушковым от сына маршала, участника Великой Отечественной войны, вряд ли можно было ожидать. Владимир Кириллович хотел, чтобы я изъял из рукописи эти два фрагмента наших с ним бесед. Но я их оставил. Оставил, чтобы показать, как достойно Мерецков-сын защитил честь Мерецкова-отца.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К.А. МЕРЕЦКОВА

1897, 7 июня (26 мая ст. ст.) — в деревне Назарьево Рязанской губернии (с 1929 года Московской области) родился Кирилл Афанасьевич Мерецков.

1906, 1 сентября — Кирилл Мерецков пошел в первый класс Назарьевской земской начальной школы.

1912, июнь — навсегда уехал из Назарьева в Москву.

1914, 4 сентября — поступил в Москве на вечерние образовательные курсы.

1915, август — переехал из Москвы в город Судогду Владимирской губернии и устроился слесарем-механиком на завод канифольно-скипидарного производства.

1917, май — стал членом РСДРП(б), был избран секретарем уездного комитета.

Август — назначен начальником штаба Красной гвардии в Судогде.

1918, 24 ноября — становится слушателем Академии Генерального штаба РККА.

1919, май — назначен помощником начальника штаба 14-й стрелковой дивизии.

1920, май — помощник начальника штаба по разведке 4-й и 6-й кавалерийских дивизий 1-й Конной армии.

1921, 31 января — женитьба на Евдокии Беловой.

21 октября — окончил Академию Генерального штаба РККА.

1922, январь — назначен начальником штаба 1-й Сибирской кавалерийской дивизии.

Октябрь — назначен инспектором Главного управления милиции.

1923, апрель — назначен помощником начальника штаба 15-го стрелкового корпуса.

Октябрь — назначен на должность начальника штаба 9-й Донской стрелковой дивизии.

1924, 6 марта — в семье Мерецковых родился сын Владимир.

Июль — переведен из СКВО в Московский военный округ начальником мобилизационного отдела штаба округа. *15 сентября* — назначен помощником начальника штаба Московского военного округа. *1928, 1 июля* — назначен заместителем начальника штаба МВО.

1930, 13 мая — назначен командиром и военным комиссаром 14-й стрелковой дивизии.

1931, 1 февраля — назначен начальником штаба МВО.

1932, 4 апреля — назначен на должность начальника штаба Белорусского

военного округа. *1934, 25 декабря* — назначен начальником штаба Особой краснознаменной Дальневосточной армии.

1936, 22 марта — назначен в распоряжение наркома обороны СССР.

Сентябрь — спецкомандировка в Испанию.

1937, май — по возвращении из Испании назначен заместителем начальника Генерального штаба РККА.

1938, 22 февраля — Мерецкову присвоено воинское звание «комкор».

Сентябрь — назначен на должность командующего войсками Приволжского военного округа.

1939, январь — назначен командующим войсками Ленинградского военного округа.

Декабрь — оставаясь командующим войсками Ленинградского военного округа, возглавил во время Советско-финляндской войны (1939—1940) 7-ю армию, наступавшую на Карельском перешейке против главных укреплений линии Маннергейма.

1940, 21 марта — Мерецков удостоен звания Героя Советского Союза.

4 июня — присвоено воинское звание «генерал армии».

6 августа — назначен начальником Генерального штаба Красной армии.

1941, 14 января — назначен заместителем народного комиссара обороны СССР по боевой подготовке.

21 июня — отбыл в Ленинград в качестве представителя Главного командования в Ленинградском военном округе.

23 июня — арестован работниками НКГБ и помещен в тюрьму на Лубянке.

28 августа — будучи арестованным, Мерецков написал письмо Сталину с просьбой отправить его на фронт. *9 сентября* — Мерецков направлен представителем Ставки Верховного главнокомандования на Северо-Западный фронт.

24 сентября — возглавил 7-ю Отдельную армию.

Ноябрь — вступил в командование войсками 4-й Отдельной армии, участвовавшей в Тихвинской наступательной операции.

12 декабря — назначен командующим войсками Волховского фронта.

1942, 23 апреля — объединение Ленинградского и Волховского фронтов в единый Ленинградский фронт. Волховский фронт преобразован в Волховскую группу войск,

которую возглавил генерал-лейтенант Хозин, одновременно командуя войсками Ленинградского фронта.

3 мая — назначен командующим 33-й армией на Западном фронте.

8 июля — вновь назначен командующим войсками Волховского фронта.

1943, 12—30 января — наступательная операция «Искра», проведенная силами Волховского и Ленинградского фронтов с целью прорыва блокады Ленинграда.

1944, февраль — упразднен Волховский фронт, Мерецков назначен командующим войсками Карельского фронта.

26 октября — присвоено звание Маршал Советского Союза.

1945, апрель — командующий Приморской группой войск на Дальнем Востоке.

24 июня — Парад Победы в Москве. Мерецков открывал парад во главе сводного полка Карельского фронта.

Июль — назначен командующим 1-м Дальневосточным фронтом, который наносил один из главных ударов по японским войскам в Маньчжурии в ходе советско-японской войны.

8 сентября — по итогам войны с Японией награжден орденом «Победа».

Сентябрь — вступил в командование войсками Приморского военного округа.

1947, июнь — назначен командующим войсками Московского военного округа.

1949, июнь — назначен командующим войсками Беломорского военного округа.

1951, июль — назначен командующим войсками Северного военного округа.

1954, 31 мая — назначен начальником Высших стрелково-тактических курсов усовершенствования командного состава пехоты «Выстрел».

1955, 15 августа — назначен помощником министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям.

1964, апрель — генеральный инспектор Группы генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

1968, 30 декабря — К.А. Мерецков скончался. Урна с его прахом захоронена в Кремлевской стене.

Награды

Золотая Звезда Героя Советского Союза — 21 марта 1940.

Ордена:

«Победа» — 8 сентября 1945.

Ленина (7 орденов) — 3 января 1937; 21 марта 1940; 2 ноября 1944; 21 февраля 1945; 6 июня 1947; 6 июня 1957; 6 июня 1967.

Октябрьской Революции — 22 февраля 1968.

Красного Знамени (4 ордена) — 22 февраля 1928; 2 марта 1938; 3 ноября 1944; 6 ноября 1947.

Суворова I степени (2 ордена) — 28 января 1943; 21 февраля 1944.

Кутузова I степени — 29 июня 1944.

Медали:

«За оборону Ленинграда».

«За оборону Советского Заполярья».

«За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

«За победу над Японией».

«Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»

«XX лет Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

«30 лет Советской Армии и Флота».

«40 лет Вооруженных Сил СССР».

«50 лет Вооруженных Сил СССР».

«В память 250-летия Ленинграда».

Почетное оружие (шашка) с золотым изображением Государственного герба СССР — 22 февраля 1968.

Награды иностранных государств:

Кавалер Большого креста ордена Святого Олафа — Норвегия, 1945.

Орден «Легион Почета» степени Главнокомандующего — США, 1946.

Орден Государственного Знамени I степени — КНДР, 1948.

Орден Сияющего Знамени I класса — КНР, 1946.

Медаль «За победу над Японией» — МНР, 1946.

Медаль «За освобождение Кореи» — КНДР, 1948.

ЛИТЕРАТУРА

Антонов-Овсеенко А.В. Берия. М.: АСТ, 1999.

Балашов Е. А., Степаков В.Н. Линия Маннергейма и система финской долговременной фортификации на Карельском перешейке. СПб.: Нордмедиздат, 2000.

Безыменский Л.А. Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2000.

Берггольц О. Стихи и поэмы. Л.: Советский писатель, 1979.

Берхин И.Б. Военная реформа в СССР: 1924—1925. М.: Воениздат, 1958.

Бои в Финляндии. М.: Воениздат НКО СССР, 1941.

Бунин И.Л. Пятисотлетняя война в России. Кн. 3. СПб.: Облик, 1997.

Бушков А.А. Сталин. Красный монарх: Хроники великого и ужасного времени. М.: Олма Медиа Групп, 2009.

Вайскопф М.Я. Птица-тройка и колесница души. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

Ваксберг А. Тайна октября 1941 г. //Литературная газета. 1988. 20 апреля.

Василевский А.М. Дело всей жизни. 6-е. изд. Кн. 1. М., 1988.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947.

Вторая ударная в битве за Ленинград. Л.: Лениздат, 1983.

Гаврилов Б.И. Долина смерти: Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М.: Институт российской истории РАН, 1999.

Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. Т. 3. Кн. 2. М., 1971.

Головкова Л. Сухановская тюрьма. Спецобъект 110. М.: Возвращение, 2009.

Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993.

Данилов В.Д. Советское главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1988. № 6.

Данилов С.Ю. Гражданская война в Испании: 1936—1939. М.: Вече, 2004.

Дегтярев Г.Е. Таран и щит. М.: Воениздат, 1966.

Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937—1939 гг.: В 2 т. М.: Политиздат, 1981.

Егоров П.Я. Маршал Мерецков. М.: Воениздат, 1974.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: Олма-

Пресс, 2002.

Зарайск: Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М., 1883.

Зимняя война 1939—1940: В 2 кн. Кн. 2. И.В. Сталин и финская кампания: Стенофамма совещания при ЦК ВКП(б) / Под ред. О. Ржешевского, О. Вехвиляйнена. М., 1999.

Какурин Н. Е., Вацетис И.И. Гражданская война: 1918—1921. СПб.: Полигон, 2002.

Какурин Н. Е., Меликов В.А. Гражданская война в России: Война с бе-лополяками. М.: АСТ, 2002.

Каменев С.С. Записки о Гражданской войне и военном строительстве. ML, 1963.

Киселев А. Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М.: Молодая гвардия, 1985.

Коняев Н.М. Власов: Два лица генерала. М.: Вече, 2003.

Коровников И.Т. Новгородско-Лужекая операция. М., 1960.

Кошевой П.К. В годы военные. М.: Воениздат, 1978.

Кузнецов Н.Г. Накануне. М.: Воениздат, 1969.

Кулаков Н.М. Доверено флоту: Военные мемуары. М., 1985.

Мель/пухов М.И. Совете ко-польские войны. М, 2001.

Мерецков К.А. Моя юность. М.: Молодая гвардия, 1970.

Мерецков К.А. На службе народу. 3-е изд. М.: Воениздат, 1983.

Мерфи Дэвид Э. Что знал Сталин: Загадка плана «Барбаросса». Рейтар, 2009.

Минаков С Т. Военная элита 20—30-х годов XX века. М.: Русское слово-РС, 2006.

Минаков С.Т. 1937: Заговор был! М.: Эксмо, 2010.

Мощанский И., Сахонник Д. Блокада Ленинграда: Контрнаступление под Тихвином: 10 ноября—30 декабря 1941 г. М.: БТВ, 2004.

Мухин Ю.И. За что убит Сталин? М.: Эксмо; Яуза, 2004.

Оборона Ленинграда: Воспоминания и дневники участников / Предисловие маршала М.В. Захарова. Л.: Наука, 1968.

Ортенберг Д.И. Сорок третий: Рассказ-хроника. М.: Политиздат, 1991.

Панов А.И. Офицерский корпус в политической жизни России. М.: ВУ, Русский путь, 2000.

Полянчев В.И. Зарайск. М.: Московский рабочий, 1972.

Престон П. Франко. М.: Центрполиграф, 1999.

Родимцев А.И. Под небом Испании. М.: Советская Россия, 1985.

Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1—2): Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. М.: Терра, 1993.

Симонов К М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Правда, 1990.

Смыслов О. С «Пятая колонна» Гитлера: От Кутепова до Власова. М.: Вече, 2004.

Совершенно секретно! Только для командования. Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М.: Наука, 1967.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947.

Сталин И.В. Сочинения: В 18 т. М., 1952. Т. 6.

Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б). М.: Наука, 1999.

Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991.

Судоплатов П.А. Спецоперации: Лубянка и Кремль: 1930—1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1997.

Фрунзе М.В. Избранные произведения. М.: Воениздат, 1984.

Хозин М.С. Об одной малоисследованной операции // Военно-исторический журнал. 1966. № 2.

Хренов А.Ф. Мосты к победе. М.: Воениздат, 1982.

Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания. Кн. I. М.: ИИК «Московские новости», 1999.

Чистяков И.М. По приказу Родины. М.: Воениздат, 1971.

Широкорад А.Б. Северные войны России. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2001.

Шнеерсон Г. Эрнст Буш и его время. М., 1971.

Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1981.

Шубин А.В. 1937: Антитеррор Сталина. М.: Эксмо-Пресс, 2010.

Ялта-45: Начертания нового мира. М.: Вече, 2010.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

К. Мерецков

Слесарь-механик канифольно-скипидарного завода К. А. Мерецков. Судогда, 1915 г.

Комиссар судогодского отряда Красной гвардии К. А. Мерецков (во втором ряду третий слева) с группой красногвардейцев. 1918 г.

Уездный военком К. А. Мерецков (в первом ряду третий слева) и председатель уездного исполкома П. В. Ошмарин (во втором ряду третий справа) среди работников Судогодского совета. 1918 г.

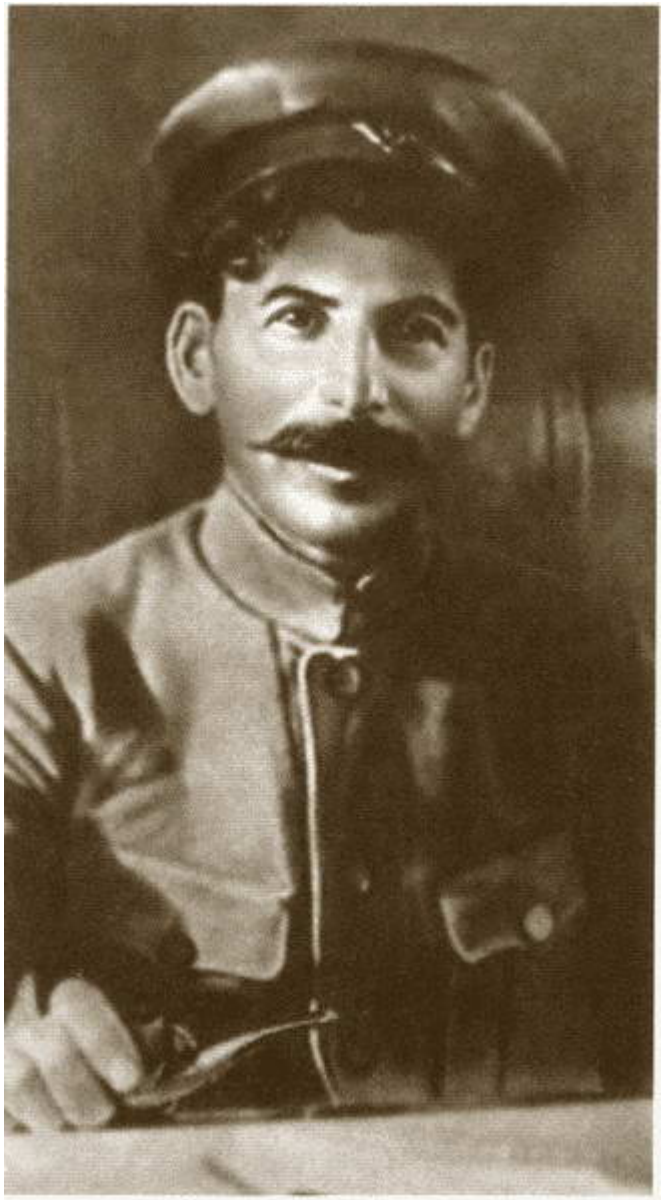
М. С. Лешко, начальник Владимирского губернского военного комиссариата

К. А. Мерецков, помощник начальника штаба 14-й дивизии. 1919 г.

М. Н. Тухачевский, начальник Академии Генерального штаба

Донской «Чапай» — Ф. К. Миронов, командир 23-й стрелковой дивизии 9-й армии

Командиры Первой конной армии в полевом штабе РККА: сидят — С. С. Каменев, С. И. Гусев, А. И. Егоров, К. Е. Ворошилов; стоят — П. П. Лебедев, Н. Н. Петин, С. М. Буденный, Б. М. Шапошников



И. В. Сталин, член Реввоенсовета Юго-Западного фронта. 1920 г.

Н. Д. Каширин, командир 3-го кавалерийского корпуса

М. В. Фрунзе, заместитель председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам СССР 1924 г.

К. А. Мерецков с женой Евдокией и сыном Володей. 1930 г.

К. А. Мерецков (стоит первый справа), командир и комиссар 14-й стрелковой дивизии Московского военного округа, с группой работников штаба дивизии после зимних полевых маневров. 1930 г.

Начальник штаба Московского военного округа К. А. Мерецков (слева) и его помощник Б. М. Симонов наблюдают за ходом полевых занятий одной из стрелковых частей. 1931 г.

Начальник вооружений РККА М. Н. Тухачевский (слева) и К. А. Мерецков (стоит

рядом) на полигоне МВО. 1931 г.

И. П. Уборевич, командующий войсками Белорусского военного округа. 1934 г.

К. А. Мерецков, начальник штаба Белорусского военного округа

В. К. Блюхер, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА). 1935 г.

К. А. Мерецков, начальник штаба ОКДВА. 1935 г.

К. А. Мерецков (идет второй слева) на опытных учениях по повышению проходимости танков

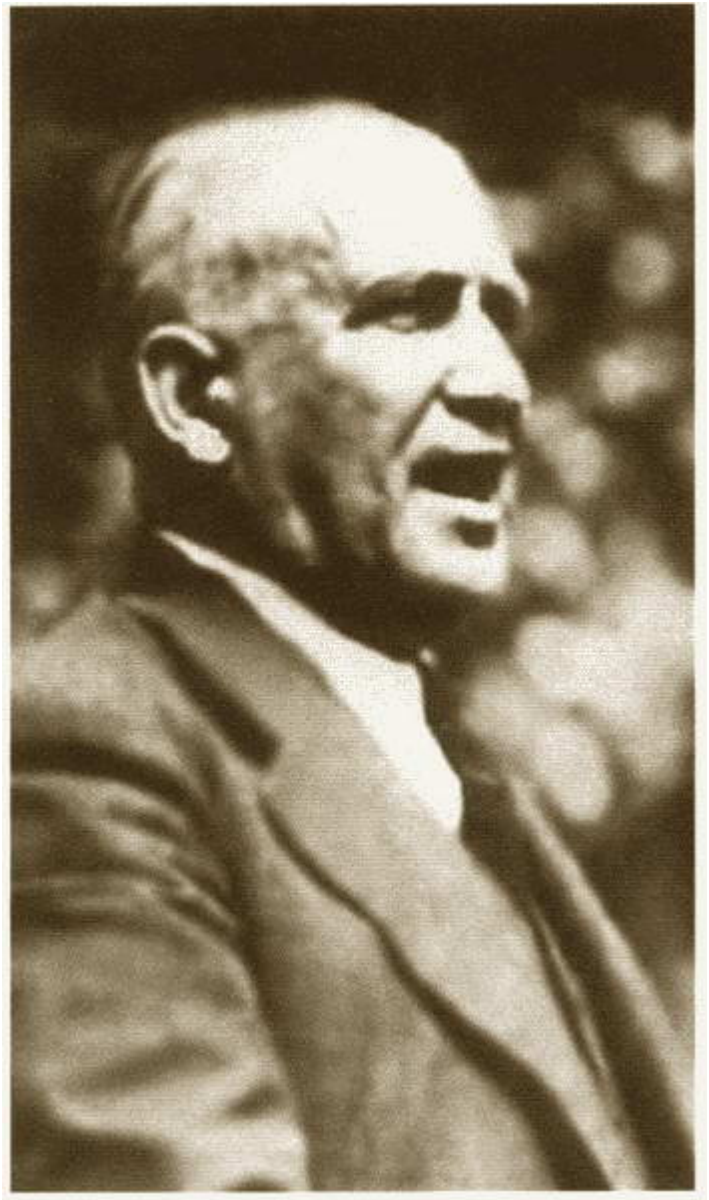
Руководство чехословацкой армии и иностранные военные представители на больших военных маневрах в Чехословакии. К. А. Мерецков, глава советской делегации, сидит в первом ряду (третий слева). Лето 1936 г.

К. А. Мерецков во время военных маневров в Чехословакии: на прогулке по пражской

улице в сопровождении офицера чехословацкой армии

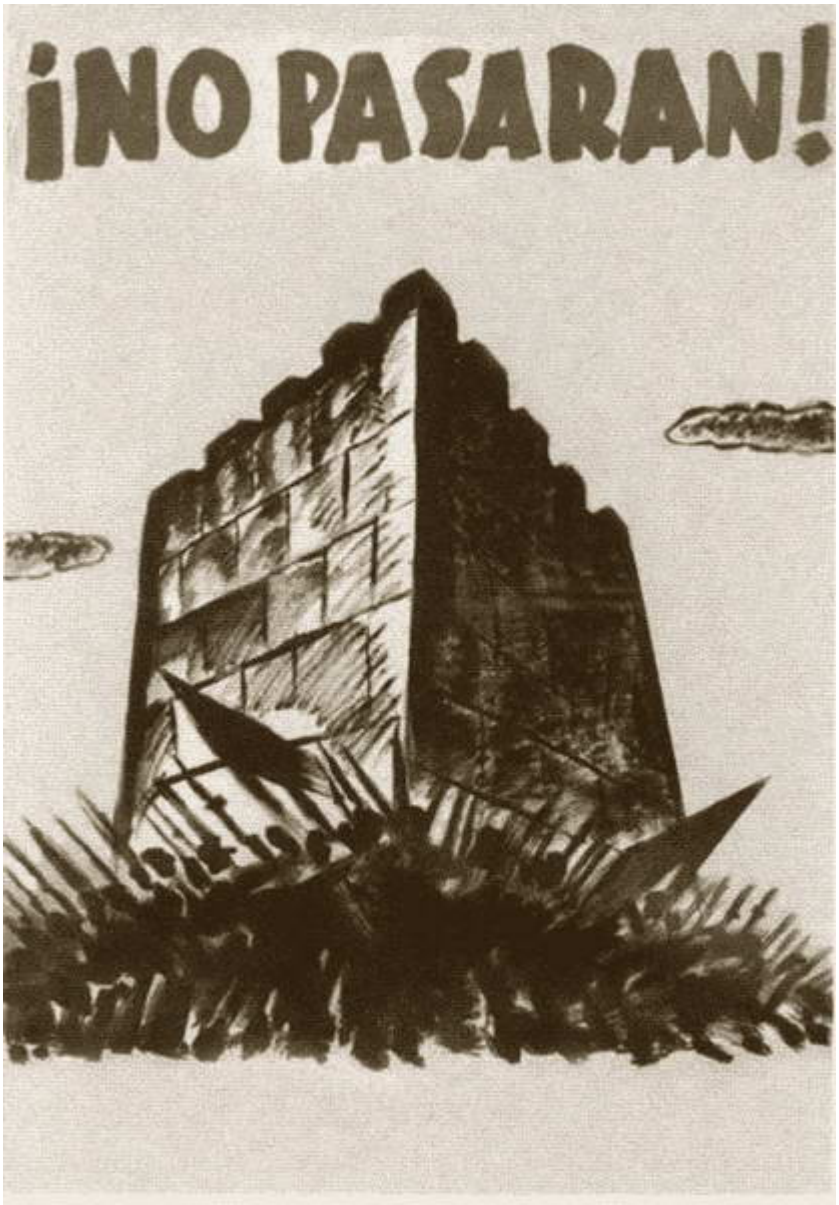
Я. К. Берзин, главный советский военный советник в республиканской Народной армии

К. А. Мерецков (хенераль руссо Петрович), советник при Генеральном штабе сил обороны Мадрида. 1936 г.



Ларго Кабальеро, лидер испанской социалистической партии, премьер-министр Республики Испания

Генерал Висенте Рохо, начальник Генерального штаба сил обороны Мадрида



Плакат «Они не пройдут!»

На улицах Мадрида 20 июля 1936 года

К. А. Мерецков (Петрович) среди командиров республиканской Народной армии (третий справа). 1936 г.

Пулеметчики Народной армии республиканской Испании

Танкисты советской бронетанковой бригады «Пабло» (Д. Г. Павлова) перед боем. Испания, 1936г.

Я. В. Смушкевич (генерал Дуглас), старший военный советник по авиации испанской республиканской Народной армии, руководитель противовоздушной обороны Мадрида

П. В. Рычагов, летчик-истребитель, командир авиационной эскадрильи Народной армии республиканской Испании

Перед отъездом из Испании. К. А. Мерецков (стоит крайний слева), ниже — его переводчица М. А. Фортус. 1937 г.

Прощальный парад бойцов интербригад в Барселоне. Октябрь 1938 г.

Генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков, начальник Генерального штаба РККА

Командующий войсками Ленинградского военного округа К. А. Мерецков за уточнением плана прикрытия границы и контрудара. Ноябрь 1939 г.

Наступление войск 7-й армии в Карелии. Декабрь 1939 г.

Дот на линии Маннергейма. 1940 г.

К. А Мерецков (в центре) ставит задачу командирам: «Выборг надо взять!» 1940 г.

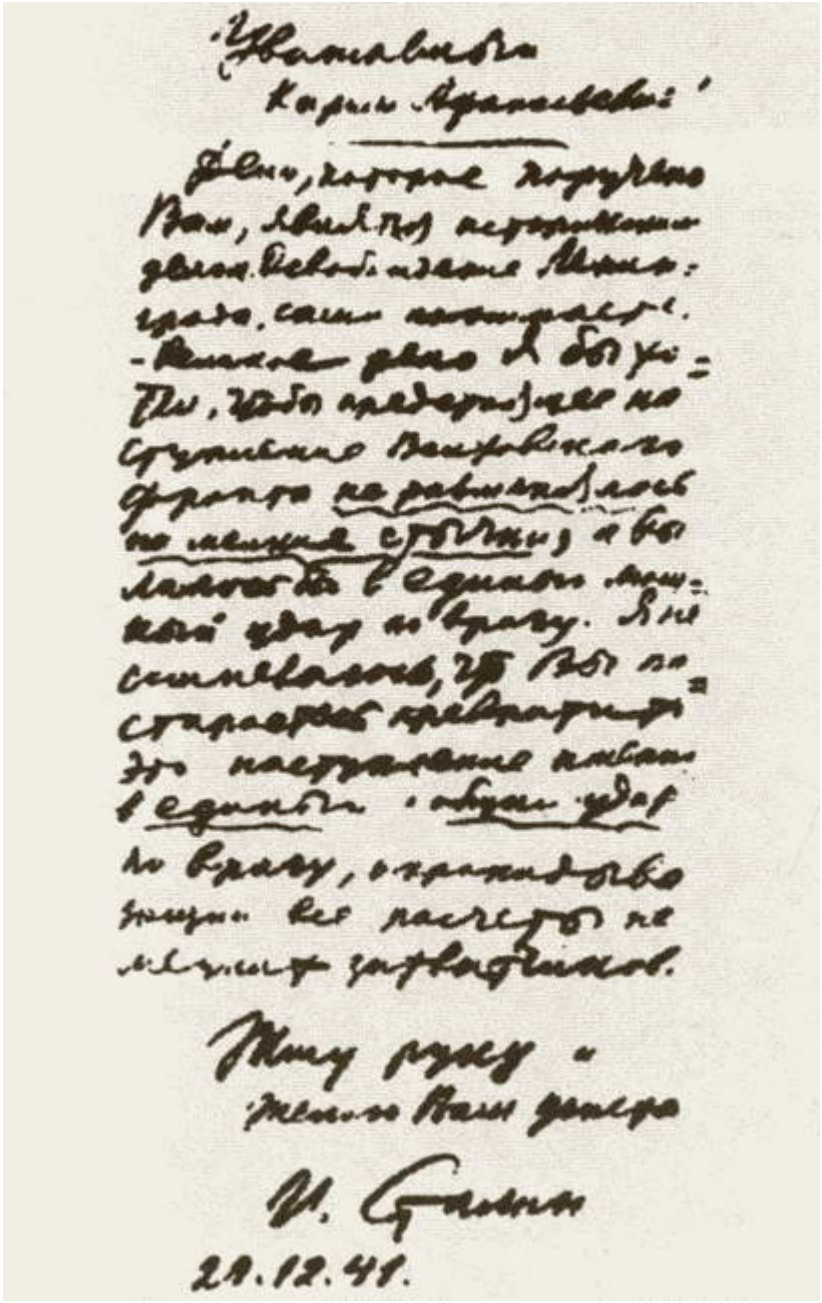
Победа!

М. И. Калинин вручает К. А. Мерецкову Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина за умелое руководство войсками 7-й армии при прорыве линии Маннергейма и взятии Выборга. 1940 г.

Генерал армии Г. К. Жуков, назначенный вместо К. А. Мерецкова начальником Генерального штаба РККА. 1941 г.

Заместитель наркома обороны СССР К. А. Мерецков (стоит) на учениях в БВО, командующий войсками БВО генерал-полковник Д. Г. Павлов (лежит) проверяет позицию снайпера. 1941 г.

К. А. Мерецков — представитель Ставки Верховного главнокомандования на Северо-Западном фронте. Сентябрь 1941 г.



Письмо Сталина К. А. Мерецкову

Бойцы Волховского фронта сооружают противотанковые препятствия. Август 1942 г.

Руководящий состав полевого управления Волховского фронта: начальник артиллерии Г. Е. Дегтярев, начальник штаба Ф. П. Озеров, член военного совета К. С. Грушевой, командующий войсками фронта К. А. Мерецков, член военного совета Т. Ф. Штыков, командующий 14-й воздушной армией И. П. Журавлев, начальник инженерных войск А. Ф. Хренов, начальник тыла Л. П. Грачев. 1943 г.

К. А. Мерецков вручает награды воинам, отличившимся в бою. 1942 г.

К. А. Мерецков после посадки на аэродроме «Хвойная» с летчиками-истребителями, прикрывавшими в воздухе его «Дуглас». Справа — Герой Советского Союза старший

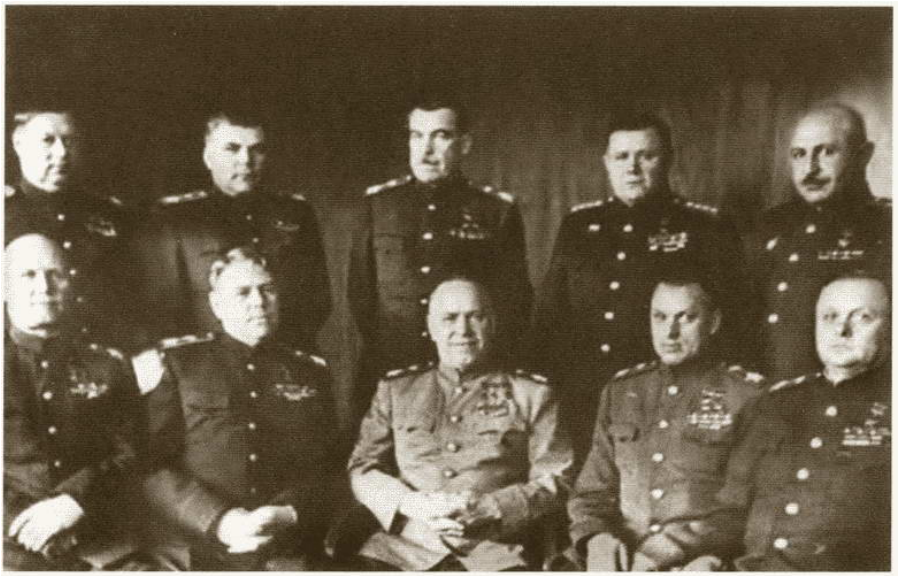
лейтенант А. П. Силантьев, будущий маршал авиации. 1942 г.

К. А. Мерецков за разработкой операции по прорыву блокады Ленинграда

12 января 1943 года — операция «Искра» началась

Командующий войсками Карельского фронта К. А. Мерецков (второй справа) осматривает боевые позиции. 1944 г.

Войска 14-й армии Карельского фронта ведут наступление на Петсамо. Октябрь 1944 г.



Командующие фронтами Великой Отечественной войны: первый ряд — И. С. Конев, А. М. Василевский, Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков; второй ряд — Ф. И. Толбухин, Р. Я. Малиновский, Л. А. Говоров, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян. 1945 г.

Сводный полк Карельского фронта во главе с Маршалом Советского Союза К. А. Мерецковым открывает Парад Победы. 1945 г.

Командующий войсками 1-го Дальневосточного фронта К. А. Мерецков. 1945 г.

Советские солдаты идут в наступление на укрепрайон японцев. Август 1945 г.

Генерал К. Н. Деревянко подписывает Акт о капитуляции Японии

К. А. Мерецков: перед ним освобожденный Порт-Артур

Командующий войсками Приморского военного округа К. А. Мерецков встречает прилетевшего из Москвы А. И. Микояна. Аэродром «Воздвиженка», сентябрь 1945 г.

Маршал К. А. Мерецков принимает парад войск в Ворошилове -Уссурийском в честь 29-й годовщины Октября. 7 ноября 1946 г.

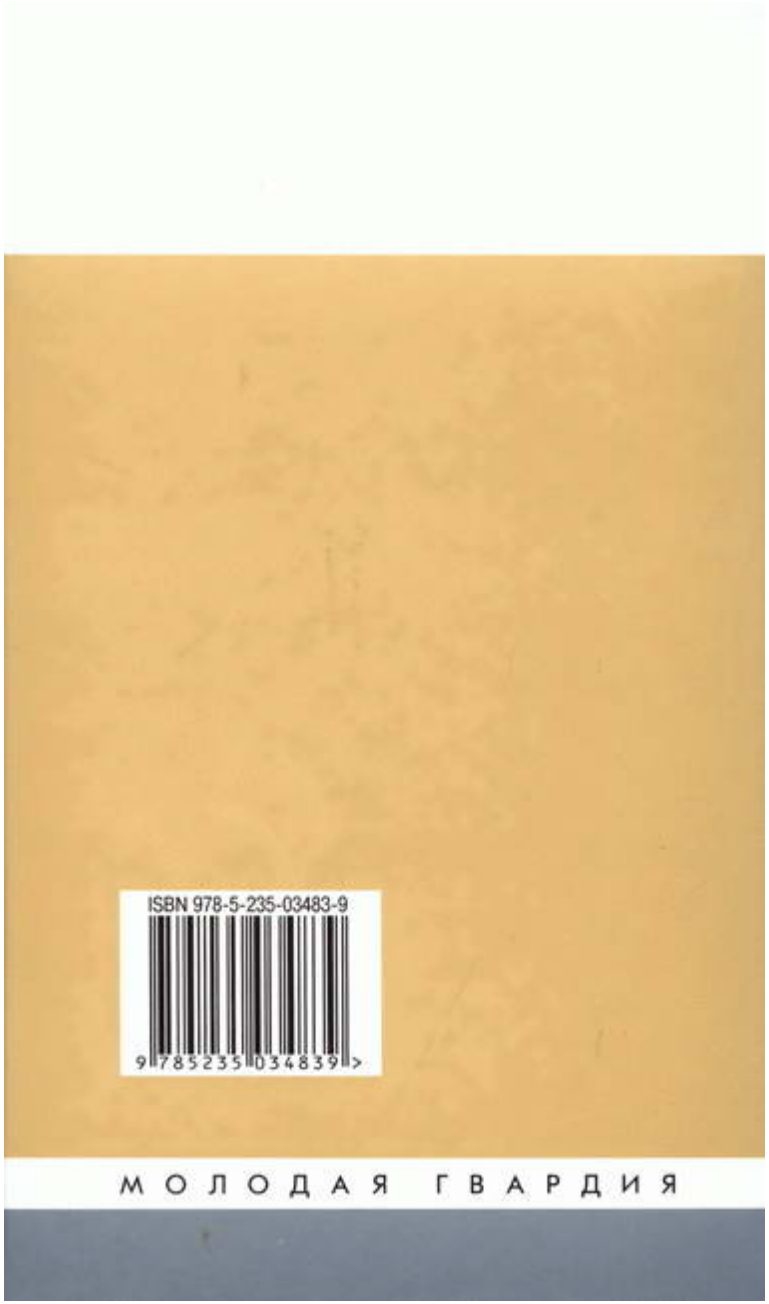
Помощник министра обороны по вузам, председатель комитета ветеранов войны К. А. Мерецков беседует с писателем Н. С. Тихоновым; слева — заместитель

председателя комитета ветеранов войны А. П. Маресьев

Место захоронения праха К. А. Мерецкова в Кремлевской стене

Памятник маршалу К. А. Мерецкову в Карелии

Генерал-полковник в отставке Владимир Кириллович Мерецков рассказывает об отце автору книги. Архангельское, 2011 г.



notes

1

28 июля 1941 года НКО СССР издал приказ № 0250 об обсуждении Верховным судом Союза ССР 22 июля 1941 года генерала армии Д.Г. Павлова, генерал-майоров В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева и А.А. Коробкова.

2

Павлов был осужден не за измену Родине, а по ст. 193-17 «б» УК РСФСР, то есть не за контрреволюционные, а за воинские преступления.

3

В 1937 году П.А. Смирнов — начальник Политического управления РККА, армейский комиссар 1-го ранга; Е. А. Щаденко — начальник Управления командного и начальствующего состава РККА, армейский комиссар 2-го ранга.

4

«Юнкерс-52» — многоместный самолет, кроме пилота и механика в нем могут разместиться 17 пассажиров. Кабина разделена на две части: передняя — для курящих пассажиров на 4 человека, задняя — на 13 человек. Эта модель самолета использовалась Гитлером в качестве личного воздушного транспорта.

5

ВНОС — Воздушное наблюдение и обнаружение самолетов.

6

РГВ А.Ф. 4. Оп. 11. Д. 62. Л. 179-182. 18

Секретные исследования. 2006. № 2/2 (98).

8

Дэвид Э. Мерфи с начала 1950-х до 1961 года был резидентом ЦРУ в Западном Берлине, в 1963—1968 годах руководил советским отделом ЦРУ. Впоследствии он предстает как историк — исследователь деятельности советских разведок в 1939—1941 годах.

9

Американский журнал на русском языке «Чайка» выписывают в России и других зарубежных странах. С журналом сотрудничают лучшие журналисты и писатели русского зарубежья и России.

Чайка. 2010. № 2 (157). 16 января.

11

Известия. 1941. № 139. 14 июня.

12

См. статью о Б.Л. Ванникове Израиля Подрабинека в интернет-газете «Каскад».

13

Первое народное (земское) ополчение для борьбы с польскими интервентами сформировалось в январе 1611 года под руководством воеводы Рязани Прокопия Ляпунова. Пытаясь выбить поляков из Москвы, Ляпунов попал в осаду. На помощь ему пришел зарайский воевода князь Дмитрий Пожарский. Освободив Ляпунова, он вернулся в Зарайск. Второе народное ополчение возникло в сентябре 1611 года. Руководителями его были Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. Оно с частью сил, оставшихся под Москвой от Первого ополчения, разбило в октябре 1612 года польскую армию и освободило столицу.

14

Зарайский краевед В.И. Полянчев много лет занимался разгадкой фамилии своего знатного земляка маршала К.А. Мерецкова. Он пришел к выводу, что наиболее вероятная версия — от речки Мереи. Вначале было прозвище «Мерейский», потом оно постепенно преобразовалось в фамилию «Мерецкий», а там — и в «Мерецков».

15

Неудобье — участок местности, неудобный для пахоты, для обработки почвы.

16

Зарайский уезд образовался в 1778 году. Указом Екатерины II он был отнесен к Рязанскому наместничеству (с 1796 года — Рязанской губернии). В 1929 году город Зарайск стал районным центром Рязанского округа в со ставе Московской области, а в 1937-м, после образования Тульской и Рязанской областей, передан непосредственно в Московскую область.

17

Речь идет о монахах Кирилле и Мефодии, первых русских печатниках, создавших азбуку кириллицу.

18

Маломочный (крестьянин) — бедный, без достаточных средств для ведения собственного хозяйства.

19

РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия основана в марте 1898 года в Минске первым учредительным съездом делегатов социал-демократических групп России. В июле 1903 года на II съезде партии произошло разделение на группы большевиков и меньшевиков. Группу большевиков возглавил В.И. Ленин. Сторонники Ленина образовали свою партию РСДРП(б).

20

В июле 1889 года Парижский конгресс II Интернационала в память о выступлении рабочих Чикаго принял решение о проведении 1 мая ежегодных демонстраций. Впервые день международной солидарности трудящихся был отмечен в 1890 году в Австро-Венгрии, Бельгии, Германии, Дании, Испании, Италии, США, Норвегии, Франции, Швеции и некоторых других странах. Отмечался он и в России как символ непримиримой классовой борьбы. После Октябрьской революции праздник в Советской республике, а затем в СССР стал официальным.

21

Под именем Арсения губернские текстильщики знали М.В. Фрунзе.

22

«Смит-вессон» — шестизарядный револьвер калибра 10,67 мм.

23

Маузер — самозарядный пистолет калибра 7,63 мм. Считался наиболее мощным личным автоматическим оружием, имел кобуру-приклад, носился на узком кожаном ремне через плечо.

24

9 (22) декабря 1917 года в Брест-Литовске состоялись переговоры между Советской республикой и Германией о сепаратном мире. Россия была не в силах продолжать войну. Германские военные круги настаивали на территориальных притязаниях. Они дали большевикам 48 часов для выполнения их требований, в противном случае угрожали захватить Петроград. Правительство Советов было вынуждено заключить очень невыгодный мир. Несмотря на сопротивление «левых коммунистов» и левых эсеров, обвинявших большевиков в измене мировой революции и предательстве национальных интересов, договор был ратифицирован 15 марта 1918 года IV Чрезвычайным съездом Советов. Через восемь месяцев Советская Россия в одностороннем порядке аннулировала Брестский договор.

Р., С. и К.Д. — рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

26

Офени — разносчики мелкого товара, которым их ссужали купцы; каждую осень отправлялись в очередное путешествие, а весной возвращались, чтобы успеть к полевым работам.

27

В первые годы после Октябрьской революции высшее военно-учебное заведение РСФСР так и называлось — Академия Генерального штаба. Сейчас это — Военная академия имени М.В. Фрунзе. Современная Академия Генерального штаба была создана позже, в 1936 году.

28

Бывшая Добровольческая армия, возглавляемая А.И. Деникиным, с января 1919 года стала именоваться Вооруженные силы Юга России (ВСЮР).

29

ОСВАГ — Осведомительное агентство, белогвардейский идеологическо-диверсионный центр, занимавшийся пропагандой и агитацией среди населения, распространением идей Белого движения. В его распоряжении имелись агитпоезда, множительная техника, к его услугам были радиостанции союзников. В числе видов деятельности ОСВАГа было изготовление фальшивых номеров советских газет, декретов и приказов и даже ложной кинохроники, фальсифицирующей действия советской власти и Красной армии. В начале марта 1920 года агентство перестало существовать.

30

Разговоры — поперечные нашивки-застежки на груди красноармейской шинели, командирского мундира в годы Гражданской войны.

31

Компьенское перемирие — заключенное в Компьенскомлесу (Франция) соглашение между Германией и странами антигерманской коалиции о прекращении военных действий положило конец Первой мировой войне.

32

Версальско-Вашингтонская система — мировой порядок, основы которого были заложены по завершении Первой мировой войны 1914—1918 годов Версальским мирным договором 1919 года, договорами с союзниками Германии. Характерной чертой этой системы была антисоветская направленность.

33

Совет народных комиссаров являлся высшим исполнительным и распорядительным органом, наделенным правом издания декретов, имеющих силу закона. Во время становления государственного аппарата РСФСР не существовало четкого разделения в компетенции органов государственной власти (например, между СНК и ВЦИК). Дублирование функций было вызвано условиями гражданской войны и иностранной интервенции, поскольку данная ситуация требовала повышенной оперативности принятия решений.

Борьба с Белой Польшей // Военный вестник. 1922. № 12. С. 7—15.

35

Должность генерального секретаря была введена 3 апреля 1922 года на Пленуме ЦК РКП (б), избранного XI съездом РКП (б), когда в этом качестве был утвержден И.В. Сталин. Первоначально она носила скорее технический характер, но к концу 1920-х годов Сталин сосредоточил в своих руках столь значительную личную власть, что должность стала ассоциироваться с высшим постом в партийном руководстве, хотя Устав ВКП (б) не предусматривал ее существование. После XVII съезда ВКП (б), состоявшегося в 1934 году, пост генерального секретаря упразднили, ЦК ВКП(б) избрал Секретариат ЦК ВКП (б) в составе А.А. Жданова, Л.М. Кагановича, С.М. Кирова и И.В. Сталина. Формального утверждения в должности генерального секретаря не проводилось, и Сталин прекратил использовать это словосочетание в официальных документах, подписываясь как «секретарь ЦК».

36

С.И. Гусев в то время был с Л.Д. Троцким не в лучших отношениях. Об этом по меньшей мере свидетельствует высказывание самого Троцкого: «…Считаю необходимым отметить, что назначение тов. Гусева председателем комиссии по Красной армии вряд ли способно обеспечить хоть в минимальной мере нормальную плодотворную работу в этой области. Полагаю, что опыт прошлого достаточно ясен и не требует с моей стороны никаких доказательств». Цит. по: *Мишанов С.А.* Военная реформа и внутриполитическая борьба в СССР: 1924—1928 гг. (по материалам запад ной историографии) // Военная реформа: история и перспективы. М., 1991. С. 36.

37

Осенью 1923 года, когда Ленин в связи с болезнью отошел от политической работы, Л.Д. Троцкий и 46 его сторонников (так называемая «платформа 46» — члены партии с дореволюционным стажем) организовали совместное выступление всех антипартийных фракций против ЦК РКП(б). Они обвиняли ЦК в неправильном руководстве, в установлении «диктатуры аппарата» и разрыве между «верхушкой» и рядовыми членами.

38

Несколькими месяцами раньше, перед тем как Мерецков был переведен в Московский военный округ, К.Е. Ворошилов был назначен командующим войсками МВО.

39

У Фрунзе была обнаружена язва желудка. По настоянию Сталина его положили в Боткинскую больницу, где ему была сделана операция, которую он не выдержал. Существует версия, что его смерть не случайна, а была организована Сталиным. Все четыре врача, оперировавших Фрунзе, умерли один за другим в 1934 году.

40

Рейхсвер *(нем. Reichswehr,* от *Reich* — государство, империя и *Wehr* — оборона) — вооруженные силы Германии в 1919—1935 годах, ограниченные по составу и численности условиями Версальского мирного договора 1919 года.

41

Вторая Испанская республика — нестабильный период в истории Испании между изгнанием короля Альфонсо XIII и триумфом военной диктатуры Франко.

42

Фаланга (исп. *Falange Espanola)* — фашистская политическая партия в Испании.

43

Стихотворение «Гренада» нередко считают посвященным событиям гражданской войны в Испании. Это не так: оно написано в 1926 году. Но пик популярности его в 1936—1938 годах, несомненно, связан с испанскими событиями. Слова «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать» стали лозунгом интернационализма.

44

С тех пор словосочетание «пятая колонна» стало нарицательным — так начали называть хорошо законспирированных агентов одной воюющей стороны в тылу у другой.

45

По докладу Ворошилова Сталину о закупках советской резидентурой через различные подставные фирмы военной техники и вооружений и о поставках из СССР техники и оружия в Испанию *(см.:* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993).

Хенераль руссо *(исп.)* — русский генерал.

47

Хунта — в Испании и странах Латинской Америки название различных объединений, группировок, союзов, государственных органов.

П.М. Арман погиб в 1943 году на Волховском фронте, ведя в бой против немецко-фашистских захватчиков танковую бригаду

49

См.: *Коломиец М., Мощанский И.* Танки Испанской республики // Танкомастер. 1998. № 2-3. С. 3-4.

Инстанцией тогда называли высшее руководство страны.

51

Колонна — у испанских анархистов боевой отрад.

52

Барселону называли индустриальным сердцем Каталонии.

53

На стороне франкистов воевали летчики немецкого легиона «Кондор». Они летали на истребителях-бипланах «Хейнкель Не-51». Советские И-16 имели явное преимущество над «хейнкелями». Германия начала поставлять новейшие «Мессершмитты Bf109», которые намного превосходили И-16: были быстрее в горизонтальном полете, в пикировании, имели больший боевой потолок. Но И-16 брали маневренностью, особенно на высоте ниже трех тысяч метров. Итальянский средний бомбардировщик «Савоя-Маркетти СМ-81» имел скорость 336 км/ч, практический потолок 7000 м, боевую нагрузку до 2000 кг бомб, стрелково-пушечное вооружение: три пулемета калибра 7,7 мм: в турелях сверху и снизу фюзеляжа и в задней части фюзеляжа.

См.: Вечерний Минск. 1998. 23 февраля. № 35 (8844).

55

Флагман флота 1-го ранга В.М. Орлов был арестован 10 июля 1937 года по обвинению в принадлежности к правотроцкистскому военно-фашистскому заговору. К нему были применены изощренные пытки, после которых он сломался и подписал ложные показания, оговорил многих невинных людей. Командарм 2-го ранга И.А. Халепский с 1929 года возглавлял Управление моторизации и механизации РККА, с 1934-го — Автомобильное управления РККА. В 1937 году назначен наркомом связи СССР. В августе был снят с поста, арестован как участник военно-фашистского заговора. На следствии назвал более ста лиц, причастных к заговору.

56

Летом 1939 года начальник Генерального штаба Сухопутных войск Германии Гальдер нанес визит в Финляндию. Его интересовала обстановка на мурманском и ленинградском стратегических направлениях. Финская общественность находилась под влиянием гитлеровской пропаганды и относилась к Гитлеру с благосклонностью.

57

Линия Маннергейма — комплекс оборонительных сооружений на Карельском перешейке, созданный для сдерживания возможного наступательного удара со стороны СССР. Длина линии составляла около 135 километров, глубина — около 90 километров. Фланги линии упирались в Финский залив и Ладожское озеро. Названа по имени маршала Финляндии Маннергейма, по приказу которого разрабатывались планы обороны Карельского перешейка еще в 1918 году. Само название «линия Маннергейма» появилось в начале зимней советско-финляндской войны. Осенью прибыла группа иностранных журналистов, чтобы ознакомиться с фортификационными работами. В то время много писалось о французской линии Мажино и германской линии Зигфрида, и сын бывшего адъютанта Маннергейма Йорма Гален-Каллела, который сопровождал иностранцев, придумал название — «линия Маннергейма». После начала зимней войны это название появилось в тех газетах, представители которых осматривали сооружения.

См.: *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Правда, 1990.

59

Тартуский мирный договор между РСФСР и Финляндией был подписан в городе Тарту (Эстония) 14 октября 1920 года по окончании гражданской войны в Финляндии и первой советско-финляндской войны 1918—1920 годов на северо-западе бывшей Российской империи. По договору к Финляндии отошел незамерзающий порт Петсамо, а Финляндия отказалась от территориальных претензий в Карелии. Были и другие выгоды у обеих сторон.

Ротными были минометы калибра 50 миллиметров.

61

Речь идет о 68-м стрелковом полке 70-й стрелковой дивизии.

РГВ А.Ф. 25888. Оп. 11. Д. 17. Л. 280.

63

Там же.

Известия. 1939. 27 ноября. № 273 (7043).

Известия. 1939. 29 ноября. № 275 (7045).

66

Советская пропаганда в 1939—1940 годах говорила о войне не с финнами вообще, а с белофиннами. Сталин все еще мыслил категориями периода Гражданской войны, то есть той эпохи, когда существовали (точнее, яростно боролись друг с другом) «красные» и «белые». В конце 1930-х годов в Финляндии было немало сторонников социализма, противники же социализма назывались в СССР белофиннами.

67

Эскарп (фр. *escarpe* — откос, скат) — противотанковое земляное заграждение в виде высокого (2—3 метра) крутого среза ската возвышенности, обращенного к противнику и имеющего крутизну 15—45 градусов.

68

Текст мирного договора и протокола к нему даются в сокращении.

И.В. Сталин и финская кампания: Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)) // Зимняя война 1939-1940: В 2 кн. М., 1999. Кн. 2.

70

Белорусский особый военный округ 11 июля 1940 года был переименован в Западный особый военный округ.

71

АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 125. Л.75,76. Рукопись, подлинник, с подписью Г.М. Маленкова. Имеются пометки и исправления.

Оборона Ленинграда 1941 — 1944 гг. Л.: Наука, 1968.

73

См.: Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть: Воспоминания. Кн. I. М.: ИИК «Московские новости», 1999. С. 618, 619.

74

Узкий проход между возвышенностями или водными преградами.

75

М.С. Хозин стал командующим войсками Ленинградского фронта в октябре 1941 года. До этого (в сентябре) был начальником штаба Ленинградского фронта, с 26 сентября 1941 года — командующим 54-й армией.

76

План вторжения Германии в СССР на восточноевропейском театре Второй мировой войны, предусматривал молниеносный разгром основных сил Красной армии западнее рек Днепр и Западная Двина, в дальнейшем захват Москвы, Ленинграда и Донбасса с последующим выходом на линию Архангельск — Волга — Астрахань.

77

Группа армий «Север» была развернута в Восточной Пруссии, на фронте от Клайпеды до Голдапа. В нее входили 16-я и 18-я армии и 4-я танковая группа — всего 29 дивизий (в том числе 6 танковых и моторизованных). Наступление поддерживал 1-й воздушный флот, имевший 1070 боевых самолетов. В задачу группы армий «Север» входило разгромить советские войска в Прибалтике, захватить Ленинград и порты на Балтийском море, в том числе Таллин и Кронштадт.

Эти соединения впоследствии сыграли важную роль в начальной фазе битвы за столицу.

79

ЦАМО.Ф. 340. Оп. 5372. Д. 7, 15.

80

Ляпин возвратился в 4-ю армию лишь во второй половине ноября.

81

Франц Гальдер — генерал-полковник, начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта в 1938—1942 годах.

82

ОКХ — главное командование сухопутных войск гитлеровской Германии.

83

Имелась в виду оперативная группа Шмидта, состоявшая из 39-го моторизованного и 28-го армейского корпусов.

84

Генерал-майор И.И. Федюнинский в ноябре—декабре 1941 года командовал 54-й армией.

Подругой версии, письмо Сталина Мерецкову привез Мехлис, прибывший на Волховский фронт в конце декабря 1941 года в качестве представителя Ставки. Это письмо сохранилось до наших дней и теперь находится в личном архиве сына маршала, Владимира Кирилловича Мерецкова.

См.: *Коняев Н.М.* Власов: Два лица генерала. М.: Вече, 2003.

87

ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 71. Л. 195. Подлинник.

См.: *Василевский Л.М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 169.

См.: Военно-исторический журнал. 1966. № 2. 338

Существует версия, что Власов в это время был в госпитале, а боевыми действиями руководил либо командующий оперативной группой А.И. Лизюков, либо начальник штаба Л.М. Сандалов.

91

Бывшая 65-я стрелковая дивизия.

92

После трагедии 2-й ударной армии и измены Власова ее вновь возглавил Н.К. Клыков (24 июля 1942 года). Пополнившись и переформировавшись, она приняла участие в Синявской операции, по завершении которой Клыков был освобожден от должности. 2 декабря командующим 2-й ударной армией стал В. З. Романовский.

93

См.: История Второй мировой войны: 1939—1945. Т. 6. С. 120; ЦАМ О.Ф. 309. Оп. 4077. Д. 31. Л. 47, 69, 70, 78.

Там же.

95

Радиосеть несла информацию для населения о налетах и воздушной тревоге. Звучал метроном: быстрый ритм означал воздушную тревогу, медленный — отбой.

Поселок Мга был освобожден только 21 января 1944 года в ходе операции по полному освобождению Ленинграда от вражеской блокады.

97

Юхо Кусти Паасикиви, братья Карл и Оскар Энкели — финские государственные деятели, находившиеся в марте 1944 года в формальной отставке. Их приезд в Москву был осуществлен с санкции маршала Маннергейма, который вскоре возьмет всю полноту власти в стране в свои руки. Паасикиви, будущий президент Финляндии, был одним из немногих финских политиков, которым доверяли в Кремле. Братьям Энкелям полностью доверял Маннергейм. Финских представителей в Москве принимали «человек № 2» в кремлевском руководстве Молотов и генерал Штеменко, которому за ночь специально сшили штатский костюм: протокол неофициальной встречи не предусматривал присутствия людей в военной форме.

Рюти Ристо, в 1940—1944 годах президент Финляндии, способствовал ее вовлечению во Вторую мировую войну на стороне Германии. *Таннер Вяйнё Альфред* — министр в правительстве Рюти, в области внешней политики стоял на антисоветских позициях.

Красная звезда. 1944. 27 октября. № 268. 378

100

В Русско-японской войне 1904—1905 годов Россия потерпела поражение, потеряв при этом Порт-Артур и Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). Япония добилась отторжения от России Южного Сахалина и прилегающих к нему островов (но не Курильских), что было закреплено в Портсмутском мирном договоре между Россией и Японией 1905 года. В Ялтинском соглашении (февраль 1945) будет сказано не о воз вращении, а о *передаче* Советскому Союзу (преемнику России) Курильских островов после разгрома Японии.

101

У Верховного главнокомандующего не было в Кремле особого кабинета — кабинет Генсека ЦК партии являлся и кабинетом Ставки.

102

Генерал-полковник М.А. Пуркаев был командующим войсками Дальневосточного фронта. Весной 1943 года он сменил на этом посту генерала армии И.Р. Апанасенко.

103

См.: Московский литератор. 2005. N° 8. 392

104

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — состоялась 17 июля — 2 августа 1945 года в Потсдаме. Это была третья и последняя встреча «большой тройки» антигитлеровской коалиции. На ней решалась судьба Германии. Сталин снова подтвердил свое обязательство после капитуляции Германии объявить войну Японии. В Потсдаме обозначились многие противоречия между союзниками, приведшие в последующем к холодной войне.

105

До перевода на Дальний Восток И.М. Чистяков командовал 6-й гвардейской армией 1-го Прибалтийского фронта.

106

А.П. Белобородов до этого возглавлял 43-ю общевойсковую армию в составе 3-го Белорусского фронта.

107

В 216 году до н. э. во время войны Карфагена с Римом на юге Италии у крепости Канны карфагенские войска разгромили 70-тысячную римскую армию. Сражение при Каннах вошло в историю военного искусства как образец уничтожения противника путем его полного окружения.

108

«Манхэттенский проект» — кодовое название программы США по разработке ядерного оружия, осуществление которой началось 17 сентября 1943 года. В рамках проекта были созданы три атомные бомбы: плутониевая «Тринити» (взорвана при первом ядерном испытании), урановый «Малыш» (сброшена на Хиросиму 6 августа 1945 года) и плутониевый «Толстяк» (сброшена на Нагасаки 9 августа 1945 года). Однако некоторые источники утверждают, что на Нагасаки была сброшена не плутониевая, а урановая бомба. Проектом руководили американский физик Роберт Оппенгеймер и генерал Лесли Гровс.

109

Потсдамская декларация была принята 26 июля 1945 года в рамках Потсдамской конференции от имени правительств Великобритании, США и Китая. Она настаивала на безоговорочной капитуляции Японии. 28 июля японское правительство отклонило требования декларации. 8 августа к Потсдамской декларации присоединился СССР.

110

См.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978. С. 533.

111

Орденом «Победа» были награждены всего 17 человек: 11 Маршалов Советского Союза, три из них дважды, и один генерал армии. Кроме то го, кавалерами этого ордена стали пять иностранных граждан.

См.: Известия. 1945. 4 сентября.

113

Полуостров на юго-востоке Китая.

114

По распоряжению И.В. Сталина после войны в живописном хвойном лесу в Архангельском под Москвой были выделены для Маршалов Советского Союза участки земли и возведены на них благоустроенные коттеджи с хозяйственными постройками.

115

Книга Екклесиаста, или Проповедника — в христианской Библии помещается среди Соломоновых книг, а в еврейской Библии — между «Плачем Иеремии» и книгой Есфирь. Название книги в греческом переводе с иврита Екклесиаст, а в русском — Проповедник.